~~891.733~~
~~P674~~
~~1910~~

~~v. 4~~

BOOK 891.733.P674 1910 v.4 c.1
PISEMSKII # POLNOE SOBRANIE
SOCHINENII

3 9153 00201574 3

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
Boston Library Consortium Member Libraries

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso04pise

PG
3339
.P5
1910
t.4

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

Т. 4

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ автобіографіей и двумя портретами А. Ѳ. Писемскаго и съ критико-біографическимъ очеркомъ В. В. Зелинскаго.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1910 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1910.

891.733
P674
1910
v.4

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Измайл. просп. № 29.

СТАРЧЕСКІЙ ГРѢХЪ.

Совершенно романическое приключеніе.

I.

Если вамъ когда-нибудь случалось взбираться по крутой и постоянно чѣмъ-то воняющей лѣстницѣ зданія присутственныхъ мѣстъ въ городѣ П—ѣ и тамъ, на самомъ верху, повернувъ направо, проникать сквозь неуклюжую и съ вѣчно надломленнымъ замкомъ дверь въ цѣлое отдѣленіе низенькихъ и сильно грязноватыхъ комнатъ, помѣщавшихъ въ себѣ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія, то вамъ, конечно, бросался въ глаза сидѣвшій у окна передъ дубовой конторкой чиновникъ, лѣтъ уже далеко за сорокъ, съ крупными чертами лица, съ всклоченными волосами и бакенбардами, широкоплечій, съ жилистыми руками и съ болѣе еще неуклюжими ногами. Это былъ бухгалтеръ приказа, Іосафъ Іосафычъ Ферапонтовъ. На немъ, какъ и на прочей канцеляріи, былъ такой же истасканный вицмундиръ, такіе же уродливые, съ сильно выдавшимся большимъ пальцемъ, сапоги, такія же засаленныя брюки, съ слѣдами чернилъ и табаку на колѣняхъ, и только въ довольно мрачномъ выраженіи лица его какъ-то не было видно того желчнаго раздраженія отъ безпрестанно волнующейся мелкой мысли, которое, надобно сказать, было присуще почти всей остальной приказной братіи. Видимо, что бухгалтеръ думалъ и размышлялъ о болѣе возвышенныхъ и благородныхъ предметахъ, чѣмъ его подчиненные. Несмотря на это, кажется бы, преимущество съ его стороны, онъ, собственно, за свою наружность и былъ не совсѣмъ любимъ начальствомъ. Всѣ новые губернаторы, вступая въ должность и посѣщая въ первый разъ приказъ, получали объ немъ самое невыгодное мнѣніе, можетъ-быть,

1/30/68

потому, что въ то время, какъ всѣ прочіе чиновники встрѣчали ихъ съ подобострастно: веселымъ видомъ, одинъ только Іосафъ стоялъ у своей конторки, какъ медвѣдь, на котораго шли съ рогатиной.

— У васъ бухгалтеръ, должно-быть, скотина, — замѣчалъ обыкновенно губернаторъ члену приказа.

— Для службы-то, ваше превосходительство, очень ужъ полезенъ, — отвѣчалъ тотъ на это тономъ глубокаго сожалѣнія: — у насъ тоже дѣло денежное: вотъ, бывало, и предмѣстникъ вашего превосходительства, какъ за каменной стѣной, за нимъ спокойно почивать изволили.

— Гм!.. — произносилъ глубокомысленно губернаторъ.

И только этимъ бухгалтеръ спасался на своемъ мѣстѣ. Каждый день, съ восьми часовъ утра до двухъ часовъ пополудни, Ферапонтовъ сидѣлъ за своей конторкой, то просматривая съ большимъ вниманіемъ лежавшую передъ нимъ толстую книгу, то прочитывая какія-то бумаги, то наконецъ устремляя печальный взглядъ на довольно продолжительное время въ окно, изъ котораго виднѣлась колокольня, нѣсколько домовыхъ крышъ и клочокъ неба. О чемъ бухгалтеръ думалъ въ это время, — сказать трудно; но по всему замѣтно было, что мысль его была шире того небольшого пространства, въ которомъ являлся ему Божій міръ сквозь канцелярское окно, шире и глубже даже тѣхъ мыслей, которыя заключались въ цифрахъ лежавшей передъ нимъ книги.

Часовъ съ одиннадцати обыкновенно въ приказъ начинала собираться публика, и первые являлись купцы съ вкладами. Случалось такъ, что какой-нибудь изъ нихъ, забѣжавъ наскоро въ приказъ, тяжело дыша и съ безпокойными глазами, прямо обращался къ бухгалтеру:

— Членъ здѣся-тко-съ, али нѣтъ?

— У губернатора, — отвѣчалъ Ферапонтовъ.

— Эхма-тка! — говорилъ купецъ, прищелкнувъ языкомъ и почесавъ въ затылкѣ: — деньжонки бы внести надо... задержать, пожалуй!.. А дѣловъ-то... дѣловъ...

— Давайте, — говорилъ ему на это лаконически Іосафъ, и купецъ, нимало не задумываясь, вытаскивалъ изъ кармана иногда тысячъ пять, шесть, десять серебромъ и отдавалъ ихъ ему на руки, твердо увѣренный, что завтра же получитъ на нихъ билетъ.

Всѣ помѣщики, имѣнія которыхъ были заложены въ приказѣ, тоже знали Іосафа и тоже прямо обращались къ нему. Болѣе смирные изъ нихъ даже чувствовали къ нему нѣкоторый страхъ.

— Асафъ Асафычъ! А Асафъ Асафычъ! — говорили они, подходя не безъ робости къ его конторкѣ (бухгалтеръ не любилъ на первый зовъ откликаться). — А что̀, имѣніе мое назначено въ продажу? — заключалъ проситель уже жалобнымъ голосомъ.

Ферапонтовъ взглядывалъ на него. Имени онъ почти ни у кого не спрашивалъ и каждаго узнавалъ по лицу.

— Сахаровыхъ? — произносилъ онъ, развертывая толстую книгу.

— Сахаровыхъ, — отвѣчалъ робко помѣщикъ.

— 17 апрѣля назначено въ продажу, — отвѣчалъ Ферапонтовъ.

Помѣщикъ окончательно терялся.

— Да какъ же это, ей-Богу, вотъ тѣ и разъ!—произносилъ онъ почти со слезами на глазахъ.

Бухгалтеръ иногда, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, снова развертывалъ книгу и, просмотрѣвъ ее внимательно, произносилъ:

— Перезаложите. Перезаложить можно.

— Можно? — спрашивалъ помѣщикъ съ расцвѣтающимъ лицомъ.

— Можно. А вы и не знали того? — говорилъ Іосафъ Іосафычъ; въ голосѣ его слышалась легкая насмѣшка.

Помѣщикъ отъ радости почти въ прискочку уходилъ изъ приказа.

— Предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя!.. — произносилъ ему вслѣдъ столоначальникъ перваго стола, большой шутникъ и зубоскалъ. При этомъ молодые писцы самымъ искреннимъ образомъ фыркали себѣ подъ носъ, а которые постарше, улыбались и качали головами. Одинъ только Іосафъ въ подобныхъ случаяхъ хоть бы бровью поводилъ. Онъ вообще съ канцеляріей никогда не вступалъ ни въ какого рода посторонніе разговоры и былъ строгъ; въ особенности, почти что гоненію съ его стороны подвергались молодые, недоучившіеся дворяне, поступившіе на службу такъ только, чтобы вилять отъ нея хвостомъ. Въ концѣ почти каждаго мѣсяца онъ вдругъ входилъ въ присутственную комнату и начиналъ мрачно смотрѣть въ окно.

— Что̀ вы тутъ: на что глядите? — спрашивалъ его непремѣнный членъ.

— Такъ, ни на что-съ,—отвѣчалъ Іосафъ и потомъ, послѣ короткаго молчанія, прибавлялъ: — Петрова бы вотъ надо совсѣмъ изъ службы выгнать.

— А что̀ такое? — спрашивалъ непремѣнный членъ съ нѣ-

которымъ испугомъ. Петровъ былъ, какъ извѣстно, личнымъ протеже начальника губерніи.

— А то, что ужъ ружье завелъ, — отвѣчалъ Ферапонтовъ.

— Скажите, пожалуйста!—произносилъ непремѣнный членъ горестно-удивленнымъ тономъ и звонилъ.

— Позвать Петрова! — говорилъ онъ.

И Петровъ, очень еще молодой человѣкъ, съ вольнодумно отпущенными усиками и съ какою-то необыкновенно длинною шеей, въ тоненькомъ, легонькомъ галстукѣ и въ прюнелевыхъ ботинкахъ вмѣсто сапогъ, являлся.

— Вы ужъ ружье завели? — спрашивалъ его непремѣнный членъ.

Петровъ вспыхивалъ до самыхъ ушей.

— Я, помилуйте, Михайла Петровичъ, взялъ только у товарища на подержаніе... Помилуйте-съ! — отвѣчалъ онъ прерывисто нетвердымъ голосомъ.

— На подержаніе вы взяли!.. — возражалъ ему бухгалтеръ: — цѣлый день продуваете да замокъ отвинчиваете... Что-нибудь одно: либо за утичьими хвостами бѣгать, либо служить.

— Я служить стараюсь! — говорилъ Петровъ, обращаясь болѣе къ непремѣнному члену.

— Кабы старались, такъ бы не то и было, — возражалъ ему снова бухгалтеръ. — Мать-то этта пріѣзжала и почесть что въ ногахъ валялась и плакала: послѣднюю послѣ отца шубенку въ три листика проиграли!.. Еще дворянинъ! Точно зараза какая... только другихъ портите и развращаете.

— Что жъ, маменька, конечно, что вольна все говорить,— отвѣчалъ Петровъ, опуская невиннѣйшимъ образомъ глаза въ землю.

— Всѣ на васъ говорятъ!—произносилъ съ досадой Іосафъ и уходилъ изъ присутствія.

За такого рода суровость, а главное, я думаю, и за образъ своей жизни, онъ и прозванъ былъ отъ своихъ подчиненныхъ «отче Іосафій».

Но въ самомъ ли дѣлѣ этотъ человѣкъ былъ таковъ?.. Нѣтъ, и тысячи разъ нѣтъ!..

II.

Какъ ни давно это было, но мы еще очень хорошо помнимъ сквернѣйшій сентябрьскій день, сырой, холодный; помнимъ длинную залу, тоже сырую и холодную, съ распростертыми надъ нами по потолку ея всевозможными богами

Олимпа,—залу почти безъ всякихъ слѣдовъ жилья человѣческаго. Посрединѣ ея стоялъ огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ. По двумъ стѣнамъ шли сплошь шкапы съ книгами и съ стоявшими наверху ихъ греческими мудрецами. Тщетно старался я прочитать заглавія нѣкоторыхъ книгъ и ничего не понялъ. Какая-то экзегетика, герменевтика и тому подобное... Богъ знаетъ что̀ такое. По третьей стѣнѣ, подъ портретомъ государя, нарисованнаго въ коронѣ и порфирѣ, стояли мы, человѣкъ тридцать мальчиковъ, въ новенькихъ вицмундирчикахъ и съ глубокой тоской на сердцѣ отъ грядущей намъ будущности. По четвертой стѣнѣ, у оконъ, размѣщались на креслахъ наши родители. Маменька Сокальскаго, напримѣръ, очень полная и нарядная дама, чрезвычайно важничала: развалившись въ креслахъ, она съ такимъ видомъ играла своей лорнеткой, которымъ явно хотѣла показать, что она дѣлаетъ величайшую честь этому мѣсту, въ которое, по чувству материнской любви, рѣшилась прійти и просидѣть полчаса. Папенька Арнаутова, кривой помѣщикъ, сдавалъ сына на выучку, кажется, точно съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ онъ засыпалъ и рожь на мельницѣ. «Было бы-де всыпано, а тамъ и баста; само смелетъ, какъ надо!». Вице-губернаторскихъ дѣтей, двухъ братьевъ, привелъ худощавый французъ-гувернеръ и, видимо, не желая, чтобы они смѣшались съ плебеями, поставилъ ихъ вдали отъ нашей группы, а самъ присѣлъ на окнѣ и съ какимъ-то особеннымъ эффектомъ вывернулъ голени у ногъ. Я съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на его узенькія, нѣжно-пепельнаго цвѣта брюки, и невольно, сравнивъ ихъ съ сильно вытянутыми на колѣняхъ штанами учителя математики, а также и съ толстыми, сосископодобными ногами учителя нѣмецкаго языка, я тутъ же убѣдился, что одна только французская нація достойна носить узенькія панталоны, тогда какъ прочему человѣчеству рѣшительно слѣдуетъ ходить въ шароварахъ. Дѣтей жандармскаго полковника, тоже двухъ братьевъ, привелъ солдатъ-жандармъ и почему-то очутился тутъ же въ залѣ между родителями. Онъ преспокойно стоялъ въ простѣнкѣ и стѣснялся отчасти только тѣмъ, что носъ его, болѣе привыкшій находиться на улицѣ и въ холодныхъ сѣняхъ, чѣмъ въ теплыхъ апартаментахъ, очень ужъ разнѣжился, такъ что онъ безпрестанно принужденъ былъ подтирать его своей бѣлой рукавицей. Вблизи отъ него и даже очень дружелюбно обращаясь къ нему съ разнаго рода семейными разговорами, сидѣлъ секретарь гражданской палаты, тоже приведшій сынишку, съ отгнившими почти отъ золотухи ушами.

— Ты, вѣрно, дядькой при дѣтяхъ? — говорилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я на кухнѣ, при поварахъ; поварамъ подсобляю, — отвѣчалъ жандармъ.

— Такъ, такъ... А что полковница-то родила, али еще нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ждется еще пока... что Богъ дастъ.

— Такъ, такъ! — заключалъ секретарь и начиналъ играть серебряной табакеркой, внушавшей сильное подозрѣніе, что это былъ даръ за измѣну Ѳемидѣ.

Между всѣми этими лицами, надобно сказать, болѣе всѣхъ поразилъ мое дѣтское вниманіе мизерный чиновничишка въ поношенномъ вицмундиришкѣ, въ худенькихъ штанахъ и въ дырявыхъ сапогахъ. Онъ безпрестанно ежился, шевелился, какъ будто бы его сейчасъ только круто посолили и посыпали сверху перцемъ. Онъ то садился на самый краешекъ стула, то вскакивалъ и подбѣгалъ къ секретарю, кланялся передъ нимъ, что-то такое разсказывалъ ему, и тотъ на все это отвѣчалъ ему съ обязательнымъ полупрезрѣніемъ. Не ограничиваясь секретаремъ, чиновничишка относился даже къ m-me Сокальской, но та ужъ ему ничего не отвѣчала. Отъ родителей чиновникъ перебѣгалъ къ нашей группѣ и, обдавъ насъ сильнымъ запахомъ водки, прямо обращался къ довольно шершавому малому лѣтъ 16-ти, одѣтому тоже въ вицмундирчикъ; но, Боже мой, въ какой вицмундирчикъ: сшитый не только что изъ толстаго, но даже разноцвѣтнаго сукна, такъ что туловище у него приходилось темно-синее, а рукава голубые. Чиновничишка съ самымъ строгимъ видомъ что-то такое, должно-быть, внушалъ ему. Мальчикъ, въ свою очередь, тоже строго смотрѣлъ на него и сохранялъ упорное молчаніе. Вошли директоръ (черноволосый мужчина, съ необыкновенно густыми и длинно отросшими бровями), и за нимъ, какъ гіена, выступалъ сутуловатый и какъ бы вся и все высматривающій инспекторъ. Мы всѣ невольно сдѣлали движеніе вытянуть руки по швамъ. Родители привстали. Жандармъ проворно отнялъ отъ носу бѣлую рукавицу. Чиновничишка поклонился ученому начальству самымъ унизительно-подлымъ образомъ. Директоръ началъ читать списокъ поступившихъ въ гимназію:

— Павелъ Аскановъ?

— Я! — пискнулъ бѣлокуренькій мальчикъ.

— Гавріилъ Бѣляевъ?

— Я! — отвѣчалъ еще тоньше уже черноволосый мальчикъ.

— Михаилъ Гавренко?

— Я! — отвѣчалъ тоже тонко и тоже брюнетикъ.

Словомъ, постоянно почти слышались нѣжные дисканты, но вдругъ директоръ, нѣсколько замявшись въ языкѣ, произнесъ:

— Іосафъ Ферапонтовъ?

— Я!—отвѣчалъ на это почти мужской уже басъ, такъ что мы всѣ невольно оглянулись.

Это откликался мальчикъ съ разными рукавами. Директоръ тоже, кажется, былъ озадаченъ.

— Г. Ферапонтовъ?—повторилъ онъ.

— Я-съ, — отвѣчалъ мальчикъ тѣмъ же невозмутимымъ голосомъ.

— Подойдите сюда.

Ферапонтовъ подошелъ.

Въ это время, нѣсколько сбоку, къ директору приблизился и чиновничишка.

На лицѣ почтеннаго педагога вдругъ изобразился ужасъ. Пожимая плечами и все болѣе и болѣе закидывая голову назадъ, онъ произнесъ:

— Что̀ такое? Что̀ такое? Гдѣ мы? Не въ эѳіопскихъ ли степяхъ? Какіе у васъ рукава? Гимназистъ вы или арлекинъ?

Все лицо мальчика загорѣлось стыдомъ. Видимо, что это была самая больная для него струна. Вмѣсто него сталъ отвѣчать чиновничишка.

— Ну, батюшка, что̀ жъ? Виноватъ, не имѣю состоянія. Не погубите, благодѣтель: не имѣю чѣмъ одѣть лучше,—проговорилъ онъ и, ни много ни мало, бухъ директору въ ноги.

Я видѣлъ, что мальчикъ при этомъ вздрогнулъ. Директоръ тоже возмутился подобнымъ самоуниженіемъ.

— Встаньте, я не Богъ вашъ и не царь!—произнесъ онъ недовольнымъ голосомъ и потомъ, обращаясь къ мальчику, прибавилъ:—Который вамъ годъ?

— Шестнадцатый,—отвѣчалъ онъ.

Директоръ нѣсколько времени смотрѣлъ ему прямо въ лицо самымъ оскорбительнымъ образомъ.

— Гм!.. Шестнадцатый годъ и всего только въ первомъ классѣ!—произнесъ онъ насмѣшливо. — Зачѣмъ ужъ было въ такомъ случаѣ поступать къ намъ и своей шерстью портить цѣлое стадо?

— Говорено было, благодѣтель, ему это, такъ вѣдь упрямецъ, — подхватилъ вмѣсто сына чиновничишка, чуть не до земли кланяясь директору: — лучше бы въ службу шелъ да помогалъ бы чѣмъ-нибудь отцу, а я что̀? Не имѣю состоянія,—виноватъ!

— Ступайте на свое мѣсто! — обратился директоръ къ мальчику.

Тотъ пошелъ. Какъ ни старался онъ смигнуть слезы, но онѣ противъ воли текли по его щекамъ.

Когда насъ распустили и мы стали въ прихожей надѣвать наши шинельки, мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, что̀ надѣнетъ на себя Ферапонтовъ, но онъ пошелъ такъ, въ одномъ только вицмундирчикѣ. «Такъ вотъ отчего,—подумалъ я: — отъ него такъ пахнетъ сыростью. Онъ и въ гимназію, видно, пришелъ насквозь пробитый дождемъ». Чиновничишка, накинувъ на себя какое-то вретище вмѣсто шинели, поплелся тоже за нимъ и началъ опять ему что-то толковать и внушать. Мальчикъ пошелъ, потупя голову.

Очень скоро послѣ того между всѣми нами узналось, что гадкій чиновничишка былъ нѣкогда служившій въ консисторіи архиваріусъ, исключенный изъ службы за пьянство и дебоширство, а разношерстый Ферапонтовъ (прозвище, которое мальчикъ получилъ на самыхъ первыхъ порахъ) былъ родной сынъ его. Жили они въ слободѣ, версты за четыре отъ гимназіи, въ маленькомъ развалившемся домикѣ, и мальчикъ, говорятъ, даже стряпалъ у отца за кухарку. Каждое утро онъ являлся въ классъ, облитый пòтомъ, хотя попрежнему ходилъ въ одномъ только вицмундирчикѣ. Нанковая чуйка съ собачьимъ воротникомъ появилась на его плечахъ только въ началѣ ноября. Онъ приходилъ обыкновенно съ обѣдомъ, и мнѣ всегда очень хотѣлось узнать, что̀ такое онъ приносилъ съ собою, старательно завернутое въ сахарную бумагу. Мы всѣ, напримѣръ, очень хорошо знали, что дѣтямъ жандармскаго полковника, съ тѣмъ же жандармомъ, присылали всегда изъ родительскаго дома и котлетъ и жареной курицы, вкусный запахъ которыхъ, пробиваясь изъ оловянной миски, сильно раздражалъ наши голодныя ноздри; но что̀ ѣлъ Іосафъ и гдѣ совершалъ этотъ актъ, никому не было извѣстно!

Однажды мы сидѣли въ классѣ математики. Учитель ея, жестокосердѣйшій меланхоликъ, сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость. Собственно ученіемъ онъ насъ не обременялъ, но наблюдалъ болѣе всего тишину и спокойствіе въ классѣ. Мы всѣ сидѣли какъ мухи, прихваченныя морозомъ. Вдругъ бѣлобрысый Аксановъ, оказавшійся ужасно гадкимъ мальчишкой, всталъ.

— Никита Григорьичъ, — началъ онъ пищать своимъ тоненькимъ голосомъ: — позвольте мнѣ пересѣсть. Съ Ферапонтовымъ сидѣть нельзя-съ: онъ луку наѣлся.

Учитель мрачно и вопросительно взглянулъ на него.

— Лукомъ дышитъ на меня-съ, сидѣть около него невозможно-съ,—объяснилъ Аксановъ.

Учитель наконецъ понялъ его.

— Ферапонтовъ, подите сюда,—проговорилъ онъ.

Ферапонтовъ, весь вспыхнувъ, подошелъ.

— Дохните на меня.

Ферапонтовъ дохнулъ.

— Фай!—произнесъ учитель, проворно отворотивъ носъ. — И не стыдно вамъ это?.. Не стыдно благородному мальчику дѣлать такія гадости?

Ферапонтовъ молчалъ.

— Подите на колѣни.

Ферапонтовъ, не поднимая глазъ, пошелъ и сталъ, а учитель снова погрузился въ свою задумчивость.

Съ ударомъ звонка Ферапонтовъ всталъ и сѣлъ-было на свое мѣсто, но Аксановъ опять къ нему привязался.

— Луковникъ, луковникъ! — дразнилъ онъ его, вертясь передъ нимъ.

— Отстань!—повторялъ ему нѣсколько разъ Іосафъ, съ тѣмъ терпѣливымъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно большія собаки гоняютъ маленькихъ шавокъ.

Но Аксановъ не унимался.

— Луковникъ, луковникъ!.. разноперый луковникъ!.. — говорилъ онъ и дернулъ Ферапонтова за его голубой рукавъ.

Движенія этого было достаточно. Я видѣлъ, какъ лицо Іосафа мгновенно вспыхнуло, и въ ту же минуту раздался страшнѣйшій ударъ пощечины, какой когда-либо я слыхивалъ, и мнѣ кажется, что въ этомъ безпощадномъ ударѣ у Іосафа выразилась не столько злоба къ врагу, сколько ненависть и отвращеніе къ гадкому человѣчишку. Аксановъ перелетѣлъ черезъ скамейку. Изо рта и изъ носу его брызнула кровь. Заревѣвъ во все горло, онъ бросился жаловаться къ инспектору, отъ котораго и снизошло приказаніе: стать Ферапонтову на колѣни на цѣлую недѣлю. Іосафъ снесъ это наказаніе, ни разу не попытавшись ни оправдаться ни попросить прощенія. А между тѣмъ учиться онъ началъ рѣшительно лучше всѣхъ насъ: запинаясь, заикаясь и конфузясь, онъ обыкновенно начиналъ отвѣчать свои уроки и всегда ихъ зналъ, такъ что къ концу года за прилежаніе, а главное, я думаю, за возмужалый возрастъ, онъ и сдѣланъ былъ у насъ въ классѣ старшимъ. Какъ теперь помню я его неуклюже-добродушную фигуру, когда онъ становился у каѳедры наблюдать за нашимъ поведеніемъ, повторяя изрѣдка: «пожалуйста, перестаньте, право, придутъ!». Въ черновую книгу онъ никогда никого не записывалъ, и только когда какой-нибудь шалунъ начиналъ очень ужъ бѣситься, онъ подходилъ къ нему, самолично схватывалъ его

за волосы, стягивалъ ихъ такъ, что у того кровью наливались глаза, и молча сажалъ на свое мѣсто, потомъ снова становился у каѳедры и погружался въ ему только извѣстныя мысли.

Съ третьяго класса насъ вдругъ начали учить маршировать и кричать въ одинъ голосъ: «ура!» и «здравія желаемъ!». Инспектору (особѣ, кажется бы, по происхожденію своему изъ духовнаго званія) чрезвычайно это понравилось. Онъ мало того, что лично присутствовалъ на нашихъ ученьяхъ, но и самъ пожелалъ упражняться въ сихъ экзерсиціяхъ и нарочно пришелъ для этого въ одну изъ перемѣнъ между классами.

— Погодите, дѣти, — сказалъ онъ, сдѣлавъ намъ лукавую мину: — я взойду къ вамъ, аки бы генералъ, и вы привѣтствуйте меня единогласнымъ: «ура!».

Распорядясь такимъ образомъ, онъ ушелъ.

— Не вставать! не откликаться ему! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Іосафъ почесалъ только голову.

Между тѣмъ два сторожа торжественно отворили дверь, и инспекторъ въ полномъ мундирѣ, при шпагѣ, съ треугольной шляпой и съ глупо улыбающимся лицомъ, вошелъ.

— Здравствуйте, дѣти! — произнесъ онъ добродушнѣйшимъ голосомъ.

Никто ни слова.

Инспекторъ позеленѣлъ.

— Говорятъ вамъ, здравствуйте, скоты этакіе, — повторилъ онъ.

Новое молчаніе.

— А! заговоръ! — могъ только выговорить онъ и ушелъ.

«Въ третьемъ классѣ бунтъ, заговоръ!» — разнеслось страшнымъ гуломъ по всей гимназіи. — «Завтра будетъ разборка», — послышалось затѣмъ, и дѣйствительно: на другой день насъ позвали въ залу съ олимпійскими богами. Проходя переднюю, мы замѣтили всѣхъ трехъ сторожей въ новыхъ вицмундирахъ и съ сильно нафабренными усами. Между ними виднѣлась и зловѣщая скамейка, а въ углу лежало такое количество розогъ, что ихъ достало бы запороть на смерть цѣлую роту. Сердца наши невольно екнули. Когда мы вошли въ залу, директоръ инспекторъ и весь сонмъ учителей былъ уже въ сборѣ. Суровое выраженіе лицъ ихъ не предвѣщало ничего добраго. Насъ построили въ три шеренги.

— Поступокъ вашъ, — началъ директоръ, насупливая свои густыя брови и самымъ зловѣщимъ тономъ: — выше всякой мѣры, всякаго описанія!.. Это не простая шалость, которую

можно простить и наказать. Тутъ стачка!.. заговоръ!.. Это дѣйствіе противъ правительства... шагъ противъ царя. Вы всѣ пойдете подъ красную шапку. Не разсчитывайте на то, что вы дворяне и малолѣтки. Мы всѣхъ васъ упечемъ въ кантонисты!

Произнося послѣднія слова, онъ пріостановился и нѣсколько времени наблюдалъ эффектъ, который произвелъ этой рѣчью. Что это за дѣйствіе противъ правительства, и почему это шагъ противъ царя, мы рѣшительно ничего не поняли, но сочли за нужное тоже имѣть, съ своей стороны, лица мрачныя.

— И только святая обязанность,—продолжалъ директоръ:— которую мы, присягая крестомъ и евангеліемъ, приняли на себя (при этихъ словахъ онъ указалъ на образъ)... обязанность, — повторилъ онъ съ удареніемъ: — исправлять вашу нравственность, а не губить васъ, заставляетъ насъ предполагать, что бо́льшая часть изъ васъ были вовлечены въ это преступленіе неумышленно, а потому хотимъ только наказать зачинщиковъ. Извольте выдавать ихъ.

Прошло нѣсколько минутъ, но отвѣта на этотъ вызовъ не послѣдовало.

— Г. Ферапонтовъ, выдьте на середину!—проговорилъ директоръ, какъ бы на что-то рѣшившись.

Ферапонтовъ вышелъ.

— Вы, какъ старшій класса, должны отвѣчать первый.

Іосафъ сначала посмотрѣлъ ему въ лицо, потомъ отвелъ глаза въ уголъ на печку, потупилъ ихъ и ни слова не отвѣчалъ.

— Я васъ спрашиваю: кто зачинщики? — повторилъ директоръ.

— Я не знаю-съ,—проговорилъ наконецъ Ферапонтовъ.

— А! не знаете! Розогъ! — произнесъ директоръ, сколько только могъ спокойнымъ голосомъ.

Іосафъ слегка поблѣднѣлъ, но молчалъ.

— Розогъ! — повторилъ директоръ уже болѣе грознымъ голосомъ.

Учитель чистописанія и рисованія поспѣшилъ исполнить его приказаніе. Вошли сторожа съ скамейкой и съ лозами.

— Я васъ спрашиваю въ послѣдній разъ: кто зачинщики? Извольте или отвѣчать, или раздѣваться.

Ферапонтовъ не дѣлалъ ни того ни другого.

— Раздѣваться! — крикнулъ наконецъ директоръ, стукнувъ по столу.

— Нѣтъ-съ, я не дамся сѣчь, — произнесъ вдругъ Іосафъ.

Мы всѣ невольно вздрогнули. Директоръ откинулся на задокъ

кресла. Инспекторъ сдѣлалъ только жестъ удивленія руками, а законоучитель возвелъ очи свои горѣ и вздохнулъ.

— Раздѣть его! — произнесъ директоръ уже шипящимъ голосомъ.

Два сторожа подошли къ Ферапонтову.

— Что̀ жъ, ваше благородіе, разболокайтесь!—проговорилъ одинъ изъ нихъ и взялъ-было его за бортъ сюртука. Но Іосафъ въ ту же минуту ударилъ его наотмашь по мордѣ, а другого толкнулъ въ грудь, такъ что тотъ едва устоялъ на ногахъ; а самъ, перескочивъ черезъ скамейку, убѣжалъ. Двое остальныхъ сторожей погнались за нимъ. Мы слышали ихъ тяжелые и быстрые шаги по коридору.

Весь ученый комитетъ поднялся на ноги. Директоръ и инспекторъ нѣсколько времени стояли другъ противъ друга и ни слова не могли выговорить, до того ихъ сердца преисполнились гнѣва и удивленія. Учителя, которые были поумнѣе, незамѣтно усмѣхались. Прошло, по крайней мѣрѣ, четверть часа тяжелаго и мрачнаго ожиданія. Наконецъ двое запыхавшихся сторожей возвратились и донесли, что Ферапонтовъ сначала перескочилъ черезъ одинъ заборъ, потомъ черезъ другой, черезъ третій, и скрылся въ переулкѣ.

— А! хорошо! — проговорилъ директоръ, снова овладѣвъ собой. — Хорошо! — повторилъ онъ,—и затѣмъ началась разборка; стали сѣчь черезъ четвертаго пятаго: Ахтуровъ указалъ на Вистулова и Пеклиса; Вистуловъ сказалъ, что зачинщиками были Кантыревъ и Жиловъ; Жиловъ оговорилъ Пеклиса; словомъ, всѣ сподличали, и всѣхъ пересѣкли. Обильное количество розогъ было сполна употреблено въ дѣло. Мы всѣ разошлись по домамъ, кто прихрамывая, кто всхлипывая, и всѣ съ глубоко-ожесточенными сердцами, а когда на другой день насъ снова потянули въ залу, мы дали другъ другу смертельную клятву поступить такъ же, какъ и молодецъ Ферапонтовъ. Но насъ ожидало совершенно другое зрѣлище. Директоръ, инспекторъ и учителя сидѣли попрежнему на своихъ мѣстахъ. Попрежнему въ залѣ была скамейка и розги, а нѣсколько въ сторонѣ три сторожа держали связаннаго по рукамъ и ногамъ Ферапонтова. Отецъ его, еще въ болѣе изорванномъ вицмундиришкѣ, былъ тутъ же и безпрестанно кланялся директору

— Я, батюшка-благодѣтель, только и прошу о томъ: накажите его, подлеца, хорошенько!.. Хорошенько его!..

— Вы будете видѣть, какъ этотъ господинъ будетъ примѣрно наказанъ,—объяснилъ намъ коротко директоръ и сдѣлалъ знакъ рукой сторожамъ.

Іосафу на этотъ разъ не было никакой возможности сопротивляться. Съ нимъ мгновенно распорядились. Оказалось, что на немъ бѣлья даже порядочнаго не было: полинялая, ситцевая, рѣденькая рубашонка висѣла на немъ хлопьями, и больше ничего. Наказаніе послѣдовало дѣйствительно примѣрное. До сихъ поръ я не могу забыть этого возмущающаго душу зрѣлища. Бѣднаго мальчугана привязали крѣпчайшими веревками за руки, за голову, за ноги къ скамейкѣ. Двое огромныхъ сторожей начали его наказывать. Директоръ съ всклоченными волосами и съ разсвирѣпѣвшимъ лицомъ всталъ на ноги.

— Говорятъ вамъ, назовите зачинщиковъ и просите прощенія!—говорилъ онъ по временамъ задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ, но, не получая отвѣта, махалъ рукой, и сторожа продолжали свое дѣло.

Отецъ Іосафа тоже повторялъ за нимъ: «Хорошенько его, хорошенько!». Иногда онъ подбѣгалъ къ солдатамъ и, выхвативъ у нихъ розги, самъ начиналъ сѣчь сына жесточайшимъ образомъ. Все это продолжалось около получаса. Ручьи крови текли по полу. Іосафъ отъ боли изгрызъ цѣлый уголъ скамейки, но не сказалъ ни одного слова и не произнесъ ни одного стона.

— Бросьте этого скота,— проговорилъ наконецъ директоръ.

Ферапонтовъ-старикъ бросился ему въ ноги, умоляя его: «Батюшка, не погубите, отецъ мой, благодѣтель, не погубите навѣки!». И когда директоръ пошелъ изъ залы, онъ поползъ за нимъ на колѣняхъ.

Іосафа тоже на той же скамьѣ куда-то унесли и насъ распустили.

Три недѣли потомъ онъ не являлся. Мы слышали, что онъ больной лежитъ въ пансіонской больницѣ, и когда пришелъ, то былъ блѣденъ и замѣтно похудѣлъ. О томъ, что съ нимъ случилось, онъ почти ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, хоть и былъ рѣшительно героемъ денька. Не говоря ужъ объ насъ маленькихъ, начавшихъ смотрѣть на него съ какимъ-то благоговѣніемъ, даже шестиклассники и семиклассники приходили и спрашивали: «который у васъ Ферапонтовъ?», и мы имъ показывали. Я далъ себѣ рѣшительное слово во что бы то ни стало сблизиться и подружиться съ нимъ. Но какъ было это сдѣлать? Единственнымъ пріятелемъ и другомъ Іосафа былъ и оставался тоже зарѣчный житель, пятиклассный гимназистъ Мучениковъ. Малый этотъ, весьма тупой на ученье, отличался тѣмъ, что постоянно ходилъ въ широчайшихъ шароварахъ, стригся въ кружокъ и накалывалъ себѣ

сзади шею булавкой, для того, чтобы она распухала и казалась болѣе толстою, и все это съ единственною цѣлью быть похожимъ на казака, а не на гимназиста. Каждую перемѣну между классами они сходились и все время ходили по коридору, разговаривая между собою задушевнѣйшимъ образомъ. Я нѣсколько разъ пытался подслушать ихъ бесѣду. Они толковали то о томъ, гдѣ лучшія мѣста для грибовъ, то продавали или покупали что-то такое одинъ у другого, и при этомъ всегда платили другъ другу самыми мелкими монетами: денежками, полушками. Оказалось потомъ, что оба они были птицеловы.

— На конопляное сѣмя лучше всего идетъ птица! — говорилъ Мучениковъ.

— Ну нѣтъ! Ужъ это сколько разъ испытано было: овсяная крупа скуснѣй для нихъ всего!—возражалъ ему басомъ Іосафъ.

— Чижу! — возражалъ, въ свою очередь, Мучениковъ.

— Не чижу, а вообще всякой птицѣ, — говорилъ настойчиво Іосафъ. — У меня, слава Богу!.. Я запасся этимъ добромъ! — прибавлялъ онъ съ удовольствіемъ и вытаскивалъ изъ кармана цѣлую пригоршню овсяной крупы, которую они съ Мучениковымъ сейчасъ же раздѣляли и тутъ же ее съѣдали.

Однажды Іосафъ какъ-то особенно таинственно былъ вызванъ своимъ пріятелемъ изъ класса. Я потихоньку тоже вышелъ за ними. Сначала они походили по коридору, поговорили между собой о чемъ-то шопотомъ и прошли въ физическій кабинетъ. Тамъ Мучениковъ сначала вытащилъ изъ своихъ широчайшихъ штановъ какой-то ящичекъ съ дырочками, осторожно открылъ его, и изъ него выпрыгнула мышь на ниточкѣ, потомъ вынулъ онъ оттуда что-то завернутое въ бумажку, развернулъ — оказалось, что это былъ варганчикъ, на которомъ онъ и началъ потихоньку наигрывать, а мышка стала на заднія лапки и принялась какъ бы плясать. Ферапонтовъ смотрѣлъ на все это съ пожирающимъ вниманіемъ. Меня нѣсколько удивило, что такіе большіе гимназисты и чѣмъ занимаются! Самъ я, хотя и былъ гораздо моложе ихъ, давно уже отсталъ отъ всякихъ дѣтскихъ игръ и даже презиралъ ихъ...

Такъ дѣло шло до 5-го класса. Къ этому времени у Іосафа сильно уже проросъ подбородокъ бородою: середину обыкновенно онъ пробривалъ, оставляя на щекахъ довольно густыя бакенбарды, единственныя между всѣми гимназистами. Разъ мнѣ случилось наконецъ итти съ нимъ по одной дорогѣ.

— Ферапонтовъ! зайдите ко мнѣ, — сказалъ я почти умоляющимъ голосомъ.

— Что̀? Нѣтъ-съ! Зачѣмъ? — отвѣчалъ онъ.

— Мы покуримъ, потолкуемъ.

— Я не курю-съ.

— Ничего, вы попробуете! Пожалуйста, зайдемте.

— Пожалуй-съ, — проговорилъ наконецъ Іосафъ какимъ-то нерѣшительнымъ тономъ и зашелъ, но какъ-то чрезвычайно робко.

Встрѣтившей насъ нашей дворовой женщинѣ Авдотьѣ онъ поклонился самымъ почтительнымъ образомъ, и когда мы вошли въ мою комнату, онъ, кажется, не рѣшался сѣсть.

— Садитесь, пожалуйста, Ферапонтовъ, — сказалъ я и началъ старательно выдувать и закуривать для него трубку.

Іосафъ два раза курнулъ и возвратилъ ее мнѣ.

— Нѣтъ-съ, горько, я не умѣю! — сказалъ онъ.

— Да вы вотъ какъ! — объяснялъ я ему и, ради поученія его, отчаянно затянулся.

— Я не умѣю-съ, — повторилъ Іосафъ.

Онъ, видимо, болѣе всего въ эту минуту былъ занятъ тѣмъ, чтобы спрятать подъ кресло свои дырявые и сильно загрязненные сапоги.

— Послушайте, — сказалъ я, небрежно разваливаясь на диванѣ: — что̀ вы дома дѣлаете, когда изъ класса приходите?

— Да что̀? Уроки учу; ну и по дому тоже кое-что подѣлаешь.

— А читать вы любите? — спросилъ я, никакъ не предполагая, что Іосафъ даже не пойметъ моего вопроса.

— Что̀ читать-съ?—спросилъ онъ меня самымъ невиннѣйшимъ тономъ.

— Повѣсти, романы, вотъ какъ этотъ, — сказалъ я, показывая на лежавшій въ то время у меня на столѣ «Фрегатъ Надежда», который я только-что наканунѣ проглотилъ съ неистовою жадностью.

— Нѣтъ-съ, я не читывалъ, — отвѣчалъ Ферапонтовъ.

Въ это время Авдотья подала намъ чай. Іосафъ вдругъ сталъ отказываться.

— Отчего же вы не пьете? пейте! — сказалъ я.

Ферапонтовъ, конфузясь, взялъ чашку, проворно выпилъ ее и, покрывъ, возвратилъ, неловко раскланиваясь передъ Авдотьей.

— Кушайте еще, — сказала та, улыбаясь.

Іосафъ окончательно растерялся.

— Пейте, Ферапонтовъ. Налей! — проговорилъ я.

Іосафъ и эту чашку такъ же поспѣшно выпилъ и, закрывъ, возвратилъ, снова расшаркавшись передъ Авдотьей.

— Знаете что̀, Ферапонтовъ, — сказалъ я, рѣшившись ни за что не выпускать изъ рукъ новаго пріятеля: — давайте заниматься вмѣстѣ по-латыни. Вы вотъ этакъ заходите ко мнѣ послѣ класса, и мы станемъ переводить.

— Хорошо-съ, пожалуй, — отвѣчалъ, подумавши, Іосафъ и взялся за фуражку.

Я предложилъ ему покурить. Онъ сдѣлалъ это, кажется, болѣе для моего удовольствія и ушелъ.

— Что̀ это у васъ какой баринъ-то былъ? — сказала мнѣ Авдотья послѣ ухода его.

— Что̀ же? — спросилъ я.

— Да и на барчика-то совсѣмъ непохожъ, словно лакеишка какой, — рѣшила она.

— Напротивъ, это славный малый! — возразилъ я и не счелъ за нужное объяснять ей болѣе.

Дня черезъ два мы принялись съ Ферапонтовымъ за латынь. Оказалось, что въ этомъ дѣлѣ онъ гораздо дальше меня ушелъ. Знанія входили туго въ его голову, но, разъ уже попавши туда, никогда оттуда не выскакивали: всѣ знакомыя ему слова онъ помнилъ точнѣйшимъ образомъ, во всѣхъ ихъ значеніяхъ; таблицы склоненій, спряженій, всѣ исключенія были у него какъ на ладони.

Меня, впрочемъ, въ Іосафѣ интересовалъ совсѣмъ другой предметъ, о чемъ я и рѣшился непремѣнно поговорить съ нимъ.

— А что̀, Ферапонтовъ, были вы когда-нибудь влюблены? — спросилъ я, воспользовавшись однимъ праздничнымъ послѣобѣдомъ, когда онъ пришелъ ко мнѣ и, по обыкновенію, сидѣлъ молча и задумавшись. Самъ я былъ въ это время ужасно влюбленъ въ одну свою кузину и даже отрѣзалъ себѣ клочокъ волосъ, чтобы похвастаться имъ передъ Ферапонтовымъ и сказать, что это подарила мнѣ она.

— Были ли вы влюблены? — повторилъ я, видя, что Іосафъ покраснѣлъ и молчалъ.

— Нѣтъ-съ, я не знаю этого... не занимаюсь этимъ, — отвѣчалъ онъ какимъ-то недовольнымъ тономъ и потомъ сейчасъ же поспѣшилъ прибавить: — давайте лучше заниматься-съ.

Мы принялись: Іосафъ началъ съ невозмутимымъ вниманіемъ скандовать стихи, потомъ разбивалъ ихъ на предложенія, отыскивалъ подлежащее, сказуемое. Переводъ онъ писалъ аккуратнѣйшимъ почеркомъ, раза два принимался для этого чинить перо, прописывалъ сполна каждое слово и ставилъ всѣ грамматическіе знаки.

«Что это, — думалъ я, глядя на него: — какой умный малый и не понимаетъ, что такое любовь!»

— Вы, Ферапонтовъ, конечно, въ университетъ поступите? — спросилъ я его вслухъ.

— Нѣтъ, гдѣ же-съ! Я состоянія не имѣю.

— Да вамъ только доѣхать до Москвы, а тамъ васъ сейчасъ же примутъ на казну.

— Нѣтъ-съ, невозможно это... Я несмѣлый такой! Гдѣ мнѣ! — отвѣчалъ онъ и вздохнулъ.

Вскорѣ около этого времени съ нимъ случилась по гимназіи новая бѣда. Пріятель его Мучениковъ, и съ виду, какъ мы знаемъ, довольно суровый, имѣлъ при этомъ рѣшительно какія-то кровожадныя наклонности. Не проходило почти ни одной на площади казни, на которой бы онъ не присутствовалъ, и обыкновенно стоялъ, молодцовато подбоченившись рукой, и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ прислушивался, какъ стоналъ преступникъ. Во всѣхъ кулачныхъ бояхъ между фабричными онъ непремѣнно участвовалъ и нерѣдко возвращался оттуда съ сильно помятыми боками, но всегда очень довольный. Любимой его прогулкой было ходить на городскую скотобойню и наблюдать тамъ, какъ убивали скотину. Говорятъ даже, онъ иногда самъ выпрашивалъ у мясниковъ топоръ и собственными руками убивалъ огромнѣйшихъ быковъ.

Не имѣя, вѣроятно, долгое время подобныхъ развлеченій, онъ придумалъ новую штуку: былъ въ гимназіи нѣкто маленькій и ужасно паршивый гимназистикъ Красноперовъ, который, чтобы какъ-нибудь отбиться отъ ученія, вдругъ вздумалъ притвориться нѣмымъ: его и упрашивали и лѣчили; но онъ показывалъ только знаки руками, дѣлалъ гримасы, какъ бы усиливаясь говорить, но не произносилъ ни одного звука. Мучениковъ все это намоталъ себѣ на усъ и разъ, когда они, по обыкновенію, проходили по бульвару съ Іосафомъ домой, впереди ихъ шелъ именно тотъ самый гимназистикъ, очень печальная фигурка, въ дырявой шинелькѣ и съ сумкой черезъ плечо; но ничто это не тронуло Мученикова.

— Попытаемъ его! — сказалъ онъ вдругъ Іосафу, сдѣлавъ знакъ глазами.

— Ну нѣтъ, что! — отозвался-было тотъ сначала.

— Право, попробуемъ... — проговорилъ Мучениковъ.

Іосафъ отвѣчалъ на это одной уже только улыбкой, и Мучениковъ, понагнавъ Красноперова, сталъ его приманивать.

— Поди-ка сюда, поди; я тебѣ пряничка дамъ! — говорилъ онъ, и когда тотъ, не совсѣмъ довѣрчиво, подошелъ, онъ

схватилъ его за шиворотъ, повернулъ у себя на колѣнѣ и, велѣвъ Іосафу нарвать тутъ же растущей крапивы, насовалъ ея бѣдному нѣмому за пазуху, подъ рубашонку, въ штанишки, въ сапоги, а потомъ началъ его щекотать. Тотъ закорчился, зашевелился; крапива принялась его жечь во всевозможныхъ мѣстахъ. Сначала онъ визжалъ только на цѣлый бульваръ, наконецъ не вытерпѣлъ, заговорилъ и забранился.

— А! Такъ ты, бестія, не нѣмой... говоришь!—проговорилъ Мученниковъ и затѣмъ, давъ своей жертвѣ еще нѣсколько шлепковъ въ задъ, отпустилъ.

Несчастный мальчикъ, забывъ всякую нѣмоту, прибѣжалъ къ отцу и все разсказалъ. Тотъ поѣхалъ къ директору. Мученникова сейчасъ же исключили изъ гимназіи, а Іосафъ спасся только тѣмъ, что былъ первымъ ученикомъ. Его однако смѣнили изъ старшихъ и записали на черную доску.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? — спросилъ я его однажды.

Ферапонтовъ покраснѣлъ.

— Такъ, чортъ знаетъ зачѣмъ! — отвѣчалъ онъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ, щупая у себя голову: — у меня, впрочемъ, кажется, есть шишка жестокости. Я, пожалуй, способенъ убить и себя и кого другого.

Взглянувъ на его нѣсколько сутуловатую и широкоплечую фигуру, я невольно подумалъ, что врядъ ли онъ говоритъ зря эту фразу.

Въ дальнѣйшемъ моемъ сближеніи съ Ферапонтовымъ онъ оставался тѣмъ же и, бывая у меня довольно уже часто, попрежнему или ничего не отвѣчалъ на всѣ мои разспросы, которыми я пробовалъ его со всѣхъ сторонъ, и только однажды, когда какъ-то случайно рѣчь зашла о рыбной ловлѣ, онъ вдругъ разговорился.

— Ночь теперь если тихая... — началъ онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ: — вода не колыхнется, какъ зеркало... Смола на носу у лодки горитъ... огромнымъ такимъ кажется пламенемъ... Воду всю освѣщаетъ до самаго дна: какъ на тарелкѣ все разсмотрѣть можно, каждый камешекъ... и рыба теперь попадается... спитъ... щука всегда противъ воды... ударишь ее острогой... встрепенется... кровь изъ нея брызнетъ въ воду — розовая такая...

— Вамъ бы, Ферапонтовъ, на вакацію куда-нибудь въ деревню ѣхать,—перебилъ я его, рѣшившись тоже напридумать и насказать ему, какъ и я ловлю рыбу.

— Что̀ деревня; мы теперь съ Мученниковымъ все равно— почесть что всю вакацію дома не живемъ... Разъ такъ на

Аѳоньковской горѣ цѣлую недѣлю съ нимъ жили,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Что̀ жъ вы дѣлали тамъ?

— Ничего не дѣлали... извѣстно... по ягоды ходимъ, молока себѣ потомъ купимъ, съѣдимъ ихъ съ нимъ. Виды тамъ отличные; верстъ на 60 кругомъ видно. Городъ здѣшній какъ на ладони, да окромя того селъ двадцать еще видно.

— А какъ вы птицъ ловите?—спросилъ я.

— Птицы что̀!.. тоже охоту на это надо имѣть,—отвѣчалъ Іосафъ уклончиво.

Я какъ-то передъ тѣмъ имѣлъ неосторожность посмѣяться надъ его птицеловствомъ, и онъ постоянно по этому предмету отмалчивался.

Другой разъ, это было, впрочемъ, въ 7-мъ уже классѣ, Іосафъ пришелъ ко мнѣ, чего съ нимъ прежде никогда не бывало, часу въ одиннадцатомъ ночи. На лицѣ его была написана тревога. Съ первыхъ же почти словъ онъ спросилъ меня робкимъ голосомъ:

— А что̀, можно у васъ ночевать?

— Сдѣлайте одолженіе. Но что̀ такое съ вами, Ферапонтовъ? Вы какой-то разстроенный.

Іосафъ сначала ничего-было мнѣ не отвѣчалъ, но я повторилъ свой вопросъ.

— Да такъ!.. съ отцомъ неудовольствіе вышло... пришелъ пьяный... разсердился на меня да взялъ мои гусли и разбилъ топоромъ... на мелкіе куски изрубилъ... а у меня только и забавы по зимамъ было.

— И что̀ жъ вы? играли на нихъ?

— Игралъ немного!..

— Кто жъ васъ училъ?

— Кое-что самъ дошелъ, а другое отецъ дьяконъ отъ Преображенія поучилъ... Есть же, Господи, такіе на свѣтѣ счастливые люди,—продолжалъ онъ съ горькой улыбкой:—вонъ Пеклису отецъ и скрипку новую купилъ и учителя нанимаетъ, а мой благовѣрный родитель только и выпскиваетъ, нельзя ли какъ-нибудь разобидѣть... Лучше бы меня избилъ, какъ хотѣлъ, чѣмъ это сдѣлалъ. Никакого терпѣнья недостаетъ... Богъ съ нимъ.

На глазахъ Іосафа навернулись слезы. Прежде онъ никогда на отца не жаловался и вообще ничего не говорилъ о немъ. Я сталъ его утѣшать, говоря, что ему лучше на чемъ-нибудь другомъ выучиться, что нынче на гусляхъ никто уже не играетъ.

— Что̀ жъ мнѣ дѣлать, коли у меня ничего другого нѣтъ.

И то, спасибо, послѣ покойнаго дѣдушки достались... Берегъ ихъ, какъ зѣницу ока, а теперь что̀ изъ нихъ стало?.. однѣ щепки!

Всю ночь потомъ, какъ я прислушивался, Іосафъ не спалъ и на другой день куда-то очень рано ушелъ: врядъ ли не пріискивать мастера, который бы взялся у него починить гусли.

«Вотъ чудакъ-то!»—подумалъ я, очень еще смутно въ то время понимая, что мой высокорослый другъ, такъ уже сильно поросшій бородою, былъ совершенный еще ребенокъ и въ то же время чистѣйшій идеалистъ.

III.

Спустя полгода послѣ выпуска, Ферапонтовъ, какъ я слышалъ, поступилъ въ Демидовскій лицей. Онъ пришелъ для этого въ Ярославль пѣшкомъ, и здѣсь его, на самыхъ первыхъ порахъ, выбрали въ пѣвчіе—пѣть самую низкую октаву. Это очень заняло Іосафа. Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ обыкновенно поджидалъ подпраздничной всенощной. Встанетъ, бывало, на клиросъ, нѣсколько въ глубь его. Церковь между тѣмъ начинаетъ наполняться народомъ. Впереди становятся дамы, хоть и разодѣтыя и раздушенныя, но старающіяся придать своимъ лицамъ кроткое и постное выраженіе. За ними слѣдуютъ купцы съ сильно намасленными головами и сзади нихъ лакеи въ ливреяхъ или солдаты въ своихъ сермягахъ. Выходитъ изъ алтаря дьяконъ со свѣчой и священникъ съ кадиломъ. Оба они въ дорадоровыхъ ризахъ. Обоняніе Іосафа начинаетъ пріятно щекотать запахъ ладана; съ какимъ-то самоуслажденіемъ онъ тянетъ свою ноту и въ то же время прислушивается къ двумъ мягкимъ и складнымъ тенорамъ.

Наступившая потомъ страстная недѣля принесла ему еще бо̀льшія наслажденія. Почти съ восторгомъ онъ ходилъ на эти маленькія вечерни. Весеннее солнце, свѣтившее съ западной стороны въ огромныя и уже выставленныя окна, обливало всю церковь яркимъ янтарнымъ блескомъ, такъ что синеватые и едва колеблющіеся огоньки зажженныхъ передъ иконостасомъ свѣчей едва мерцали въ немъ. Говѣльщики стояли по большей части съ потупленными головами: одни изъ нихъ слегка и едва замѣтно крестились, а другіе, напротивъ, дѣлали огромныя крестныя знаменія и потомъ вдругъ ни съ того ни съ сего начинали до поту лица кланяться въ землю. Іосафъ вмѣстѣ съ хоромъ пѣлъ столь любезныя ему пѣсни Дамаскина.

«Блюди убо, душе моя, да не сномъ отяготишися», или «Чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшенный» держалъ онъ крѣпко на своей октавѣ, ни разу не срываясь. Но вотъ въ пятницу вынесли плащаницу. Хоръ запѣлъ: «Не рыдай мене, мати, зряще во гробѣ». Іосафъ, нѣсколько прячась въ воротникъ своей шинели, тоже басилъ, стараясь смигнуть навернувшіяся на глазахъ слезы. Онъ чувствовалъ, что изъ груди его выходятъ хотя и низкіе, но одушевленные звуки.

Помнилъ онъ также и Троицынъ день. Народу въ церкви было яблоку упасть негдѣ: все больше женщины, и всѣ, кажется, такія хорошенькія, всѣ въ бѣлыхъ или свѣтло-голубыхъ и розовыхъ платьяхъ и всѣ съ букетами въ рукахъ благоухающей сирени—прекрасно!

За этими почти единственными, поэтическими для бѣднаго студента, минутами слѣдовала бурсацкая жизнь въ казенныхъ номерахъ, безъ семьи, безъ всякаго развлеченія, кромѣ вѣчнаго долбленія профессорскихъ лекцій, мрака и смерти преисполненныхъ, такъ что Іосафъ почти несомнѣнно полагалъ, что всѣ эти мелкіе примѣры изъ исторіи Греціи и Рима, весь этотъ строгій разумъ математики, всѣ эти толки въ риторикахъ объ изящномъ—сами по себѣ, а жизнь съ колотушками въ дѣтствѣ отъ пьяныхъ папенекъ, съ безтолковой школой въ юности и наконецъ съ этой вѣчной бѣдностью, обрывающей малѣйшій расцвѣтъ вашихъ юношескихъ надеждъ,—тоже сама по себѣ, и что между этимъ нѣтъ, да и быть никогда не можетъ ничего общаго.

Въ этомъ нравственномъ полуусыпленіи не суждено было однако Іосафу заглохнуть навсегда: на второмъ, кажется, курсѣ онъ какъ-то вечеромъ вышелъ прогуляться и на одной изъ главныхъ улицъ встрѣтилъ цѣлую ватагу студентовъ. Впереди всѣхъ шелъ нѣкто своекоштный студентъ Охоботовъ, присланный въ училище на выучку отъ Войска Донского и остававшійся въ ономъ лѣтъ уже около пяти, такъ что начальство его наконецъ спросило бумагой училищное начальство: какъ и что̀ Охоботовъ и скоро ли наконецъ выучится? Его призвали въ совѣтъ и спрашиваютъ: что̀ отвѣчать на это?

— Да пишите, что начинаю подавать надежды,—отвѣчалъ онъ очень спокойно.

Всѣ разсмѣялись, но такъ и написали. Охоботовъ же попрежнему продолжалъ почитывать и заниматься, чѣмъ ему хотѣлось, а главное—пребывать въ извѣстномъ студенческомъ трактирѣ «Бычокъ», гдѣ онъ съ другими своими товарищами. тоже постоянно тутъ пребывавшими, игралъ на бильярдѣ,

спорилъ, разсуждалъ и вообще слылъ между ними за очень умнаго и душевнаго малаго.

Въ настоящемъ случаѣ онъ шелъ что-то очень мрачный, скоро шагая и нахлобучивъ фуражку. Поровнявшись съ Ферапонтовымъ, онъ остановилъ его.

— Пушкинъ раненъ на дуэли и умеръ, — сказалъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

Іосафъ молча посмотрѣлъ на него: онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что глаза у Охоботова были какъ бы воспалены отъ слезъ.

— Сейчасъ идемъ къ Вознесенью служить панихиду по немъ. Идемъ съ нами!—проговорилъ Охоботовъ.

Іосафъ механически повернулъ и все еще хорошенько не могъ понять, что̀ это значитъ. На улицахъ между тѣмъ царствовала совершенная тишина. Неторопливо и въ какомъ-то молчаніи прошли всѣ до самой церкви. Передъ домомъ священника Охоботовъ взялся вызвать его, и дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ вышелъ со священникомъ, который только моталъ отъ удивленія головой.

— Ну ужъ вы, господа студенты, народецъ!—говорилъ онъ, отпирая огромнымъ ключомъ огромную церковную дверь.

Вошли. Всѣхъ обдало мракомъ и сыростью. Засвѣтили нѣсколько свѣчекъ. Іосафу и другому еще студенту, второму басу послѣ него, поручили исполнять обязанность дьячковъ. Священникъ надѣлъ черныя ризы и началъ литію. Послѣ возгласа его: «упокой, Господи, душу усопшаго раба Александра», Ферапонтовъ и товарищъ его, громко, такъ что потряслись церковные своды, запѣли: «вѣчная память!». Прочіе студенты тоже имъ подтягивали, и всѣ почти навзрыдъ плакали.

— Ну, панихидка — не лицемѣрная... не фальшивая!—говорилъ священникъ, кончивъ службу и пожимая руку то у того, то у другого изъ студентовъ.

Выйдя изъ церкви, Охоботовъ распорядился, чтобы всѣ шли въ извѣстный уже намъ «Бычокъ». Іосафъ тоже послѣдовалъ туда. Въ заведеніи этомъ была даже отведена особая для студентовъ комната, въ которую немногіе уже изъ посторонней публики рисковали входить.

— Господи!—проговорилъ Охоботовъ, садясь на свое обычное мѣсто на диванъ и грустно склоняя голову:—вчера еще только я читалъ съ Машей его «Онѣгина»... точно онъ напророчилъ себѣ смерть въ своемъ Ленскомъ... Гдѣ теперь «и жажда знанья и труда... и вы, завѣтныя мечтанья, вы—признакъ жизни неземной, вы—сны поэзіи святой»—все кончено! кусокъ мяса и глины остался только, и больше ничего!

— Это ужасно! — воскликнулъ молоденькій студентъ, тоже садясь и ероша волосы.

— Да, скверниссимо,—подтвердилъ второй басъ.

Іосафъ на все происходившее смотрѣлъ, выпуча глаза.

— Не скверниссимо, а подлиссимо! — воскликнулъ вдругъ Охоботовъ.—Вотъ онъ!—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по лежавшему на столѣ номеру «Сѣверной Пчелы»:—этотъ паукъ, скорпіонъ, жалившій всю жизнь его, живъ еще, когда онъ умеръ, и между нами нѣтъ ни одного честнаго Занда, который бы пошелъ и придавилъ эту гадину.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое! — опять повторилъ молоденькій студентъ, застучавъ руками и ногами.

— Да разстрѣляемте жъ, коли то... портретъ его, собачьяго сына, якъ робятъ то въ Хранціи съ дурнями, якій убѣгъ, — проговорилъ вдругъ смирнѣйшій студентъ-хохолъ, все время до того молчавшій.

Всѣ посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ.

— Онъ же тутъ виситъ! — объяснилъ онъ, показывая на одну изъ стѣнъ, на которой дѣйствительно, между нѣсколькими портретами писателей, висѣлъ и портретъ извѣстнаго антагониста Пушкина.

Мысль эта всѣмъ очень понравилась.

— Отлично, безподобно,—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Охоботовъ, хоть и не совсѣмъ довольный этой полумѣрой, тоже согласился.

Молоденькій студентъ взялся домой сбѣгать за ружьемъ. Пришли-было половые и самъ хозяинъ трактира и стали упрашивать господъ: сдѣлать милость, не буянить. Но имъ объявили, что за портретъ имъ заплатятъ, а самихъ прогнали только что не въ шею. Ружье было принесено. Оказалось, что это былъ огромный, старинный карабинъ: послѣдовалъ вопросъ— кому стрѣлять?

Всѣмъ хотѣлось.

— Ферапонтову,—распорядился Охоботовъ.

— Пожалуй-съ! — отвѣчалъ тотъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ и, взявъ ружье, неторопливо прицѣлился и выстрѣлилъ.

На мѣстѣ лица очутилась пуля.

— Ура Ферапонтову! браво!—прокричала почти въ одинъ голосъ вся ватага.

Іосафъ продулъ ружье и поставилъ его къ сторонкѣ. Попадись, кажется, въ эту минуту ему и самъ оригиналъ, онъ и съ тѣмъ бы точно такъ же спокойно распорядился. Домой онъ пришелъ въ сильномъ раздумьѣ: какъ человѣкъ умный, онъ хорошо понималъ, что подобнаго энтузіазма и такой не-

поддѣльной горести нельзя было внушить даромъ; но почему и за что все это? Къ стыду своему, Іосафъ долженъ былъ признаться самому себѣ, что онъ ни одного почти стихотворенія и не читывалъ, кромѣ тѣхъ, которыя задавались ему въ гимназіи по риторикѣ Кошанскаго. Онъ на другой же день потихоньку сходилъ къ библіотекарю и выпросилъ у него всѣ, какія были, сочиненія Пушкина и принялся: читалъ онъ день, два и — странное дѣло, какъ будто бы цѣлый міръ новыхъ ощущеній открылся въ его душѣ, и больше всего ему понравились эти благородныя и въ высшей степени поэтичныя отношенія поэта къ женщинѣ. Искусившись такимъ образомъ, Іосафъ рѣшительно уже сталъ не въ состояніи зубрить лекціи и безпрестанно канючилъ то у того, то у другого изъ своихъ товарищей дать ему что-нибудь почитать: будь то романъ, или рукописная въ стихахъ поэма, или книжка какого-нибудь разрозненнаго журнала. Долго и потомъ Іосафъ вспоминалъ это время, какъ счастливѣйшее въ своей жизни. Почти въ лихорадкѣ отъ нетерпѣнія, онъ запасался обыкновенно отъ сторожа на цѣлую ночь свѣчкой и, улегшись на своей койкѣ, принимался читать. Сколько прелестныхъ мѣстностей возсоздалось въ его воображеніи; передъ нимъ проходили какъ бы живыя, совершенно новыя и незнакомыя ему лица, но понятныя по общечеловѣчности страстей людскихъ. И только черезъ полгода такого какъ бы запоя читательскаго, онъ отвлеченъ былъ нѣсколько въ другую сторону. Къ нимъ присланъ былъ новый профессоръ, молодой, энергическій. Онъ на первой же лекціи горячо заговорилъ о равенствѣ людей, о Христѣ, ходившемъ по песчанымъ степямъ, посреди нищей братіи и блудницъ; кромѣ того сталъ приглашать къ себѣ на домъ студентовъ, читалъ съ ними, толковалъ имъ разныя свои задушевныя убѣжденія. Главнымъ и почти единственнымъ оппонентомъ ему въ этихъ бесѣдахъ явился Охоботовъ, который, по свойству своей упрямой казацкой натуры итти всѣмъ и во всемъ напротивъ, вдругъ вздумалъ отстаивать то положеніе, что «все на свѣтѣ благо и истинно, что̀ существуетъ». Профессоръ страшно громилъ противъ этого. Топая ногами и стуча кулаками, онъ кричалъ, что подло и низко всякое ярмо которое надѣнутъ на васъ и которое безпрестанно третъ вамъ шею, считать благомъ и истиною.

Желудки казенныхъ студентовъ, кажется, первые изъявили ан эту мысль свое полное согласіе и подстрекнули своихъ владѣльцевъ объявить наконецъ протестацію эконому, начавшему ихъ кормить только что не осиновыми дровами, поджаренными на водѣ. Ферапонтовъ сначала-было не прини-

малъ никакого участія въ этомъ; но въ рѣшительную минуту, когда за однимъ изъ обѣдовъ начался заранѣе условленный шумъ, и когда экономъ началъ-было кричать: «Не будетъ вамъ другой говядины. Ѣдите и такую... Вотъ она, тутъ, на столѣ стоитъ... Что̀ вы съ ней сдѣлаете?»

— А вотъ что̀! — вскричалъ вдругъ Іосафъ и, схвативъ со стола блюдо, швырнулъ его въ окно, такъ что оно пролетѣло возлѣ самаго виска эконома, и затѣмъ, по тому же направленію, послѣдовали ломти хлѣба, солонки, тарелки и даже ножи. Экономъ едва спасся бѣгствомъ. Начальство было чрезвычайно сконфужено этимъ дѣломъ и потому ограничилось только тѣмъ, что студентовъ пожурило, эконома смѣстило, но зато на молодого профессора была послана такого рода бумажка и такъ здобно приправленная, что ему сейчасъ же предложили выйти въ отставку; но, какъ бы то ни было, толчокъ ужъ былъ данъ: въ головѣ Іосафа, какъ, вѣроятно, и у многихъ другихъ его товарищей, перевернулось многое. Онъ уже ясно сталъ понимать, что свойство жизни вовсе не таково, чтобы она непремѣнно должна быть гадка, а что, напротивъ, тутъ очень многое зависитъ отъ заведеннаго порядка. Кончивши курсъ такимъ образомъ, онъ очутился какъ бы на какомъ-то нравственномъ распутьѣ: въ немъ было множество возбуждено прекрасныхъ инстинктовъ, но и только! Протестантъ почти противъ всего, но во имя какого знамени, и самъ того хорошенько не зналъ. Вольнодумецъ, въ отношеніи религіи на словахъ, онъ въ то же время передъ каждымъ экзаменомъ бѣгалъ къ мѣстной чудотворной иконѣ въ соборъ и молился тамъ усерднѣйшимъ образомъ. Ненавидя до глубины души всякій начальствующій авторитетъ, я не знаю, врядъ ли бы и самъ удержался, если бы только случай выпалъ, обнаружить грубѣйшій произволъ. Зналъ онъ, пожалуй, и многое, но все какъ-то отрывочно, случайно и непригодно ни для какого практическаго дѣла, а между тѣмъ угрожающее ему впереди житейское положеніе было почти отчаянное. Онъ едва-едва успѣлъ уговорить одного лодочника свезти его въ родной городъ, съ прокормомъ за послѣдніе, находившіеся у него въ карманѣ, три цѣлковыхъ, и то потому только такъ дешево, что онъ взялся вмѣстѣ съ тремя другими мужиками грести вмѣсто бурлаковъ на суднѣ, а въ случаѣ надобности, при противномъ вѣтрѣ, тянуть даже бечевую. Когда причалили къ пристани и Іосафъ ступилъ на родную землю, трое мужиковъ съ хозяиномъ лодки весело пошли въ харчевню выпить и пообѣдать, а онъ и этого сдѣлать не могъ: у него не было ни копейки. Взойдя со своей скудной сумочкой и

понуренной головою на городскую гору, онъ даже всплакалъ. Къ кому было обратиться? Гдѣ преклонить голову? Отецъ его, давно уже пропившій свой послѣдній домишко, умеръ нищимъ на церковной паперти; изъ знакомыхъ своихъ Іосафъ только и припомнилъ одного зарѣцкаго дьякона, который нѣкогда такъ великодушно поучилъ его играть на гусляхъ. Онъ поплелся къ нему, робко постучался въ запертую калитку и, терзаемый глубочайшимъ стыдомъ, только что не Христа ради попросился у него ночевать.

— Сдѣлайте милость, войдите, — отвѣчалъ отецъ дьяконъ.

Впрочемъ, тутъ же сейчасъ ему посовѣтовалъ на другой день итти къ начальнику губерніи и объяснить ему все.

— Славный человѣкъ, славный, и къ духовенству прерасположительный; отличнѣйшій генералъ, — говорилъ онъ.

Іосафъ только вздохнулъ. Онъ еще въ училищѣ насмотрѣлся и наслышался, каковы эти отличнѣйшіе генералы. Впрочемъ, на той же недѣлѣ, какъ только его физіономія, загрубѣлая и загорѣлая во время рѣчного пути, приняла нѣсколько болѣе благообразный видъ, онъ пошелъ къ губернатору. Часа три, по крайней мѣрѣ, ожидалъ онъ въ пріемной. Наконецъ генералъ вышелъ. Онъ очень любезно пожалъ руку инженерному поручику, такъ уже прекрасно успѣвшему обезпечить себя на дорожной дистанціи, сказалъ даже довольно благосклонно: «хорошо, хорошо» на какой-то молебный вопль исправнику, только-что передъ тѣмъ преданному за мздоимство суду. Но, замѣтивъ Ферапонтова, онъ вдругъ насупился, не удостоилъ даже обратить къ нему всего своего лица, а повернулъ только нѣсколько правое ухо. Губернаторъ какое-то органическое отвращеніе чувствовалъ къ студенческимъ мундирамъ.

Іосафъ изложилъ ему свою просьбу.

Генералъ попятился назадъ.

— Какое же я могу вамъ мѣсто дать? Какое? Какое? — повторялъ онъ все болѣе и болѣе строгимъ голосомъ.

— Я, ваше превосходительство, почти куска хлѣба не имѣю!—вздумалъ-было Іосафъ тронуть его сердце.

— А я виноватъ въ томъ? я виноватъ? я? — повторялъ губернаторъ, какъ бы чувствуя какое-то особенное наслажденіе дѣлать подобные вопросы.

Іосафъ молчалъ.

— Я, ваше превосходительство, медаль получилъ! — проговорилъ онъ наконецъ и самъ хорошенько не зная зачѣмъ.

Лицо генерала мгновенно приняло нѣсколько болѣе благопріятное выраженіе. Онъ вообще высоко цѣнилъ въ людяхъ всякаго рода награды отъ начальства.

— Медаль? — спросилъ онъ.

— Да-съ, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Покажите мнѣ ее.

— Ея нѣтъ со мной-съ, — отвѣчалъ Іосафъ, нѣсколько удивленный подобнымъ желаніемъ.

— Подите и принесите мнѣ ее сейчасъ же! — рѣшилъ губернаторъ и ушелъ.

«Чортъ знаетъ что̀ такое!» — подумалъ невольно Іосафъ и, сходивъ за медалью, снова возвратился въ пріемную.

Тамъ уже никого не было. Его допустили въ кабинетъ къ губернатору. Онъ подалъ ему медаль. Начальникъ губерніи нѣсколько времени весьма внимательно разматривалъ ее, взвѣшивалъ ее на рукѣ и даже зачѣмъ-то понюхалъ.

— Подайте просьбу въ приказъ, тамъ есть ваканція писца, и васъ зачислятъ... Надѣюсь, что вы не обманете моего довѣрія, — проговорилъ онъ и сдѣлалъ Іосафу знакъ головою, чтобы онъ удалился.

«Что̀ жъ это онъ мнѣ за особое довѣріе оказываетъ?» — разсуждалъ Іосафъ, идя домой, и когда на другой день онъ пришелъ въ приказъ, десятки любопытныхъ глазъ сейчасъ же устремились на него.

Морозъ невольно пробѣжалъ по всему тѣлу Ферапонтова. Человѣка три-четыре изъ старенькихъ чиновниковъ показались ему какъ двѣ капли похожими на его покойнаго отца.

Между тѣмъ пріѣхалъ непремѣнный членъ, очень добродушный старикъ, но передъ тѣмъ только пришибленный параличомъ. Онъ что-то такое больше промычалъ, чѣмъ сказалъ бухгалтеру, тоже старику, рябому, толстому и, должно-быть, крутѣйшему человѣку. Тотъ ткнулъ Іосафу пальцемъ на пустой стулъ, проговоривъ: — «садитесь вотъ тутъ». Іосафъ смиренно сѣлъ. Сначала сочинилъ онъ просьбу о своемъ опредѣленіи, потомъ переписалъ поданную ему тѣмъ же бухгалтеромъ бумагу, потомъ еще и еще, такъ что, къ концу присутствія, почти совершенно примкнулъ къ канцелярской машинѣ.

IV.

Не знаю, извѣстно ли читателю, что по разнаго рода канцеляріямъ, начиная отъ неблагообразныхъ камеръ земскихъ судовъ до паркетныхъ апартаментовъ министерствъ, въ этихъ плѣшивыхъ, завитыхъ и гладко стриженыхъ головахъ, такъ прилежно наклоненныхъ надъ черными и красными столами, зачахло и погребено романтизму и всякаго рода иныхъ возвышенныхъ стремленій никакъ не менѣе, чѣмъ и въ воинствен-

ныхъ строяхъ, такъ ярко блистающихъ на Марсовомъ полѣ. Какъ и что происходитъ тамъ съ этими нѣжными растеніями нашей души, я не знаю, но канцелярскій воздухъ, положительно можно сказать, неблагопріятенъ для нихъ. Изъ сотни товарищей Іосафа, нѣкогда благородныхъ и умныхъ малыхъ, садившихся до и послѣ него на подобный ему стулъ, очень немногіе прошли благополучно этотъ житейскій искусъ: сколькихъ изъ нихъ мы видали отъ безпрерывно раздражаемой печени и отъ надсаженной груди пустою, безполезной работой, умирающими въ своихъ скудныхъ квартирахъ или даже, по бѣдности, въ городскихъ больницахъ. Другіе являли собою еще болѣе печальный примѣръ: ради утѣхи душевной, они прямо изъ присутствія обыкновенно проходили въ какое-нибудь, въ кредитъ вѣрящее трактирное заведеніе, а оттуда уже ночью по заборамъ, а иногда и на четвереренькахъ переправлялись домой, или попадали въ часть. Такъ дѣло шло до окончательнаго выгона изъ службы, за которымъ слѣдовали кабакъ, нищета и смерть гдѣ-нибудь на тротуарѣ или пропажа безъ вѣсти! Наконецъ третьи, и врядъ ли не бо̀льшая изъ нихъ часть, благоразумно подлѣли: въ какой-нибудь годъ отращивали себѣ брюшко, женились на дочеряхъ какихъ-нибудь совсѣмъ ужъ отпѣтыхъ экзекуторовъ и надсмотрщиковъ гражданскихъ палатъ, и сами потомъ дѣлались такими же скрозьземельными, какъ говоритъ народъ, плутами. Иные изъ нихъ уѣзжали даже въ Петербургъ, дослуживать тамъ до довольно видныхъ мѣстъ; но печать позорнаго опошлѣнія все-таки горѣла на ихъ челѣ.

Іосафу былъ сужденъ нѣсколько иной, болѣе оригинальный выходъ. Чтобы лучше познакомиться съ его душевнымъ состояніемъ, я считаю здѣсь нелишнимъ привести два-три отрывка изъ его записокъ, которыя онъ велъ для себя какъ бы въ родѣ дневника. Вотъ что̀ писалъ онъ вскорѣ послѣ вступленія своего на службу:

«Едва вышедъ изъ стѣнъ училища, я сразу долженъ былъ окунуться въ житейскую болотину. Къ чему послужило намъ наше образованіе? Не похоже ли это на то, какъ если бы, въ какой-нибудь для грубаго солдатскаго сукна устроенной фабрикѣ, завели розовый питомникъ. Вотъ розы поспѣли, ихъ срѣзали и свалили въ одинъ уголъ съ грубыми суконными свитками; завянутъ онѣ тамъ, и не истребить имъ своимъ благоуханіемъ запаха сермяги. Я пребываю въ отчаяніи, въ какомъ и вы, мои друзья и товарищи, вѣроятно, всѣ теперь находитесь».

Но какъ бы то ни было, Іосафъ, затая все на душѣ, ки-

нулся на трудъ: съ какимъ-то тупымъ, нечеловѣческимъ терпѣніемъ онъ сталъ цѣлые дни писать доклады, переписывать исходящія, подшивать и номеровать дѣла и даже, говорятъ, чтобъ держать все въ порядкѣ, мелъ иногда въ неприсутственное время комнаты. Долгое время старикъ-бухгалтеръ какъ будто бы ничего этого не замѣчалъ; наконецъ умилился сердцемъ и однажды на вопросъ непремѣннаго члена: «что, каковъ новобранецъ-то?» — отвѣчалъ: — «воротитъ какъ лошадь, малый отличнѣйшій».

Съ теченіемъ времени онъ сталъ даже какъ будто бы заигрывать съ Іосафомъ на словахъ.

— Жарконько сегодня, отче Іосафій, — говорилъ онъ, давъ ему первый это прозвище, но рѣшительно въ видѣ ласки и съ тѣмъ, чтобы опредѣлить имъ солидный характеръ своего любимца.

— Да, жарко, — отвѣчалъ Іосафъ, стаскивая съ полки огромную связку дѣлъ.

Бухгалтеръ смотрѣлъ ему въ спину съ какой-то нѣжной улыбкой, и какъ ни мгновенна она была на суровомъ лицѣ его, но въ ней одной въ мірѣ начало-было созрѣвать благосостояніе Іосафа. Дѣло началось съ того, что старикъ послѣ лѣтняго Николина дня, храмового въ ихъ приходѣ праздника, какъ-то попрошибся и очень ужъ сильно перепилъ съ своимъ другомъ и товарищемъ, архіерейскимъ пѣвчимъ, такъ что заболѣлъ послѣ того на цѣлые полгода. Исполненіе его должности, по личному его настоянію, было поручено Іосафу и потомъ, когда старый служака чувствовалъ окончательное приближеніе смерти, то нарочно позвалъ къ себѣ своего начальника, непремѣннаго члена, и съ клятвой наказывалъ ему не дѣлать никого бухгалтеромъ, кромѣ Ферапонтова. Желаніе это было исполнено. Такое быстрое повышеніе сильно было-расшевелило Іосафа на первыхъ порахъ. Онъ сшилъ себѣ все съ иголочки новое платье и началъ даже подумывать о женитьбѣ: здѣсь мнѣ приходится объяснить довольно щекотливое обстоятельство касательно того, что герой мой, несмотря на свое могучее тѣло и слишкомъ тридцатилѣтній возрастъ, находился въ самыхъ скромныхъ и отдаленныхъ отношеніяхъ ко всему женскому полу. Какъ и отчего это произошло: обстоятельства ли жизни, или нѣкоторая идеальность міросозерцанія и прирожденныя чувства цѣломудрія и стыдливости — были тому причиной, но только, не говоря уже о гимназіи, но и въ училищѣ, живя въ сотовариществѣ такихъ повѣсъ, какъ студенты, Іосафъ никогда не участвовалъ въ ихъ разныхъ любовныхъ похожденіяхъ и даже

избѣгалъ разговора съ ними объ этомъ; а потомъ, состоя уже столько времени на службѣ, онъ только разъ во все это время, пришедши домой нѣсколько подгулявши, вдругъ толкнулъ свою кухарку, очень еще не старую крестьянскую бабу, на диванъ. Та посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— О, полноте-ка, полноте! туда же! — проговорила она, и Іосафъ до того сконфузился, что сейчасъ же надѣлъ шляпу и ушелъ изъ дому, и до глубокой ночи не возвращался.

Предаваясь мысли о бракѣ, онъ, между прочимъ, такъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ:

«И сегодня видѣлъ еще свадьбу... — писалъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника. — Счастливцы! — но для меня нѣтъ и никогда не будетъ возможно это счастье. Дѣвица, какую я представляю себѣ въ моихъ мысляхъ, за меня не пойдетъ. Невѣсты же, приличныя для меня, изъ нашего подлаго приказнаго званія, противны душѣ моей: онѣ не домовиты и не трудолюбивы, потому что считаютъ себя барышнями, и сколько ни стараются наряжаться, но и этого къ лицу сдѣлать не умѣютъ, будучи глубоко необразованы. Много разъ я прислушивался къ ихъ разговору и убѣдился, что онѣ ни о чемъ съ мужчинами не могутъ говорить, кромѣ неблагопристойностей, ибо имѣютъ уже развращенное воображеніе. О, мать-природа! ты мнѣ единая утѣха и услада!»

Такъ проходили дни за днями: каждое утро Іосафъ ходилъ на службу, приходилъ затѣмъ домой, обѣдалъ, спалъ немного, потомъ опять на службу и опять домой. Всѣ поползновенія повыше уровня обыденной жизни въ немъ какъ бы придавились подъ этимъ вѣчно движущимся канцелярскимъ жерновомъ, и изъ него уже началъ мало-по-малу выковываться старый холостякъ-чиновникъ: хладносердый (по крайней мѣрѣ, по наружности) ко всему Божьему міру, онъ ни съ кѣмъ почти не былъ знакомъ и ни къ кому никогда не ходилъ; цѣлые вечера, цѣлые дни онъ просиживалъ въ своей неприглядной сѣренькой квартиркѣ одинъ-одинехонекъ, все о чемъ-то думая и какъ будто бы чего-то ожидая. Самымъ живымъ и почти единственнымъ его развлеченіемъ было то, что отправится иногда, лѣтнимъ временемъ, поудить рыбу, оттуда пройдетъ куда-нибудь далеко-далеко въ поле, полежитъ тамъ на муравѣ, пройдется по сѣнокоснымъ лугамъ, нарветъ цвѣтовъ, полюбуется ими, или заберется въ рожь и съ наслажденіемъ повдыхаетъ въ себя запахъ поспѣвающаго хлѣба; но съ наступленіемъ осени и то прекращалось. Въ безконечно длинные зимніе вечера, напрасно Іосафъ изобрѣталъ раза по два въ недѣлю ходить въ баню и пробывалъ тамъ часа по три,

напрасно принимался иногда пить чай чашекъ по пятнадцати,— время проходило медленно. Наскучавшись такимъ образомъ почти до сумасшествія, онъ наконецъ не вытерпливалъ и на другой день, придавъ своему лицу, вмѣсто суроваго, нѣсколько просительское выраженіе, спускался изъ приказа внизъ, въ губернское правленіе, къ экзекутору.

— А что̀, члены прочитали «Отечественныя Записки»?— спрашивалъ онъ.

— Свободны кой-какія,—отвѣчалъ тотъ.

— Снабдите меня, коли можно,—говорилъ Іосафъ, какъ-то странно улыбаясь.

— Можно, можно,—отвѣчалъ экзекуторъ и вытаскивалъ ему изъ шкапа двѣ-три книги.

Іосафъ на этотъ разъ шелъ изъ присутствія домой нѣсколько проворнѣе. Пообѣдавъ наскоро, онъ сейчасъ же принимался за чтеніе, и если тутъ что-нибудь приходилось ему по душѣ, сильно углублялся въ это занятіе, и потомъ вдругъ иногда вставалъ, начиналъ взволнованными шагами ходить по комнатѣ, ерошилъ себѣ волосы, размахивалъ руками и даже что-то такое декламировалъ, и затѣмъ садился за свои гусли и начиналъ наигрывать и подпѣвать самымъ жалобнымъ басомъ извѣстную чувствительную пѣсню: «Среди долины ровныя». На томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что высокій дубъ растетъ:

„Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ...
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него“,—

у Іосафа по щекамъ текли уже слезы; но тѣмъ все и кончалось. На другой день онъ просыпался суровый и съ окаменѣло-неподвижнымъ лицомъ шелъ въ приказъ.

V.

Былъ прелестнѣйшій іюньскій день. Городъ, съ своими ярко освѣщенными желтыми, бѣлыми и сѣренькими домами, съ своими блистающими серебряными и золотыми главами церквей, представлялъ собою рѣшительно какой-то праздничный видъ. Воздухъ напоенъ былъ запахомъ цвѣтущихъ въ это время липъ; по временамъ чирикали какія-то птички, и раздавался рѣзкій звукъ проѣзжающихъ по мостовой дрожекъ. Въ однихъ только присутственныхъ мѣстахъ было какъ-то еще душнѣй и грязнѣй. Іосафъ сидѣлъ, по обыкновенію, передъ своей конторкой и посматривалъ на виднѣвшійся въ окно клочокъ неба. Въ приказъ вошелъ чрезвычайно франтоватый молодой мужчина, перетянутый какъ оса, съ англійскимъ проборомъ на

головѣ, съ усиками, съ эспаньолкой, въ шитой кружевной рубашкѣ, въ черномъ фракѣ, съ маленькою красною кокардою въ петличкѣ, и въ свѣтлѣйшихъ лаковыхъ сапогахъ. Онъ нѣсколько по-военному сначала отнесся къ одному изъ писцовъ и потомъ подошелъ къ Іосафу.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть г. Ферапонтова?— проговорилъ онъ.

— Да-съ,—отвѣчалъ тотъ своимъ обычнымъ медвѣжьимъ тономъ.

— Позвольте и мнѣ, съ своей стороны, имѣть честь представиться: ковенскій помѣщикъ Бжестовскій!..—произнесъ новоприбывшій, расшаркиваясь и протягивая Іосафу свою чрезвычайно красивую руку, на мизинцѣ которой нельзя было не замѣтить маленькаго и, должно-быть, женскаго сердоликоваго перстенька. Іосафъ на это полупривсталъ и, подавъ ему неуклюже и не совсѣмъ охотно тоже свою руку, снова сейчасъ же сѣлъ.

— У васъ есть дѣло... сестры моей... Фамилія ея по мужѣ Костырева,—продолжалъ Бжестовскій.

Іосафъ сталъ припоминать...

— Имѣніе ея назначено въ продажу,—помогъ тотъ ему.

Іосафъ почесалъ въ головѣ.

— Да, назначено-съ,—отвѣчалъ онъ неторопливо.

— Позвольте мнѣ объясниться съ вами въ нѣсколькихъ словахъ по этому дѣлу,—произнесъ Бжестовскій, и въ голосѣ его уже замѣтно послышался заискивающій тонъ.

Іосафъ молчаливымъ наклоненіемъ головы изъявилъ согласіе.

— Эта женщина рѣшительно несчастная!.. — продолжалъ проситель, жожимая плечами.—Можете себѣ вообразить: прелестная собой, изъ прекраснаго, образованнаго семейства, она выходитъ замужъ за этого господина Костырева, и съ сожалѣніемъ еще надобно сказать, улана русской службы:.. пьяницу... мота... злеца.

Бухгалтеръ слушалъ, не совсѣмъ, кажется, хорошо понимая, зачѣмъ все это ему говорятъ.

— Потомъ-съ, — снова продолжалъ Бжестовскій: — пріѣзжаютъ они сюда. Начинаетъ онъ пить—день... недѣлю... мѣсяцъ... годъ. Наконецъ умираетъ,—и вдругъ она узнаётъ, что доставшееся ей послѣ него имѣньице, и имѣньице дѣйствительно очень хорошее, которое она, можно сказать, кровью своею купила, идетъ съ молотка до послѣдней нитки въ продажу. Должно ли, спрашиваю я васъ, правительство хоть сколько-нибудь вникнуть въ ея ужасное положеніе? Должно или нѣтъ?

Іосафъ нѣсколько затруднялся отвѣчать на подобный вопросъ.

— Что̀ же тутъ правительству за дѣло? — проговорилъ было онъ.

— Какъ что̀?—перебилъ его, уже вспыхнувъ въ лицѣ, Бжестовскій.—Законы, кажется, пишутся для благосостоянія гражданъ, а не для стѣсненія ихъ.

Іосафъ въ отвѣтъ на это уставилъ глаза въ книгу. Бжестовскій поспѣшилъ перемѣнить тонъ.

— Я и сестра моя,—началъ онъ:—такъ много наслышаны о добротѣ вашей и о благородствѣ вашей души, что рѣшились прямо обратиться къ вамъ и просить вашего совѣта.

— Что̀ же я тутъ?.. Надо или деньги внести, или продадутъ.

— Очень многое, Іосафъ Іосафычъ, очень многое,—произнесъ Бжестовскій, прижимая руку къ сердцу:—въ имѣніи есть мельница... лѣсъ... нѣсколько отхожихъ сѣнокосныхъ пустошей, которыя могли бы быть проданы въ частныя руки.

Ферапонтовъ задумался.

— И что̀ же, это отдѣльныя статьи отъ имѣнія?—спросилъ онъ.

— Совершенно, кажется, отдѣльныя,—отвѣчалъ Бжестовскій:—и потому я только о томъ и прошу васъ, чтобъ посѣтить насъ. Я напередъ увѣренъ, что когда вы разсмотрите наше дѣло, то увидите, что мы правы и чисты, какъ солнце...

Іосафъ продолжалъ думать: онъ хаживалъ иногда къ помѣщикамъ для совѣта по ихъ дѣламъ и даже любилъ это, какъ бы все-таки нѣсколько адвокатское занятіе.

— Сдѣлайте милость,—повторялъ между тѣмъ Бжестовскій:—и ужъ, конечно, мы благодарить будемъ, какъ это дѣлается между порядочными и благородными людьми...

Іосафъ посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Хорошо-съ, пожалуй! Ужо вечеркомъ зайду,—проговорилъ онъ неторопливо.

Бжестовскій разсыпался передъ нимъ въ выраженіяхъ полнѣйшей благодарности.

— Мы живемъ на набережной, въ домѣ Дурындиныхъ,—заключилъ онъ и, еще разъ раскланявшись передъ Іосафомъ, молодцовато вышелъ изъ приказа.

VI.

Большой каменный домъ Дурындиныхъ былъ купеческій. Какъ бо̀льшая часть изъ нихъ, онъ, и самъ-то неизвѣстно для чего выстроенный, имѣлъ сверхъ того еще въ своемъ

бельэтажѣ (тоже Богу вѣдомо для какихъ употребленій) нѣсколько гостиныхъ—полинялыхъ, запыленныхъ, съ тяжеловатою краснаго дерева мебелью, имѣлъ огромную залу съ паркетнымъ, во многихъ мѣстахъ троснувшимъ поломъ, съ лѣпнымъ и частью уже обвалившимся карнизомъ, съ мраморными столами на золотыхъ ножкахъ, съ зеркалами въ старинныхъ бронзовыхъ рамахъ, тянущимися почти во всю длину простѣнковъ. Введенный именно въ эту залу казачкомъ-лакеемъ, Іосафъ нѣсколько сконфузился, тѣмъ болѣе, когда послышался шелестъ женскаго платья и изъ гостиной вышла молодая и очень стройная дама.

— Братъ сейчасъ будетъ... извините, пожалуйста,—проговорила она, прямо подходя къ нему и подавая ему руку.

Іосафъ окончательно растерялся: въ первый еще разъ въ жизни онъ почувствовалъ въ своей жесткой рукѣ — женскую ручку и такую, кажется, хорошенькую! Подшаркнувши ногой, какъ только можно неловко, онъ проговорилъ:

— Помилуйте-съ, ничего!

— Пойдемте однако въ боскетную,—сказала Костырева и пошла.

Іосафъ послѣдовалъ за нею. Комната, въ которую они пошли, дѣйствительно была съ самаго потолка до полу расписана яркою зеленью, посреди которой летало нѣсколько птицъ и гуляло нѣсколько звѣрей. Хозяйка сѣла у маленькаго стола, на угловомъ, очень уютномъ диванчикѣ, и пригласила сдѣлать то же самое и Іосафа, и даже очень невдалекѣ отъ нея. Исполнивъ это, Ферапонтовъ наконецъ осмѣлился поднять глаза и увидѣлъ передъ собой рѣшительно какую-то ангелоподобную блондинку; бѣлокурые волосы ея, нѣсколько зачесанные назадъ, спускались изъ-за ушей двумя толстыми локонами на правильнѣйшимъ образомъ очерченную шейку. Нѣжный цвѣтъ лица... полуприподнятые мечтательно кверху голубые глаза... эти наконецъ ямочки на щекахъ... этотъ носикъ и розовыя, толстоватыя, какъ бы манящія васъ на поцѣлуй, губки,—все это имѣло какое-то чрезвычайно милое и осмысленное выраженіе. Одѣта она была въ кисейную блузу, довольно низко застегнутую на груди и перехваченную на стройномъ станѣ поясомъ. Широкіе, разрѣзные рукава почти обнажали какъ бы выточенныя изъ слоновой кости ея длинныя руки; а изъ-подъ опустившейся безконечными складками юбки замѣтно обрисовывалось круглое колѣночко, и какое, должно-быть, колѣночко, такъ что Іосафъ и самъ не понималъ, что̀ такое съ нимъ происходило.

— Братъ говорилъ вамъ о моемъ дѣлѣ?—начала хозяйка.

— Да-съ,—отвѣчалъ Іосафъ:—двѣ тысячи семьсотъ рублей на имѣніи недоимки,—прибавилъ онъ.

— Какъ много! Но скажите: тамъ у меня есть мельница и огромная лѣсная дача. Я сейчасъ бы готова была съ удовольствіемъ продать ихъ и заплатила бы этимъ.

— Онѣ у васъ значатся въ описи?

— Не знаю. Я ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ.

— Но вѣдь опись у васъ есть?—спросилъ Іосафъ замѣтно уже участливымъ тономъ.

— Право, и того не знаю. Есть какія-то бумаги,—отвѣчала Костырева и торопливо, съ безпокойствомъ, вынула изъ своего рабочаго столика нѣсколько исписанныхъ листовъ.

Іосафъ чуть-было не задрожалъ, когда она, подавая ему ихъ, слегка прикоснулась своимъ пальчикомъ до его руки.

Это была въ самомъ дѣлѣ опись имѣнію. Ферапонтовъ началъ внимательно просматривать ее.

— Мельница на рѣкѣ Шекснѣ?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчала Костырева.

— Лѣсная дача называется «Матренкины Долы»?

— Да,—повторила Костырева.

— Онѣ значатся въ описи-съ,—проговорилъ Іосафъ грустнымъ голосомъ.

— Что жъ, намъ не разрѣшатъ продажи?—спросила Костырева съ такимъ испугомъ на лицѣ, какъ будто бы сейчасъ же рѣшилась ея участь.

Іосафъ чувствовалъ только, что отъ жалости у него вся кровь бросилась въ голову.

— Врядъ ли-съ! — произнесъ онъ и постарался насильно улыбнуться, чтобы хоть этимъ смягчить свой отвѣтъ.

Прекрасные глаза хозяйки наполнились слезами.

— Какъ же мнѣ, несчастной, быть?—произнесла она и, окончательно заплакавъ, закрыла лицо руками.

У Іосафа сердце готово было разорваться на части. Онъ тупо и какъ-то безсмысленно смотрѣлъ на нее, но въ залѣ раздались мужскіе шаги. Костырева торопливо вынула изъ своего кармана тонкій, съ вышитыми концами, батистовый платокъ и поспѣшно обтерла имъ свои глазки. Іосафъ при этомъ почувствовалъ запахъ какихъ-то духовъ.

— Это братъ пріѣхалъ, онъ не любитъ, когда я плачу,—проговорила она; и въ боскетную, въ самомъ дѣлѣ, вошелъ Бжестовскій, который показался на этотъ разъ Іосафу какъ-то еще франтоватѣй и красивѣе.

— Добрый день,—проговорилъ онъ, дружески подавая Іосафу руку, и потомъ протянулъ ее сестрѣ.

Та ударила по ней своей ручкой. Бжестовскій поцѣловалъ ее у ней, и при этомъ она съ такою нѣжностью прижала къ его лбу свои губки, что у Іосафа поджилки задрожали. «Что, если бъ этотъ поцѣлуй достался ему»,—безумно подумалъ онъ.

Бжестовскій между тѣмъ разсѣлся въ креслахъ и вытянулъ свои, въ тѣхъ же щегольскихъ лаковыхъ сапогахъ, ноги.

— Что̀, пане добродзею, — будьте такой добрый, скажите:—придумали ли вы что-нибудь?

Іосафъ нѣсколько приподнялъ свою наклоненную голову.

— Покупщика вы на мельницу и на лѣсъ вѣрнаго имѣете?—спросилъ онъ.

— Очень вѣрнаго... сосѣдъ нашъ по имѣнію... прекраснѣйшій человѣкъ... отличный семьянинъ...—отвѣчалъ Бжестовскій.

Іосафъ началъ соображать.

— Извольте-съ, — началъ онъ, разводя руками: — я изготовлю вамъ прошеніе въ такомъ родѣ, что вотъ вы представляете деньги по оцѣнкѣ, значащейся въ описи этимъ предметамъ, просите разрѣшить продажу ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріостановить и самый аукціонъ.

— Такъ... такъ... — повторялъ за нимъ Бжестовскій: — но вы говорите—деньги представляя... Для насъ это рѣшительно невозможно, потому что, откровенно сказать, мы теперь совершенно безъ копейки.

— Да что̀ тутъ? Деньги пустыя:—всего какихъ-нибудь по оцѣнкѣ за мельницу пятьсотъ рублей, да за пустошь двѣсти... Такія найти можно-съ... я пріищу вамъ...—говорилъ Іосафъ, самъ, кажется, не помнившій, что̀ дѣлаетъ, и имѣвшій въ этомъ случаѣ въ виду свой маленькій капиталецъ, нажитый и сбереженный имъ въ пятнадцать лѣтъ, на случай тяжкой болѣзни или выгона изъ службы.

Бжестовскій сталъ передъ нимъ съ удивленіемъ на ноги.

— Я словъ даже не нахожу выразить вамъ мою благодарность,—проговорилъ онъ.

Іосафъ тоже поднялся и неуклюже раскланивался.

— О, благородный человѣкъ!—произнесла Костырева, протягивая ему руку, и, когда онъ подалъ ей свою лапу, она крѣпко-крѣпко сжала ее.

У Іосафа начинало ужъ зеленѣть въ глазахъ. Въ это время вошелъ лакей-казачокъ, въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, и доложилъ, что чай готовъ.

— Пойдемте! — сказала хозяйка и, проходя мимо Іосафа, легонько задѣла его за колѣно своимъ платьемъ.

Въ залѣ, на кругломъ среднемъ столѣ, стоялъ свѣтло вычищенный самоваръ и прочій чайный приборъ, тоже чрезвычайно чистый.

Костырева принялась хозяйничать: сначала она залила чай въ серебряный чайникъ, накрыла его бѣлой салфеточкой и сверхъ того еще положила на него свою чудную ручку. Іосафъ и Бжестовскій усѣлись на другомъ концѣ стола. Герою моему никогда еще не случалось видѣть, чтобы, въ присутствіи его, молодая, прекрасная собой женщина разливала чай; и, Боже мой, какъ понравилась ему вся эта картина.

— Не хотите ли вы сливокъ или рому? — проговорила хозяйка и сама, проворно вставъ, подошла къ Іосафу и, немного наклонившись, стала подливать ему изъ маленькаго графинчика въ стаканъ.

При этомъ грудь ея была почти передъ самымъ лицомъ его; онъ видѣлъ, какъ она слегка колыхалась, и даже чувствовалъ, что его опахивала какая-то обаятельная теплота. Что̀ съ нимъ было въ эти минуты, и сказать того невозможно.

Послѣ чаю Бжестовскій предложилъ сестрѣ:

— Не лучше ли, душа моя, намъ итти посидѣть на балконѣ?

— Хорошо, — отвѣчала она и очень милымъ движеніемъ пригласила и Іосафа, проговоря:—угодно вамъ?

Тотъ пошелъ. Сначала его провели черезъ длинную гостиную, въ которой онъ успѣлъ только замѣтить люстру въ чехлѣ да огромную изразцовую печь, на которой вылѣплена была Церера съ серпомъ и съ какимъ-то необыкновенно толстымъ и внизъ опустившимся животомъ. Слѣдующая комната, вѣроятно, служила уборной хозяйки, потому что на столикѣ стояло въ серебряной рамкѣ кокетливое женское зеркало, съ опущенными на него кисейными занавѣсками; а на другой сторонѣ, что̀ невольно бросилось Іосафу въ глаза, онъ увидѣлъ за ситцевой перегородкой зачѣмъ-то двуспальную кровать и даже съ двумя изголовьями. Объ этомъ онъ, впрочемъ, сейчасъ же забылъ, какъ вышли на балконъ. Вечерній воздухъ начиналъ уже свѣжѣть. Не спавшая еще съ воды рѣка подходила почти къ самому дому, такъ что балконъ какъ будто бы висѣлъ надъ нею. Неустанно и торопливо катила она свои сѣроватыя и небольшія волны. Противъ самаго почти города теперь проходилъ цѣлый караванъ барокъ, которыя, съ надувшимися парусами, какъ гигантскіе бѣлогрудые лебеди, тихо двигались одна за другой. Вдали виднѣлся, какъ бы на островкѣ, монастырь. Освѣщенный сзади солнцемъ, онъ со своей толстой стѣной, съ виднѣвшимися изъ-за нея деревьями, съ своими церквями и колокольнями, весь отражался нѣсколько изломанными линіями въ рябоватой зыби.

— Какой прекрасный видъ! — рѣшился Іосафъ уже прямо отнестить къ Костыревой.

— Да, чудный: я не налюбуюсь имъ, — отвѣчала она и вслѣдъ затѣмъ устремила разсѣянный взглядъ на рѣку; но потомъ вдругъ поблѣднѣла, проворно встала и едва успѣла опереться на косякъ.

Іосафъ тоже вскочилъ.

— Что̀ съ вами-съ?—проговорилъ онъ съ неменьшимъ ея испугомъ.

— Ничего... я засмотрѣлась внизъ на воду, и у меня закружилась голова,—отвѣчала она все еще блѣдная, но уже съ милой улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ лучше уйти отсюда, — сказалъ Бжестовскій.

— Да,—согласилась Костырева.

Всѣ возвратились въ залу.

«Боже мой, какое это нѣжное и деликатное созданіе!»—думалъ про себя Іосафъ и, чтобы скрыть волновавшія его ощущенія, заговорилъ опять о дѣлѣ.

— Теперь надо просьбу написать-съ,—сказалъ онъ.

— Будьте такой добрый,—подхватилъ Бжестовскій и, проворно сходивъ, принесъ чернильницу и бумагу.

Іосафъ написалъ прошеніе прямо набѣло.

— Подписать вамъ надобно-съ,—отнесся онъ уже съ улыбкой къ Костыревой.

— Ахъ, сейчасъ, — отвѣчала она и осторожно взяла въ свою бѣленькую ручку загрязненное перо.

Іосафъ сталъ у нея за плечами. Онъ видѣлъ при этомъ ея чудную сзади шейку, ея толстую косу, едва уложенную въ три кольца, и наконецъ часть ея груди, гораздо болѣе уже открывшейся, чѣмъ это было, когда она наклонялась передъ нимъ за чаемъ.

— Къ сему прошенію... — диктовалъ онъ смущеннымъ голосомъ:—имя ваше-съ и отчество?

— Эмилія Никтополіоновна.

— Эмилія Никтополіонова Костырева руку приложила-съ,— додиктовалъ Іосафъ.

Эмилія написала все это тоненькимъ, мелкимъ и не совсѣмъ грамотнымъ почеркомъ.

— Merci, m-r Ферапонтовъ, merci, — повторила она нѣсколько разъ и, взявъ его за обѣ руки, долго-долго пожимала ихъ.

Іосафъ не выдержалъ и поцѣловалъ у ней ручку, и при этомъ — о, счастье! — онъ почувствовалъ, что и она его чмокнула своими божественными губками въ его замѣтно уже начинавшую образовываться плѣшь. Растерявшись до-нельзя,

онъ сейчасъ же началъ раскланиваться. Бжестовскій пошелъ провожать его до передней и самъ даже подалъ ему шинель. Эмилія, когда Іосафъ вышелъ на дворъ, нарочно подошла къ отворенному окну.

— До свиданья, m-r Ферапонтовъ, — говорила она, привѣтливо кивая ему головою, и Іосафъ нѣсколько разъ снималъ свою шляпу, поводилъ ею въ воздухѣ, но сказать ничего не нашелся, и скрылся за калитку.

VII.

Проснувшись на другой день поутру, Іосафъ съ какой-то суетливостью собралъ всѣ свои деньжонки, положилъ ихъ въ прошеніе Костыревой и, придя въ приказъ, до пріѣзда еще присутствующихъ, самъ незаконно помѣтилъ его, сдалъ сейчасъ же въ столъ, самъ написалъ по немъ докладъ, въ которомъ, прямо опредѣляя—продажу Костыревой разрѣшить и аукціонъ на ея имѣніе пріостановить, подсунулъ-было это вмѣстѣ съ прочими докладами члену для подписи, а самъ, замѣтно взволнованный, все время оставался въ присутствіи и не уходилъ оттуда. Старикъ, начальникъ приказа, лѣтъ уже семнадцать тому назадъ, какъ мы знаемъ, пришибленный параличомъ, былъ не совсѣмъ твердъ въ языкѣ и памяти, но на этотъ разъ однако какъ-то вдругъ прозрѣлъ.

— Асафъ Асафычъ, это что̀ такое? — спросилъ онъ, остановясь именно на интересномъ для Іосафа докладѣ.

Ферапонтовъ поблѣднѣлъ.

— Прошенье Костыревой... деньги она представляетъ... проситъ тамъ остановить торги,—проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Какъ же это такъ? — спросилъ его опять непремѣнный членъ, уставляя на него свои безсмысленные глаза.

— Да такъ... надо остановить... тутъ вотъ прямая статья насчетъ этого подведена...

— Все же, братъ, надо прежде доложить губернатору.

— Зачѣмъ же губернатору-то докладывать? Всякими пустяками безпокоить его, — возразилъ Іосафъ, и у него уже сильно дрожали губы.

— Какіе пустяки... хуже, какъ самъ наскочитъ... тогда и не спасешься отъ него.

— Спасаться-то тутъ не отъ чего. Не первый годъ, кажется, служатъ съ вами... Никогда еще ни подъ что васъ не подводилъ.

— Что̀ жъ ты на меня-то сердишься!.. — возразилъ ему

добродушно старикъ: — я, съ своей стороны, готовъ бы хоть сейчасъ, какъ бы не этакій башибузукъ сидѣлъ у насъ наверху. Этта вонъ при мнѣ за пустую бумажонку на правителя канцеляріи взбѣсился: затопалъ... затопалъ... пѣна у рта... Тигръ, а не человѣкъ.

— Да хоть бы онъ растигръ былъ. Это дѣло правое... я и самъ не восьмиголовый какой... Нечего тутъ сомнѣваться-то, подписывайте! — проговорилъ-было Іосафъ, привыкшій почти безусловно командовать своимъ начальникомъ.

Но старикъ на этотъ разъ однако уперся.

— Нѣтъ, братъ, какъ хочешь: доложить я доложу, а самъ собой не могу, — проговорилъ онъ.

Іосафъ только сплюнулъ отъ досады и вышелъ-было изъ присутствія; но вскорѣ опять воротился.

— Пожалуйста, Михайла Петровичъ, подпишите, сдѣлайте для меня хоть разъ это одолженіе. Я еще никогда не просилъ васъ ни о чемъ, — произнесъ онъ какимъ-то жалобно умоляющимъ голосомъ.

— Только не это, братъ, не это! — сказалъ старикъ окончательно рѣшительнымъ тономъ.

Не совсѣмъ уже ясно понимая самъ дѣла и видя такое настояніе отъ бухгалтера, онъ прямо заподозрѣлъ, что тотъ, вѣрно, хватилъ тутъ какой-нибудь значительный кушъ и хочетъ теперь его подвести.

— Вотъ отсохни мой языкъ, коли такъ!.. — воскликнулъ вдругъ Іосафъ, крестясь и показывая на образъ. — Слова теперь не скажу вамъ ни по какому дѣлу... Подписывайте сами, какъ знаете.

— Ну что̀ жъ? Богъ съ тобой, — говорилъ старикъ, растерявшись.

Іосафъ, сердито хлопнувъ дверями, опять вышелъ и конецъ присутствія досидѣлъ, какъ на иголкахъ. Возвратясь домой, онъ тоже, кажется, рѣшительно не зналъ, что̀ съ собою дѣлать: то ложился на диванъ, то въ какомъ-то волненіи вставалъ и начиналъ глядѣть на свой маленькій дворикъ. Тамъ, на протянутой отъ погреба до забора веревкѣ, висѣли и сушились его зимняя шинель, шуба, валеные сапоги и даже его восьмиклассный мундиръ и треугольная шляпа. Нѣсколько дальше въ тѣни, около бани, двое маленькихъ пѣтушковъ старательнѣйшимъ образомъ производили между собою драку: по крайней мѣрѣ по получасу стояли они, лукаво не шевелясь и нахохлившись другъ передъ другомъ, потомъ вдругъ наскакивали другъ на дружку, разскакивались и снова уставляли головенки одна противъ другой; но ничто это не заняло,

какъ бывало прежде, Іосафа. Часовъ въ семь онъ кликнулъ свою кухарку и велѣлъ себѣ дать умываться. При этомъ онъ до такой степени теръ себѣ шею, за ушами и фыркалъ, что даже всю бабу забрызгалъ.

— Чтой-то больно ужъ сегодня размылись,—говорила она и принесла-было, по обыкновенію, ему старые штаны.

— Давай новые, все давай новое,—проговорилъ Іосафъ и, поставивши ногу на столъ, самъ принялся себѣ чистить сапоги.

Надѣвъ потомъ фракъ, онъ по крайней мѣрѣ съ полчаса причесывалъ бакенбарды, вытащилъ изъ нихъ до десятка сѣдыхъ волосъ, и затѣмъ, надѣвъ нѣсколько набекрень свою шляпу, вышелъ и прямѣйшимъ путемъ направилъ стопы свои къ дому Дурындиныхъ. Тамъ его встрѣтили совершенно какъ родного: Эмилія показалась Іосафу еще прелестнѣе; она одѣта была въ черное шелковое платье. Талія ея до того была тонка, что, казалось, онъ могъ бы обхватить ее своими двумя огромными пальцами; на ножкахъ ея были надѣты толстыя на высокихъ каблукахъ ботинки, которыми она, ходя, кокетливо постукивала. Бжестовскій былъ тоже, по обыкновенію, разодѣтъ, но только нѣсколько по-домашнему: онъ былъ въ башмакахъ, въ широкихъ шальварахъ, завязанныхъ шелковымъ шнуркомъ, безъ жилета, но въ отличнѣйшемъ бѣльѣ, и наконецъ въ коротенькомъ сюртучкѣ, кругомъ выложенномъ краснымъ шнуркомъ. Іосафъ даже и не предполагалъ никогда, что мужчина можетъ быть такъ одѣтъ. Чтобы не встревожить Эмилію, онъ объяснилъ ей только то, что просьбу онъ подалъ и деньги представилъ.

— Но, Боже мой, мнѣ, по крайней мѣрѣ, надо вамъ дать расписку въ нихъ, — проговорила Эмилія сконфуженнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ же-съ? Когда станете платить въ приказъ, деньги ваши черезъ мои же руки пойдутъ, тогда я и вычту свои,—отвѣчалъ Іосафъ.

Бжестовскій при этомъ посмотрѣлъ на него пристально и ничего не сказалъ, а Эмилія еще болѣе сконфузилась. За чаемъ она попрежнему угощала Іосафа самымъ радушнымъ образомъ, и при этомъ онъ своими глазами видѣлъ, что она какъ-то таинственно взглядывала на него и полулукаво улыбалась ему. На лицѣ Бжестовскаго тоже была написана какая-то странная усмѣшка.

Когда стемнѣло, человѣкъ подалъ лампу съ абажуромъ. Эмилія усѣлась передъ ней съ работой. Прекрасныя ручки ея, усиленно освѣщенныя свѣтомъ огня, проворно и ловко вырѣзывали на батистѣ дырочки и обшивали ихъ тончайшей

бумагой; Іосафъ и эту картину видѣлъ еще первый разъ въ жизни.

— Скажите, вы давно служите въ приказѣ?—спросилъ его Бжестовскій.

— Давно-съ! Былъ тоже когда-то студентомъ... учился кой-чему,—проговорилъ Іосафъ и, не докончивъ, потупилъ голову.

— Вы были студентомъ? — произнесла съ участіемъ хозяйка.—Какъ я люблю студентовъ! Когда мы жили въ Кіевѣ, ихъ такъ много ходило къ намъ въ домъ.

Іосафъ на это только вздохнулъ, какъ паровая машина: о, если бы хоть частичка этой любви выпала на его долю!

— А что̀ вы, женатый или холостой? — спросила Эмилія и, ей-Богу, кажется, говоря это, покраснѣла.

— Нѣтъ-съ, я старый холостякъ, — отвѣчалъ онъ.

— Почему же старый? — сказала Эмилія и устремила на него взглядъ.—Можетъ-быть, вы много жили?—прибавила она.

При этомъ ужъ Іосафъ весь вспыхнулъ.

— Напротивъ-съ, — отвѣчалъ онъ.

Съ лица Бжестовскаго попрежнему не сходила какая-то насмѣшливая улыбка.

— И вы даже въ виду не имѣете никакой партіи? — вмѣшался онъ въ разговоръ, какъ бы вторя сестрѣ.

— Нѣтъ-съ, какая партія,—отвѣчалъ Іосафъ какъ бы нѣсколько даже обиженнымъ тономъ.

— Отчего же? — простодушно спросила Эмилія.

— Судьбы, вѣроятно, нѣтъ-съ.

— Ну нѣтъ! Вы, кажется, такой добрый, что можете составить счастье каждой женщины... — проговорила Эмилія.

Іосафъ чувствовалъ, что у него потъ холодными каплями выступалъ на лбу. Бжестовскій между тѣмъ всталъ и, какъ бы желая походить, прошелъ въ дальнія комнаты.

Іосафъ остался съ глазу на глазъ съ Эмиліею.

— И вы никогда не были влюблены?—спросила она, низко-низко наклоняясь надъ работой.

Вопросъ этотъ окончательно дорѣзалъ Іосафа.

— Можетъ-быть-съ, не былъ, а теперь есть... — пробормоталъ онъ и отъ волненія зашевелилъ ногами подъ столомъ.

— Теперь?—повторила многозначительно Эмилія.

Бжестовскій въ это время возвратился; Іосафъ, какъ-то глупо улыбаясь, сталъ глядѣть на него. Однако, замѣтивъ, что Бжестовскій позѣвнулъ, Эмилія тоже, по извѣстной симпатіи, закрывъ ручкой ротъ, сдѣлала миленькую гримасу; онъ не счелъ себя въ правѣ долѣе безпокоить ихъ и сталъ прощаться. При этомъ онъ опять осмѣлился поцѣловать у Эмиліи ручку

и опять почувствовалъ, что она чмокнула его въ темя. Бжстовскій опять проводилъ его самымъ любезнымъ образомъ до дверей.

Проходя домой по освѣщеннымъ луною улицамъ, Іосафъ весь погрузился въ мысли о прекрасной вдовѣ: онъ самъ ужъ теперь очень хорошо понималъ, что былъ страстно, безумно влюбленъ. Все, что̀ было въ его натурѣ поэтическаго, всѣ эти задержанныя и разбитыя въ юности мечты и надежды, вся способность итти на самоотверженіе,—все это какъ бы сосредоточилось на этомъ божественномъ, по его мнѣнію, существѣ, служить которому рабски, безпротестно, онъ считалъ для себя наипріятнѣйшимъ долгомъ и какой-то своей святой обязанностью.

VIII.

Скрипя перьями и шелестя, какъ мыши, бумагами, писала канцелярія приказа доклады, исходящія. Наружная дверь безпрестанно отворялась. Сначала-было ввалился въ нее мужикъ въ овчинномъ полушубкѣ, которому, впрочемъ, слѣдовало итти къ агенту Общества «Кавказъ», а онъ, по разспросамъ, попалъ въ приказъ. Писцы, конечно, сейчасъ же со смѣхомъ прогнали его.

Послѣ него вошла старушка-мѣщанка, принесшая тоже положить въ приказъ, себѣ на погребенье, десять цѣлковенькихъ и по крайней мѣрѣ съ полчаса пристававшая къ Іосафу, отдадутъ ли ей эти деньги назадъ.

— Отдадутъ, отдадутъ, — отвѣчалъ онъ.

— Не обидьте ужъ, государь мой, меня, — говорила она и положила-было ему четвертачокъ на конторку.

— Поди, старый чортъ, что̀ ты!—крикнулъ онъ и бросилъ ей деньги назадъ.

— Виновата, коли такъ, кормилецъ мой... — проговорила старуха и, подобравъ деньги, убралась.

Двери наконецъ снова отворились, и вошелъ непремѣнный членъ съ озабоченнымъ лицомъ и съ портфелью подъ мышкой. Вся канцелярія вытянулась на ноги, Іосафъ тоже поднялся, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ. Членъ прошелъ въ присутствіе, Ферапонтовъ тоже послѣдовалъ за нимъ.

— Что̀, какъ-съ?—спросилъ онъ, глядя на начальника.

— А на-те вотъ посмотрите... полюбуйтесь, — отвѣчалъ тотъ и вынулъ изъ портфеля журналы приказа, разорванные на нѣсколько клочковъ. — Ей-Богу, служить съ нимъ невозможно! — продолжалъ старикъ, только что не плача:—

прямо говоритъ: «Мошенники вы, взяточники!.. Кто, говоритъ, какой мерзавецъ писалъ докладъ?»—Помилуйте, говорю, писалъ самъ бухгалтеръ. — «На гауптвахту, говоритъ, его; уморю его тамъ». На гауптвахту велѣлъ вамъ итти на три дня. Ступайте.

Въ продолженіе этого разсказа Іосафъ все болѣе и болѣе блѣднѣлъ.

— Спасибо вамъ, благодарю — подо что подвели да насказали, — проговорилъ онъ.

— Что̀ же я тутъ виноватъ?.. Чѣмъ?

— Чѣмъ?.. да! — проговорилъ Іосафъ, почти что передразнивая начальника. — Для васъ, кажется, все было дѣлано, а вы въ какомъ-нибудь пустомъ дѣлишкѣ не хотѣли удовольствія сдѣлать. Благодарю васъ!

— Что̀ жъ ты ужъ очень разблагодарствовался!—прикрикнулъ наконецъ старикъ, принявъ нѣсколько начальническій тонъ: — тебѣ сказано приказанье: ступай на три дня на гауптвахту, — больше и разговаривать нечего!

— Это-то я знаю, что вы сумѣете сдѣлать, знаю это! — произнесъ почти съ бѣшенствомъ Іосафъ и ушелъ.

Но, выйдя на улицу и нѣсколько успокоившись на свѣжемъ воздухѣ, онъ даже разсмѣялся своему положенію: онъ самъ долженъ былъ итти и сказать, чтобы его наказали. Подойдя къ гауптвахтѣ, онъ рѣшительно не находился, что̀ ему дѣлать.

Однако его вывелъ изъ затрудненія стоявшій на плацу молоденькій гарнизонный офицерикъ, съ какой-то необыкновенно глупой, круглой рожей и съ совершенно прямыми, огромными ушами, но тоже въ каскѣ, въ шарфѣ и со значкомъ на груди.

— Что̀ вамъ надо? — спросилъ онъ его строго.

— Меня на гауптвахту прислали, чтобы посадили, — отвѣчалъ Іосафъ.

— А! Ступайте! Вѣроятно, за взяточки... хапнули этакъ немного, — говорилъ юный дуралей, провожая своего арестанта въ офицерскую комнату, которая, какъ водится, имѣла желѣзную рѣшетку въ окнѣ.

Стѣны ея, когда-то, должно-быть, покрашенныя желтой краской, были по всевозможнымъ мѣстамъ исписаны карандашомъ, заплеваны и перепачканы раздавленными клопами. Деревянная кровать, съ голыми и ничѣмъ не покрытыми досками, тоже, повидимому, была обильнымъ вмѣстилищемъ разнообразныхъ насѣкомыхъ. Изъ полупритворенныхъ дверей въ темномъ углу слѣдующей комнаты виднѣлось нѣсколько мрачныхъ солдатскихъ физіономій. Чувствуемый оттуда запахъ махорки и какими-то прокислыми щами дѣлалъ почти

невыносимымъ жизнь въ этомъ мѣстѣ. Іосафъ сѣлъ и задумался. Всего грустнѣй ему было то, что онъ три дня не увидитъ своего божества; но въ это время вдругъ на платформѣ послышался нѣжный женскій голосъ. Іосафъ задрожалъ, и вслѣдъ же затѣмъ въ комнату вошла Эмилія, въ бѣломъ платьѣ, въ бѣлой шляпкѣ и бѣломъ бурнусѣ, совершенно какъ бы фея, прилетѣвшая посѣтить его въ темницѣ.

Іосафъ могъ встрѣтить ее только какимъ-то не совсѣмъ искреннимъ смѣхомъ.

— Боже мой, что̀ такое съ вами? — говорила Эмилія съ безпокойствомъ.

— Такъ, ничего-съ! — отвѣчалъ Іосафъ, продолжая смѣяться.

— Какъ ничего? Братъ сейчасъ былъ въ приказѣ, тамъ говорятъ, что васъ посадили за мое дѣло! — возразила Эмилія и съ замѣтнымъ чувствомъ брезгливости присѣла на кровать.

— Ничего-съ, такъ себѣ, потѣшиться захотѣли...—отвѣчалъ Іосафъ.—Всѣ вѣдь мы-съ, чиновники, таковы!.. Не то, чтобы сдѣлать что-нибудь для кого, а нельзя ли каждаго стѣснить и сдавить... точно войско какое, пришли въ завоеванное государство и полонили всѣхъ.

— О, нѣтъ, вы не такой!—говорила Эмилія, смотря на него почти съ нѣжностью.

— Я васъ прошу и умоляю, — продолжалъ Іосафъ, прижимая руку къ сердцу:— только объ одномъ не безпокоиться — о вашемъ дѣлѣ. Я для васъ жизнью готовъ пожертвовать.

— Да, вы чудный человѣкъ, — подхватила Эмилія и задумалась.

Іосафъ молча глядѣлъ на нее: сколько бы ему хотѣлось и надо было сказать ей, но ничего однако не осмѣливался. Эмилія наконецъ встала.

— Какъ здѣсь нехорошо... грязно... — проговорила она и вздумала-было прочесть одну изъ надписей на стѣнкѣ, но въ ту же минуту сконфузилась и отвернулась. — Прощайте, мой другъ! Я буду еще у васъ, — сказала она.

Іосафъ, по обыкновенію, поспѣшилъ поцѣловать у нея ручку, и при этомъ она уже чмокнула его не въ темя, не въ щеку даже, но Іосафъ такъ успѣлъ пригнать, что прямо въ губы.

— О, какой вы хитрый, вы умѣете воровать поцѣлуи! — проговорила она, вся вспыхнувъ, и проворно убѣжала.

Іосафъ въ восторгѣ упалъ на диванъ и закрылъ себѣ лицо руками.

IX.

Дня черезъ два послѣ того Ферапонтовъ шелъ по одному изъ самыхъ глухихъ переулковъ. Почти уже на выѣздѣ изъ города онъ остановился передъ старымъ, полуразвалившимся деревяннымъ домомъ, съ заколоченными наполовину окнами и съ затворенною калиткою. Іосафъ торнулся-было въ нее, но оказалось, что она была заперта. Зная, вѣроятно, хорошо обычай хозяина, онъ обошелъ домъ кругомъ и, перескочивъ, на задней его сторонѣ, черезъ невысокій заборъ, очутился въ огромнѣйшемъ огородѣ, наглухо заросшемъ капустою, картофелемъ и морковью. Пройдя его, онъ вышелъ на дворъ, на которомъ то тутъ, то тамъ виднѣлись почти съ отвалившимися углами надворныя строенія. У колодца, передъ колодой, неопрятная баба мыла себѣ судомойкой ноги.

— Климъ Захарычъ Фарфоровскій дома? — спросилъ ее Іосафъ.

— Дома, — отвѣчала баба.

Онъ пошелъ-было на парадное крыльцо.

— Не туда, съ задняго ступайте! — научила его баба.

Іосафъ взошелъ по развалившейся лѣсенкѣ на заднее крыльцо и попалъ прямо въ темную переднюю. Чтобы дать о себѣ знать, онъ прокашлянулъ, но отвѣта не послѣдовало. Онъ еще разъ кашлянулъ, снова то же; а между тѣмъ у него чѣмъ-то уже ужасно ѣло глаза, такъ что слезы даже показались.

«Что̀ за чортъ такой»,—подумалъ про себя Іосафъ и что̀ есть силы началъ стучать ногами.

— Кто тамъ?—послышался наконецъ изъ сосѣдней комнаты разбитый голосъ.

И вслѣдъ затѣмъ дверь изъ нея отворилась, и въ нее выглянулъ бѣлокурый, мозглявый старичокъ, съ поднятыми вверхъ тараканьими усами, въ худенькомъ, старенькомъ бѣличьемъ халатѣ.

— Ферапонтовъ изъ приказа! — объяснилъ ему Іосафъ.

— А, ну, войдите, войдите, — сказалъ старичокъ и впустилъ его.

Первое, что̀ бросилось Ферапонтову въ глаза—это стоявшіе на столикѣ маленькіе, какъ бы аптекарскіе вѣски, а въ углу, на комодѣ, помѣщался весь домашній скарбъ хозяина: грязный самоваришко, двѣ-три полинялыя чашки, около полдюжины обгрызанныхъ и треснувшихъ тарелокъ. По другой стѣнѣ стоялъ диванъ съ глубоко просиженнымъ къ одному краю мѣстомъ.

— Да! Такъ вотъ какъ!—сказалъ старичокъ, садясь именно на это просиженное мѣсто и утирая кулакомъ свои слезливые и какъ бы воспаленные глаза.

— Вотъ какъ-съ, да! — отвѣчалъ ему въ тонъ Іосафъ и тоже сѣлъ и утеръ слезы.

— Это вы отъ луку плачете? У меня тутъ лукъ въ наугольной сушится, — сказалъ ему хозяинъ, какъ-то кисло усмѣхаясь.

— Зачѣмъ же тутъ? Развѣ нѣтъ другого мѣста?—спросилъ было Ферапонтовъ.

— А гдѣ же? Въ какомъ мѣстѣ?—возразилъ Фарфоровскій и уже злобно оскалился.

Какъ ни много Іосафъ слышалъ объ этомъ чудакѣ, однако почти съ удивленіемъ смотрѣлъ на его сморщенное и изнуренное лицо, на его костлявыя и въ то же время красныя, съ совершенно обкусанными ногтями, руки. Собственно по чину Фарфоровскій былъ даже статскій совѣтникъ и нѣкогда переселился въ губернію изъ Петербурга, но всюду являлся какимъ-то несчастнымъ: оборванный, перепачканный. Не столько, кажется, скупецъ, сколько человѣкъ мнительный, онъ давно уже купилъ себѣ этотъ домишко и съ тѣхъ поръ поправки свои въ немъ ограничилъ только тѣмъ, что поставилъ по крайней мѣрѣ до шести подпорокъ въ своей обитаемой комнатѣ, и то единственно изъ опасенія, чтобы въ ней не обвалился потолокъ и не придавилъ его. Въ жаркій майскій день Іосафъ нашелъ его, какъ мы видѣли, въ мѣховомъ тулупчикѣ, и сверхъ того онъ еще безпрестанно боялся, что его отравятъ, и для этого каждое скудное блюдо, которое подавала ему его единственная прислужница-кухарка, онъ заставлялъ ее самоё прежде пробовать. Покупая какую-нибудь ничтожную вещь, онъ десять разъ придумывалъ, давалъ за нее цѣну, отпирался потомъ; иногда, купивъ совсѣмъ, снова возвращался въ лавку и умолялъ, чтобы ее взяли назадъ, говоря, что онъ ошибся. Дрожа каждую минуту, чтобы его не обокрали, онъ всю дрянь держалъ у себя въ домѣ, даже дрова хранилъ въ залѣ. Лукъ сушился въ наугольной по той же причинѣ. Въ отношеніи денегъ онъ болѣе всего, кажется, предпочиталъ государственныя кредитныя установленія, какъ самыя уже вѣрныя хранилища, а потому въ приказъ обыкновенно бѣгалъ по нѣскольку разъ въ недѣлю, внося то сто, то двѣсти рублей, и даже иногда не брезговалъ сохранной книжкой, кладя подъ нее по цѣлковому, по полтиннику.

— Вотъ вы все жаловались, что въ приказѣ проценты малы, — началъ Іосафъ.

— Али велики? — спросилъ Фарфоровскій и опять злобно оскалился.

— Ну, такъ вотъ отдайте въ частныя руки. Я вамъ смаклерю это... пятнадцать процентовъ получать будете.

Глаза у старика разгорѣлись.

— А залогъ какой? — спросилъ онъ торопливо.

— Да залогу тутъ совсѣмъ никакого нѣтъ, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Какъ же безъ залогу - то? — спросилъ Фарфоровскій, какъ бы мгновенно исполнившись глубочайшаго удивленія.

— А вотъ какъ, — отвѣчалъ Ферапонтовъ и объяснилъ-было ему все дѣло Костыревой; но старикъ въ отвѣтъ на это только усмѣхнулся.

— Самъ ты, милый человѣкъ, — началъ онъ уже наставительнымъ тономъ: — служишь при деньгахъ, а того не знаешь... Ну-ка, дай-ка мнѣ изъ твоего приказа-то хоть тысчонки двѣ безъ залога-то. Дай-ка!

— То мѣсто казенное.

— А, казенное? То, вотъ видишь, казна, — зашипѣлъ Фарфоровскій. — Казну сберегать надо; она у насъ бѣдная... Только частнаго человѣка грабить можно.

— Кто жъ васъ грабитъ? — спросилъ Іосафъ.

— Всѣ вы! Вонъ эта полиція... у ней у самой сто лѣтъ передъ домомъ мостовая не мощена; а меня заставляетъ: мости, гдѣ хошь бери, да мости!

— Вамъ-то пуще негдѣ взять.

— Много у меня; ты считалъ въ моемъ карманѣ-то?

— Извѣстно, что считалъ. Умрете, все вѣдь останется, — сказалъ Іосафъ, уже вставая.

— Умрешь и ты! Что̀ ты меня этимъ пугаешь! Молодой ты человѣкъ, пришелъ къ старику и огорчаешь его. Для чего?— вскинулся на него хозяинъ.

— Съ вами, видно, не сговоришь, — проговорилъ Іосафъ и пошелъ.

— Да нечего: стыдно! стыдно! — стыдилъ его хозяинъ.

Выйдя отъ Фарфоровскаго и опять пройдя дворомъ и огородами и перескочивъ черезъ заборъ, Іосафъ прямо же пошелъ еще къ другому человѣчку — сыну покойнаго и богатѣющаго купца Саввы Родіонова. Самъ старикъ очень незадолго передъ смертью своею, служа въ приказѣ засѣдателемъ, ужасно полюбилъ Іосафа за его басистый голосъ и знаніе церковной службы. Каждое воскресенье онъ звалъ его къ себѣ въ гости, поилъ, кормилъ на убой и потомъ, расчувствовавшись, усиленнѣйшимъ образомъ упрашивалъ его прочесть ему однимъ то-

номъ, не переводя духу, того дня Апостола, и когда Ферапонтовъ исполнялъ это, онъ, очень довольный, выворотивъ съ важностью брюхо, махая руками и почти со слезами на глазахъ, говорилъ: — «Асафушка! мой домъ — твой домъ! Самъ умру — сыну накажу это!..» Но—увы!—Іосафу и въ голову не приходило, что сынъ этотъ вовсе не походилъ на своего папеньку, мужика простого и размашистаго. По своей расчетливости, юный Родіоновъ былъ аспидъ, чудовище, могущее только породиться въ купеческомъ, на деньгахъ сколоченномъ сословіи: всего еще какихъ-нибудь двадцати пяти лѣтъ отъ роду, весьма благообразный изъ себя, всегда очень прилично одѣтый и даже довольно недурно воспитанный, онъ при этомъ какъ бы не имѣлъ ни одной изъ страстей человѣческихъ. У него, напримѣръ, былъ прекрасный экипажъ и отличныя лошади, но онъ и того не любилъ. Жилъ онъ въ цѣломъ бельэтажѣ своего огромнаго дома съ мраморными косяками, съ новомодными обоями, съ коврами, съ бронзой, съ дорогою мебелью; но на всемъ этомъ, гдѣ только возможно, были надѣты чехлы, постланы подстилки, которыя никогда не снимались, точно такъ же, какъ никогда ни одного человѣка не бывало у него въ гостяхъ. Аккуратнѣйшій въ своей жизни, какъ часовая машина, онъ каждый день объѣзжалъ свои лавки, фабрики. Въ субботу обыкновенно раздѣлывалъ всѣхъ мастеровыхъ самъ, и если какому-нибудь мужику приходилось съ него 99½ к., то онъ именно ему 99½ и отдавалъ, имѣя для этого нарочно намѣненныя денежки и полушки. Въ отношеніи значительныхъ лицъ въ городѣ Родіоновъ былъ чрезвычайно искателенъ; но это продолжалось только до перваго приглашенія къ какому-нибудь пожертвованію. Напрасно тутъ его ласкали, стращали, онъ откланивался, отшучивался, но не подавался ни на одну копейку. Даже ни одной приближенной женщины онъ не имѣлъ у себя, и когда, по этому случаю, нѣкоторые зубоскалы-помѣщики смѣялись ему, говоря:—«Что это, Николай Саввичъ, хоть бы ты на какую-нибудь черноглазую Машеньку размахнулся отъ твоихъ милліоновъ». — «Зачѣмъ же-съ это? Женюсь, такъ своя будетъ», — отвѣчалъ онъ обыкновенно. Кто бы съ нимъ ни говорилъ, особенно изъ людей маленькихъ и почему-либо отъ него зависящихъ, всякій чувствовалъ какую-то смертельную тоску, какъ будто бы передъ нимъ стоялъ автоматъ, котораго ничѣмъ нельзя было тронуть, ничего втолковать, и который только и повторялъ свое, одинъ разъ имъ навсегда сказанное.

Въ свѣтлой, съ дубовой мебелью, передней его Іосафъ нашелъ стараго еще знакомца своего, любимаго приказчика по-

койнаго Саввы Лукича, совсѣмъ ужъ посѣдѣвшаго и плѣшиваго.

— Здравствуйте, батюшка Іосафъ Іосафычъ, — сказалъ тотъ, тоже признавъ его.

— А что̀, хозяинъ дома? — спросилъ Ферапонтовъ.

Въ отвѣтъ на это старикъ вынулъ изъ кармана круглые, старинные часы и, посмотрѣвъ на нихъ, произнесъ:

— Теперь еще нѣтъ, а черезъ двадцать минутъ будутъ дома!

— Да вѣрно ли это?

— Вѣрно... Это ужъ у насъ вѣрно! — отвѣчалъ старикъ.

Въ голосѣ его въ одно и то же время слышалась грусть и насмѣшка.

Черезъ двадцать минутъ Родіоновъ дѣйствительно пріѣхалъ.

— А, здравствуйте! Сюда пожалуйте! — сказалъ онъ, увидѣвъ Іосафа и проходя скорымъ дѣловымъ шагомъ.

Далѣе, впрочемъ, залы онъ не повелъ его, а, остановившись у дверей въ гостиную, небрежно облокотился на нее.

— Что̀ скажете? — спросилъ онъ.

— Я къ вамъ, Николай Саввичъ, съ просьбой, — началъ Іосафъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Слушаемъ-съ! — произнесъ Родіоновъ.

Ферапонтовъ разсказалъ ему откровенно и подробно положеніе Костыревой.

— Такъ-съ, понимаемъ, — проговорилъ Родіоновъ, все какъ-то гордѣй и бездушнѣе начиная смотрѣть.

— А между тѣмъ изъ имѣнья... — продолжалъ Іосафъ убѣдительнѣйшимъ бы, кажется, по его мнѣнію, тономъ: — есть тамъ покупщики — купить лѣсъ и мельницу, такъ что вся недоимка сейчасъ бы могла быть покрыта.

— Такъ, такъ-съ!.. — повторялъ Родіоновъ и какъ бы отъ нетерпѣнія принялся качать ногою.

— Не можете ли вы, — договорилъ наконецъ Іосафъ: — одолжить ей на какіе-нибудь полгода двѣ съ половиной тысчонки, а что это вѣрно, такъ третью тысячу я за нее свою вношу.

— Денегъ-то у меня такихъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ наглѣйшимъ образомъ Родіоновъ.

Іосафъ даже попятился назадъ и усмѣхнулся.

— Какъ нѣтъ... помилуйте. Въ одномъ приказѣ у васъ лежитъ во сто разъ больше того...

— Что-что лежитъ? Тѣ деньги на другое нужны... Что̀ тебѣ надо? — крикнулъ вдругъ Родіоновъ, перемѣнивъ тонъ и обращаясь къ оборванному мужику, который вошелъ-было въ переднюю и робко пробирался по подстилкѣ.

— Я, Миколай Саввичъ, пропорцію свою, выходитъ, теперь выставилъ, — заговорилъ мужикъ, прижимая къ сердцу свою скоробленную руку.

— Ну, и прекрасно.

— Управляющій вашъ тоже теперь говоритъ: ступай говоритъ, къ Миколаю Саввичу.

— Зачѣмъ же къ Николаю-то Саввичу?

— Такъ какъ тоже, выходитъ, время теперь спѣшное: хоша бы тоже запашка теперь идетъ... хлѣбца мы покупаемъ.

— А вамъ что̀ сказано при заподрядкахъ? — спросилъ Родіоновъ, устремляя на мужика свой ледянящій душу взглядъ. — Что̀ сказано?

— Мы тоже, ваше степенство, хошь бы и напередъ того, завсегда, выходитъ, ваши покорные рабы, — ломилъ между тѣмъ мужикъ свое.

— Да ты мнѣ за деньги-то всегда покоренъ. Что̀ ты меня тѣмъ ублажаешь? Нечего тутъ разговаривать... пошелъ вонъ.

— Такъ какъ тоже на знакомствѣ выходитъ; вонъ хошь бы и Калошинскій баринъ; хорошо, говоритъ, везите, говоритъ, я, говоритъ, покупаю.

— Ну, коли покупаетъ, такъ и ступай къ нему. Убирайся.

Мужикъ однако постоялъ еще немного, почесалъ у себя затылокъ и потомъ неторопливо поворотилъ и пошелъ назадъ.

— У богатыхъ, указываютъ, денегъ много, — снова обратился Родіоновъ къ Іосафу: — да вѣдь у богатаго-то человѣка и дыръ много: всѣ ихъ надобно заткнуть. Тебѣ что̀ еще?.. — крикнулъ онъ опять на высокаго уже малаго, стриженаго, въ усахъ, и съ ногъ до головы перепачканнаго въ кирпичѣ, который какъ бы изъ-подъ земли выросъ въ передней.—Кто ты такой?

— Солдатъ... печникъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ тотъ, молодцовато вытягиваясь.

— Что̀ же тебѣ?

— Сложилъ печку-съ; совсѣмъ готова.

— Ну и ладно. Деньги вѣдь къ командиру пойдутъ.

— Точно такъ-съ, ваше благородіе.

— Ну, и ступай, значитъ.

— На водочку бы, ваше благородіе, — проговорилъ солдатъ просительнымъ уже тономъ.

— А не хочешь ли на пряннички?.. Ты бы лучше на пряннички попросилъ, — проговорилъ Родіоновъ.

Солдатъ сконфузился.

— Обнакновеніе ужъ, ваше благородіе, такое, — пробормоталъ онъ.

— Никакихъ и ничьихъ обыкновеній я знать не хочу, а у меня свое; значитъ, налѣво кругомъ и маширъ на гаусъ!

Солдатъ дѣйствительно повернулся налѣво кругомъ и вышелъ.

Во все это время Іосафа точно съ головы до ногъ обливали холодной водой, и только-было онъ хотѣлъ еще разъ попробовать повторить свою просьбу, какъ изъ гостиной вышелъ худощавый и очень, должно-быть, изнуренный молодой человѣкъ.

— Что̀? Вы написали расчетъ? — спросилъ его Родіоновъ, перенося на него свой ледянящій взглядъ.

— Написалъ-съ, — отвѣчалъ тотъ почтительно.

— До свиданья, — обратился Родіоновъ къ Іосафу и сейчасъ же ушелъ къ себѣ.

X.

Нѣсколько минутъ Ферапонтовъ оставался какъ бы ошеломленный на своемъ мѣстѣ: на Родіонова онъ возлагалъ послѣднюю свою надежду. Однако вдругъ, съ совершенно почти несвойственнымъ ему чутьемъ, онъ вспомнилъ еще объ одномъ отставномъ майорѣ Одинцовѣ, такомъ на видъ, кажется, добромъ, проживавшемъ въ Порховскомъ уѣздѣ, въ усадьбѣ Чурилинѣ, который, бывая иногда въ приказѣ, все разспрашивалъ писцовъ, кому бы ему отдать въ вѣрныя руки деньги на проценты. Не откладывая времени, Ферапонтовъ рѣшился сейчасъ же ѣхать къ нему. Утомленный, измученный, онъ сбѣгалъ наскоро домой, почти ничего не пообѣдалъ и сейчасъ же отправился искать извозчика. Не обращая вниманія на то, что съ него сходилъ въ тотъ день, по крайней мѣрѣ, уже девятый потъ, что его немилосердно жгло и палило солнце въ бока, въ затылокъ, онъ быстро шагалъ по раскаленному почти тротуару около постоялыхъ дворовъ, изъ которыхъ въ растворенныя ворота его сильно обдавало запахомъ дегтя, кожи и навоза. Заходя то въ тотъ, то въ другой, онъ наконецъ нашелъ парня, который зналъ усадьбу Чурилино; но самого парня еще надобно было отыскать: онъ пилъ гдѣ-то въ харчевнѣ чай съ земляками, такъ что только въ вечерни выѣхала къ услугамъ Іосафа, тамъ, откуда-то съ задовъ, телѣга, запряженная парою буланыхъ лошадей. Сидѣвшій на облучкѣ извозчикъ, съ продолговатымъ лицомъ и съ длиннымъ кривымъ носомъ, оказался такимъ огромнымъ мужичиной, что скорѣй пригоденъ былъ ворочать жернова, чѣмъ управлять своими кроткими животными. Выѣхавъ изъ города они сей-

часъ же своротили на проселокъ. Іосафъ, въ чиновничьемъ пальто, съ всклоченными и запыленными бакенбардами и въ фуражкѣ съ кокардой, полулежалъ на своей кожаной подушкѣ и смотрѣлъ вдаль... Какъ ни горько было у него на душѣ, но свѣжій загородный воздухъ проникъ въ его грудь, и сердце невольно забилось радостью. Почти пятнадцать лѣтъ онъ не выѣзжалъ изъ города, а между тѣмъ открывающіеся виды все становились живописнѣе и живописнѣе.

Вотъ они спускаются по ровному скату, расходившемуся во всѣ стороны. На немъ, живописно оживляя всю окрестность, гуляло, по крайней мѣрѣ, до ста коровъ. Дорога шла, направляясь къ кирпичному, краснаго цвѣта, строенію, съ бѣлѣвшимъ передъ нимъ прудомъ. Путникамъ нашимъ пришлось проѣзжать почти по самому краю его, такъ что они даже напугали плававшихъ тутъ въ осокѣ гусей, которые, при ихъ приближеніи, шумно и быстро отплыли въ сторону. Поднявшись отъ пруда въ гору, они увидѣли маленькую кузницу и закоптѣлаго, въ кожаномъ колпакѣ, кузнеца, возившагося у станка съ лошадью. При видѣ ихъ, онъ имъ поклонился и молча погрозился извозчику, какъ человѣку, вѣроятно, ему знакомому, молотомъ. Тотъ тоже погрозилъ ему кнутомъ. Далѣе потомъ пошли уже настоящія сельскія, хлѣбныя поля. Въ деревнѣ, по вытянутой въ прямую линію улицѣ, бѣжали мальчишки, отворить имъ ворота.

— Славно, ребята, славно! — говорилъ имъ извозчикъ, быстро проѣзжая.

Мальчишки бѣжали за ними вперегонку отворить и другія воротцы.

— Ай-да, ребята! Назадъ поѣду, безпремѣнно по трёпкѣ каждому привезу! — отблагодарилъ онъ ихъ на прощанье, и въ то же время, кажется, ему ужасно хотѣлось заговорить съ своимъ сѣдокомъ.

— Это вонъ Гавриловскаго барина усадьба-то, — сказалъ онъ, показывая на виднѣвшіяся далеко-далеко строенія.—Вся, братецъ ты мой, каменная,—прибавилъ онъ.

— Что̀ же, онъ богатъ, видно?—спросилъ Іосафъ.

— И, Господи, сколько деньжищевъ; а холостой... не хочетъ жениться-то!..

И затѣмъ они проѣхали около какихъ-то, должно-быть, заводовъ и, какъ-то пробравшись задами, мимо гуменъ, хмельциковъ, вдругъ наткнулись опять на деревню, но уже съ отворенными воротцами. У крайней избы, на прилавкѣ, стоялъ прехорошенькій мальчикъ и рёвмя ревѣлъ.

— Не плачь, не плачь, воротимся, — сказалъ ему ямщикъ.

— Да я не объ васъ, а объ мамонькѣ,—отвѣчалъ ребенокъ.

— Эка, братъ, а я думалъ, что объ насъ,—говорилъ зубоскалъ.

На половинѣ улицы они очутились ровно передъ тремя дорогами.

— О, чортъ! Тутъ, пожалуй, заплутаешь, надо поспросить, — сказалъ извозчикъ и, ловко соскочивъ съ передка, подошелъ къ одной избѣ и началъ колотить въ подоконникъ кнутовищемъ.

— Эй, бабушка, гдѣ ты тутъ засохла, выглянь-ка, — произнесъ онъ.

И въ окно, въ самомъ дѣлѣ, выглянула старуха.

— Какъ тутъ ѣхать въ Чурилово: направо, налѣво, или прямо въ зубы?

— Ой, чтой-то, Господь съ тобой, зачѣмъ въ зубы?.. Поѣзжай налѣво,—отвѣчала старуха.

— А какъ разстоянье-то ты обозначишь? Далеко ли еще?

— Да верстъ пять...

— Это ладно! Кабы не такъ спѣшно было, такъ въ гости бы къ тебѣ заѣхали; прощай! Поворотовъ не будетъ?

— Ну, какіе повороты! — заключила старуха, смотря на него съ замѣтнымъ удовольствіемъ, когда онъ опять молодцовато вскочилъ на передокъ и поѣхалъ.

Въ перелѣскѣ потомъ они встрѣтили идущаго по опушкѣ мужика съ топоромъ. Извозчикъ не утерпѣлъ и съ нимъ заговорилъ:

— Что̀, дядя, далеко ли до Чурилова?

— Верстъ семь будетъ, — отвѣчалъ тотъ сердито, уходя за кусты.

— Спасибо, что мало накинулъ, экій добрый, — говорилъ балагуръ... — Рѣчка-то какая славная,—прибавилъ онъ, подъѣзжая къ мосту. — Вотъ напиться бы: вода какая чистая...

— Ну, напейся. — сказалъ ему Іосафъ.

И извозчикъ, кинувъ возжи, прямо съ телѣги соскочилъ черезъ перила на берегъ и, наклонившись, напился изъ пригоршней.

— Солонины этой проклятой на постояломъ дворѣ налопаешься, ужасть какъ пьется! — сказалъ онъ и, съ полнѣйшимъ удовольствіемъ подобравъ возжи, погналъ лошадей во всѣ лопатки.

— Вонъ оно самое Чурилово и есть! — сказалъ онъ, мотнувъ головой на открывшуюся совершенно голую усадьбу, торчавшую на гладкомъ мѣстѣ, безъ деревца и ручейка и даже, кажется, безъ огорода.

Іосафъ между тѣмъ начиналъ чувствовать всю щекотливость

своего положенія: ѣхать въ первый разъ въ домъ и прямо просить денегъ, чортъ знаетъ что̀ такое! Но зато извозчикъ не унывалъ: какъ будто бы везя какого-нибудь генерала, онъ бойко подлетѣлъ къ воротамъ на красный, огороженный простымъ огородомъ дворъ и сразу остановилъ лошадей. Окончательно растерявшійся Іосафъ началъ вылѣзать изъ телѣги, и странная, совершенно неожиданная сцена представилась его глазамъ: на задней галлереѣ господскаго дома, тоже какого-то обглоданнаго, сидѣла пожилая, толстая и съ сердитымъ лицомъ дама и вязала чулокъ; а на рундучкѣ крыльца стоялъ самъ майоръ Одинцовъ, въ отставномъ военномъ сюртукѣ, въ широкихъ шальварахъ и въ спальныхъ сапогахъ. Онъ выщелкивалъ языкомъ «Камаринскую» и въ то же время представлялъ рукой, что какъ будто играетъ на балалайкѣ, между тѣмъ какъ молодой здоровый малый, съ истощеннымъ и печальнымъ лицомъ, въ башмакахъ на босу ногу, отчаянно выплясывалъ передъ нимъ на пескѣ. По временамъ майоръ взмахивалъ рукой, и малый, пріостановясь въ ухарской позѣ и вскинувъ руками, шевелясь всѣмъ тѣломъ, какъ дѣлаютъ это цыгане, начиналъ гагайкать: Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха! Майоръ при этомъ тоже прихлопывалъ въ ладоши и прикрикивалъ: Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

— Иванъ Дмитричъ, прекратите наконецъ это! Къ намъ кто-то пріѣхалъ,—сказала ему вполголоса дама.

— А, извините! —проговорилъ майоръ, увидѣвъ подходящаго Іосафа и сходя къ нему съ крыльца.

— Извините!

Іосафъ, въ свою очередь, тоже извинился и назвалъ свою фамилію.

— Вы меня, можетъ-быть, не узнали? — прибавилъ онъ.

— Напротивъ, душевно радъ... Каково пляшетъ? — прибавилъ майоръ, указывая на стоявшаго уже въ вытяжку малаго.

Іосафъ не могъ при этомъ не замѣтить, что лицо хозяина сильно пылало, а изъ рта несло какъ изъ винной бочки.

— Однако позвольте же представить: супруга моя, Настасья Ардальоновна! — сказалъ, расшаркиваясь, майоръ и показывая на даму. — Прошу покорнѣйше въ комнаты. Ты тоже иди! — прибавилъ онъ парню.

Всѣ вошли въ залу: Ферапонтовъ впереди, а хозяинъ сзади его и все продолжая расшаркиваться. Хозяйка явилась черезъ другія двери и сейчасъ же сѣла и приняла какъ бы наблюдательный постъ. Въ комнатѣ этой, несмотря на ходившій сквозной вѣтеръ, почему-то сильно пахнуло кошками.

— Позвольте мнѣ передъ вами потанцовать?—проговорилъ вдругъ майоръ, усадивъ гостя.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Мазурку вамъ угодно? — продолжалъ хозяинъ.

— Что̀ вамъ угодно, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Иванъ Дмитричъ, надобно бы, кажется, это оставить,— произнесла хозяйка.

Но майоръ только махнулъ ей рукою.

— Митька! — крикнулъ онъ.

Въ залу вошелъ тотъ же малый.

— Мазурочный вальсъ! Играй и учись у меня!

Парень подошелъ къ стоявшему въ углу полинялому ящику, похимостилъ что-то тутъ около него и, воткнувъ въ дыру висѣвшій на стѣнѣ ключъ, началъ имъ вертѣть. Оказалось, что это былъ небольшой органчикъ: «Трымъ-трымъ! Трымъ-трымъ!»—заигралъ онъ мазурку Хлопицкаго, и майоръ, какъ бы ведя подъ руку даму, нѣжно дѣлая ей глазками, пошелъ, пристукивая ногами, откалывать танецъ.

— Но, можетъ-быть, вамъ скучно это? Угодно вальсъ? — сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько туровъ и обращаясь къ Іосафу.

— Иванъ Дмитричъ, прекратите это, — молила его жена.

— Мнѣ все равно-съ, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Вальсъ! — скомандовалъ майоръ, и тотъ, опять что-то похимостивши у ящика, заигралъ вальсъ.

Майоръ, держа нѣсколько голову на̀бокъ, началъ вертѣться въ три па.

— Ухъ! нынче уставать сталъ: не могу много, — сказалъ онъ, останавливаясь передъ Іосафомъ.—Позвольте же однако предложить вамъ рюмку водки. Малый, водки!

— Нѣтъ ужъ, этого, по крайней мѣрѣ, не будетъ!—сказала хозяйка, какъ-то рѣшительно вставая.

— Чего-съ? — произнесъ майоръ, и всю правую щеку у него подернуло.

— А того, что этого нельзя, — проговорила она и вышла.

— Ты, харя, пошелъ, подавай!—повторилъ майоръ малому.

Тотъ нехотя вышелъ.

— Какъ ваше здоровье? — обратился майоръ опять къ Іосафу.

— Слава Богу-съ, — отвѣчалъ тотъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться,—прибавилъ майоръ, протягивая ему руку.—Митька!

Митька снова показался.

— Водки! Убью!

— Барыня заперла и не изволитъ-съ давать.

— Цыцъ! убью! Поди стань передо мной на колѣни.

Малый, совсѣмъ ужъ блѣдный, подошелъ и сталъ.

— Кто такой я?.. Говори!.. Я села Чурилова Семенъ майоръ Одинцовъ... Водки — живо!

— Да помилуйте, сударь, развѣ я-съ?.. Барыня.

— Убью! Вотъ тебѣ!—крикнулъ майоръ и ударилъ бѣдняка въ ухо, такъ что тотъ повалился.

— Полноте, что̀ вы дѣлаете?—вскричалъ наконецъ Іосафъ, вскакивая и подходя къ майору.

— Кто ты такой? — проговорилъ тотъ, обращая уже къ нему свое ожесточенное лицо.

— Я Ферапонтовъ, а вы не шумите.

— Какъ ты смѣлъ ко мнѣ пріѣхать! Кто ты такой? Пошелъ вонъ! убью! — кричалъ майоръ и кинулся-было къ Іосафу драться, но тотъ, и самъ весь день раздражаемый, вышелъ изъ себя.

— Прежде, чѣмъ ты убьешь меня, я тебя самого задушу,— сказалъ онъ и, схвативъ хозяина за шиворотъ, оттолкнулъ отъ себя.

— Караулъ! рѣжутъ! — завопилъ майоръ, падая со всего размаха между стульями головой.

— Ну да, покричи еще! — говорилъ Іосафъ и, оборотясь къ малому, прибавилъ:

— Поди, братъ, пожалуйста, скажи, чтобы мои лошади ѣхали за мною.

Тотъ побѣжалъ.

— Пошелъ вонъ! убью! — кричалъ между тѣмъ майоръ.

Іосафъ, выйдя на крыльцо, всплеснулъ только руками.

— Что̀ это такое, Господи ты Боже мой! Зачѣмъ я пріѣзжалъ къ этому скоту?—произнесъ онъ и пошелъ одинъ по дорогѣ.

Невдолгѣ, впрочемъ, его нагналъ и извозчикъ, и едва Іосафъ усѣлся въ телѣгу, какъ онъ сейчасъ же началъ болтать.

— Попали же мы, паря, на гости... Седьмое ведро, братецъ ты мой, на этой недѣлѣ ужъ оторачиваетъ.

— Что̀ жъ онъ запоемъ, что ли, пьетъ?—спросилъ Іосафъ.

— Должно-быть, есть маненько... паритъ чорта-то въ брюхѣ... Съ утра до вечера на каменку-то поддаетъ. Я теперь поѣхалъ, такъ словно ополченный какой ходитъ по двору, только то и оретъ: «убью, перерѣжу всѣхъ!». Людишки ужъ всѣ разбѣжались, а барыня такъ ажно въ сусѣкъ, въ рожь, зарылась. Вотъ бы кого хлестать-то!

— Ужъ именно, — подтвердилъ Ферапонтовъ.

— Куда же ѣхать однако? — заключилъ извозчикъ, повертывая къ нему свое добродушное и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливое лицо.

Іосафъ, подумавъ нѣкоторое время, проговорилъ:

— Поѣдемъ къ Гавриловскому барину; авось тотъ не таковъ.

— Извѣстно, тотъ баринъ крупичастый, а вѣдь это что?.. арженовики! — объяснилъ извозчикъ и погналъ рысцой своихъ лошадокъ, бѣжавшихъ врядъ ли ужъ не шестидесятую версту не кормя.

Солнце между тѣмъ садилось, слегка золотя ярко-розовымъ цвѣтомъ края кучковатыхъ облаковъ, скопившихся на горизонтѣ. По влажнымъ сѣнокоснымъ лугамъ началъ подниматься бѣловатый, густой туманъ росы, и кричали то тутъ, то тамъ коростели. Версты черезъ четыре показалось наконецъ и Гаврилково. Точно феодальный замокъ, возвышалось оно своимъ огромнымъ домомъ съ идущими отъ него вправо и влѣво крыльями флигелей. Прямо отъ него начиналъ спускаться подъ гору старинный, густо разросшійся садъ, а подъ нимъ шумно и бойко протекала лучшая во всемъ околоткѣ рѣка. Проѣхавъ по мосту и взобравшись въ гору по дорожкѣ, обсаженной липами, Іосафъ не осмѣлился подъѣхать прямо къ дому, а велѣлъ своему извозчику сходить въ который-нибудь флигель и сказать людямъ, что запоздалъ проѣзжій, губернскій чиновникъ изъ приказа, Ферапонтовъ, и проситъ, что не примутъ ли его ночевать.

Извозчикъ сбѣгалъ.

— Въ домъ, къ барину велѣли васъ звать, — повѣстилъ онъ Іосафа съ удовольствіемъ.

Тотъ пошелъ.

На нижнихъ ступеняхъ далеко выдающагося крыльца стоялъ уже и дожидался его ливрейный лакей. Онъ провелъ Іосафа по широкой лѣстницѣ, устланной ковромъ и установленной цвѣтами, и, снявъ потомъ съ него, безъ малѣйшей гримасы, старое, запыленное пальтишко, проговорилъ тихо:

— Въ гостиную пожалуйте!

Іосафъ робко прошелъ по темной залѣ съ двумя просвѣтами и въ гостиной, слабо освѣщенной столовой лампой, онъ увидѣлъ на стѣнахъ огромныя, масляной краски, картины въ золотыхъ рамахъ, на которыхъ чернѣли надписи: «Мурильо», «Корреджіо». Висѣвшая надъ дверями во внутреннія комнаты толстая ковровая портьера наконецъ заколыхалась, и изъ-за нея показался хозяинъ, высокій мужчина, съ задумчивыми, но пріятными чертами лица, нѣсколько уже плѣшивый и съ

просѣдью; одѣтъ онъ былъ въ черное, наглухо застегнутое пальто и, по начинавшей уже тогда вкрадываться между помѣщиками модѣ, носилъ бороду.

— Я васъ немножко знаю, — сказалъ онъ, любезно подавая Іосафу руку.

Тотъ тоже объявилъ, что имѣлъ счастье видать его иногда въ приказѣ.

— Прошу васъ,—сказалъ Гавриловъ, показывая гостю на одну сторону дивана и садясь самъ на другой его конецъ.— Вы, вѣроятно, были у кого-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ вашихъ въ нашемъ уѣздѣ?—спросилъ онъ его мягкимъ и ровнымъ голосомъ.

— Нѣтъ-съ, я ѣзжу-съ по одному адвокатному дѣлу, въ которомъ и къ вамъ бы имѣлъ покорнѣйшую просьбу, — началъ прямо Іосафъ, вставая передъ Гавриловымъ на ноги.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, — отвѣчалъ тотъ, потупляя свои умные глаза.

— Дѣло-съ это принадлежитъ г-жѣ Костыревой... Можетъ-быть, даже вы изволите ее знать.

— Костыревой?.. — повторилъ Гавриловъ: — Костырева я зналъ.

— Это ея покойный мужъ. Онъ оставилъ ей теперь очень запутанное имѣніе, изъ котораго она желала бы продать лѣсъ и мельницу, и вотъ именно по этому предмету поручила мнѣ обратиться къ вамъ.

— Ко мнѣ?—спросилъ Гавриловъ, какъ бы нѣсколько удивленный.

— Да-съ, продать она готова весьма дешево; и съ ея стороны единственное условіе, чтобы деньги доставить ей теперь же, а купчую получить послѣ. когда имѣніе будетъ очищено по приказу.

— Но что̀ меня удостовѣритъ, что имѣніе будетъ очищено?—сказалъ Гавриловъ уже съ улыбкой.

— Вы сами можете, если вамъ угодно, внести прямо отъ своего имени деньги въ приказъ.

— Да,—произнесъ Гавриловъ размышляющимъ тономъ:—но, въ такомъ случаѣ, что̀ меня обезпечитъ. что эти мельница и лѣсъ будутъ именно мнѣ проданы?

— Насчетъ этого-съ вы изволите съ продавицей заключить домашнее условіе.

— Да, — повторилъ Гавриловъ еще болѣе протяжно и задумчиво: — но объ этомъ надо подумать, — прибавилъ онъ и, прося снова Іосафа садиться, сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ. Онъ сталъ разспрашивать его о капиталахъ приказа,

его оборотахъ, не высказывая съ своей стороны ни одной мысли, но зато съ самымъ вѣжливымъ вниманіемъ прислушиваясь ко всѣмъ отвѣтамъ Ферапонтова. За ужиномъ, который послѣдовалъ часовъ въ 11, были поданы на серебряныхъ блюдахъ разная рыба и жареная дичь, такъ прекрасно приготовленныя, что Іосафъ даже никогда ничего подобнаго и не ѣдалъ. Кромѣ того Гавриловъ нѣсколько разъ изъ своихъ рукъ подливалъ ему въ стаканъ весьма высокой цѣны медоку, такъ что герой мой даже началъ конфузиться отъ такого рода вниманія. Когда вышли изъ-за стола, онъ осмѣлился еще разъ повторить свою просьбу и спросить, когда онъ можетъ получить отвѣтъ.

— Я вамъ завтра же скажу,—отвѣчалъ Гавриловъ и чрезвычайно радушно приказалъ одному изъ своихъ лакеевъ проводить гостя въ приготовленную для него комнату.

Какъ ни мило и ни уютно было прибрано въ этой спаленкѣ, какъ ни покойна была приготовленная постель съ чистымъ, какъ снѣгъ, бѣльемъ, однако Іосафъ всю ночь проворочался, задавая себѣ вопросъ: дастъ ли Гавриловъ денегъ или нѣтъ? Поутру, узнавъ отъ лакея, что баринъ еще не выходилъ, онъ, чтобы какъ-нибудь сократить время, вышелъ въ садъ и, выбравъ случайно одну дорожку, прямо пришелъ къ оранжереѣ. Боже мой! Сколько увидалъ онъ тутъ цвѣтовъ и за стеклами и на вольномъ воздухѣ, въ стройномъ порядкѣ разсаженныхъ по куртинамъ. Половинѣ изъ нихъ Іосафъ даже и названія не зналъ; но все-таки, безмѣрно восхитившись душой, началъ разсматривать то тотъ, то другой, нюхать ихъ, заглядывать внутрь ихъ махровыхъ чашечекъ. Въ самой оранжереѣ, при видѣ гигантской зелени, растущей то широкими лопастями, то ланцетовидными длинными листьями, у Іосафа окончательно разбѣжались глаза, и въ то время, какъ онъ такъ искренно предавался столь невинному занятію, почти забывъ о своемъ дѣлѣ, самъ хозяинъ думалъ и помнилъ о немъ, ходя по своему огромному кабинету.

Глядя на умное и выразительное лицо Гаврилова, на его до сихъ поръ еще величественный станъ, конечно, каждый бы почувствовалъ къ нему невольное сердечное влеченіе; а между тѣмъ какъ странно и безвѣстно прошла вся жизнь этого человѣка: еще въ чинѣ поручика гвардіи, глубоко оскорбившись за то, что обойденъ былъ ротой, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Бакалайскомъ уѣздѣ, и съ тѣхъ поръ про него постоянно шла такого рода молва, что онъ былъ примѣрный сынъ въ отношеніи своей старушки-матери, женщины очень богатой, нѣкогда бывшей статсъ-дамы, а потомъ безвѣстно

проживавшей въ своемъ Гаврилковѣ, и больше ничего объ немъ нельзя было сказать.

Даже небогатые сосѣди и сосѣдки, допускаемые иногда статсъ-дамою до своей особы, безмѣрно удивлялись, видя, что такой умный молодой человѣкъ, въ полномъ развитіи силъ и здоровья, цѣлые дни сидитъ у старушки, въ ея натопленной спальнѣ, обитой по всѣмъ четыремъ стѣнамъ коврами, съ лампадами, съ иконами, и сохраняетъ къ ней такое обращеніе, какого они отъ своихъ сынковъ во всю жизнь и не видывали. Раза четыре, по крайней мѣрѣ, въ годъ Гавриловъ ѣздилъ съ матерью на богомолье, не позволяя при этомъ случаѣ никому ни посадить ни высадить ее изъ экипажа. Узнавъ ея желаніе, чтобы хозяйство шло нѣсколько построже, онъ объѣхалъ всѣ деревни, выбилъ тамъ самую старую недоимку, смѣнилъ и пересѣкъ нѣсколькихъ старостъ, докладывая ей о каждой мелочи и испрашивая на все ея разрѣшенія.

О женитьбѣ, такъ какъ сама старушка никогда не намекала на это, онъ не смѣлъ, кажется, и подумать и даже обыкновенную легкую помѣщичью любовь не позволилъ себѣ завести у себя дома, а устроилъ это въ уѣздномъ городкѣ верстъ за тридцать отъ Гаврилкова, съ величайшею таинственностью и платя огромныя деньги, чтобы только какъ-нибудь это не огласилось и, чего Боже сохрани, не дошло до maman.

30 марта 48-го года старуха наконецъ умерла. Ударъ этотъ, казалось бы, долженъ былъ сильно нравственно потрясти Гаврилова. Однако нѣтъ! Съ глубоко огорченнымъ выраженіемъ въ лицѣ, онъ всѣми приготовленіями къ парадным похоронамъ распоряжался самъ; своими собственными руками положилъ мертвую въ гробъ, въ продолженіе всей церемоніи ни одной двери, которую слѣдовало, не забылъ притворить, и тотчасъ же, возвратясь послѣ похоронъ домой, заперся въ спальнѣ покойницы, отворилъ и пересмотрѣлъ всѣ ея хитро и крѣпко запертые комоды и шифоньеры. Сколько онъ тамъ нашелъ, неизвѣстно, но только въ продолженіе довольно значительнаго времени во всей его благородной фигурѣ было видно выраженіе какого-то самодовольства, какъ бы отъ сознанія новой, до сихъ поръ еще не испытанной имъ силы, а затѣмъ страсть къ корысти замѣтно уже стала отражаться во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Точно такъ же, какъ прежде *повиноваться матери*, теперь *дѣлать деньги* сдѣлалось какъ бы девизомъ его жизни. Ни съ кѣмъ почти изъ сосѣдей не поддерживая тѣснаго знакомства и только слегка еще оставляя заведенную старухою въ домашней жизни роскошь, онъ то и

дѣло, что хозяйничалъ: распространялъ усиленіемъ барщины хлѣбопашество, скупалъ съ аукціона небольшія сиротскія имѣнія, вступалъ въ сподручные къ его деревнямъ подряды, и все это онъ совершалъ какъ-то необыкновенно тихо, спокойно и даже нѣсколько задумчиво, какъ будто бы онъ вовсе ничего и не дѣлалъ, а все это ему плыло въ руки.

Стяжавъ отъ всего почти дворянства имя прекраснѣйшаго человѣка, Гавриловъ въ самомъ дѣлѣ, судя по наружности, не подпадалъ никакого рода укору не только въ какомъ-нибудь черномъ, но даже хоть сколько-нибудь двусмысленно-честномъ поступкѣ, а между тѣмъ, если хотите, вся жизнь его была преступленіе. «Рабъ лѣнивый», ни разу не добывъ своимъ плечикомъ копейки, онъ постоянно жилъ въ богатствѣ; мало того: скопилъ и довелъ свое состояніе до милліона, никогда ничѣмъ не жертвуя и не рискуя; какой-нибудь плантаторъ южныхъ штатовъ, по крайней мѣрѣ, борется съ природою, а иногда съ дикими племенами и звѣрями, наконецъ улучшаетъ самое дѣло, а тутъ ровно ничего — ни дѣла, ни борьбы, ни улучшенія, а сиди себѣ спокойно и копи, Богъ знаетъ зачѣмъ и для чего! И какъ всегда въ этомъ случаѣ бываетъ: чѣмъ больше подрасталъ золотой телецъ Гаврилова, тѣмъ самъ онъ къ нему становился пристрастнѣй и пристрастнѣй; даже въ настоящемъ случаѣ (смѣшно сказать) онъ серьезно размышлялъ о грошовомъ предложеніи Іосафа, изъ котораго, по его расчетамъ, можно бы было извлечь выгоду, и только все еще нѣсколько остававшійся въ немъ аристократическій взглядъ на вещи помѣшалъ ему въ томъ.

«Какая-то Костырева, которой мужа онъ зналъ за гадкаго пьяницу; наконецъ этотъ неуклюжій шершавый ходатай, и связываться съ этими господами... Нѣтъ, чортъ съ нимъ!»— рѣшилъ онъ мысленно и проворно позвонилъ.

— Попроси ко мнѣ этого господина чиновника,—сказалъ онъ вошедшему лакею.

Черезъ нѣсколько времени Іосафъ явился блѣдный и съ замирающимъ сердцемъ.

— Я не могу итти на предлагаемое вами дѣло,—началъ Гавриловъ.

Іосафа покоробило.

— Отчего же-съ?.. Помилуйте,—проговорилъ онъ до смѣшного жалобнымъ голосомъ.

— Оттого, что это совершенно выходитъ изъ заведеннаго мною порядка,—сказалъ Гавриловъ такимъ покойнымъ и рѣшительнымъ тономъ, что Іосафъ окончательно замеръ, очень хорошо понимая, что съ пьянымъ майоромъ, съ жидоморомъ

Фарфоровскимъ, даже съ аспидомъ Родіоновымъ можно было еще говорить и добиться отъ нихъ чего-нибудь, но съ Гавриловымъ нѣтъ.

Забывъ всякую деликатность, Іосафъ сейчасъ же началъ раскланиваться.

— Зачѣмъ же? Вы позавтракайте у меня, — проговорилъ Гавриловъ опять уже привѣтливымъ голосомъ.

Іосафъ болтнулъ ему что-то такое въ извиненіе и сталъ раскланиваться.

— Очень жаль,—говорилъ Гавриловъ, неторопливо вставая и провожая его до половины гостиной.

Добравшись до своего экипажа, Ферапонтовъ, какъ тяжелый хлѣбный куль, опустился на него и сказалъ глухимъ голосомъ своему возницѣ: «пошелъ!». Тотъ обернулся и посмотрѣлъ на него.

— Да что̀ вы, съ дѣлами, что ли, съ какими ѣздите по господамъ этимъ?—спросилъ онъ.

— Ѣзжу денегъ занимать и нигдѣ не могу найти, — отвѣчалъ неторопливо Іосафъ.

— И здѣшній не далъ?

— Нѣтъ!

— Поди жъ ты! — произнесъ извозчикъ и покачалъ головой.—Къ старухѣ, братецъ ты мой, развѣ къ одной тутъ, небогатой дворяночкѣ, заѣхать, — прибавилъ онъ, подумавъ. — Старѣйшая старуха, съ усами сѣдыми, какъ у солдата; имѣнья-то всего двѣ дѣвки.

— А деньги есть?

— Есть! Прежде давывала, од лжала кой-кого, по знакомству. Тогда покойному батькѣ — скотскій падежъ былъ, двѣ лошади у него пали — слова, братецъ ты мой, не сказала, ссудила ему тогда 150 руб. сер.,—мужику какому-нибудь простому.

— Вези къ ней,—сказалъ Іосафъ.

— Ладно,—отвѣчалъ извозчикъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ сейчасъ же поворотилъ на другую дорогу, по которой, проѣхавъ съ версту, они стали спускаться съ высочайшей горы въ такъ называемыя рѣки. Пространство это было верстъ на тридцать кругомъ раскинувшіеся гладкіе, поемные луга, испещренные то тутъ, то тамъ пробѣгавшими по нимъ небольшими рѣчками. Со всѣхъ сторонъ ихъ окружали горы, на вершинахъ которыхъ чернѣли деревни, а по склонамъ разстилались, словно бархатные ковры, поля — то зеленѣющія хлѣбомъ, то какого-то бураго цвѣта и только-что, видно, передъ тѣмъ вспаханныя. Выбравшись изъ этой ложбины, путники

наши поѣхали по страшной уже безтолочи: то вдругъ шли, ни съ того ни съ сего, огромнѣйшія поля, тогда какъ и жилья нигдѣ никакого не было видно, то начинался перелѣсокъ, со въѣзда довольно рѣдкій, но постепенно густѣвшій; вмѣсто мелкаго березняка появлялись огромныя осины и сосны, наконецъ представлялась совершенная ужъ глушь; но потомъ и это сразу же начинало рѣдѣть, и открывалось опять поле. Утомленный безсонницей нѣсколькихъ ночей, Іосафъ задремалъ и затѣмъ, совсѣмъ ужъ повалившись на свою кожаную подушку, захрапѣлъ. Его разбудилъ ужъ извозчикъ, говоря: «баринъ, а баринъ!». Онъ открылъ глаза и привсталъ. Они ѣхали по узенькому прогону къ какому-то, должно-быть, селу. На крылечкѣ новенькаго, деревяннаго и нѣсколько на дворянскій ладъ выстроеннаго домика стояла здоровая дѣвка, съ лентой въ косѣ, съ стеклянными сережками и въ босовикахъ съ оторочкой.

— Здорово, красноногая гусыня!—сказалъ извозчикъ, подъѣзжая къ ней и останавливая лошадей.

— На-ка кто? Михайла! Откуда нелегкая несетъ?

— Съ бариномъ ѣзжу.

— Еще, песъ, словно выше выросъ,—продолжала дѣвка.

— Да къ тебѣ-то ужъ оченно больно рвался, такъ и повытянуло, знать, маненько. Дома барыня-то?

— Дома!

— Вылѣзайте,—сказалъ извозчикъ Іосафу, но тотъ медлилъ.

— Ты сходи прежде самъ и объясни ей прямо мое дѣло, а то мнѣ вдругъ неловко, — произнесъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Пожалуй-съ! — отвѣчалъ извозчикъ и, откашлянувшись, пошелъ на крыльцо.

— О, чортъ, толстая какая!—сказалъ онъ и ударилъ дѣвку по плечу.

— Ой, да больно! Чтой-то, лѣшій! — сказала та, взглянувъ на него ласково.

Изъ комнаты потомъ послышались усиленныя восклицанія извозчика: «съ бариномъ ѣзжу-съ»; затѣмъ послѣдовалъ какой-то гулъ, потомъ снова голосъ извозчика, и опять восклицаніе: «съ бариномъ—право-съ».

Дѣвка между тѣмъ, поджавъ руки на груди, глядѣла на Іосафа.

— Нови, что ли, вы сбирать пріѣхали?—спросила она.

Тотъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, отворачиваясь и стараясь избѣгнуть ея взоровъ.

— Пожалуйте-съ! — крикнулъ ему извозчикъ изъ сѣней.

Іосафъ не совсѣмъ смѣло пошелъ.

Въ первой же со входа комнатѣ онъ увидѣлъ старуху, въ самомъ дѣлѣ, съ усами и бородой, стриженую, въ капотишкѣ и безъ всякихъ слѣдовъ женскихъ грудей. Она сидѣла на диванчикѣ, облокотившись одной рукой на столикъ и совершенно по-мужски закинувши нога на ногу.

Ферапонтовъ раскланялся ей.

— Здравствуйте!—проговорила она почти басомъ.

Іосафъ, утирая съ лица платкомъ пыль, сѣлъ на дальній стулъ.

— Что̀ вы, изъ самой губерніи, что ли?

— Изъ губернскаго города-съ.

— Пошто же вы отъ Гаврилова-то ѣдете?

— Я ѣзжу по дѣлу, о которомъ вамъ, можетъ-быть, говорилъ мой извозчикъ...

— Не знаю... Болталъ онъ что-то такое тутъ... Я и не разобрала хорошенько... Какія у меня деньги!

— Мы бы вамъ были самые вѣрные плательщики, — сказалъ Іосафъ, сдѣлавъ при этомъ, по обыкновенію, умилительное лицо.

— Никакихъ у меня денегъ нѣтъ, что̀ онъ вретъ? Марѳутка!

Въ горницу вошла та же дѣвка, но что-то ужъ очень раскраснѣвшаяся, какъ будто бы она сейчасъ только съ кѣмъ-нибудь сильно играла.

— Готово ли тамъ у тебя?

— Готово, барыня, — отвѣчала она.

— Ну, вы посидите тутъ, а я въ баню схожу!—сказала старуха, обращаясь къ Іосафу.

И затѣмъ, слегка простонавъ, приподнялась и ушла.

Ферапонтовъ вслѣдъ ей только вздохнулъ и отъ-нечего-дѣлать пересѣлъ къ растворенному окну. Въ другое окно изъ избы, выстроенной въ одной связи съ барской половиной, выглядывала улыбающаяся и довольная рожа его извозчика. Такимъ образомъ прошло около двухъ часовъ. Въ это время Іосафъ видѣлъ, что Марѳутка, еще болѣе раскраснѣвшаяся, съ намоченной головой и подтыканнымъ подоломъ, то и дѣло что прибѣгала изъ бани на прудъ за холодной водой, каждый разъ какъ-то подозрительно переглядываясь съ извозчикомъ. Наконецъ старуху, наглухо закутанную и съ опущенной, какъ бы въ безчувственности, головой, двѣ ея прислужницы—Марѳа, совсѣмъ уже пылавшая, и другая, нѣсколько постарше и посолиднѣй ея на видъ,—втащили въ комнату подъ руку и

прямо опустили на диванчикъ. Отъ нея такъ и несло распареннымъ тѣломъ и бобковой мазью. Нѣсколько минутъ она не подымала головы и не открывала глазъ, такъ что Іосафъ подумалъ, не умерла ли ужъ она.

— Не дурно ли имъ? — спросилъ онъ.

— Нѣту-тка-съ!—отвѣчала Марѳа.—Семь вѣниковъ исхлестала объ нее, за неволю очекурѣешь! — прибавила она шопотомъ и вышла.

— Палагея! — произнесла наконецъ старуха.

— Я здѣсь, матушка,—отвѣчала другая дѣвка, почтительно приближаясь къ барынѣ.

— Заварила ли травки?

— Заварила, матушка барыня, заварила.

— Подавай. Чаю у меня нѣтъ, а я богородицыну травку пью,—объявила старуха Іосафу.

Палагея между тѣмъ возвратилась и принесла въ пригоршняхъ, прихвативъ передникомъ, муравленый съ рыльцемъ горшечекъ, аккуратно разостлала потомъ передъ барыней на столѣ толстую салфетку и вынула изъ шкапчика чайную чашку и очень немного медовыхъ сотовъ на блюдечкѣ.

— Налей! — приказала ей та.

Палагая налила въ чашку какой-то буроватой жидкости.

Старуха, беря по крошечкѣ сотовъ и сося ихъ, начала запивать своимъ напиткомъ и послѣ каждаго почти глотка повторяла:

— Ой, хорошо! Такъ и жжетъ въ брюшкѣ-то. Можетъ, и вы хотите? — отнеслась она къ Іосафу; но тотъ отказался.— Ну, такъ вы поѣли бы чего-нибудь, — продолжала старуха и взглянула на свою прислужницу. — Въ печкѣ у тебя брюква-то?

— Въ печкѣ, матушка, съ утра не вынимала.

— Принеси.

Палагея опять вышла и на этотъ разъ ужъ приворотила цѣлую корчагу съ пареной брюквой, до такой степени провонявшей, что душина отъ нея перебила даже запахъ бобковой мази. Она своей грязной рукой выворотила Іосафу на тарелку огромнѣйшую брюкву, подала потомъ ему хлѣба и соли; но какъ онъ ни былъ голоденъ, однако попробовалъ и не могъ болѣе продолжать.

— Что вы не ѣдите? Съ масломъ оно скуснѣй. Подай масла-то.

Дѣвка подала; но Іосафъ и съ масломъ не могъ; зато сама старуха взяла никакъ не менѣе его кусище и почти съ нѣжностью принялась его ѣсть... По возрасту своему она дожила

уже, видно, до того полудѣтскаго состоянія, когда все сладковатое начинаетъ нравиться.

— Вы ступайте спать на сѣновалъ. У меня тамъ хорошо, — сказала она Іосафу и потомъ сейчасъ же вскрикнула: — Марѳутка!

Та явилась и была уже совершенно расфранченная: съ причесанной головой, въ чистой рубашкѣ и въ новомъ сарафанѣ.

— Проводи вотъ ихъ! — приказала барыня.

Іосафъ видѣлъ, что со старухой о деньгахъ нечего было и разговаривать: онъ печально поклонился ей и пошелъ. Марѳутка провела его черезъ сѣни, и когда онъ нѣсколько затруднился прямо безъ лѣсенки влѣзть на помостъ, она слегка подсадила его. Въ полутемнотѣ Іосафъ разсмотрѣлъ постланную ему на сѣнѣ постель. Онъ снялъ съ себя только фракъ и легъ; подъ нимъ захрустѣло и сейчасъ же къ одному боку скатилось пересохлое сѣно; надъ головой его что-то такое шумѣло и шелестѣло; онъ съ большимъ трудомъ успѣлъ наконецъ догадаться, что это были развѣшанные сухіе вѣники по всевозможнымъ перекладинамъ. Къ утру его началъ пробирать сильный холодъ; во всѣхъ членахъ онъ уже чувствовалъ какую-то сжимающую, непріятную ломоту и совершенно безполезно старался поукутываться маленькимъ, худенькимъ одѣялишкомъ, не закрывавшимъ его почти до половины ногъ.

«Ахъ, ты, старая чертовка, куда уложила»,—думалъ онъ, и въ это время вдругъ раздались шаги то туда, то сюда, и послышался гулъ сиповатаго голоса хозяйки. Наконецъ онъ явственно услышалъ, что она кричала:—«Г. чиновникъ! г. чиновникъ! пожалуйте сюда!». Іосафъ проворно накинулъ на себя свой фрачишко и спустился съ помоста въ сѣни. Здѣсь онъ увидѣлъ, что въ растворенныхъ настмашь дверяхъ стояла, растопыривъ руки, разсвирѣпѣлая старуха. Она была въ одной рубашкѣ и босикомъ. Передъ ней, какъ-то смиренно поджавъ животъ и опустивъ глазки въ землю, но точно такая же нарядная, какъ и вчера, предстояла Марѳа. Нѣсколько поодаль, и тоже, должно-быть, чѣмъ-то очень сконфуженный, стоялъ извозчикъ его Михайла.

— Г. чиновникъ! Я вотъ вамъ свидѣтельствую, что этотъ мерзавецъ... съ этой моей подлой тварью... Помилуйте, что̀ это такое? — объяснила Іосафу старуха, показывая на извозчика и на дѣвку.

— Да чтой-то, сударыня, какія вы, барыня, право!—говорилъ Михайла, отворачивая глаза въ сторону. — Только себя, право, безпокоите... — прибавилъ онъ и подлетѣлъ-было къ ея ручкѣ.

— Прочь, развратитель! — крикнула на него старуха. — Можете себѣ представить,—обратилась она опять къ Іосафу: — всю ночь слышу топъ-топъ по чердаку то туда, то сюда... Что̀ такое?.. Иду... глядь, соколена эта и катитъ оттуда, и подолецъ обдергиваетъ. Гляжу далѣе: и разбойникъ этотъ, и платочкомъ еще рожу свою закрываетъ, какъ будто его подлой бороды и не увидятъ.

— Да я, право, сударыня... — заговорилъ - было опять Михайла.

— Молчи и сейчасъ же бери своихъ одровъ и долой съ моего двора. Я не могу терпѣть въ моемъ домѣ такихъ развратниковъ. А тебя, мерзавка, завтра же въ земскій судъ, завтра! — продолжала старуха, грозя дѣвкѣ пальцемъ. — Помилуйте,—отнеслась она къ Іосафу:—каждый годъ, какъ весна, такъ и въ тягости, а къ Успенкамъ ужъ и жать не можетъ: «я, барыня, тяжела, не могу». Отчего жъ Палагея не дѣлаетъ того? Всегда раба вѣрная, раба покорная, раба честная.

— Матушка, это тоже Божья власть!—отвѣтила наконецъ и Мареа: — Палагея также не лучше насъ грѣшныхъ; но такъ какъ сухой человѣкъ, такъ, видно, не пристаетъ къ ней этого.

— Молчи! — крикнула на нее старуха. — А ты убирайся; нечего тебѣ тутъ и стоять, вытянувши свою подлую харю!

Извозчикъ пошелъ.

— Позвольте ужъ и мнѣ въ такомъ случаѣ проститься,— проговорилъ Іосафъ.

— Какъ вамъ угодно! Ваша воля! Я вамъ не поперетчица,—проговорила старуха и торжественно ушла въ комнату.

Дѣвка тоже, не поднимая глазъ, убралась въ кухню.

Іосафъ отыскалъ свою фуражку и пальтишко. Выйдя на крылечко, онъ нашелъ, что Михайла стоялъ уже тутъ на своей парѣ и только на этотъ разъ далеко былъ не такъ разговорчивъ, какъ прежде. Іосафъ, несмотря на свою скромность, даже посмѣялся ему:

— Что̀, братъ, попался?

— Да поди жъ ты ее, старую вѣдьму, какова она! — отвѣчалъ Михайла какъ-то неопредѣленно и во всю остальную дорогу не произнесъ ни одного слова.

XI.

Всего еще только благовѣстили къ позднимъ обѣднямъ, когда они подъѣхали къ городу. Іосафъ велѣлъ себя прямо везти къ приказу.

— Пришелъ нашъ чортъ-то, явился откуда-то, — перешеп-

нулись между собой молодые писцы, когда онъ проходилъ, не отвѣчая почти никому на поклоны, черезъ канцелярію въ присутствіе.

Членъ ужъ былъ тамъ и сбирался ѣхать къ губернатору.

— Что̀ это вы не ходили? — спросилъ онъ.

— Боленъ былъ-съ, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Ну, примите безъ меня, если что̀ спѣшное будетъ,— проговорилъ старикъ, уходя.

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ Іосафъ и остался въ присутствіи.

Онъ подошелъ, по обыкновенію, къ своему любимому окну и сталъ грустно смотрѣть въ него.

— Здравствуйте, батюшка Іосафъ Іосафычъ, — раздался почти надъ самымъ ухомъ его какой-то необыкновенно вѣжливый голосъ.

Бухгалтеръ обернулся. Это былъ бурмистръ графа Араксина, всего еще мужикъ лѣтъ тридцати пяти, стройный, красавецъ собой, въ длиннополомъ тончайшаго сукна сюртукѣ, въ сапогахъ съ раструбами, съ пуховой фуражкой и даже съ зонтомъ въ рукѣ, чтобы не очень загорѣть на солнцѣ.

— Взносъ за вотчину!—повторилъ онъ, проворно вытаскивая изъ кармана своихъ плисовыхъ штановъ огромную пачку ассигнацій и кладя на столъ.—Квитанцію, Іосафъ Іосафычъ, нельзя ли сдѣлать божескую милость къ имѣнію выслать, — прибавилъ онъ.

— Къ имѣнію?

— Да-съ, такъ какъ я тоже теперь ѣду въ саратовскія вотчины. Его сіятельство, господинъ графъ, такъ и писать изволили: деньги, говоритъ, ты внеси, а квитанція чтобы, говоритъ, здѣсь была, по здѣшнимъ значитъ, приходорасходнымъ книгамъ зачислена.

— Гдѣ жъ тутъ намъ пересылать? Заваляется еще какъ-нибудь, — проговорилъ Іосафъ, механически считая деньги.

— Да вѣдь это, сударь, что̀ жъ такое? Все единственно... Ежели мы теперь деньги внесли, все одно покойны, хошь бы онѣ, сколь ни есть, тутъ пролежали.

Въ печальномъ лицѣ Іосафа вдругъ какъ бы на мгновеніе промелькнулъ лучъ радости.

— Ты когда сюда вернешься?—проговорилъ онъ какимъ то страннымъ голосомъ.

— Да ближе Рождества, пожалуй, что не обернешь; не воротишься ранѣе.

— Тогда самъ и получишь квитанцію.

При этихъ словахъ у Іосафа замѣтно уже дрожалъ голосъ.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ покорно бурмистръ.

— Тогда и получишь, — повторилъ Іосафъ.

— Слушаю-съ. Сдѣлайте милость, батюшка, ужъ не оставьте.

— Будь покоенъ,—говорилъ Ферапонтовъ, потупляя глаза.

— Желаю всякаго благополучія,—сказалъ бурмистръ, раскланиваясь.

— И тебѣ того же, любезный, желаю, — отвѣчалъ Іосафъ и подалъ даже бурмистру руку.

Тотъ, очень довольный этимъ, еще разъ раскланялся и вышелъ.

Выраженіе лица Ферапонтова въ ту же минуту измѣнилось: по немъ пошли какія-то багровыя пятна. Онъ скорыми шагами заходилъ по комнатѣ, грызъ у себя ногти, потиралъ грудь и потомъ вдругъ схватилъ и разорвалъ поданное вмѣстѣ съ деньгами бурмистромъ объявленіе на мелкіе кусочки, засунулъ ихъ въ ротъ и, еще прожевывая ихъ, сѣлъ къ столу и написалъ какую-то другую бумагу, сложилъ въ нее бурмистровы деньги и, положивъ все это на столъ, отошелъ опять къ окну.

Спустя недолго воротился и непремѣнный членъ. Кряхтя и охая, онъ усѣлся на свое мѣсто.

— Взносъ тутъ есть, — проговорилъ Іосафъ, не оборачиваясь и продолжая смотрѣть въ окно.

Старикъ, надѣвъ очки. сталъ неторопливо просматривать бумагу.

— А, ну вотъ, Костырева внесла, — проговорилъ онъ наконецъ.

Іосафа подернуло.

— Михайла Петровичъ, позвольте мнѣ опять домой уйти, я опять себя чувствую нехорошо, — произнесъ онъ.

— Ступайте, ступайте, въ самомъ дѣлѣ вы какой-то пересовращенный, — сказалъ начальникъ, глядя на него съ участіемъ.

Іосафъ, попрежнему ни на кого не глядя, прошелъ канцелярію. Спустившись съ лѣстницы и постоявъ нѣсколько времени въ раздумьѣ, онъ пошелъ не домой, а отправился къ дому Дурындиныхъ. Тамъ у воротъ на лавочкѣ онъ увидѣлъ сидящаго лакея-казачка.

— Дома господа? — спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ тотъ.

Іосафъ поблѣднѣлъ.

— Гдѣ же они?

— Гулять ушли-съ на бульваръ.

У Іосафа отлегло отъ сердца.

— Ну, такъ и я туда пойду, — проговорилъ онъ уже съ улыбкою и, вынувъ изъ кармана рубль серебромъ, далъ его лакею.

Тотъ даже удивился.

— Они тамъ-съ навѣрное, — подтвердилъ онъ.

Іосафъ проворно зашагалъ къ бульвару. На средней главной аллеѣ онъ еще издали узналъ идущаго впереди подъ ручку съ сестрою Бжестовскаго, который былъ на этотъ разъ въ пестромъ пиджакѣ, съ тоненькой, изъ китоваго уса, тросточкой и въ соломенной шляпѣ. На Эмиліи была та же бѣлая шляпа, тотъ же бѣлый кашемировый бурнусъ, но только надѣтый на голубое барежевое платье, которое, низко спускаясь сзади, волочилось по песку. Какой-то королевой съ царственнымъ шлейфомъ показалась она Іосафу. На половинѣ дорожки онъ ихъ нагналъ.

— Ахъ, Асафъ Асафычъ,—воскликнула Эмилія и замѣтно сконфузилась: — скажите, гдѣ вы это пропадали?

— Я ѣздилъ-съ и сейчасъ только вернулся, — отвѣчалъ Іосафъ и тутъ только, встрѣтясь съ такими нарядными людьми, замѣтилъ, что онъ былъ не бритъ, весь перемаранъ въ пуху и въ грязи, и сильно того устыдился.—Извините, я въ чемъ былъ въ дорогѣ, въ томъ и являюсь!—проговорилъ онъ.

— О, Боже мой, только бы видѣть васъ!—сказала Эмилія и, оставивъ руку брата, пошла рядомъ съ Іосафомъ. — Но гдѣ жъ вы именно были?—спросила она.

— Я ѣздилъ-съ по вашему дѣлу. Оно кончено теперь... Я сегодня и деньги уже внесъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть?—воскликнула Эмилія растеряннымъ голосомъ, и щечки ея слегка задрожали и покрылись румянцемъ, на глазахъ навернулись слезы

— Внесъ-съ, — отвѣчалъ Іосафъ, тоже едва сдерживая волненіе.

— Братъ! Асафъ Асафычъ говоритъ,—продолжала Эмилія, относясь къ Бжестовскому: — что онъ наше дѣло кончилъ и внесъ за насъ.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ тотъ, очень, кажется, въ свою очередь, тоже удивленный:—но гдѣ же вы денегъ взяли?

— Я занялъ тутъ у одного господина!—отвѣчалъ съ улыбкой Іосафъ:—теперь только надо поскорѣе продать вамъ лѣсъ и мельницу.

— Ну да, непремѣнно, какъ можно скорѣе! — проговорила съ нервнымъ нетерпѣніемъ Эмилія.

— Я готовъ хоть завтра же ѣхать, — отвѣчалъ, пожимая плечами, Бжестовскій.

— Да ужъ, пожалуйста; а то мнѣ, пожалуй, худо будетъ,— проговорилъ Іосафъ и опять улыбнулся.

— Боже мой! Я опомниться еще хорошенько не могу,—говорила Эмилія, беря себя за голову. — Асафъ Асафычъ, дайте мнѣ вашу руку,—прибавила она.

Іосафъ подалъ.

— Но, можетъ-быть, вы не любите съ дамами ходить подъ руку,—сказала она, пройдя нѣсколько шаговъ.

— Напротивъ-съ,—это для меня такое блаженство,—отвѣчалъ Іосафъ.

Эмилія крѣпко оперлась на его руку. Герой мой въ одно и то же время блаженствовалъ и сгоралъ стыдомъ. Между тѣмъ погода совершенно перемѣнилась; въ воздухѣ сдѣлалось такъ тихо, что ни одинъ листокъ на деревьяхъ не шевелился; на небѣ со всѣхъ сторонъ надвигались черныя, какъ вороново крыло, тучи, и начинало ужъ вдали погремливать.

— Боже мой, мой бѣдный бурнусъ! — воскликнула Эмилія, показывая на упавшія на него двѣ-три дождинки.

— Прикажите, я позову извозчика!—предложилъ Іосафъ.

— Да, пожалуйста, бурнусъ и шляпка еще ничего; но я въ прюнелевыхъ ботинкахъ: промочу ноги и непремѣнно заболѣю.

— Сейчасъ-съ! — отвѣчалъ Іосафъ и бѣгомъ побѣжалъ къ воротамъ бульвара, изъ которыхъ была видна извозчичья биржа.

— Извозчикъ! извозчикъ!—закричалъ онъ благимъ матомъ.

Ихъ подъѣхало нѣсколько. Іосафъ выбралъ самыя покойныя пролетки и, посадивъ на нихъ Эмилію, другое мѣсто хотѣлъ-было уступить Бжестовскому.

— Садитесь, Асафъ Асафычъ; братъ дойдетъ и пѣшкомъ,— сказала Эмилія.

— Я дойду,—отвѣчалъ Бжестовскій, кивая головой и попрежнему не переставая улыбаться той странной улыбкой, которая почти не сходила съ его лица, когда онъ видѣлъ Іосафа.

Тотъ сѣлъ около своей дамы нѣсколько бокомъ. Извозчикъ, желая довести господъ домой до дождя, погналъ во всѣ лопатки. Мостовая, какъ водится, была мерзѣйшая. Пролетка кидалась изъ стороны въ сторону. Эмилія безпрестанно прижималась къ Іосафу почти всей грудью, брала безъ всякой осторожности его за руку и опиралась на нее. Положеніе Ферапонтова начинало становиться невыносимымъ: у него то бросалась кровь въ голову, то приливала вся къ сердцу. Когда подъѣхали къ дому, онъ едва сообразилъ, что ему слѣдуетъ попроворнѣй встать и подать его дамѣ руку.

— Пойдемте, Асафъ Асафычъ; братъ не скоро еще подойдетъ,—сказала она и побѣжала на лѣстницу.

Не зная, какъ понимать эти слова, Іосафъ послѣдовалъ за нею. Эмилія сняла шляпу и бурнусъ и сдѣлалась еще милѣе. На дворѣ въ это время ударилъ проливной дождь, и становилось темнѣе и темнѣе: въ комнатахъ стало походить какъ бы на сумерки.

Гость и хозяйка начали ходить по залѣ.

— Я посылала къ вамъ, по крайней мѣрѣ, разъ пять человѣка!—говорила Эмилія:—но сказали, что вы уѣхали, а куда—неизвѣстно. Это было немножко жестоко съ вашей стороны.

— Я не предполагалъ такъ долго проѣздить,—оправдывался Іосафъ.

Въ эту минуту ударилъ сильнѣйшій громъ, такъ что задрожали всѣ окна.

— Я начинаю однако ужъ бояться, пойдемте въ наугольную, тамъ темнѣе, и я шторы спущу,—сказала Эмилія и пошла въ наугольную, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, спустила шторы и сѣла на угольный диванчикъ.

Такимъ образомъ они очутились почти въ полутемнотѣ. Іосафъ, сѣвъ рядомъ съ хозяйкой, сначала рѣшительно не находилъ, что̀ сказать.

— Вы позволите мнѣ посѣщать васъ, когда братецъ уѣдетъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— О, да! разумѣется!—отвѣчала Эмилія.

На нѣсколько минутъ они опять замолчали.

— Это такое для меня счастье,—заговорилъ снова Іосафъ.

— Я это знаю,—проговорила протяжно Эмилія.

— Вы знаете?—повторилъ, въ свою очередь, Іосафъ и самъ уже, не помня какъ, протянулъ свою руку, какъ потомъ въ его рукѣ очутилась рука Эмиліи. Онъ схватилъ и началъ ее цѣловать; мало того, другой рукой онъ обнялъ ее за талію и слегка потянулъ къ себѣ.

— О, вы опять хотите украсть поцѣлуй,—произнесла она.

— Да-съ,—отвѣчалъ Іосафъ и началъ ее цѣловать разъ... два.

— Тсс, постойте: братъ пріѣхалъ! — сказала вдругъ Эмилія и, проворно вставъ, вышла.

Бжестовскій дѣйствительно входилъ въ залу. Іосафъ едва осмѣлился выйти къ нему.

— А я сейчасъ отъ дождя зашелъ къ вамъ въ приказъ,—отнесся къ нему Бжестовскій:—тамъ дѣйствительно по нашему дѣлу все ужъ кончено.

— Все ужъ?—спросила Эмилія, не поднимая глазъ и какъ бы затѣмъ только, чтобъ что-нибудь сказать.

— Я вамъ-съ говорилъ,—произнесъ Іосафъ.

Бжестовскій между тѣмъ что-то переминался.

— Намъ бы васъ, Іосафъ Іосафычъ,—началъ онъ:—слѣдовало сегодня попросить откушать у насъ, выпить бы за ваше здоровье; но, къ ужасной досадѣ, мы сами сегодня дали слово обѣдать у однихъ скучнѣйшихъ нашихъ знакомыхъ.

Эмилія посмотрѣла на брата.

— Помилуйте, не безпокойтесь,—отвѣчалъ Іосафъ.

— Надѣюсь однако, что завтра или послѣзавтра мы поправимъ это.

Іосафъ раскланялся.

— Что̀ жъ, Эмилія, подите, одѣвайтесь же! — прибавилъ Бжестовскій сестрѣ.

Та опять посмотрѣла на него.

— До свиданія, мой добрый другъ,—сказала она, протягивая Іосафу руку, которую тотъ, чтобъ не открыть передъ братомъ тайны, не осмѣлился на этотъ разъ поцѣловать и только какъ-то таинственно взглянулъ на Эмилію и поспѣшилъ уйти: его безумному счастью не было предѣловъ!

На другой день часовъ еще съ семи онъ началъ хлопотать по приказу, чтобы всѣ бумаги по дѣлу Костыревой были исполнены, и когда онѣ, при его собственныхъ глазахъ, отправлены уже были на почту, ему вдругъ подали маленькую записочку. Почувствовавъ отъ нея запахъ духовъ, Іосафъ поблѣднѣлъ. Слишкомъ памятнымъ для него почеркомъ въ ней было написано:

«Мой добрый другъ! Мы рѣшили съ братомъ, что и я съ нимъ ѣду въ деревню по моему дѣлу. Каждую минуту буду молить объ васъ Бога за все, что̀ вы сдѣлали для меня; мы скоро будемъ видаться часто.

«Ваша Эмилія».

Іосафъ схватился за дверной косякъ, чтобы не упасть. Неровными шагами онъ вошелъ потомъ въ присутствіе и опять объявилъ старику члену, что онъ боленъ и не можетъ сидѣть.

— Какой вы—а? На себя совсѣмъ непохожи стали! — говорилъ тотъ, всматриваясь въ него.

— Мнѣ очень нехорошо-съ!—отвѣчалъ Іосафъ и ушелъ.

— Удралъ и сегодня!—сказалъ зубоскалъ-столоначальникъ 1-го стола, показывая на него глазами.

— Съ похмелья, должно-быть, ломаетъ!—объяснилъ столоначальникъ 2-го стола, человѣкъ, какъ видно, положительный.

— Они и этта-съ не больны были, а ѣздили въ уѣздъ въ гости,—донесъ-было ему сидѣвшій въ его столѣ Петровъ.

— А ты почемъ знаешь, узнаватель! — огрѣлъ его столоначальникъ.

— И мутитъ же только, Господи, съ этого винища — кажиннаго человѣка!—подхватилъ со вздохомъ столоначальникъ 1-го стола.

Іосафъ между тѣмъ сидѣлъ уже въ своей маленькой квартирѣ. Онъ по крайней мѣрѣ въ сотый разъ перечитывалъ полученную имъ записочку и потомъ вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ: тысячу смертей онъ легче бы вынесъ, чѣмъ эту разлуку съ Эмиліей.

XII.

Я только-что возвратился съ одного кляузнаго слѣдствія и спалъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ меня разбудили. «Пожалуйте, говорятъ, къ губернатору». — «Что̀ еще такое?»—подумалъ я почти съ бѣшенствомъ, но дѣлать было нечего: всталъ. Въ передней меня дѣйствительно дожидался жандармъ.

— Развѣ губернаторъ еще не спитъ?—спросилъ я его.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Что̀ жъ онъ дѣлаетъ?

— Гнѣваться изволятъ.

Я почесалъ только въ головѣ и, велѣвъ закладывать лошадь, далъ себѣ рѣшительное слово окончательно объясниться съ этимъ господиномъ, потому что не проходило почти недѣли, чтобы мы съ нимъ не сталкивались самымъ непріятнымъ образомъ.

Когда я выѣхалъ, на улицахъ былъ совершенный мракъ и тишина. Жандармъ ѣхалъ за мной крупной рысью. Въ домѣ губернатора я засталъ огонь въ одномъ только кабинетѣ его. Онъ ходилъ по немъ взадъ и впередъ въ разстегнутомъ сюртукѣ и безъ эполетъ. Засохшая на губахъ бѣленькая пѣна ясно свидѣтельствовала о состояніи его духа.

— Любезнѣйшій! Ступайте сейчасъ и посадите въ острогъ бухгалтера приказа, Ферапонтова!—сказалъ онъ мнѣ довольно еще ласковымъ голосомъ.

Я посмотрѣлъ на него.

— По какому-нибудь дѣлу, ваше превосходительство?

— Онъ тамъ деньги укралъ изъ приказа. Въ канцеляріи вы получите предписаніе.

— И въ немъ будетъ сказано, чтобъ я посадилъ его въ острогъ?

— Да-съ! — отвѣчалъ губернаторъ, и бѣленькая пѣнка на губахъ его опять смокла.—Вы будете производить дѣло вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ. Миротворить не извольте.

Далѣе разговаривать, я зналъ, что было нечего, а потому поклонился и вышелъ.

Въ канцеляріи я, въ самомъ дѣлѣ, нашелъ полицеймейстера, косого, рябого подполковника. Въ полной формѣ, съ перетянутой шарфомъ таліей и держа въ обѣихъ рукахъ каску, стоялъ онъ и серьезнѣйшимъ образомъ смотрѣлъ, какъ писецъ записывалъ ему предписаніе въ исходящую.

— Что̀ это такое за дѣло?—спросилъ я его.

— Деньги въ приказѣ пропали... бухгалтеръ цапнулъ.

— Но съ какой же стати? Онъ, сколько я его знаю, честный человѣкъ.

— Понадобились, видно,—отвѣчалъ полицеймейстеръ, засовывая предписаніе за бортъ мундира. — Поѣдемте однако, — прибавилъ онъ.

Я пошелъ. Мнѣ всегда этотъ человѣкъ былъ противенъ, но въ настоящую минуту просто показался страшенъ. Онъ посадилъ меня къ себѣ на пролетку, и пожарная пара понесла насъ маршъ-маршъ.

Сзади за нами попрежнему скакалъ жандармъ.

— Барынька тутъ одна была. Онъ съ ней снюхался и всыпалъ за нее въ приказъ деньги графа Араксина! — объяснилъ мнѣ коротко полицеймейстеръ.

— Гдѣ жъ она теперь?

— Да она-то ладила-было прямо изъ деревни въ Питеръ махнуть. На постояломъ дворѣ ужъ я ее перехватилъ. Сидитъ теперь тамъ подъ карауломъ.

Передъ маленькимъ деревяннымъ домомъ полицеймейстеръ велѣлъ остановиться. Отворивъ наотмашь калитку, онъ прошелъ по двору и на деревянномъ прирубномъ крыльчикѣ началъ стучать кулакомъ въ затворенную дверь. Ее отворила намъ впотьмахъ баба-кухарка.

— Дома баринъ?—спросилъ полицеймейстеръ.

Она что-то такое мыкнула намъ въ отвѣтъ. Полицеймейстеръ, такъ же нецеремонно отворивши и слѣдующую дверь, вошелъ въ темное зальце.

— Вставайте, отъ губернатора къ вамъ пріѣхали!—сказалъ онъ громко.

Въ сосѣдней комнатѣ что-то зашевелилось... шаркнулась спичка и загорѣлась синевато-блѣднымъ пламенемъ: Іосафъ, босой, съ растрепанными волосами и накинувъ наскоро халатишко, вставалъ... дрожащими руками онъ засвѣтилъ свѣчку и вытянулся передъ нами во весь свой громадный ростъ. Я почти не узналъ его, до того онъ въ послѣднее время постарѣлъ, похудѣлъ и пожелтѣлъ.

Надобно сказать, что и до настоящей ужасной минуты мнѣ было какъ-то совѣстно противъ него. Служа съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ въ одномъ городѣ, я видался съ нимъ чрезвычайно рѣдко, и хоть каждый разъ приглашалъ его посѣтить меня, но онъ отмалчивался и не заходилъ. Теперь же я рѣшительно не зналъ, куда мнѣ глядѣть. Іосафъ тоже стоялъ съ потупленными глазами.

— Тамъ барыня одна показала, что вы внесли за нее въ приказъ деньги графа Араксина,—началъ полицеймейстеръ прямо.

— Гдѣ же она теперь-съ? — спросилъ Іосафъ вмѣсто всякаго отвѣта.

— Она здѣсь... теперь только вамъ надо дать объясненіе, что вы дѣйствительно внесли за нее... Она этотъ долгъ принимаетъ на себя.

— Какъ же она это принимаетъ? — спросилъ опять Іосафъ.

— Такъ ужъ, принимаетъ, пишите скорѣе! Вотъ тутъ и чернильница есть, — проговорилъ полицеймейстеръ и, оторвавши отъ предписанія бѣлый полулистъ, положилъ его передъ Іосафомъ.

Тотъ съ испугомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на него. Какъ мнѣ ни хотѣлось мигнуть ему, чтобы онъ ничего не писалъ, но—увы!—я былъ слѣдователемъ, и кромѣ того косой глазъ полицеймейстера не спускался съ меня.

— Пишите скорѣе! Губернаторъ дожидается, — сказалъ полицеймейстеръ спокойнѣйшимъ голосомъ.

Іосафъ взялся за перо. Полицеймейстеръ продиктовалъ ему въ формальномъ тонѣ, что онъ, Ферапонтовъ, дѣйствительно деньги графа Араксина внесъ за Костыреву. Іосафъ написалъ все это нетвердымъ почеркомъ. Простодушію его въ эту минуту предѣловъ не было.

— Ну, вотъ только и всего,—проговорилъ полицеймейстеръ, засовывая бумагу въ карманъ.—Теперь одѣвайтесь!

— Куда же-съ? — спросилъ Іосафъ.

— Куда ужъ повезутъ, — отвѣчалъ полицеймейстеръ.

Іосафъ началъ искать свое платье; на глазахъ его видны были слезы. Я не въ состояніи былъ долѣе переносить этой сцены и вышелъ; но полицеймейстеръ остался съ Ферапонтовымъ и черезъ нѣсколько минутъ вывелъ его въ шинели и въ теплой нахлобученной фуражкѣ. Выходя изъ комнаты, онъ захватилъ съ собой свѣчку и, затворивъ двери, вынулъ изъ кармана сургучъ, печать и клочокъ бумаги и припечаталъ ее однимъ концомъ къ косяку, а другимъ къ двери.

— Вотъ такъ пока будетъ; осмотръ завтра сдѣлаемъ. Горловъ! — крикнулъ онъ.

Къ крыльчику подъѣхалъ жандармъ.

— Спѣшься и отведи вотъ ихъ въ острогъ! — проговорилъ полицеймейстеръ, указавъ головой на Іосафа.

Что-то въ родѣ глухого стона вырвалось изъ груди того.

Солдатъ слѣзъ съ лошади.

— Привяжи его поводомъ за руку и отведи.

Солдатъ сталъ исполнять его приказаніе. Іосафъ молча повиновался, глядя то на меня, то на полицеймейстера.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, лучше отвезти г-на Ферапонтова! — сказалъ я.

— Нѣтъ-съ, такъ отъ губернатора приказано, — отвѣчалъ полицеймейстеръ. — Отправляйся! — крикнулъ онъ на жандарма, и не успѣлъ я опомниться, какъ тотъ пошелъ.

Іосафъ и лошадь послѣдовали за нимъ.

— Зачѣмъ же это такъ приказано? — спросилъ-было я; но полицеймейстеръ не удостоилъ даже отвѣтомъ меня и, сѣвъ на свои пролетки, уѣхалъ.

Я невольно оглянулся въ даль: тамъ смутно мелькали фигуры Ферапонтова, жандарма и лошади. «Господи! хоть бы онъ убѣжалъ»,—подумалъ я и, съ помутившейся почти головой отъ того, что̀ видѣлъ и что̀ предстояло еще видѣть, уѣхалъ домой.

XIII.

По дѣлу Ферапонтова, подъ предсѣдательствомъ полицеймейстера была составлена цѣлая комиссія: я, стряпчій и жандармскій офицеръ.

Часовъ въ десять утра мы съѣхались въ холодную и грязную полицейскую залу и усѣлись за длиннымъ столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ и съ зерцаломъ на одномъ своемъ концѣ. Занявши свое предсѣдательское мѣсто, полицеймейстеръ сталъ просматривать дѣло. Выраженіе лица его было еще ужаснѣе, чѣмъ вчера.

Стряпчій, молодой еще человѣкъ, безпрестанно покашливалъ какимъ-то желудочнымъ кашлемъ и при этомъ каждый разъ закрывалъ ротъ рукою, желая, кажется, этимъ скрыть весьма замѣтно чувствуемый отъ него запахъ перегорѣлой водки. Жандармскій офицеръ модниялъ. Я взглянулъ на нѣкоторыя бумаги — это были показанія, отобранныя полицеймейстеромъ въ продолженіе ночи отъ разныхъ чиновниковъ приказа, которые единогласно писали, что Ферапонтовъ дѣйствительно въ тотъ самый день, какъ принялъ деньги отъ бурмистра, внесъ и за Костыреву. Дѣло такимъ образомъ бѣднаго подсудимаго было почти вполовину уже кончено.

Черезъ полчаса тяжелаго и непріятнаго молчанія, рука въ жандармской рукавицѣ отворила одну изъ дверей, и въ нее вошелъ Іосафъ, совсѣмъ уже всклоченный и съ опавшимъ, до худобы трупа, лицомъ.

Полицеймейстеръ не обратилъ на него никакого вниманія. Іосафъ прямо подошелъ къ столу.

— Все, что я-съ вчера писалъ, неправда! — проговорилъ онъ замѣтно насильственнымъ голосомъ.

— Будто? — спросилъ полицеймейстеръ, не поднимая ни головы ни глазъ.

— Я денегъ за г-жу Костыреву не вносилъ, — продолжалъ Іосафъ.

— Зачѣмъ же вы вчера это говорили?

— Я испугался-съ.

— Кого же это вы испугались? Мы васъ не пугали.

— Я самъ испугался.

— Нехорошо быть такимъ трусливымъ! — проговорилъ полицеймейстеръ и позѣвнулъ.—Куда жъ вы, если такъ, бурмистровы-то деньги дѣвали? — прибавилъ онъ.

— Я ихъ потерялъ-съ.

— Да, потеряли. Это другое дѣло! — произнесъ полицеймейстеръ, какъ бы довѣряя словамъ Іосафа. — Отойдите однако немножко въ сторону! — заключилъ онъ и самъ всталъ. Іосафъ отошелъ и, не могши, кажется, твердо стоять на ногахъ, облокотился однимъ плечомъ объ стѣну.

Полицеймейстеръ подошелъ между тѣмъ къ другимъ дверямъ.

— Пожалуйте! — сказалъ онъ, растворяя ихъ.

Въ залу тихо вышла Костырева, въ черномъ платьѣ, въ черной шляпкѣ и подъ вуалью. По одному стану ея можно уже было догадаться, что это была прелестная женщина. Жандармскій офицеръ поспѣшилъ пододвинуть ей стулъ, на который она, поблагодаривъ его легкимъ кивкомъ головы, тихо опустилась. Я взглянулъ на Іосафа; онъ стоялъ, низко потупивъ голову.

— Примите у нихъ шляпку, — сказалъ полицеймейстеръ жандармскому офицеру.

— Madame, permettez, — сказалъ тотъ Костыревой.

Она, какъ это даже видно было изъ-подъ вуаля, взглянула на него своими прекрасными глазами, потомъ развязала неторопливо ленты у шляпки и сняла ее. Скорѣе ребенка можно было подозрѣвать въ какомъ-нибудь уголовномъ преступленіи, чѣмъ это ангельское личико!

— Какого вы званія и происхожденія? — спросилъ поли-

цеймейстеръ, кладя передъ собой заготовленные уже заранѣе вопросные пункты.

— Я изъ Ковны, — отвѣчала Костырева.

— Я васъ спрашиваю, — какого вы званія по отцу и матери? — повторилъ полицеймейстеръ.

Эмилія замѣтно сконфузилась.

— Я, право, и не знаю; мать моя занималась торговлей.

— То-есть она содержала трактирное заведеніе?

— Я не знаю этого хорошенько; я была такъ еще молода.

— Какъ вы не знаете, когда вы сами за конторкой стояли?

Костырева только посмотрѣла на него: на глазахъ ея заискрились слезы.

— Я не стояла ни за какой конторкой, — проговорила она.

— Не стояли? — повторилъ полицеймейстеръ.

— Къ чему вы дѣлаете подобные разспросы, которые къ дѣлу совершенно лишніе? — вмѣшался я.

Полицеймейстеръ удостоилъ только на минуту кинуть на меня свой косой взглядъ.

— Вы думаете? — произнесъ онъ своимъ обычнымъ подлымъ тономъ и потомъ сейчасъ же свистнулъ.

Въ залу, гремя шпорами и саблей, проворно предсталъ другой ужъ, а не вчерашній жандармъ.

— Позови сюда малаго того! — сказалъ полицеймейстеръ.

— Слушаю, ваше высокородіе, — крикнулъ жандармъ, и крикнулъ такъ, что даже Іосафъ вздрогнулъ и взглянулъ на него.

Черезъ минуту былъ введенъ казачокъ — лакей Костыревой.

— Вотъ бывшая твоя барыня, когда была дѣвицей, стояла ли въ трактирѣ за прилавкомъ? — обратился къ нему полицеймейстеръ.

У Костыревой загорѣлось лицо сначала съ нижней части щекъ, потомъ выше и выше, и наконецъ до самаго лба.

Малый тоже нѣсколько позамялся.

— Такъ какъ тоже, тѣмъ временемъ, проживали мы съ господиномъ моимъ въ номерахъ ихъ, онѣ занимались этимъ, — отвѣчалъ онъ съ запинкой.

— Какъ же вы говорите, что нѣтъ? — кротко спросилъ полицеймейстеръ Костыреву.

— Г-нъ полковникъ! вы ставите меня на одну доску съ моими лакеями, — проговорила она и закрыла глаза рукою.

— Зачѣмъ же вы отпустили его на волю? Вы думаете, что

онъ изъ благодарности и скроетъ все? Ничего вѣдь не утаилъ: все разсказалъ! Пошелъ ты на свое мѣсто! — прибавилъ онъ малому.

Тотъ сконфуженнымъ шагомъ вышелъ изъ залы.

Я нечаянно взглянулъ въ это время на Іосафа. Онъ стоялъ уже не понуривъ голову, а поднявъ ее и вперивъ пристальный и какой-то полудикій взглядъ на Костыреву. Она же, въ свою очередь, всего болѣе, кажется, и опасалась, чтобы какъ-нибудь не взглянуть на него.

— А скажите, что̀ за исторія у васъ была по случаю вашего замужества за г-на Костырева? — продолжалъ полицеймейстеръ.

У Эмиліи задрожали губки, щечки, брови и даже зрачки у глазъ. Нѣсколько минутъ она не могла ничего отвѣчать.

— Г-нъ полковникъ! Вы, кажется, хотите только оскорблять меня, и потому позвольте мнѣ не отвѣчать вамъ.

Полицеймейстеръ пожалъ только плечами.

— Хуже же вѣдь будетъ, если я опять стану разспрашивать при васъ вашего лакея. Наконецъ я ужъ и знаю все, и скажу вамъ, что вы и ваша матушка подавали на г-на Костырева просьбу, что онъ соблазнилъ васъ, и что вы находитесь въ извѣстномъ, непріятномъ для дѣвушки положеніи. Его призвали въ тамошнюю, какъ тамъ называется, полицію, что ли? — понапугали его; онъ далъ вамъ расписку, а потомъ и исполнилъ ее. Такъ ли?

Костырева съ вытянутыми судорожно руками, опустивъ головку и только по временамъ поднимая, какъ бы для вздоха, грудь, скорѣе похожа была на статую, чѣмъ на живую женщину.

— Такъ вѣдь? — повторилъ полицеймейстеръ.

— Я говорила вамъ и повторяю еще разъ, что не хочу и не буду отвѣчать вамъ.

— Еще только одинъ маленькій вопросъ, — подхватилъ полицеймейстеръ. — Въ какихъ отношеніяхъ вы проживали здѣсь съ г-мъ Бжестовскимъ?

— Онъ былъ мой женихъ, — отвѣчала Костырева.

На этомъ мѣстѣ я нарочно взглянулъ на Іосафа. Онъ попрежнему стоялъ, не спуская съ Костыревой совершенно какъ бы безсмысленныхъ глазъ.

— Отчего же вы выдавали его за брата? — продолжалъ полицеймейстеръ.

— Я не хотѣла этого ранѣе говорить, такъ какъ жила съ нимъ въ одномъ домѣ, и могла пройти худая молва.

— Да, конечно! худая молва для женщины хуже всего! —

произнесъ полицеймейстеръ. — Вы обвѣнчались однако съ г-номъ Бжестовскимъ тотчасъ, какъ имѣніе ваше было выкуплено.

— Да!

— Это, г-нъ Ферапонтовъ, вы устроили ихъ свадьбу, внеся за нихъ въ приказъ! Настоящимъ ихъ посажёнымъ папенькой были, а то безъ этого г-нъ Бжестовскій, вѣроятно, и до сихъ поръ оставался бы вашимъ братомъ! — говорилъ полицеймейстеръ, обращаясь то къ Іосафу, то къ Костыревой.

— Я внесла свои деньги, — проговорила та тихо.

— Какъ свои-съ? — отозвался вдругъ Ферапонтовъ. — Какъ свои-съ? — повторилъ онъ.

Полицеймейстеръ не ошибся въ расчетѣ, разспрашивая при немъ Эмилію объ разныхъ ея дѣяніяхъ. Бѣдный, простодушный герой мой разсердился на нее, какъ ребенокъ, и, видимо, уже не хотѣлъ скрывать ее.

— У меня есть свои семьсотъ рублей. Я заплачу̀ ихъ бурмистру, остальные пусть онъ съ нихъ спрашиваетъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ полицеймейстеру.

— Никакихъ я вашихъ денегъ не знаю и не видала, — проговорила Костырева.

— Не видали вы? — проговорилъ Іосафъ, покачавъ головой. — Что̀ же, развѣ я сумасшедшій былъ, чтобъ сдѣлать это... Во снѣ не снилось, что вы не заплатите, а тутъ вдругъ уѣхали... Я ни одной ночи послѣ того не спалъ... писалъ... писалъ. Спрашивалъ, что̀ же вы со мной дѣлаете, такъ хоть бы слово написали.

— Что̀ жъ мнѣ было отвѣчать на ваши странныя письма? — проговорила Эмилія.

— Чѣмъ же странныя!.. Ахъ, вы обманщица послѣ того, коли такъ... Въ усадьбу потомъ какъ пріѣхалъ, такъ и въ ворота не пустили... потихоньку ужъ какъ-нибудь хотѣлъ пройти... тогда и не понялъ, а теперь, узнавши васъ, все вижу: собаками было-затравили — двухъ бульдоговъ выпустили, а за что все это?..

На этомъ мѣстѣ Іосафа прервалъ вошедшій квартальный.

— Г-жу Бжестовскую къ губернатору, ваше высокородіе, требуютъ, чтобы ихъ не спрашивали здѣсь, а къ нимъ чтобы-съ...—отрапортовалъ онъ полицеймейстеру.

У того нѣсколько разъ подернуло лицо, и онъ быстро взглянулъ своимъ косымъ глазомъ на Эмилію. Она сидѣла, закусивъ губки, чтобы какъ-нибудь только удержаться отъ рыданій.

— Угодно ѣхать?—спросилъ ее полицеймейстеръ, замѣтно уже болѣе вѣжливымъ тономъ.

Она, ни слова не отвѣтивъ ему, взяла шляпку изъ рукъ жандармскаго офицера, опять поспѣшившаго ей подать ее, торопливо пошла въ прежнія двери, изъ полуотворившейся половинки которой виднѣлась молодцоватая фигура Бжестовскаго. Онъ поспѣшилъ подать женѣ салопъ, и оба они скрылись. Квартальный тоже послѣдовалъ за ними.

Полицеймейстеръ, видимо, остался сконфуженъ, какъ дикій звѣрь, у котораго убѣгала изъ рукъ добыча.

— Вы подтверждаете ваше показаніе?—спросилъ онъ у Іосафа.

— Все-съ, отъ слова и до слова!—отвѣчалъ тотъ съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Можете, значитъ, итти, — сказалъ полицеймейстеръ и свистнулъ.

Опять явился жандармъ.

— Отведи г. Ферапонтова, откуда привелъ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! — крикнулъ на этотъ разъ солдатъ.

Іосафъ, ни на кого не взглянувъ, пошелъ.

— На сегодня довольно,—объявилъ намъ полицеймейстеръ и, собравъ бумаги, взялся за каску.

Мы тоже взяли шляпы и разъѣхались.

XIV.

На другой день я, зная, что съ губернаторомъ на словахъ и говорить нечего, рѣшился написать къ нему рапортъ... Все еще, видно, я молодъ тогда былъ и не совсѣмъ хорошо вѣдалъ тѣхъ людей, посреди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ, и только уже теперь, отдалившись отъ нихъ на цѣлый почти десятокъ лѣтъ, я вижу ихъ передъ собою какъ бы живыми, во всемъ ихъ страшномъ и безобразномъ значеніи... Я писалъ, что дѣло Ферапонтова нельзя производить такимъ казеннымъ, полицейскимъ образомъ, что онъ не воръ, и видимо, что тутъ замѣшана или сильная страсть съ его стороны, или вопіющій обманъ со стороны лицъ, съ нимъ участвующихъ. То и другое вызываетъ на милосердіе къ нему. Что можно наконецъ написать къ графу Араксину, который, если только онъ хотя сколько-нибудь великодушный человѣкъ, не станетъ, вѣроятно, искать своихъ денегъ. Тутъ однако меня прервали и сказали, что ко мнѣ жандармъ пришелъ. Я велѣлъ его позвать къ себѣ. Это былъ опять уже не вчерашній, а какой-то третьяго сорта солдатъ, и совсѣмъ ужъ, кажется, дуракъ.

— Бумагу, ваше благородіе, подписывать подьте въ острогъ!— приказалъ онъ мнѣ.

— Какую бумагу?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Да кто тебя послалъ сюда?

— Изъ острога, ваше благородіе, г. полицеймейстеръ послалъ.

— Что же, самъ онъ тамъ?

— Тамо-тка, ваше благородіе.

Я только махнулъ рукой и поспѣшилъ поѣхать. Тяжелое предчувствіе сдавило мнѣ сердце.

Пріѣхавши въ острогъ, я, прямо черезъ караульную, прошелъ въ дворянское отдѣленіе. Тамъ передъ одной изъ каморъ, у отворенныхъ дверей, стояла цѣлая толпа арестантовъ и съ любопытствомъ глазѣла туда. Пробравшись черезъ нихъ, я первое, что увидѣлъ—это на самой почти серединѣ довольно темноватой комнаты, на толстомъ крюкѣ, висѣвшаго Іосафа, съ почернѣлымъ и нѣсколько опущеннымъ внизъ лицомъ, съ открытымъ ртомъ, съ стиснутыми зубами, съ судорожно скорченными руками и съ искривленными какъ бы тоже въ судорогахъ ногами. Повѣсился онъ на трехъ-четырехъ покромкахъ простыни, изъ которыхъ онъ свилъ веревку.

На столѣ передъ свѣчкой сидѣлъ въ шинели и съ своей ужасной физіономіей полицеймейстеръ и писалъ.

— Удавился! — сказалъ онъ мнѣ совершенно спокойнымъ тономъ, показывая глазами на трупъ.

— Это вы его довели,—сказалъ я.

— Будто? — произнесъ обычную свою фразу полицеймейстеръ.—Онъ самъ пишетъ другое,—прибавилъ онъ и подалъ мнѣ составленный имъ протоколъ, въ которомъ, между прочимъ, я увидѣлъ бѣлый листъ бумаги, на которой четкой рукой Іосафа было написано: «Кладу самъ на себя руки, не столько ради страха суда гражданскаго, сколько ради обманутой моей любви. Передайте ей о томъ».

— Снять покойника и стащить его въ сторону! Тамъ потрошить-то будутъ!—распорядился полицеймейстеръ

Вошли служителя съ лѣстницей, изъ которыхъ одинъ придержалъ ее на себѣ, а другой взлѣзъ на нее и безъ всякой осторожности перерѣзалъ ножомъ полотняную веревку. Трупъ съ шумомъ грохнулся на лѣстницу. Солдатъ, державшій лѣстницу, едва выскочилъ изъ-подъ него. Я поспѣшилъ уйти. Полицеймейстеръ тоже вскорѣ появился за мной.

— Дѣло наше, значитъ, кончено,—сказалъ онъ.

— А какъ же Бжестовскіе?—спросилъ я.

У полицеймейстера совсѣмъ ужъ скосились глаза.

— Они еще вчера уѣхали. Самъ губернаторъ отпустилъ ихъ!—отвѣчалъ онъ.

— Какъ отпустилъ?

— Такъ. Часа четыре она была у него на допросѣ. Видно, во всемъ оправдалась!—отвѣчалъ полицеймейстеръ, улыбаясь перекошеннымъ ртомъ.

Пріѣхавши домой, я дѣйствительно нашелъ губернаторское предписаніе, которымъ мнѣ давалось знать, что дѣло Ферапонтова, за смертью самого преступника, кончено, а потому я могу обратиться къ другимъ занятіямъ.

Мнѣ, признаться, сдѣлалось не на шутку страшно даже за самого себя... Жить въ такомъ обществѣ, гдѣ Ферапонтовы являются преступниками, Бжестовскіе — людьми правыми, и судьи—въ родѣ полицеймейстера: чтобы жить въ этомъ обществѣ, какъ хотите, надобно имѣть большой запасъ храбрости!

1860.

БАТЬКА.

Разсказъ.

I.

Я какъ теперь вижу передъ собой нашу голубую деревенскую гостиную. На среднемъ столѣ горятъ двѣ свѣчи. На одномъ концѣ его сидитъ матушка, всегда немного чопорная, въ накрахмаленномъ чепцѣ и воротничкахъ, и съ чулкомъ въ рукѣ. Отворотясь отъ нея, сидитъ на другомъ концѣ покойный отецъ. Онъ, видимо, въ дурномъ расположеніи духа и безпрестанно закидываетъ въ сторону, на печку, свои сѣрые на выкатѣ глаза. Я... мнѣ всего лѣтъ 12... забрался въ углу на мягкое кресло и сижу, погруженный въ невѣдомыя самому для меня мысли. Прямо противъ меня отворенная дверь въ залу. Оттуда только и слышится, что ровное пощелкиваніе маятника стѣнныхъ часовъ и навѣваетъ на васъ чѣмъ-то грустнымъ и печальнымъ. Вдругъ раздался тихій скрипъ половицъ. Не знаю, отчего у меня какъ-то болѣзненно замерло сердце. Это входилъ своей осторожной походкой нашъ самый богатый изъ всей вотчины ѳомкинскій мужикъ Михайла Евпловъ, старикъ самой почтенной наружности, всегда ходившій нѣсколько брюхомъ впередъ, съ низко-низко опущенной пазухою, совсѣмъ ужъ сѣдой, съ густо нависшими бровями и съ постоянно почти опущенными въ землю глазами, всегда съ расчесанной головой и бородой, всегда въ чистомъ рѣшменскомъ кафтанѣ и не въ очень грязныхъ сапогахъ. Даже руки у него были какія-то бѣлыя, нѣжныя, покрытыя только небольшими веснушками, точно онъ никогда никакой черной работы и не работалъ. Будучи верстъ на тридцать единствен-

нымъ мяснымъ торговцемъ, Михайла Евпловъ врядъ ли въ околоткѣ былъ не извѣстнѣе, чѣмъ мой покойный отецъ, такъ что тотъ иногда въ шутку говаривалъ своимъ знакомымъ: «честь имѣю рекомендоваться, я Михайлы Евплова баринъ».

Въ нашемъ небогатомъ деревенскомъ хозяйствѣ, сколько я теперь могу припомнить, Михайла былъ рѣшительно благодѣтельнымъ геніемъ: случалась ли надобность отдать въ работники пьянчужку-недоимщика, Михайла Евпловъ бралъ его къ себѣ и ужъ выжималъ изъ него коку съ сокомъ; приходила ли нужда въ деньгахъ, прямо брали ихъ взаймы у Михайлы Евплова; нужно ли было отправить рекрутство, подать ревизскія сказки, Михайла Евпловъ ѣхалъ, хлопоталъ, исполнялъ все это аккуратнѣйшимъ образомъ, не получая себѣ за то никакого возмездія, а напротивъ того, платя чуть ли еще не въ полтора раза болѣе противъ другихъ оброка. На этотъ разъ вслѣдъ за нимъ вошелъ сынъ его Тимка, совсѣмъ рабочій малый, лѣтъ 22-хъ, подслѣповатый, нескладный, словно изъ какого-нибудь сучковатаго дерева сдѣланный, и съ годъ передъ тѣмъ только-что женившійся. Батька, говорятъ, лѣтъ еще съ десяти началъ заставлять его бить скотину и теперь постоянно мормя-морилъ на работѣ. Войдя въ комнату, Тимка прямо, не поднимая ни головы ни глазъ, какъ-то механически поклонился матушкѣ въ ноги. Та потупилась и повела только рукою, желая тѣмъ показать, чтобы онъ этого не дѣлалъ. Тимоѳей перешелъ и поклонился отцу въ ноги — тотъ отвернулся отъ него и окончательно закинулъ глаза на потолокъ.

— Что̀, поучили? — спросилъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

Тимоѳей ничего не отвѣчалъ, а молча отошелъ и сталъ нѣсколько поодаль отъ батьки.

— Поучили, кажется, хорошо... Не знаю только, пойметъ ли то,—проговорилъ Михайла Евпловъ грустнымъ тономъ.

— Это за то тебѣ... — продолжалъ покойный батюшка (голосъ его не переставалъ дрожать): — за то, что не смѣй поднимать руки на отца. Неправъ онъ, Богъ съ него спроситъ, а не ты...

Михайла Евпловъ вздохнулъ на всю комнату.

— Мало они что-то это разумѣютъ, въ каждомъ пустякѣ только и ладятъ, что нельзя ли какъ отцу горло переѣсть...— сказалъ онъ и еще грустнѣе склонилъ голову на сторону.

— Ну, Михайла Евпловъ, — вмѣшалась въ разговоръ ужъ матушка:—трудно тоже, какъ и тебя посудить: старшій сынъ у тебя охотой въ солдаты пошелъ, второй спился да головой вершилъ, наконецъ и съ третьимъ тоже выходитъ?

На послѣднихъ словахъ она развела въ недоумѣніи руками.

Лицо Михайлы Евплова сдѣлалось окончательно умиленнымъ.

— Ай, матушка, Авдотья Алексѣевна, — воскликнулъ онъ почти плачущимъ голосомъ:—на все тоже Божья власть есть: кто въ дѣтяхъ находитъ утѣшенье, а кто и печали... Вы сами имѣете дитя: какъ знать, худъ ли онъ супротивъ васъ будетъ.

Матушка вспыхнула.

— Ну, мое дитя ты привелъ тутъ напрасно... совершенно напрасно!—сказала она и сердито понюхала табаку.

Михайла Евпловъ тоже сконфузился, видя, что, не думая и не желая того, онъ проврался.

— Это точно что-съ...—проговорилъ онъ и переступилъ съ ноги на ногу.

— Ежели ты опять то же будешь дѣлать, опять тебѣ то же будетъ!..—обратился покойный отецъ снова къ парню, гораздо уже подобрѣе, но все еще, видно, желая втолковать ему, что онъ виноватъ.

Парень пораспустился.

— Мнѣ бы, бачка Филатъ Гаврилычъ, въ раздѣлъ охота итти-съ!—произнесъ онъ какимъ-то необыкновенно наивнымъ голосомъ.

Всѣ мускулы въ лицѣ отца подернуло. Я видѣлъ, что онъ страшно вспылилъ.

— Не позволятъ вамъ того!—больше прошипѣлъ онъ, чѣмъ проговорилъ, между тѣмъ какъ щеки и губы его дрожали:—казеннымъ крестьянамъ велятъ дѣлиться?.. велятъ?—спрашивалъ онъ, обращая на парня страшный взглядъ.

Михайла Евпловъ грустно усмѣхнулся.

— Да прикажите; пускай попробуютъ... мякины-то отродясь не ѣдали, а тутъ, можетъ, и отвѣдаютъ... Теперь какой-нибудь овинишко въ двадцать сноповъ съ своей благовѣрной измолотятъ, лопать-то придутъ, въ чашку валятъ, сколько только чрево стерпитъ.

— Что̀ жъ ты ихъ кускомъ ужъ хлѣба попрекаешь?—вмѣшалась въ разговоръ опять матушка.

Михайла Евпловъ сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Не попрекаю я, сударыня, нѣтъ-съ! — отвѣчалъ онъ кротко: — ни въ чемъ имъ отъ меня запрету нѣтъ, — ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ гуляньяхъ. Пусть скажутъ, въ чемъ имъ, хоть сколько ни на есть, отъ меня возбранено.

— Ну, да! Въ чемъ вамъ отъ него возбранено?—повторилъ за нимъ и отецъ.

Тимоѳей жалобно и стыдливо посмотрѣлъ на него.

— Не могу я, бачка, про то сказывать-съ,—отвѣчалъ онъ и какъ-то странно засѣменилъ руками.

— Отчего не сказывать? — говори!... — сказалъ отецъ настойчиво.

Михайла Евпловъ какъ будто бы слегка вспыхнулъ.

— Выдумать да наболтать, пожалуй, всякихъ пустяковъ можно...—произнесъ онъ.

Тимоѳей молчалъ.

Матушка на этомъ мѣстѣ встала и вышла. Отцу тоже, видно, была не совсѣмъ легка эта сцена.

— Ну, ступайте!—сказалъ онъ, закидывая, по обыкновенію, глаза въ сторону.

Михайла Евпловъ однако не трогался. Онъ, кажется, пережидалъ, чтобы первый пошелъ сынъ. По лицу Тимки мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но не смѣлъ ли, или не хотѣлъ этого сдѣлать, только круто повернулся и пошелъ.

— Вы ужъ, батюшка, сдѣлайте милость, прикажите, чтобъ и супружница его слушалась и не фыркала... — сказалъ Михайла Евпловъ.

— Чтобъ и супружница слушалась — слышь! — повторилъ отецъ, грозя Тимкѣ пальцемъ.

Но тотъ ничего не отвѣчалъ, и я слышалъ, что онъ сердито хлопнулъ въ лакейской дверями.

Михайла Евпловъ постоялъ еще нѣсколько времени, покачалъ въ раздумьѣ головой и проговорилъ:

— Такой этотъ нынче народъ сталъ, что срамъ только одинъ съ нимъ.

Но, видя, что отецъ ничего ему не отвѣчаетъ, онъ тоже повернулся и пошелъ,—по залѣ сталъ проходить медленно, неторопливо и все точно къ чему-то прислушиваясь.

II.

Прошло времени недѣли съ двѣ. Мы ужинали. Отецъ (онъ все это время былъ замѣтно въ дурномъ расположеніи духа и теперь кидающій то туда, то сюда свой безпокойный взглядъ) вдругъ поблѣднѣлъ и, проворно вставая, проговорилъ:

— Ѳомкино горитъ!

Мы взглянули по направленію его глазъ: всѣ наши окна были залиты заревомъ.

— Батюшка, можетъ-быть, это овинъ!—хотѣла-было успокоить его матушка.

— Вся деревня, сударыня, въ огнѣ!.. Выдумала!.. Лошадь мнѣ!—кричалъ старикъ, проворно сбрасывая съ себя халатъ.

Матушка сама стала ему подавать одѣваться: горничная прислуга вся ужъ разбѣжалась по избамъ, чтобы поразузнать и поохать насчетъ пожару. Въ залу вошелъ нашъ приказчикъ Кирьянъ, со своей обычной, не совсѣмъ умной и озабоченной рожей, и теперь совсѣмъ опѣшившій отъ страху.

— Въ Ѳомкинѣ несчастье-съ!—проговорилъ онъ.

— Людей туда!.. лошадь мнѣ! — говорилъ батюшка застегивая дрожащими руками свой полевой чепанъ.

Мнѣ тоже захотѣлось съѣздить на пожаръ.

— Папаша, возьми меня!—запросился я.

— Перестань, пащенокъ! — прикрикнулъ-было на меня старикъ.

Но я не отставалъ:

— Папаша, возьми!

— Ахъ, ты!.. Ну, поѣзжай!

Онъ вообще любилъ нѣсколько геройскія съ моей стороны выходки; но матушка напротивъ.

— Алексѣй, что̀ ты хочешь со мной дѣлать?.. Пощади ты меня хоть сколько-нибудь!—сказала она въ одно и то же время строгимъ и умоляющимъ голосомъ.

Но я уже почти не слыхалъ ея: выбѣжавъ на улицу и видя, что поваренокъ Гришка велъ осѣдланную лошадь, я отнялъ ее у него и сейчасъ же на нее взгромоздился. Со стороны отъ Ѳомкина слышался наносимый вѣтромъ безпорядочный звонъ набатнаго колокола. Черезъ нѣсколько минутъ привели и отцу бѣговыя дрожки. Точно молоденькій мальчикъ, онъ проворно, хоть и тяжело, опустился на нихъ. Человѣкъ шесть дворовыхъ людей было около насъ верхомъ. На крыльцѣ появилась матушка.

— Возьмите Неопалимую Купину, что̀ вы, на кого надѣетесь?—сказала она.

Кирьянъ подъѣхалъ къ ней и, принявъ у нея образъ, положилъ его, перекрестясь, за пазуху. Пока мы съѣзжали со двора, матушка не переставала насъ крестить вслѣдъ. Проѣхать намъ надобно было версты двѣ-три лѣсомъ. Ночь была осенняя, темная. Несмотря на колеи и рытвины, отецъ погналъ свою лошадь что̀ есть духу. Мы скакали за нимъ. По всѣмъ направленіямъ отъ насъ раздавался топотъ нашихъ лошадей и слышались шлепки летѣвшей изъ-подъ копытъ ихъ грязи. Рядомъ же съ нами, и нисколько не отставая, бѣжалъ въ прискочку спѣшенный мною съ лошади Гришка-поваренокъ и бѣжалъ, надобно сказать, сохраняя ужасно гордый видъ, который былъ данъ ему какъ бы отъ природы, вслѣдствіе покривленнаго въ дѣтствѣ позвоночнаго столба.

— Ату, ату его!—травилъ его кучеръ Петръ, доставая въ спину вѣтвиной.

— Это онъ на дымокъ бѣжитъ... поварская душонка: услыхалъ, что гарью-то пахнетъ,—замѣтилъ ткачъ Семенъ.

По другую сторону дороги шелъ болѣе солидный разговоръ.

— Въ сѣнникѣ у Евплова загорѣлось и пошло, братецъ ты мой, вѣдь, Боже ты мой!—говорилъ Кирьянъ.

— Ишь ты, поди, гдѣ грѣху-то быть! — отвѣчалъ ему на это басомъ и со вздохомъ другой голосъ.

Набатъ становился все слышнѣе и слышнѣе. Сколько ни печальное ожидало насъ впереди зрѣлище, но при этомъ быстромъ скаканьи на лошади, въ глухую ночь, въ лѣсу, при этомъ хлопаньи воротецъ, которыя кучеръ Петръ на всемъ маху, не слѣзая съ лошади, отворялъ и такъ же быстро отпускалъ ихъ, мое дѣтское сердце исполнилось какой-то злобной радостью: мнѣ такъ и хотѣлось битвъ, опасностей и побѣдъ. При въѣздѣ въ открытое поле—первое, что̀ представилось намъ, это—стоявшая нѣсколько поодаль отъ селенія, на совершенно темномъ фонѣ, бѣлая церковь, освѣщенная пожаромъ до малѣйшихъ архитектурныхъ подробностей и съ блистающими красноватымъ свѣтомъ главами и крестами. Пламя выходило почти изъ половины деревни и, склоняемое вѣтромъ, уже зализывало огромными языками близъ-стоящія къ нему строенія. Вверху надъ всѣмъ этимъ клубился сѣроватый дымъ, въ которомъ летали чего-то огненные куски и кружились какія-то бѣлыя птицы. Въ самомъ селеніи передъ пламенемъ мелькали черныя фигуры мужиковъ и бабъ. Отовсюду слышался шумъ и гамъ, сливавшійся со звономъ колокола. Сидѣвшіе около вынесенныхъ на средину улицы пожитковъ старухи и ребятишки выли и ревѣли. Выгнанная изъ хлѣвовъ скотина: коровы и лошади, всѣ столпились въ кучу и незамѣтно, подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго для нихъ страха, прижались къ церковной оградѣ; однѣ только дуры-овцы, тоже скучившіяся въ одно стадо и кинувшіяся-было сначала прямо въ огонь, но шугнутыя оттуда двумя-тремя взвизгнувшими бабенками, неслись теперь далеко-далеко въ поле. Передъ сгорѣвшимъ почти уже вполовину домомъ Михайлы Евплова была цѣлая толпа людей, и они не унимали пожара, а на что-то такое другъ черезъ дружку заглядывали, и нѣсколько голосовъ говорило: «полно!.. перестань!.. старый!». Посреди всего этого раздавалось: «пустите!.. пустите!».

Мы быстро подъѣхали: это Михайла Евпловъ рвался изъ рукъ двухъ нашихъ мужиковъ. Спокойной наружности въ немъ и слѣда не оставалось: онъ былъ въ одной разорванной ру-

бахѣ, босикомъ, съ обезумѣвшими глазами и съ опаленными, всклоченными волосами.

— Что такое?—спросилъ отецъ.

— Въ огонь рвется... сгорѣть хочетъ,—отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ.—О, дьяволъ, какой здоровый!—прибавилъ онъ, грабаздая снова старика за воротъ, который тотъ-было у него вырвалъ.

— Оттащите его подальше, въ лѣсъ,—приказалъ отецъ.

— Батюшка, пусти!.. пусти!..—кричалъ Михайла Евпловъ.

Но мужики его потащили. Сдѣлавъ еще разъ тщетное усиліе вырваться у нихъ, онъ завопилъ, какъ дикій звѣрь, и вцѣпился зубами въ собственную руку; кровь фонтаномъ брызнула изъ-подъ его рта и усовъ. Мужики отвели ему эту руку назадъ за спину и продолжали его тащить.

— Батюшки! У Матрены Лукояновны ужъ загорѣлось! — раздался пронзительный женскій голосъ.

Всѣ бросились туда.

Покойный отецъ тоже проворно соскочилъ съ дрожекъ и потомъ—ужъ я не знаю, какъ это и случилось при его полнотѣ—вдругъ очутился на крышѣ этой самой избы.

— Снимайте кафтаны, мочите ихъ и давайте сюда!—командовалъ онъ оттуда.

Первый бросился ему помогать самый бѣдный изъ всей деревни мужикъ Спиридонъ, по фамиліи Кутузовъ. Собственная изба его давно уже сгорѣла, и онъ, кажется, изъ нея и вынести ничего не успѣлъ, но, несмотря на то, нисколько не потерявшись, началъ онъ усерднѣйшимъ образомъ подавать воду, понукать и ругать другихъ мужиковъ и особенно бабъ, что-нибудь не по-его или не проворно дѣлавшихъ.

Кирьянъ между тѣмъ досталъ изъ-за пазухи Неопалимую Купину и, взявъ ее на руки, какъ обыкновенно носятъ иконы, сталъ съ нею обходить еще незагорѣвшуюся часть селенія. Вдругъ пламя изъ косого направленія приняло прямое, поколебалось нѣсколько минутъ и снова склонилось, но уже въ поле, въ сторону, противоположную отъ деревни.

— Господи! полымя-то на лѣсъ пошло!.. Царица небесная!— заголосили бабы.

Мужики только молча перекрестились. Отецъ, молодцовато и скрестивши руки, стоялъ на крышѣ. Я же и Кутузовъ Богъ ужъ знаетъ для чего, ухвативши — онъ съ одного конца багромъ, а я съ другого кочергой, тащили горящее бревно. Оно наконецъ рухнуло и жестоко ударило одну бабу по боку, такъ что она кувыркнулась и не преминула намъ объяснить: «ой, дьяволы, лѣшіе экіе!». Бревно порядкомъ задѣло и меня, такъ

что я едва выцарапалъ изъ-подъ него ноги. Правая штанина у меня загорѣлась и, только ужъ плюя на нее и обжегши всѣ себѣ руки, я успѣлъ ее затушить. Все это видѣвшій съ крыши отецъ поблѣднѣлъ.

— Ступай, глупый мальчишка, домой!—закричалъ онъ, заскрежетавъ зубами.

Я было-вздумалъ отпрашиваться.

— Мать безпокоится, а онъ тутъ... Петръ, отвези его домой! — говорилъ старикъ, выходя изъ себя и грозя мнѣ кулаками.

— Поѣдемте, сударь! Что̀ тутъ барчику дѣлать!—посовѣтовалъ и Петръ.

Я, дѣлать нечего, взмостился на своего коня и отправился. Петръ послѣдовалъ за мной. Я всегда любилъ бывать съ этимъ человѣкомъ за его веселый и разговорчивый характеръ.

— Что̀, Михайла Евиловъ плачетъ еще?—спросилъ я его.

— Поуняли маленько, поукачали... Раза три въ огонь-то врывался: все хотѣлось кубышку-то съ деньгами выцарапать.

— А много денегъ у него было?

— Много, чортъ его дери, накопилъ... тысячъ десять, говорятъ, было...

— А сынъ его, Тимка,—тоже плачетъ?

— Да, тутъ тоже присутствуетъ,—отвѣчалъ Петръ:—только слезъ-то не больно что-то видать у него, — прибавилъ онъ какъ бы въ нѣкоторомъ размышленіи.

Я далъ шпоры лошади и поскакалъ маршъ-маршъ.

— Тише, тише, баринъ! право, маменькѣ скажу!—говорилъ Петръ.

Но я зналъ, что онъ не скажетъ.

Матушка насъ встрѣтила только что не на крыльцѣ.

— И не стыдно тебѣ, не грѣхъ такъ меня мучить? — сказала она.

Я поспѣшилъ поцѣловать у ней руку и сталъ ей представлять почти въ лицахъ, какъ огонь горѣлъ, какъ Михайла Евиловъ плакалъ.

— Ну, не говори... будетъ! — произнесла она, махая мнѣ рукой и сама готовая почти разрыдаться.

Виднѣвшееся изъ нашихъ оконъ пламя все становилось меньше и меньше. Черезъ часъ послѣ того пріѣхалъ и отецъ. Загрязненный, залитый почти съ ногъ до головы водой и чѣмъ-то, должно-быть, еще болѣе раздраженный, онъ шумно вошелъ въ залу. Вслѣдъ за нимъ поваренокъ Гришка, вспотѣвшій, какъ мокрая мышь, и съ закоптѣлымъ лицомъ Кирьянъ ввели подъ руку Михайлу Евилова. Онъ былъ въ чьемъ-то

чужомъ полушубчишкѣ, весь дрожалъ; рука и лицо его были въ крови.

— Посадите его тутъ!—сказалъ отецъ.

— Его надобно напоить чаемъ или мятой: онъ весь продрогъ!—сказала матушка.

Несчастный старикъ замоталъ головой.

— Нѣтъ, матушка: водочки дай! дай водочки! — проговорилъ онъ.

Матушка поспѣшно пошла и сама принесла ему цѣлый стаканъ.

Михайла Евпловъ выпилъ его дрожащими губами изъ ея рукъ. Она послѣ того хотѣла-было подать ему кусокъ пирога, но онъ молча отвелъ его руками.

— Сведите его въ людскую, да чтобы онъ не сдѣлалъ тамъ чего-нибудь надъ собой—я съ тебя спрошу, — сказалъ отецъ Кирьяну.

Тотъ съ Гришкой хотѣлъ-было поднять Михайлу, но онъ не дался имъ и повалился отцу въ ноги.

— Батюшки, благодѣтели мои! не оставьте меня несчастнаго!—стоналъ онъ.

— О, старый дуракъ!.. Сказано, что не оставятъ, — Бога только гнѣвитъ,—вспылилъ отецъ, между тѣмъ какъ у него у самого текли по щекамъ слезы.

— И ее злодѣйку накажите, и ее! — бормоталъ Михайла Евпловъ, ползая по полу и хватая отца за ноги.

— И ее накажутъ! Отведите его!—говорилъ тотъ, едва сдерживая себя.

Гришка и Кирьянъ подняли наконецъ бѣднаго старика и увели.

Меня вскорѣ послѣ этого послали спать, но я долго еще слышалъ изъ своей маленькой комнаты, что отецъ и мать разговаривали.

— Поджогъ! — говорилъ тотъ своимъ отрывистымъ тономъ.

— Господи помилуй!—восклицала на это матушка.

— Невѣстушка... сынокъ...—повторялъ нѣсколько разъ отецъ.

— Боже ты мой, Царица небесная! — говорила матушка.

III.

Проснувшись на другой день поутру, я услышалъ по всему дому какое-то шушуканье и торопливую хлопотню. Гришка-поваренокъ, между прочею своею службою обязанный меня одѣвать, пришелъ, по обыкновенію, съ сапогами въ рукахъ и съ глупо-форсистой рожей остановился у косяка.

— Что̀ тамъ такое шумятъ? — спросилъ я его.

— Папенька вашъ въ городъ уѣхали-съ, — отвѣчалъ онъ, почему-то еще гордѣе поднимая голову.

Я всегда былъ очень доволенъ, когда отецъ куда-нибудь уѣзжалъ: его суровость, его желчное и постоянно раздраженное состояніе духа, готовое каждую минуту вспыхнуть, пугали меня, а потому и на этотъ разъ, исполнившись мгновенно овладѣвшимъ мною восторгомъ, я началъ перевертываться на постели на спину, на грудь и задрыгалъ ногами, приговаривая:

— Зачѣмъ онъ уѣхалъ, зачѣмъ?

— Не знаю-съ!—отвѣчалъ Гришка и, наскучивъ, вѣроятно, стоять передо мной, сдернулъ съ меня одѣяло и урезонивалъ меня:

— Перестаньте баловать-то!.. Надѣвайте сапожки-то!.. Мнѣ стряпать пора.

— Я сегодня приду къ тебѣ въ кухню... приду... приду...— напѣвалъ я.

— Я сегодня не въ кухнѣ стряпаю, а у бабушки Афимьи,— отвѣчалъ Гришка и самолюбиво закинулъ свое рыло въ сторону.

— А вотъ врешь, врешь,—перебилъ я его, думая, что онъ хочетъ только отъ меня отдѣлаться.

— Право-съ! — повторилъ Гришка:—въ кухню-то Тимоѳея съ хозяйкой подъ караулъ посадили, — прибавилъ онъ уже мрачнымъ голосомъ.

— За что?

— Папенька приказали-съ...

Послѣднее слово Гришка протянулъ.

— А Михайла Евпловъ гдѣ?

— Въ людской лежитъ... стонетъ таково, на всю избу.

У меня вдругъ пропала вся моя веселость: я молча одѣлся, молча и тихо вышелъ. Въ дѣвичьей сидѣла наша старуха ключница Афимья и старательно-старательно пряла. Это было всегда признакомъ, что она до безконечности злилась.

— Афимья! За что Тимоѳея съ женой подъ караулъ посадили?—спросилъ я ее таинственно.

— Не знаю, сударь! — отвѣчала она явно-укоризненнымъ тономъ.

— Ну вотъ; не можетъ быть, скажи!

— Не знаю, батюшка... папенькина воля!—повторила она и вздохнула.

Семья Михайлы Евплова приходилась ей сродни.

Я отправился на улицу. День былъ ясный, свѣтлый: осеннее солнце грѣло точно средь лѣта; вновь подросшая на

красномъ дворѣ, послѣ недавняго дождя, трава свѣжо зеленѣла; въ воздухѣ быстро и весело летали ласточки; болѣе десятка сытыхъ и лоснящихся на солнцѣ лошадей гуляли на ободворкѣ. Тимка съ женой не выходили у меня изъ головы. Я рѣшился подсмотрѣть, что̀ они дѣлаютъ, и потихоньку вошелъ въ кухонныя сѣни; но тамъ на дверяхъ я увидѣлъ огромный замо̀къ: оставалось одно средство — заглянуть съ улицы въ окно; но я почему-то совѣстился это сдѣлать и придумалъ такого рода хитрость, что взмостился на близъ-стоящія около кухни дроги, съ которыхъ все было видно, что̀ происходило во внутренности избы: Тимка сидѣлъ у стола и смотрѣлъ въ землю; въ лицѣ его, кромѣ обычной мрачности, ничего не выражалось. На другой лавкѣ лежало что-то наглухо закутанное кафтаномъ. Я догадался, что это была жена его Марья. Мнѣ сдѣлалось страшно и почему-то показалось, что она умерла, и что это былъ уже только трупъ ея. Я, по крайней мѣрѣ, разъ пять взлѣзалъ на дроги, и въ послѣдній разъ наконецъ скрылся и Тимка, и только по виднѣвшимся его лаптямъ я понялъ, что и онъ тоже легъ, но только въ глубь, въ куть избы. Между тѣмъ Марья не перемѣняла своего положенія, и это окончательно меня убѣдило, что она умерла. Въ страхѣ и не зная, съ кѣмъ бы имъ подѣлиться, я нѣсколько времени ходилъ по двору; людей, какъ всегда это бывало въ лѣтнее время, не было почти никого дома, всѣ были на работѣ, и только изъ Афимьиной избы слышно было, что Гришка отчаянно рубилъ котлеты или начинку въ пирогъ, выбивая ножами складно трепака. Я подошелъ къ окну, которое было полурастворено и изъ котораго валилъ дымъ и жаръ.

— Григорій, а Григорій?—повторилъ я нѣсколько разъ.

— Чего вамъ-съ? — отозвался онъ наконецъ, гордо высовывая свою морду въ окно.

— Тамъ въ кухнѣ Марья лежитъ: не умерла ли ужъ она?

— Да съ чего ей умереть?

— А что̀ же она все лежитъ?

— Спитъ, чай, — отвѣчалъ онъ мнѣ и самолюбивѣйшимъ образомъ повернулся и отошелъ отъ окна.

Я простоялъ на своемъ мѣстѣ нѣсколько времени, какъ опѣшенный, и за обѣдомъ рѣшился наконецъ свое безпокойство сообщить матери.

— Маменька, Тимоѳея съ женой подъ караулъ посадили, ну какъ они тамъ умрутъ?—сказалъ я.

Мать сначала посмотрѣла мнѣ въ лицо и потомъ, проговоря:—Какія ты глупости говоришь,—сама вздохнула.

Тотчасъ же послѣ стола я опять отправился на дроги и— не могу описать вамъ моего восторга—Марья больше ужъ не лежала, а сидѣла; красивое лицо ея было не столько печально, сколько измято; платокъ на головѣ нѣсколько сбитъ и рубашка на груди разстегнута.

«А что̀, Михайла Евпловъ живъ ли?» — подумалъ я и прямо съ дрогъ пошелъ въ людскую. Изба эта, такъ какъ въ ней пеклись людскіе хлѣбы и варилось для дворовыхъ варево, была самая жарко-натопленная и постоянно почти пустая: въ этотъ разъ я въ ней только и нашелъ, что десятка три мухъ, ползавшихъ по столу и подъѣдавшихъ оставшіяся тутъ крохи хлѣба и квасныя пятна. Я заглянулъ за перегородку. Тамъ въ зыбкѣ лежалъ одинъ-одинехонекъ полугодовалый сынишка стряпухи, съ поднятой почти до самаго горла рубашонкой. Только-что передъ тѣмъ, вѣроятно, распеленатый, онъ съ величайшимъ, кажется, наслажденіемъ смотрѣлъ себѣ на кулачки и сгибалъ и разгибалъ свои ножонки. По веселому личику его тоже ползла муха, и онъ отъ этого только слегка поморщивался. Я согналъ ему эту муху; онъ еще больше улыбнулся. По стоявшей на голбцѣ квасницѣ я сообразилъ, что больной, должно-быть, лежитъ на печкѣ. Вставъ на нижнюю ступеньку, я потихоньку заглянулъ туда, но по темнотѣ ничего не могъ разсмотрѣть, и только оттуда сильно пахнуло квашней. Я поспѣшилъ слѣзть и уйти. Цѣлый день я ходилъ какъ шальной, не зная, за что бы приняться и что̀ бы начать дѣлать. Къ вечеру моя дѣтская фантазія еще болѣе разыгралась, и когда меня уложили въ постельку и оставили одного въ комнатѣ, мнѣ стало и жаль арестантовъ, и въ то же время я боялся ихъ. «Они цѣлый день ничего не ѣли, и теперь они лежатъ и имъ тошно!»—думалъ я, а потомъ мнѣ вдругъ представлялось, что Тимка непремѣнно выломаетъ окно, вылѣзетъ, возьметъ топоръ и зарубитъ меня и маменьку. Страхъ этотъ во мнѣ дошелъ до того, что я прислушивался къ каждому, довольно отдаленному отъ меня хлопанью дверьми въ дѣвичьей, къ малѣйшему шуму въ лакейской, наконецъ, когда явно услышалъ, что въ залѣ кто-то ходитъ, я не утерпѣлъ, вскочилъ и выглянулъ туда.

— Кто это?—произнесъ я почти обмирающимъ отъ ужаса голосомъ.

— Я это, батюшка,—отвѣчалъ мнѣ голосъ.

Оказалось, что это Афимья пришла въ залу молиться.

Я нѣсколько поуспокоился и опять улегся...

IV.

Часу во второмъ ночи тотъ же Гришка меня разбудилъ.

— Ступайте въ темненькую комнату ночевать-съ, — сказалъ онъ.

— Что... зачѣмъ? — спросилъ я спросонья и въ испугѣ.

— Исправника тутъ положатъ—пріѣхалъ.

Не понявъ хорошенько, въ чемъ дѣло, я однако всталъ и босикомъ, въ одной рубашонкѣ, завернувшись въ одѣяльце, прошелъ по довольно холодному коридору и, укладываясь на новое мѣсто, разгулялся: въ гостиной я слышалъ, что отецъ съ исправникомъ ужинали. Отецъ что-то такое вполголоса и, по обыкновенію своему, отрывисто разсказывалъ ему, на что исправникъ громко хохоталъ, вслѣдъ затѣмъ кашлялъ, харкалъ. Оставшееся празднымъ мое воображеніе начало представлять себѣ исправника огромнымъ мужчиной, съ огромнымъ животомъ. Но это оказалось не совсѣмъ такъ; когда я на другой день вышелъ къ чаю, то увидѣлъ, что съ отцомъ раскланивался небольшого роста мужчина, съ сутуловатымъ бычачьимъ шивороткомъ, широкій въ плечахъ и съ широкою, львиною грудью.

— Итакъ, я иду,—говорилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ отецъ разсѣянно.

Матушка, разливавшая чай, держала глаза потупленными.

Исправникъ пошелъ. Я перебѣжалъ въ дѣвичью, чтобы оттуда изъ окна наблюдать за нимъ. На крыльцѣ его встрѣтилъ съ бляхой на груди и падогомъ въ рукѣ сотскій и снялъ шапку. Исправникъ сдѣлалъ усиліе приподнять свою сутуловатую голову. Сидѣвшіе на колодѣ наши мужики-погорѣльцы при видѣ его тоже встали и сняли шапки. Исправникъ сдѣлалъ еще болѣе усилія приподнять свою голову. Сотскій, въ нѣкоторомъ отдаленіи и не надѣвая шапки, слѣдовалъ за нимъ. Они прошли въ кухню. Вскорѣ послѣ того въ кухонныя сѣни вышли Тимоѳей и сотскій, и оба флегматически остановились въ дверяхъ на улицу — одинъ у одного косяка, а другой у другого, и оба ни слова не говорили между собою. Мужиковъ пять изъ погорѣльцевъ, одинъ за другимъ, слѣзли съ колоды и разлеглись по травѣ: пригрѣтые солнцемъ, они вскорѣ тутъ заснули. Тимоѳея наконецъ увели въ кухню, и вмѣсто него сотскій вывелъ Марью. Она усѣлась на рундучкѣ и пригорюнилась. Сотскій съ убійственнымъ равнодушіемъ глядѣлъ ей въ спину. Я перешелъ въ залу. Тамъ отецъ ходилъ взадъ и впередъ, закидывая глаза вправо и влѣво, раз-

водилъ руками и что-то такое нашептывалъ. Мать затворилась въ своей комнатѣ и, должно-быть, молилась. Ключница Афимья, съ явными уже слезами, текшими по ея морщинистому лицу, приготовляла закуску.

Не зная, куда отъ тоски и скуки дѣваться въ домѣ, я вылелъ на улицу. Марьи уже не было на крыльцѣ, и стоялъ одинъ только сотскій, куря изъ коротенькой, но въ мѣдной оправѣ трубчонки и сплевывая по временамъ сквозь зубы тонкой струей слюну. Я осмѣлился подойти и заговорить съ нимъ.

— Что̀ тамъ дѣлаютъ? — спросилъ я его, указывая на кухню.

— Допрашиваютъ-съ... — отвѣчалъ онъ мнѣ, осматривая меня съ ногъ до головы.

— Что̀ же допрашиваютъ?

— По дѣлу-съ, по поджогу... Вы сынокъ, что ли, здѣшняго-то барина?

— Сынъ.

— Похожи маненько на папеньку-то,—заключилъ сотскій и своей зачерствѣлой рукой погладилъ меня по головѣ.

Въ это время Гришка, въ совсѣмъ ужъ дурацкой, съ высочайшими воротничками манишкѣ и въ сюртукѣ, далеко сшитомъ не на его ростъ, форсисто пронесъ въ кухню закуску съ графиномъ водки и съ двумя бутылками наливки.

— Вы въ горницу взойдите и завтракать ступайте въ людскую...—сказалъ онъ, проворно проходя и кивая сотскому головой.

Тотъ стыдливо пошелъ въ дѣвичью и когда возвратился оттуда, то самодовольно обтиралъ рукавомъ усы: видимо, что онъ получилъ приличную порцію. Проходя въ людскую мимо спящихъ мужиковъ и замѣтно повеселѣвъ, онъ ткнулъ одного изъ нихъ своимъ падожкомъ и проговорилъ:

— Что̀ ты тутъ, чортъ, дрыхнешь?

Мужикъ приподнялъ немного голову, взмахнулъ на него глаза и опять улегся.

Невдолгѣ послѣ того Гришка вынесъ изъ кухни закуску обратно, съ выпитымъ почти до дна графиномъ и съ объѣдками пирога и колбасы. Двѣ бутылки наливки остались еще тамъ. Затѣмъ сцены на дворѣ значительно оживились: сначала въ сѣни выбѣжалъ длинноносый чиновникъ, вѣроятно, писарь исправника, и, видя, что никого тутъ нѣтъ, и проговоря: «никогда его, шельмы, нѣтъ на мѣстѣ!..», крикнулъ погорѣльцамъ:—«Эй, вы, пошлите сюда сотскаго и приказчика».

Изъ лежавшихъ на травѣ мужиковъ хоть бы одинъ пошевелился, и только тотъ же дѣятельный Спиридонъ Кутузовъ,

все время сидѣвшій на колодѣ и что-то такое съ жаромъ толковавшій другому мужику, при этомъ возгласѣ вскочилъ и побѣжалъ въ людскую. Оттуда выскочили и проворно пробѣжали въ кухню нашъ Кирьянъ съ своей озабоченной рожей и сотскій, только-что начинавшій-было багровѣть отъ получаемаго имъ за щами удовольствія. Кирьянъ, впрочемъ, вскорѣ снова показался и началъ еще болѣе безпокойными и отупѣвшими глазами оглядываться. Замѣтивъ возвращавшагося на свое мѣсто Кутузова, онъ подкликнулъ его и что-то такое сказалъ ему.

— Да гдѣ?—спросилъ тотъ скороговоркой.

— Да хоть въ саду!—отвѣчалъ ему Кирьянъ тоже скороговоркой.

Кутузовъ побѣжалъ.

Кирьянъ остался на мѣстѣ и замѣтно поджидалъ его. Спиридонъ наконецъ возвратился съ пучкомъ прутьевъ въ рукахъ.

— О, чортъ, мало!—воскликнулъ Кирьянъ, сердито вырывая у него прутья.

— Я еще сбѣгаю!—подхватилъ съ готовностью Спиридонъ и опять побѣжалъ.

Кирьянъ сталъ прутья развязывать на пучки.

— Неровныхъ какихъ, дьяволъ, наломалъ,—говорилъ онъ, обшмыгивая и обдергивая ихъ.

Спиридонъ невдолгѣ принесъ еще большой пучокъ, и потомъ они, что-то такое переговоривъ между собою, скрылись въ кухонныхъ сѣняхъ, войдя въ которыя, дверь съ улицы притворили.

Я осмѣлился приблизиться на нѣкоторое разстояніе къ кухнѣ. Оттуда слышались голосъ и харканье исправника. Наконецъ на крыльцѣ показался прежній длинноносый чиновникъ.

— Пошлите нашего кучера!..—крикнулъ онъ.

Продолжавшій сидѣть на колодѣ мужикъ, кажется, и не понялъ его.

— Кучера пошли!—подтвердилъ ему письмоводитель.

Мужикъ нехотя всталъ и пошелъ на сѣновалъ, съ котораго вскорѣ и сошелъ дѣйствительно кучеръ, съ заспанной рожей и съ набившимся въ всклоченные волосы сѣномъ, въ поношенной казинетовой поддевкѣ безъ рукавовъ, въ вытертыхъ плисовыхъ штанахъ и только въ новыхъ, сильно смазанныхъ дегтемъ сапогахъ. Неторопливой и спокойной походкой, какъ человѣкъ привыкшій къ тому, къ чему его звали, прошелъ онъ въ кухню; я догадался наконецъ, въ чемъ дѣло. Ужасъ овладѣлъ мною окончательно: я убѣжалъ въ свою комнату, упалъ на постель, закрылъ глаза и зажалъ себѣ уши...

Обѣдать у насъ подали, чего прежде никогда не бывало, часамъ къ четыремъ, и, когда я вышелъ въ залу, тамъ всѣ уже сидѣли за столомъ: исправникъ, присмакивая и даже какъ-то присвистывая, жадно ѣлъ щи. Матушка, сама разливавшая горячее, грустно и молча указала мнѣ на мѣсто подлѣ себя. Письмоводитель исправническій тоже сидѣлъ за столомъ, уткнувши свой длинный носъ въ тарелку, и точно смотрѣлъ въ нее не глазами, а этимъ органомъ. Отецъ былъ въ прежнемъ раздраженномъ состояніи.

— Этакіе злодѣи, варвары!..—говорилъ онъ, тряся руками и головой.

Исправникъ хохотнулъ слегка.

— Краснаго пѣтушка это по-ихнему называется пустить... Четвертое дѣло у меня этакое вотъ въ этомъ году, — говорилъ онъ, едва прожевывая огромные кусищи говядины и хлѣба, которые засовывалъ себѣ въ ротъ.

— Пятое-съ,—поправилъ его письмоводитель.

— И все бабенки эти?.. бабенки? — спросилъ отецъ, продолжая трястить отъ бѣшенства.

— Бабенки, да!—отвѣчалъ исправникъ.

Письмоводитель слегка кашлянулъ себѣ въ руку.

— Одна, по ревности, весь свадебный поѣздъ было-выжгла, тремя колами дверь приперла... мужики топорами ужъ простѣнокъ выломали и повыскакали,—проговорилъ онъ.

— Самихъ бы разбойниковъ этакихъ на огонь!.. самихъ бы!— говорилъ отецъ, и глаза его, ни на чемъ уже не останавливаясь, продолжали бѣгать изъ стороны въ сторону.

Исправникъ захохоталъ полнымъ смѣхомъ.

— На огонь?.. Въ подозрѣніи только оставили!—воскликнулъ онъ, устремляя на отца насмѣшливый взглядъ:—у насъ воръ и разбойникъ запирайся только — всегда правъ будетъ! — прибавилъ онъ и глотнулъ, какъ устрицу, огромную галушку.

— Уѣздный судъ еще на насъ представленіе дѣлалъ,—замѣтилъ попрежнему скромно, но съ ядовитой улыбкой письмоводитель: — зачѣмъ мы поѣзжанъ подъ присягой спрашивали: они, говоритъ, къ дѣлу прикосновенные.

Отецъ нѣсколько разъ повернулся на стулѣ.

— По Кузьмищеву лучше было! — подхватилъ исправникъ и въ видахъ, вѣроятно, вящшаго внушенія взялъ ужъ его за бортъ сюртука: — есть тамъ Николая Гаврилыча Кабанцова мужичонки—плутъ и мошенникъ народишка... приступили они къ нему,—дай онъ имъ лѣсу. Тотъ говоритъ,—погодите: у васъ избы еще не пристоялись... Они взяли спокойнѣйшимъ

манеромъ, вынесли всѣ свои пожитки въ поле, выстроили тамъ себѣ шалашики, а деревню и запалили, какъ огнище.

Отецъ отъ волненія и гнѣва ничего не въ состояніи былъ и говорить, а только глядѣлъ во всѣ глаза.

— Пріѣзжаю я на мѣсто,—продолжалъ исправникъ:—ну и, разумѣется, сейчасъ же всѣ и сознались... Николай Гаврилычъ прискакалъ ко мнѣ, какъ сумасшедшій... «Батюшка, говоритъ, пощади; вѣдь я лишаюсь 50-ти душъ, всѣ на каторгу идутъ». Такъ и покрыли разбойниковъ—показали, что деревня отъ власти Божьей сгорѣла.

— Что̀ же, и наша женщина созналась? — спросила матушка, каждую минуту трепетавшая за отца и желавшая на что-нибудь только да перемѣнить разговоръ.

— Какъ же-съ, совершенно во всемъ какъ есть... — отвѣчалъ ей исправникъ съ замѣтною любезностью.

— И мужъ съ ней участвовалъ?

— Совершенно-съ! И труту ей приготовилъ, и лучины нащипалъ, и стражемъ стоялъ, чтобы кто не подсмотрѣлъ ихъ дѣяній.

— Но что̀ же за причина?—спросила матушка.

— Причина!.. — произнесъ отецъ и началъ растирать себѣ грудь рукою.

Исправникъ пожалъ плечами.

— Спросимъ ужо объ этомъ... поразспросимъ,—отвѣчалъ онъ.

— Самъ старикъ, говорятъ, тутъ виноватъ, — пробурчалъ больше себѣ подъ носъ письмоводитель.

Отца точно кто кольнулъ.

— Какъ старикъ?—сказалъ онъ, кидая на приказнаго свирѣпый взглядъ; но въ это время встали изъ-за стола.

Исправникъ расшаркался передъ матушкой, поцѣловалъ у нея руку и отправился спать. Письмоводитель тоже пошелъ уснуть, но только на сѣновалъ, гдѣ спалъ и кучеръ ихній.

Я вышелъ на крыльцо и усѣлся на немъ. Ко мнѣ подошла наша дворовая собака Лапка. Я обнялъ ее: «Лапушка, другъ мой, что̀ такое у насъ дѣлается?»—говорилъ я, цѣлуя ее въ морду. Она въ отвѣтъ на это лизнула мнѣ щеку, потомъ вдругъ, завилявъ хвостомъ, побѣжала отъ меня къ садовой калиткѣ, изъ которой выходилъ ея прокормитель и воспитатель по части хожденія за утками, тетеревами и бѣлками, нашъ старый садовникъ Илья Мосеичъ, въ своемъ заскорбломъ отъ старости сюртукѣ и въ сапогахъ, изорванныхъ по всевозможнымъ мѣстамъ и шлепавшихъ теперь отъ мокроты. Лицо Мосеичъ имѣлъ нѣсколько французское, съ заостреннымъ птичьимъ носомъ, съ довольно тонкими очерта-

ніями и съ небольшими клочками висѣвшихъ по щекамъ бакенбардъ. Онъ только-что сейчасъ возвратился съ рыбной ловли, ради которой, не докладывая даже господамъ, на собственныя свои деньги нанималъ у займовскихъ мужиковъ тони по четвертаку за штуку, имѣя въ этомъ случаѣ въ виду, что прорвало Пятьковскую мельницу, — и дѣйствительно: въ три раза было вытащено четыре пуда щукъ, которыя онъ уже своими руками выпотрошилъ и посолилъ на погребѣ, а въ Филипповъ постъ и объявилъ матушкѣ, что у него рыбы есть, и чтобы она не безпокоилась. Теперь онъ шелъ за грибами, и тоже больше для господскаго продовольствія. Я сталъ просить его взять меня съ собой. Илья Мосеичъ насмѣшливо посмотрѣлъ на меня.

— Что̀ въ лѣсу хорошаго взять?.. Пенья, коренья надо перелѣзать, нагибаться... Господа любятъ только грибки кушать за столомъ,—проговорилъ онъ съ ядовитою улыбкою.

Я однако продолжалъ проситься и почти насильно пошелъ за нимъ. Лапка тоже побѣжала за нами.

Илья Мосеичъ могъ быть названъ безцѣннымъ человѣкомъ для отца и матери: кромѣ ужъ поставленія рыбы и дичи къ столу, онъ овладѣвалъ для нихъ и другими благами природы. Нашъ огромный садъ, который давалъ до 5-ти тысячъ огурцовъ, до 100 арбузовъ, до 100 дынь, ягодъ разныхъ на нѣсколько пудовъ варенья, былъ рѣшительно его трудами созданъ и поддерживаемъ. Мало того, онъ получалъ еще за него гоненье, особенно когда весной поупроситъ или понастращаетъ и заставитъ дворовыхъ женщинъ полоть нѣсколько грядъ.

— Ты, старая кочерга, все въ свое заведенье у меня народъ отводишь!.. — закричитъ, бывало, на него отецъ.

Илья Мосеичъ обыкновенно въ этомъ случаѣ и не оправдывался, а махнетъ только рукой и уйдетъ тамъ у себя за какой-нибудь кустъ, или засядетъ въ грядку.

Въ торжественные дни, когда Илья Мосеичъ призывался быть лакеемъ, и когда, вмѣсто заскорблой хламиды, надѣвалъ свой болѣе новый вердепомовый сюртукъ, сшитый еще по той модѣ, когда наши входили въ Парижъ, онъ съ особенной важностью, какъ будто бы это была его собственность, подавалъ: во-первыхъ, ерофеичъ, настаиваемый травами его произрастенія, потомъ квасъ, который всегда заваривалъ онъ, а не поваренокъ, и наконецъ соленье и особенно зелень. Весьма часто, уставляя закуску, онъ вдругъ, сколько бы тутъ ни было гостей, указывая на редиску, замѣчалъ съ внушительною миной:—«25 апрѣля снята!».

При такомъ, повидимому, страстномъ усердіи къ господамъ,

Илья Мосеичъ въ то же время не любилъ ихъ и нисколько ужъ не уважалъ, считая себя безусловно умнѣе ихъ, даже образованнѣе, такъ какъ они хоть и грамотѣ поучены, но читаютъ въ книгахъ все пустяки, а онъ все читалъ книги умныя, какъ, напримѣръ: о лѣченіи домашнихъ животныхъ купоросомъ; объ уходѣ за пчелами; о разведеніи свекловицы. Вступая въ разговоръ съ какимъ-нибудь бариномъ или священникомъ, онъ никогда почти не говорилъ прямо, а по большей части разсказывалъ при этомъ случаѣ какой-нибудь анекдотъ или давно случившееся происшествіе, изъ котораго и выводилъ, что̀ было ему нужно. Своего брата онъ тоже больше презиралъ и не чуждъ былъ посудить о немъ, и тоже больше все притчей.

— Ѳомкино у насъ выгорѣло, — говорилъ я, едва поспѣвая за нимъ итти.

— Д-да, Ѳомкино выгорѣло, Бычиха горѣла, Климцово... Солдатово... и много и долго еще будутъ горѣть русскія деревеньки, — произнесъ Илья Мосеичъ какимъ-то пророческимъ тономъ.

Послѣ того мы все поле прошли съ нимъ молча.

— Прежде народъ лучше былъ... умнѣе... мудрецовъ много было!.. — заговорилъ онъ, снова обращая ко мнѣ свое вопросительное лицо.

— Какіе же? — сказалъ я.

— Да вотъ былъ царь Соломонъ, — отвѣчалъ онъ, какъ бы открывая мнѣ новую Америку: — разъ приходятъ къ нему двѣ женщины, двѣ бабы-дуры! (Мосеичъ, не совсѣмъ счастливый въ семейной жизни и болѣе преданный любви къ природѣ, постоянно отзывался о женщинахъ съ не совсѣмъ выгодной для нихъ стороны). Одна изъ нихъ, по нечаянности, ребенка своего ночью и заспала, а какъ дѣло пришло къ утру,—мать и чужая про живого ребенка говорятъ: «это мой ребенокъ». Царь Соломонъ беретъ сейчасъ свой мечъ: «Хорошо, говоритъ, коли такъ, я разрублю вамъ его надвое...» Мать-то настоящая сейчасъ и откликнулась: «Ай, нѣтъ, нѣтъ! говоритъ, это ея ребенокъ».—«Нѣтъ,—говоритъ ей царь Соломонъ:—онъ твой: ты его жизнь пощадила». Ей сейчасъ отдаетъ младенца, а другую велѣлъ посадить въ острогъ и на поселенье... Ну, такъ вѣдь тоже не всѣ господа цари Соломоны!..—заключилъ старикъ и внушительно качнулъ мнѣ головой.

Попавшійся на пути намъ соснякъ перемѣнилъ теченіе его мыслей.

— Забѣжать тутъ надо, отварушечекъ для папеньки къ ужину набрать! — проговорилъ онъ и скрылся отъ меня.

Я пошелъ по закраинѣ лѣса. Мосеичъ пропалъ надолго: онъ забрался, вѣроятно, въ самую глушь; каждая благушка, каждая спорхнувшая птичка обыкновенно занимали его вниманіе. Я началъ наконецъ аукаться и выкликать его и только ужъ черезъ полчаса сошелся съ нимъ на небольшой открытой полянѣ. У него была почти полна корзинка грибовъ, а я всего нашелъ три или четыре гриба.

— Только-то?.. Мало же, — сказалъ онъ, кидая ихъ съ пренебреженіемъ въ свое лукошко: — кабы вы не барчикъ были, а дворовый мальчишка, васъ бы за это наказали... и больно... да еще сказали бы, что вы гдѣ-нибудь въ полѣ, подъ кустомъ, припрятали для батьки и матки.

Я слушалъ его, далеко еще не понимая, сколь ядовито онъ для меня говорилъ.

— Господа говорятъ, — продолжалъ Мосеичъ болѣе серьезнымъ тономъ (онъ вообще любилъ со мной поговорить и нисколько ужъ не церемонился): — говорятъ, что мы другого рода — Хамова, а они — отъ Авеля. Это такъ, положимъ! Но вѣдь иногда и комаръ лишаетъ жизни льва — все приставать къ нему будетъ, надъ ухомъ звенѣть, а убить-то тотъ его не можетъ!.. малъ очень.. увертывается... левъ терпѣлъ-терпѣлъ и наконецъ самъ себя отъ гнѣва загрызъ; и это не то, что выдумка какая, а настоящее было.

— Это басня, — возразилъ-было я.

— Нѣтъ, настоящее! — повторилъ настойчиво Мосеичъ: — въ Абаховскомъ приходѣ теперь жилъ помѣщикъ, по фамиліи Хитрецовъ, еще маненько и сродственникъ вашему дѣдушкѣ. Какъ вотъ въ сказкахъ сказывается о могучемъ Змѣѣ-Горыничѣ или вепрѣ дикомъ, такъ и онъ, пожалуй, былъ, а послѣ того попался же изъ-за нашего брата...

На послѣднихъ словахъ у Ильи замѣтно появилась въ лицѣ какая-то насмѣшливая радость; я же, съ своей стороны, окончательно переставалъ понимать, что̀ такое и къ чему онъ все это говоритъ.

— Или теперича, Господи ты Боже мой! — продолжалъ онъ, пожимая ужъ плечами и пришедши, видимо, въ экстазъ своего мышленія: — иностранцы вонъ къ намъ разные, венгерцы ходятъ съ духами и лѣкарствами; «русска, говоритъ, человѣкъ глупъ, не можетъ ничего дѣлать». — «Какъ, говорю, постой, братъ мусью», и сейчасъ нарвалъ самыхъ простыхъ цвѣтиковъ и поднесъ ему къ носу. «На-ка, говорю, сдѣлай мнѣ такіе духи; а какъ ты-то носишь, такъ и я сдѣлаю; да не хочу, потому что и землю и хлѣбъ имѣю, а ты къ намъ съ голоду пришелъ: мы къ вамъ не ходимъ, намъ не зачѣмъ».

Мосеичъ, при всемъ своемъ нѣсколько мизантропическомъ взглядѣ на вещи, былъ постоянно большой патріотъ.

Мнѣ между тѣмъ хотѣлось ужъ чаю; я сказалъ ему о томъ.

— Пойдемте!—отвѣчалъ онъ мнѣ нѣсколько насмѣшливо.— Баре-то, подумаешь, — началъ онъ послѣ короткаго молчанія:—поутру чай пьютъ, кофей, обѣдаютъ... потомъ опять чай, ужинаютъ; а мы-то, грѣшные, ѣдимъ — когда попало и что̀ ни попало.

Дорога, ведущая обратно въ усадьбу, открылась передъ нами, извиваясь лентой по зеленѣвшему озимому полю. Лапка, тоже откуда-то появившаяся и только-что, вѣроятно, передъ тѣмъ придавившая какого-нибудь зазѣвавшагося зайчонка, была съ окровавленнымъ рыломъ и весело начала прыгать около Мосеича, подскакивать къ его рукѣ, лизать ее.

— Вонъ она, тварь безчувственная! — сказалъ онъ, показывая мнѣ ласково на нее: — а если теперь ладно къ птицѣ подошла, прибей ее, поколоти тутъ, другой разъ она все дѣло испортитъ: и вертѣться станетъ, и бояться, тревожиться... Человѣкъ же и подавно: безъ вины его наказать—не на хорошее, а больше на худое направить: другой съ отчаянности Богъ знаетъ что̀ накуролеситъ, какъ и Машка наша теперь!

— А Марью развѣ наказывали?—спросилъ я, обрадованный, что разговоръ наконецъ склонился на понятный для меня предметъ.

— Н-ну!—произнесъ Илья Мосеичъ протяжно:—рано еще вамъ все знать... молоденьки вы!—прибавилъ онъ полушутливо и полунаставнически.

Съ небольшого пригорка, на который мы вскорѣ взошли, намъ кинулось въ глаза довольно уже низко стоявшее солнце. Кверху оно бросало, точно стрѣлы, золотые лучи, а внизу освѣщало сзади деревья нашей березовой рощи, которыя, въ весьма замѣтной перспективѣ, отдѣляясь одно отъ другого, трепетали въ воздухѣ своими зелеными листочками.

Илья Мосеичъ нѣсколько времени стоялъ въ умиленіи передъ этой картиной.

— Батюшка — наше солнышко! — заговорилъ онъ, качая головой:—всѣмъ оно одинаково свѣтитъ, и большому дереву и малому, и худой травѣ и хорошей,—а господа такъ нѣтъ, ой, какъ нѣтъ! Только и любятъ и уважаютъ, что богатыхъ своихъ подчиненныхъ: они у нихъ умные, и честные, и добрые, а спросилъ бы, что̀ такое значитъ богатый мужикъ? Наипервая бестія изо всѣхъ, потому что—гдѣ мужику взять: онъ и барину подай, и въ казну, и въ міръ. А руки-то всего двѣ— значитъ, когда хочешь богатѣть,—плутуй! И если теперь нашъ

братъ разбогатѣлъ, развѣ доброе и хорошее онъ творить станетъ,—жди того: какъ же! пить, да жрать, да... Въ священномъ писаніи именно про мужиковъ, должно-быть, сказано, что легче борову свиному пройти въ игольныя уши, чѣмъ богатому въ царство небесное, потому что онъ, аки сатана, со всѣми смертными грѣхами путами спутанъ.

Сказавъ это, Илья вдругъ остановился. Мы были почти у самаго тына нашего сада.

— Вы ступайте дорогой, а я вотъ туда посекретнѣй проберусь, а то папенька, пожалуй, увидитъ: «въ этакое, скажетъ, время, бестія, за грибами ходишь».

Проговоря это, онъ юркнулъ въ нарочно и, вѣроятно, издавна уже сдѣланную лазейку, глухо-глухо заросшую всякаго рода зеленью, а потомъ сталъ пробираться по самой темной аллеѣ, нагибаясь и прячась за деревья.

«Что это папенька, зачѣмъ бранитъ Илью? Онъ такой славный»,—подумалъ я, обходя садъ кругомъ.

Въ воротахъ усадьбы я увидѣлъ, что со двора съѣзжалъ исправникъ въ легонькомъ тарантасѣ, на тройкѣ съ расписной дугой, съ колокольцами и бубенцами, съ ухорски развязанными на трокахъ пристяжными, которыя своими обозленными мордами только-что не хватали земли. Я оробѣлъ и поклонился ему.

— Прощайте, душенька!—проговорилъ онъ, дѣлая мнѣ рукой.

Сидѣвшій рядомъ съ нимъ письмоводитель тоже слегка приподнялъ фуражку и поклонился, но только не глядя на меня. Вслѣдъ за тарантасомъ ѣхалъ на крестьянской лошади и въ навозной телѣгѣ Спиридонъ Кутузовъ, еле-еле примостившійся на кое-какъ сдѣланной въ передкѣ бесѣдочкѣ, на которой, занявъ гораздо большее пространство, помѣщался также и сотскій, оборотясь лицомъ къ заду. Въ самой телѣгѣ сидѣли, и врядъ ли не привязанные къ ней, Марья, покрытая, какъ повитая невѣста, съ головы до ногъ въ какую-то крашенину, и Тимоѳей — тоже съ потупленной внизъ головой и въ нахлобученной почти на самые глаза шапкѣ. Въ усадьбѣ было совершенно пусто, и только передъ растворенной ужъ кухней Гришка огромнымъ топоромъ рубилъ дрова, закусивъ языкъ на правую сторону и каждый разъ прикряхтывая, видимо, желая тѣмъ показать, что онъ мастеръ и молодецъ на это дѣло. Я прошелъ черезъ заднее крыльцо въ домъ и засталъ тамъ страшную сцену: отецъ, съ пѣной у рта, ходилъ по комнатѣ.

— Меня обмануть? Меня?.. Меня?—кричалъ онъ, закидывая голову назадъ и какъ бы вопрошая самый воздухъ.

Матушка, сидѣвшая тутъ же въ гостиной и при всѣхъ его вспышкахъ всегда старавшаяся сохранить присутствіе духа, на этотъ разъ едва владѣла собою.

— Я удивляюсь, какъ ты этого не зналъ... я давно это знала,—проговорила-было она.

— А, ты знала! ты знала! — вскричалъ отецъ, подбѣгая ужъ къ ней.—Отчего жъ ты мнѣ не сказала?.. отчего?—прибавилъ онъ, отступая отъ нея на нѣсколько шаговъ и выпрямляясь, точно готовый сейчасъ же произнести ей смертный приговоръ.—А ты госпожа, помѣщица здѣшняя!.. Ты все можешь знать и всѣмъ располагать; а я нищій... голышъ, приведенный сюда такъ... Христа ради?.. Врете! я господинъ всѣмъ вамъ: и тебѣ и твоей челяди!

Матушка пожала плечами, и на глазахъ ея навернулись слезы: это оскорбленіе было самое горькое и обидное для нея.

— Изъ чего ты бѣснуешься, я понять не могу, — сказала она.

— Ты не понимаешь—да! Не понимаешь, что я, можетъ, и двухъ его первыхъ сношенокъ погубилъ... и этихъ несчастныхъ наказывалъ... всегда держалъ его руку... на эшафотъ ихъ теперь возвелъ... Какими молитвами отмолить мнѣ у Бога эти мои прегрѣшенія?.. какими?..

— Но вѣдь ты самъ говоришь, что не зналъ этого.

— Что̀ же, я и теперь не знаю!.. Я самъ, своими глазами, видѣлъ ея показанья... онъ ей проходу не давалъ—все адресовался, а что она «нѣтъ», такъ билъ ее и сына. Мнѣ и итти теперь—благодарить его: благодарю, батюшка Михайла Евплычъ, покорно, что вы развратили всю вашу семью и мнѣ случай въ томъ поспособствовать вамъ дали.

— Его и безъ тебя ужъ Богъ покаралъ, потомъ накажутъ и по закону, по суду,—замѣтила кротко матушка.

— А, да! по закону, по суду, вотъ что̀! — воскликнулъ старикъ съ ожесточеннымъ смѣхомъ. — А ты слышала, что̀ исправникъ говорилъ? Слышала? Есть у тебя уши? Такъ нѣтъ же, врете, я его накажу! я!.. Кирьяна мнѣ!.. Кирьяна!..

Послѣднія слова онъ едва уже выговаривалъ.

Припадокъ гнѣва въ этотъ разъ такъ былъ силенъ въ немъ, что даже матушка встала и ушла отъ него.

— Пошлите къ барину Кирьяна, — сказала она, проходя дѣвичью и сколько только могла спокойно, горничнымъ дѣвушкамъ.

Тѣ побѣжали.

Я, все время тихонько сидѣвшій въ залѣ, плача и обмирая отъ страха, рѣшительно не зналъ, что̀ мнѣ съ собой дѣлать.

— Кирьяна... Кирьяна!—продолжалъ между тѣмъ шептать отецъ, скрежеща зубами и сжимая кулаки.

Чрезъ нѣсколько минутъ Кирьянъ, позеленѣвшій отъ страха, стоялъ передъ нимъ.

Отецъ такъ и впился въ него глазами.

— Возьми сейчасъ, — заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ:—этого Евплова... стащи его за волосы съ печи... кинь его въ въ телѣгу и вези за исправникомъ... скажи, чтобъ его на поселенье взялъ... Не надобно мнѣ его... Писать я теперь не могу, послѣ все напишу... послѣ.

Кирьянъ хотѣлъ-было поскорѣй убраться.

— Но если же ты его не довезешь, если не отдашь тамъ, я тебя самого убью и растерзаю,—закричалъ ужъ на него безумный старикъ и побѣжалъ-было за нимъ

— Помилуйте-съ! сейчасъ всю исполню, — отвѣчалъ тотъ, едва успѣвая затворить передъ нимъ за собой дверь, и потомъ дѣйствительно никто ужъ и не видалъ, какъ онъ собирался, захватилъ съ собой Михайлу и уѣхалъ.

Отецъ между тѣмъ возвратился въ гостиную и, тяжело дыша, опустился на диванъ. Несчастные припадки гнѣва всегда кончались для него ужасно; его обыкновенно оставляли одного въ комнатѣ, притворяли въ ней дверь и подавали ему только холодной воды. Все это повторилось и теперь. Мать пересѣла къ дверямъ гостиной, чтобъ прислушиваться, что̀ тамъ будетъ происходить. Я помѣстился около ея колѣнъ и сталъ цѣловать ея руки.

— Для тебя только, другъ мой, и желаю я жить на свѣтѣ,— проговорила она, поцѣловавъ меня въ голову и отеревъ катившіяся по ея щекамъ слезы.

Я разрыдался окончательно. такъ что она едва утѣшила и успокоила меня.

Къ вечеру по дому распространился новый ужасъ: исправникъ не принялъ Михайлу Евплова, говоря, что онъ старъ итти на поселенье.

— Батюшки! отцы мои! Что̀ теперь будетъ? — провопила даже старуха Афимья, болѣе всѣхъ привычная къ гнѣву барина и всегда съ какимъ-то стоическимъ спокойствіемъ его переносившая.

Кирьянъ, привезя Михайлу Евплова назадъ, не распрягая лошади, убѣжалъ въ лѣсъ, говоря, что онъ и не придетъ, пока баринъ гнѣваться будетъ. Сказать отцу о рѣшеніи исправника осмѣлилась, разумѣется, одна только матушка, но я видѣлъ, чего ей это стоило: вся взволнованная и безпрестанно обращая взоръ на образъ, она нѣсколько разъ подходила къ

гостинымъ дверямъ и наконецъ уже вошла. Я бросился за ней и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. Что̀ она тамъ сказала, я не слыхалъ; но только отецъ вдругъ поднялся.

— Хорошо, я самъ его упрятаю,—сказалъ онъ по наружности спокойнымъ, но въ самомъ дѣлѣ еще болѣе раздраженнымъ голосомъ: — велите коляску мнѣ заложить, а мерзавца этого—скажите, чтобы везли за мной въ полуверстѣ.

Матушка безпрекословно исполнила его приказаніе. Часовъ въ 12 ночи онъ уѣхалъ; два дня, пока его не было, она была на себя не похожа, безпрестанно тревожилась и все чего-то ожидала. Наконецъ отецъ возвратился и былъ совсѣмъ ужъ больной. Его прямо привели въ его комнату. Онъ тосковалъ и стоналъ на весь домъ.

— Что̀, папаша чѣмъ боленъ?—спросилъ я мать.

— Обыкновенно, какъ и всегда, мучится и терзается... самъ наказалъ, а теперь и жалѣетъ всѣхъ... — отвѣчала она.

Съ дѣтской души моей, какъ перестали на нее дѣйствовать непріятныя впечатлѣнія, сейчасъ же все и слетѣло: на другой день я уже спокойнѣйшимъ манеромъ пахалъ, сохою собственной работы, на Гришкѣ грядку въ саду, и что̀ всего удивительнѣе,—этотъ малый, лѣтъ почти 18-ти, съ величайшимъ наслажденіемъ игралъ со мной въ эту игру, непремѣнно требуя, чтобъ я его взнуздалъ, и чѣмъ глубже я упиралъ соху въ землю, тѣмъ старательнѣе и рьянѣе онъ везъ ее. Къ намъ подошелъ Мосеичъ съ лейкой въ рукѣ.

— Землю пахать самое пріятное для Бога занятіе, — сказалъ онъ.

— Пріятное?—переспросилъ я, очень довольный, что онъ хвалитъ мою выдумку.

— Да!.. И если бы вотъ даже этотъ дуракъ Евиловъ не мытарничалъ, а кормился бы больше, какъ слѣдуетъ мужичку, землицей, не былъ бы тамъ, куда угораздился.

— А куда его, дядюшка, баринъ увезъ? Далече ли?—спросилъ ужъ Гришка.

— Далече, въ мѣсто хорошее,—сказалъ Илья и скрылся за одной изъ куртинъ.

V.

Начинало темнѣть, когда я въ нынѣшнемъ году подъѣзжалъ къ Ѳомкину. Рядомъ со мной въ коляскѣ сидѣлъ приказчикъ мой Семенъ, ужасно конфузясь, ежась, отодвигаясь отъ меня и боясь, кажется, прикоснуться одной точкой своего кафтана

ко мнѣ. Измученныя извозчичьи лошади легонькой рысцой тащили насъ въ гору.

Я оглядывалъ окрестность,—все было очень знакомо: при въѣздѣ въ село покачнувшаяся на сторону и точно отъ сотворенія міра тутъ стоявшая толчея, а подальше—небольшая площадь, на которой собирался по праздникамъ народъ; въ сторонѣ отъ нея домъ священника, нѣсколько побольше и покрасивѣе другихъ, на погостѣ деревянные кресты и единственный каменный памятникъ на могилѣ моего дѣда, и наконецъ сама бѣлая церковь. Съ какой-то болью врывались мнѣ въ сердце воспоминанія: мы... мнѣ лѣтъ восемнадцать... у прихода... день такой, кажется, восхитительный; толпа народа кипитъ передъ храмовыми воротами. *Она* тоже въ церкви... это можно догадаться по уродливому экипажу и по тройкѣ вятскихъ лошадокъ, стоявшихъ у дома отца-дьякона. Я иду въ церковь. Сердце мое такъ и рванулось отъ праваго клироса, около котораго я сталъ, къ лѣвому. Накуренный ладанъ кажется мнѣ величайшимъ благовоніемъ, иконостасъ великолѣпнымъ, а *она*, въ бѣломъ платьѣ и бѣлой шляпкѣ, превыше всѣхъ красотъ земныхъ. Но между тѣмъ, что̀ было во всемъ этомъ, и въ ней и въ самомъ нарядѣ?.. Ничего, кромѣ моей молодости!.. Хоть бы одинъ день, одинъ часъ того счастья, съ которымъ изживались прежде цѣлыя недѣли, мѣсяцы, и за это возьмите все, что̀ впереди, гдѣ только и мелькаютъ, какъ фуріи, ниспосланныя васъ терзать, — недуги тѣла, труды и скорби наболѣвшей души вашей и цѣлое море житейскихъ нуждъ и заботъ.

— А что̀, — обратился я къ Семену: — будетъ у насъ въ Ѳомкинѣ по 5-ти десятинъ на душу?

— Будетъ, кажись! Послѣ одного снохача теперь земли-съ пустой стоитъ тяголъ на пять.

— Какого это снохача? — спросилъ я, смутно припоминая все, что̀ сейчасъ разсказалъ.

— Крестьянинъ вашъ бывшій, — отвѣчалъ Семенъ: — папенька вашъ тогда разгнѣвался на него и продалъ его. Всего за десять рублей ассигнаціями и уступилъ-съ.

— За десять?

— Да-съ, — отвѣчалъ Семенъ и потомъ съ обычной своей скромностью слегка польстилъ мнѣ:—вѣдь не такъ, какъ вы-съ: покойникъ, бывало, разсердится, такъ точно разсудку лишался, а послѣ все у нихъ отойдетъ это.

— Отойдетъ?

— Все-съ! И чѣмъ ужъ они тутъ человѣка ублажить ни желаютъ: тогда за Михайлы Евплова-то сноху и сына при

мнѣ-съ... мальчикомъ я ѣздилъ съ нимъ... давали исправнику тысячу рублевъ, чтобы ихъ ослобонить отъ поселенья. Ну, да тотъ тоже не взялся. «Я губернатору ужъ, говоритъ, описалъ о томъ».

— А Михайла Евпловъ кому былъ проданъ?—полюбопытствовалъ я.

— Да такъ тутъ, въ Зеленцинѣ, былъ дворянинишка—самый бѣдный; почесть что ни самому ни прислугѣ ѣсть было нечего: Михайлу Евплова сталъ ужъ въ пастухи отдавать... въ семьдесятъ-то лѣтъ за телятами бѣгать... Папенька вашъ пожалѣлъ тогда старика:—«откуплю, говоритъ, его назадъ, хоть пятисотъ рублей на то не пожалѣю», ну да тотъ померъ тоже невдолгѣ.

— А за что отецъ такъ разсердился на него?—спросилъ я.

Степанъ нѣсколько смѣшался.

— Глупости разныя у себя въ семействѣ заводилъ-съ... — отвѣчалъ онъ съ разстановкой: — младшая-то сношенка попалась женщина честная, не захотѣла того...

— А здѣсь это въ заведеніи?—замѣтилъ я.

— Есть-съ!—отвѣчалъ Семенъ таинственно.

— Да какъ же они это дѣлаютъ?

— Да кто жъ имъ можетъ въ томъ воспрепятствовать! — возразилъ онъ мнѣ съ нѣкоторымъ даже одушевленіемъ: — *батька, родитель* — одно слово, и который особливо теперь побогатѣй, такъ въ дому-то словно медвѣдь корежитъ: и на работу посылаетъ, сколько ему надо, и бьетъ, особливо этихъ женщинъ и малолѣтнихъ, чѣмъ ни попало... Ужасные злодѣи и тираны-съ!

Мы въѣхали въ усадьбу. Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, и все больше старики, встрѣтили меня. Совсѣмъ сгорбленный и почти уже слѣпой Кирьянъ высадилъ однако меня изъ коляски подъ руку. Двѣ женщины, тоже старухи, проговорили:— «Ну вотъ, батюшка, дождались мы и васъ!». Я прошелъ въ домъ и, увидя отворенный балконъ, не утерпѣлъ и вышелъ на него посмотрѣть на садъ: онъ точно весь почернѣлъ и совершенно заглохъ по всѣмъ нѣкогда прозрачнымъ и зеленымъ аллеямъ. На куртинахъ и на лугахъ росла такая дичь-трава, что и взглянуть было непріятно. Все это нѣкогда обряжавшій и приводившій въ порядокъ Илья Мосеичъ давно уже умеръ и, вѣроятно, самъ составляетъ какую-нибудь часть той природы, которую такъ любилъ. Сходя съ балкона, я прошелся по гостиной, гдѣ сердился отецъ, заглянулъ въ спальню, гдѣ скучала и молилась мать, и наконецъ въ свою темненькую комнату.

Чтобы оторваться отъ этихъ, хоть и дорогихъ, но все-таки тяжелыхъ воспоминаній, я велѣлъ себѣ постель приготовить въ залѣ, какъ самой пустой комнатѣ и болѣе похожей на сарай, чѣмъ на жилое мѣсто, но заснулъ только утромъ, чувствуя, что руки и ноги у меня холодѣютъ, а на лбу выступила холодная испарина. «О, если бы забыть прошедшее и не понимать будущаго»,—мерещилось мнѣ въ тревожномъ снѣ.

27 октября 1861 г.
С.-Петербургъ.

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Басардины.

По улицамъ и полямъ усадьбы Спирова мела и передувала безтолковѣйшая декабрьская вьюга: то зачѣмъ-то несла цѣлое облако снѣгу и, выйдя за ворота, тотчасъ же клала его на огромнѣйшій и безъ того сугробъ; то точно сверломъ сверлила и завывала въ разбитое слуховое окно на барскомъ домѣ; то съ какимъ-то упорствомъ дула въ задъ скотнику Климу, рубившему передъ скотнымъ дворомъ дрова и не обращавшему на это рѣшительно никакого вниманія. На крыльцѣ избы стояла старуха Михайловна, и съ ней вѣтеръ какъ бы заигрывалъ, крутя и завивая ея истасканный передникъ.

— Чьи такіе, дѣдушка, это проѣхали? — окликнула она Клима.

— Басардины, надо-быть... къ тестю ѣдутъ.

— И то дѣло. Да, да!

— На балтировку, видно, ладятъ, — заключилъ Климъ.

— Да, да! — согласилась и съ этимъ Михайловна; а потомъ, о чемъ-то звонко вздохнувъ, вернулась въ избу.

На Спировскомъ полѣ, по переметенной и ухабистой дорогѣ, дѣйствительно тянулся цѣлый обозъ. На передней лошади ѣхалъ молодой дворовый малый, Митька. Онъ сидѣлъ спокойно, какъ истуканъ, и только, когда его очень ужъ тряхнетъ въ

ухабѣ, онъ моргнетъ носомъ и ткнетъ лошадь кнутовищемъ, на что та обыкновенно отмахнетъ ему хвостомъ.

Въ тѣхъ же саняхъ, за спиной у Митьки, сидѣла горничная дѣвица Дарья; закутанная по самый носъ въ какія-то лохмотья. Странное явленіе представляли собой эти два молодыя существа: жизнь ли ихъ очень заколотила, или ихъ организмы, питаемые круглый годъ постными щами и мякиннымъ хлѣбомъ, содержали въ себѣ болѣе лимфы, чѣмъ крови, но только пятидесятую версту они ѣхали вдвоемъ и во все это время хоть бы переглянулись, пошутили бы между собой, переговорили слова два-три. Митька, положительно можно сказать, даже ничего и не думалъ; а Дарья всю дорогу смутно соображала, куда это она положила барышнины чулки: старая барыня, какъ пріѣдутъ на мѣсто, непремѣнно ихъ спроситъ, а она и не помнитъ, куда ихъ засунула.

За передней ѣхалъ самъ баринъ, въ розвальняхъ, парой гусемъ. Заложенный у него на выносъ сивый меренокъ, по прозванью Репейникъ, обнаруживалъ удивительное стараніе. Онъ везъ, потѣлъ, обтирался и все-таки везъ, какъ будто бы сотни начальническихъ глазъ смотрѣли на него и любовались его усердіемъ, между тѣмъ какъ шедшая въ корню сухопарая саврасая кобыла рѣшительно парализовала всѣ его старанія. Лошадь эта, пока дорога шла еще прямая, везла кое-какъ; но чуть-чуть встрѣчался крутой поворотъ, или надобно было обойти какую-нибудь рытвину, такъ сейчасъ же и терялась: не понимала ли она, какъ это сдѣлать надо, или ей трудно было ладить съ своимъ неуклюжимъ тѣломъ, только непремѣнно сядетъ въ хомутъ, начнетъ болтаться изъ стороны въ сторону и по крайней мѣрѣ съ полверсты не уставится. На подобное неравенство въ распредѣленіи трудовъ сидѣвшій кучеромъ задѣльный мужикъ Потапъ, такъ какъ настоящихъ дворовыхъ кучеровъ ужъ не хватало, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія: все его стараніе было направлено на то, чтобы самому какъ-нибудь примоститься на облучкѣ, къ которому онъ скорѣе изображалъ собою касательную линію, чѣмъ сидящаго на немъ человѣка. Едва позаберется нѣсколько поспокойнѣе, какъ сани занесетъ въ его сторону, и поѣхалъ внизъ; опять начнетъ забирать вверхъ,—да такъ всю дорогу, даже потъ прошибъ!

На всѣ эти продѣлки съ Потапомъ баринъ, мужчина съ просѣдью, но довольно еще молодцоватый, въ потертой медвѣжьей шубѣ и шапкѣ съ собачьимъ околышкомъ, надѣтой нѣсколько набекрень, смотрѣлъ не безъ удовольствія.

— Опять съѣхалъ? — говорилъ онъ, слегка улыбаясь, когда

Потапъ, спустившись съ саней до самаго горла, отчаянно хватался за передокъ.

— Ты сиди крѣпче! — совѣтовалъ онъ ему.

На все это Потапъ отвѣчалъ сердитымъ взглядомъ и забирался на передокъ почти съ ногами.

Баринъ между тѣмъ переносилъ свое вниманіе на другіе предметы.

«Ишь, какъ дугу-то погнуло»,—думалъ онъ, глядя, какъ сбившаяся съ пантальку коренная шла совершенно бокомъ.

На закраинѣ поля замелькали какія-то черныя пятна.

«Кусты это или деревья, чортъ знаетъ?»—продолжаетъ онъ соображать съ замѣтнымъ вниманіемъ.

«Кусты!»—рѣшалъ онъ мысленно и самодовольно.

Налетѣвшая вьюга заслѣпляла ему глаза. Онъ поворачивался и начиналъ смотрѣть въ другую сторону.

Волновали ли въ настоящую минуту какія-либо иныя, болѣе серьезныя мысли и болѣе раздражительныя чувствованія этого, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, отца довольно многочисленнаго семейства, — мы не знаемъ и даже имѣемъ всѣ основанія подозрѣвать, что какъ къ совершенному имъ теперь пути, такъ и вообще ко всей громадѣ плывущей на него жизни онъ относился довольно созерцательно и совершенно спокойно.

Ѣхавшая за розвальнями тройка, въ крытыхъ саняхъ, представляла гораздо большій порядокъ: лошади всѣ въ ней были одной масти, коренная шла даже съ нѣкоторою гордостью. Молодой кучеръ Михайла, съ черкесскимъ лицомъ, стройный, перетянутый ремнемъ съ посеребреннымъ наборомъ, ловко сидѣлъ на облучкѣ. Пожилой лакей, хоть и въ очень старинной, но замѣтно сбереженной гороховой шинели, съ нѣсколькими воротничками и со свѣтлыми пуговицами, тоже привычно сидѣлъ рядомъ съ нимъ и, при малѣйшемъ наклоненіи саней на его сторону, сейчасъ же соскакивалъ и подпиралъ ихъ плечомъ. Видно, онъ понималъ, что ѣдетъ съ дамами, изъ которыхъ одна, молоденькая, съ прелестнымъ, свѣжимъ личикомъ, безпрестанно выглядывала изъ-подъ опущеннаго фордека и, оглянувъ окрестность, снова опускалась въ глубь саней, приговаривая съ досадой: «нѣтъ еще, далеко».

Сидѣвшая съ ней пожилая дама, казалось, и не слыхала этихъ восклицаній.

Если бы какой-нибудь художникъ захотѣлъ изобразить идею житейской озабоченности въ видѣ женщины, то лучшаго образца не нашелъ бы для себя, какъ эта дама, съ впалыми, желтоватыми щеками, съ довольно еще свѣтлымъ, умнымъ

взглядомъ черныхъ глазъ, но который весь былъ погруженъ въ себя и ушелъ въ глубь души. Въ противоположность своему на все спокойно взиравшему супругу, своей пятнадцатилѣтней дочери, чѣмъ-то своимъ, должно-быть, занятой, въ противоположность наконецъ вялой и далеко не заботливой прислугѣ, — она одна тутъ обо всемъ думала и надъ всѣмъ бодрствовала.

Трудно перечислить, сколько заботъ, предположеній, надеждъ и опасеній проходило въ ея бѣдной женской головѣ, а тутъ еще—смѣшно даже сказать—отъ дорожной ли ѣзды, или отъ несущагося со всѣхъ сторонъ свѣжаго воздуха, передъ ней, какъ нарочно, начали возставать такъ давно ужъ, кажется, забываемыя воспоминанія...

II.

Вельможи - благодѣтели.

Надежда Павловна Басардина была чуть ли не пятая дочь секундъ-майора Рылова, который, еще на ея памяти, ходилъ въ кафтанѣ съ бортами, въ чулкахъ и башмакахъ и, какъ что-то, вѣроятно, очень умное, любилъ выдѣлывать передъ гостями палкой, какъ павловскимъ эшпатономъ. Потомъ она воспитанница въ домѣ князя Д... Цѣлый верхъ огромнаго московскаго дома отведенъ былъ для десяти питомицъ, все почти прехорошенькихъ собой дѣвочекъ... Какъ живой стоялъ передъ ней старый князь, всегда въ синемъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ тремя звѣздами. Каждое утро онѣ гуртомъ сходили къ нему внизъ дѣлать реверансъ, цѣлуя при этомъ его бѣлую и благоуханную руку... Шли потомъ къ его дочери, величественной, бойкой красавицѣ, графинѣ N., авантюристкѣ по жизни, вышедшей сначала за французскаго эмигранта, бросившей его потомъ въ Парижѣ для итальянскаго тенора и теперь жившей, какъ знали всѣ, даже маленькія воспитанницы, почти въ открытой связи съ правителемъ дѣлъ отца, безобразнымъ, рябымъ, косымъ, но умнымъ и пронырливымъ поповичемъ, грабившимъ всю Москву и при этомъ сохранившимъ какую-то демонскую власть надъ старымъ княземъ и его дочерью. Помнила Надина и огромную классную комнату съ длиннымъ столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ котораго всегда возсѣдала m-lle Dorothée, высокая, плоская швейцарка, скорѣй бы допустившая, чтобы міръ перевернулся вверхъ дномъ, чѣмъ которая-нибудь изъ воспитанницъ произнесла при ней русское слово. Помнила и

танцовальнаго учителя, ставившаго ихъ всѣхъ въ рядъ и довольно нецеремонно вытягивавшаго ихъ маленькія ножки для довольно трудныхъ менуэтныхъ па. Помнила наконецъ и многознаменательный день: въ домѣ шумъ, бѣготня; это пріѣхалъ сынъ князя, юный дипломатъ, любимецъ двора. Надинѣ было уже пятнадцать лѣтъ, она все внимательнѣй и внимательнѣй прислушивалась къ шопоту подругъ о непонятныхъ и въ то же время какъ будто бы и знакомыхъ ей вещахъ. Въ тотъ же день, на petite soirée, всѣ воспитанницы были представлены молодому князю. Онъ ихъ благосклонно, хоть нѣсколько и свысока, оприветствовалъ. Никогда уже, во всю свою жизнь, ни прежде ни послѣ, Надина не видала мужчины красивѣе, умнѣе и любезнѣе. Не давая себѣ хорошенько отчета, она обыкновенно засматривалась на князя, когда онъ стоялъ гдѣ-нибудь вдали и рисовался почти еще юношескимъ станомъ. Разъ князь, именно въ это самое время, обернулся къ ней; Надина сконфузилась, покраснѣла. Онъ все это видѣлъ и улыбнулся ей.

Вскорѣ послѣ того въ довольно темноватую залу, гдѣ воспитанницамъ обыкновенно давали музыкальный урокъ, вошелъ князь. Надина сидѣла вдали отъ прочихъ дѣвушекъ. Онъ прямо подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нею. Она сконфузилась и поотодвинулась отъ него.

Князь ласково смотрѣлъ на нее.

— Avez-vous des parents?—спросилъ онъ ее, вѣроятно, затѣмъ, чтобы только заговорить съ ней.

— Non, mes parents c'est votre père, — отвѣчала Надина, совершенно сконфуженная.

— Donc, je suis votre frère,—подхватилъ князь:—такъ?

— Non, non, — отвѣчала Надина, еще болѣе сконфузившись.

— Et je puis vous aimer? — продолжалъ уже шопотомъ князь.

— Non, non!—повторяла шопотомъ Надина.

Всѣ прочія воспитанницы, окружавшія рояль, стояли къ нимъ спиной.

— Et vous embrasser?—заключилъ тѣмъ же шопотомъ князь, наклоняя свое лицо къ лицу Надины.

— Monsieur!—произнесла та, отодвигаясь отъ него.

Голосъ учителя, позвавшаго Надину, прервалъ эту сцену. Она проворно встала и подошла къ фортепіано.

Князь, хоть и вдали, но сталъ противъ нея.

Надина пропѣла свой урокъ дрожащимъ голосомъ и почти со слезами на глазахъ.

На другой день ее остановила графиня.

— Chère enfant, un mot!—сказала она. Надина стала передъ ней навытяжку. — Je veux voir votre figure et votre taille!

Надина потупилась.

— Vous êtes charmante! — продолжала графиня съ улыбкой.—Mon frère est amoureux de vous.

— Non, madame,—произнесла Надина, вся вспыхнувъ.

— Comment non?—спросила графиня, устремляя на молодую дѣвушку почти любострастный взглядъ.

Въ домѣ между тѣмъ приготовлялось новое торжество.

Молодой князь, по величайшей милости государя и въ уваженіе къ знаменитому роду, какихъ-нибудь двадцати семи лѣтъ назначенъ былъ уполномоченнымъ при одномъ изъ маленькихъ дворовъ. Сама графиня-сестра взялась устраивать, по этому случаю, праздникъ. Всѣ воспитанницы, одѣтыя тирольскими пастушками, должны были поднести юному амфитріону цвѣты, а Надина, какъ болѣе умненькая, была выбрана сказать ему поздравительное стихотвореніе. Князь, въ свою очередь, имѣлъ у себя въ запасѣ для прелестныхъ тиролекъ цѣлую коллекцію довольно цѣнныхъ бездѣлушекъ: милый вѣкъ имѣлъ и милые обычаи!

— Vous récitez si bien, qu'il m'est difficile de trouver quelque chose à vous offrir, — говорилъ молодой посланникъ, торопливо роясь въ бездѣлушкахъ, когда Надина нетвердымъ сконфуженнымъ голосомъ произнесла ему свое восьмистишіе.

— Je voudrais bien avoir votre portrait, — отвѣчала она почти уже шопотомъ и не помня сама, что̀ говоритъ.

— Vrai? Je vais vous l'apporter,—воскликнулъ князь и бросился въ кабинетъ отца, сорвалъ тамъ со стѣны свой очень дорогой медальонъ на кости и подалъ его Надинѣ. Та проворно спрятала его за корсетъ и, вся пылающая, убѣжала къ себѣ наверхъ. Вечеромъ, на балѣ во вкусѣ Тріанона, всѣ юные смертные были обращены въ боговъ. Надина изображала Минерву. Князь танцовалъ съ ней котильонъ и безцеремонно жалъ ей руку. За ужиномъ онъ сѣлъ противъ нея, кидалъ въ нее шариками, выбиралъ ей лучшія конфеты и цвѣты и заставлялъ много пить вина. Сидѣвшая тутъ же рядомъ m-lle Dorothée на все это только улыбалась своимъ широкимъ ртомъ. Въ домѣ стараго князя все дышало однимъ воздухомъ: даже строгая швейцарка, позабывъ цѣломудренные нравы родины, любила шаловливыя и слегка скандалезныя сцены.

Послѣ ужина, дѣтей, а въ томъ числѣ и шестнадцатилѣт-

нихъ воспитанницъ, отправили спать раньше. Дежурная горничная, чего прежде не бывало, повернула и затушила ночную лампу.

— Что ты дѣлаешь?—закричали-было ей со всѣхъ сторонъ.

Но она, ни слова не отвѣтивъ, ушла.

— Mesdames! Мы во мракѣ! — говорили съ хохотомъ маленькія шалуньи, но вскорѣ потомъ, разумѣется, и заснули.

Надина тоже уже спала... Вдругъ она почувствовала на щекѣ своей чье-то горячее дыханіе. Она въ испугѣ открыла глаза... Передъ ней стоялъ князь.

Надина приподнялась съ постели.

— Que voulez-vous, monsieur?—проговорила она устрашеннымъ голосомъ и закрывая руками обнаженную шею.

Князь хотѣлъ обнять ее. Надина движеніемъ руки остановила его и сейчасъ же вскочила на окно дортуара.

— Si vous m'approchez, je me précipite de la fenetre. — проговорила она.

— De grâce, ma petite, retirez-vous de là, — молилъ ее князь.

— Monsieur, sortez! — сказала Надина.

Голосъ ея былъ твердъ и громокъ.

— Vous êtes cruelle!—проговорилъ князь и, сдѣлавъ ручкой, удалился.

Какъ ни граціозно была разыграна эта сцена, но она сильно поразила Надину: дрожавшая отъ страха, униженная, оскорбленная, она сошла съ окна. Нравственный инстинктъ женщины заговорилъ въ ней; ей какъ бы сразу представилось, гдѣ она и что она такое тутъ. Загадочная исторія съ m-lle Горкиной, чудо какою хорошенькою и двумя годами старше ея воспитанницей, стала для нея ясна. Ту, какъ сама она разсказывала, каждый вечеръ водили въ кабинетъ къ старому князю, и тотъ, несмотря на ея слезы, посыпалъ ей на грудь табаку и нюхалъ его.

Родители Горкиной ужасно разссорились за это съ княземъ и взяли дочь къ себѣ.

Надина тоже рѣшилась написать отцу и сестрѣ. Въ тысячѣ выраженій она умоляла взять ее. Она писала: „Sauvez moi, ma soeur, de moi-même. Le jeune prince est amoureux de moi et je puis perdre ma pudeur“.

Старый майоръ въ это время находился окончательно забраннымъ въ строгія и благочестивыя руки старшей своей дочери, оставшейся при немъ въ дѣвкахъ, Богъ знаетъ когда-то и кѣмъ-то названной Биби и до сихъ поръ сохранившей это имя между родными и знакомыми. Секундъ-майоръ,

слушая письмо своей «московки», только хлопалъ глазами; но пожилая дѣвственница, сама нѣкогда воспитанница Смольнаго монастыря и недоучившаяся тамъ единственно потому, что въ петербургскомъ климатѣ ее безпрестанно обсыпала золотуха, поняла все. Пиши сестра, что ее не кормятъ, не одѣваютъ, что каждый день ее мучатъ, колесуютъ, — сердце Биби не дрогнуло бы: но тутъ угрожала опасность чести ихъ фамиліи.

— Въ нашемъ семействѣ не было еще такихъ! — проговорила она почти съ ужасомъ и настояла, чтобы въ тотъ же день за сестрой была послана въ Москву на парѣ, въ кибиточкѣ, подвода, на которой отправила любимаго своего кучера Ивана Горькаго. Вмѣстѣ съ нимъ также поѣхала и приближенная къ секундъ-майору дѣвица Матрена. Старикъ, бывъ въ такихъ уже лѣтахъ, все еще не могъ оставить своихъ глупостей, и Биби терпѣла ихъ, помня только великое правило, что дѣти родителямъ не судьи.

Майоръ, подъ диктовку дочери, нацарапалъ къ князю письмо, которое началъ такъ: «Ваше высокопревосходительство, господинъ генералъ-аншефъ и сіятельнѣйшій князь!»—форма, которой научилъ его еще въ полку писарь и которую онъ запомнилъ на всю жизнь.

Прописавъ титулъ, онъ просилъ отпустить къ нему дщерь его Надину, такъ какъ самъ онъ приближается къ старости, а старшая дочь его, и безъ того ужъ посвятившая ему всю жизнь свою, желаетъ подумать и о себѣ и себѣ что-нибудь сдѣлать для будущей жизни.

Диктуя послѣднія строки, Биби рѣшительно думала поразить ими все семейство князя и внушить къ себѣ огромное уваженіе.

Въ заключеніи письма старикъ вопіялъ къ именитому вельможѣ излить на свою питомицу послѣднія милости и благословить ее образомъ Тверской Божіей Матери, которая вѣчно будетъ ей заступницей въ жизни, и затѣмъ подписался, слегка размахнувшись: «Вашего сіятельства нижайшій рабъ, секундъ-майоръ Рыловъ».

Нѣсколько странно было видѣть, когда Иванъ Горькій, съ удивленнымъ лицомъ и растопыренными ногами, очутился на княжескомъ дворѣ, а Матрена, въ своей пестрядинной шубенкѣ и валеныхъ сапогахъ, — между накрахмаленными и раздушенными горничными въ княжеской кофишенкской. Надина чуть не умерла отъ стыда, когда увидала посланныхъ за нею: такіе они были оборванные.

Старый князь, занятый въ это время планами женитьбы

сына чуть ли не на принцессѣ Брауншвейгской, нѣсколько удивился, прочитавъ письмо секундъ-майора; но, впрочемъ, величественнымъ наклоненіемъ головы изъявилъ свое согласіе и въ день отъѣзда подарилъ Надинѣ на приданое брильянтовое ожерелье въ десять тысячъ ассигнаціями. Что же касается до благословенія, то православной иконы въ домѣ не нашлось, и князь благословилъ свою рыдающую питомицу копіей съ Рафаэлевой Мадонны.

III.

Совсѣмъ дичь.

Дней черезъ шесть Надина, вся разбитая отъ непривычной ѣзды въ нерессорномъ экипажѣ, пріѣхала къ родительскому крову и какъ бы чудомъ какимъ была перенесена изъ французскаго, фоблазовскимъ духомъ преисполненнаго дома въ самый центръ деревенскаго православія.

Если бы пришлось подробно описывать жизнь секундъ-майора и пожилой его дочери, то безпрестанно надобно было бы говорить: «Это было, когда поднимали иконы передъ посѣвомъ; это — когда служили наканунѣ Николы всенощную; это — когда на дѣвкахъ обарывали усадьбу кругомъ, по случаю появившагося въ сосѣднихъ деревняхъ скотскаго падежа».

Въѣзжая въ усадьбу, Надина еще издали увидѣла стараго отца, въ томъ же чепанѣ и съ развѣвавшимися по воздуху сѣдыми волосами, а за нимъ сухощавую фигуру сестры въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ на шеѣ.

Она хотѣла-было броситься къ нимъ въ объятія; но Биби движеніемъ руки остановила ее и указала на вынесенную чудотворную икону. Надина приложилась къ ней, и затѣмъ уже почувствовала на щекахъ своихъ сморщенное, плачущее и заскорблое лицо отца и сухія, тонкія губы сестры. Въ комнатахъ ее поразилъ сильный и совершенно незнакомый запахъ ладана и деревяннаго масла, и къ ней какъ-то раболѣпно и суетливо стали подходить горничныя дѣвицы, одна другой пожилѣе и некрасивѣе. Биби не любила выдавать замужъ свою женскую прислугу, и ея дѣвки годамъ къ тридцати страшно худѣли и старѣлись, а потомъ такъ и засыхали въ этомъ видѣ на всю остальную жизнь.

На другой день Биби возила сестру къ приходу и заставила ее тамъ подать за упокой всѣхъ умершихъ родныхъ, а по матери отслужить панихиду, непремѣнно требуя, чтобъ

она за все это заплатила изъ своихъ карманныхъ денегъ. Образъ, которымъ благословили Надину, тоже немало занималъ Биби: она все недоумѣвала, какого онъ *во имя*, и совѣтовалась, по этому случаю, съ заѣхавшимъ къ нимъ невдолгѣ настоятелемъ Рѣчинской пустыни.

— Это врядъ ли не католическій образъ,—замѣтилъ ей тотъ.

Биби была удивлена и огорчена, и какъ ее потомъ монахъ ни увѣрялъ, что это ничего, что это все-таки образъ, она поставила его въ кіотѣ ниже православныхъ иконъ.

О причинѣ, заставившей сестру бѣжать изъ княжескаго дома, Биби не сказала съ ней ни слова: о подобныхъ вещахъ она не только что говорить, но даже думать не любила.

Для Надины такимъ образомъ началось все, что̀ и прежде дѣлалось въ домѣ отца ея: болѣе полугода скудный, на постномъ маслѣ, столъ, почти каждую недѣлю какая-нибудь церковная служба въ домѣ; Биби цѣлый день или принимала и угощала разныхъ странницъ, или тихо, но злобно хлопотала по хозяйству. Старый отецъ, по ея приказанію, тоже все былъ больше въ полѣ и смотрѣлъ за рабочими. Первое время Надина, по своему нѣсколько идиллическому воспитанію, мечтала-было о прогулкахъ по полямъ, о разговорахъ съ добрыми поселянами и поселянками. Но изъ всего этого ея артистическій взглядъ только и увидалъ, какъ весной задѣльные мужики, по большей части все старики, съ перекошенными отъ натуги лицами взрывали неуклюжими косулями глинистую почву, а вечеромъ ужинали однимъ квасомъ съ хлѣбомъ, и хорошо-хорошо когда холодными щами съ забѣлкой, — или какъ дворовыя женщины, а въ томъ числѣ и ходившія послѣднее время беременности, не чувствуя собственной спины, часто, послѣ заката солнца, дожинали отмѣренныя имъ десятины, и ихъ же потомъ бранили, что онѣ высоко жнутъ,—или какъ наконецъ эти же самые добрые мужички, при первой же Никольщинѣ, напивались, какъ звѣри дикіе, и въ этомъ видѣ ругались такими словами, что слушать было невозможно.

Самымъ живымъ развлеченіемъ для Надины было ходить, въ сопровожденіи горничныхъ, за грибами и ягодами; но сестра и въ этомъ ей всегда препятствовала, говоря, что неприлично дѣвкамъ бѣгать по лѣсамъ: мало ли на что онѣ тамъ могутъ наскочить? Изъ прежнихъ ея элегантныхъ занятій у нея только и осталось, что вышиваніе безконечнаго ковра, который Биби заранѣе назначила для приношенія въ церковь.

Такъ прошли годъ, два, три, наконецъ десять. Скука и бездѣйствіе (изъ хозяйства Надинѣ только и предоставлено

было разливать чай), безпрестанное созерцаніе какого-то безсердечнаго богомольства сестры и наконецъ совершенно безсмысленная любовь отца, дѣлали свое: Надина худѣла, дурнѣла; но въ то же время она умнѣла!.. Трудно передать ту степень неуваженія, которое она чувствовала къ своему ничего не могшему для нея сдѣлать родителю, того ожесточенія, которое питала противъ занятой какими-то неземными цѣлями сестры.

Въ домѣ шла постоянная, хоть и сдерживаемая и скрываемая подъ наружнымъ видомъ ласковости, борьба: Надина и приближенная къ майору дѣвица Матрена тянули въ одну сторону, а Биби—въ другую и, по высотѣ своей исходной точки, всегда одерживала надъ ними верхъ.

Жениховъ у Надины все это время не было никого: всѣмъ молодымъ сосѣднимъ помѣщикамъ, по большей части кутиламъ и собачникамъ, она, по своему умѣнію одѣться, ловко держать себя, по своему отвращенію отъ разныхъ деревенскихъ блюдъ, казалась ужъ очень образованною. «Жидка, братецъ ты мой, ничего съ ней не подѣлаешь!» — говорилъ иной. «Поди-ка, женись на ней; такихъ супе и фрикасе потребуетъ!»—разсчитывалъ другой.

Часто, гуляя по саду до полуночи, съ пылающимъ лицомъ и сильно бьющимся пульсомъ, Надина хватала себя съ отчаяніемъ за голову и думала: «Господи! хоть бы за чорта да выйти замужъ!». И это рѣшительно было въ ней не движеніемъ крови, а просто желаніемъ перемѣнить свое положеніе.

IV.

Самецъ.

Въ благородныхъ строяхъ кирасирскаго Его Величества Короля В...го полка, конечно, ужъ было немного такихъ скромныхъ и молодцоватыхъ офицеровъ, какъ ротмистръ Басардинъ.

По формулярному его списку значилось: «родомъ изъ бѣдныхъ дворянъ; воспитаніе получилъ домашнее (то-есть никакого); на службу поступилъ рядовымъ и черезъ два мѣсяца, по своей превосходной выправкѣ, ѣхалъ уже ординарцемъ на высочайшемъ смотру». Закройщикъ Швецовъ про него говорилъ: «Вотъ на корнета Басардина шить любо: грудь навыкатъ, кость прямая, тонкая!». Невѣжа! Понималъ ли онъ, что одѣваемый имъ корнетъ по правильности своихъ формъ былъ статуя античная! Даже въ настоящемъ его чинѣ, съ начинавшею уже нѣсколько полнѣть таліей, когда Басардинъ

шелъ по расположенной на горкѣ деревнѣ, въ разстегнутомъ вицмундирѣ, въ надѣтой набекрень фуражкѣ, или когда гдѣ-нибудь сидѣлъ на бревнахъ, по большей части глядя себѣ на сапоги и опустивъ на нижнюю губу свои каштановые усы, между тѣмъ какъ при вечернемъ закатѣ съ поля гнали коровъ, по улицамъ бродили лошади, — глядя на него, невольно приходилось подумать: «Да, человѣкъ—красивѣйшее созданіе между всѣми животными, и онъ одинъ только можетъ до такой степени оживлять ландшафтъ».

Здоровьемъ Басардинъ пользовался замѣчательнымъ: онъ могъ не спать три ночи, и при этомъ нимало не воспалялись его большіе красивые глаза; зато и спалъ, послѣ каждаго утомительнаго перехода, часовъ по пятнадцати сряду. Курить могъ всегда: утромъ, за обѣдомъ, послѣ обѣда, даже ночью, если бъ его разбудили для этого.

Другое дѣло для ротмистра было думать: мышленіе у насъ все-таки есть, какъ хотите, болѣзнь, усиленная дѣятельность мозга насчетъ другихъ органовъ. Но жизненная сила была слишкомъ равномѣрно распредѣлена въ тѣлѣ Басардина, и едва только позаберется ея нѣсколько побольше во вмѣстилище разума и начнетъ тамъ работать, какъ ее сейчасъ же потребуютъ другія части. Такимъ образомъ ротмистръ не то что былъ глупъ, напротивъ того: онъ судилъ очень здраво, но только всѣ мысли его были какъ-то черезчуръ обыкновенны, ограничены и лишены всякаго полета; а между тѣмъ по этому проклятому командованію эскадрономъ стали случаться слѣдственныя дѣла, надобно было отписываться, приходилось кое-что и по счетной части, а тутъ, пожалуй, пошли и распеканья за нестрогость характера. Все это весьма утомляло Басардина, и въ послѣднее время, пріѣхавъ въ свою маленькую деревеньку, сосѣднюю съ имѣніемъ секундъ-майора, онъ уже сильно тяготился службой.

Надина и прежде еще слыхала о красивомъ сосѣдѣ-офицерѣ. Въ первый разъ они встрѣтились въ церкви, и она тутъ же принялась за него, какъ за якорь спасенія: сама пригласила пріѣхать къ нимъ обѣдать. Басардинъ, на своей полковой тройкѣ, молодцовато пріѣхалъ, промолчалъ весь визитъ, потомъ черезъ недѣлю, по приглашенію той же молодой хозяйки, опять былъ и опять промолчалъ весь день. Надина безбожно кокетничала съ нимъ. «Онъ недалекъ, но онъ добръ!»—рѣшила она мысленно и почти сама объяснилась съ ротмистромъ въ любви. Тотъ при этомъ слегка вспыхнулъ, и свадьба состоялась. Что потомъ послѣдовало изъ сочетанія этихъ двухъ организмовъ: одного, если можно такъ

выразиться, могуче-плотскаго, а другого—душевнаго и нервнаго, угадать нетрудно. Басардинъ, бывъ еще женихомъ, подалъ въ отставку, и молодые поселились въ деревнѣ. Надина къ концу же года родила ребенка, мальчика и, къ ужасу, съ такими же большими глазами и прямыми ушами, какъ и у отца; на другой годъ опять ребенокъ, и опять съ прямыми ушами. Супруга своего она уже совершенно понимала и видѣла, что онъ ей не помощникъ. Онъ обыкновенно цѣлый день ходилъ по комнатѣ, курилъ, молчалъ, послѣ обѣда спалъ; но когда жена сказала ему, что ей противенъ его храпъ, онъ и не спалъ. Между тѣмъ родился еще ребенокъ. Нужда въ домѣ росла: Надина хозяйничала на своихъ тридцати душонкахъ какъ только умѣла, сама устраивала кирпичный заводъ, сама откармливала свиней, и все-таки, по свойственному женщинамъ самолюбію, не желая мужа обнаружить передъ обществомъ, разсказывала, что будто бы все это придумываетъ и всѣмъ этимъ заправляетъ ея Петръ Григорьевичъ; а потомъ, воспользовавшись первою же подошедшею баллотировкой, свезла его въ губернскій городъ, и тамъ, чисто изъ уваженія къ ней, его выбрали въ судьи.

Бывшему воину снова была задана въ жизни задача. Напрасно онъ часовъ по семи сидѣлъ въ присутствіи, читалъ всякое дѣло отъ начала до конца, теръ себѣ лобъ, потѣлъ: ничего изъ того не выходило. Къ концу трехлѣтія плутишка-секретарь успѣлъ-таки подвернуть ему такую бумажку, за которую ихъ обоихъ отдали подъ судъ. Басардинъ выразилъ при этомъ только небольшой знакъ удивленія въ лицѣ.

— Какъ это тебя угораздило? — спросила его почти съ отчаяніемъ Надина.

— Не прочелъ... совершенно нынче не могу читать безъ очковъ,—отвѣчалъ онъ преспокойно.

— И прочелъ бы, немного толку прибавилось бы, — замѣтила ему на это Надина и говорить больше не стала.

Затѣмъ снова послѣдовала деревня... снова бѣдность... хлопоты по грошовому хозяйству и снова ребенокъ, но ужъ дѣвочка и—о, счастье!—не съ огромными ушами, а съ быстрыми и умными, какъ у матери, глазами. Надина привязалась къ этому ребенку съ первыхъ же дней и, стоя на колѣняхъ передъ предсѣдателемъ уголовной палаты, своимъ родственникомъ, она выхлопотала, что мужа оправдали, опредѣлила его потомъ въ лѣсничіе, вникала въ его должность, брала за него взятки, но ничего не помогало: года черезъ два Басардина, за обнаруженное передъ начальствомъ совершенное незнаніе лѣсной части, удалили снова отъ должности. Надина

на этотъ разъ ничего ужъ и не сказала, а сама между тѣмъ высохла до состоянія щепки и начала подозрительно кашлять.

И не одну, не двухъ, а сотни и тысячи мы знаемъ подобныхъ труженицъ-матерей, которыя на своихъ скорбныхъ плечахъ, часто подъ колотками и бранью, поднимаютъ огромныя семьи, и не безнравственныхъ правъ требуютъ онѣ у общества, а чтобы хоть сколько-нибудь подсобили имъ нести труды, которые возложили на нихъ самцы-супруги.

Спихнувъ кое-какъ своихъ старшихъ сыновей въ корпуса, Надина на сколоченные съ грѣхомъ пополамъ гроши стала воспитывать свою дочурочку. Она ее мыла, наряжала, сама учила говорить по-французски, присѣдать, танцовать. Обрывая потомъ себя до послѣдней нитки, отдала ее въ пансіонъ и безпрестанно ѣздила къ ней, чтобъ она не скучала... Соня дѣйствительно была прелестный ребенокъ: высоконькая, граціозная, съ прекраснымъ и уже недѣтскимъ выраженіемъ на лицѣ, она, видимо, наслѣдовала душу матери и тѣло отца. Но Надинѣ, въ ея материнскомъ увлеченіи, казалось въ красотѣ дочери нѣкоторое сходство съ красотой князя, медальонъ котораго до сихъ поръ еще хранился далеко-далеко запрятаннымъ въ старомъ комодѣ, въ потайномъ ящикѣ: въ жизни ея была одна поэтическая минута, и она осталась ей вѣрна до гроба...

Изъ Петербурга между тѣмъ пришло извѣстіе, что двое старшихъ сыновей ея, очень добрые мальчики, но очень плохо учившіеся и сырой комплекціи, умерли отъ скарлатины. Надежда Павловна даже не огорчилась: бѣдность иногда измѣняетъ и чувства матери! «Что̀ жъ! Сонѣ больше останется»,— шевельнулась въ головѣ ея нечистая мысль.

Впрочемъ, въ корпусѣ у нея оставался еще младшій сынокъ, Викторъ; но лучше бы было и не вспоминать о немъ. Только по великой добротѣ благодѣтеля-директора онъ не былъ выгнанъ, потому что, кромѣ ужъ лѣности, грубости и шалостей, дѣлалъ такія вещи, отъ которыхъ у бѣдной матери сердце кровью обливалось!

Соня наконецъ кончила курсъ, и Надежда Павловна везла ее теперь къ дѣду и теткѣ, передъ которыми, какъ это ей ни было тяжело, въ послѣднее время ужасно унижалась, все надѣясь, не сдѣлаютъ ли они Соню своей наслѣдницей.

V.

Молодые отпрыски.

Ковригино, усадьба секундъ-майора, было уже видно. Въ наугольной комнатѣ господскаго дома свѣтился огонекъ. Всѣ

очень хорошо знали, что это отъ лампадки передъ иконами. Направо, въ окнахъ кухни, пылало цѣлое пламя: значитъ, готовился ужинъ. День былъ канунъ 1843 года, и, вѣроятно, ожидали священниковъ.

Почуявъ знакомыя мѣста, даже Митька оживился и началъ бить безпрестанно свою клячу кнутовищемъ по заду. Потапъ едва поворотилъ на гору саврасую кобылу, до того она разскакалась. Шаркуны на тройкѣ Михайлы весело звенѣли. Первая ихъ услыхала и узнала выбѣжавшая-было за квасомъ горничная дѣвка Прасковья, добрѣйшее и глупѣйшее существо въ мірѣ. Она воротилась въ дѣвичью, какъ сумасшедшая.

— Надежда Павловна ѣдетъ, чертовки!—объявила она весело своимъ товаркамъ, сидѣвшимъ за прялками.

— Перины приготовлять надо! Гдѣ у тебя перины-то? Поди, чай, на холоду!—сказала заботливо другая дѣвица, Ѳедора, третьей дѣвкѣ.

— Принесу!..—отвѣчала ей та, и тоже не безъ удовольствія.

Пріѣздъ гостей для этихъ полузатворницъ всегда былъ чѣмъ-то въ родѣ праздника.

— Что̀ сидите! Барышнѣ сказать надо!—сказала наконецъ какимъ-то холоднымъ, металлическимъ голосомъ, вставая и уходя, четвертая дѣвушка, Иродіада, молодая, красивая и лучше всѣхъ одѣтая.

Митька прокатилъ Дарью къ дѣвичьему крыльцу, а Басардинъ остановился у передняго и, вылѣзши изъ саней, хотѣлъ подслужиться къ женѣ и высадить ее; но та даже не замѣтила его и прошла, опершись на руку лакея. Соня, какъ птичка, порхнула вслѣдъ за матерью.

Биби, въ сопровожденіи двухъ-трехъ горничныхъ дѣвицъ со свѣчами, дожидалась ихъ въ передней и со свойственною ей проницательностью сейчасъ же замѣтила, что на самой Надеждѣ Павловнѣ салопишко веретеномъ встряхни, а на дочкѣ новый атласный, на лисьемъ мѣху. Соня сейчасъ же бросилась къ теткѣ и начала цѣловать ея руки — разъ-два-три... Биби сама цѣловала ее въ лицо, въ шею. У ней при этомъ даже навернулись слезы на глазахъ. Между собой сестры поцѣловали одна у другой руку.

— Здравствуй, другъ мой, — отнеслась потомъ Биби къ зятю, не допуская его цѣловать у ней руку и сама цѣлуя его въ губы.

Она любила Петра Григорьевича за его кроткій и богомольный нравъ.

По залѣ въ это время ходилъ молодой человѣкъ въ сту-

денческой формѣ. Глаза его, кажется, искали молоденькихъ глазъ дѣвушки, и, когда они переглянулись, Соня сейчасъ же потунилась и начала какъ будто бы поправлять платье, а студентъ, со вспыхнувшимъ лицомъ, продолжалъ на нее смотрѣть и только черезъ нѣсколько секундъ сообразилъ и подошелъ къ рукѣ Надежды Павловны.

— Ахъ, Саша! Ты какъ здѣсь?—невольно воскликнула та.

— Такъ-съ, пріѣхалъ...—отвѣчалъ Александръ сконфуженнымъ тономъ.

— Его мать сюда нарочно прислала,—произнесла Биби съ замѣтнымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ.

Это былъ единственный сынъ ихъ родной племянницы, богатой женщины: Надежда Павловна безконечно завидовала всему этому семейству и считала ихъ соперниками по наслѣдству отъ Биби.

Студентъ подошелъ также и къ рукѣ Сони. Она проворно подала ему свою ручку, и что-то бѣленькое, въ родѣ свернутаго клочка бумажки, осталось въ его рукѣ.

Онъ проворно спряталъ ее въ карманъ.

— Что̀ батюшка?..—спросила Надежда Павловна печальнымъ голосомъ сестру.

— Слабъ, — отвѣчала та въ томъ же тонѣ и, когда всѣ было-пошли за нею, она прибавила: — не ходите всѣ вдругъ.

Секундъ-майору въ это время было безъ году сто лѣтъ, но онъ сохранилъ всѣ зубы и прекрасный цвѣтъ лица; лишился только ногъ и былъ слабъ въ разсудкѣ. Съ сѣдою какъ лунь бородою, совсѣмъ плѣшивый, съ старческими, слезливыми глазами, въ заячьемъ тулупчикѣ и кожаныхъ котахъ, онъ сидѣлъ въ своей комнаткѣ, въ креслахъ у маленькаго столика, на которомъ горѣла сальная свѣча

Передъ нимъ стоялъ дворовый мальчикъ въ рубашкѣ и босикомъ. Биби только въ недавнее время успѣла удалить отъ отца его приближенную мерзавку, и то ужъ уличивъ ее почти на мѣстѣ преступленія въ пьянствѣ и воровствѣ. Старикъ болѣе полугода все печалился о своей нянькѣ, но воспротивиться дочери не смѣлъ.

Теперь онъ цѣлые дни игралъ съ дворовыми ребятишками въ карты въ дурачки, въ ладышки, и съ настоящимъ своимъ собесѣдникомъ они въ чемъ-то, должно-быть, разссорились.

— Ты зачѣмъ у меня кралю-то укралъ? — говорилъ онъ мальчику.

— Что̀ ты? Гдѣ укралъ? Она у тебя, баринъ, на рукахъ,— отвѣчалъ тотъ дерзко.

— Гдѣ на рукахъ?—повторялъ старикъ, плохо ужъ разбиравшій и карты.

Въ это время вошла Биби, и мальчикъ сейчасъ же вытянулся въ струнку.

— У васъ въ рукахъ-съ!.. — отвѣчалъ онъ вѣжливо и показалъ на дѣйствительно находившуюся въ рукахъ майора даму.

— Батюшка, Надина пріѣхала,—объявила Биби отцу почтительнымъ тономъ, и потомъ первая бросилась къ дѣду Соня. Она схватила его грязную руку и цѣловала.

— Ну вотъ!..—говорилъ онъ, въ одно и то же время плача и смѣясь.

— Я вамъ, дѣдушка, конфетъ привезла... Мнѣ ихъ подарили въ пансіонѣ, а я ихъ вамъ сберегла, — продолжала Соня, проворно вынимая изъ своего кармашка цѣлую кучу конфетъ.

— Ну вотъ!..—повторялъ старикъ, совсѣмъ довольный. Лучше этого для него ничего не могло быть. Сахаръ и конфеты онъ обыкновенно клалъ во все, даже въ щи.

— Чай до службы или послѣ службы будете пить?—спросила Биби своихъ гостей.

— Я думаю, послѣ службы,—отвѣчала Надежда Павловна, чтобъ угодить сестрѣ.—Переодѣться только Сонѣ надобно!..—прибавила она робко и не желая, чтобы дочь хоть на минуту явилась передъ посторонними глазами не мило-одѣтою.

— Ну, ну, поди, принарядись. козочка!—сказала ей тетка ласково.

Соня съ жаромъ поцѣловала ее въ грудь.

Биби на этотъ разъ до того простерла свою ласковость къ племянницѣ, что сама пошла и показала отведенную для нея комнату, гдѣ, замѣтивъ, что у Сони башмачки худы (единственная вещь, которую мать не успѣла сдѣлать ей), она сейчасъ же позвала двороваго башмачника Сережку и велѣла ему снять съ барышни мѣрку и изъ домашней замши сдѣлать ей ботиночки крѣпкія, теплыя и просторныя.

— Можно это... — отвѣчалъ Сережка, по обычаю своего званія, съ ремнемъ на головѣ, нѣсколько кривобокій, перепачканный въ купоросѣ и сажѣ и сильно, должно-быть, пристрастный къ махоркѣ.

Басардинъ между тѣмъ ходилъ по залѣ съ Александромъ.

— Вотъ, какъ это разсудить? — говорилъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ и доставая длинною бумажкой отъ образовъ огня:—грѣхъ отъ лампадки закуривать или нѣтъ?

— Нѣтъ!.. что̀ жъ?—отвѣчалъ студентъ.—Нынче вотъ элек-

тричествомъ изобрѣли закуривать... при химическомъ соединеніи обнаруживается электричество... если теперь искру пропустить сквозь платину, то при соприкосновеніи ея съ воздухомъ дается пламя...

Студентъ замѣтно поддѣлывался къ родителю Сони и, желая ему разсказать что-нибудь интересное, толковалъ ему вещь, которую и самъ не совсѣмъ хорошо понималъ.

— Не знаю-съ, не видалъ!—отвѣчалъ Басардинъ.

Пріѣхали священники. Отецъ Николай, начавъ еще въ сѣняхъ надѣвать рясу, въ залу входилъ, выправляя изъ-подъ нея свои волосы. Басардинъ сейчасъ же подошелъ къ нему подъ благословеніе и движеніемъ руки просилъ его садиться. Студентъ поклонился священнику издали.

Оставшіеся въ передней дьячки тотчасъ же попросили у ключницы барскаго квасу и выпили его стакана по четыре.

— Что̀, перемело дорогу-то? — заговорилъ Петръ Григорьевичъ первый.

Онъ умѣлъ и любилъ потолковать съ духовенствомъ.

— И Господи какъ!—отвѣчалъ священникъ.—Я, признаться сказать, собачку держу, такъ бѣжитъ впередъ, поѣзжай за ней, никогда не собьешься... — прибавилъ онъ и, вѣроятно, занятый какимъ-нибудь своимъ горемъ, задумался.

Петръ Григорьевичъ нѣкоторое время какъ бы недоумѣвалъ.

— А что̀, отецъ Петръ все еще при церкви?—проговорилъ онъ наконецъ съ улыбкой.

Видимо, сдѣланный имъ вопросъ былъ нѣсколько щекотливаго свойства.

— Все еще тутъ,—отвѣчалъ отецъ Николай.

— И все попрежнему неудовольствія идутъ?

— Все такъ же и то же, idem per idem!

— Хуже этихъ неудовольствій ничего быть не можетъ!— заключилъ Басардинъ. По своему миролюбивому нраву, онъ искренно полагалъ, что всѣ несчастія происходятъ отъ того, что люди ссорятся.

Священникъ ничего на это не отвѣчалъ: передъ тѣмъ только начальство выдержало ихъ обоихъ подъ началомъ и все-таки не помирило.

Вошли: Биби, нѣсколько чопорной походкой, Надежда Павловна, въ своемъ томъ же дорожномъ капотѣ, и Соня, вся блистающая своимъ свѣжимъ личикомъ и новымъ, съ иголочки, холстинковымъ платьицемъ. Всѣ они, по примѣру хозяйки, подошли къ благословенію отца Николая, который послѣ того сталъ надѣвать ризы, а изъ лакейской появились,

съ раздутымъ кадиломъ и съ замасленными книгами, дьячки. Петръ Григорьевичъ пододвинулся къ нимъ, чтобы подпѣвать во время службы: онъ до сихъ поръ имѣлъ еще довольно порядочный теноръ. Надежда Павловна, Соня и Биби помѣстились въ дверяхъ гостиной. Изъ дѣвичьей и изъ лакейской стали появляться горничныя дѣвицы, дворовыя бабы съ ребятишками и мужики. Биби непремѣнно требовала, чтобы вся ея прислуга ходила за каждую въ домѣ церковную службу, и если при этомъ хоть какая-нибудь даже трехлѣтняя дѣвочка, поклонившись въ землю, позазѣвается, она непремѣнно замѣтитъ это и погрозитъ ей пальцемъ. Запахъ отъ мужицкихъ тулуповъ и бабъ, пришедшихъ съ грудными младенцами, сдѣлался невыносимымъ. Горничныя дѣвицы, въ угоду госпожѣ, молились до поту лица. Соня тоже ужасно усердно молилась и постоянно старалась быть на глазахъ у тетки. Студентъ со сложенными руками стоялъ посреди народа. Всенощная и молебенъ съ акаѳистомъ въ Ковригинѣ обыкновенно продолжались часовъ по пяти.

«Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ», — раздалось послѣ службы. Въ самомъ дѣлѣ, было уже двѣнадцать часовъ. Затѣмъ слѣдовалъ наскоро чай, котораго однако отецъ Николай успѣлъ выпить чашекъ пять, а дьячки попросили-было и по шестой, но имъ уже не дали. За ужиномъ господамъ подавали одни кушанья, а причту другія: несмотря на свою религіозность, Биби почему-то считала для себя за правило кормить духовенство еще хуже, чѣмъ другихъ гостей; но тѣ совершенно этого и не замѣчали.

Александръ во все время былъ взволнованъ. Онъ только послѣ службы улучилъ минуточку и прочелъ полученный имъ лоскутокъ бумаги. Тамъ было написано: «Любите меня и будьте осторожны». Къ концу ужина онъ наконецъ осмѣлился и обратился къ Сонѣ, сидѣвшей съ потупленными глазами около тетки.

— Что̀ вы желаете этому шарику? — сказалъ онъ, показывая ей на скатанный кусочекъ хлѣба.

— Быть скромнымъ! — отвѣчала скороговоркой Соня.

— Это я! — сказалъ, краснѣя, студентъ.

Черезъ часъ въ Ковригинѣ все улеглось по своимъ комнатамъ: молодость — съ какой-то жгучею радостью въ сердцѣ, а старость и зрѣлость — съ своими обычными недугами и житейскими заботами, и врядъ ли не одни только во всемъ селеніи Митька и баринъ его Петръ Григорьевичъ заснули, ничего не думавъ.

VI.

Подставленная шпилька.

Невысоко стоявшее зимнее солнце тускло свѣтило въ нечистыя съ двойными рамами окна ковригинской гостиной, въ которую на этотъ разъ выкатили на креслахъ и стараго майора, въ новомъ нанковомъ, по случаю праздника, чепанѣ, причесаннаго и примазаннаго. Вчерашній дворовый мальчишка, тоже въ новой рубахѣ, но попрежнему босикомъ, стоялъ передъ нимъ на вытяжкѣ. Соня сидѣла около дѣдушки и безпрестанно подавала ему то табакерку, то платокъ. Надежда Павловна была погружена въ пріятныя мысли, что неужели же Биби не подаритъ Сонѣ, по случаю выхода ея изъ пансіона, хоть рублей сто, а Петръ Григорьевичъ, напротивъ, былъ грустенъ и, сидя на диванѣ, чертилъ на пыльномъ столѣ какіе-то зигзаги: жена ему только сегодня поутру сказала, что они дѣйствительно ѣдутъ на баллотировку.

«Опять этотъ городъ, незнакомые люди, а можетъ-быть, и эта служба проклятая!»—думалъ онъ: деревенскую свободу и уединеніе Петръ Григорьевичъ предпочиталъ всему на свѣтѣ.

Стали подавать закуску, и вошла Биби. Она была, какъ замѣтно, въ дурномъ расположеніи духа: ее сейчасъ только растревожила ходившая за ней и отчасти уже знакомая намъ дѣвица Иродіада.

Дѣвка эта представляла собой довольно загадочное созданіе: лѣтъ до шестнадцати она, по мнѣнію Биби, была вѣтреница и мерзавка, и дошла наконецъ до того, что имѣла дитя. Случаи эти, бывавшіе, разумѣется, въ Ковригинѣ не часто, всегда имѣли нѣсколько трагическій характеръ.

Когда преступница не имѣла долѣе возможности скрывать свой грѣхъ, то обыкновенно выбиралась какая-нибудь изъ пожилыхъ и болѣе любимыхъ госпожою дѣвицъ, чтобы доложить ей, и по этому случаю прямо, безъ зову, входила къ ней.

— Что̀ тебѣ? — спрашивала Биби нѣсколько встревоженнымъ голосомъ.

— Насчетъ Катерины пришла доложить-съ, — отвѣчала протяжно пришедшая.

— Что̀ такое?—спрашивала госпожа, уже блѣднѣя.

— Въ тягости изволитъ быть, беременна-съ.

Преступница, стоявшая въ это время за дверьми, распахивала ихъ и, ползя на колѣняхъ, стонала:

— Матушка, прости! государыня, помилуй!

— Прочь отъ меня, мерзавка!.. Видѣть тебя не хочу!— восклицала Биби съ ужасомъ и омерзѣніемъ.

Дѣвка продолжала ползти на колѣняхъ.

— Я любила твою мать, твоего отца... и чѣмъ ты меня за все это возблагодарила? Тебѣ еще мало, что на конюшнѣ выдерутъ, что косу обрѣжутъ, тебѣ этого мало, — продолжала госпожа, все болѣе разгорячаясь.

И у дѣвки дѣйствительно обстригали косу, а иногда и подсѣкали ее. Ребенокъ по большей части умиралъ, и бѣдная грѣшница, съ обезображенною головой, въ затрапезномъ сарафанишкѣ, прячась отъ господъ, ходила ободворками на полевую работу, и часто только спустя годъ призывалась въ горницу; но и тутъ являлась какою-то робкою, старалась всегда стоять и сидѣть въ темныхъ мѣстахъ и на всю жизнь обыкновенно теряла милость госпожи. То же самое повторилось и съ Иродіадой; но только она послѣ своего несчастья какъ бы окаменѣла и, призванная снова въ горницу, прямо явилась къ барышнѣ.

— Простите меня, сударыня, я исправлюсь и заслужу вамъ,—проговорила она.

Видно было, что въ голосѣ ея прозвучало что-то особенное, такъ что даже Биби это замѣтила.

— Я ходить бы, сударыня, за вами желала,—продолжала между тѣмъ смѣло Иродіада.

— Хорошо, тамъ увидимъ, — отвѣчала ей Биби и черезъ двѣ недѣли, сверхъ всѣхъ своихъ правилъ, надумала и допустила Иродіаду ходить за собой. Та начала служить ей нелицемѣрно: ни съ однимъ мужчиной послѣ того она уже не пошутила; никто никогда не смѣлъ браннаго звука произнести при ней про госпожу; спавъ всегда въ комнатѣ Биби, она, какъ это видали почти каждую ночь, уходила въ образную и, стоя на колѣняхъ, молилась тамъ до утренней зари; когда пріѣзжали гости и хоть на минуту оставались одни, безъ хозяевъ, Иродіада подслушивала у дверей, что̀ они говорятъ. Въ настоящемъ случаѣ она доложила барышнѣ, какъ Надежда Павловна и Софья Петровна, ложившись вчера почивать, изволили между собою разговаривать, что-де въ Ковригинѣ изъ такого все запасу и такъ все скверно готовится, что онѣ ничего въ ротъ не могутъ взять.

Биби на это только хмыкнула.

Войдя въ гостиную и усѣвшись на диванѣ, она прямо обратилась къ зятю:

— Петръ Григорьичъ, выпей водочки и скушай что-нибудь. Не побрезгуй хоть ты-то нашимъ хлѣбомъ-солью.

Въ послѣднихъ словахъ ея послышалось что-то зловѣщее для Надины. Но Петръ Григорьевичъ, ничего этого, конечно, не понявшій, положилъ себѣ не безъ удовольствія на тарелку два куска пирога и, отправившись въ уголъ, началъ тамъ смиренно ѣсть.

— Саша, покушай, другъ мой!—обратилась Биби къ Александру и нарочно необыкновенно ласковымъ голосомъ.

Студентъ тоже, со свойственнымъ его возрасту аппетитомъ, наложивъ себѣ на тарелку не совсѣмъ свѣжей печенки, сухой икры и трехгодовалыхъ рыжиковъ, принялся все это уничтожать. Надежда Павловна и Соня намазали себѣ только немного масла на хлѣбъ.

Биби рѣшительно шипѣла.

— Викторъ вашъ скоро долженъ выйти въ офицеры,—отнеслась она къ сестрѣ.

При этомъ ужъ Надежда Павловна вспыхнула; Биби всегда колола ее тѣмъ, что въ отношеніи къ сыновьямъ она дурно исполняетъ свои обязанности.

— Да, если выдержитъ экзаменъ, — отвѣчала она коротко, чтобы прекратить этотъ разговоръ.

— Я получила отъ него довольно странное письмо,—продолжала Биби съ разстановкой. — Вотъ оно, не хочешь ли полюбопытствовать,—прибавила она, вынимая изъ кармана и подавая Надеждѣ Павловнѣ кругомъ исписанный листъ почтовой бумаги. Та взяла его дрожащею и сконфуженною рукой. Она заранѣе предчувствовала, что̀ тутъ заключается; но, съ продолженіемъ чтенія, гнѣвный румянецъ все больше и больше выступалъ на ея щекахъ. Молодой Басардинъ, несмотря на кадетскій почеркъ и обильное число грамматическихъ ошибокъ, владѣлъ, какъ видно, перомъ. «Дражайшая тетушка!—писалъ онъ:—я еще помню васъ маленькимъ и драгоцѣнный образъ вашъ навсегда сохранилъ въ моей памяти. Простите великодушно, почтеннѣйшая тетушка, что никогда не писалъ къ вамъ. Причиной тому мои родители, которые отвергнули меня еще отъ груди матери, но теперь я скоро буду офицеръ и хочу самъ себѣ пробить дорогу въ жизни или умереть на полѣ чести»...

— Боже, какъ онъ глупъ!—почти простонала бѣдная мать.

«Я, вѣроятно, по успѣхамъ въ наукахъ буду выпущенъ въ гвардію, — продолжалъ кадетъ:—но, къ несчастью моему, не имѣю не только что на обмундировку, но даже купить получше смазныхъ сапоговъ для выхода изъ корпуса по праздникамъ. На васъ теперь, высокоуважаемая тетушка, вся надежда молодого несчастливца, который послѣ многихъ писемъ къ родителямъ, на которыя не получалъ даже отвѣта...»

Далѣе Надежда Павловна не въ состояніи была читать.

— Онъ вретъ, мерзкій мальчишка! Я недавно послала ему пятьдесятъ рублей, и никогда онъ не будетъ выпущенъ въ гвардію!—проговорила она гнѣвно и съ полными слезъ глазами.

— Я ничего того не знала и не знаю, и, конечно, пособила ему, сколько могла...—произнесла Баби напыщеннымъ тономъ.

— Напрасно! — возразила Надежда Павловна: — вамъ бы лучше слѣдовало это письмо прислать ко мнѣ

— Ну, ужъ извините, этого я не сообразила, — отвѣчала ядовито-покорно Биби.

— Потому что,—продолжала Надежда Павловна рыдающимъ голосомъ:—ссорить мать съ дѣтьми...

— Кто же это васъ ссоритъ? — перебила ее строго Биби. Надежда Павловна нѣсколько пріостановилась. — Кто же это ссоритъ? — повторила Биби: — а что то, что видятъ всѣ добрые люди, того скрыть нельзя...—заключила она многознаменательно.

— Ну да, всѣ видятъ... вы всегда были противъ меня во всемъ... а хотя бы немного пощадили меня, — произнесла окончательно разрыдавшаяся Надежда Павловна и ушла.

Соня послѣдовала за матерью.

— Я же виновата! — сказала Биби и преспокойно принялась за свою работу.

Огорченіе, которое причинила она на этотъ разъ сестрѣ, было очень сильно. Надежда Павловна, позабывъ всякій расчетъ на наслѣдство, прислала черезъ нѣсколько минутъ Соню въ гостиную.

Та первоначально подошла къ отцу.

— Папаша! Мамаша велѣла вамъ сказать о лошадяхъ... Послѣ обѣда мы поѣдемъ

Что-то въ родѣ улыбки промелькнуло на лицѣ Биби. Соня подошла къ ней.

— Мамаша велѣла васъ спросить, сколько вы послали братцу, и вотъ она деньги прислала вамъ, — говорила она, протягивая къ теткѣ руку съ пачкой ассигнацій.

Биби покраснѣла.

— Я не беру назадъ того, чѣмъ дарю,—сказала она, хоть бы однимъ членомъ пошевелившись.

Соня на нѣкоторое время осталась сконфуженною.

Сначала она, съ потупленною головой, пошла-было къ матери, потомъ тотчасъ же вернулась оттуда и сѣла опять около дѣдушки. Петръ Григорьевичъ, не совсѣмъ понявшій переданное ему отъ жены приказаніе, обратился къ дочери.

— Да-съ,—отвѣчала Соня, и въ это время какая-то мгно-

венная игра во взорахъ произошла между нею и Александромъ, который сейчасъ послѣ того всталъ и пошелъ за Басардинымъ.

Тонкій слухъ Биби донесъ ей, что и онъ тоже велѣлъ себѣ закладывать лошадей.

— Ты это куда?—спросила она, когда Александръ возвратился.

— Нужно, бабенька; мнѣ въ городѣ еще надобно пробыть; потомъ къ маменькѣ заѣхать; въ дорогѣ тоже дня четыре пробудешь...—говорилъ онъ, краснѣя и путаясь.

— Врешь все!—сказала Биби и, по самолюбію своему, ничего больше не прибавила. Она очень хорошо видѣла, что внукъ оказывалъ въ этомъ случаѣ Басардинымъ предпочтеніе противъ нея, но объ истинной тому причинѣ врядъ ли догадывалась. Обоихъ молодыхъ людей она еще считала за совершенныхъ дѣтей.

Передъ самымъ отъѣздомъ Соня выкинула маленькую и не совсѣмъ, кажется, искреннюю штучку. Оставшись случайно съ теткой вдвоемъ, она вдругъ бросилась къ ней на шею и проговорила:

— Тетенька, простите маменьку!

— Я ничего не имѣю противъ нея,—отвѣчала сухо Биби и затѣмъ, объявивъ племянницѣ, что ботиночки она вышлетъ ей въ городъ съ первою же оказіей, повѣсила ей на шею маленькій образокъ Митрофанія на золотой цѣпочкѣ, но и только!

При разставаньи всѣ пошли первоначально проститься со старикомъ, который и не уразумѣлъ, что̀ это такое, и попрежнему повторилъ свое: «ну вотъ! ну вотъ!». Биби простилась съ нѣкоторымъ чувствомъ съ однимъ только Петромъ Григорьевичемъ и сказала ему: «прощай, мой другъ!». Всѣ тронулись. Александръ на своей щеголеватой тройкѣ, которую мать дала ему въ распоряженіе, поѣхалъ впереди. Онъ упросилъ также сѣсть съ собой и Петра Григорьевича, а парѣ его и Митькѣ съ Дарьей велѣно было ѣхать сзади.

Надежда Павловна, сѣвъ въ экипажъ, дала полную волю своему гнѣву и горю.

— Этакое зелье... змѣя!..—повторяла она нѣсколько разъ.

— Кто это, мамаша? тетенька?—спросила Соня.

— Да,—отвѣчала Надежда Павловна и продолжала:—этакая чертовка... вѣдьма!

Бѣдная женщина такъ была взволнована, что совершенно забыла свой обычно-приличный тонъ и всякую осторожность въ присутствіи дочери.

Морозъ между тѣмъ съ закатомъ солнца страшно свирѣпѣлъ; лошади, сплошь покрытыя инеемъ, бѣжали быстро; по-

лозья скрипѣли, какъ будто бы ѣхали по льду. Кучера, а въ томъ числѣ и флегматическій Митька, безпрестанно соскакивали съ передковъ и бѣжали около повозокъ. Потапъ, забравшись на барское мѣсто, хоть бы чортъ все побралъ, пересталъ ужъ и править лошадьми. У Надежды Павловны, отъ холода и душевныхъ волненій, до сумасшествія болѣла голова. Даже Петра Григорьевича, несмотря на капитальный запасъ собственной теплоты, сильно пробирало. Его потертые медвѣди какъ бы совсѣмъ отказались служить ему. «Шубой тоже называется, шваль этакая!»—начиналъ онъ думать съ нѣкоторой досадой.

Такимъ образомъ только два существа были тутъ счастливы: студентъ, который съ какимъ-то опьянѣніемъ думалъ, что̀ съ нимъ будетъ сегодня же вечеромъ, и Соня въ своемъ тепломъ салопчикѣ, мечтавшая, какъ и съ кѣмъ она будетъ танцовать на балахъ. Передъ ними обоими мысли разстилались длинною и заманчивою пеленой.

VII.

Блаженнѣйшія минуты.

Басардины всегда останавливались ночевать въ Захарьинѣ у Никиты Семенова, мужика зажиточнаго, нѣсколько дерзкаго и грубаго на языкъ, но правдиваго и рѣшительно всѣхъ своихъ постояльцевъ — и мужика и барина—одинаково разумѣвшаго.

Въ большой избѣ его была зажжена огромная лучина и не было ни души. Самъ онъ только сейчасъ возвратился съ базара и, въ одной рубахѣ, съ желѣзнымъ подсвѣчникомъ въ зубахъ, что-то не совсѣмъ ловко возился съ запоромъ, который никакъ не входилъ у него въ скобку. Погнуло ли ее, проклятую, или у самого Никиты косило въ глазахъ, прахъ ее знаетъ!

Хозяйка его, большуха, поила въ коровьей избѣ теленка, который никакъ не хотѣлъ совать морду въ крынку, но, принявъ наконецъ ея палецъ за материнскій сосокъ, принялся тянуть молоко. Бабушка-старуха, со внучатами, давно уже спала въ третьей избенкѣ.

Въ окно большой избы громко застучали кнутовищемъ... Никита, услыхавъ это, выглянулъ со свѣчой за калитку и, узнавъ своего стараго пріятеля, сиваго меренка, тотчасъ же отпахнулъ ворота и поднялъ одною рукой длинную подворотню.

— Въѣзжайте!—проговорилъ онъ.

Первый изъ саней выскочилъ Петръ Григорьевичъ: едва

снявъ съ себя шапку и сбросивъ свою шубенку, онъ прямо полѣзъ на печь.

— Этакого чорта мороза еще и не бывало,—объяснялъ онъ оттуда, скидая съ себя сапоги и ставя свои ноги на самое горячее мѣсто печи.

Студентъ тоже, самъ не зная какъ, отморозилъ два пальца.

Дарья, совершенно окоченѣвшая отъ холоду, ввела барыню подъ руку. Надежда Павловна сейчасъ же стала распоряжаться о чаѣ. Ее по преимуществу безпокоило, не прозябла ли Соня; но та только пылала румянцемъ, и съ ея улыбки и розовыхъ щечекъ какъ бы летѣли миріады амурчиковъ.

— Ничего, мамаша,—говорила она, когда мать вытирала ей лицо холодною водой и совѣтовала не снимать теплыхъ ботинокъ.

— Ничего!..—повторила Соня и въ дорожномъ капотцѣ, съ выпущенными бѣлыми зарукавничками, положила ручки на столъ и стала лукаво глядѣть на студента, давно уже помѣстившагося невдалекѣ отъ нея и жадно на нее смотрѣвшаго.

Надежда Павловна, напоивъ молодежь чаемъ, наконецъ вспомнила о мужѣ.

— Гдѣ же Петръ Григорьевичъ?—спросила она.

— Я здѣсь... озябъ ужасно,—отозвался тотъ съ печи.

— Какой нѣжный, скажите!—замѣтила ему на это Надежда Павловна.

— Чего нѣжный!.. Шуба никуда не годится...

Шуба въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ еще стояла коломъ. Надежда Павловна послала на печку стаканъ чаю, а у самой въ теплѣ такъ разболѣлась голова, что она и сидѣть не могла: вставъ, какъ пьяная, съ мѣста, она сказала:

— Я пойду, прилягу!

Имъ съ Соней было постлано за перегородкой.

— А ты еще посидишь? — прибавила она, обращаясь къ дочери.

— Посижу!—отвѣчала та.

Надежда Павловна осталась какъ бы въ недоумѣніи нѣсколько минутъ, но потомъ, проговоря: «хорошо!», ушла.

Въ этомъ словѣ заключалось цѣлое море материнской нѣжности. Она очень хорошо видѣла, что дочери хочется посидѣть со студентомъ, и хоть, можетъ-быть, считала это съ своей стороны не совсѣмъ приличнымъ, но не въ состояніи была воспрепятствовать тому.

Оставшись вдвоемъ, молодые люди нѣсколько конфузились другъ друга.

— Ахъ, какіе у этого господина ужасные усы!—проговорила Соня, показывая на ползшаго по столу таракана.

— А вотъ я его заключу сейчасъ, — сказалъ студентъ и обвелъ кругомъ таракана водяную окружность.

Тараканъ дѣйствительно засовалъ рыльцемъ туда и сюда и не могъ ниоткуда выползти.

— Ну что̀, освободите его!—возразила Соня и протянула-было ручку, чтобъ обтереть воду.

Студентъ не допускалъ ее. Руки ихъ встрѣтились.

— Отпустите его!—сказала наконецъ Соня строго и серьезно, и Александръ сейчасъ же ей повиновался.

Послѣ того она обратила вниманіе на висѣвшее невѣдъ образомъ яйцо.

— Ахъ, какое большое яйцо! — сказала она.

— Это, должно-бытъ, лебединое, — объяснилъ ей студентъ.

— Зачѣмъ же оно тутъ виситъ?

— У крестьянъ всегда такъ,—отвѣчалъ Александръ нехотя.

Видимо, оба они говорили совершенно не о томъ, о чемъ бы имъ хотѣлось.

Съ печки въ это время началъ ужъ явственно слышаться храпъ Петра Григорьевича.

— Опустите вашу ручку подъ столъ,—проговорилъ вдругъ Александръ, наклоняясь низко-низко надъ столомъ.

Соня сдѣлала движеніе, чтобы въ самомъ дѣлѣ опустить ручку; но въ это время дверь скрипнула. Молодые люди вздрогнули и пораздвинулись.

Въ избу вошелъ хозяинъ съ еще болѣе всклоченною головой и бородой и сталъ оглядывать избу.

— Гдѣ ваша дѣвушка-то тутъ? Шла бы ужинать!.. Дашутка!—крикнулъ онъ.

И Дарья дѣйствительно появилась откуда-то изъ-за печки, гдѣ она было-прикурнула.

— Она была здѣсь!—сказала, закусивъ губки, Соня.

— Да,—прошепталъ и студентъ не менѣе ея сконфуженнымъ голосомъ.

Дарья однако, ни въ чемъ, кажется, неповинная, смиренно ушла, а Никита не уходилъ.

— Я вотъ все на молодого-то баринка гляжу, признать никакъ не могу, чей такой?—сказалъ онъ, не спуская съ Александра глазъ

— Я Аполлинаріи Матвѣевны Баклановой сынъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Слыхалъ... Папенька-то у тебя вѣдь нынѣ померъ?

— Да!

— Ты самъ-то изъ военныхъ, что ли, али, можетъ, межевой?—продолжалъ Никита, уже садясь на лавку.

Онъ замѣтно былъ выпивши.

— Я студентъ,—отвѣчалъ Александръ.

— Въ ученьи еще, значитъ. По росту-то, словно бы и службу тянать пора.

— Это все равно, что̀ на службѣ: намъ даютъ два чина.

— За что жъ это?

— За ученье.

Никита покачалъ головой.

— Плохо что-то, паря, ваше ученье-то, — сказалъ онъ: — много тоже вотъ вашей братьи этакихъ проѣзжаетъ изъ кутейниковъ и изъ дворянства; пустой народъ, хабальный... офицеры невпримѣръ подбористѣе будутъ, складнѣе.

Александръ на это счелъ за лучшее только усмѣхнуться.

— Въ женихи, что ли, къ барышнѣ-то ладишь?—не отставалъ отъ него Никита, показывая головой на Соню.

— Нѣтъ, не въ женихи, — отвѣтилъ ему насмѣшливо Александръ.

— Намъ нельзя, мы родня,—подхватила Соня.

— Родня! Ишь ты, а!—произнесъ Никита, какъ бы удивившись.—Коли родня, значитъ, нельзя теперь.

— Отчего жъ?—спросилъ ужъ Александръ.

— Въ законѣ не показано.

— Что̀ жъ, что не показано! Это вздоръ!

— Какъ вздоръ!.. нѣтъ!.. Счастья при томъ не бываетъ. Коли тоже, гдѣ этакъ вотъ повѣнчаются, такъ опосля, чу, и не спятъ вмѣстѣ, все врозь... опротивѣетъ! — объяснилъ Никита откровенно, и Богъ знаетъ, до чего бы еще договорился; но въ дверяхъ показалось лицо Михайлы, кучера Надежды Павловны.

— Что̀ те?—спросилъ онъ его.

— Сѣна-съ!—отвѣчалъ тотъ вѣжливо.

— А не хочешь ли полѣна-съ? — отвѣчалъ ему Никита, впрочемъ, сейчасъ же всталъ и пошелъ.

Глядя на его огромную курчавую голову, двухаршинныя плечи и медвѣжью спину, неудивительно было, что онъ куражился надъ прочимъ человѣчествомъ.

— Какой онъ гадкій!—сказала по уходѣ его Соня.

— И несносный!—прибавилъ студентъ.

Ручки Сони въ это время были подъ столомъ, Александръ и свою протянулъ туда и осмѣлился взять ее за кончики пальчиковъ... Ему отвѣтили полнымъ пожатіемъ. Онъ захватилъ уже всю ручку и потомъ, наклонившись какъ бы поднять что-то съ полу, поцѣловалъ ее.

— Перестаньте,—шепнула Соня.

— Отчего же?—спросилъ Александръ.

— Такъ, я и то уже сдѣлала три ступени къ пороку,—говорила Соня.

— Нѣтъ, отчего же?—повторилъ студентъ.

Блаженству ихъ не было предѣловъ!

Часто, глядя на казармоподобные дома городовъ, слыша вѣчные толки о житейскихъ, служебныхъ и политическихъ дрязгахъ, глядя по театрамъ на бездарныхъ актеровъ, слушая музыку, которая больше бьетъ васъ по нервамъ, чѣмъ по душѣ, невольно приходилось думать: «гдѣ жъ поэзія въ наше время?». А вотъ гдѣ! На постояломъ дворѣ Никиты Семенова!.. Въ какомъ-нибудь маленькомъ домикѣ, гдѣ молодая мать, съ обнаженною шеей и распущенною косой, глядитъ на своего милаго ребенка: кругомъ ея нищета, а она на небѣ... На небольшой холмъ вышелъ труженикъ мысли, извѣдавшій своимъ разумомъ и теченіе водъ земныхъ и ходъ свѣтилъ небесныхъ, а теперь съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ глядитъ на закатъ солнца и на окружающій его со всѣхъ сторонъ пурпуръ облаковъ!.. Сонный таперъ въ большой, грязной, но позолоченной комнатѣ играетъ на нестройномъ роялѣ; полупьяныя пары нетвердою поступью танцуютъ холодный и безстрастный канканъ; разбитыя и выпитыя бутылки катаются у нихъ подъ ногами; но тутъ же, въ полусвѣтѣ, рисуется стройный станъ молодой женщины и черный профиль мужчины, и они говорятъ—говорятъ—говорятъ между собой! Посреди этой душной атмосферы винныхъ паровъ, безстыдныхъ и нахальныхъ рѣчей, посреди смрада болѣзни и разврата, ихъ искреннее чувство, какъ чистый ѳиміамъ, возносится къ небу... Гдѣ поэзія? Выкинуть ее изъ жизни все равно, что выкинуть изъ міра душу, мысль.

Сальная свѣчка, освѣщавшая Соню и студента, очень однако нагорѣла и только что не гасла. Храпъ Петра Григорьевича раздавался по избѣ. Изъ комнаты Надежды Павловны не слышно было ни звука. Дарья все еще не возвращалась. Молодые люди уже нѣсколько минутъ держали другъ друга въ объятіяхъ и тихо-тихо цѣловались.

— Соня!—окликнула наконецъ мать.

— Сейчасъ, мамаша,—отвѣчала та и, вырвавшись изъ робко распустившихся рукъ Александра, ушла за перегородку и черезъ нѣсколько минутъ, вся пылающая, но, повидимому спокойная, лежала около матери.

Александръ взлѣзъ на полати.

Думали ли они, что это были послѣднія для нихъ счастливыя минуты, и что они долго потомъ не сойдутся, а если и

сойдутся, такъ далеко не полною рукой будутъ срывать розы счастья, и хорошо еще, если въ душахъ ихъ останутся отъ нихъ лепестки, не разбитые житейскими бурями и непогодами.

VIII.

Александръ совсѣмъ на небѣ.

Губернскій городъ, по случаю сошедшихся въ одно и то же время баллотировки и рекрутскаго набора, значительно оживился: на его длинныхъ и заборами наполненныхъ улицахъ стало попадаться, во всевозможныхъ деревенскихъ экипажахъ, много помѣщичьихъ физіономій. По лавкамъ болѣе обыкновеннаго толпились дамы, по большей части полныя и съ закругленными, красноватыми лицами. Петръ Григорьевичъ тоже ѣздилъ по визитамъ, сидя чопорно и прямо на своихъ пошевняхъ, и не съ неуклюжимъ Потапомъ, а съ Михайлой, и не на саврасой кобылѣ, а на жениной коренной. Легче было бы для этого бѣдняка ворочать жернова, чѣмъ дѣлать то, что̀ заставляла его Надежда Павловна. Хорошо еще, гдѣ говорили: «дома нѣтъ!», а въ другихъ мѣстахъ и принимали.

— Какъ здоровье вашей супруги?.. вашихъ дѣточекъ?—говорилъ онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, и потомъ, заключивъ все это фразой: «имѣю честь поручить себя вашему расположенію», заканчивалъ тѣмъ свое посѣщеніе.

Потъ ужъ градомъ катился съ его лба, и мысли его были въ самомъ дурномъ настроеніи.

«Выдумали эти окаянныя баллотировки, съѣзжаются тоже, толкуютъ, бѣснуются, а изъ чего, чортъ знаетъ!»—думалъ онъ, подъѣзжая къ своей квартиркѣ, которую нанимали они у Покровскаго священника во флигелькѣ.

Въ небольшой комнаткѣ, оклеенной чистенькими обоями и сейчасъ же слѣдовавшей за передней, на небольшомъ кожаномъ диванчикѣ сидѣла Соня. Въ своей утренней блузѣ, съ завитыми въ папильотки волосами, она была олицетворенная прелесть и свѣжесть.

Будь у Петра Григорьевича хоть капля эстетическаго чувства, онъ, возвратясь съ визитовъ и увидѣвъ свою дочурочку, непремѣнно бы почувствовалъ желаніе привлечь ее къ своей груди и расцѣловать ее въ губки, въ глазки, въ голову; но онъ только и есть, что робко спросилъ ее:

— А что̀, мамаша дома?

— Дома,—отвѣчала Соня.

Басардинъ сѣлъ: ему всего бы больше хотѣлось поскорѣй стянуть съ себя проклятый мундиръ, но онъ не смѣлъ этого, не зная, не пошлютъ ли его еще куда-нибудь.

Александръ, обыкновенно забиравшійся къ Басардинымъ съ ранняго утра, былъ тутъ же. Лицо его сіяло счастьемъ. Каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ Соня исполняла его какимъ-то восторгомъ. Въ сосѣдней комнатѣ Надежда Павловна все хлопотала съ бальнымъ нарядомъ дочери, которая въ этотъ день должна была въ первый разъ выѣхать въ собраніе; но Соня, напротивъ, оставалась совершенно спокойна, она даже смѣялась надъ хлопотами и безпокойствомъ матери. Будущая пожирательница мужскихъ сердецъ заранѣе предчувствовала, что выйдетъ оттуда побѣдительницей.

Надежда Павловна, утомленная, нечесаная, наконецъ вышла.

— Что̀ же столъ не накрываютъ?—сказала она усталымъ голосомъ.

Александръ сейчасъ же началъ раскланиваться. Чтобы не стѣснять Басардиныхъ въ ихъ хозяйствѣ, онъ никогда не оставался у нихъ обѣдать.

— Adieu! — сказала ему Надежда Павловна, сама хорошенько не помня, что̀ говоритъ. Соня посмотрѣла на студента съ нѣжностью. Петръ Григорьевичъ пошелъ проводить его до передней.

— Славный конь! — сказалъ онъ, когда Александръ подкрикнулъ своего извозчика, на сѣромъ въ яблокахъ жеребцѣ, съ медвѣжьею полостью на саняхъ. Чтобы представить собою вполнѣ губернскаго денди, молодой человѣкъ не ѣздилъ на своихъ дорожныхъ лошадяхъ, а нанималъ лучшаго въ городѣ лихача-извозчика. Усѣвшись въ сани и завернувшись нѣсколько по-офицерски въ свою, съ бобровымъ воротникомъ, шинель, онъ крикнулъ: «пошелъ!».

Извозчикъ сразу продернулъ его мимо басардинскихъ оконъ, при чемъ студентъ едва только успѣлъ приложиться рукой къ фуражкѣ, а Соня—кивнуть ему черезъ стекло головой.

— Славный конь! славный!—повторялъ ему вслѣдъ Петръ Григорьевичъ.

Старый кавалеристъ до сихъ поръ любилъ еще считать себя большимъ знатокомъ въ лошадяхъ, и врядъ ли это была не единственная вещь, которою онъ гордился въ жизни. Александръ между тѣмъ, черезъ двѣ-три улицы, подъѣхалъ къ большому деревянному дому. Это былъ ихъ собственный домъ. Покойный отецъ его былъ какой-то несмѣняемый предсѣдатель уголовной палаты. Онъ-то обыкновенно, изъ сожалѣнія

къ Надеждѣ Павловнѣ, выцарапывалъ Петра Григорьевича изъ-подъ суда и считалъ его въ то же время дуракомъ набитѣйшимъ. Въ прежніе годы онъ и побиралъ порядочно; но передъ смертью только и жилъ, что въ ѣду и комфортъ. Домъ у него былъ отдѣланъ на барскую руку. Александръ вошелъ съ передняго крыльца. Его встрѣтилъ губернскаго закала мрачный и грязный лакей и, проводивъ барина до кабинета, хотѣлъ-было тутъ же подать обѣдать.

— Накрой въ столовой!—сказалъ ему Александръ сколько могъ строго, и лакей, въ насмѣшку ли, или изъ угодливости, размахнулъ тамъ дубовый столище, на которомъ прежде обѣдывало человѣкъ по двадцати, покрылъ его длиннѣйшею скатертью и, поставивъ передъ приборомъ миску съ плоховатымъ супомъ собственнаго приготовленія, доложилъ барину: «готовъ-съ!». Александръ пошелъ и сѣлъ не безъ удовольствія на занимаемое прежде отцомъ его мѣсто.

Припомните, читатель, ваше юношество, первое, раннее юношество! Вы живете съ родителями. Вамъ все какъ-то неловко курить трубку или папироску въ присутствіи вашего отца. Къ вамъ пришли гости, и вы должны итти къ матери, сказать ей: «maman, ко мнѣ пришло двое товарищей, прикажите намъ подать чаю наверхъ!». Вамъ на это, разумѣется, ничего не скажутъ, но все-таки, пожалуй, сдѣлаютъ недовольную мину. Вамъ ужасно захотѣлось маленькій голубой диванъ, что̀ стоитъ въ залѣ, перенести въ вашу комнату, и вы совершенно спокойно просите объ этомъ отца, и вдругъ на васъ за это крикнутъ... О, какъ вамъ при этомъ горько, обидно и досадно! Но вотъ—родители ваши собрались и уѣхали, и вамъ не только что не грустно объ нихъ, напротивъ, вамъ очень весело! Вы полный господинъ и самого себя, и всѣхъ вещей, и всего дома. Вы съ улыбкой совершеннолѣтняго человѣка ходите по залѣ; посматриваете на шкапъ съ книгами, зная, что можете взять любую изъ нихъ; вы поправляете лампу на среднемъ столѣ, вы сдуваете наконецъ пыль съ окна. Вамъ кажется, что все это ужъ ваше.

То же, или почти то же самое, чувствовалъ и мой девятнадцатилѣтній герой.

— Тамъ въ погребѣ должно быть вино, — сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу повелительный тонъ.

— Есть,—отвѣчалъ лакей протяжно.

— Принеси мнѣ бутылку сенъ-жюльена.

Лакей неторопливо пошелъ и принесъ вино вмѣстѣ съ подгорѣлымъ жаренымъ. Александръ налилъ себѣ цѣлый стаканъ и сталъ изъ него самодовольно прихлебывать.

— Затопи каминъ!—распорядился онъ еще разъ.

Лакей повиновался и, возвратясь, притащилъ цѣлую охапку сырыхъ дровъ.

— Затопи каменнымъ углемъ; развѣ нѣтъ каменнаго угля?—воскликнулъ Александръ.

Лакей, ни слова не отвѣтивъ, унесъ дрова назадъ и вмѣсто нихъ принесъ, въ полѣ собственнаго сюртука, около пуда угля и, вваливъ все это въ каминъ, принялся, съ раскраснѣвшимся и озлобленнымъ лицомъ, раздувать огонь.

Александръ ушелъ въ кабинетъ и тамъ, сѣвъ за письменный столъ отца, къ которому прежде прикоснуться не смѣлъ, написалъ записочку:

«Любезный другъ! Я пріѣхалъ и затѣваю ужасную вещь! Если ты свободенъ, пріѣзжай поболтать, съ симъ же посланнымъ. Мнѣ нужно обо многомъ съ тобой поговорить».

Надписавъ на конвертѣ: «Венявину», онъ это письмо велѣлъ свезти извозчику, а самъ, надѣвъ бархатный, съ таліей и съ шелковыми кистями, халатъ, нарочно сшитый имъ въ Москвѣ для произведенія въ провинціи эффекта, возвратился въ столовую.

Тамъ огонь уже ярко пылалъ въ каминѣ, зимнія сумерки совершенно потухали, и стекла оконъ сдѣлались какъ бы покрыты сзади сажей. Александръ пододвинулъ къ огню козетку и прилегъ на нее. Окружающіе его предметы все болѣе и болѣе принимали какой-то странный видъ: длинная, отдѣланная подъ дубъ комната казалась безконечною; по ней какъ-то величественно протягивался обѣденный столъ, покрытый бѣлою скатертью. Черный буфетъ рококо имѣлъ какую-то средневѣковую, солидную наружность. Картины на стѣнахъ, изображавшія разрѣзанный арбузъ, дыню, свеклу, мертваго зайца, свиной окорокъ, скорѣй представляли собой какія-то цвѣтныя пятна, чѣмъ опредѣленной формы рисунки. Толстая драпировка, висѣвшая на дверяхъ въ кабинетѣ, слегка, но безпрестанно колебалась.

Александру начало дѣлаться немного страшно. Онъ живо припомнилъ покойнаго отца, какъ тотъ, шлепая туфлями, сходилъ сверху изъ спальни въ кабинетъ, и теперь въ самомъ дѣлѣ въ коридорѣ раздались какъ будто чьи-то шаги... Александру такъ и чудилось, что вотъ-вотъ надъ головой его раздастся гробовой голосъ!.. Онъ еще не былъ чуждъ дѣтскихъ ощущеній. Шаги наконецъ явственно стали слышны. Онъ не вытерпѣлъ и закричалъ:

— Семенъ, кто тутъ?

— Это я, другъ мой милый,—произнесъ чей-то необыкновенно добрый голосъ.

Въ комнату входилъ привезенный извозчикомъ Венявинъ, бѣлокурый студентъ, съ широкимъ лицомъ, съ торчащими прямо волосами и весь какъ бы погнутый напередъ.

— Здравствуй! Садись!—произнесъ Александръ, не перемѣняя положенія и не совсѣмъ успокоившимся голосомъ.

Венявинъ сѣлъ на ближайшее кресло.

— Какъ у тебя тутъ чудесно! Точно какая-нибудь таинственная ниша!—говорилъ онъ, оглядываясь.

Александръ молчалъ.

— Ну, скажи однако, давно ли сюда прибыть изволилъ?

— Дня три.

— Съ *нею*, значитъ, ужъ видѣлся?

Послѣднія слова Венявинъ произнесъ, устремляя на пріятеля лукаво-добродушный взглядъ.

— Разумѣется,—отвѣчалъ Александръ и закинулъ какъ бы въ утомленіи голову назадъ.

— Въ такомъ случаѣ извольте разсказывать, какъ и что̀ было,—продолжалъ Венявинъ, самодовольно упирая руки въ колѣни и не спуская съ пріятеля добраго взгляда.

— А было,—отвѣчалъ тотъ (онъ все еще не спускалъ глазъ съ драпировки, которая не переставала шевелиться):—что я сталъ къ ней въ такія отношенія, при которыхъ уже пятиться нельзя!—прибавилъ онъ съ разстановкой.

Венявинъ даже поблѣднѣлъ.

— Какъ такъ?

— Такъ!

И Александръ еще дальше закинулъ голову назадъ.

— Она была,—продолжалъ онъ, закрывая глаза:—грустна, какъ падшій ангелъ... Только и молила: «что̀ вы со мной дѣлаете?..» Но я былъ бѣшеный!—прибавилъ онъ, сжимая кулаки.

Далѣе Александръ не продолжалъ и, повернувшись внизъ лицомъ, уткнулся головой въ спинку козетки.

— Но гдѣ же и когда это было, безумный ты человѣкъ!—воскликнулъ Венявинъ, сгорая любопытствомъ и удивленіемъ.

— Въ Захарьинѣ, на постояломъ дворѣ,—отвѣчалъ Александръ глухимъ голосомъ.

Читатель очень хорошо видитъ, что молодой человѣкъ тутъ лгалъ безбожно, немилосердно! Но что̀ дѣлать? Это была не ложь, а скорѣе черезчуръ разыгравшаяся мечта!

Огонь въ каминѣ между тѣмъ горѣлъ красноватымъ пламенемъ. Фантастическому характеру бесѣды сталъ нѣсколько подпадать и Венявинъ: онъ сидѣлъ, какъ ошеломленный.

— Я всегда боялся одного,—началъ онъ какимъ-то настав-

ническимъ голосомъ:—что ты увлечешься, надѣлаешь глупостей и погубишь твою даровитую, скажу болѣе, геніальную натуру!

На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе, какъ бы говоря непреложнѣйшую истину.

— Но изъ чего ты это видишь?—отозвался Александръ насмѣшливо.

— Изъ всего. И какъ теперь эта дѣвушка ни прелестна, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, но все-таки ты долженъ оставить ее.

Александръ молчалъ и не перемѣнялъ положенія.

— А что же съ ней послѣ будетъ?—проговорилъ онъ наконецъ.

О выдуманномъ имъ положеніи онъ разсуждалъ, какъ будто бы это была полнѣйшая дѣйствительность.

Венявинъ пожалъ плечами.

— Пускай винитъ самое себя,—сказалъ онъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица.

«Бумъ!»—раздалось въ эту минуту.

Александръ взмахнулъ головою.

— Часы, должно-быть,—замѣтилъ Венявинъ.

Въ комнатѣ въ самомъ дѣлѣ пробили полугодовые часы, заведенные еще рукою покойнаго старика, и Александру почудился въ нихъ его голосъ. Въ какой-то непонятной для него самого тоскѣ, онъ опять прилегъ. Нервы его были сильно возбуждены.

— Что жъ однако ты намѣренъ дѣлать? — не отставалъ отъ него Венявинъ.

— Ничего... Останусь здѣсь... Напишу матери и женюсь,— отвѣчалъ Александръ.

— И не кончишь курса?

— Конечно.

Венявинъ схватилъ себя за голову.

— О, безуміе! безуміе! — воскликнулъ онъ и, очень ужъ огорченный, всталъ и отошелъ къ окну.

Въ комнатѣ опять воцарилось молчаніе, и только ходилъ не то трескъ, не то шелестъ, который часто бываетъ въ нежилыхъ, пустыхъ покояхъ. На горизонтѣ вдали, какъ бы огромнымъ заревомъ пожара, показывалось красноватое лицо луны.

— Ты этого, другъ любезный, не имѣешь права сдѣлать,— бормоталъ Венявинъ:—тебя, можетъ-быть, ждетъ министерскій портфель; тебя ждетъ родина, Александръ! Ты передъ ней долженъ будешь дать отвѣтъ за себя.

Говоря это, добрякъ нисколько не льстилъ. Онъ былъ то-

варищъ Александра по гимназіи, и теперь они вмѣстѣ учились въ университетѣ. Умненькій, красивый собою и получившій нѣсколько свѣтское воспитаніе, Баклановъ рѣшительно казался Венявину какимъ-то полубогомъ.

— Господи, Боже мой!—продолжалъ онъ въ своемъ углу:— сама дѣвушка, если бы только растолковать ей, не потребовала бы этой жертвы. Женщины рождены на самоотверженіе, а не на то, чтобы губить насъ.

Александру въ это время, передъ его умственнымъ окомъ, представлялось, что Соня уже живетъ съ нимъ въ этомъ домѣ, и вотъ она, въ бѣлой блузѣ, вся блистающая, входитъ и садится около него на козеткѣ. Онъ чувствуетъ, какъ она прикасается къ нему теплою грудью и съ стыдливымъ румянцемъ шепчетъ ему

— А что̀, если она будетъ матерью? — проговорилъ онъ вдругъ, оборачивая къ пріятелю лицо.

У того при этомъ волосы и уши заходили на черепѣ.

— И въ такомъ случаѣ ты долженъ оставить ее,—сказалъ онъ, не шевелясь съ мѣста.

Ему было слишкомъ тяжело произносить эти суровые приговоры; но что̀ дѣлать!—надобно было спасать пріятеля, и спасать еще для блага отечества.

— Хорошо такъ говорить,—отвѣчалъ Александръ со вздохомъ.—Семенъ!—крикнулъ онъ.

Тотъ вошелъ.

— Одѣваться!

— Покажи ты мнѣ ее, я хочу ее видѣть! — проговорилъ Венявинъ, выходя наконецъ изъ угла.

Въ томъ, что пріятель во всей этой исторіи прилыгалъ, онъ и тѣни не имѣлъ подозрѣнія: онъ вѣрилъ въ его силу и могущество во всѣ стороны.

— Поѣзжай сегодня въ собраніе и увидишь,—отвѣчалъ Александръ.

— Въ собраніе-то, братецъ, ѣхать какъ-то не того... не привыкъ я!

— Поѣзжай на хоры.

— На хоры еще пожалуй.

Семенъ въ это время принесъ Бакланову его бальную форму.

— Какой вѣдь, чертенокъ, стройненькій,—говорилъ Венявинъ, когда Александръ затягивалъ ремнемъ свои мундирныя брюки.—А воротникъ, братъ, чудный. Чудо какъ вышитъ!— любовался онъ.

Все, что̀ принадлежало Александру, Венявину казалось необыкновенно какимъ прекраснымъ.

— Ну, такъ прощай! Зайду къ матери и явлюсь,—сказалъ онъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Александръ.

Раздраженно-нервное состояніе въ немъ еще продолжалось. Совсѣмъ уже собравшись и выходя, онъ сказалъ въ передней человѣку:

— Ты ляжешь у меня въ кабинетѣ, дворнику тоже вели, какъ и вчера, лечь въ столовой, а кучеру—въ лакейской!

— Кучеръ говоритъ, что ему надобно-съ быть около лошадей,—объяснилъ-было ему лакей.

— Чтобы чортъ все побралъ! — крикнулъ Александръ и сѣлъ въ сани.

На улицѣ луна освѣтила его фигуру, экипажъ, кучера и лошадь яркимъ бѣлымъ свѣтомъ.

IX.

Спущенъ на землю.

Домъ дворянскаго собранія горѣлъ всѣми своими двадцатью пятью окнами. Публики ожидалось довольное число. Въ каждую баллотировку обыкновенно говорили: «Ну, сегодня вся Таганка въ собраніе тронется». Дамы высшаго общества, то-есть жены мужей пятаго класса, за исключеніемъ губернаторши, бывшей тутъ почти по обязанности своей службы, обыкновенно не ѣздили въ эти собранія и даже дамъ и кавалеровъ, бывавшихъ тамъ, называли вторничными кавалерами и вторничными дамами (собраніе всегда бывало по вторникамъ). Надежда Павловна по своему состоянію могла вывезти дочь только въ собраніе. Бывать же съ ней на балахъ и на вечерахъ она не имѣла ни средствъ ни знакомствъ.

Проиграли уже ритурнель передъ кадрилью, когда Александръ, съ воодушевленною физіономіей, вошелъ въ залу, и первое, что взмахнулъ глазами на хоры: добродушное лицо Венявина уже виднѣлось оттуда. Александръ, надѣвъ на носъ пенсне и закинувъ нѣсколько голову назадъ, началъ обводить глазами залу. Онъ не былъ близорукъ, но носилъ это орудіе собственно для того, чтобы представить собою человѣка мыслящаго и занимающагося. Около балюстрады, на самомъ видномъ мѣстѣ залы, онъ увидѣлъ Надежду Павловну съ дочерью; Петра Григорьевича, къ величайшему его блаженству, покинули дома.

Соня, выше почти всѣхъ другихъ дѣвицъ, съ развитою вполнѣ грудью (Александръ въ первый еще разъ видѣлъ ее въ бальномъ нарядѣ), въ бѣломъ роскошномъ платьѣ, на ко-

горомъ съ удивительнымъ умѣніемъ было брошено нѣсколько розановъ, съ черной косой, въ которую тоже впивались два розана,— весело разговаривала съ высокимъ, стройнымъ полковникомъ въ бѣлыхъ серебряныхъ эполетахъ и съ бѣлымъ аксельбантомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, но какъ бы стремясь къ нему всѣмъ тѣломъ, стояла губернаторша. Начальникъ губерніи, несмотря на свою гордость, тоже замѣтно старался держать себя невдалекѣ отъ этой группы.

Все это Александра сильно удивило.

Разговаривавшій съ Соней былъ присланный по наборамъ флигель-адъютантъ Корнѣевъ. До какой степени онъ съ первыхъ своихъ шаговъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ дамъ, авторъ даже затрудняется сказать. Отъ большей части дамъ только и слышно было: «У меня былъ Корнѣевъ!», «Корнѣевъ то же разсказывалъ!», «Корнѣевъ говоритъ, что онъ знакомъ съ m-me Віардо!». И хорошо еще, если бы въ этомъ случаѣ прекраснымъ поломъ руководствовала любовь къ изящному (Корнѣевъ дѣйствительно былъ красивъ собою); но нѣтъ: тутъ лежало въ основаніи гораздо болѣе ничтожное, чтобы не сказать—холопское чувство.

Когда музыканты заиграли кадриль, Соня преспокойно подала руку флигель-адъютанту и пошла съ нимъ. Это ужъ совершенно озадачило студента. Первую кадриль она еще въ Ковригинѣ обѣщалась танцовать съ нимъ. Нѣсколько сконфуженный, но заложивъ руку за бортъ мундира и выпячивая грудь, онъ гордо подошелъ къ ней.

— Вы обѣщались эту кадриль танцовать со мной, — сказалъ онъ.

— Ахъ, да, pardon!.. Я и забыла... Ну, ничего, все равно, слѣдующую, — проговорила она скороговоркой и, какъ ни въ чемъ не бывало, не обернулась къ своему кавалеру.

— Да какъ же это?—забормоталъ-было Александръ.

— Не могла жъ она отказать флигель-адъютанту, какой ты глупый! — объяснила ему напрямикъ находившаяся невдалекѣ Надежда Павловна.

Александръ этимъ окончательно обидѣлся. Сдѣлавъ презрительную мину, онъ отошелъ и сѣлъ на дальній стулъ. Наверхъ, на хоры онъ не смѣлъ и взглянуть, до того ему было стыдно Венявина. Но это было еще только начало его мученій. Соня безпрестанно разговаривала съ своимъ кавалеромъ, вскидывала на него свои чудные глаза и мѣшалась въ кадрили. Чтобы не видѣть этого, Александръ отвернулся и съ упорствомъ школьника сталъ смотрѣть на одну точку совершенно въ противоположной сторонѣ.

Наконецъ подали сигналъ ко второй кадрили.

Онъ всталъ и пошелъ. Соня въ это время разсѣянно стояла посреди залы.

— Надѣюсь, что эту кадриль я съ вами танцую, — проговорилъ онъ ей мрачно.

— Да, — отвѣчала Соня, а между тѣмъ глаза ея кого-то искали по залѣ.

Александръ, ставъ около нея, даже не предложилъ ей стула. Онъ рѣшился быть дерзкимъ съ ней.

— Вы съ такимъ удовольствіемъ танцовали съ вашимъ кавалеромъ. Вотъ, я думаю, разсыпалъ передъ вами перлы ума! — сказалъ онъ насмѣшливо.

— Да, онъ премилый, — отвѣчала Соня, какъ бы не понявъ

Александръ закусилъ губы.

— Я все теперь вспоминаю о Захарьинѣ!—продолжалъ онъ. перемѣнивъ тонъ.

— Что̀?—спросила Соня, какъ бы не разслышавъ.

— О Захарьинѣ!—повторилъ студентъ и вздохнулъ.

Въ лицѣ Сони промелькнуло что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки, но потомъ она вдругъ вся засіяла радостью. Къ ней, пробираясь между парами, ловкою, но осторожною походкой подходилъ Корнѣевъ. Это превышало всякую мѣру терпѣнія. Александръ рѣшился наговорить ему дерзостей, толкнуть его и вызвать на дуэль. Корнѣевъ выразилъ Сонѣ просьбу, чтобъ она представила его матери.

— Ахъ, да, да!—почти воскликнула Соня и безпрестанно стала обращаться къ нему то со взглядомъ, то съ вопросомъ.

Корнѣевъ отвѣчалъ ей, но стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Александръ никакимъ образомъ не могъ придраться къ нему.

Послѣ кадрили Корнѣевъ представился Надеждѣ Павловнѣ. У той отъ радости ротъ распространился до ушей. Она улыбалась, кланялась, пылала румянцемъ. На нее Александръ сердился еще болѣе, чѣмъ на Соню.

«Презрѣнная тварь, торгующая своей дочерью», — шевелилось въ его душѣ.

Между тѣмъ вниманіе блестящаго петербургскаго кавалера къ бѣдной, но прекрасной собою дѣвушкѣ сейчасъ же возъимѣло свои послѣдствія. Отпускной конно-піонеръ, лучшій полькеръ въ городѣ, пригласилъ ее на польку. Эффектъ, который Соня произвела при этомъ своимъ высокимъ, граціознымъ станомъ, былъ выше всякаго описанія. Одинъ изъ самыхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, чиновникъ особыхъ порученій и врядъ ли не камеръ-юнкеръ, пригласилъ ее на кадриль, наконецъ самъ губернаторъ провальсировалъ съ нею,

при чемъ фалды на его армейскомъ заду ужасно смѣшно раздувались. Но Соня и съ нимъ была прелестна. Александръ самъ, своими ушами, слышалъ, какъ флигель-адъютантъ, ходя съ губернаторшей, говорилъ ей:

— Она первая здѣсь красавица!

— Поздравляю, вы ужъ, значитъ, влюблены? — замѣчала ему та.

— Рѣшительно,—отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.

У Александра недостало болѣе силъ переносить всей этой, по выраженію его, гадости. Онъ вышелъ въ другія комнаты и началъ безъ всякой цѣли шляться около игроковъ. Къ нему подошелъ клубный лакей.

— Васъ проситъ какой-то господинъ на хоры, — сказалъ онъ.

— Скажите, что не пойду, — отвѣчалъ-было сначала Александръ съ досадою; но, сообразивъ, что это будетъ совсѣмъ ужъ неловко, остановилъ лакея.—Погоди, постой! Я пойду!

И дѣйствительно вышелъ на хоры.

Венявинъ встрѣтилъ его тамъ съ своимъ добродушно-улыбающимся лицомъ.

— Которая она? Та, что̀ съ тобой кадриль танцовала? — спросилъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ Александръ.

— Прелесть какая, братецъ, а! Чудо! Дѣлаетъ честь твоему вкусу. Я вотъ давеча тебя укорялъ, а какъ теперь посмотрѣлъ на васъ въ парѣ, такъ бы сейчасъ поставилъ васъ подъ вѣнецъ.

Слова эти острымъ ножомъ рѣзали сердце Александра.

— Только за ней что-то флигель-адъютантъ очень ужъ пріударяетъ, — продолжалъ Венявинъ.

Александръ ничего не отвѣчалъ.

— Да и она что-то къ нему льнетъ! — не отставалъ мучить его Венявинъ.

— Это все нарочно... маска! — едва нашелся Александръ.

— Вотъ оно что̀! — произнесъ простодушно добрякъ.

— Я съ ней больше и танцовать не буду, — сказалъ Александръ и, взглянувъ въ это время внизъ и видя, что Соня становится съ флигель-адъютантомъ въ мазуркѣ, онъ прибавилъ: — я сейчасъ уѣду домой.

— А я такъ посижу еще, полюбуюсь ею.

— Любуйся, сколько хочешь; а мнѣ, признаться, немножко ужъ это и наскучило! — произнесъ Александръ и пошелъ: въ голосѣ его слышалось цѣлое море горя и досады.

Ревность, говорятъ, есть усиленная зависть; въ ней мы и

оплакиваемъ потерянное нами счастье и завидуемъ, что имъ владѣетъ другой.

Возвратившись домой, Баклановъ изрыгалъ проклятья, рвалъ на себѣ волосы, дрыгалъ на постели ногами. Избалованный, а отчасти и по самой натурѣ своей, онъ любилъ страдать шумно.

X.

Выборы.

Въ той же самой залѣ, гдѣ безпечная младость танцовала и веселилась, совершалось и серьезное дѣло жизни—баллотировка. Если бы надобно было сказать, какая въ ней преобладала партія, я не задумавшись бы сказалъ: губернаторская. Начальникъ губерніи, обыкновенно очень просто и безъ всякой церемоніи, призывалъ къ себѣ нѣсколько дворянъ повліятельнѣй и прямо имъ говорилъ: «Пожалуйста, господа, на такое-то мѣсто выберите такого-то!». И когда выбирали другого, онъ его не утверждалъ, а если нужно было представить на утвержденіе, такъ дѣлалъ такого рода отмѣтки: «неблагонадеженъ», «преданъ пьянству и картамъ»; но чаще всего и всего успѣшнѣе опредѣлялъ такъ: «читаетъ иностранные журналы и прилагаетъ ихъ идеи къ интересамъ дворянства», и выбраннаго, разумѣется, отстраняли. Въ настоящую баллотировку, впрочемъ, все шло благополучно: по уѣздамъ она была кончена, и выбирались губернскія власти. Около стола губернскаго предводителя толпилось дворянство въ отставныхъ военныхъ, а еще болѣе того въ дворянскихъ мундирахъ. Басардинъ, въ своемъ бѣломъ кирасирскомъ колетѣ, въ своихъ лосинахъ и ботфортахъ, сохраненныхъ имъ еще отъ полковой службы, тоже стоялъ у окна. Лицо его не выражало ничего. Онъ ужъ баллотировался и въ исправники, и въ судьи, даже въ засѣдатели; но никуда не попалъ. Надежда Павловна не помнила себя съ горя и къ тому же, ко всѣмъ ея радостямъ, получила письмо отъ сына, который начиналъ и оканчивалъ тѣмъ, что просилъ у нея денегъ.

«Какъ сынъ русскаго кавалериста,—писалъ онъ:—я считаю унизительнымъ посвятить себя пѣхотной службѣ; а потому хочу выйти офицеромъ въ кавалерію. Прошу васъ, маменька, прислать мнѣ реверсъ, что вы обезпечиваете мнѣ содержаніе».

— Ну да, я тебѣ дамъ, пришлю тебѣ реверсъ, сынъ русскаго кавалериста! — говорила бѣдная женщина, чуть не рвя на себѣ волосы.

Мужа своего она не могла видѣть безъ нервнаго раздраженія. Чтобъ испытать послѣднее и почти безнадежное средство, она велѣла ему баллотироваться въ депутаты въ дорожную комиссію и сегодня, ради этого, еще до свѣту разбудила его и отправила. Такимъ образомъ Петръ Григорьевичъ въ мундирѣ и ботфортахъ съ семи часовъ утра стоялъ уже въ собраніи. Когда онъ заявилъ о своемъ желаніи баллотироваться, губернскій предводитель даже усмѣхнулся.

— Вездѣ и на все считаете себя способнымъ, — проговорилъ онъ.

— Не оставьте!—сказалъ какъ-то односложно Басардинъ и отошелъ на свое мѣсто.

При баллотированіи его вышелъ такого рода случай, что бо́льшая часть, кладя ему шары, думали: «этому дуралею всѣ, вѣроятно, положатъ налѣво, положить ужъ ему направо». Другіе подсыпали ему бѣлковъ по добротѣ душевной, имѣя привычку всѣмъ класть бѣлые шары; третьи наконецъ вотировали за него, чтобы какъ-нибудь не выскочилъ на это мѣсто его конкурентъ, прощалыга Колоколовъ.

Губернскій предводитель, сосчитавъ шары, звучнымъ, но не лишеннымъ удивленія голосомъ произнесъ:

— Г. Басардинъ выбранъ и все почти бѣлыми.

При этомъ многіе не могли удержаться и, разведя руками, проговорили другъ другу: «Вотъ вамъ и баллотировка наша!».

Самъ же Петръ Григорьевичъ, все продолжавшій стоять у окна, слегка только вспыхнулъ и, раскланявшись передъ дворянствомъ, объяснилъ:

— Постараюсь заслужить...

— Да, да, постарайся, Петруша!—замѣтилъ ему Неплюевъ, сосѣдъ его по деревнѣ и совершенно безъ церемоніи съ нимъ обращавшійся:—прежде только пять дураковъ тебѣ клали направо, а теперь набралось ихъ пятьдесятъ. Слава Богу, совершенствуемся!

Общій хохотъ распространился по залѣ; но Петръ Григорьевичъ нисколько этимъ не обидѣлся и самъ улыбался. Онъ, кажется, хорошенько и не понялъ, въ чемъ тутъ соль-то заключалась, и затѣмъ спокойнѣйшимъ манеромъ, достоявъ всю баллотировку, сошелъ съ лѣстницы степенною, неторопливою походкой, сѣлъ въ свои розвальни и прибылъ домой.

— Выбрали... въ депутаты въ комиссію,—сказалъ онъ совершенно не взволнованнымъ голосомъ.

— Боже мой! — вскрикнула Надежда Павловна и, истерически зарыдавъ, бросилась передъ образомъ на колѣни.—Благодарю Тебя, Царица Небесная! Благодарю, Іисусе Христе,

что не далъ несчастнымъ совершенно погибнуть!..—бормотала она, всплескивая руками, и потомъ обратилась къ мужу:—Да встань и ты, помолись, безчувственный ты человѣкъ!

Петръ Григорьевичъ повиновался. Ставъ на одно колѣно и дѣлая, по обыкновенію своему, маленькія крестныя знаменія, онъ началъ молиться.

Соня, слышавшая все это изъ сосѣдней комнаты, тоже прибѣжала.

— Мамаша! Папаша, вѣроятно, выбранъ!—вскричала она.

Послѣдніе дни она еще какъ-то больше развилась и стала совершенно похожа на взрослую дѣвицу.

— Выбранъ, другъ мой, выбранъ! — отвѣчала Надежда Павловна, а у самой слезы такъ и текли по впалымъ щекамъ.

Мать и дочь бросились другъ другу въ объятія. Соня послѣ того бросилась на шею отцу. Петра Григорьевича наконецъ пробрало, и у него навернулись слезы.

— Ну, папаша, смотри же, служи хорошенько! — говорила ему Соня.

— А вотъ я напередъ говорю,—сказала Надежда Павловна:—что если онъ и въ этой должности что-нибудь набѣдокуритъ или проротозѣйничаетъ, я разойдусь съ нимъ... Пускай живетъ гдѣ хочетъ и на что хочетъ.

— Я буду служить,—отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

— Тамъ вонъ, говорятъ,—продолжала Надежда Павловна настоятельно:—берутъ съ каждаго подрядчика по десяти процентовъ, и этихъ доходовъ упускать нечего; другіе не попадаются же, и ты попадаться не долженъ.

— Я буду не упускать,—отвѣчалъ и на это пятидесятилѣтній ребенокъ и принялся стягивать съ себя свой мундиръ.

— Постой, папа, я тебѣ помогу, — говорила Соня, очень ужъ довольная, что отецъ выбранъ, и что она останется въ городѣ.

— Ф-фу, хомутъ проклятый!—говорилъ Петръ Григорьевичъ, съ наслажденіемъ разстегивая свой, черезчуръ ужъ узкій ему мундиръ.

Затѣмъ послѣдовала довольно умилительная сцена.

— Людямъ дать водки!.. водки!—говорила радостно-хлопотливо Надежда Павловна, и потомъ, когда въ комнату пришла Дарья, она сказала ей:

— Дура!.. Дарья!.. барина на службу выбрали!

— Вотъ, матушка!—отвѣчала та и почему-то поцѣловала у Петра Григорьевича руку.

Послѣ обѣда Надежда Павловна предложила мужу отдохнуть на ея постели, а сама отъ волненія не знала, гдѣ ужъ себѣ

и мѣсто найти; Петръ Григорьевичъ, конечно, сейчасъ же этимъ воспользовался и отхваталъ часовъ до девяти. Во все это время Надежда Павловна и Соня, чтобы не разбудить его, разговаривали между собой шопотомъ: такого почета отъ семьи онъ во всю жизнь свою еще не видалъ.

XI.

Герой теоретикъ, а героиня практикъ.

Наболѣвшее сердце недолго вѣритъ счастью. Надежда Павловна на другой же день начала клохтать и охать:—«Ну, какъ Петра Григорьевича губернаторъ не утвердитъ... Ну, какъ онъ ужъ кого-нибудь имѣетъ на это мѣсто...»

Сонѣ наконецъ наскучило это.

— Я самого его, мамаша, попрошу,—сказала она.

— Что̀ ты попросишь?..—возразила ей мать съ досадой.

Петръ Григорьевичъ тоже попробовалъ - было успокоить жену; но на него она прямо прикрикнула:

— Хоть ты-то ужъ не говори! Вонъ на дворѣ: день или ночь? Видишь ли хоть это-то?

Въ это время Соня вдругъ проговорила: «ай, мамаша!»—и убѣжала.

Надежда Павловна, взглянувъ въ окно, тоже начала проворно поправлять на себѣ чепецъ и накинула на плечи свой единственный нарядный синелевый платокъ. Къ крыльцу ихъ подъѣзжалъ на щегольской парѣ предсѣдателя казенной палаты флигель-адъютантъ. Онъ въ первый еще разъ дѣлалъ имъ визитъ, хотя въ собраніи и на балахъ съ одною Соней только и танцовалъ.

Войдя въ пріемную комнату и видя, что Надежда Павловна перекидываетъ съ дивана за ширмы какую-то ветошь, Корнѣевъ нѣсколько сконфузился.

— Pardon!—сказалъ онъ своимъ слегка картавымъ голосомъ.

— У насъ такая маленькая квартирка... По случаю баллотировки не могли найти лучше...—отвѣчала Надежда Павловна, сгорая отъ стыда, и потомъ, пригласивъ гостя садиться, сама помѣстилась на диванѣ.

По тому, какую она приняла позу, какъ завернулась въ свой синелевый платокъ, можно было видѣть, что когда-то и она была, или, по крайней мѣрѣ, готовилась быть свѣтскою женщиной: въ ея сухощавомъ тѣлѣ было что-то аристократическое,—свойство, которое наслѣдовала отъ нея и Соня.

Петръ Григорьевичъ между тѣмъ, помня военное правило,

что чинъ чина почитаетъ, продолжалъ стоять навытяжку, такъ что Корнѣевъ замѣтилъ это и, пододвигая ему стулъ, проговорилъ: «Пожалуйста». Петръ Григорьевичъ сѣлъ, но все-таки продолжалъ держать себя прямѣе обыкновеннаго.

— M-lle Sophie?—обратился Корнѣевъ въ Надеждѣ Павловнѣ.

— Она сейчасъ выйдетъ! — отвѣчала та и продолжала уже съ грустью:—мужа моего выбрали въ депутаты въ комиссію, и теперь мы въ такой, право, нерѣшительности: не знаемъ, утвердитъ ли губернаторъ, или нѣтъ!

— Отчего же? Имъ такъ нравится m-lle Sophie! — возразилъ Корнѣевъ.

— Да, но...—произнесла Надежда Павловна.

— Если позволите, я ему скажу,—присовокупилъ Корнѣевъ.

— Ахъ, пожалуйста!—воскликнула Надежда Павловна униженно-просительскимъ тономъ.

— А вы въ первый еще разъ мѣняете шпагу на перо?—обратился Корнѣевъ къ Петру Григорьевичу.

— Нѣтъ, онъ ужъ нѣсколько разъ служилъ въ штатской службѣ,—поспѣшила отвѣтить за мужа Надежда Павловна.

Она боялась, что онъ, пожалуй, не пойметъ фразы флигель-адъютанта.

— Но все какъ-то не могу привыкнуть! — объяснилъ самъ Петръ Григорьевичъ.

— О, да!—согласился Корнѣевъ.

Вошла Соня. Трудно понять, когда она успѣла поправить свой туалетъ, а главное, какъ-то удивительно эффектно завернуть свою толстую косу подъ одну гребенку.

— Bonjour!—сказала она развязно и, пройдя за столомъ мимо матери, сѣла рядомъ съ гостемъ.

Корнѣевъ сначала какъ бы не находился.

— А что m-me Михрѣева будетъ у губернаторши на балѣ?—спросила его Соня.

— Не думаю,—отвѣчалъ онъ, пожимая плечами:—по крайней мѣрѣ Марья Николаевна (имя губернаторши) очень не любитъ, когда она у нея бываетъ.

Соня нарочно намекнула на эту даму, имѣвшую привычку влюбляться во всѣхъ даже генеральскихъ адъютантовъ и теперь безбожно ухаживавшую за Корнѣевымъ.

— Вообразите, говорятъ, она каждое воскресенье ѣздитъ къ архимандриту въ гости... прилично ли это?—повторила за дочерью Надежда Павловна.

Корнѣевъ на это молча улыбнулся: не любилъ ли онъ сплетенъ, или вообще насмѣшливый разговоръ считалъ не совсѣмъ

приличнымъ для общества, но только каждый разъ, когда губернскія дамы начинали его очень сильно пробирать по этой части, онъ обыкновенно принимался крутить усы и произносить скорѣе какіе-то звуки, чѣмъ слова.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Соня какъ бы вдругъ встрепенулась вся и подвинулась на диванѣ. Къ нимъ подъѣзжалъ, тоже на щегольской сѣрой лошади, новый гость, Александръ. Увидѣвъ въ передней ильковую военную шинель, онъ позеленѣлъ отъ досады. Войдя, онъ небрежно поклонился хозяевамъ и сѣлъ.

Бѣдный мальчикъ не въ состояніи былъ скрыть волновавшихъ его чувствованій.

— Что̀ вы у насъ такъ давно не были? — спросила его Соня.

— Я былъ боленъ.

— Чѣмъ?

— Такъ, ничѣмъ!.. Какъ васъ это безпокоитъ!..—отвѣчалъ Александръ и такимъ тономъ, что всѣ, не исключая и Петра Григорьевича, посмотрѣли на него, а Соня сейчасъ же отвернулась и начала говорить съ Корнѣевымъ.

— Покажите, пожалуйста, фокусъ, который вы показывали у Марьи Николаевны... Я никакъ не могла разсказать его мамашѣ.

— Ну, что̀!—возразилъ Корнѣевъ, потупляя глаза.

— Пожалуйста!—повторила Соня.

— Но надобно карты.

Надежда Павловна сейчасъ же пошла и принесла карты.

Корнѣевъ съ улыбкой разложилъ ихъ въ формѣ четыреугольника на восемь кучекъ, по три карты въ каждой.

— Тутъ девять... тутъ, тутъ и тутъ!—пересчиталъ онъ ихъ своимъ красивымъ пальцемъ.—Беру четыре карты и перекладываю такъ: тутъ девять, тутъ, тутъ и тутъ!

Мать и дочь съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Петръ Григорьевичъ тоже смотрѣлъ на фокусъ съ глубокомысленнымъ вниманіемъ.

— Возвращаю прежнія четыре карты, — продолжалъ Корнѣевъ:—и прибавляю къ нимъ еще четыре, перекладываю и считаю: тутъ девять, тутъ, тутъ и тутъ!..

— Но какъ же это?—воскликнула какъ бы вышедшая наконецъ изъ терпѣнія Надежда Павловна.

— Удивительно!—сказала Соня.

— Прибавляю къ этимъ картамъ еще восемь,—продолжалъ удивлять ихъ Корнѣевъ:—раскладываю и считаю: девять, девять и девять.

— Вы зачѣмъ боковыя-то считаете по два раза?.. Ужасно какъ замысловато!.. — вмѣшался вдругъ въ разговоръ Александръ. Голосъ его былъ въ одно и то же время голосомъ разъяреннаго тигра и цыпленка. Корнѣевъ ничего не отвѣчалъ ему, а Соня и Надежда Павловна потупилась; но Петръ Григорьевичъ окончательно дорѣзалъ молодого человѣка.

— Давно ли вы получали письма отъ вашей маменьки?— спросилъ онъ его вдругъ.

— Давно-съ... я самъ къ ней завтра ѣду...—отвѣчалъ грубо Александръ.

Соня при этомъ вскинула на него свои глаза и нѣсколько времени не спускала ихъ съ него... Вскорѣ потомъ Корнѣевъ взялся за каску и поднялся; всѣ хозяева устремились къ нему.

— Если Марья Николаевна ужо поѣдетъ кататься и заѣдетъ за вами, вы примете участіе въ нашемъ partie de plaisir?— сказалъ онъ Сонѣ.

— Да,—отвѣчала та, выпрямляясь своимъ стройнымъ станомъ и складывая ручки на груди.

— Она сочтетъ это за счастье для себя!—подхватила Надежда Павловна. «Дочь поѣдетъ кататься съ губернаторшей; право, недурно для первыхъ разовъ!»—подумала она въ припадкѣ материнскаго честолюбія.

По отъѣздѣ Корнѣева, Александръ тоже всталъ, у него готовы были слезы брызнуть изъ глазъ, такъ что Надежда Павловна, врядъ ли не догадавшаяся объ его чувствахъ къ дочери, сжалилась надъ нимъ.

— Куда же вы?.. Оставайтесь обѣдать,—сказала она, когда онъ брался за фуражку.

— Оставайтесь,—повторила и Соня.

Студентъ, при этомъ магическомъ голосѣ, не могъ устоять. Рука его какъ бы невольно опустила фуражку, и онъ сѣлъ. За обѣдомъ онъ протянулъ-было ногу, чтобы, по обыкновенію, пожать ею ножку Сони, и уже коснулся конца ея башмака; но ножку сейчасъ отняли. Вообще Соня была замѣтно церемонна и только послѣ стола, когда они остались вдвоемъ, она сказала Александру:

— Зачѣмъ вы такъ скоро уѣзжаете?

— Что̀ жъ мнѣ здѣсь оставаться... очень весело!

— А, такъ вамъ скучно здѣсь; я и не знала!—сказала жестокая дѣвочка.

У Александра дыханіе застывало.

— Не всѣмъ здѣсь такъ весело, какъ вамъ!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Соня грустно усмѣхнулась.

— Желаю вамъ, — продолжалъ онъ, снова берясь за фуражку:—выйти замужъ, народить кучу дѣтей...

— Ну да, выйду замужъ, нарожу кучу дѣтей,—повторила за нимъ Соня.

— Adieu! — сказалъ Александръ и, когда Соня подала ему ручку, онъ крѣпко сжалъ ее и проговорилъ нѣсколько трагическимъ тономъ: — Если я не нашелъ въ прекрасномъ, такъ найду въ дурномъ.

— Не понимаете вы меня! — сказала ему на это со вздохомъ Соня.

Александръ шибко хлопнулъ дверьми и ушелъ.

Черезъ минуту сѣрый рысакъ пронесся мимо оконъ, съ сѣдокомъ.

Соня сѣла. На глазахъ ея навернулись слезы. Это были первыя розы, которыя она вырвала изъ своего сердца!

XII.

Взоръ героя устремляется въ другую сторону

Возвратясь домой, Александръ увидѣлъ, что дорожный экипажъ его былъ ужъ вывезенъ изъ сарая, а въ комнатахъ онъ засталъ Венявина.

— Помилуй, братецъ, — говорилъ тотъ, топорщась, по обыкновенію, волосами и руками: — послѣ того пріятнаго вечера... ужъ именно пріятнаго, за который я тебѣ душевно благодаренъ!.. (при этомъ онъ пожалъ у пріятеля руку) я захожу къ тебѣ разъ, два... дома нѣтъ... Самъ тоже не присылаешь...

Александръ нарочно не присылалъ и не принималъ Венявина. Ему казалось, что тотъ непремѣнно замѣтилъ его униженіе въ собраніи.

— Я сейчасъ совсѣмъ уѣзжаю, — сказалъ онъ, садясь въ мрачной позѣ.

— Какъ такъ? А разные эти намѣренія и планы?—сказалъ Венявинъ, изобразивъ изъ всей своей особы удивленіе.

Александръ грустно усмѣхнулся.

— Какіе тутъ планы! Такія пошлости и гадости пошли!

— Что̀ такое?—спросилъ Венявинъ.

— Мать тутъ все крутитъ и мутитъ,—отвѣчалъ Александръ.

Онъ совершенно былъ увѣренъ, что причиной всему была Надежда Павловна.

— Да кого же, какого еще чорта имъ послѣ этого надобно?

Ахъ, они дураки этакіе! свиньи!.. Извини меня, пожалуйста!— вспылилъ Венявинъ.

Александръ сидѣлъ, погруженный въ глубокую задумчивость.

— Родители!—началъ онъ какъ бы самъ съ собой. — Для собственнаго своего удовольствія, можетъ-быть, вслѣдствіе выпитой лишней рюмки вина, они родили меня и, по чувству инстинктивной привязанности, выкормили... Да это всѣ животныя, всѣ самки имѣютъ къ своимъ птенцамъ, и за это мы должны всю жизнь имъ повиноваться, уважать ихъ!..

— Именно такъ!—подтвердилъ Венявинъ.

Изъ угожденья пріятелю, онъ не прочь былъ и повольнодумничать.

— Что̀ жъ, неужели она такъ-таки совершенно и подчинилась матери? — прибавилъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.

— Разумѣется!.. Показали ей впереди пряникъ съ сусальнымъ золотомъ, и побѣжала за нимъ.

— Да, вонъ онѣ, женщины-то! Всѣ вотъ онѣ тутъ, какъ на ладони!—воскликнулъ Венявинъ.—Впрочемъ,—прибавилъ онъ, пожимая плечами:—все-таки нельзя ихъ не любить!

Интересно было бы знать, кого этотъ добрякъ не любилъ, начиная съ своего чернаго, съ отбитымъ задомъ, пуделя до старухи-матери, къ которой онъ каждую вакацію, святки, святую, на послѣдніе свои грошишки, пріѣзжалъ повидаться.

— Печалиться тутъ нечего... я даже радъ, что такъ случилось,—утѣшалъ онъ Александра.

— Я и не печалюсь,—отвѣчалъ тотъ:—я въ жизни столько перенесъ, что однимъ больше и однимъ меньше щелчкомъ отъ судьбы—разница небольшая.

Какіе Александръ получалъ отъ судьбы щелчки, это одному ему было извѣстно!

— Я знаю, что ты—сила!—поддакнулъ пріятель.

Вошелъ мрачный лакей.

— Лошади готовы-съ,—проговорилъ онъ.

Александръ всталъ и сейчасъ же сталъ одѣваться. Ему поскорѣй хотѣлось оставить этотъ городъ, Соню и даже Венявина.

— Прощай, другъ любезный!—говорилъ тотъ съ чувствомъ.

— Прощай! — отвѣчалъ Александръ скороговоркой и, сѣвъ въ повозку, торопливо и небрежно мотнулъ пріятелю головой.

— Да, этотъ человѣкъ—сила!—повторилъ тотъ еще разъ самъ съ собою.

Баклановъ между тѣмъ быстро проѣзжалъ одну за другой улицы родного города, и чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ больше появлялось въ окнахъ огней. Когда онъ выѣхалъ за заставу,

небо совершенно вызвѣздилось; кругомъ была безконечная снѣжная поляна; въ воздухѣ, наполненномъ мелькающимъ снѣгомъ, стали обрисовываться точно очерки какихъ-то фигуръ; колокольчикъ отъ быстрой ѣзды заливался не переставая.

Александру было досадно и грустно.

Онъ усиленно старался думать о Москвѣ, о томъ, какъ въ сѣренькомъ домикѣ, въ сѣренькой зальцѣ, онъ съ панной Казимирой, дочерью хозяйки, подъ игру ея матери на плоховатомъ фортепіано, танцуетъ вальсъ, и Казимира держитъ на него нѣжно-нѣжно устремленными свои голубые глаза, наконецъ онъ сажаетъ ее и, самъ ставъ противъ нея, замѣтно кокетничаетъ всею своею фигурой, а Казимира сидитъ въ робкой и грустной позѣ.

Баклановъ торжествуетъ и смѣется въ душѣ.

Соня такимъ образомъ отодвинулась болѣе чѣмъ на задній планъ.

У молодости никогда нельзя взять всего: богатства ея въ этомъ случаѣ неистощимы!

XIII.

На распутьѣ.

У губернаторши, по случаю отъѣзда флигель-адъютанта въ Петербургъ, собственно для него и для самыхъ близкихъ ему знакомыхъ, былъ назначенъ вечеръ. Въ наугольной комнатѣ, обитой голубыми бархатными обоями и убранной двумя огромными горками съ фарфоромъ, хрусталемъ и серебромъ, сидѣла Соня. Послѣднее время она рѣшительно сдѣлалась царицею всѣхъ баловъ и съѣздовъ: въ настоящій вечеръ конно-піонеръ вертѣлся передъ ней, какъ флюгеръ; нѣкто князь Шлепкохвостовъ убѣжалъ для нея за мороженымъ; наконецъ самъ хозяинъ, въ разстегнутомъ нараспашку генеральскомъ сюртукѣ, помѣщался все время около нея и какъ-то кровожадно на нее смотрѣлъ. Соня пріѣхала на вечеръ безъ матери: Надежда Павловна, сшившая дочери седьмое платье, не имѣла на что купить ни башмаковъ ни перчатокъ. Чистое, ясное чело моей героини было на этотъ разъ омрачено легкимъ облачкомъ грусти. Въ городѣ про нее Богъ знаетъ что̀ ужъ разсказывалось. Даже въ этомъ самомъ обществѣ двѣ дамы, одна блондинка, съ ангелоподобнымъ лицомъ, а другая шатенка, тоже съ чрезвычайно благообразною физіономіей, ходившія вдвоемъ по большой залѣ, изливали про нее такого рода ядъ, что будто бы она ѣздила къ флигель-адъютанту на квартиру.

Но это было совершенно несправедливо: къ нему дѣйствительно пріѣзжала, только не она, а m-me Михрѣева, которая какъ-никакъ и хоть на короткое время, но успѣла овладѣть петербургскимъ гостемъ. Соня же дѣлала гораздо болѣе невинныя вещи. Она ему говорила:

— Вотъ вы уѣзжаете въ Петербургъ, оставляете здѣсь насъ бѣдныхъ.

— Что̀ дѣлать!—отвѣчалъ Корнѣевъ, пожимая плечами.

Соня при этомъ отъ досады пристукивала слегка и незамѣтно ножкой. Она видѣла, что этотъ человѣкъ неравнодушенъ къ ней и отдѣлывается фразами.

— Жалко ли вамъ здѣсь кого-нибудь?.. Пожалѣете ли вы кого-нибудь?—спрашивала наконецъ она его.

— Я буду жалѣть всѣхъ моихъ знакомыхъ, — отвѣчалъ и на это Корнѣевъ.

Соня сегодня пріѣхала съ надеждой, что неужели же онъ и при прощаньи не скажетъ ей чего-нибудь: обѣщается, можетъ-быть, опять пріѣхать; но Корнѣевъ цѣлый вечеръ игралъ въ карты и съ дамами почти не разговаривалъ.

— Яковъ Назарычъ здѣсь?—спросила наконецъ Соня конно-піонера.

— Здѣсь-съ.

— Что̀ онъ дѣлаетъ?

— Въ карты играетъ съ Корнѣевымъ.

— Променадъ, вѣроятно, желаете сдѣлать?—сказалъ ей начальникъ губерніи, тоже вставая и идя за ней.

— Да,—отвѣчала Соня, обертываясь къ нему съ улыбкой.

Яковъ Назаровичъ Леневъ былъ богатый подгородный помѣщикъ, холостякъ. У него были своя музыка, псовая охота, домъ огромный. Не выѣзжая шагу изъ своей губерніи, онъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ какъ постоянно служилъ то предводителемъ, то попечителемъ разныхъ учебныхъ заведеній, а между прочимъ, и того пансіона, въ которомъ училась Соня.

По наружности своей, Леневъ былъ коротенькій, кругленькій толстячокъ, не столько съ старческимъ, сколько съ дряблымъ лицомъ, съ маленькими красивыми руками. Всегда почти во фракѣ, съ огромнымъ солитеромъ на пальцѣ, онъ ходилъ, слегка притряхивая животомъ, и тяжело сопѣлъ, когда сидѣлъ на мѣстѣ.

Соня подошла къ нему и стала около него такъ, что очутилась прямо противъ Корнѣева.

— Дѣдушка, вы въ каретѣ пріѣхали?—спросила она Ленева.

— Въ каретѣ-съ.

— Вы возьмете меня?

— Съ величайшимъ блаженствомъ.

— А вы дорогой меня не скушаете?

— Нѣтъ, не скушаю,—отвѣчалъ Леневъ и покраснѣлъ.

Онъ, говорятъ, когда еще Соня находилась въ пансіонѣ, былъ влюбленъ въ нее и даже дѣлалъ объ этомъ декларацію одной классной дамѣ.

Во весь этотъ разговоръ Корнѣевъ хоть бы разъ приподнялъ глаза отъ картъ, какъ будто бы все его состояніе было поставлено на нихъ.

Соня отошла и пошла къ губернаторшѣ.

— Марья Николаевна, дайте мнѣ конфетку, хорошенькую-хорошенькую,—говорила она, какъ избалованный ребенокъ.

— Изволь, моя милочка, изволь!—отвѣчала та, подавая ей изъ стоявшихъ на столѣ конфетъ самую лучшую (Марья Николаевна была очень добрая женщина).

— Не хотите ли потанцовать? Я сейчасъ пошлю за музыкантами,—спросилъ любезно губернаторъ.

— Ахъ, да... или нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Соня.

Какъ ни старалась она скрыть, но она замѣтно была грустна. Корнѣевъ сталъ сбираться. Онъ почти по-родственному распрощался съ Марьей Николаевной, взялъ отъ нея нѣсколько порученій въ Петербургъ; съ губернаторомъ онъ ушелъ въ кабинетъ и долго съ нимъ разговаривалъ шопотомъ; но Сонѣ только мимоходомъ, и то какъ-то разсѣянно, сказалъ:

— Adieu, mademoiselle!

— Adieu! — отвѣчала она ему, не вставая и не подавая руки.—«Дуракъ!» — подумала она про себя, когда скрылся за драпировкой кончикъ его сабли.

Корнѣевъ, впрочемъ, такъ же небрежно поклонился въ залѣ и другимъ дамамъ. Онъ, по самой натурѣ своей, былъ нѣсколько фатъ.

— Дѣдушка, что же вы? — прикрикнула Соня на Ленева, который тыкался изъ угла въ уголъ и искалъ шляпы.

— Готовъ-съ, ожидаю,—произнесъ онъ наконецъ.

Соня начала прощаться съ Марьей Николаевной.

— Смотрите же, довезите ее у меня бережно! — говорила та, грозя Леневу пальцемъ.

— Пять вѣдь лѣтъ ужъ няньчился съ ней въ пансіонѣ,— отвѣчалъ тотъ дребезжавшимъ голосомъ.

— Ну, ужъ нечего сказать: хорошу и выняньчили, — сказала Соня, сходя съ лѣстницы и мило потряхивая головкой.

— Еще бы не хорошу! Ну, можетъ ли быть что-нибудь

прелестнѣе этого личика!—говорила Марья Николаевна, смотря сверху, когда Соня надѣвала капоръ.

— Да!—подтвердилъ и начальникъ губерніи.

Яковъ Назаровичъ отъ удовольствія и отъ стыда весь горѣлъ румянцемъ. Когда они сѣли въ карету, Соня помѣстилась въ одинъ уголъ а Леневъ придвинулся въ другой.

— У васъ это свои лошади, Яковъ Назарычъ? — спросила Соня.

— Свои.

— А что̀ вы за нихъ заплатили?

— За пару три тысячи.

— Ахъ, какія славныя! Какъ бы я желала имѣть такихъ.

Яковъ Назаровичъ на это ухмыльнулся.

— Какъ здоровье вашей маменьки?—спросилъ онъ.

— Такъ себѣ... все она въ хлопотахъ: папенька... вы знаете, что̀ онъ можетъ... Вотъ онъ служить теперь будетъ, а какъ, еще Богъ знаетъ!

— Да!—произнесъ Яковъ Назаровичъ съ грустью.

Онъ рѣшительно не догадывался, къ чему плутовочка вела разговоръ.

— Право, — продолжала Соня послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — сейчасъ бы вышла замужъ, только бы у жениха состояніе было.

— Даже бы и за старика?

— Что̀ жъ такое старикъ!.. Стариковъ я люблю еще болѣе, чѣмъ молодыхъ.

Карета въ это время подъѣхала къ квартирѣ Басардиныхъ.

— Что̀ вы, дѣдушка, никогда къ намъ не заѣдете? Какой вы, право!—говорила Соня, отворяя двери.

— Обезпокоить боюсь.

— Чего безпокоить!.. Пріѣзжайте хоть завтра... послѣзавтра, когда хотите,—говорила она, уходя.

— Непремѣнно-съ,—отвѣчалъ Леневъ и, съ какимъ-то восторгомъ откинувшись на задокъ кареты, поѣхалъ домой.

Надежда Павловна, какъ обыкновенно, не спала и дожидалась дочери. По выраженію ея лица, она сейчасъ же замѣтила, что та была не въ духѣ.

— Ты устала?—спросила она ее съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала Соня, садясь и закидывая голову на спинку креселъ. — Корнѣевъ совсѣмъ распрощался... завтра уѣзжаетъ...—прибавила она послѣ короткаго молчанія.

— Ну, и что̀ же?—спросила съ полуулыбкой Надежда Павловна.

— Разумѣется, ничего! — отвѣчала Соня тоже съ улыбкой.

Разговоръ на нѣсколько времени прекратился.

— Меня сюда Леневъ подвезъ! — сказала Соня какъ бы къ слову.

— А, — произнесла Надежда Павловна не безъ удовольствія:—славный онъ человѣкъ!—прибавила она

— Отличный!—подтвердила Соня и пошла раздѣваться.

Личико ея снова повеселѣло и точно говорило: «ничего, поправимся!».

XIV.

Милый мальчикъ.

Ужъ разсвѣтало. На почтовой станціи, послѣдней передъ губернскимъ городомъ, въ сырой, холодной комнаткѣ, по искривленному полу ходилъ молодой офицеръ, въ прапорщичьихъ эполетахъ, въ лѣтнихъ калошахъ и въ весьма легко подбитой ватою, съ холоднымъ воротникомъ, шинели. На столѣ стоялъ кипящій самоваръ, чашки и раскрытый чайникъ, но ни чаю ни сахару не было... Въ углу виднѣлась мрачная физіономія станціоннаго старосты, въ бараньемъ тулупѣ и съ тѣмъ злымъ лицомъ, которое обыкновенно бываетъ у непроспавшихся съ похмелья мужиковъ. Онъ съ пренебреженіемъ клалъ на столъ подорожную.

— Какъ ты смѣешь не давать мнѣ лошадей! — говорилъ офицеръ, горячась.

— Кто не даетъ? Вамъ даютъ... Давайте деньги-то!—отвѣчалъ ему настойчиво мужикъ.

— Деньги, говорятъ тебѣ, мерзавецъ, что тамъ отдадутъ...

Мужикъ злобно усмѣхнулся.

— Велѣно платить впередъ, не отъ насъ эти распоряженія-то идутъ.

— А если меня губернаторъ ждетъ... Я адъютантъ губернатора!

Мужикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— У меня вотъ тутъ,—началъ онъ, протягивая обѣ руки къ окну:—черезъ пять минутъ почта пойдетъ... Пишите туда. Хоть шестерикомъ откачу, коли предпишутъ-то.

— Гдѣ здѣсь становой живетъ? Гдѣ?..—говорилъ офицеръ, окончательно выходя изъ себя.

— Станового здѣсь нѣту,—отвѣчалъ спокойно мужикъ.

— Да вѣдь есть же какое-нибудь начальство, скотина ты этакая!—говорилъ офицеръ, уже наступая на мужика.

— Да какого вамъ еще начальства надо?.. Вонъ, есть бурмистръ, съ краю живетъ,—отвѣчалъ тотъ, нисколько не струся.

Офицеръ въ бѣшенствѣ схватилъ свой сакъ, въ которомъ состоялъ весь его багажъ, и убѣжалъ изъ комнаты.

— Чаю тоже спрашивалъ!—проговорилъ ему мужикъ вслѣдъ насмѣшливо и сталъ убирать чашки.

Офицеръ между тѣмъ шелъ по деревнѣ. На горизонтѣ показалось солнышко и точно яхонтомъ подернуло поля, деревья и крыши избъ. По дорогѣ ѣхалъ мужикъ въ дровняхъ. Офицеръ вдругъ остановился и, какъ бы сообразивъ что-то, обратился къ нему.

— Ты, мужичокъ, въ городъ ѣдешь?—спросилъ онъ.

— Въ городъ, батюшка, въ городъ.

— Довези меня, пожалуйста, за цѣлковый или за два. Почтовыхъ лошадей нѣтъ, а мнѣ крайне тамъ надо быть.

— Садися! — отвѣчалъ мужикъ добродушно и подвинулся.

Офицеръ, не задумавшись, бросилъ къ нему въ сани свой сакъ и самъ сѣлъ. Мужикъ прихлестнулъ лошадку, и она весело побѣжала.

— Что̀ это у тебя, мужичокъ, хлѣбъ, вѣрно?—сказалъ офицеръ, показывая на нѣсколько открывшуюся котомку мужика.

— Хлѣбушко, батюшка, хлѣбъ!

— Что̀ жъ ты, ѣсть себѣ это везешь?

— Да, батюшка!.. Въ харчевнѣ-то тоже дорого.

— Ты въ харчевню, значитъ, не пойдешь?

— Ну, какъ не пойти, схожу: чайку тоже попьешь и щей похлебаешь.

— Зачѣмъ же хлѣбъ-то тебѣ?

— Да такъ, на закусочку; ну, да и лошадкѣ коли даю.

— Дай мнѣ, пожалуйста, немного: я очень люблю черный хлѣбъ.

— Покушай, батюшка, покушай!—отвѣчалъ мужикъ, торопливо развязывая свою котомку и подавая изъ нея цѣлую краюшку, которую сѣдокъ его въ нѣсколько минутъ и уничто̀жилъ.

Совершающій такимъ образомъ свой путь былъ не кто иной, какъ юный Басардинъ. Онъ два дня передъ тѣмъ ничего не ѣлъ. Выпущенный около мѣсяца въ офицеры, онъ, подписавшись подъ руку матери, собралъ со всѣхъ ея мужиковъ, проживающихъ въ Петербургѣ, за годъ оброкъ—рублей триста; отъ тетки получилъ сначала сто рублей, потомъ, по новому кляузному письму, еще сто рублей—сумма, казалось бы, образовалась порядочная,—но, желая воспользоваться удовольствіями своего званія, онъ первоначально съ товарищами покутилъ въ Екатерингофѣ, гдѣ они перебили всѣ стекла и избили до полусмерти какого-то нѣмца, и за все это, конечно, порядочно

заплатили; потомъ пожуировали въ Гороховой и наконецъ, чтобы не отстать отъ прапорщиковъ гвардейской школы, пообѣдали у Дюме. Такимъ образомъ, когда Басардинъ выѣхалъ въ отпускъ, у него оставалось только на прогоны. Содержалъ и питалъ себя въ дорогѣ онъ не столько деньгами, сколько искусствомъ и расторопностью. Въ каждомъ побольше городѣ онъ обыкновенно съ почтовой станціи уходилъ въ лучшій трактиръ, спрашивалъ тамъ лучшій обѣдъ и потомъ, съѣвъ два-три блюда, вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, вставалъ: «Я, говорилъ, сейчасъ приду», и преспокойно уходилъ, а потомъ и совсѣмъ уѣзжалъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему это невполнѣ удавалось: въ Переяславлѣ, напримѣръ, половые за нимъ гнались, и онъ отъ нихъ отбился уже вооруженною рукою, обнаживъ саблю. Теперь передъ нимъ, посреди превосходнѣйшаго зимняго ландшафта, въ какомъ-то молочномъ отъ мороза свѣтѣ, открывались колокольни и дома города, въ которомъ онъ, послѣ такой продолжительной разлуки, увидитъ мать, отца, сестру. Но изъ всего этого ничто не шевелило души его. Суровое корпусное воспитаніе и не совсѣмъ хорошія природныя качества такъ и лѣзли въ немъ во всѣ стороны! Въѣхавъ въ городъ, молодой человѣкъ сейчасъ всталъ съ дровень.

— Ты поѣзжай около меня, будто такъ этакъ ѣдешь, а я пойду пѣшкомъ,—сказалъ онъ мужику.

Видимо, онъ имѣлъ стыдъ, но только не въ ту сторону, въ которую слѣдовало бы.

Передъ попавшеюся наконецъ будкой Басардинъ остановился.

— Гдѣ тутъ Басардины живутъ? — спросилъ онъ, толкая ногой будочника, который нагнулся-было, чтобы набрать охапочку дровецъ.

Тотъ поднялся.

— Гдѣ тутъ Басардины живутъ?—повторилъ строго офицеръ.

— Я не знаю,—отвѣчалъ-было солдатъ.

— Какъ ты не знаешь, и какъ ты смѣешь стоять передо мной въ фуражкѣ, а?—произнесъ, вспыхнувъ, Басардинъ, и трахъ будочника по зубамъ.

Тотъ, видя, что шутить нельзя, повытянулся немного и притянулъ руки ко швамъ.

— Ихъ много тутъ, ваше благородіе: гдѣ мнѣ ихъ всѣхъ тутъ знать.

— Гдѣ тебѣ знать? А вотъ гдѣ!—объяснилъ Басардинъ и съѣздилъ солдата по второй ужъ скулѣ.

— Басардины у меня стоятъ,—отнесся къ нему проходи-

вшій мимо священникъ, видѣвшій съ самаго начала всю эту сцену.—Вы кто такіе?

— Я сынъ ихній.

— Черезъ два дома извольте итти на дворъ,—указалъ священникъ.

— И ты тоже, братецъ! Подъ носомъ у тебя живутъ, а ты не знаешь!—укорилъ священникъ будочника.

— Поученый я, что ли?—отвѣчалъ тотъ сердито.

Такому безпричинному мгновенному гнѣву молодого офицера, конечно, много способствовало, во-первыхъ, его званіе, а во-вторыхъ, и перенесенный имъ холодъ и голодъ.

XV.

Милый мальчикъ у матери и онъ же у тетки.

— Кто тамъ? Ахъ, Витя!—воскликнула Надежда Павловна, увидя входившаго офицера.

— Здравствуйте, маменька!—сказалъ тотъ.

— Петръ Григорьевичъ! Соня! Викторъ пріѣхалъ! — продолжала Надежда Павловна, цѣлуя и обнимая сына. Чувство матери невольно въ ней проснулось.

— Витя! — произнесла, входя и тоже непритворно радостнымъ голосомъ, Соня.

— Вотъ кто! Ну, поздравляю! — говорилъ Петръ Григорьевичъ, идя за нею. Несмотря на радушный пріемъ, Викторъ смотрѣлъ на родныхъ мрачно.

— Тамъ, маменька, — началъ онъ небрежно, садясь на диванъ: — съ мужикомъ надо расчесться... Самъ я пріѣхалъ на почтовыхъ, а онъ вещи мои привезъ, рубль или два дать ему, — у меня мелкихъ нѣтъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! — отвѣчала Надежда Павловна и, подозвавъ дочь, что-то шепнула ей.

Та пошла.

Стыдно сказать, но у Басардиныхъ въ домѣ рубля не было. Надежда Павловна послала Соню, чтобъ она, Бога ради, выпросила у попадьи хоть сколько-нибудь; а сама между тѣмъ своими руками притащила для сына тяжелый самоваръ, залила ему самаго крѣпкаго чаю, поставила сливокъ, булокъ.

Соня, вся пылая отъ стыда, исполнила порученіе матери и достала денегъ, которыхъ рубль серебромъ попадья отсчитала ей мѣдными пятаками. Она со смѣхомъ высыпала ихъ передъ братомъ. Тотъ отсчиталъ полтину.

— Прикажите, — началъ онъ: — это отдать мужику, а если станетъ говорить, что мало, велите по шеѣ прогнать.

Распорядясь такимъ образомъ, Басардинъ остальныя деньги положилъ себѣ въ карманъ и затѣмъ, уткнувъ носъ въ горячій стаканъ чая и почти мгновенно поглощая его съ огромными кусками булки, ни на что ужъ болѣе не обращалъ никакого вниманія.

Соня сѣла напротивъ него и старалась ласково смотрѣть на него.

— Какіе у него кудри славные! — говорила Надежда Павловна, перебирая волосы сына.

Викторъ даже не оглянулся на эту ласку и до самаго обѣда почти не отвѣчалъ на безпрерывные вопросы, которые дѣлали ему мать, сестра и отецъ.

За столомъ онъ попрежнему мрачно и жадно ѣлъ и, вставъ, сейчасъ же отыскалъ себѣ мѣстечко и отправился спать.

Выспавшись, онъ какъ будто бы сдѣлался нѣсколько подобрѣе и, придя къ матери, сталъ показывать ей свой гардеробъ и хвастаться имъ.

— Хорошо, прекрасно все это, — отвѣчала та ему въ тонъ.

— Однако у тебя все это пѣхотное платье-то! — угораздило вдругъ сказать Петра Григорьевича.

Викторъ сейчасъ же вспыхнулъ.

— Что̀ дѣлать! Я писалъ-писалъ маменькѣ объ реверсѣ, — отвѣчалъ онъ съ гримасой.

— Не успѣла еще, помилуй, — отвѣчала-было ему ласково Надежда Павловна.

— Вы для меня никогда не успѣваете, — пробурчалъ Викторъ, а потомъ громко прибавилъ: — а что̀, тетенька Биби далеко отсюда живетъ?

— Верстъ пятьдесятъ, — отвѣчала Надежда Павловна сухо.

Викторъ заложилъ руки въ карманы и началъ съ важностью ходить по комнатѣ.

— Надобно къ ней ѣхать! — сказалъ онъ, какъ бы соображая что-то такое.

Надежда Павловна при этомъ невольно вспомнила обиду, которую нанесла ей Биби, и письмо, которое писалъ къ ней Викторъ.

— Прежде, я полагаю, тебѣ слѣдовало бы побыть у отца съ матерью, — замѣтила она.

— А почему это слѣдовало бы? — спросилъ тотъ.

Надежда Павловна горько улыбнулась и пожала плечами.

— Если ты этого не понимаешь, такъ я толковать тебѣ не намѣрена.

— Да и толковать-то вамъ нечего! — произнесъ Викторъ.

Надежда Павловна начинала краснѣть отъ гнѣва.

— Ты, кажется, за тѣмъ только и пріѣхалъ чтобы съ первыхъ же словъ дѣлать мнѣ непріятности.

Викторъ насмѣшливо посмотрѣлъ на мать.

— А вы отъ меня пріятнаго ожидали?.. Вотъ это странно, право.

— Никогда я отъ тебя, по твоему уму, ничего пріятнаго не ожидала; но, какъ мать, я имѣю право требовать отъ тебя уваженія! — произнесла Надежда Павловна съ удареніемъ.

— Требовать могутъ родители, которые что-нибудь сдѣлали для дѣтей... Вотъ съ нея требуйте, а съ меня — нѣтъ!

И Викторъ указалъ на сестру.

Надежда Павловна, чтобы смягчить колкость этого отвѣта, усмѣхнулась.

— Думала я, что ты глупъ, но все не до такой степени! — сказала она болѣе насмѣшливымъ, чѣмъ сердитымъ голосомъ.

Петръ Григорьевичъ, бывшій нѣмымъ зрителемъ всей этой сцены, вдругъ всталъ.

— Не смѣй такъ грубить матери! Не смѣй! — закричалъ онъ сверхъ всякаго ожиданія и погрозилъ сыну пальцемъ.

— Полноте, папенька! — прикрикнулъ тотъ на него: — ничего вы, видно, не знаете: потому я и глупъ и дуракъ, что на васъ похожъ и вашъ сынъ...

— Молчи, говорятъ тебѣ!

Петръ Григорьевичъ уже топалъ на него ногой.

— Погоди, постой! — сказала Надежда Павловна, растирая себѣ горло, въ которомъ начиналось удушье: — онъ говоритъ, что онъ твой сынъ; кто же у меня дѣти не отъ моего мужа?

— А вотъ она! — хватилъ Викторъ, показывая на сестру.

Надежда Павловна разсмѣялась.

— Ахъ, ты, мерзкій пащенокъ! Клеветникъ! — воскликнула она.

— Братецъ, что̀ ты! — воскликнула и Соня, вскидывая на него свои большіе глаза и вся покраснѣвъ

— Что̀ ты, братецъ! Да, любимица! — передразнилъ онъ ее. — Не хочешь ли вотъ этого? — прибавилъ онъ и показалъ сестрѣ кулакъ.

Когда они еще росли, такъ ихъ невозможно было пустить вмѣстѣ: одинъ, пользуясь своей силой, а другая—покровительствомъ матери, сейчасъ и кинутся другъ на друга. Великая исторія Каина и Авеля врядъ ли не повторяется въ каждой семьѣ.

Послѣднихъ угрозъ сына было достаточно, чтобы Надежда Павловна вышла изъ себя.

— Вонъ изъ моего дома! Вонъ! — закричала она истерически.

Виктора, кажется, нисколько это не поразило.

— Али, вы думаете, не уйду? И уйду! — говорилъ онъ совершенно кадетскимъ тономъ.

— Ступай! Ступай! — повторилъ за женой и Петръ Григорьевичъ.

— Иду-съ! Слушаю-съ! — отвѣчалъ Викторъ, собирая пожитки и ядовито раскланиваясь передъ отцомъ и матерью.

По двору онъ прошелъ бойко и съ гордо приподнятыми плечами.

Надежда Павловна взглянула въ окно.

— Боже мой, онъ въ холодной шинелишкѣ и безъ калошъ! — воскликнула она, да такъ безъ чувствъ и упала на диванъ.

Викторъ, впрочемъ, преспокойно отправился на постоялый дворъ и нанялъ тамъ извозчика, съ тѣмъ, чтобы тотъ прокормилъ и свезъ его въ долгъ до Ковригина.

Къ теткѣ онъ явился ниже травы и тише воды и, подъѣхавъ къ дому, велѣлъ сначала доложить о себѣ. Биби даже взвизгнула, услыхавъ его имя. Выбѣжавъ къ нему навстрѣчу, она обняла его и нѣсколько минутъ держала у груди.

— Что̀ папенька, маменька? — спросила она, нѣсколько поуспокоившись, заставивъ племянника прежде всего помолиться и сводивъ его къ дѣдушкѣ, который, увидавъ внука, заревѣлъ дикимъ голосомъ.

— Маменька, — отвѣчалъ Басардинъ скромнымъ голосомъ: — меня прогнала.

Биби даже попятилась назадъ.

— Я пріѣхалъ, разумѣется, безъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя вы, по добротѣ вашей, прислали мнѣ... (При этомъ онъ поцѣловалъ у тетки руку). Я сталъ просить у нихъ заплатить за извозчика: онѣ раскричались.

Биби развела руками и печально склонила голову.

— Я говорю... «Маменька, говорю, я вамъ восемь лѣтъ ничего не стоилъ, можно же вамъ помочь мнѣ чѣмъ-нибудь». Она еще больше разсердилась: «вонъ изъ моего дома!» — закричала...

— Да проститъ ей Богъ! — сказала со вздохомъ Биби.

— Вотъ и теперь, тетушка, я буду просить васъ заплатить извозчику.

Викторъ при этомъ опять поцѣловалъ у тетки ручку.

— Ахъ, Боже мой, сдѣлай милость! — воскликнула она и

сейчасъ же велѣла извозчика расчесть, а племянника напоила, накормила, положила его спать въ лучшей комнатѣ, велѣла, безъ всякой осторожности, прислуживать ему любимицѣ своей Иродіадѣ, сама потомъ пришла посмотрѣть, хорошо ли ему.

Сердце старой дѣвы стремилось еще любить, но только она не знала—кого.

Викторъ, всѣмъ этимъ очень довольный, какъ будто бы съ нимъ ничего непріятнаго не случилось, сейчасъ же беззаботно заснулъ. Онъ грубилъ матери, а къ теткѣ поддѣлывался по весьма простому расчету: зная, что мать бѣдна, и какъ-никакъ, но, по своей обязанности, будетъ ему помогать; а къ теткѣ, чтобы вытормошить у нея что-нибудь, надобно было подлизываться. Лишенный всякихъ нравственныхъ правилъ, восторгающійся только паркетомъ, по которому ходилъ въ корпусѣ, тонкимъ сукномъ, которое видѣлъ на мундирахъ у офицеровъ, и въ то же время съ головой, набитою какой-то безсмысленной протестаціей противъ всего, что̀ имѣло надъ нимъ какую-нибудь власть, онъ и въ помыслахъ не имѣлъ, до какой степени были безобразны его настоящіе поступки.

XVI.

Причины, побудившія жениха и невѣсту къ браку.

Послѣ свиданія съ сыномъ, у Надежды Павловны сдѣлалось кровохарканье; къ вечеру она чуть не умерла, а потомъ обнаружилось воспаленіе въ груди. Первое пришло ей въ голову: что̀ будетъ съ Соней, если она умретъ? Оставить ее на рукахъ подобнаго папеньки и злодѣя-братца, — отъ одной этой мысли бѣдная мать едва не сходила съ ума, а тутъ, какъ нарочно, пріѣхалъ Яковъ Назаровичъ.

— Попроси его ко мнѣ, попроси! — скороговоркой сказала дочери Надежда Павловна, подъ вліяніемъ какого-то тайнаго предчувствія.

Соня пригласила гостя, а сама осталась въ другой комнатѣ, сѣла и задумалась. Молоденькій умъ ея начиналъ понимать и оглядывать свое положеніе; съ отъѣздомъ флигель-адъютанта роль ея въ обществѣ сразу понизилась; даже добрѣйшая Марья Николаевна, показывавшая къ ней такую пылкую дружбу, какъ будто бы охладѣла. Семь платьевъ ея очень хорошо были извѣстны всѣмъ знакомымъ, а сшить въ нынѣшнемъ году еще новое, она знала, нѣтъ ни малѣйшей возможности, а между тѣмъ блистать въ обществѣ нарядами и общимъ вниманіемъ къ себѣ — какъ это пріятно! Соня даже не слы-

хала, чтобы что-нибудь могло быть лучше этого. Тысячи плановъ проходили въ головѣ ея, чтобы какъ-нибудь все это поправить и устроить.

— Что это вы? А? Какъ вамъ не стыдно? — говорилъ Яковъ Назаровичъ, входя къ Надеждѣ Павловнѣ.

Та, закутавшись въ свой синелевый платокъ, сѣла на постели.

— Умираю! — произнесла она, хватая себя за грудь.

— Полноте, чтой-то! — хотѣлъ ее утѣшить Яковъ Назаровичъ, садясь невдалекѣ отъ нея.

— Да, батюшка, я не о себѣ! — воскликнула капризно Надежда Павловна: — давно мнѣ, окаянной, пора на тотъ свѣтъ. А вотъ о Сонѣ, — что съ нею будетъ, когда я умру?

— Замужъ выдавать надо! — сказалъ полусерьезно и полушутя Яковъ Назаровичъ.

— Рада бы я была, Господи, какъ! — проговорила, разведя руками, Надежда Павловна. — Да гдѣ нынче жениховъ-то возьмешь! Гдѣ они, прахъ ихъ знаетъ!

— Да хоть бы я!.. Какъ это вы, сударыня, при женихѣ, молодомъ человѣкѣ, такія рѣчи говорите! — шутилъ Яковъ Назаровичъ.

— Женишься ли ужъ ты? — сказала ему тоже въ шутку Надежда Павловна.

Она была очень дружна съ Яковомъ Назаровичемъ и постоянно говорила ему «ты».

— Попробуйте только, отдайте! — повторилъ старый холостякъ.

Лицо его начинало краснѣть потъ градомъ выступалъ на лбу.

Надежда Павловна усмѣхнулась.

— Не знаю, правду ли ты говоришь или шутишь? — произнесла она.

— Какое шучу!.. Давно ужъ влюбленъ!

— Слышала это я...

И Надежда Павловна сомнительно покачала головой.

Якова Назаровича точно кто кольнулъ въ спину. Онъ привскочилъ съ мѣста.

— Такъ что же? — заговорилъ онъ какимъ-то необыкновенно одушевленнымъ голосомъ: — состояніе, слава Богу, у меня есть... Всѣхъ бы васъ я устроилъ. Что мнѣ оставаться холостякомъ-то... Надоѣли ужъ эти Миликтрисы-то!..

— Чтобы ни одной ихъ не было; всѣхъ вонъ! — проговорила въ раздумьѣ Надежда Павловна.

— Всѣхъ прогоню!..

— Ой, какой ты смѣшной! — сказала она, слегка простонавъ.

Несмотря на шутливый тонъ, мысль выдать дочь за Якова Назаровича исполнила Надежду Павловну неимовѣрнаго восторга: измученная бѣдностью, она богатство считала единственнымъ счастьемъ въ жизни и, сдѣлавшись отъ болѣзни своей неугомонно-нетерпѣливою, сказала гостю:

— Ну, такъ поѣзжай домой: я переговорю съ ней.

— Не можетъ быть!.. Будто! — восклицалъ толстякъ, цѣлуя въ восхищеніи ея костлявую руку, потомъ расшаркался съ ней и вышелъ въ другую комнату.

— Куда же это вы, дѣдушка? — спросила его Соня.

— Нужно-съ, — отвѣчалъ онъ ей съ лукавою улыбкой и уѣхалъ.

— Милочка, душечка! — говорилъ онъ, сидя въ каретѣ и дѣлая странныя тѣлодвиженія: — всю тебя расцѣлую! Тутъ ямочка, тутъ возвышеніе!.. О, ангельчикъ!.. — говорилъ онъ, нѣжно цѣлуя пустое мѣсто и тыкая пальцемъ въ воздухъ.

Соня между тѣмъ продолжала сидѣть на прежнемъ мѣстѣ. Мать наконецъ ее окликнула. Соня перешла къ ней и, взявъ свою работу, помѣстилась на обычномъ своемъ мѣстѣ. Разговоръ между ними начался издалека и какъ бы случайно склонился на Якова Назаровича.

— Что̀ онъ у васъ мало посидѣлъ?—спросила Соня.

— Пріѣдетъ еще!.. Такой онъ странный, такъ удивилъ меня, — отвѣчала довольно нерѣшительно Надежда Павловна.

Она никакъ не предполагала, что дочь сама нѣкоторымъ образомъ подготовила объясненіе Якова Назаровича.

— А что̀ же?

— Да сватается къ тебѣ!

Послѣ этой фразы Надежда Павловна едва перевела дыханіе.

Соня тоже вспыхнула.

— Что̀ же вы?—спросила она съ улыбкой.

— Что̀ же я могла ему сказать! Ты знаешь, что я въ этомъ случаѣ не только принуждать тебя, но даже совѣтовать считаю себя не въ правѣ.

По суевѣрной любви своей, Надежда Павловна дѣйствительно дала себѣ слово даже не совѣтовать дочери въ этомъ случаѣ.

Выраженіе лица у Сони было очень серьезное.

— Конечно, чѣмъ терпѣть эту вѣчную нужду и бѣдность, лучше выходить замужъ,—проговорила она.

— Но будешь ли ты его любить?.. Немолодъ онъ!

— Я ничего къ нему особеннаго не чувствую, ни любви ни нелюбви,—отвѣчала Соня.

Въ это время Надеждѣ Павловнѣ подали ея бульонъ. Когда она, покушавъ его и чувствуя себя гораздо лучше, спокойно улеглась, Соня спросила ее:

— Что̀ же онъ за отвѣтомъ, стало, пріѣдетъ?

— Да!

Сонѣ, повидимому, хотѣлось продолжать этотъ разговоръ, но только она немного конфузилась.

— Не знаю, что̀ и отвѣчать ему! — проговорила мать въ раздумьѣ.

— Да скажите, что да!—отвѣчала Соня.

— Хорошо,—произнесла Надежда Павловна протяжно.

Такъ необдуманно и такъ вѣтрено упала для Сони завѣса, навсегда отдѣлившая непроницаемой стѣной одну половину ея жизни отъ другой. Соня, кажется, первое слово въ жизни услыхала: «О, Господи! Денегъ нѣтъ!». Кругомъ нея всюду и вездѣ говорили: «Вотъ женились, ни у того ни у другого ни села ни перегороды. Вотъ дура, нашла за кого выйти, ни чина ни должности». Въ самомъ простомъ быту какая-нибудь крестьянская дѣвка, которая позвонче другихъ поетъ, покрасивѣй, подороднѣй другихъ, поумнѣй и складнѣй на словахъ, и та пользуется почетомъ и уваженіемъ; а Соня дома, въ пансіонѣ, въ свѣтѣ, насколько она успѣла въ него заглянуть, только и видѣла, что почитается знатность и богатство: за дурами, ея подругами, отвратительными собой, молодежь ухаживала, начальство дарило имъ книги за успѣхи въ наукахъ. Даже красотѣ своей Соня, послѣ поступка съ ней флигель-адъютанта, перестала давать цѣну. Объ Александрѣ она иногда подумывала: но онъ былъ такой еще мальчикъ: любви его невозможно было придать никакого практическаго значенія!

Вечеромъ пріѣхалъ Яковъ Назаровичъ, расфранченный, раздушенный до-нельзя и въ то же время робѣющій. Стараясь быть любезнымъ, онъ былъ порядочно смѣшонъ. Петру Григорьевичу, не бывшему поутру дома, не сочли за нужное и сказать, что̀ произошло въ семействѣ. Впрочемъ, онъ, видя дружеское и безцеремонное обращеніе Надежды Павловны съ Яковомъ Назаровичемъ, нисколько тому не удивился, такъ какъ и прежде еще въ разговорахъ своихъ съ деревенскими знакомыми, священниками и управляющими онъ обыкновенно объяснялъ: «У меня вѣдь жена министръ по уму; съ этими, тамъ, директорами и попечителями, такъ за панибрата и рѣжетъ!». Самъ же онъ Якова Назаровича всегда называлъ «ваше превосходительство». Въ настоящій вечеръ онъ только обратилъ вниманіе на то, когда Соня отнеслась къ Леневу и сказала:

— А что, вы подарите мнѣ лошадей, на которыхъ мы съ вами ѣхали?

— Подарю, подарю, цѣлую четверку!

— А сани à jour у васъ будутъ, какъ у губернатора?

— У меня ужъ есть такія, вдвое лучше только!

Соня, разумѣется, говорила шутя, хотя въ то же время нельзя умолчать, что и эта причина была одною изъ побудительнѣйшихъ... Бѣдная птичка! Она замужество представляла не совсѣмъ такъ, какъ оно есть, не во всѣхъ еще подробностяхъ.

XVII.

Губернская тетёха.

Вѣсть о замужествѣ Сони за Ленева дала Надеждѣ Павловнѣ возможность взять по лавкамъ въ долгъ всевозможныхъ матерій, и только-было онѣ со всѣмъ этимъ расклались, какъ на дворъ въѣхала карета. Соня и мать вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

Здоровый лакей едва вытащилъ изъ кареты потолстѣвшую, въ траурѣ, барыню, которая, войдя запыхавшись въ маленькую переднюю, сейчасъ же закричала:

— Не могла, тетушка... родная моя!.. Не могла утерпѣть!..

— Ахъ, Аполлинарія Матвѣевна! — сказала Надежда Павловна, встрѣчая гостью и цѣлуя ее въ румяную и пухлую щеку.

— Какъ только услыхала, что вы здѣсь,—везите, говорю...— продолжала та, не переставая тяжело дышать и усаживаясь на диванѣ.

Это была мать Александра, нѣкогда стройная и хорошенькая собой дѣвушка, а теперь какое-то чудовище. Покойный Баклановъ, женясь на ней, отчасти обманутый ея наружностью, а еще болѣе того прельщенный ея состояніемъ, впослѣдствіи иначе и не называлъ ее, какъ *тетёхой*. Сына своего Аполлинарія Матвѣевна боготворила, хотя и возмущалась многими его поступками и словами.

Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, она нашла болѣе приличнымъ сначала заговорить о мужѣ.

— Горе-то, ну-те-ка, тетенька, какое у меня надѣлалось!— начала она, помахивая длинными оборками своего траурнаго чепца.

— Слышала, слышала,—отвѣчала ей Надежда Павловна.

— Все вотъ, бывало, говорилъ: «ишь, говоритъ, какъ тебя

дуетъ горой, скоро лопнешь»; а вотъ самъ напередъ и убрался.

Находясь у мужа въ страшно-ежовыхъ рукавицахъ, Аполлинарія Матвѣевна рѣшительно была рада, что онъ умеръ.

— А это Соня моя! Вы, вѣрно, не узнали ея,—отнеслась-было къ ней Надежда Павловна.

— Ай, нѣтъ!.. Какъ это возможно! Здравствуй, душечка!— проговорила, проворно цѣлуясь съ Соней, Бакланова и снова принялась за свое: — въ гробу-то, родная моя, говорятъ, лежалъ такой черный да нехорошій.

— Замужъ выходитъ! — попробовала-было еще разъ пояснить ей Надежда Павловна.

— Ну вотъ, поздравляю! — сказала и на это полувнимательно Аполлинарія Матвѣевна.

— Не прикажете ли кофею?—отнеслась къ ней Соня.

— Ой, пожалуй! — отвѣчала Аполлинарія Матвѣевна какимъ-то сентиментальнымъ голосомъ.

Сколько эта дама пила и ѣла, представить себѣ даже невозможно!

Соня принесла ей огромную чашку кофе и цѣлый ворохъ сухарей.

— А Саша-то мой, ну-те-ка, тетенька,—продолжала Аполлинарія Матвѣевна:—послала я его къ тетушкѣ: ну, тоже, думаю, можетъ и наслѣдство отъ нея быть... — объяснила она откровенно.

Надежда Павловна незамѣтно, но злобно улыбнулась.

— Только слышу, что онъ вмѣсто того здѣсь, а тамъ и въ Москвѣ... Я такъ и обмерла: въ глазахъ у меня потемнѣло... (при этомъ Аполлинарія Матвѣевна въ самомъ дѣлѣ закатила нѣсколько свои глаза). Писала ужъ и жаловалась на него братцу, Евсевью Осипычу... Онъ, спасибо, нарочно своего московскаго управляющаго посылалъ разузнавать, тотъ все и описываетъ, всѣ ихъ каверзы...

На послѣднихъ словахъ Аполлинарія Матвѣевна, въ полнѣйшемъ отчаяніи, развела руками.

Соня все внимательнѣй и внимательнѣй къ ней прислушивалась.

— Что же такое?—спросила Надежда Павловна.

— Пьютъ, родная! Въ пору большимъ такъ пить (Сашу своего Аполлинарія Матвѣевна считала до сихъ поръ еще чуть ли не десятилѣткомъ). Управляющій-то прямо за ними въ трактиръ и прошелъ: дымъ коромысломъ стоитъ... двоимъ ужъ тамъ въ сѣняхъ голову холодною водой обливали... «рѣчи говорятъ»... самъ уже братецъ въ письмѣ своею ручкой при-

бавляетъ: «такія говорятъ, что нынѣ времена строгія, пожалуй, того и гляди, улетятъ куда-нибудь».

— Но, можетъ-быть, это другіе, и не вашъ Александръ,— попробовала-было утѣшить ее Надежда Павловна.

— О, полноте-ка, тетенька!—воскликнула Аполлинарія Матвѣевна, махнувъ рукой:—первый, говорятъ, коноводъ на все. Онъ вѣдь у меня умный: не въ меня, а въ покойника. Какъ орелъ, говорятъ, такъ и ходитъ. Больно боюсь, тетенька, чтобъ онъ распутничать не началъ!

— Чтой-то, какія глупости! — произнесла Надежда Павловна, показывая Аполлинаріи Матвѣевнѣ глазами на дочь, но та ничего не поняла.

— Говорятъ, ужъ и есть это... очень боюсь. Научите меня, тетенька, вы у насъ умная этакая, что̀ мнѣ дѣлать-то?

— Напишите ему письмо построже.

— Писала, родная... Священника и сочинить-то просила, чтобы поскладнѣй вышло. Таково чувствительно написалъ... Такъ вѣдь что̀ они, балбесы? Только то и отвѣчаетъ: «Вольно вамъ, маменька, говоритъ, всякимъ глупостямъ вѣрить».

Надежда Павловна, чтобы какъ-нибудь поскорѣй прекратить этотъ визитъ, ничего ей не отвѣчала.

— Сама, тетенька, думала ѣхать въ Москву-то, да тоже думаю: они тамъ меня совсѣмъ засмѣютъ!—заключила Аполлинарія Матвѣевна и затѣмъ, видно, выболтавъ все, что̀ ей нужно было, поднялась.

— Прощайте, тетенька! Неужели въ этихъ конурахъ вы свадьбу-то станете дѣлать!.. Наняли бы домъ у меня... И то ужъ съ полгода стоитъ безъ постояльцевъ, разоренье такое!— прибавила она, уходя и попрежнему небрежно прощаясь съ Соней.

Мать и дочь, оставшись вдвоемъ, молчали.

Соня стояла у окна. Въ свѣтлыхъ глазахъ ея блестѣли слезы. Печальный образъ прощавшагося съ ней Александра невольно возсталъ передъ ней.

Слова, сказанныя имъ при прощаньи: «Если я не нашелъ въ прекрасномъ, то найду въ дурномъ», значитъ, были не фраза.

— Мамаша, я поѣду прокатиться!—проговорила она.

— Поѣзжай!—отвѣчала та.

Яковъ Назаровичъ, зная наклонности невѣсты, подарилъ ей чудесныя чухонскія саночки, съ красивымъ кучеромъ и съ превосходнымъ воронымъ рысакомъ.

Соня почти каждый день ѣздила кататься въ своемъ экипажѣ, и теперь, сѣвъ въ него и уставивъ свое хорошенькое

личико противъ мороза, велѣла себя везти скорѣй-скорѣй. Ей хотѣлось какъ-нибудь поразмыкать свое горе. Она пролетѣла такимъ образомъ площадь, Ивановскую улицу, Калязинскую, но потомъ вдругъ, какъ бы встрепенувшись, закричала кучеру:

— Постой! стой!

Тотъ остановился.

— Monsieur Венявинъ!—крикнула Соня студенту въ плоховатой шинели, смиренно проходившему по снѣжному трогуару.

Тотъ обернулся и, узнавъ, кто его кличетъ, подошелъ улыбаясь, краснѣя, застегивая свой вицмундиръ и приглаживая волосы.

— Pardon, monsieur Венявинъ, что я васъ безпокою! — сказала Соня (Александръ неоднократно говорилъ ей о своемъ пріятелѣ и даже показывалъ ей его).—Parlez-vous français?—прибавила она.

— Ахъ, oui, madame!—отвѣчалъ Венявинъ, страшно конфузясь и варварски произнося.

— Aves-vous l'adresse de monsieur Баклановъ?

— Oui, madame! — отвѣчалъ Венявинъ, сдѣлавъ все умственное усиліе, чтобы понять то, что̀ ему сказали.

— Je vous prie de lui envoyer un petit billet de ma part... Нѣтъ ли съ вами карандаша?—Послѣднія слова Соня нарочно сказала по-русски.

— Oui, madame!—отвѣчалъ торопливо Венявинъ и выхватилъ изъ бокового кармана карандашъ.

Соня отъ обертки, въ которую завернута была матерія, взятая ею, чтобы перемѣнить въ лавкахъ, оторвала клочокъ бумаги и написала на немъ: «Вы безумный человѣкъ! Васъ любятъ, но что̀ же дѣлать!.. Того не велитъ Богъ и люди, и если теперь выходятъ замужъ, такъ, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ святымъ таинствомъ. Прощайте, не дѣлайте глупостей и забудьте душой всю вашу Софи».

— Votre parole d'honneur que vous ne lirez pas mon billet et m'en garderez le secret!—говорила Соня, подавая ему бумажку.

Само небо, кажется, осѣнило голову Венявина, что онъ понялъ эту фразу и даже отвѣтилъ на нее, такимъ образомъ:

— Oui, madame, je prendrai moi cette... j'ai retardé ici; mais aujourd'hui je partirai à Moscou!

— Merci!—сказала Соня и, пожавъ красную и неуклюжую руку студента своею хорошенькою ручкой, затянутою въ французскую перчатку, сказала кучеру: «Въ гостиный дворъ!», и

какъ стрѣла скрылась изъ глазъ. Венявинъ тутъ только сообразилъ свою ошибку:

«Ахъ, я болванъ, болванъ! Ей вѣдь еще слѣдуетъ говорить mademoiselle, а я бухнулъ madame!»—думалъ онъ и съ досады готовъ былъ прибить себя.

Придя домой, онъ тотчасъ запряталъ драгоцѣнное посланіе сначала въ карманъ своихъ лучшихъ брюкъ, а потомъ брюки эти засунулъ въ треугольную шляпу, и ту положилъ на самый низъ чемодана.

XVIII.

Сынъ, возвращающійся съ раскаяніемъ.

Юный Басардинъ началъ препріятно жить у тетки. Она ему нашила бѣлья, велѣла навязать карпетокъ и наконецъ, отъ имени дѣдушки, подарила старинные золотые часы. Викторъ, въ свою очередь, сталъ входить и помогать ей нѣсколько по хозяйству. У Биби былъ одинъ задѣльный мужикъ, ужасный грубіянъ: какъ только напивался онъ пьянъ, сейчасъ же съ пѣной у рта являлся передъ барышниными окнами.

— Барыня!.. барыня!.. угорѣла барыня въ нетопленой горницѣ...—напѣвалъ онъ, присѣдая и дѣлая другія глупости.

Иногда даже онъ ловилъ ее въ церкви, когда она выходила оттуда.

— Сторонитесь, сторонитесь, улита ѣдетъ, наша барыня... госпожа...—говорилъ онъ, расталкивая передъ ней народъ.

Биби его за это наказывала, возила въ рекруты отдавать; но не проходило полугода, какъ онъ снова повторялъ свои штуки, которыя вздумалъ выкинуть и при Викторѣ. Тотъ его, на мѣстѣ же преступленія, схватилъ за шиворотокъ, пригнулъ къ землѣ и, изъ собственныхъ рукъ, такъ отзвонилъ плетью, что даже другіе мужики, стоявшіе невдалекѣ при этомъ, почесавъ въ затылкѣ, проговорили:—«Это ужъ, братъ, видно, по-настоящему, по-военному!», а самъ наказанный ничего не объяснялъ, а только слезливо моргалъ носомъ.

Очень довольная всѣмъ этимъ, Биби начала говорить про племянника:

— Преумный и превнимательный... На что я, кажется, глазомъ посмотрю, и то онъ видитъ!

Когда она постыдила Виктора, что какъ это онъ, такой большой, не умѣетъ читать по-славянски, онъ сейчасъ же подучилъ и, уже довольно бойко разбирая титлы, сталъ по

вечерамъ читать теткѣ, по ея указаніямъ, нѣкоторыя мѣста изъ Четьи-минеи. Происходившія при этомъ сцены были довольно оригинальнаго свойства: зеленая гостиная обыкновенно освѣщалась двумя сальными свѣчками; молодой офицеръ, съ самымъ смиреннымъ выраженіемъ, глядѣлъ, не поднимая глазъ, въ книгу и произносилъ:

— И бѣ Аѳанасію страхъ велій!

Биби при этомъ какъ-то порывисто нюхала табакъ и принималась торопливо распускать свое вязанье. Это означало, что она сильно была тронута.

Дѣдушка-майоръ, тоже вывезенный на своихъ креслахъ слушать, начиналъ понемногу высовывать языкъ, а потомъ все больше и больше, и наконецъ вытягивалъ его почти что до половины.

— Папенька, опять языкъ! — вскрикивала на него Биби.

Старикъ сейчасъ же убиралъ органъ слова въ надлежащее мѣсто, но потомъ, черезъ минуту, начиналъ его снова выпускать понемногу: зачѣмъ онъ это дѣлалъ, никто у него допроситься не могъ.

«И пріидоша къ нему бѣси»,—продолжалъ между тѣмъ Басардинъ, невольно улыбаясь. У него самого въ это время были порядочные бѣсенята въ головѣ.

«Коли такъ все пойдетъ, такъ съ тетки-то рублей пятьсотъ сорвать можно будетъ!»—думалъ онъ и продолжалъ читать:— «Отъидите отъ меня, окаянные, рекъ Аѳанасій».

«А Иродіадка все отвертывается!»—вертѣлось въ это время въ головѣ молодого человѣка, и голосъ его дѣлался совершенно невнимателенъ.

— Ну, будетъ, другъ мой!—говорила Биби, думая, что онъ усталъ.

Викторъ закрывалъ книгу, осторожно подавалъ ее теткѣ и самъ, усѣвшись смиренно въ кресло, задумывался. Въ эти минуты его волновали самосильнѣйшія страсти: съ нѣкотораго времени онъ рѣшительно не въ состояніи былъ равнодушно видѣть стройнаго стана Иродіады и ея толстой косы, красиво расположенной на затылкѣ.

— Иродіада, куда ты! Постой! — говорилъ онъ ей, когда она, вечеромъ послѣ ужина, приходила и ставила ему графинъ на столъ.

Первоначально Иродіада отвѣчала на это однимъ холоднымъ взглядомъ, но Викторъ простеръ свои искательства и дальше.

— Погоди, постой! — говорилъ онъ, встрѣтивъ ее разъ въ темномъ коридорѣ.

— Баринъ, что̀ вы? Перестаньте... Право, тетенькѣ скажу!— проговорила Иродіада, стараясь поскорѣе пройти мимо него.

— Ну да! какъ же! скажешь! — говорилъ Викторъ и сдѣлалъ черезчуръ смѣлое движеніе.

Иродіада сердито оттолкнула его и прошла.

Биби она въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, разсказала, потому что та была день или два очень суха съ Викторомъ. Злоба въ душѣ его забушевала. Поймавъ снова Иродіаду въ коридорѣ, именно послѣ описаннаго нами чтенія, онъ остановилъ ее.

— А, такъ ты ябедничать!—произнесъ онъ и такъ распорядился, что Иродіада, для спасенія себя, сначала толкалась, а потомъ укусила ему плечо.

— Ты еще кусаться!—проговорилъ Викторъ и схватилъ ее за косу.

Иродіада закричала на весь домъ:

— Батюшки, бьютъ!

На этотъ крикъ со всѣхъ сторонъ высыпали дѣвки со свѣчами и сама Биби.

— Она мнѣ грубитъ! — сказалъ Викторъ, указывая на Иродіаду.

— Матушка, вся ваша воля,—отвѣчала та, поправляя свою косу и куда-то мгновенно скрываясь отъ стыда.

— Викторъ Петровичъ, что̀ это такое?— произнесла Биби.

— Викторъ Петровичъ!.. — передразнилъ ее Викторъ: кадетская натура его не выдержала при видѣ сморщеннаго и сердитаго лица тетки. Кромѣ того, онъ былъ очень ужъ и взбѣшенъ.

— А, такъ вы та̀къ!—произнесла Биби и сейчасъ же удалилась.

Изъ всей этой сцены она очень хорошо поняла, что̀ это за господинъ, и просто струсила его. Онъ, пожалуй, до того дойдетъ, что и ее приколотитъ; а потому на другой же день, не входя съ нимъ ни въ какія объясненія, когда Викторъ еще спалъ, она, запрятавъ стараго отца и Иродіаду въ возокъ, сама сѣла съ ними и уѣхала на богомолье, верстъ за триста, захвативъ съ собою всѣ ключи отъ чая, сахару и погреба. Молодой человѣкъ остался такимъ образомъ снова безъ всякаго содержанія. Первоначально онъ сталъ-было всего требовать отъ ключника, но тотъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ничего. Викторъ хотѣлъ-было его прибить; ключникъ убѣжалъ отъ него. Басардинъ, дѣлать нечего, рѣшился ѣхать обратно въ городъ, хватить тамъ по боку дѣдушкины часы и съ этою суммой прямо отправиться въ Петербургъ. Но на постояломъ

дворѣ, у Никиты Семенова, онъ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, возвращавшимся изъ города.

— Ваша фамилія? — спросилъ тотъ.

— Басардинъ.

— Это не ваша ли сестрица выходитъ замужъ?

— Должно-быть, моя! Я не знаю, я только еще ѣду къ нимъ. За кого же она идетъ?

— За очень хорошаго человѣка.

— И богатаго?

— Да, съ большимъ состояніемъ. И она-то вѣдь предестная. Съ вами вотъ имѣетъ немалое сходство!

— Да, она премилая,—отвѣчалъ Викторъ, и въ головѣ его сейчасъ же измѣнился планъ.

Пріѣхавъ въ городъ и остановясь въ номерѣ, онъ тотчасъ же сѣлъ и написалъ къ матери письмо.

«Дражайшая маменька! Я сознаю теперь вполнѣ, что я блудный сынъ, но когда тотъ сказалъ отцу своему: «Отче! я согрѣшилъ на небо и предъ тобою», отецъ сказалъ: «Иди въ домъ мой! Заколите тельца и празднуйте: сынъ, котораго я считалъ мертвымъ,—живъ». Сдѣлайте, маменька, и вы то же!»

Начитавшись у Биби книгъ духовнаго содержанія, Викторъ хотѣлъ посильнѣе поразить мать примѣромъ изъ священнаго писанія, и затѣмъ, по своей всегдашней методѣ—въ письмахъ къ одному побранить другого, прибавилъ:

«Тетенька, хоть Богу и молится, но дѣла ея далеко тому не соотвѣтствуютъ, и великую поговорку: что нѣтъ такого дружка, какъ родная матушка, я узналъ теперь вполнѣ».

Отправивъ это письмо, Викторъ заранѣе былъ увѣренъ въ его успѣхѣ.

Чему другому, а нѣкоторымъ практическимъ соображеніямъ и тому, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать, его понаучили въ корпусѣ.

XIX.

Сынъ, еще не чувствующій никакого раскаянія.

Надежда Павловна въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, была совершенно счастлива. Мало того, что Петра Григорьевича утвердили въ должности, — но сама губернаторша обѣщалась къ нимъ пріѣхать посидѣть вечеромъ. Хлопотъ, и самыхъ, разумѣется, пріятныхъ, было, по этому случаю, немало. Дарья еще съ ранняго утра все мыла: полы, окна, двери, а потомъ, часамъ къ семи, и сама нарядилась въ накрахмаленную юбку

и въ подаренное ей барыней старое шерстяное платье, и какъ пава ходила въ немъ изъ кухни въ горницу и обратно. На вощеномъ столикѣ, покрытомъ камчатною скатертью, зажжены были двѣ стеариновыя свѣчи, а на столикѣ подъ зеркаломъ еще двѣ, такъ что свѣту было, пожалуй, пущено болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Накурено Сонинымъ одеколономъ на горячемъ утюгѣ тоже достаточно. Для десерта куплены были яблоки и виноградъ, такъ какъ Марья Николаевна обѣщалась пріѣхать не одна, а съ маленькимъ сыномъ своимъ Колей, который, какъ смѣялись сама мать и всѣ близкіе знакомые, былъ не на шутку влюбленъ въ Соню, называлъ ее своею невѣстой и все хотѣлъ застрѣлить изъ ружья Ленева, который, говорили, отнимаетъ ее у него.

Когда губернаторша, дама въ такомъ рангѣ, въ своемъ шумящемъ шелковомъ платьѣ, въ своемъ дорогомъ блондовомъ чепцѣ и наконецъ съ своимъ ангелоподобнымъ сыночкомъ Колей пріѣхала и усѣлась въ маленькой квартиркѣ Басардиныхъ, — такъ эту сцену нѣсколько даже трудно вообразить себѣ. Надеждѣ Павловнѣ было необыкновенно совѣстно и пріятно. Петръ Григорьевичъ, начавшій умываться и обряжаться чуть ли не раньше всѣхъ и при этомъ обнаружившій такое фырканье и отхаркиванье, что даже дочь ему замѣтила: «что̀ это, папенька, вы точно бегемотъ!» — Петръ Григорьевичъ сильно трусилъ. Въ продолженіе всего вечера, какихъ жена ни дѣлала ему знаковъ руками и глазами, онъ ни за что не хотѣлъ сѣсть.

Надежда Павловна какъ-то подобострастно занимала губернаторшу. Соня играла съ Колей. Милый ребенокъ изобрѣлъ такого рода забаву: онъ цѣловалъ у Сони руку взасосъ, то-есть хваталъ ее ртомъ своимъ и втягивалъ въ себя воздухъ, такъ что на рукѣ появились пятна.

— Перестань, — говорила ему Соня.

Но влюбленный крошка не унимался и хотѣлъ-было насосать ей и лицо.

— А, когда та̀къ, такъ ступайте же! — сказала Соня сердито и спуская его съ колѣнъ.

Она не на шутку испугалась, что онъ испортитъ ей и лицо. Игру эту Коля изобрѣлъ съ одною изъ горничныхъ.

— Пусти! пусти! — говорилъ онъ, хватая Соню за платье.

— Ну, такъ я и совсѣмъ уйду! — сказала она, въ самомъ дѣлѣ уходя въ сосѣднюю комнату, и, притворивъ дверь, заперла ее задвижкой.

Коля сталъ плечикомъ и ножками стучать что̀ есть силы въ дверь.

— Коля! Коля! перестань! — полуунимала его мать.

Марья Николаевна принадлежала къ тѣмъ нѣжнымъ матерямъ, которыя воспрещать что-либо птенцамъ своимъ считаютъ за какое-то святотатство.

— Чего этому ангелу, въ которомъ всѣ чувства такъ еще чисты, можно не позволять! — говорила она.

Коля до сихъ поръ жилъ такъ, какъ будто весь міръ былъ созданъ для услуги ему: у него были игрушки, маленькія лошадки, конфеты. Даже самъ кровожадный родитель ни въ чемъ не препятствовалъ: ненавидя почти весь родъ человѣческій, онъ свой собственный кусокъ мяса, отторгнутый отъ него и получившій отдѣльное существованіе, боготворилъ.

Коля у дверей наконецъ заревѣлъ.

Надежда Павловна начинала сильно конфузиться и хотѣла-было послать Петра Григорьевича, чтобъ онъ велѣлъ Сонѣ выйти занимать маленькаго гостя, но Дарья въ это время внесла на подносѣ яблоки и виноградъ. Коля сейчасъ же устремился къ этимъ любезнымъ ему предметамъ. Мать и хозяйка сейчасъ же поспѣшили усадить его и надавали ему всего, чтобы только онъ не плакалъ. Соня такимъ образомъ получила возможность выйти и сѣла уже подальше отъ шалуна, который однако не переставалъ на нее плутовски посматривать: протянетъ и будто даетъ ей яблоко, а потомъ самъ и возьметъ его назадъ. Соня дѣлала видъ, что ничего этого не замѣчаетъ.

Надеждѣ Павловнѣ подали письмо. Сначала она, взглянувъ на адресъ, нѣсколько сконфузилась, но, прочитавъ, улыбнулась и, подавая его дочери, проговорила:

— Посмотри!

— Да! — отвѣчала и та съ улыбкой.

Надежда Павловна встала и, извинившись передъ губернаторшей, сама вышла къ посланному.

— Скажи Виктору Петровичу, что мнѣ писать къ нему некогда и нечего: у меня гости... губернаторша... пускай бы самъ пріѣзжалъ.

Викторъ черезъ пять же минутъ явился, прифранченный, въ шпагѣ и каскѣ. У матери онъ поцѣловалъ руку съ нѣжностью, съ сестрой поцѣловался съ улыбкой и поцѣловалъ также руку у Петра Григорьевича, который отъ удивленія не зналъ куда и глядѣть: какъ сынъ тутъ попалъ, откуда, и почему его пустили, ничего онъ этого не понималъ.

Губернаторшѣ Викторъ раскланялся модно.

Надежда Павловна поспѣшила его отрекомендовать.

— Старшій сынъ мой!

— Вотъ уже какой!—произнесла Марья Николаевна, осматривая молодого человѣка:—какъ пріятно для матери дождаться дѣтей въ такомъ возрастѣ! Вотъ вы теперь офицеръ: сколько, я думаю, удовольствія и радости доставляете вашимъ родителямъ.

— Да, разумѣется!—отвѣчалъ совершенно безстыдно Викторъ.

«Много отъ него удовольствія и радости!» — подумала Надежда Павловна.

— Вотъ у меня такъ еще малъ... мнѣ долго не дождаться. А можетъ-быть, и совсѣмъ не дождусь,—произнесла, почти со слезами на глазахъ, Марья Николаевна.

«Немного, кажется, и ты-то отъ своего пострѣленка радости получишь!»—подумала Надежда Павловна, а потомъ, обратясь къ сыну, она спросила:

— Хорошо погостилъ у тетеньки?

— Да-съ, она теперь на богомолье уѣхала.

— Что̀ такъ? Прежде она въ такую распутицу никогда не ѣздила.

— Не знаю-съ!.. А мнѣ на станціи разсказывали, что Соня помолвлена,—прибавилъ Викторъ скромно.

— Да, за богача и за генерала... за прекраснаго человѣка,—отвѣтила Надежда Павловна.

— Безподобный человѣкъ! безподобный!—подтвердила Марья Николаевна.

— Ну, такъ вотъ, значитъ, поздравляю!—проговорилъ Викторъ, нѣжно смотря на сестру.

Коля между тѣмъ, замѣтивъ у новаго гостя саблю, перебрался къ нему.

— Что̀ это у тебя, сабля?—спросилъ онъ его дерзко.

— Сабля, душенька!—отвѣчалъ Викторъ.

— Дай мнѣ!

Викторъ вынулъ.

— Не безпокойтесь: она не отпущена, — успокоилъ онъ Марью Николаевну.

— Это каска?—спрашивалъ Коля.

— Каска!

— Дай мнѣ ее.

Викторъ сейчасъ же ловко подвернулъ въ каску платокъ и надѣлъ ее на голову Колѣ. Мальчикъ, съ обнаженною саблей, сталъ ходить и маршировать по комнатѣ.

— Ахъ, да онъ отлично маршируетъ!.. Прекрасно! прекрасно!.. разъ, два!.. разъ, два!.. — командовалъ Викторъ. — Чудесно!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Николаевнѣ, которая была въ упоеніи.

Петръ Григорьевичъ, думая, что сынъ въ самомъ дѣлѣ искренно хвалилъ Колю, тоже повторялъ:—«Отлично! безподобно!».

— Удивительный ребенокъ!—восклицалъ Викторъ.

Марья Николаевна наконецъ начала собираться домой, но Коля никакъ не хотѣлъ оставить ни каски ни сабли.

— Полно, душечка, какъ это возможно! — заикнулась-было мать.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша!.. — закричалъ онъ, задрыгавъ руками и ногами.

— Боже мой! оставьте у него,—говорилъ Викторъ.

— Но мнѣ, право, совѣстно! — произнесла жеманно Марья Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша, — повторялъ Коля и разревѣлся такъ, что его едва сунули въ карету, не взявъ у него ничего.

Когда проводили губернаторшу до сѣней и всѣ возвращались въ комнаты, Викторъ подошелъ къ матери.

— Маменька, я могу у васъ остаться? — проговорилъ онъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Останься, тебѣ комната приготовлена,—сказала Надежда Павловна, показывая на виднѣвшуюся черезъ сѣни комнату, и затѣмъ, ничего больше не сказавъ, ушла къ себѣ.

Викторъ на нѣсколько мгновеній попризадумался, а потомъ повернулся и пошелъ въ показанное ему мѣсто.

XX.

Капелька поэзіи и море прозы.

Послѣднее время у Сони гостила дочь ихъ хозяина-священника, Маша — молоденькая, прехорошенькая собою дѣвушка, преумненькая, но въ то же время пресмѣшная: повеселиться, похохотать, а пожалуй, и поплакать была охотница. Сначала она робко ходила къ Сонѣ, а потомъ все чаще и чаще, и теперь выпросилась у Надежды Павловны шить Сонѣ свадебное бѣлье. Дѣла этого она была великая мастерица: точно по линейкѣ, по размѣру, ея маленькая ручка выводила мельчайшія строчки на бѣльѣ. Сама Соня не умѣла иголки взять въ руки.

Онѣ уже съ часъ сидѣли вдвоемъ. Соня, чѣмъ ближе подходила ея свадьба, тѣмъ становилась грустнѣй и грустнѣй. Маша между тѣмъ все что-то егозила на стулѣ.

— Софья Петровна, можно свадебную пѣсенку спѣть? — проговорила наконецъ она робко.

— Спой,—отвѣчала та.

Маша звонкимъ, но въ то же время мягкимъ голосомъ запѣла:

„Не на дѣвичье гулянье
Собирается, снаряжается
Наша Сонюшка“.

— Охъ, полно — перестань, не надсажай ты меня, — воскликнула вдругъ Соня и залилась горькими слезами.

— Чтой-то, барышня, вы все плачете? Хорошо ли это! — утѣшала ее Маша, сама готовая расплакаться.

— Тошно мнѣ, Маша, тошно! — говорила Соня, пересаживаясь къ подругѣ и обнимая ее.

Маша была совсѣмъ счастлива.

— Что̀ же вамъ тошно-то?—спросила она.

— Замужъ не хочется итти...—Соня не кончила.

— Али вамъ не любъ женихъ-то?

— Да... Я люблю другого!—прибавила Соня уже шопотомъ и скрывая свое лицо на груди Маши.

— Дѣло-то какое!—произнесла та, качая головой:—для-че жъ вы, барышня, за того-то нейдете?

— Молодъ онъ очень, да и мать у него скверная! — произнесла Соня.

— Поди ты!—удивлялась Маша.

— А тебѣ, Маша, нравится кто-нибудь? — спросила Соня, уставляя на подругу свое пылающее лицо.

— Нѣту еще, — отвѣчала та наивно: — вонъ къ папенькѣ семинаристы ходятъ, да нехороши только: нескладные такіе!

— А что̀, Маша, какъ выйдешь замужъ, другого любить грѣхъ?

— О, что̀ за важность, ничего! Вотъ въ нашемъ званьи, такъ нельзя!

— Отчего же у васъ нельзя?

— Ну, батюшку-то разстригутъ, какъ попадейка-то полюбитъ другого.

— Стало-быть, и намъ нельзя!—проговорила Соня печально.

Такъ журчали ихъ тихіе голоски, какъ бы чистый, маленькій ручеекъ среди неприступныхъ скалъ и горъ окружавшей ихъ дѣйствительности.

Но дверь распахнулась, и вошелъ Викторъ, тоже одинъ изъ порядочныхъ обломковъ, задерживающихъ въ человѣкѣ всякое искреннее чувство. Соня сейчасъ же поспѣшила обтереть слезы и сдѣлала видъ, будто бы смотритъ на работу Маши. Та, въ свою очередь, не смѣла глазъ поднять: Викторъ и ее, какъ Продіаду, ловилъ въ сѣняхъ. На этотъ разъ, впрочемъ,

онъ былъ очень серьезенъ и важенъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхала Надежда Павловна. Викторъ отнесся къ ней какъ-то свысока.

— Что Яковъ-то Назарычъ такъ долго дѣлаетъ въ Москвѣ?— спросилъ онъ ее вдругъ.

Надежда Павловна посмотрѣла на него.

— Извѣстно что̀!

— Онъ, говорятъ, тамъ лѣчится?

Надежда Павловна еще съ бо̀льшимъ удивленіемъ взглянула на сына.

— Кто жъ это тебѣ сказывалъ?

— Водой, говорятъ, лѣчится; хорошъ женихъ! — отвѣчалъ Викторъ насмѣшливо.

При всемъ стараніи, онъ никакъ не могъ скрыть ненависть къ сестрѣ, и, кажется, величайшимъ бы счастіемъ его было ея несчастіе.

Надежда Павловна сейчасъ же поняла, къ чему онъ это говорилъ.

«Этакое ехидное животное!»—сказала она мысленно себѣ и спросила его вслухъ суровымъ голосомъ:

— Что̀, долго ты здѣсь пробудешь? Долго еще продолжится твой отпускъ?

Викторъ, заложивъ руки въ карманы, отвѣчалъ съ важностью:

— Я здѣсь совсѣмъ остаюсь... поступлю къ губернатору въ адъютанты.

Надежда Павловна почти затрепетала отъ страха.

— Развѣ тебя берутъ?—спросила она.

— Вѣроятно!—отвѣчалъ Викторъ.

Онъ, дѣйствительно, послѣ перваго же знакомства съ Марьей Николаевной, началъ безпрестанно ѣздить къ нимъ въ домъ, ужасно какъ умѣлъ поддѣлаться, взялся учить Колю гимнастикѣ, и для этого были нарочно, по его рисунку, сдѣланы гимнастическія орудія: лѣстница и козелъ.

Викторъ былъ такой мастеръ производить всѣ эти штуки и такъ увлекательно это дѣлалъ, что, не говоря уже о Колѣ, который за нимъ лазилъ какъ сумасшедшій, даже сама Марья Николаевна, несмотря на свою полноту, увлеклась и полѣзла-было на лѣстницу. Викторъ при этомъ слегка поддерживалъ ее и умѣлъ такъ это сдѣлать, что Марья Николаевна нѣсколько даже сконфузилась, и когда слѣзла съ лѣстницы, то проговорила:

— Какой вы шалунъ!

Начальнику губерніи тоже нравилось это удовольствіе. Часто,

сидя у себя въ кабинетѣ и занимаясь подписываніемъ бумагъ, онъ вдругъ вставалъ, приходилъ въ залу и начиналъ тамъ прыгать на козла взадъ и впередъ, а потомъ, какъ бы ничего этого не дѣлавъ, возвращался къ себѣ въ комнату и снова начиналъ подписывать.

— А что̀, въ губернаторскихъ адъютантахъ есть доходы или нѣтъ?—спросилъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія Викторъ, обращаясь къ матери.

— Не знаю!—отвѣчала Надежда Павловна.—«На что̀ другое, а на это, видно, есть толкъ, этакій мерзавецъ!» — невольно подумала она.

Въ комнату вбѣжала Дарья

— Яковъ Назарычъ пріѣхали-съ!—объявила она, а вслѣдъ за ней входилъ и самъ Яковъ Назаровичъ.

— Сейчасъ только въѣхалъ въ городъ и сейчасъ, не выходя изъ повозки, къ вамъ!—проговорилъ онъ. Въ рукахъ онъ держалъ огромнѣйшій подносъ, на которомъ грудами были навалены брильянтовыя и золотыя вещи, разныя фантастическія корзинки и дорогія конфеты.

Двое лакеевъ несли за нимъ свертки дорогихъ матерій, кружевъ и куньи мѣха.

Всѣ, не выключая и наивной Маши, какъ бы преклонились передъ нимъ съ благоговѣніемъ, а Виктора отъ зависти даже подергивало.

XXI.

Невольный протестъ.

Церковь Николы Явленнаго, самая аристократическая въ городѣ, виднѣлась своею черною массой на огромной площади. По всѣмъ ея карнизамъ горѣли, колеблясь пламенемъ во всѣ стороны и воняя скипидаромъ, плошки. Въ самой церкви, сырой и холодной, стояла толпа пѣвчихъ, въ своихъ голубыхъ, обшитыхъ галунами, кафтанахъ. Между ними происходилъ легкій говоръ, какъ бы въ родѣ перебранки.

— Гдѣ у тебя Бортнянскій-то?—говорилъ совсѣмъ низкой октавой басъ, и при этомъ у него изо рта вылеталъ паръ.

— Тамъ, въ нотахъ! — отвѣчалъ ему тоненькою фистулой дискантъ, тоже испуская паръ изъ ротика.

— Тамъ только альтовая партія, дьяволъ!—заключалъ басъ и давалъ бѣдному ребенку такой подзатыльникъ, что тотъ взмахивалъ на него свои голубые глазенки и удивленнымъ личикомъ какъ бы говорилъ: «Ну, братъ, этакого еще никогда не бывало».

Три мужика, съ помощью высочайшихъ лѣстницъ, зажигали три главныя паникадила, свѣчъ по сту въ каждомъ. Женихъ, съ приподнятою на накрахмаленномъ галстукѣ головой, завитой, раздушенный, въ бѣлыхъ генеральскихъ штанахъ и въ синемъ ученомъ мундирѣ, былъ уже въ церкви и, какъ пѣтушокъ, вертѣлся около Марьи Николаевны (она была почетною дамой съ его стороны).

— Будуаръ у меня обитъ бѣлымъ атласомъ, а мебель розово-свѣтлою матеріей, и изъ бѣлой слоновой кости трюмо,— разсказывалъ онъ.

— Да, да,—говорила съ чувствомъ Марья Николаевна.

— Въ гостиной рытые подъ бархатъ голубые обои, а зала подъ мраморъ,—объяснялъ Яковъ Назаровичъ.

— Да, да,—подтверждала добрая губернаторша.

Между тѣмъ сынокъ ея, Коля, непремѣнно хотѣвшій быть въ церкви и въ качествѣ шафера привезшій образъ, теперь въ одномъ изъ дальнихъ угловъ возился со своею гувернанткой-англичанкой, которая напрягала всѣ свои почти неженскія силы, чтобъ удержать его: онъ все рвался у нея, чтобы раскачать одну изъ передъ-иконныхъ лампадъ и посмотрѣть, какъ она треснется объ стекло, что̀ онъ передъ тѣмъ и сдѣлалъ разъ.

«Невѣста!»—раздалось наконецъ въ церкви.

Женихъ повытянулся и еще какъ-то больше засѣменилъ ножками. Двери распахнулись, и Соня, въ сопровожденіи Аполлинаріи Матвѣевны, разодѣвшейся во всевозможные цвѣта—синій, красный, желтый, вошла въ церковь. Ее велъ подъ руку, съ перетянутою, какъ у осы, таліей и гремя по церковному полу саблей, Викторъ. Соня, повидимому, употребляла всѣ усилія надъ собой, чтобы не рыдать. Лицо ея было блѣдно и судорожно: она окончательно уже понимала, что продаетъ себя, и хотѣла по крайней мѣрѣ сдѣлать это такъ, чтобы было за что: одно подвѣнечное платье ея стоило тысячи три, на лбу ея горѣла брильянтовая діадема въ пять тысячъ.

«Гряди!»—запѣли верховые басы. «Гряди!»—выводили за ними дисканты. «Гряди!»—поддавали октавы, и одна изъ нихъ, дольше другихъ протянувшаяся, какъ бы падучею звѣздой прокатилась по церковному своду. Соня невольно затрепетала всѣмъ тѣломъ и затѣмъ, устремивъ взоръ на символическое изображеніе Святого Духа, дѣлаемое обыкновенно надъ церковными вратами, не спускала съ него глазъ. Сдѣлать это умоляла ее ѣхавшая съ ней въ каретѣ Аполлинарія Матвѣевна, говоря, что будто бы это необходимо для будущаго семейнаго счастія. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ къ губернаторшѣ адъютантъ ея мужа и привезъ ей теплую мантилью; за нимъ пріѣхалъ самъ начальникъ

губерніи, за которымъ явился, разумѣется, полицеймейстеръ. По дружбѣ къ Якову Назаровичу, пріѣхали губернскій и уѣздный предводители. Вице-губернаторъ, жившій противъ самой церкви, тоже пришелъ полюбопытствовать на вѣнчанье. Вышли священникъ и дьяконъ, въ самыхъ дорогихъ ризахъ,— одинъ съ евангеліемъ, другой съ кадиломъ; по церкви распространился запахъ самаго чистаго, ливанскаго ладана. Начался обрядъ. На вопросъ священника: «не обѣщалась ли?..» Соня отвѣчала: «нѣтъ». Голосъ ея при этомъ слегка задрожалъ. Когда надѣли на нихъ вѣнцы, Яковъ Назаровичъ былъ рѣшительно смѣшонъ, а Соня, напротивъ, была царственно хороша: какъ бѣлая лебедь, ходила она въ своемъ вѣнчальномъ вуалѣ, съ потупленною головкой и съ обнаженными руками, вокругъ налоя.

Послѣ вѣнчанія двери церкви снова распахнулись, молодая вышла и сѣла уже съ мужемъ въ его дормезъ, преисполненный шелку и пружинъ. Широкіе, лаковые козлы кучера имѣли рѣшительно характеръ королевскихъ экипажей; шестеро сѣрыхъ жеребцовъ, въ серебряной сбруѣ, могли быть уподоблены баснословнымъ конямъ. Яковъ Назаровичъ везъ молодую супругу въ свою подгородную деревню, расположенную сейчасъ же за рѣкой, на красивѣйшемъ противоположномъ берегу. Проѣхавъ площадь, надобно было спускаться подъ гору. Экипажъ окружила со всѣхъ сторонъ темнота. Съ рѣки, какъ изъ пропасти, потянуло сырымъ, порывистымъ, апрѣльскимъ вѣтромъ. На самомъ льду, чтобы какъ-нибудь экипажи не сбились съ дороги и не попали въ полыньи, ихъ встрѣтили, по приказанію Якова Назаровича, человѣкъ двѣнадцать верховыхъ людей, съ зажженными факелами. Свадебный поѣздъ какъ бы превратился въ погребальную процессію.

— Что̀ это, меня точно хоронятъ!—проговорила Соня испуганнымъ голосомъ.

— Нѣту, моя душечка, нѣту, моя кралечка!—говорилъ супругъ, нѣжно цѣлуя ея ручки.

Но Соня дрожала.

Лошади потомъ дружно внесли экипажъ въ гору и остановились передъ освѣщеннымъ крыльцомъ, гдѣ молодыхъ встрѣтила цѣлая толпа лакеевъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и жилетахъ, а въ залѣ подъ мраморъ стояли Надежда Павловна и Петръ Григорьевичъ съ образами и стриженая, помѣшанная сестра Якова Назаровича, Валентина, лѣтъ шестидесяти дѣвица, проживавшая съ нимъ и воображавшая, ни много ни мало, что она плѣняетъ всѣхъ мужчинъ. Ее тоже вывели благословить брата.

— Покажи-ка, покажи свою молодую!—говорила она, прищуривая глаза.

Яковъ Назаровичъ подвелъ къ ней Соню.

— О, недурна! Черна только! — произнесла помѣшанная.

Соня была бѣла какъ мраморъ, но Валентина совершенною красавицей считала только самоё себя, и потомъ, когда начали пріѣзжать губернаторъ, вице-губернаторъ, предводитель—мужчины все видные, она то на того, то на другого стала кидать нѣжные взоры, раскланивалась, расшаркивалась передъ ними, такъ что ходившая за ней горничная дѣвушка сочла за нужное увести ее.

— Полноте, барышня, ступайте! Пора къ себѣ въ комнату,—сказала она, беря ее подъ руку.

— Но должна же я занять этихъ господъ! — отвѣчала помѣшанная, кидая на служанку гордый и гнѣвный взглядъ.

— Чего тутъ занять! Вѣдь Кузьма Иванычъ дожидается.

— Ахъ, да!—воскликнула Валентина, сейчасъ же перемѣнивъ тонъ, и, уходя къ себѣ, все повторяла: — ахъ, несчастный! несчастный!

Кузьма Ивановичъ былъ совершенно вымышленное лицо, но она воображала, что отъ любви къ ней онъ потонулъ; его спасли, и онъ идетъ къ ней. Что̀ бъ она ни дѣлала, какъ бы ни дурачилась, достаточно было сказать: «Кузьма Иванычъ идетъ къ вамъ!»—она сейчасъ же отправлялась въ свою комнату и дожидалась его.—«Какъ странно однако, такъ долго нейдетъ!»—повторяла она до тѣхъ поръ, пока не засыпала отъ усталости.

Гости между тѣмъ перешли въ гостиную. Стали подавать шампанское, и музыка заиграла тушъ. Соня въ какомъ-то утомленіи сѣла на диванъ и невольно склонила на его спинку свою чудную головку. Марья Николаевна тоже была разстроена и почти со слезами на глазахъ, такъ что Надежда Павловна спросила ее:

— Что̀ съ вами?

Достойная эта женщина сначала ничего не отвѣчала, но потомъ, взявъ Басардину за руку и крѣпко сжавъ ее, проговорила:

— Я любила ваше семейство и теперь люблю, но я была ужасно оскорблена!

Изъ церкви Марья Николаевна взяла къ себѣ въ карету Виктора, и что̀ уже у нихъ произошло тамъ—неизвѣстно, но только и тотъ какъ-то совался изъ стороны въ сторону, былъ замѣтно чѣмъ-то встревоженъ и наконецъ, улучивъ минутку, онъ остановилъ мать.

— Мнѣ, маменька, надобно завтра ѣхать въ Петербургъ.

— Это что̀ такое?

— Отпускъ выходитъ!..

И Викторъ въ самомъ дѣлѣ показалъ ей отпускъ, которому всего оставалось дня три.

— Что̀ жъ здѣсь-то не остаешься на службѣ? — спросила насмѣшливо Надежда Павловна.

— Очень нужно, со скотами этакими,—возразилъ Викторъ обыкновеннымъ своимъ тономъ.—Мнѣ, маменька, дайте денегъ-то!

— Дамъ, — отвѣчала Надежда Павловна. Она была рада, какъ бы нибудь, только отвязаться отъ него.

Свадебный ужинъ начался баснословной величины рыбой, сопровождаемою соусами изъ сои и омаровъ. Поваръ Якова Назаровича, по искусству, былъ первый въ городѣ. Надежда Павловна, сидѣвшая на самомъ почетномъ мѣстѣ и глядя на стоявшіе въ хрустальныхъ вазахъ дорогіе фрукты, на двухпудовыя серебряныя блюда подъ кушаньями, на шифрованныя и съ превосходною живописью тарелки, на богемскій, тонкій какъ бумага, хрусталь, блаженствовала. Подобной роскоши, оставивъ домъ князя, она уже не видывала. И все это теперь принадлежитъ ея Сонѣ.

А Петръ Григорьевичъ, напротивъ, былъ грустенъ. Неизвѣстно, по какому инстинкту, онъ лучше и яснѣе, чѣмъ его супруга, понималъ, что они дѣлали нехорошо, выдавая такимъ образомъ дочь: Богъ умудряетъ иногда и младенцевъ!

Но вотъ шафера возгласили послѣдній тостъ — здоровье какого-то восьмилѣтняго внука Якова Назаровича; стулья задвигались, и гости стали вставать, прощаться и разъѣзжаться. Аполлинарія Матвѣевна и двѣ другія дамы отвели Соню въ спальню.

Яковъ Назаровичъ прошелъ туда съ другой стороны. Огни въ домѣ погасали, и все стало мало-по-малу затихать. Не спалъ только Викторъ, мрачно ходившій по совершенно темной бильярдной; вдругъ промелькнула чья-то тѣнь.

Викторъ повглядѣлся. Оказалось, что это былъ молодой, въ халатѣ и съ подушкой въ рукахъ.

— Что̀ вы?—спросилъ его Викторъ.

Яковъ Назаровичъ грустно усмѣхался.

— Прогнала... Плачетъ... Не велитъ оставаться мнѣ тамъ!— проговорилъ онъ и прошелъ въ свою прежнюю холостую спальню.

— То-то дуракъ-то!—сказалъ ему вслѣдъ Викторъ.

На другой день Надежда Павловна была очень встревожена, во-первыхъ, тѣмъ, что у Сони замѣтно дрожала ручка и голова, и она ужъ безъ ужаса, кажется, видѣть не могла

мужа, а кромѣ того къ ней вдругъ прибѣжала горничная помѣшанной Валентины.

— У насъ несчастье-съ,—табакерка барышнина пропала,— объявила она.

— Какимъ это образомъ? — спросила Надежда Павловна сначала совершенно покойно. Она передъ тѣмъ только проводила Виктора, который уѣхалъ на почтовыхъ въ Петербургъ.

— Не знаю-съ, — отвѣчала горничная какимъ-то нерѣшительнымъ голосомъ.—Дорогая табакерка очень... Мы имъ только когда по праздникамъ и даемъ изъ нея нюхать.

Надежда Павловна пошла къ Валентинѣ.

— Только и всего... Ко мнѣ пришелъ этотъ молодой офицеръ—прекрасный, прекрасный молодой человѣкъ!.. Поцѣловалъ у меня руку!.. Только и всего!.. — разсказывала сумасшедшая.

Надежда Павловна ея больше не разспрашивала и, возвратившись въ свою комнату, опустилась на кресла.

— Господи! Только этого недоставало! — воскликнула она.

«А кто въ этомъ виноватъ?»—шевельнулось въ ея мысляхъ.— «И онъ, и я, и люди, и Богъ!» — произнесла мысленно бѣдная мать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Британія.

Огромные часы на угловомъ зданіи стараго университета показывали два часа. Изъ новаго университета, по его наклоненному двору, выходили уже студенты. Внизу юридическихъ аудиторій молодцоватый студентъ надѣвалъ на себя калоши и шинель, а со спиральной лѣстницы, съ самой верхней ея площадки, другой студентъ, свѣсивъ голову за перила, нѣсколько знакомымъ намъ голосомъ, кричалъ ему:

— Баклановъ, вы въ Британію?

— Въ Британію,—отвѣчалъ старый нашъ пріятель.

— И я приду!

— Ну да! — подтвердилъ Александръ, и когда онъ торопливо проходилъ черезъ средній подъѣздъ, швейцаръ Михайла дружелюбно замѣтилъ ему:

— Что̀, не сидится, видно, на лекціи-то!

— Дѣло есть поважнѣй лекцій! — отвѣчалъ ему Баклановъ серьезно.

Михайла усмѣхнулся ему въ слѣдъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нашимъ героемъ, онъ значительно возмужалъ: бакенбарды его подросли, лицо сдѣлалось выразительнѣй. Во всей его походкѣ, во всѣхъ движеніяхъ было что-то мужественное, смѣлое... Видно, что онъ рѣшился смѣло и бойко итти навстрѣчу жизни.

Перейдя улицу, онъ, прямо противъ манежа, повернулъ въ трактиръ съ грязноватою вывѣской и началъ взбираться по деревянной, усыпанной пескомъ лѣстницѣ. Это-то и была Британія. Стоявшій за прилавкомъ приказчикъ нѣсколько модно и съ улыбкой поклонился ему. Баклановъ мотнулъ ему головой, пройдя залу, повернулъ въ комнату направо. Въ чистой, бѣлой рубахѣ половой, съ блѣднымъ и умнымъ лицомъ, съ подстриженною небольшою бородой и съ намасленною головой, почти дружески снялъ съ Бакланова шинель и положилъ ее на давно, какъ видно, пріуроченное для нея мѣсто.

— Бирхманъ и Ковальскій были? — спросилъ Баклановъ, садясь на диванъ.

— Нѣтъ еще-съ, не приходили,—отвѣчалъ половой.

Баклановъ приподнялъ ногу на стулъ, при чемъ обнаружилъ тончайшіе, франтовскіе шаровары. Его сюртукъ, съ маленькимъ голубымъ воротникомъ, тоже сидѣлъ на немъ щеголевато.

Половой подалъ ему трубку и растрепанный номеръ «Репертуара».

— А кто въ бильярдной есть?—спросилъ Баклановъ.

— Проскриптскій, кажется-съ...

— О, чортъ съ нимъ!—произнесъ съ досадой Баклановъ.

Половой усмѣхнулся.

— Вчера у нихъ съ Варегинымъ и была же пановщина.

— Въ чемъ?

— Да все о душѣ-съ.

— И кто же кого?

Половой пожалъ плечами.

— Богъ ихъ знаетъ: Варегинъ-то словно бы правильнѣе на словахъ говорилъ.

— Варегинъ — умница!

— Да-съ, — согласился и половой: — господинъ большого разсудка. Говорятъ, онъ изъ нашего, изъ простого званія-съ.

— Онъ мѣщанинъ. Тогда наслѣдникъ съ Жуковскимъ путешествовалъ. Ему его и представили: задачи онъ въ головѣ, самоучкой, рѣшалъ. Тотъ велѣлъ его взять въ гимназію, въ

два мѣсяца какіе-нибудь, читать не умѣвши, въ третій классъ приготовился.

Половой съ удовольствіемъ улыбался.

— Что̀ оно, значитъ, природное-то! — произнесъ онъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, а потомъ, торопливо подавъ порцію чаю вновь пришедшимъ посѣтителямъ, опять подошелъ къ Бакланову.

— Проскриптскій этта-съ... можетъ, изволите знать: изъ думы сюда ходитъ чиновникъ... чинъ тоже получилъ и ходилъ къ Иверской молебенъ служить... онъ на него и напалъ: «у червяка, говоритъ, голова, и у васъ: червяку отрѣжь голову и вамъ, и оба вы умрете!». Такъ того, бѣднаго, пробралъ...

— Піявка! ко всѣмъ льнетъ!..—отвѣчалъ Баклановъ.

Вошли Бирхманъ и Ковальскій. Первый изъ нихъ былъ длиннѣйшій нѣмецъ. Голубые глаза его имѣли нѣсколько телячье выраженіе, но очертанія лица были довольно тонки, и сквозь бѣлую, нѣжную кожу просвѣчивали на лбу тоненькія жилки. Одѣтъ онъ былъ въ нескладный вицмундиръ и въ уродливѣйшую, казенную, сѣро-синюю шинель, подбитую зеленою байкой съ бѣленькими лапками. Ковальскій, напротивъ, былъ маленькій, приземистый мужчина, сутуловатый, съ широкими, приподнятыми вверхъ, какъ на статуѣ Геркулеса, плечами. Онъ какъ пришелъ, такъ сейчасъ же взялъ съ комода щетку и началъ ею чистить свой сюртукъ, полы котораго, въ самомъ дѣлѣ, были страшно перепачканы въ грязи.

— Гдѣ это ты такъ вывалялся? — крикнулъ ему Баклановъ.

— Это онъ меня везъ! — отвѣчалъ за него и совершенно спокойно Бирхманъ, садясь на стулъ къ столику противъ Бакланова.

— Что̀ жъ, заказывай по условію-то!.. — произнесъ угрюмо Ковальскій, подходя и тоже садясь около столика.

— Сосисокъ дай! — сказалъ Бирхманъ, попрежнему равнодушнымъ образомъ и не повертывая даже головы къ половому.

— Если самъ будешь ѣсть, такъ заказывай двѣ порціи,— прибавилъ Ковальскій.

— Ну, двѣ! — сказалъ и на это тѣмъ же тономъ нѣмецъ.

Оба эти молодые люди были изъ Александровскаго сиротскаго института и жили вмѣстѣ въ казенномъ домѣ. Бирхманъ, имѣвшій кое-когда деньжонки, нерѣдко, особенно въ темные осенніе вечера, пріѣзжалъ въ Британію верхомъ на пріятелѣ и угощалъ его за это водкой, пивомъ, кушаньями.

— Какъ у тебя силы хватаетъ нести этакую дубину? — спросилъ его Баклановъ.

— Да ничего бы,—отвѣчалъ Ковальскій, передернувъ слегка плечами: — болтается только, не сидитъ никакъ крѣпко.

— Это меня вѣтромъ сдуваетъ, — отвѣчалъ Бирхманъ, хотя бы съ малѣйшимъ слѣдомъ улыбки на лицѣ, но прочіе всѣ, не выключая и полового, засмѣялись.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое! — говорилъ Баклановъ. — А что̀, господа, — прибавилъ онъ: — въ пятницу мы въ театрѣ?

— Въ театрѣ, — отвѣчалъ равнодушно Бирхманъ.

— О, разумѣется, — подхватилъ Ковальскій. Онъ надѣялся и назадъ протащить пріятеля на своихъ плечахъ и получить за это съ него билетъ въ раекъ.

— Надобно, господа, надобно, — говорилъ Баклановъ: — а то этотъ господинъ теперь пріѣхалъ, привезъ свою мерзавку; эту несчастную гонятъ. Они дойдутъ наконецъ до того, что вытурятъ и Щепкина, и Садовскаго, и Мочалова и пришлютъ намъ братьевъ Каратыгиныхъ.

Бирхманъ сдѣлалъ движеніе головой, которымъ какъ бы говорилъ: «нѣтъ, они у меня этого не сдѣлаютъ!».

— Во-первыхъ,—продолжалъ Баклановъ:—эту госпожу надо освистать,—она дрянь, а та—божество, талантъ.

— Освистать! — произнесъ Бирхманъ.

— Можно сдѣлать такую машину... какъ ее поставишь сейчасъ промежъ колѣнъ, подавишь — шикнетъ, какъ сто человѣкъ! — подхватилъ Ковальскій. Кромѣ необыкновенной силы, онъ былъ еще и искусникъ на всѣ механическія работы.

— Финкель, портной, приходилъ,—вмѣшался въ разговоръ половой: — онъ говоритъ, если господамъ, говоритъ, угодно, я пришлю въ театръ своихъ подмастерьевъ. Одинъ, говоритъ, такъ у меня свиститъ, что лошади на колѣни падаютъ, и теперь, если ему—стараго, говоритъ, платья у меня много — дать ему фракъ, и взять только, значитъ, ему надо билетъ въ кресла.

— Это можно будетъ, но главное вотъ что̀... — продолжалъ Баклановъ, одушевляясь:—этой нашей госпожѣ надобно у нихъ, канальевъ, подъ носомъ подарить вѣнокъ или колье какое-нибудь брильянтовое... У меня моихъ собственныхъ сто цѣлковыхъ готовы — нарочно выпустилъ мужика на волю... Вы, Бирхманъ, сколько дадите?

— Я дамъ тоже столько, сколько у меня въ то время въ карманѣ будетъ, — отвѣчалъ положительно Бирхманъ.

— Я дамъ тоже, сколько у него будетъ! — подхватилъ и Ковальскій.

— Мы дадимъ оба, сколько у насъ тогда будетъ, — сказалъ еще опредѣлительнѣе Бирхманъ.

— Превосходно!—воскликнулъ Баклановъ.—Венявина я послалъ съ подписнымъ листомъ... Тамъ, на первомъ курсѣ, пропасть аристократишковъ поступило... посмотримъ, сколько отвалятъ и поддержатъ ли университетъ!

На эти слова его, въ комнату, какъ бы походкой гіены, вошелъ сутуловатый студентъ, съ нѣсколько старческимъ лицомъ и въ очкахъ. Кивнувъ слегка нашимъ пріятелямъ головой, онъ пришелъ и сѣлъ у другого столика.

— Дай мнѣ «Отечественныя Записки»! — проговорилъ онъ пискливымъ голосомъ.

Половой молча подалъ ему.

Между тѣмъ у Бакланова, съ приходомъ этого лица, какъ бы языкъ прилипъ къ гортани.

— Вы видѣли ее въ «Гризельдѣ»?—продолжалъ онъ гораздо тише и какъ-то не такъ бойко.

— Видѣлъ! — отвѣчалъ попрежнему громко Бирхманъ.

— Вѣдь это чортъ знаетъ что̀ такое! Летучая мышь! — говорилъ Баклановъ, не возвышая голоса

Въ это время явился Венявинъ — усталый, запыхавшійся; волосы его торчали въ разныя стороны...

— Какъ нельзя лучше все устроилось,—говорилъ онъ, подходя прямо къ Бакланову: — юристы подписались на семьдесятъ пять рублей, математики тоже изъявили согласіе, и медиковъ человѣкъ двадцать будетъ въ театрѣ.

— Ну, умница! паинька! — сказалъ Баклановъ: — дай ему за это чаю! — обратился онъ къ половому.

— Нѣтъ, лучше водочки дайте! — говорилъ Венявинъ, какъ бы начиная ужъ кокетничать, а потомъ, такъ какъ около Бакланова не было мѣста, онъ сѣлъ рядомъ съ Проскриптскимъ. Тотъ ядовито на него посмотрѣлъ.

— Что̀ это вы такъ хлопочете? — проговорилъ онъ своимъ обычнымъ дискантомъ.

Венявинъ, по своему добродушію, сейчасъ же сконфузился.

— Что̀ дѣлать, нельзя! — отвѣчалъ онъ.

— Хлопочетъ, какъ и всѣ порядочные люди!—обратился наконецъ Баклановъ къ Проскриптскому, гордо поднимая голову.

— Вы бы ужъ лучше въ гусары шли, — обратился тотъ опять къ Венявину.

— А вы думаете, что насъ и гусаровъ одно чувство заставляетъ? — перебилъ его Баклановъ.

— У тѣхъ оно естественнѣе, потому что оно чувственность,—возразилъ Проскриптскій.

— Искусствомъ актера, значитъ, наслаждаться нельзя? — сказалъ Баклановъ.

— Хи-хи-хи!—засмѣялся Проскриптскій.—Что̀ же такое искусство актера?.. Искуснѣе сдѣлать то, что̀ другіе дѣлаютъ... искусство не быть самимъ собой—хи-хи-хи!

— Въ балетѣ даже и этого нѣтъ! — возразилъ Баклановъ.

— Балетъ я еще люблю; въ немъ, по крайней мѣрѣ, насчетъ клубнички кое-что есть,—продолжалъ насмѣхаться Проскриптскій.

— Въ балетѣ есть грація, которая живетъ въ рафаэлевскихъ Мадоннахъ, въ Венерѣ Милосской, — говорилъ Баклановъ, и голосъ его дрожалъ отъ гнѣва.

— Хи-хи-хи! — продолжалъ Проскриптскій: — въ риторикахъ тоже сказано, что прекрасное раздѣляется на возвышенное, граціозное, милое и наивное.

— Ну, пошелъ!—проговорилъ Баклановъ, стараясь придать себѣ тонъ пренебреженія. — А, Варегинъ! — прибавилъ онъ, дружелюбно обращаясь къ вошедшему, лѣтъ двадцати пяти, студенту, съ солиднымъ лицомъ, съ солидной походкой и вообще, всею своею фигурой, внушающему какое-то почтеніе къ себѣ.

— Виватъ, виватъ Петру Александровичу! — пропѣлъ Ковальскій, достаточно упитавшійся полученными имъ за труды сосисками.

— Gut Morgen!—проговорилъ пришедшему привѣтливо и Бирхманъ, который, во все время спора Бакланова съ Проскриптскимъ, отчаянно и молча курилъ, хотя въ то же время его нѣжное лицо то краснѣло, то блѣднѣло. Не надѣясь на свое вмѣшательство словомъ, онъ, кажется, съ большимъ бы удовольствіемъ отдубасилъ Проскриптскаго кулаками.

— Здравствуйте! здравствуйте! — говорилъ между тѣмъ Варегинъ, подавая всѣмъ руку. — Здравствуйте ужъ и вы!— прибавилъ онъ, обращаясь къ Проскриптскому.

— Здравствуйте-съ! — отвѣчалъ тотъ и опять постарался засмѣяться.

— Въ грацію ужъ не вѣритъ! — сказалъ Баклановъ, показывая Варегину головой на Проскриптскаго.

— Во вздоръ вѣритъ, а въ то, что̀ передъ глазами—нѣтъ!— отвѣчалъ Варегинъ, спокойно усаживаясь на стулъ.

— Что̀ такое вѣрить? Я не знаю, что̀ такое значитъ вѣрить; или, въ самомъ дѣлѣ, вѣра есть уповаемыхъ вещей извѣщеніе, невидимыхъ вещей обличеніе! хи-хи-хи!

— Мы говоримъ про вѣру въ мысль, въ истину, — подхватилъ Баклановъ.

— А что̀ такое мысль, истина? Что̀ сегодня истина, завтра можетъ быть пустая фраза. Вѣдь считали же люди землю плоскостью!

— Стало-быть, и Коперникъ вретъ? — спросилъ ужъ Варегинъ.

— Вѣроятно!

— Но какъ же пророчествуютъ по астрономическимъ вычисленіямъ?

— Случайность!

— Случайность, вы полагаете? — произнесъ протяжно Варегинъ.

Студентовъ, такъ какъ ужъ было около четырехъ часовъ, набиралось все больше и больше. Дымъ густыми облаками ходилъ по комнатѣ. Меньше всѣхъ обнаруживали участіе къ спору двое студентовъ-медиковъ. Они благоразумно велѣли подать себѣ, на одномъ дальнемъ столикѣ, водки и борщу и только молча показывали другъ другу головой, когда, по ихъ расчету, слѣдовало пропустить по маленькой. Около Проскриптскаго помѣстились двое его поклонниковъ, одинъ—молоденькій студентъ съ впалыми глазами, а другой—какой-то чрезвычайно длинноволосый, нечесаный и безпрестанно заглядывающій въ глаза своему патрону. Бирхманъ съ досады пилъ съ Ковальскимъ седьмую бутылку пива. Баклановъ тоже ѣлъ ростбифъ и пилъ портеръ.

— Вотъ вѣдь что̀ досадно: зачѣмъ же вы вѣрите въ соціализмъ-то, въ кисельные-то берега и медовыя рѣки?—говорилъ онъ Проскриптскому.

— Э, вѣритъ! Разговоры только это! упражненіе въ діалектикѣ! — подхватилъ Варегинъ.

— Что̀ жъ такое діалектика? Человѣчество до сихъ поръ только и занималось, что діалектикой, — подтвердилъ Проскриптскій.

— А желѣзныя дороги тоже діалектика? — спросилъ Варегинъ.

— Полезная слесарямъ и инженерамъ! Хи-хи-хи!—смѣялся Проскриптскій.

— Но вѣдь, чортъ возьми, онѣ связываютъ людей, соединяютъ ихъ! — воскликнулъ Баклановъ.

— А зачѣмъ человѣчеству нужно это? Дикіе, живущіе въ степяхъ, конечно, счастливѣе меня! — возразилъ, какъ бы съ наивностью, Проскриптскій.

— Именно! — подхватилъ, почему-то вдругъ одушевившись, студентъ съ впалыми глазами.

— Ну да, разумѣется! — подтвердилъ за нимъ и длинноволосый.

Венявинъ, выпившій двѣ рюмки и совсѣмъ отъ этого захмелѣвшій, толковалъ Ковальскому:

— Я люблю науку... люблю...

— Отчего же вы изъ римскаго права единицы получаете?— окрысился на него Проскриптскій.

— Ну да, что̀ жъ такое! И получаю, а все-таки люблю науку! — говорилъ Венявинъ.

Въ другомъ мѣстѣ между кучками студентовъ слышалось:

— Рѣдкинъ чудо какъ сегодня говорилъ о колонизаціяхъ.

— Что̀ жъ, въ чемъ это чудо заключалось? — обратился вдругъ къ нимъ Варегинъ.

— Да онъ говорилъ въ томъ же духѣ, какъ и Грановскій!— отвѣчали ему.

Варегинъ усмѣхнулся.

— Тѣхъ же щей, да пожиже влей! — произнесъ онъ.

— Грановскій душа-человѣкъ, душа! — подтвердилъ Венявинъ.

— Старая чувствительная дѣвка!—сказалъ Проскриптскій.

Варегинъ при этомъ только посмотрѣлъ на него.

Баклановъ, которому надоѣли эти споры, всталъ и, надѣвъ шинель, проговорилъ:

— Кто жъ, господа, будетъ въ театрѣ?

— Мы! и мы!—отозвались почти со всѣхъ сторонъ, но потомъ вдругъ мгновенно все смолкло.

— Тертіевъ поетъ!—воскликнулъ Венявинъ и, перескочивъ почти черезъ голову Ковальскаго, убѣжалъ.

Баклановъ пошелъ за нимъ же.

Въ бильярдной они увидѣли молодого, бѣлокураго студента, который, опершись на кій и подобравъ высоко грудь, пѣлъ чистымъ теноромъ:

„Ужъ какъ кто бы, кто моему горю помогъ“.

Слушали его нѣсколько студентовъ. Венявинъ шмыгнулъ съ ногами на диванъ и превратился въ олицетворенное блаженство.

Въ сосѣдней комнатѣ Кузьма (знакомый намъ половой), прислонившись къ притолокѣ, погрузился въ глубокую задумчивость. Прочіе половые также слушали. Многіе изъ гостей-купцовъ не безъ удовольствія повернули свои уши къ дверямъ. Не слушали только—Проскриптскій, сидѣвшій уткнувъ глаза въ книгу, и двое его почитателей, которые, вѣроятно, изъ подражанія ему, вели между собою довольно громкій разговоръ.

Начали наконецъ засвѣчать огни.

Баклановъ пошелъ домой и на лѣстницѣ встрѣтился съ Проскриптскимъ.

— И вы уходите? — проговорилъ-было онъ ему довольно вѣжливо.

— Да, ухожу-съ! — отвѣчалъ тотъ обыкновеннымъ своимъ смѣшкомъ.

Сойдя съ лѣстницы, они разошлись: Баклановъ пошелъ къ Кремлевскому саду, а Проскриптскій на Арбатъ.

— Кутейникъ! — проговорилъ себѣ подъ носъ Баклановъ.

— Барченокъ! — прошепталъ Проскриптскій.

А изъ трактира между тѣмъ слышалось пѣніе Тертіева:

„Руки, ноги скованы, его красная рубаха вся-то поизорвана!“

II.

Милое, но нелюбимое существо.

Луна, точно гигантовъ какихъ, освѣщала кремлевскія башни. Дорожки сада она покрывала бѣловатымъ свѣтомъ. Еще не совсѣмъ облетѣвшіе кусты деревьевъ представлялись черными кучами. Баклановъ шелъ быстро и распустивъ свою шинель. Его благородная кровь (предокъ Александра, при Іоаннѣ Грозномъ, былъ повѣшенъ; другой предокъ, при Петрѣ, отличился подъ Полтавой, а при Екатеринѣ Баклановы служили землемѣрами),—его юношеская кровь легко и свободно текла въ здоровомъ тѣлѣ. Пройдя садъ, онъ повернулъ въ одинъ изъ переулковъ и вошелъ въ калитку небольшого деревяннаго домика. Это была его квартира, которую онъ нанималъ, съ самаго своего поступленія въ университетъ, у пожилой польки-вдовы, пани Фальковской. Если ужъ непремѣнно необходимо что-нибудь сказать о свойствахъ этой дамы, то, во-первыхъ, она очень любила покушать.

— Цо то значе, яко мало ѣдзо млоды людзи! — говорила она, относя эти слова къ постояльцу и къ дочери, и если въ супѣ оставался хоть маленькій кусочекъ мяса, она его сейчасъ же вытаскивала и доѣдала.

Послѣ обѣда она любила заснуть и при этомъ такъ засыпала свои маленькіе глазки, что, встрѣчаясь въ такомъ видѣ съ Баклановымъ, даже совѣстилась.

— Ой, не глядите, не глядите, стыдно!—говорила она, закрывая лицо руками и отвертываясь.

На каждомъ окнѣ у нея были цвѣты и канарейки, а по всему дому, не выключая и сѣней, постланы ковры.

Баклановъ, собственно, занималъ двѣ комнаты. Одна изъ нихъ была убрана стульями и маленькимъ фортепіано; а въ другой стояли въ порядкѣ: прибранный письменный столъ,

передъ нимъ вольтеровское кресло, по стѣнѣ мягкій, покойный диванъ, на которомъ лежала прелестно вышитая шерстями подушка, подарокъ хозяйкиной дочери, панны Казимиры, о которой я упоминалъ уже въ первой части моего романа. Въ углу комнаты, на нарочно постланной подстилкѣ, лежала лягавая собака, которая, при появленіи хозяина, сейчасъ же вскочила и начала прыгать.

— Здравствуй, Пегасушка, здравствуй! — говорилъ Баклановъ, раскланиваясь передъ ней.

Собака тоже передъ нимъ раскланивалась, опускаясь на переднія лапы и слегка полаивая.

Благообразный лакей, котораго Александръ нарочно выбралъ для себя изъ дворовыхъ мальчиковъ, снялъ съ него сюртукъ, подалъ ему надѣть вмѣсто него черный стеганый архалукъ и зажегъ на столѣ двѣ калетовскія, въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, свѣчки.

Вообще, во всемъ этомъ обиходѣ д машней жизни молодого человѣка была замѣтна порядочность и нѣкоторое стремленіе къ роскоши и щегольству.

— Александръ Николаевичъ, вы пришли?—послышался изъ сосѣдней комнаты женскій голосъ.

— Пришелъ-съ.

— Можно къ вамъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла дѣвушка лѣтъ девятнадцати, скромная на видъ, не красавица собой, но и не дурная, довольно со вкусомъ одѣтая въ холстинковое платье: это была панна Казимира. Она сейчасъ же сѣла на вольтеровское кресло. Лягавая собака не замедлила подойти къ ней. Казимира приласкала ее.

— Что̀ вы не приходили обѣдать?.. Мамаша ждала, ждала васъ, — говорила она.

— А теперь она спитъ?

— Спитъ...

— Вверхъ брюшкомъ?

— Да, — отвѣчала Казимира съ улыбкой: — но гдѣ же вы были цѣлый день? — прибавила она.

— Возился все съ театромъ, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, что̀ это! Что̀ вамъ за охота!—проговорила дѣвушка и покачала головой.

— Какъ, что̀ за охота? Надобно же показать, что мы дорожимъ нашими талантами, а то это проклятое чиновничество чортъ знаетъ что̀ надѣлаетъ!—отвѣчалъ Баклановъ, беря лежавшую на диванѣ красную феску и надѣвая ее себѣ на голову.

Казимира невольно потупилась. Молодой человѣкъ, въ этой надѣтой нѣсколько набекрень красной шапочкѣ, которая еще болѣе оттѣняла его черные, вьющіеся волосы, былъ очень красивъ.

Онъ усѣлся на диванѣ въ небрежной позѣ.

— Вы, вѣрно, влюблены въ эту Санковскую?—начала опять Казимира.

— Хм... — усмѣхнулся Баклановъ.—Вы, кажется, должны хорошо знать, что я ни въ кого не могу быть влюбленъ,— прибавилъ онъ, бросая на дѣвушку выразительный взглядъ.

Существующія въ настоящее время между молодыми людьми отношенія были довольно странны: Казимира влюбилась въ Бакланова съ первыхъ же дней, какъ онъ поселился у нихъ. Со своею богатою обстановкой, со своимъ крѣпостнымъ лакеемъ, онъ, умный, добрый и красивый, казался ей какимъ-то милліонеромъ и въ то же время полубогомъ, болѣе даже чѣмъ Венявину. Баклановъ, съ своей стороны, особенно послѣ его неудачной любви къ Сонѣ, тоже шутилъ съ ней... любезничалъ... смѣялся... Все это, какъ бы напитанныя ядомъ стрѣлы, входило въ сердце пылкой панны. Разъ—это было въ полутемноватомъ московскомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ они, въ сопровожденіи старухи Фальковской, ходили кое-что закупать, Казимира шла подъ руку съ Баклановымъ и все старалась оставить мать позади, а потомъ вдругъ крѣпко-крѣпко оперлась на его руку.

— Скажите мнѣ,—говорила она:—что̀ это такое со мной?.. Съ тѣхъ поръ, какъ вы у насъ живете, я такъ счастлива, такъ всѣхъ люблю!..

Баклановъ на это только усмѣхнулся.

— Неужели я въ васъ влюблена?—прибавила Казимира.

Александръ покраснѣлъ

— Послушайте,—началъ онъ, голосъ его слегка дрожалъ:— вы чудная, прекрасная дѣвушка, и я хочу быть въ отношеніи васъ благороденъ: не любите меня... я люблю другую...—проговорилъ онъ и вздохнулъ

— Кого же? — спросила Казимира, совсѣмъ уничтоженная.

— Послѣ... послѣ вы все узна̀ете, — отвѣчалъ Александръ и остановился, чтобы подождать старуху Фальковскую.

Послѣ это настало невдолгѣ. Въ однѣ сумерки они остались вдвоемъ. Казимира, подъ вліяніемъ своихъ тяжелыхъ думъ, сидѣла тихо за работой, а Баклановъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы видали у меня эту вещь?—заговорилъ онъ, останавливаясь передъ ней и вынимая изъ-подъ жилета висѣвшій на груди его маленькій медальонъ.

— Что̀ такое тутъ?—спросила Казимира, устремляя на него невольно нѣжный взоръ.

— Посмотрите!—И Баклановъ раскрылъ медальонъ

Тамъ хранилась знакомая намъ записочка Сони. Онъ бережно вынулъ ее и подалъ Казимирѣ.

— Это отъ той, которую вы любите? — проговорила она, болѣе машинально прочитавъ написанное.

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Зачѣмъ же она такъ пишетъ? — спросила, послѣ короткаго молчанія, Казимира и точно при этомъ спряталась вся въ свои кресла.

— Что̀ дѣлать! Обстоятельства!.. Жизнь!..

— О, какія могутъ быть для этого обстоятельства! — воскликнула Казимира.

Въ голосѣ ея слышались грусть и насмѣшка.

— А такія... — отвѣчалъ Баклановъ и не докончилъ.

— Вы и теперь еще переписываетесь? — спросила Казимира. Лицо ея при этомъ поблѣднѣло.

— Нѣтъ.

— Но чѣмъ же все это должно кончиться?

— Не знаю! Охъ, хо-хо-хо! — произнесъ Баклановъ со вздохомъ.

Разговоръ, въ этомъ родѣ, опять въ непродолжительномъ времени возобновился между молодыми людьми и сталъ повторяться довольно часто. Александръ чувствовалъ какое-то особенное наслажденіе говорить съ Казимирой объ ея соперницѣ.

Въ настоящій вечеръ, бывъ особенно въ припадкѣ чувствительности, онъ не преминулъ заговорить о томъ же.

— Кто разъ любилъ хорошо, тому долго не собраться съ силами на это чувство! — произнесъ онъ.

— Вы какихъ лѣтъ ее полюбили? — спросила Казимира. Она, въ свою очередь, тоже находила какое-то болѣзненное удовольствіе слушать Александра, когда онъ разсказывалъ о любви своей къ другой, хотя по временамъ это становилось ей очень и очень тяжело.

— Почти что съ дѣтскихъ лѣтъ, — отвѣчалъ Баклановъ, разваливаясь на диванѣ. — Мы росли съ ней вмѣстѣ и, разумѣется, какъ дѣти, играли въ разныя игры, между прочимъ и въ свадьбы: я будто мужъ, а она жена... заберемся въ темный уголъ и сидимъ тамъ...

Казимира склонила голову на руку, и, кажется, вся кровь прилила ей къ лицу.

— Потомъ,—продолжалъ Баклановъ:—я жилъ съ матерью въ деревнѣ; только разъ гулялъ въ полѣ, прихожу домой, го-

ворятъ: Басардины пріѣхали; вхожу и вижу, вмѣсто маленькой дѣвочки—совсѣмъ сформировавшуюся, и не съ двумя, а съ одною ужъ косой, съ длинными, бѣлыми, чудными ручками!.. (При этомъ онъ невольно взглянулъ на исколотые иголкою и слегка красноватые пальцы Казимиры). Мнѣ такъ какъ будто бы что-то въ сердце ударило... чувство настоящее заговорило.

— Да, понимаю,—отвѣчала Казимира со вздохомъ, припоминая собственное чувство къ Александру.

— Ну, потомъ я учился въ гимназіи, а она въ пансіонѣ, и ѣздила къ намъ... Въ домѣ у насъ огромная зала... ходимъ мы съ ней, бывало, и она все меня спрашиваетъ: кто мой идеалъ? — Баклановъ такъ при этомъ одушевился, что даже поприсѣлъ.—Я говорю:—«Вы его знаете, видали».—«Гдѣ?.. Когда?..»—«Въ зеркалѣ», говорю!

Казимира въ это время держала свою голову обѣими руками. О, для чего это счастье выпало не на ея долю.

— Она сконфузилась,—говорилъ Баклановъ:—а въ то время было стихотвореніе: «Не говори ни да ни нѣтъ!». Я ужъ къ ней сталъ приставать: «да или нѣтъ?»—спрашиваю.—«Да»,—говоритъ.

Казимира вздохнула.

— Ну, и что же?

— А то же, что были минуты полнаго, безумнаго счастья!

— Какъ, неужели дошло до конца?—проговорила съ нѣкоторымъ удивленіемъ Казимира.

— Да!

Баклановъ такъ привыкъ по этому случаю прилыгать, что даже и самъ не замѣчалъ, когда дѣлалъ это.

— Какъ же она въ такомъ видѣ вышла за другого?—проговорила Казимира, уже вставая. Сердце ея не въ состояніи было долѣе переносить эту муку.

— Вы читали, какъ она вышла,—отвѣчалъ Баклановъ.—Но погодите, постойте! куда же вы?—прибавилъ онъ, беря Казимиру за руку.

Та отвернулась отъ него, какъ бы затѣмъ, чтобъ онъ не видѣлъ ея лица.

— Посидите!—сказалъ онъ и посадилъ ее почти силой на диванъ.

— Нѣтъ! пустите, пустите!—проговорила вдругъ Казимира и пошла: на глазахъ ея видны были слезы.

Баклановъ посмотрѣлъ ей задумчиво вслѣдъ.

— Будь покойна, мое кроткое существо... я не погублю тебя!—произнесъ онъ тономъ самоотверженія.

Но въ самомъ дѣлѣ Казимира просто не нравилась ему своей наружностью.

III.

Андреянова на московской сценѣ.

Къ подъѣзду Большого театра, почти безпрерывною цѣпью, подъѣзжали кареты. По коридорамъ бѣгали чиновники, почему-то почище и посвѣжѣе одѣтые. Зала театра, кромѣ люстры, была освѣщена еще двумя рядами свѣчъ. Изъ директорской ложи виднѣлись полныя и гладко выбритыя физіономіи. Декораціи, изображавшія какой-то трудно даже вообразимый, но все-таки прелестный и полный фантастическихъ тѣней видъ, блистали явною новизной. Кордебалетъ, тоже весь одѣтый до послѣдней ниточки въ свѣжій газъ и трико, къ величайшему наслажденію сидѣвшаго въ первомъ ряду, съ отвислою губою, старикашки, давно уже поднималъ передъ публикой ноги и, остановившись въ этой позѣ, замиралъ на нѣсколько минутъ, а потомъ, вдругъ повернувшись, поднималъ ножки передъ стоявшимъ въ мрачной позѣ героемъ балета, чтобъ и его не обидѣть; затѣмъ, ставъ на колѣна и раскинувъ надъ собой разноцвѣтныя покрывала, изображалъ какъ бы роскошнѣйшій цвѣтникъ.

Баклановъ и Венявинъ, оба въ мундирахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и при шпагахъ, сидѣли во второмъ ряду. Подмастерье отъ Финкеля, хотя и во фракѣ, но сидѣлъ на купонѣ. Въ райкѣ, съ правой стороны, виднѣлись физіономіи Бирхмана и Ковальскаго, а съ лѣвой—сидѣла почти цѣлая шеренга студентовъ-медиковъ. Математики наняли себѣ три ложи. Изъ молоденькихъ юристовъ человѣкъ десять сидѣли въ креслахъ. Наконецъ примадонна, высокая, стройная, не совсѣмъ только граціозная, вылетѣла. Костюмъ ея былъ прелестенъ. Какъ-то порывисто вытянувъ свою правую ногу назадъ, она наклонилась къ публикѣ, при чемъ обнаружила довольно пріятной формы грудь, и стала на другой ногѣ повертываться. Въ директорской ложѣ ей слегка похлопывали. Въ публикѣ сначала ей застучали саблями два офицера, имѣвшіе привычку встрѣчать аплодисментами всѣхъ примадоннъ. Хлопали также дежурный квартальный и человѣка три театральныхъ чиновника, за которыми наконецъ грохнуло и купечество, когда примадонна очень уже высоко привскочила. Заговорщики еще себя сдерживали: между ними положено было дать ей протанцовать цѣлый актъ и потомъ, какъ бы убѣдившись въ ея неискусствѣ, проявить свое мнѣніе.

— Бумъ! бумъ! бумъ!—ревѣли барабаны. Примадонна дѣлала частенькія, мелкія па, потомъ, повернувшись, остановилась лицомъ передъ публикой, развела руками и ангельски улыбнулась; наконецъ, все больше и больше склоняясь, скрылась въ глубь сцены. Ей опять захлопали. Заговорщики все еще продолжали не заявлять себя, но когда кордебалетъ снова высыпалъ со всѣхъ сторонъ на авансцену, дѣлавшуюся все темнѣе и темнѣе, потолокся тутъ, раскинулся потомъ на разнообразнѣйшія группы, и когда посреди ихъ примадонна, выбѣжавъ съ женъ-премьеромъ, поднялась на его рукахъ въ позѣ улетающей феи, и изъ передней декораціи, для произведенія большаго эффекта, освѣтили ее электрическимъ свѣтомъ,—Ковальскій въ райкѣ шикнулъ въ свою машинку на весь театръ. Его поддержали шиканьемъ человѣкъ двадцать медиковъ, а изъ купона раздался свистъ подмастерья. Частный приставъ бросился туда.

— Кто это, господа, тутъ свиститъ?—сказалъ онъ.

— Это, должно-быть, вы сами свистнули; здѣсь никто не свистѣлъ,—отвѣчалъ ему господинъ совершенно почтенной наружности.

Частный приставъ, очень этимъ обидѣвшись, вышелъ въ коридоръ.

— Пошлите пожарныхъ на лампу. чтобы хлопали тамъ!—крикнулъ онъ квартальному.

— Примадоннѣ дурно! опустите занавѣсъ! — слышалось на сценѣ за декораціями.

— Нѣтъ, ничего, дотанцуетъ!—возражалъ другой голосъ, и примадонна, въ самомъ дѣлѣ, хоть и очень разстроенная, но дотанцовала, пока не унесена была слетѣвшими духами на небо. Занавѣсъ упалъ. Пожарные еще похлопывали надъ люстрой. Публика хлынула въ кофейную; послышались разнообразнѣйшіе толки.

— Помилуйте, за что это? У ней есть и грація и умѣнье!—толковалъ театральный чиновникъ.

— Ничего у нея нѣтъ, ничего!—возражалъ ему запальчиво Баклановъ.

— Все есть, все!—повторилъ чиновникъ.

— Можетъ-быть, все, только не то, что̀ надо, — отвѣчалъ ядовито Баклановъ.

Въ коридорѣ полицеймейстеръ распекалъ частнаго.

— Студенты, помилуйте, студенты! — оправдывался тотъ.

— Начальство ихъ надо сюда! — говорилъ полковникъ, и ко второму акту въ заднихъ рядахъ показался синій вицмундиръ субъ-инспектора.

Баклановъ и Венявинъ торжествовали.

Примадонна, оскорбленная, огорченная и взволнованная, дѣлала все, что̀ могла. Танецъ ея былъ страстный: въ какомъ-то точно опьянѣніи, она то выгибалась всѣмъ тѣломъ и закатывала глаза, то вдругъ съ какимъ-то дѣтскимъ ужасомъ отбѣгала отъ преслѣдующаго ее женъ-премьера, — но агитаторы были неумолимы: въ тотъ самый моментъ, когда она, внявъ мольбамъ прелестнаго юноши, подлетѣла къ нему легкою птичкой — откуда-то сверху, изъ ложи, къ ея ногамъ упала, громко звякнувъ, черная масса. Примадонна съ ужасомъ отскочила на нѣсколько шаговъ. Женъ-премьеръ, тоже съ испугомъ, поднялъ передъ публикой брошенное.

— Мертвая кошка! — произнесъ чей-то голосъ на креслахъ.

Общій хохотъ раздался на всю залу.

— Браво! Мертвая кошка! Браво! — кричалъ неистово въ креслахъ Баклановъ, такъ что всѣ на него обернулись.

— Мертвая кошка! — повторялъ за нимъ Венявинъ.

Съ примадонной въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось дурно. Въ директорской ложѣ совершенно опустѣло: оттуда всѣ бросились наверхъ, откуда была брошена мертвая кошка.

— Мертвая кошка! — продолжалъ кричать Баклановъ.

— Пожалуйте къ субъ-инспектору, — сказалъ подошедшій къ нему капельдинеръ.

— Убирайся къ чорту! — отвѣчалъ ему Александръ.

На сценѣ между тѣмъ безтолково прыгалъ кордебалетъ. Субъ-инспекторъ, пробовавшій-было вызвать по крайней мѣрѣ хоть кого-нибудь изъ математиковъ, сидѣвшихъ въ ложахъ въ бель-этажѣ и передъ глазами всей публики хохотавшихъ, но не успѣвъ и въ томъ, поскакалъ на извозчикѣ въ университетъ, доложить начальству. Соло за примадонну исполнила одна изъ пансіонерокъ

Когда занавѣсъ упалъ, Баклановъ сдѣлалъ знакъ Казимирѣ и пани Фальковской, сидѣвшимъ въ третьемъ ярусѣ и для которыхъ онъ нарочно нанималъ ложу, а потомъ, мотнувъ головой Венявину, гордо вышелъ изъ залы.

Черезъ нѣсколько минутъ съ нимъ сошлись въ сѣняхъ его дамы, и всѣ они поѣхали въ каретѣ домой. Пани Фальковская, расфранченная и очень довольная, что побывала въ театрѣ, всплескивая своими коротенькими ручками, говорила:

— Какъ это возможно! За что̀ ее, бѣдную, такъ?

— А за то, что тутъ правда, истина, которыя однѣ только имѣютъ законное право существовать, онѣ тутъ страдаютъ! — толковалъ ей запальчиво Александръ.

Казимира съ чувствомъ и съ грустью глядѣла на него. Она

искренно видѣла въ немъ поборника истины и бойца за правду. О, если бъ онъ любилъ ее хоть сколько-нибудь!

IV.

Платонъ Степановичъ.

— Это что̀ еще? А? Что̀ вы еще придумали? — говорилъ инспекторъ студентовъ, въ своемъ флотскомъ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, горячась передъ стоявшими предъ нимъ въ довольно комическихъ позахъ Бирхманомъ, Венявинымъ, Ковальскимъ, двумя-тремя медиками и нѣсколькими математиками. Впереди всѣхъ ихъ, впрочемъ, стоялъ Баклановъ.

— Позвольте, Платонъ Степанычъ! — говорилъ онъ, прижимая руку къ сердцу и все больше и больше выступая впередъ.

— А вотъ и нѣтъ!.. Не позволю!—говорилъ ему тотъ, въ свою очередь, тоже съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— А какъ же это?

— А такъ же!.. Ты скажешь два слова, а мнѣ послѣ тебя и говорить нечего будетъ.

— Странно!—проговорилъ Баклановъ, пожимая плечами, и потомъ прибавилъ довольно громко вслухъ:—Я не солдатъ, а вы еще не полковникъ, чтобы говорить мнѣ *ты*.

— Не полковникъ!—произнесъ Платонъ Степановичъ, кидая на него свирѣпый взглядъ.

Стрѣла была пущена прямо въ цѣль: полковничій чинъ былъ для него до самой смерти какою-то неосуществляемою мечтой.

— Вы-то это что̀? Вы-то?—накинулся онъ на Бирхмана.— Правительствомъ взяты, воспитаны, взлелѣяны, и вотъ благодарность!.. Вѣдь солдатъ на всю жизнь!.. на всю жизнь!—прибавилъ онъ, грозно потрясая рукой.

Онъ имѣлъ привычку—мрачную картину всегда еще больше поразукрасить; но Бирхмана это нисколько, кажется, не пробрало.

— Не знаю, что̀ я противъ правительства сдѣлалъ,—проговорилъ онъ.

— А, не знаете!—прикрикнулъ Платонъ Степановичъ:—а вейнхандлунгъ такъ знаете!

— Вы сами-то пуще ее знаете!—бухнулъ прямо Бирхманъ.

— Я знаю... разумѣется... — произнесъ Платонъ Степановичъ какимъ-то страннымъ голосомъ: улыбка, какъ онъ ни старался скрыть, проскользнула по его лицу.

Баклановъ въ это время опять ужъ на него наступалъ.

— Если теперь, Платонъ Степанычъ...

— Ну-съ!—отвѣчалъ ему тотъ, совершенно позабывъ, что сейчасъ только запрещалъ ему говорить.

— Если теперь писатель,—говорилъ Баклановъ: — изъ которыхъ, напримѣръ, Иванъ Андреичъ Крыловъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ—тайный совѣтникъ...

На слова «дѣйствительный» и «тайный совѣтникъ» онъ нарочно попріударилъ.

— Ну, ну-съ!—торопилъ его Платонъ Степановичъ.

— И тѣхъ можно хвалить и порицать,—продолжалъ Баклановъ: — а какую-нибудь танцовщицу, которая умѣетъ только вертѣть ногами, нельзя.

— Тутъ не въ танцовщицѣ, сударь, дѣло! Тутъ императорскій театръ!—крикнулъ Платонъ Степановичъ.

— Да вѣдь императора тутъ нѣтъ! — возразилъ Баклановъ.

— Онъ невидимо тутъ присутствуетъ!—порѣшилъ Платонъ Степановичъ и опять слегка улыбнулся.—Вотъ соколикъ-то!—продолжалъ онъ, указывая на Ковальскаго и, по возможности, стараясь сохранить строгій тонъ:—по театрамъ ходитъ, а изъ греческаго единицы получаетъ.

— Да я знаю-съ, помилуйте, Платонъ Степанычъ: спросите-съ меня,—отозвался тотъ.

— Есть мнѣ когда васъ спрашивать!—сказалъ серьезнѣйшимъ образомъ Платонъ Степановичъ и потомъ вдругъ крикнулъ:—Ермоловъ!

Въ дверяхъ появился солдатъ.

— Вотъ возьми этого господина,—продолжалъ онъ, указывая на одного изъ медиковъ:—сведи въ цырульню и остриги его на мой счетъ. Вотъ тебѣ и четвертакъ!—прибавилъ онъ и въ самомъ дѣлѣ подалъ солдату четвертакъ.

— Да какъ же это-съ?—возразилъ-было студентъ.

— Не прощу! Не прощу! — закричалъ Платонъ Степановичъ, хватая себя за голову и махая руками.

Студентъ, дѣлать нечего, пошелъ.

Волосы студенческіе были однимъ изъ мучительнѣйшихъ предметовъ для благороднаго Платона Степановича: насколько онъ, по требованію начальства, желалъ, чтобы они были острижены, настолько студенты не желали ихъ стричь.

— Ну, что̀ мнѣ съ вами дѣлать?.. что̀? — говорилъ онъ оставшимся предъ нимъ студентамъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ недоумѣвая, что̀ ему дѣлать.

— Вы кто такой? — обратился онъ, тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, къ одному черноватому математику.

— Я русинъ, ваше высокородіе, — отвѣчалъ тотъ пѣвучимъ голосомъ.

Платону Степановичу отвѣтъ такой понравился.

— На чужой сторонѣ, сударь, надобно скромно себя вести!— сказалъ онъ ему и снова возвратился къ прежней своей мысли.

— Что̀ мнѣ съ вами дѣлать! Вы ступайте въ карцеръ на день, на два, на три!—объявилъ онъ Бакланову.

— Я пойти пойду хоть на мѣсяцъ,—отвѣчалъ тотъ, размахивая руками:—а ужъ свои убѣжденія имѣю и всегда буду имѣть.

— Свои убѣжденія! — повторялъ ему вслѣдъ Платонъ Степановичъ. — А вы ступайте по домамъ! — объявилъ онъ прочимъ студентамъ. — Вамъ еще хуже будетъ! Еще!.. Еще!..— повторялъ онъ неоднократно.

Что̀ подъ этимъ: «еще хуже будетъ!» онъ всегда разумѣлъ, для всѣхъ обыкновенно оставалось тайной.

— Графу, я полагаю, доложить надо-съ,—подошелъ къ нему и сказалъ сладкимъ голосомъ субъ-инспекторъ.

— Знаю-съ!—отвѣчалъ Платонъ Степановичъ съ досадой и, выйдя на крыльцо, сейчасъ сѣлъ на своего неказистаго коня и поѣхалъ.

«Свои убѣжденія,—разсуждалъ онъ дорогой почти вслухъ:— и я бы ихъ имѣлъ, да вонъ тутъ господинъ живетъ!»—и онъ указалъ на генералъ-губернаторскій домъ:—«тутъ другой»,— прибавилъ онъ и ткнулъ по воздуху пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была квартира генерала Перфильева.

— Свои убѣжденія!—повторилъ онъ.

Здѣсь мы не можемъ пройти молчаніемъ: миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Ты любилъ и понималъ юность! Ты былъ только ея добродушнымъ распекателемъ, а не губителемъ!

V.

Знай нашихъ!

Черезъ два-три дня назначенъ былъ бенефисъ Санковской. Само небо, какъ бы покровительствуя заговорщикамъ, облеклось густыми и непроницаемыми тучами. Фонари тускло свѣтились. На Театральной площади то тутъ, то тамъ виднѣлись небольшія кучки студентовъ.

— Къ третьему акту, что̀ ли, велѣно сходиться?

— Да, да! А то, пожалуй, прогонятъ,—слышалось въ одной изъ нихъ.

— Платонъ пріѣхалъ!—объявилъ, подходя, высокій студентъ.

— У кого подарокъ-то? У кого?..

— У Бакланова, разумѣется!

— Финкель ужъ тамъ: у него человѣкъ двадцать въ райкѣ разсажено.

Въ театрѣ между тѣмъ было немного свѣтлѣй, чѣмъ и на улицѣ. Музыканты играли какъ-то лѣниво. Старыя декораціи «Дѣвы Дуная» чернѣли закоптѣлыми массами на плохо освѣщенной сценѣ. Одно дерево, долженствовавшее провалиться, вдругъ заупрямилось и, когда его стали принуждать къ тому, оно совсѣмъ распалось на составныя части, при чемъ обнаружило свой картонный задъ и стоявшаго за нимъ мужика въ рубахѣ, который, къ общему удовольствію публики, поспѣшилъ убѣжать за кулисы.

Платонъ Степановичъ, дѣйствительно бывшій въ театрѣ и сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ, пока еще блаженствовалъ, потому что, сверхъ даже ожиданія его, все было совершенно тихо и благочинно. Помѣщавшійся въ третьемъ ряду субъ-инспекторъ былъ тоже спокоенъ и только по временамъ съ удовольствіемъ взглядывалъ на начальника.

Въ послѣднемъ актѣ наконецъ бенефиціантка должна была дѣлать финальное соло, и вдругъ изъ всѣхъ дверей, въ креслахъ, стали появляться студенческіе сюртуки. Платонъ Степановичъ завертѣлся на мѣстѣ и едва успѣвалъ повертываться туда и сюда.

По среднему проходу, между креслами, прошелъ Баклановъ. Платонъ Степановичъ не утерпѣлъ и погрозилъ ему пальцемъ, но тотъ сдѣлалъ видъ, какъ бы этого не замѣтилъ.

— Браво! браво! — рявкнула въ райкѣ компанія Финкеля.

— Браво! браво!—повторили за ними въ ложахъ.

Платонъ Степановичъ вскочилъ на ноги и, повернувшись лицомъ къ публикѣ раскраснѣвшеюся и потерявшеюся физіономіей и безпрестанно повертывая голову точно за разлетавшимися птицами, сталъ глядѣть на раекъ, на ложи, на кресла, а потомъ, какъ будто бы кто его кольнулъ въ задъ, опять обернулся къ сценѣ. Тамъ Баклановъ, перескочивъ черезъ барьеръ, отдѣляющій музыкантовъ, лѣзъ на возвышеніе къ капельмейстеру и что-то такое протягивалъ въ рукѣ къ сценѣ. Бенефиціантка въ это время раскланивалась передъ публикой.

— Это даръ нашъ! примите его въ уваженіе вашего высокаго дарованія!—проговорилъ студентъ.

Бенефиціантка приняла, поблагодарила съ граціозною улыбкой его и публику и подаренную ей вещь надѣла на голову. Это былъ золотой вѣнокъ, блеснувшій небольшими, но настоящими брильянтиками.

— Браво!.. браво!.. Bis...—ревѣли въ публикѣ.

Платонъ Степановичъ махнулъ рукой и пошелъ изъ театра. Къ нему подошелъ субъ-инспекторъ.

— Что прикажете дѣлать-съ?

— А что хотите! вы умнѣй меня, — отвѣчалъ старикъ съ досадой и ушелъ.

Субъ-инспекторъ нашелъ возможнымъ остаться только съ распущенными руками и съ потупленною головой. Въ публикѣ между тѣмъ неистовство росло: когда занавѣсъ упалъ, къ студентамъ пристала прочая молодежь, и они по крайней мѣрѣ съ полчаса кричали: «Санковскую! Санковскую! . браво!.. чудо!..»

Къ этимъ фразамъ иногда прибавлялась и такая:

— Долой Андреянову, давай намъ Санковскую!

По окончаніи спектакля, въ Британіи все больше и больше набиралось студентовъ.

— Каковы канальи! какъ занавѣсъ-то долго не поднимали, когда вызывать ее начали!—говорили одни.

— Разъ семь вызвали?—спрашивали съ величайшимъ любопытствомъ не бывшіе въ театрѣ.

— Восемь!—отвѣчали имъ.

— Финкеля въ часть взяли!.. съ квартальнымъ схватился... стучалъ ужъ очень палкой, — сообщилъ спокойно Бирхманъ.

— Спасать его! пойдемте спасать!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Ну его къ чорту!.. откупится!—возразили болѣе благоразумные.

Вошелъ Баклановъ.

— А, Баклановъ!.. молодецъ!.. молодецъ!..—закричали ему со всѣхъ сторонъ.

— Знай нашихъ!—произнесъ онъ самодовольно и, какъ человѣкъ, совершившій немаловажное дѣло, сѣлъ на диванъ и поспѣшилъ вздохнуть посвободнѣе.

VI.

Тайная причина горя.

Неустанно летитъ богъ времени, пожралъ онъ Водолея, Рыбъ, Овна, Тельца; съ крыльевъ его слетѣли уже зефиры, Флора стала убирать деревья и поля зеленью и цвѣтами.

Въ круглой, съ колоннами и темноватой залѣ стараго университета совершалось таинство экзаменованія. Къ четыремъ, довольно далеко разставленнымъ одинъ отъ другаго столикамъ, студенты, по большей части съ заискивающими лицами, подходили, что-то такое говорили, размахивали руками, на что профессора или утвердительно качали головой, или отрицательно поматывали ею вправо и влѣво. Студенты при этомъ краснѣли въ лицѣ и дѣлали какіе-то глупые глаза.

Бакланова вызвали почти изъ первыхъ. Отвѣтивъ довольно хорошо, онъ даже не поинтересовался посмотрѣть, много ли ему поставили, а молча, съ серьезнымъ видомъ, отошелъ отъ стола. Онъ зналъ, что одинъ и два лишнихъ балла ничего для него не сдѣлаютъ.

— Подождешь меня?—спросилъ Венявинъ, почти тотчасъ же послѣ него слѣдовавшій по списку.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ угрюмо Баклановъ.—Найми лошадей, мы сегодня вечеромъ выѣдемъ.

— Хорошо, — проговорилъ тотъ, привыкшій безусловно во всемъ повиноваться пріятелю.

Когда Баклановъ возвратился домой, у пани Фальковской былъ уже накрытъ столъ. Александръ молча сѣлъ за свой приборъ и ничего почти не ѣлъ.

— Что̀, вы кончили? — спросила Казимира, не спускавшая съ него глазъ.

— Все, совсѣмъ... Сегодня послѣдній экзаменъ былъ,—отвѣчалъ Баклановъ и вздохнулъ.

Послѣ обѣда онъ не уходилъ къ себѣ въ комнату и, какъ показалось Казимирѣ, хотѣлъ поговорить съ ней откровенно. Сердце ея невольно замерло.

— Вотъ вы теперь вступаете въ жизнь,—начала она, впрочемъ, сама.

— Да, пора ужъ! А то такъ безумно провести, какъ я провелъ, эти десять лѣтъ...—началъ Баклановъ.

Казимира посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Въ гимназіи рѣшительно ничего не дѣлалъ и не зналъ. Что̀ и дома-то французскому языку выучили, и то забылъ. Въ университетѣ тоже... все это больше какимъ-то туманомъ осталось въ головѣ.

— Но отчего же вы такъ умны?—перебила его Казимира.

— Уменъ! — повторилъ Баклановъ, нѣсколько сконфузясь, но и не безъ удовольствія:—я не знаю, уменъ ли я или нѣтъ, но я вамъ говорю факты. На первомъ курсѣ я занятъ былъ этою глупою любовью къ кокеткѣ-дѣвчонкѣ!..

Казимирѣ это пріятно было слышать.

— Потомъ, съ горя отъ неудачи въ этой любви, на второмъ и третьемъ курсахъ пьянствовалъ, и наконецъ этотъ годъ,— заключилъ онъ:—глупѣй ничего ужъ и вообразить себѣ нельзя, что̀ дѣлалъ: клакеромъ былъ!

— Да,—подтвердила на это Казимира:—впрочемъ, что̀ же вѣдь? Не вы одни: всѣ такъ!—прибавила она.

— Нѣтъ, не всѣ! — воскликнулъ Баклановъ: — вотъ Проскриптскаго видѣли вы у меня?

Казимира съ гримасой покачала головой.

— Нечего гримаски-то дѣлать. Онъ идетъ, куда слѣдуетъ; знаетъ до пяти языковъ; пропасть научныхъ свѣдѣній имѣетъ, а отчего? Оттого, что семинаристъ: его и дома, можетъ-быть, и въ ихней тамъ семинаріи въ дугу гнули, характеръ по крайней мѣрѣ въ человѣкѣ выработали и трудиться пріучили.

На все это Казимира отрицательно усмѣхнулась: по ея мнѣнію, Александръ и характеру больше имѣлъ и ученѣй всѣхъ былъ.

— Или Варегинъ вонъ у насъ,—совсѣмъ настоящій человѣкъ: уменъ, трудолюбивъ, добръ, куда хочешь поверни, а тоже отчего?—уличнымъ мальчишкой выросъ, семьи не имѣлъ.

— Ну, что̀ хорошаго безъ семьи, что̀ вы?—возразила Казимира.

— Нѣтъ, именно отъ семьи все и происходитъ!—воскликнулъ Баклановъ. — У меня, бывало, матушка только и говоритъ: «Сашенька, батюшка, не учись, боленъ будешь!.. Сашенька, батюшка, покушай. Сашенька, поколоти двороваго мальчишку, какъ это онъ тебѣ грубіянитъ», — вотъ и выняньчили себѣ на шею такого оболтуса.

— Что̀ это, оболтусъ?—повторила Казимира, уже смѣясь.

— Ну къ чему я теперь годенъ, на что̀?—спрашивалъ Баклановъ, повидимому, совершенно искреннимъ тономъ.

— Служить будете, чтой-то, Господи!—отвѣчала она.

— Да я не умѣю: я ничего не смыслю. Въ корпусахъ, по крайней мѣрѣ, ну, выучатъ человѣка маршировать—и пошлютъ маршировать, выучатъ мосты дѣлать—и пошлютъ его ихъ дѣлать; а тутъ чортъ знаетъ чѣмъ набили голову: всѣмъ и ничѣмъ, ступай по всѣмъ дорогамъ и ни по какой.

— Не знаю! — сказала Казимира. Она окончательно перестала понимать, къ чему все это говоритъ Баклановъ.

— Только и осталось одно,—продолжалъ онъ, какъ бы думая и соображая:—сдѣлаться помѣщикомъ... Около земли все-таки трудъ честный, и я знаю, что буду полезенъ моимъ полуторастамъ, или тамъ двумстамъ душамъ, которыя мнѣ принадлежатъ!

— Ну и прекрасно! — воскликнула Казимира оживленнымъ

голосомъ:—а меня возьмите въ экономки. . Я бы за маленькую плату пошла...

— Непремѣнно, очень радъ!—отвѣчалъ Александръ и затѣмъ, вздохнувъ, пошелъ къ себѣ въ комнату. Тамъ онъ велѣлъ человѣку укладывать вещи.

Невдолгѣ Казимира, съ блѣднымъ и испуганнымъ лицомъ, заглянула къ нему.

— Вы ужъ уѣзжаете?—спросила она.

— Да-съ!—отвѣчалъ ей Баклановъ почти грубо.

Часовъ въ десять вечера на извощичьей тройкѣ подъѣхалъ Венявинъ. Александръ зашелъ къ Фальковскимъ только на минуту—отдать деньги и распроститься. У самой старухи онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ поцѣловалъ руку.

— Благодарю васъ за все, за все!—проговорилъ онъ.

— Ничего, ничего, что̀ это, помилуйте! — отвѣчала та со слезами на глазахъ.

Казимирѣ онъ ничего не сказалъ, но она ему сама сказала, крѣпко-крѣпко сжимая его руку:

— Смотрите же, возьмите меня въ экономки.

Бѣдная дѣвушка думала хоть на этой мысли успокоиться.

— Непремѣнно,—отвѣчалъ ей Александръ разсѣяннымъ голосомъ.

Когда они выѣхали за заставу, утренняя заря, которая въ началѣ іюня обыкновенно сходится съ вечернею, показалась на горизонтѣ.

— Прощай, Москва! — проговорилъ Баклановъ и потомъ потеръ себѣ лобъ. — Глупо, братъ, мы съ тобой сдѣлали, что вышли не кандидатами!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Венявину.

— Что̀ жъ, ничего!—возразилъ тотъ.

— Нѣтъ, не ничего! — повторилъ Александръ и вздохнулъ.

Онъ договорился наконецъ до истинной своей болячки: его мучило честолюбіе. Проскриптскаго, вышедшаго кандидатомъ, и Варегина, оставленнаго при университетѣ, онъ не въ состояніи былъ видѣть и переносилъ только Венявина за его безконечную доброту и за то, что тотъ вышелъ подъ звѣздочкой.

Заря на востокѣ, точно пророчествуя молодымъ людямъ объ ихъ жизни впереди, все больше и больше разгоралась и открывала передъ ними окрестности.

VII.

Усадьба Лопухи.

Александръ подъѣзжалъ къ дому часовъ въ пять яснаго лѣтняго вечера. Отъ цвѣтущей черемухи въ небольшомъ перелѣскѣ и отъ сосѣднихъ, подъ горою, луговъ воздухъ былъ напоенъ почти опьяняющимъ благоуханіемъ. Жаворонокъ, летя вверхъ прямою стрѣлой, отчаянно пѣлъ; яровыя поля по сторонамъ ярко-ярко зеленѣли. Вишневый и яблочный садъ представлялся издали какой-то темною зеленью. Изъ-за него показывалась красноватая, черепичная крыша дома. Когда подъѣхали къ воротамъ, огромный дворовый песъ, откуда-то выскочивъ, несся, какъ бы затѣмъ, чтобы разразиться лаемъ; но, увидѣвъ сидѣвшаго на облучкѣ лакея Бакланова, тотчасъ же завилялъ хвостомъ и началъ весело около него прыгать. Сидѣвшій въ тарантасѣ лягашъ Александра тоже соскочилъ къ собрату, и, обнюхавшись, они сейчасъ же побѣжали нѣсколько въ сторону, какъ бы желая, послѣ столь долгой разлуки, поскорѣе и по секрету что-то такое сообщить другъ другу. Изъ прочихъ живыхъ существъ никого было не видать. Баклановъ вылѣзъ изъ экипажа и вошелъ въ домъ черезъ огромное среднее крыльцо, двери котораго были настежь отворены. Въ залѣ, черезъ открытыя окна, всюду ходилъ свѣжій вѣтеръ, и по всѣмъ столамъ были разсыпаны для высушки цѣлые кусты розоваго листу.

— Какъ здѣсь славно! — невольно проговорилъ Баклановъ и пошелъ въ гостиную. Тамъ ключница Еремѣевна, очень благообразная старушка, въ очкахъ, старательно чистила землянику.

— Ай, батюшки! — воскликнула она, точно ее кто испугалъ. — Маменькѣ сказать надо! — прибавила она, вставая и отряхивая подолъ, а потомъ сейчасъ же побѣжала частенькою походкой и начала сходить съ лѣсенки балкона. Александръ пошелъ за ней. Аполлинарія Матвѣевна, предувѣдомленная другой дѣвчонкой, бѣжала, запыхавшись и подпявъ платье, по длинной аллеѣ, идущей немного въ гору.

Баклановъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Здравствуй, ангелъ мой! дружокъ мой! — говорила она, цѣлуя сына, по обыкновенію, со слезами; а потомъ, совсѣмъ раскиснувъ, оперлась на его руку и пошла съ нимъ на балконъ.

— Ухъ! ухъ! — говорила она, тяжело опускаясь на кресло.

Александръ довольно почтительно сѣлъ около нея.

— Чаю, Еремѣевна, чаю! — говорила Аполлинарія Матвѣевна.

— Сію минуточку, сію!—говорила старуха, и дѣйствительно, вслѣдъ же за симъ, подъ ея надзоромъ, молодая и краснощекая, какъ маковъ цвѣтъ, горничная, взглядывая исподлобья на молодаго барина, притащила на балконъ самоваръ и поставила на нарочно приготовленный для него столикъ. Самоваръ шипѣлъ, горячился, какъ будто бы своею искусственною жизнью хотѣлъ перещеголять окружавшую его со всѣхъ сторонъ настоящую, живую жизнь, въ которой и пчелы жужжали въ растущемъ около балкона чертополохѣ, и воробьи чирикали, разсѣвшись огромною кучей по палочкамъ въ горохѣ, наконецъ изъ куртинъ съ цвѣтами и изъ травы на лугу слышались тѣ миріады звуковъ, которыми дышитъ весенняя природа. Александръ всѣмъ этимъ безконечно наслаждался.

Еремѣевна, притащивъ сдобныхъ булокъ и густѣйшихъ сливокъ, разлила чай и подала сначала барчуку, а потомъ Аполлинаріи Матвѣевнѣ.

— Ай, нѣтъ! Мнѣ квасу бы напередъ, — сказала та, и въ самомъ дѣлѣ отдернула сначала два стакана квасу, а потомъ сейчасъ же принялась пить чай со сливками.

— Всѣ ужъ ты свои ученья кончилъ, милый другъ?—спросила она какъ-то робко сына.

— Всѣ-съ.

— Вонъ нынче какія по этому почтмейстерству мѣста славныя!

— Чѣмъ же это?

— Да вонъ Клементія Гаврилыча Хляева, знаешь, чай?.. Самый пустой былъ дворянинишка... Черезъ какого-то тоже благодѣтеля въ Петербургѣ получилъ это мѣсто, и такъ теперь грабитъ, что и Господи! Прежде брали по двѣ копейки съ рубля, а онъ наложилъ по четыре... Что̀ слезъ въ народѣ, а ему хорошо.

— Канальямъ вездѣ хорошо!—сказалъ Александръ, невольно улыбаясь наивному объясненію матери.

— Вотъ бы тебѣ такое мѣсто, право!.. Хоть бы черезъ братца, что ли!.. Написалъ бы ему и попросилъ,—прибавила она, и не подозрѣвая, что̀ такое говоритъ.

Александръ посмотрѣлъ на нее строго.

— А вы считаете меня на это способнымъ?—сказалъ онъ.

— Не знаю я...—отвѣчала тетёха.

Александръ вздохнулъ и сошелъ съ балкона. Тутъ онъ какъ-то особенно свиснулъ, и къ нему, перескочивъ огромнѣйшій тынъ, явился его Пегасъ.

— Пойдемъ... пойдемъ!—говорилъ Александръ.

Собака визжала отъ удовольствія. Войдя въ аллею, онъ остановился съ ней передъ однимъ деревомъ.

— Что̀ это, птичка?—говорилъ онъ ей, указывая на сидѣвшую на самой вершинѣ птицу.

Собака вытянула голову.

— Пиль!—крикнулъ Александръ.

Собака привскочила и пролаяла.

Александръ схватилъ ее за морду и началъ цѣловать.

Заглушивъ въ себѣ мечты честолюбія, онъ хотѣлъ невинными радостями быть счастливъ. Черезъ небольшую калиточку онъ вышелъ изъ сада въ поле. Грудь его свободно вдыхала свѣжій воздухъ; подъ горой, какъ озеро, разливался омутъ рѣки, на концѣ котораго стояла живописно окрашенная вечернимъ освѣщеніемъ мельница.

Баклановъ глядѣлъ на все это и не могъ наглядѣться, а потомъ, въ пріятномъ раздумьѣ, повернувшись и весело взмахнувъ головой, пошелъ домой. Аполлинарію Матвѣевну онъ засталъ еще на балконѣ. Ей, стоя внизу на травѣ, о чемъ-то, должно-быть, докладывалъ дворовый человѣкъ. Александръ, прищурившись, сталъ въ него всматриваться и узналъ въ немъ нашего стараго знакомаго, мрачнаго лакея. Семенъ ему вѣжливо, хоть и издали, поклонился.

— Здравствуй!—отвѣчалъ Баклановъ и сѣлъ на балконъ.

Семенъ продолжалъ докладывать.

— Навозъ теперь вывозили-съ.

— Вывозили!—повторила за нимъ Аполлинарія Матвѣевна.

— Теперь, значитъ, Косулинскихъ послать можно—начать косить, а дворовымъ велѣть копань поднимать.

— Копань поднимать,—повторила опять Аполлинарія Матвѣевна.

Александру показалось очень ужъ скучно это слушать. Онъ вышелъ въ залу. Тамъ трехаршинный гайдукъ покойнаго Бакланова накрывалъ на столъ, сильно нагибаясь своимъ длиннымъ тѣломъ, когда ставилъ тарелки и разставлялъ солонки.

— Здравствуй, Петруша! — сказалъ ему привѣтливо Баклановъ.

Саженный Петруша подошелъ и поцѣловалъ у него руку.

— Я ружье тебѣ въ подарокъ привезъ,—отличное!—проговорилъ Александръ.

— Благодаримъ, батюшка, покорно!—сказалъ Петруша, и лицо его сильно просвѣтлѣло. — Дичи какъ-то нынче совсѣмъ оченно мало стало, — прибавилъ онъ, пожимая плечами.

— Найдемъ!—подхватилъ баринъ.

Петруша, летая какъ метеоръ, сталъ накрывать на столъ,

а черезъ минуту все было готово. Александръ и Аполлинарія Матвѣевна сѣли. Довольно занимательно было видѣть вмѣстѣ мать и сына. Одинъ—столичный франтъ, въ легонькомъ пальто, съ вьющимися, какъ у художника, волосами, съ благородною, какъ бы нѣсколько шиллеровскою физіономіей, другая — расплывшаяся квашня, съ красно-багровымъ и ничего не выражающимъ, кромѣ физическаго пресыщенія, лицомъ. Одѣта Аполлинарія Матвѣевна на этотъ разъ была въ роскошный капотъ и въ вышитую на подолѣ юбку, довольно плотно облегавшую ея круглый животъ. Животъ этотъ Александръ никогда не могъ видѣть равнодушно.

— А что, Софи Леневу давно ли вы видѣли?—спросилъ онъ.

— Давно... продали они здѣшнее имѣнье-то... сестру посадили въ сумасшедшій домъ, а сами уѣхали... Нехорошо, говорятъ, живутъ-то, все ругаются... промотались, говорятъ, совершенно... Онъ-то старый этакій, а она-то франтиха да щеголиха.

Баклановъ вздохнулъ. Онъ много разсчитывалъ на свиданіе съ Софи.

— Надежда-то Павловна, ну-ка, Саша, померла: тосковала по дочери; та-то ея не взяла, и кончила жизнь. Нынче дѣтушки-то, жди отъ нихъ благодарности: ты имъ все дѣлай, а они ничего!

Аполлинарія Матвѣевна любила завывать на эту тему, и Александръ обыкновенно останавливалъ ее тѣмъ, что сердито начиналъ смотрѣть на нее.

— А гдѣ же самъ Басардинъ?—перебилъ онъ ее.

— Онъ-то живъ, что ему сдѣлается... Не знаю только гдѣ.

Въ это время вошелъ молодой лакей Александра, успѣвшій уже прифрантиться въ модную жакетку.

— Гдѣ изволите почивать: въ спальнѣ или въ сушилѣ?

— Въ сушилѣ,—сказалъ ему Александръ:—и не вели тамъ ни кожъ ни вѣниковъ убирать... Я люблю, чтобы все это было.

— Слушаю-съ.

— У меня въ сушилѣ хорошо, отлично,—замѣтила Аполлинарія Матвѣевна.

Послѣ ужина, простившись съ матерью, Александръ отправился на свой ночлегъ. На дворѣ было совершенно темно. За нимъ шелъ его молодой лакей и гайдукъ Петруша. Послѣдній несъ свѣчу, заслоняя ее рукой, чтобы не задуло.

— Ну что, какъ поживаешь?—спросилъ Александръ, трепля его по плечу.

— Что, какое ужъ, батюшка, наше житье,—отвѣчалъ печальнымъ голосомъ этотъ могучій человѣкъ.

— Ничего, погоди, теперь лучше будетъ.

— Да только на вашу милость и надежду имѣемъ, — сказалъ Петруша, и когда они всѣ влѣзли въ сушило, которое было не что иное, какъ верхъ надъ погребомъ, то представившаяся картина, при освѣщеніи сальной свѣчи, была оригинальна: кровать, съ бѣлыми какъ снѣгъ подушками и съ бѣлымъ одѣяломъ, какъ-то рѣзко отдѣлялась отъ пыльныхъ стѣнъ, отъ висѣвшихъ на стѣнѣ бараньихъ шкуръ, отъ стоявшей въ одномъ углу кадки съ дегтемъ, отъ наваленнаго въ другомъ углу колеснаго ската; но все это, впрочемъ, дышало какимъ-то оживительнымъ и здоровымъ запахомъ. Александръ поспѣшилъ раздѣться и отправить прислугу.

— Прощенья просимъ,—проговорилъ Петруша и слѣзъ съ молодымъ своимъ камрадомъ съ сушильни.

«Въ деревнѣ славно жить!»—подумалъ Александръ и съ удовольствіемъ зѣвнулъ.

VIII.

Что̀ прежде всего.

Отъ Обуховскихъ болотъ, кругомъ мельницъ, по небольшой тропинкѣ шелъ Александръ въ низенькой охотничьей шляпѣ съ зеленой лентой, въ сѣромъ, съ зеленой выпушкой, редингот̀ѣ и въ высокихъ болотныхъ сапогахъ; черезъ плечо у него было перекинуто щегольское англійское ружье на шерстяной перевязи, вышитой тою же искусною рукой влюбленной Казимиры. За нимъ могуче шагалъ длинный Петруша, тоже съ новымъ ружьемъ и тоже въ какомъ-то сѣренькомъ чепанѣ. Пегасъ, поднявъ морду и граціозно переступая ножками, шелъ верхнимъ чутьемъ по болоту. Баклановъ остановился, снялъ свою шляпу и отеръ катившійся съ лица потъ.

— Немного же мы съ тобой, Петруша, настрѣляли,—сказалъ онъ.

— Совсѣмъ нынче птицы мало стало,—повторилъ тотъ свою любимую фразу.

Они снова взяли ружья на плечи и пошли. Пегасъ вдали что-то пролаялъ.

— Можетъ, другой здѣсь дичи много! — проговорилъ Александръ и посмотрѣлъ на Петрушу.

Тотъ тоже на него посмотрѣлъ.

— Что̀ въ юбкахъ-то ходятъ,—прибавилъ Александръ.

Петруша усмѣхнулся и почесалъ себя за ухомъ.

— Пожалуй, что добра этого есть немало.

Пегасъ опять пролаялъ и съ какою-то даже тоской въ голосѣ.

Александръ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— А кто же у насъ получше?.. которая?.. — продолжалъ онъ разспрашивать.

— Да кто ихъ—прахъ знаетъ! Самъ-то я этими дѣлами не занимаюсь.

Встрѣтился маленькій лѣсокъ, и путники должны были разойтись, а потомъ они снова соединились.

— Если не для себя, такъ, по крайней мѣрѣ, для пріятеля бы: вотъ хоть бы для меня постарался.

— Что̀ жъ, это можно будетъ,—отвѣчалъ Петруша, улыбаясь какою-то кривою улыбкой.

— Да кто же у васъ, какія есть?—продолжалъ Баклановъ, быстро идя и, со свойственною его темпераменту живостью, весь пылая.

— Сами вы вѣдь всѣхъ знаете,—отвѣчалъ Петруша уклончиво.

— У скотницы, я видѣлъ, дочка недурна... Машей, кажется, зовутъ.

— Да, Марьей-съ... дѣвушка ужъ на возрастѣ,—отвѣтилъ Петруша.

— Нельзя ли какъ? Переговори-ка!..

Петръ молчалъ.

— Пожалуйста!—повторилъ Александръ.

— Ой, баринъ, какой вы, право: всѣ въ папеньку...—проговорилъ Петруша.

— А что̀ жъ?

— Да такъ-съ. Баловникъ тоже покойный, свѣтъ, былъ.

— Ну, если папенька дѣлалъ, такъ отчего же и мнѣ нельзя?

— Извѣстно-съ!—отвѣчалъ гайдукъ съ совершенно искреннимъ лицомъ.

Подойдя къ усадьбѣ, Александръ опять повторилъ ему:

— Ты сегодня же переговори.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ неторопливо Петруша.

— Сейчасъ же.

— Слушаю-съ!—повторилъ еще разъ Петръ. Ему, впрочемъ, несовсѣмъ, кажется, хотѣлось исполнять это щекотливое порученіе.

Александръ, придя въ домъ, въ свою комнату, и сбросивъ свой охотничій костюмъ, сталъ въ волненіи ходить взадъ и впередъ. Окна кабинета выходили на красный дворъ. Онъ безпрестанно заглядывалъ въ нихъ, все поджидая Петра, который сначала прошелъ къ себѣ въ избу, а оттуда, нескоро выйдя, прошелъ наконецъ и на дворъ.

— Ты туда?—выкрикнулъ ему полушопотомъ Александръ.

Петръ мотнулъ ему, вмѣсто отвѣта, головой. Въ это время выплыла на дворъ Аполлинарія Матвѣевна погулять. Александръ спрятался за косякъ, чтобъ она не увидала его и не вступила съ нимъ въ разговоръ. Петръ не возращался съ полчаса. Наконецъ онъ показался. У Александра сердце замерло. Петръ сначала прошелъ кругомъ всего двора, а потомъ, будто случайно, повернулъ и вошелъ въ горницы.

— Ну что? — спросилъ Александръ съ захватывающимъ дыханіемъ.

Выраженіе лица Петруши было мрачно.

— Говорилъ-съ! Дуры вѣдь!

— Что жъ она говоритъ?

— Да своей матки и вашей маменьки опасаются...

— Да какъ же онѣ узнаютъ?

— Толковалъ ей-съ... понимаетъ развѣ что-нибудь!

— Ты денегъ ей обѣщай.

— Что деньги-то? И толку, чай, въ нихъ еще не знаетъ!

— Ну, хорошо же,—произнесъ Баклановъ, ложась въ волненіи на диванъ.

— Не переговорите ли вы лучше сами-съ! — произнесъ Петруша послѣ короткаго молчанія.

— Да гдѣ жъ я ее, къ чорту, увижу!

— Цѣлый день она торчитъ на пруду одна, утокъ стережетъ.

— Хорошо, тамъ увидимъ. Ступай... На тебѣ,—сказалъ Баклановъ, давая своему повѣренному рубль серебромъ.

Тотъ съ удовольствіемъ его принялъ и ушелъ.

По его уходѣ въ комнату влетѣлъ-было отставшій на охотѣ Пегасъ и хотѣлъ приласкаться къ барину.

— Я тебя, чортъ этакій!—закричалъ тотъ и потянулся за хлыстомъ, чтобъ отдубасить имъ собаку.

Та убѣжала.

Александръ былъ въ очень раздраженномъ состояніи.

На другой день онъ цѣлое утро ходилъ около гумна и видѣлъ, что Маша, дѣйствительно, сидитъ тамъ одна на прудѣ, но подойти къ ней онъ не рѣшался и, сѣвъ на прилавокъ у избы, любовался на ея еще не совсѣмъ сформировавшійся станъ, на загорѣлую шею, на тонкое колѣно, обогнутое выбойчатымъ сарафаномъ.

Маша въ то время сидѣла и шила. Наконецъ она встала и сама прошла мимо Бакланова.

— Ты куда? Домой? — спросилъ онъ ее.

— Да-са-тка-съ! — отвѣчала она, потупляясь и вся раскраснѣвшись.

Передъ вечеромъ Петруша спросилъ Бакланова:

— Что̀, вы видѣли ее-съ?

— Видѣлъ! Но мнѣ рѣшительно невозможно съ ней говорить... Всѣ замѣчаютъ: я хуже ее этимъ обезславлю, если стану ухаживать за ней.

— Это точно что-съ, — сообразилъ Петруша.

— Переговори, Бога ради, ты! Обѣщай, что всю семью ихъ я отпущу на волю!

— Понапугать ее хорошенько надобно, вотъ что̀-съ, — произнесъ гайдукъ, и въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, сказалъ что-нибудь рѣшительное Машѣ, потому что на другой же вечеръ, съ перекошеннымъ отъ удовольствія лицомъ, онъ объявилъ барину:

— Подьте подъ мельницу, въ лѣсокъ, дожидается она тамъ васъ.

Баклановъ побѣжалъ бѣгомъ. Онъ еще издали увидалъ Машу, прижавшуюся къ одному довольно вѣтвистому дереву.

Онъ ее прямо взялъ за обѣ руки.

— Вотъ и прекрасно! — бормоталъ онъ задыхающимся голосомъ.

Маша только и говорила:

— Ой, ой, нѣтъ! Ой, чтой-то, ой!

Въ слѣдующія затѣмъ свиданія Баклановъ старался дать ей нѣкоторую свободу и просторъ передъ собой.

— Любила ли ты кого-нибудь кромѣ меня, Маша? — спрашивалъ онъ.

— Нѣту-тка... Ничего я еще того не знаю, — отвѣчала она.

— А меня любишь?

— Васъ, извѣстно, жалѣю.

«Что̀ за дурацкое слово: жалѣю»,—подумалъ Александръ.

— Ну, скажи,—продолжалъ онъ:—любишь ли ты пѣсни пѣть?

— Нѣть, я не горазда, — отвѣчала Маша.

— А въ поле любишь ходить гулять, рвать цвѣты?

Маша съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Да коли это? Нѐколи. Что̀ есть въ праздникъ, и то все за скотинкой ходишь, — сказала она.

«Вотъ вамъ и славянки наши во всей ихъ чистотѣ»,—подумалъ Александръ.

— Ну, ступай домой! — проговорилъ онъ вслухъ.

Сцена эта происходила въ сушилѣ, при довольно слабомъ и нѣсколько даже поэтическомъ освѣщеніи одной свѣчки, покрытой абажуромъ.

Маша покорно встала и ушла.

Бакланову немножко сдѣлалось совѣстно.

IX.

Іона Циникъ.

Августовская и сентябрьская охота за дупелями и бекасами была изъ рукъ вонъ плоха, а тамъ пошли дожди, грязь, слякоть. Александръ началъ сильно скучать.

— Такъ жить нельзя! — говорилъ онъ: — одинъ день наѣшься, выспишься, другой — тоже; три мѣсяца я живу здѣсь, и хоть бы подобіе какое-нибудь мысли человѣческой слышалъ кругомъ себя.

Аполлинарію Матвѣевну онъ такъ запугалъ, что та рта разинуть при немъ не смѣла.

— Что̀ это такое, что̀ вы говорите? — почти кричалъ онъ на нее.

— Ну, батюшка, я не буду! — отвѣчала она покорно и потомъ съ прислугой своею все разсуждала:

— И взглядъ-то, дѣвоньки, у него, точно у покойника-барина: словно съѣсть тебя хочетъ!

Разъ, передъ обѣдомъ, подъѣхалъ къ крыльцу чей-то тарантасъ. Александръ чуть не вскрикнулъ отъ радости и вышелъ на крыльцо встрѣтить гостя.

Пріѣхавшій былъ имъ нѣсколько родственникъ и довольно близкій сосѣдъ по деревнѣ: Іона Мокеичъ Дѣдовхинъ. По его тридцатилѣтней штатской службѣ, покойный Баклановъ по крайней мѣрѣ разъ пятнадцать парилъ его у себя въ уголовной палатѣ и, по своей мистической терминологіи, называлъ его: Іона Циникъ. Александръ, по преимуществу, обрадовался этому гостю, потому что Іона Мокеичъ, сведя уже, по его выраженію, всѣ итоги жизни и бывъ въ земной юдоли не при чемъ, т.-е. будучи окончательно выгнанъ изъ службы, отличался какою-то особенною, довольно занимательною откровенностью и все обыкновенно разсказывалъ про самого себя.

— Ту-ту-ту, чортова куколка! — говорилъ онъ, хохоча и весело вылѣзая изъ тарантаса.

Александра онъ обнялъ и троекратно поцѣловалъ.

— Ай, грѣховодникъ! Какъ это такъ давно не бывалъ! — вскрикнула Іонѣ Мокеичу Аполлинарія Матвѣевна, когда онъ подходилъ къ ней къ рукѣ.

— Не больше твоихъ грѣховъ, кумушка, не больше!.. — отвѣчалъ онъ ей, грозя пальцемъ.

— Ну, ужъ я думаю!.. — произнесла нараспѣвъ Аполлинарія Матвѣевна.

Александръ велѣлъ подавать обѣдать и радушно угощалъ Іону Мокеича кушаньями и наливками. Тотъ ѣлъ, пилъ, хохоталъ, хохоталъ и пилъ.

Послѣ обѣда оба они комфортабельнѣйшимъ образомъ разлеглись въ сушилѣ, одинъ на одной постели, а другой — на другой. Прохладный сентябрьскій вѣтерокъ обдувалъ ихъ сквозь немшоныя стѣны.

— Ну, Іона Мокеичъ, разсказывайте что-нибудь,—говорилъ Александръ, разстегивая у себя жилетъ отъ полноты желудка.

— Что̀ жъ тебѣ разсказывать, другъ сердечный?

— Какъ, напримѣръ, вы служили: взятки брали?

— Бралъ! — отвѣчалъ Іона Мокеичъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ поглаживая себѣ животъ.

— И съ вымогательствомъ?

— Съ вымогательствомъ... Часики, братецъ ты мой (и Іона Мокеичъ повернулся при этомъ къ Александру лицомъ), у одного нашего дворянина Каркарева понравились мнѣ; присталъ я къ нему: «продай, подари!».—«Нѣтъ», говоритъ. Только, тѣмъ временемъ, попался къ намъ въ судъ арестантъ-бродяга. «Не приставалъ ли, я говорю, ты у такого-то дворянина Каркарева?»—а самъ тоже не зѣваю: показываю ему изъ-подъ стола въ рукѣ рубль серебромъ.—«Приставалъ», говоритъ. — «Не такого ли, говорю, у него расположенья домъ?» — «Точно такого», говоритъ. — «А не знаешь ли, говорю, ты его любовницу, дворовую дѣвицу Евлампію, и не передавалъ ли ты ей завѣдомо краденыхъ вещей?» — «Передавалъ», говоритъ. Записали все это... Командировали меня.—«Ну, говорю, Захаръ Иванычъ, давай-ка, говорю, мы Евлампію-то твою веревками свяжемъ».—«Какъ? Что̀ такое?—говоритъ:—батюшки мои, берите, что̀ хотите». — «Часики, говорю, подай!» Онъ чуть, сердечный, не слакалъ отъ досады... Видитъ, что весь карамболь нарочно подведенъ, а дѣлать нечего, принесъ... и часики отличные были... невѣста тогда хорошая изъ-за нихъ за меня пошла... въ нихъ и вѣнчался!..

— Ну, а эта невѣста и будущая жена ваша естественною смертью умерла, или вы ей немножко поспособствовали? — спросилъ Александръ.

— Не очень-то берегъ — это что̀ говорить: попадало ей во все, а паче того въ зубы — капризъ была баба, ухъ какой!

— Ну, а другихъ женщинъ, по службѣ, вы склоняли на любовную связь?

Александръ нарочно задавалъ Іонѣ Мокеичу самые рѣшительные вопросы.

— Склонялъ! — отвѣчалъ Іона, какъ бы ничего этого не

замѣчая и не столько, кажется, говоря правду, сколько желая потѣшить разговорами молодого человѣка.

— Но какимъ же образомъ?

— А вотъ такимъ, — отвѣчалъ Іона: — что попадется при слѣдствіи хорошенькая бабенка: въ избѣ-то, на допросѣ, на нее потопаешь, а потомъ въ сѣни выйдешь за ней, тамъ ужъ приласкаешь; и — какъ цвѣточки полевые передъ морозомъ— такъ и гнутъ передъ тобой головки свои!..

— Ну, а благородныхъ побѣждали такимъ образомъ.

— Побѣждалъ и благородныхъ, и какая еще разъ расписанная красавица была: дѣвчонку свою она маленько неосторожно посѣкла; та прямо, съ запекшеюся-то спиной, къ губернатору. Пріѣхалъ я къ ней. «Ахъ, Боже мой, Боже мой,—такъ и умоляетъ меня своимъ миленькимъ голоскомъ: — спасите, меня, спасите!»—«Извольте, говорю, сударыня»,—и въ тотъ же день, среди прелестнѣйшихъ долинъ, сыгралъ любви съ ней пантоминъ.

— Счастливецъ вы! — воскликнулъ Александръ.

— Да что̀, братъ, счастливецъ! Что̀ Суворовъ на то говорилъ: разъ счастье, два счастье, а на третій надо же и умѣнье.

— Разумѣется!

— Да, — произнесъ съ самодовольствомъ Іона.

— Ну, а смертоубійства вы покрывали? — спросилъ Александръ, послѣ короткаго молчанія.

Іона Мокеичъ сдѣлалъ нѣсколько болѣе серьезную физіономію.

— Больно я не люблю, какъ лѣкаришки-то эти пачкаться-то въ мертвецѣ начнутъ... брезгливъ я... изъ-за этого много проглядывалъ.

— Ну, а изъ-за деньжонокъ, этакъ?

— Гм! — Іона Мокеичъ усмѣхнулся. — Врагъ человѣческій силенъ, соблазнительна эта мзда-то проклятая!.. Тоже, гдѣ этакъ хорошенькаго-то покойничка поднимешь, гдѣ чувствуютъ и понимаютъ, что̀ ты для нихъ дѣлаешь, — за медикомъ пошлешь хромого разсыльнаго; онъ и дома-то еле съ печки на палати ходитъ, а до города-то тяпаетъ, тяпаетъ... а ты ему вслѣдъ строжайшія предписанія за номерами пишешь, — о скорѣйшемъ исполненіи возложеннаго на него порученія. Покойника-то промежъ тѣмъ на солнышкѣ паришь, а не то такъ въ баню топленую на полокъ стащишь: смерть этого ужъ не любятъ!

— Отчего же?

— Въ гниль сейчасъ пойдутъ! — отвѣчалъ Іона. — Ну, а медики — пьяницы все наголо былъ народъ; его еще верстъ

за пятнадцать до селенія такъ накатятъ, что не то что инструмента въ рукѣ держать (навезетъ тоже съ собой всякой этой срамоты-то), а пожалуй, и головой въ овинъ не попадетъ. Пишетъ: «мягкихъ частей, по гнилости, освидѣтельствовать нельзя было»; ну, а кости-то тоже не у всякаго переломаны.

При этомъ разсказѣ Александръ не смѣялся.

— Неужели же всѣ чиновники такіе мошенники? — спросилъ онъ.

Но этимъ замѣчаніемъ Іона почему-то обидѣлся.

— Али нѣтъ?.. Вотъ хоть бы твой папенька, — грабитель былъ на то изъ первыхъ,—отвѣчалъ онъ.

Александръ нѣсколько сконфузился.

— Тогда попалась къ нему, — продолжалъ Іона какъ бы невиннѣйшимъ тономъ:—цѣлая Болковская вотчина подъ судъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій: мужики-то возами возили къ нему деньги. Такъ еще сумлѣвается, настоящія ли! «Положите, говоритъ, въ ломбардъ да ломбардными билетами мнѣ принесите».

— Я и отца за это презираю,—отвѣчалъ Александръ, стараясь ужъ прекратить этотъ разговоръ.

— Да ты тамъ презирай али нѣтъ, какъ знаешь,—продолжалъ Іона: — а онъ и усадебку эту, и домъ въ городѣ, все такимъ манеромъ благоустроилъ: только, бывало, и говорилъ всякому: «Ты, говоритъ, не кланяйся мнѣ много разъ, а одинъ да хорошенько».

Александръ дѣлалъ видъ, будто не слышитъ и спитъ.

— Не понравилось, видно!—проговорилъ Іона и самъ тоже, повернувшись къ стѣнѣ, постарался заснуть.

Проснувшись вечеромъ, они оба очень ласково, какъ бы ничего между ними не происходило, заговорили между собой, а потомъ отправились, взявъ съ собой Пегаса и Петрушку, на охоту. Александръ при этомъ убилъ двухъ утокъ, Дѣдовхинъ бекаса, Александръ еще двухъ утокъ, Дѣдовхинъ зайца. Все это еще болѣе оживляло ихъ бесѣду.

— Поѣдемъ-ка, другъ сердечный, завтра въ Дубны на праздникъ,—сказалъ Іона Мокеичъ. — Помолимся сначала въ церкви Божіей, а потомъ къ ея превосходительству Клеопатрѣ Петровнѣ на обѣдище отправимся.

— А она еще жива?

— Поди-ка, какая еще ядреная: однако постой-ка, паря,— сказалъ Іона, уставляя палецъ въ лобъ: — сколько это тому лѣтъ было... въ девяносто седьмомъ году, словно бы она тово...— и при этомъ онъ сдѣлалъ какой-то странный знакъ руками.

— Э, вздоръ какой!—перебилъ Александръ;—у того была одна... извѣстная...

— Вѣрно это, ты не спорь!.. Тогда, значитъ, когда все это повстрѣчалось (и Іона опять сдѣлалъ какой-то знакъ руками), сыновья и вдовствующая супруга ей и говорятъ: «отправляйтесь-ка въ деревню»... Я это ужъ помню, на моей памяти,—тысячи полторы душъ тогда за селомъ-то записано было... и что опосля того къ ней жениховъ посыпало, Боже ты мой!.. Одинъ такъ съ пистолетикомъ въ рукѣ пріѣхалъ и сталъ на колѣни: «или осчастливьте, говоритъ, вашей рукой, или застрѣлюсь!». Она ему только рукой на портретъ указала: «вотъ, говоритъ, кѣмъ я была любима!»

Къ этому разговору съ замѣтнымъ вниманіемъ прислушивался и Петруша.

— Женщина умная, столичнаго тона,—заключилъ съ серьезною миной Іона Мокеичъ.

Ему какъ будто бы даже и не пристало говорить о такихъ возвышенныхъ предметахъ.

— А оттуда, — продолжалъ онъ гораздо болѣе искреннимъ тономъ:—ко мнѣ. У меня, братъ, въ Кузьмищевской казенной деревнѣ такія дѣвки — чудо! На посѣдки къ нимъ съѣздимъ!

— Хорошо,—отвѣчалъ Александръ, и, когда они пришли въ усадьбу, онъ ушелъ въ свой кабинетъ и все думалъ: въ его воображеніи невольно рисовалась эта нѣкогда бывшая фрейлина, можетъ-быть, когда-то хорошенькая, молоденькая, рисовались украшающіе ее фижмы, парикъ и красные каблуки.

X.

Храмовой праздникъ.

Храмовой праздникъ въ селѣ Дубнахъ былъ, какъ видно, немаловажнымъ событіемъ.

Съ ранняго утра по замерзшей нѣсколько на утреннемъ холодкѣ дорогѣ ѣхали мужики въ раскрашенныхъ телѣжкахъ, съ раскрашенными дугами, въ картузахъ и синихъ кафтанахъ, съ женами, тоже въ синихъ поддевкахъ, красныхъ платкахъ и красныхъ сарафанахъ. Мужики посѣрѣй ѣхали верхомъ, а между пѣшеходами были все больше женщины въ котахъ и съ поднятыми подолами; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были грудные младенцы на рукахъ.

На красномъ дворѣ въ Лопухахъ кучеръ Ѳома, въ красной рубахѣ, съ расчесанною бородой и намасленною головой, хлопоталъ около выкаченной изъ сарая прекрасной четверомѣст-

ной коляски, а другой, подкучерокъ, мылъ, чистилъ и расплеталъ гривы у четырехъ вороныхъ лошадей. Видно, что приготовлялся самый парадный выѣздъ, заведенный еще покойнымъ Баклановымъ. Александръ одѣвался въ своей комнатѣ. Вдругъ къ нему заглянула въ двери въ новой юбкѣ, папильоткахъ и чепцѣ Аполлинарія Матвѣевна.

— Мнѣ можно съ тобой, душенька, ѣхать?—спросила она.

— Это что̀ еще такое,—почти воскликнулъ Александръ:—вы тутъ боитесь; кричать начнете въ дорогѣ... очень весело съ вами ѣздить!

— Ой, да Клеопатра-то Петровна больно, было, меня звала.

— Ну, такъ и поѣзжайте однѣ, а я не поѣду!—возразилъ Александръ, бросая съ гнѣвомъ на столъ щетку и гребенку. Ему стыдно было ѣхать съ матерью.

Та, по обыкновенію, струсила.

— Нѣтъ, коли ужъ такъ, я лучше не поѣду,—сказала она смиренно и, придя въ свою комнату и снявъ съ себя парадный чепчикъ, горестно усѣлась подъ окошечкомъ.

«Глупа-то я больно, что ли, батюшки, ни отъ кого-то мнѣ житья на свѣтѣ нѣтъ, и отъ сынка-то что̀ есть?»—спрашивала она себя и затѣмъ залилась обильнѣйшими слезами, что въ этакій праздникъ она и въ церкви Божіей не побываетъ.

Іона Мокеичъ, тоже во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и съ новымъ картузикомъ въ рукахъ, бывъ свидѣтелемъ всей этой сцены между сыномъ и матерью, слегка улыбался и поматывалъ въ раздумьѣ головой.

Александръ былъ готовъ. Костюмъ его состоялъ изъ чернаго фрака, изъ бархатнаго коричневаго, по тогдашней модѣ, жилета; курчавые волосы его были красиво зачесаны назадъ. Выходя, онъ накинулъ на себя подбитый настоящимъ бархатомъ плащъ-альмавиву и, живописно раскинувъ на плечахъ его отвороты, сѣлъ, нѣсколько развалясь, въ коляску и съ удовольствіемъ полюбовался толстою спиной молодцоватаго кучера. Гайдукъ Петръ, тоже въ новой, съ иголочки, ливреѣ, вскочилъ на запятки. За нимъ вслѣдъ смиренно ѣхалъ Іона Мокеичъ въ своемъ тарантасишкѣ. Александръ его не пригласилъ сѣсть съ собой изъ того же чувства, по которому не взялъ и мать

Экипажъ, быстро везомый четырьмя добрыми конями, слегка и ровно покачивался. Александръ, завернувшись въ свой плащъ и скрестивъ руки, глядѣлъ и посматривалъ на всѣ окрестности. Въ жизни немного такихъ положеній, которыя бы, какъ ѣзда по деревенскимъ дорогамъ въ хорошемъ экипажѣ и на бойкихъ лошадяхъ, могли настолько возбуждать

въ человѣческомъ сердцѣ чувство гордости. «Я сквайръ... пропріетеръ... Все это, что̀ ни идетъ, ни встрѣчается, все это ниже меня»,—самолюбиво отзывалось въ молодой душѣ Александра. «Я, пріѣхавъ въ церковь,—думалъ онъ:—или тамъ на обѣдъ къ какой-нибудь Фефелѣ Ивановнѣ, вѣроятно, буду лучше всѣхъ одѣтъ. Я могу жить, ничего не дѣлая и ни въ комъ не нуждаясь... Я знаю науки, а тутъ никто ни одной. Тамъ, можетъ-быть, я встрѣчу какую-нибудь маленькую, недурненькую собой даму; она влюбится въ меня, потому что мужъ у нея уродъ, такъ какъ они всѣ уроды...» Но всѣ эти самолюбивыя мысли сразу прошли, когда изъ-за недальней горы показался справа огромный каменный домъ Клеопатры Петровны, а слѣва—садъ другого владѣльца села Дубновъ, помѣщика Спирова. Посреди всего этого виднѣлась церковь, около которой кишмя-кишѣлъ народъ. Александръ почувствовалъ даже робость. Онъ хоть и считалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ, но въ сущности былъ, какъ всѣ поумнѣе молодые люди, очень застѣнчивъ.

— Іона Мокеичъ, что̀ вы тутъ сидите, пересядьте ко мнѣ!—говорилъ онъ, велѣвъ кучеру остановиться.

Онъ уже чувствовалъ нѣкоторую необходимость въ покровительствѣ своего стараго сосѣда.

— Да что̀ жъ ты всю дорогу-то, чертенокъ, молчалъ и заставилъ меня трястись въ тарантасишкѣ! — отвѣчалъ тотъ, вылѣзая изъ своего экипажа и пересаживаясь въ коляску.

Вскорѣ они въѣхали въ село.

— Ну, братъ, нѣтъ, въ церковь не продерешься...—проговорилъ Іона.

И въ самомъ дѣлѣ, отъ храма до самой ограды тянулся цѣлый хвостъ народу, или, лучше сказать, бабъ, которымъ негдѣ ужъ было помѣститься въ церкви.

— Куда жъ мы пойдемъ: къ Клеопатрѣ Петровнѣ или къ Спировымъ?—спросилъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ Александръ.

— А вотъ потолкаемся пока по базару,—отвѣчалъ тотъ и совершенно спокойною и привычною походкой началъ проходить между народомъ.

Александръ слѣдовалъ за нимъ.

На плохо огороженномъ кладбищѣ, обсаженномъ нѣсколькими березками, на могильной плитѣ, сидѣли съ горестнѣйшими лицами двѣ старухи-крестьянки.

— Ну-ка, матушка,—говорила одна печальнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ другая тоже простанывала:

— Только глазки-то она закатила...

Александръ думалъ, что, сидя на человѣческомъ кладбищѣ, онѣ вспоминаютъ о какой-нибудь ихъ дочери или внучкѣ.

— Потянула я за хвостикъ-то, а она ужъ и не жива!..— заключила говорившая.

Старухи разговаривали о коровѣ.

Вдругъ его толкнулъ въ бокъ Іона Мокеичъ. Александръ обернулся и самъ чуть не вскрикнулъ.

Опершись на ограду и нѣсколько склонившись на нее, стояла невдалекѣ молодая, высокая крестьянка. Отъ нея отъ всей, какъ отъ гоголевской Аннунціаты, красота такъ и блистала во всѣ стороны.

— Какова птичка-то?—произнесъ Іона.

Александръ все еще не могъ отвести глазъ.

Крестьянка между тѣмъ, замѣтивъ, что на нее смотрятъ, не столько, кажется, изъ стыдливости, сколько изъ солидности опустила глаза въ землю и, наклонивъ нѣсколько голову, пошла неторопливо въ другую сторону.

— Это изъ Кузьмищева... На посѣдкахъ мы, можетъ-быть, увидимъ ее.

— Ахъ, пожалуйста!—произнесъ Александръ.

Съ кладбища они прошли на базаръ, съ выстроенными на скорую руку деревянными лавочками, въ которыхъ, съ испитыми лицами, въ нанковыхъ сюртукахъ и по большей части рыжеволосые торговцы торговали краснымъ товаромъ.

— Мадамъ! мадамъ! — говорилъ одинъ изъ нихъ, зазывая толстую бабу, съ разинутымъ ртомъ проходившую мимо лавки.

— Вы будьте спокойны: въ трехъ щелокахъ стирайте, не полиняетъ! — увѣрялъ другой нѣсколькихъ бабъ, съ недовѣріемъ смотрѣвшихъ, какъ онъ прикидывалъ на аршинъ шумящій ситецъ.

Въ церкви на колокольнѣ зазвонили къ молебну. Весь почти народъ перекрестился, а въ томъ числѣ и торговецъ съ разными сластями, который только-что пояснилъ двумъ горничнымъ, стоявшимъ передъ нимъ и покупавшимъ у него пряники:

— Было у меня, сударыня, дочекъ семь бочекъ: самъ не началъ, такъ чортъ началъ.

— Ахъ, Боже мой, скажите! — говорили горничныя.

— Да-съ,—продолжалъ торговецъ:—была у меня жена Маланья, варила мнѣ супъ изъ крупъ, что тротуары посыпаютъ.

Горничныя смѣялись.

— Всѣхъ бы я васъ, миленькія, обзолотилъ и брильянтами изуставилъ, одно только мѣсто пустымъ оставилъ!—заключилъ торговецъ.

Горничныя совсѣмъ фыркали отъ смѣха.

— Охъ, вы, пряничницы! — погрозилъ имъ пальцемъ, проходя, Іона Мокеичъ.

— Нельзя, сударь, Іона Мокеичъ,—отвѣтилъ за нихъ торговецъ:—гдѣ ужъ, батюшка, обозы, такъ и козы.

Передъ мужикомъ, продававшимъ лемехи, гвозди, серпы, Дѣдовхинъ остановился.

— Я, братъ, твоими-то косами тебѣ бороду выбрею! Хочешь?

Но мужикъ, кажется, этого не хотѣлъ.

— Что̀ же такъ-съ? — спросилъ онъ.

— Да тупѣе моего языка.

— По каменьямъ-то, Іона Мокеичъ, какъ станете косить, такъ всякая иступится... Выгодчикъ тоже! — прибавилъ мужикъ, когда Дѣдовхинъ былъ уже довольно далеко: — и около чужихъ всѣхъ пней ладитъ выкосить траву.

Александръ продолжалъ думать о красивой бабѣ.

На большой дорогѣ они увидѣли, что̀ растрепанный мужикъ ползъ на четверенькахъ.

— Что̀, паря, преклонилъ ужъ Господь? Словно рано бы еще!—замѣтилъ Іона Мокеичъ.

— Порра! — произнесъ мужикъ съ ожесточеніемъ и, повалившись вверхъ животомъ, закрылъ въ изнеможеніи глаза.

— Ну-те, ребята, нарвите крапивки, да подъ рубашку ему... — посовѣтовалъ Іона Мокеичъ стоявшимъ вблизи, въ красныхъ рубахахъ, мальчишкамъ.

Тѣ этому очень обрадовались, сейчасъ же нарвали крапивы и насовали мужику за платье. Мужикъ поочувствовался, принялся себя чесать съ ожесточеніемъ, а потомъ бросился за шалунами, но на первыхъ же шагахъ упалъ и опять было обезпамятѣлъ. Мальчишки, которымъ Іона Мокеичъ снова подмигнулъ, опять насовали ему крапивы. Мужикъ всталъ и уже гораздо тверже побѣжалъ за ними.

— Я и себя всегда такъ велю дома отрезвлять. Отличнѣйшій способъ!—объяснилъ Іона Мокеичъ Александру, и потомъ они пошли къ дому Клеопатры Петровны.

— Хозяйка, вѣрно, въ церкви! — предостерегъ-было его Александръ.

— О, чортъ! Велика важность! — отвѣчалъ Іона и дерзко отворилъ тяжелыя дубовыя двери.

На довольно парадной лѣстницѣ они увидѣли сходящую комнатную женщину съ маленькимъ платочкомъ на головѣ.

— Пожалуйте-съ!—пригласила она ихъ.

— Ахъ, благодаримъ покорно! — отвѣчалъ Іона тоже въ тонъ ей тоненькимъ голоскомъ. — Что̀ это, душенька, животикъ-то у тебя словно поприпухъ? — прибавилъ онъ.

— Ай, батюшка, Іона Мокеичъ, все-то вы шутите! — проговорила женщина, уходя раскраснѣвшись въ коридоръ подъ лѣстницей.

Путники наши вошли наконецъ въ залу съ двойнымъ свѣтомъ и съ исторической живописью на потолкѣ. Потомъ они прошли малую гостиную, среднюю и остановились въ большой гостиной. Александру невольно кинулся въ глаза огромный портретъ императора Павла, въ золотой рамѣ и убранный балдахиномъ.

Мебель была хоть и старинная и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже бѣлая съ позолотой, но вездѣ обитая или штофомъ, или барканомъ. Вся эта барская роскошь начала еще болѣе тревожить Александра.

— Что̀ жъ мы будемъ тутъ дѣлать? — спросилъ онъ своего товарища, преспокойно расхаживавшаго и преспокойно на все поглядывавшаго.

— А вотъ ужъ и подходятъ изъ церкви, — отвѣчалъ онъ.

По деревяннымъ мосткамъ, идущимъ отъ самой церкви до дому, дѣйствительно, два лакея, въ огромныхъ, треугольныхъ шляпахъ, надѣтыхъ поперекъ, вели подъ руку самоё старую фрейлину, совсѣмъ сгорбившуюся, но еще въ букляхъ и въ роскошнѣйшемъ платьѣ. Вслѣдъ за ней, скромно приложивъ руки къ груди, шли двѣ ея приживалки: одна Алина, другая— Полина.

Старуха проходила свои огромныя залы, съ длинными зеркалами, все склоняя голову, какъ бы кланяясь на парадномъ выходѣ; наконецъ въ гостиной, увидѣвъ живыхъ людей, она проговорила!

— Здравствуйте!

Іона Мокеичъ поспѣшилъ раскланиться и представить ей Александра.

— Апполинаріи Матвѣевны сынъ! — сказалъ онъ.

— Вотъ какой ужъ большой сталъ. Здравствуйте!—проговорила ему старуха.

— Какъ здоровье моего ангела, Аполлинаріи Матвѣевны?— спросила одна изъ приживалокъ, закатывая глаза.

— Слава Богу! — отвѣчалъ Александръ. Пріемъ этотъ нѣсколько удивилъ его. Все-таки, видно, здѣсь знаютъ его мать, а не его!

По мосткамъ въ это время шли еще двое господъ: старый генералъ съ приподнятыми плечами, зачесанными вверхъ бакенбардами, съ усами, торчащими прямо, и маленькимъ хохломъ на плѣшивой головѣ; и между тѣмъ, какъ онъ такимъ образомъ какъ бы весь подавался вверхъ, ноги его, въ пли-

совыхъ сапогахъ, почти не поднимаясь, шаркали по мосткамъ. Рядомъ съ нимъ шелъ прямой господинъ, совсѣмъ какъ бы не имѣвшій способности гнуться и какъ бы насаженный на желѣзный стержень.

— Добраго дня!—сказалъ генералъ, войдя и подавая руку Іонѣ, но не обертываясь, впрочемъ, къ нему лицомъ. — Гдѣ хозяйка?

— Сейчасъ выйдетъ, ваше превосходительство,—поспѣшилъ отвѣтить Іона Мокеичъ.

Генералъ сѣлъ на диванъ, на то мѣсто, гдѣ обыкновенно садятся дамы.

Лакеи стали ставить закуску.

Высокій господинъ сталъ около доходящаго до полу окна и приложилъ шляпу къ колѣну.

Александръ не безъ удивленія замѣтилъ, что фракъ на этомъ гостѣ сидѣлъ гораздо лучше, чѣмъ на немъ; сукно было гораздо высшаго сорта, а покрой чистѣйшаго англійскаго свойства. По скромному его и тоже, должно-быть, дорогому жилету изящно пролегала платиновая цѣпочка.

— Кто это такой? — спросилъ онъ Іону Мокеича.

— Князь Темиръ-Подольскій, — отвѣчалъ онъ.

У Александра опять немножко сердце сжалось конфузомъ.

Но по мосткамъ шелъ еще новый франтъ, также щегольски одѣтый, но только онъ шелъ гораздо развязнѣе и, заботливо оглядываясь изъ стороны въ сторону, имѣлъ на глазахъ pince-nez.

Александръ Бога возблагодарилъ, что онъ не взялъ своего pince-nez.

— Ну да, да!—говорилъ этотъ новый гость, входя въ гостиную, и потомъ прямо подошелъ къ генералу.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, накупилъ косъ, ремней, граблей!

— Такъ, такъ, прекрасно! — говорилъ покровительственно генералъ.

— Нельзя, ваше превосходительство, ни у отца, ни у матери моей, ни у дѣда не бывало, — а у меня овесъ самъ-пятнадцать пришелъ.

— Прекрасно! прекрасно! Военный человѣкъ на все, выходитъ, способенъ!

— На все, ваше превосходительство! — подхватилъ весело вошедшій господинъ.

Въ душѣ Александра невольно шевельнулась зависть.

«Въ самомъ дѣлѣ, военный человѣкъ не способнѣе ли на все?»—подумалъ онъ.

Вошла Спирова, въ чепцѣ съ бантами и шелковомъ платьѣ,

Дама эта была хоть и худощава, но чрезвычайно, должно-быть, полнокровна.

— Ухъ, какъ жарко въ церкви! — сказала она.

— Да,—подтвердилъ генералъ.

M-me Спирова вынула батистовый платокъ и стала имъ обмахиваться, произведя при этомъ сильный запахъ пачулей.

Александра и это удивило.

«Здѣсь и духи эти модные знаютъ?» — спросилъ онъ себя мысленно.

Между тѣмъ господина въ pince-nez онъ опять уже увидѣлъ на площади, толкающагося посреди мужиковъ.

«Счастливецъ! А наше отвратительное университетское образованіе, къ чему оно готовитъ человѣка?»—подумалъ Александръ.

Хозяйка, наконецъ переодѣвшись въ болѣе легкое платье, но попрежнему въ блондовомъ чепцѣ и букляхъ, появилась, въ сопровожденіи своихъ приживалокъ.

— Что же вы, подавайте!—сказала она, кинувъ привычно-строгій взглядъ на стоявшихъ у притолокъ лакеевъ.

Тѣ мгновенно схватили со стола подносы и стали подносить небольшому числу гостей.

— Кушай, батюшка!—сказала старуха, садясь около генерала.

— Ѣмъ! — отвѣчалъ тотъ.

Онъ, дѣйствительно, не давъ еще унести подноса, взялъ и наложилъ себѣ на тарелку паштета.

— Кто это?—спросилъ онъ хозяйку полу-на-ухо, показывая на Александра.

— Апполинаріи Матвѣевны сынокъ!—почти крикнула ему та. Генералъ былъ сильно глуховатъ.

Александръ выходилъ изъ себя отъ такой нецеремонной рекомендаціи: опять и вездѣ упоминалась Аполлинарія Матвѣевна, но старый генералъ, лично имъ заинтересовавшійся, больше еще ему нравился. Онъ рѣшилъ съ нимъ заговорить. Замѣтивъ, что невдалекѣ отъ него осталось свободное мѣсто, онъ подошелъ и сѣлъ.

— Вы не были у обѣдни? — спросилъ его довольно ласково старикъ.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ довольно поздно... ужъ къ великому таинству.

— Къ какому это великому таинству?—спросилъ генералъ, сдѣлавъ руками знакъ удивленія.

— Да въ обѣднѣ-съ!

— Въ обѣднѣ есть великій выходъ, а не таинство... Какъ же вы этого не знаете, молодой человѣкъ? а-а-а! — сказалъ, качая головой, старикъ.

Александръ, и самъ очень хорошо видѣвшій, что, по торопливости своей, совралъ, сначала было-заспорилъ, что есть...

— Да нѣтъ же! Неужели васъ и этому не научили? а-а-а!— произнесъ рѣшительно генералъ.

Александръ готовъ былъ провалиться сквозь землю, но, къ вящшему еще страданію его, лакей раскрылъ зеленый столъ. Іона Мокеичъ разнесъ карты себѣ, хозяйкѣ, генералу и князю Подольскому. Они сейчасъ же сѣли, оставивъ Александра съ дамами.

Разговаривать со Спировой и двумя приживалками Александръ рѣшительно не хотѣлъ, но тѣ, впрочемъ, и сами скоро ушли во внутреннія комнаты, такъ что онъ остался совершенно одинъ.

Онъ ходилъ, глядѣлъ въ окно, сидѣлъ на мѣстѣ, подходилъ къ игрокамъ, и все это такъ было глупо, что онъ готовъ былъ этого проклятаго Іону прибить за то, что онъ привезъ его къ подобнымъ скотамъ. Наконецъ судьба какъ бы сжалилась надъ нимъ: къ крыльцу подъѣхалъ экипажъ съ дамами, съ которыми Александръ непремѣнно рѣшился познакомиться и даже начать за ними ухаживать. Онѣ вскорѣ вошли въ гостиную; мать какъ-то исподлобья и злобно посматривала на всѣхъ, а дочери, сначала одна, а потомъ другая, вернули хвостомъ передъ хозяйкой и затѣмъ скрылись вмѣстѣ съ маменькой.

Къ крыльцу подъѣхалъ еще экипажъ. Генералъ, вытянувъ свой взглядъ на окно, проговорилъ:

— Это, должно-быть, гг. офицеры!

Изъ тарантаса, въ самомъ дѣлѣ, вышли три офицера. Одинъ изъ нихъ, и собой очень невзрачный и далеко ужъ не умнаго лица, шумно вошелъ въ гостиную, расцѣловалъ у хозяйки ручку, сѣлъ около нея и сталъ учить ее играть въ карты, а двое другихъ, тоже очень развязно поклонившись хозяйкѣ, черезъ пять же минутъ, какъ видѣлъ Александръ, разговаривали съ барышнями, на секунду вернувшими хвостами въ гостиной.

Видимо, между всѣми этими людьми были общіе интересы и протекала общая жизнь; одинъ только герой мой былъ тутъ какъ отрѣзанный ломоть.

За обѣдомъ всѣ усѣлись по приличнымъ имъ мѣстамъ — даже Іона затесался чуть ли не рядомъ съ хозяйкой, а Александръ очутился въ самомъ заднемъ концѣ, между попами. Въ продолженіе всего обѣда онъ былъ мраченъ до неприличія.

Когда встали наконецъ изъ-за стола и въ лакейской за-

играли полковые музыканты, привезенные офицерами, Александръ сейчасъ же взялъ шляпу и подошелъ къ хозяйкѣ.

— Чтой-то батюшка, куда это? — спросила та его.

— Матушка не такъ здорова.

— А! — произнесла старушка, какъ видно, совершенно принявъ въ уваженіе подобную причину.

Александръ сѣлъ въ коляску.

Кучеръ Ѳома и гайдукъ Петруша были мрачны.

Они никакъ не ожидали, что баринъ такъ скоро уѣдетъ съ праздника, а потому не успѣли еще обойти деревню и закатить хорошенько.

— Когда жъ на посѣдки-то? — крикнулъ Александру съ балкона Іона Мокеичъ.

— Послѣ какъ-нибудь, — отвѣчалъ тотъ и велѣлъ скорѣе ѣхать.

«Что̀ жъ это такое?» — разсуждалъ онъ самъ съ собою, проѣзжая довольно темнымъ лѣсомъ.

Онъ очень хорошо понималъ, что былъ въ самомъ аристократическомъ деревенскомъ кругу.

«Или они глупы, или я!» — рѣшалъ онъ мысленно.

Они! — позволяемъ мы себѣ успокоить молодого человѣка.

XI.

Іона Мокеичъ дома.

Александръ, не зная, чѣмъ себя занять, началъ безпрестанно думать о красивой женщинѣ, видѣнной имъ на базарѣ въ Дубнахъ. Разъ, послѣ обѣда, онъ вдругъ надѣлъ на себя полный охотничій костюмъ, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ къ Іонѣ Мокеичу.

Циникъ жилъ отъ нихъ верстахъ въ десяти.

Въѣхавъ въ перелѣсокъ и подъѣзжая къ одному изъ овражковъ, Александръ сталъ попридерживать своего довольно сердитаго коня. Тотъ отъ этого еще больше и красивѣе сталъ раскидывать свои переднія ноги. Когда надобно было подниматься изъ оврага, Александръ вдругъ опустилъ поводья, нагнулся надъ сѣдломъ и, крикнувъ, выхватилъ свой охотничій ножъ и понесся маршъ-маршъ! Потомъ вдругъ опять останавливалъ лошадь сразу и снова несся. Въ эти минуты онъ воображалъ себя черкесомъ — доказательство, что еще былъ молодъ душою.

Дмитровка — жилище Іоны Мокеича — находилась въ сельцѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ домовъ бѣдныхъ дворянъ. Его

же собственно усадьба отдѣлялась отъ прочихъ высокимъ тыномъ и отличалась довольно большимъ садомъ, въ которомъ прятался хоть и низенькій, но довольно широкій домъ, и оттого нѣсколько таинственною наружностью какъ бы говорилъ, что онъ заключаетъ въ себѣ хоть и стараго, но великаго грѣшника.

Іона Мокеичъ увидалъ Александра еще изъ окна.

— А, солнышко красное!—сказалъ онъ, отворяя ему двери.

Самъ онъ былъ одѣтъ въ какихъ-то турецкихъ шароварахъ, въ туфляхъ и ермолкѣ.

Александръ былъ въ первый еще разъ у него въ домѣ.

— Это вотъ моя гостиная, а это моя пустынническая спальня, — говорилъ Іона, вводя гостя въ свое довольно уютное помѣщеніе.— А тамъ, — продолжалъ онъ совершенно тѣмъ же тономъ, показывая на заднюю половину дома: — тамъ мой сераль.

— Сколько же женъ у васъ? — спросилъ Александръ.

— Три всего... по состоянію, братецъ!.. Что̀ дѣлать, больше не могу, — отвѣчалъ Іона, пожимая плечами.

— Это что̀ такое! — продолжалъ Александръ, останавливаясь передъ довольно большою, масляными красками написанною картиной, изображающей нагую женщину.

— Подареніе твоего отца! — отвѣчалъ Іона Мокеичъ. — Этакого, говоритъ, сраму нигдѣ, какъ у Іоны, въ комнатахъ и держать нельзя! Но это, братъ, что̀! А вотъ гдѣ штука-то!— прибавилъ онъ и, взявъ Александра за руку, ввелъ въ спальню и тамъ показалъ ему уже закрытую занавѣской картину.

Александръ сейчасъ же отвернулся.

— Что̀ за мерзость! — произнесъ онъ: — хоть бы вы рисовать-то велѣли получше, покрасивѣе, а то чудовища какія-то!

— По состоянію! — отвѣчалъ и на это Іона: — но что̀ тутъ, другъ сердечный, рисованье!—продолжалъ онъ:—одно только напоминаніе, а тамъ ужъ, какъ это по-вашему, по-ученому сказать, добавлять надо своими фантазеріями!

— А что̀ жъ мы на посѣдки ѣдемъ?—спросилъ Александръ.

— Непремѣнно. Марѳуша! — крикнулъ Іона Мокеичъ, пріотворивъ маленькую дверь въ сосѣднюю комнату: — дай-ка намъ наливочки!

— Что̀! къ чему это? послѣ обѣда!

— Наливки-то? Да вѣдь ее всегда можно; это не водка,— успокоилъ его Іона Мокеичъ.

Марѳа, лѣтъ двадцати дѣвка, съ толстыми губами и грудями, принесла на подносѣ бутылку наливки и двѣ рюмки, и все это поставила на столъ.

— Честь имѣю рекомендовать; это главная моя султанша! — объяснилъ о ней Іона Мокеичъ.

Марѳа при этомъ хоть бы бровью повела. Она, видно, совершенно привыкла къ подобной рекомендаціи и съ такимъ же лицомъ, съ какимъ пришла, съ такимъ и ушла.

— Какая женщина, у! — дополнилъ о ней еще Іона Мокеичъ.

— Вѣроятно! — подтвердилъ Александръ.

— У!..—повторилъ Іона и заставилъ Александра выпить рюмку наливки.

Тотъ выпилъ и чуть не выплюнулъ назадъ, говоря:

— Она совсѣмъ не подслащена!

— Совершенно!—подтвердилъ и Іона.—Сахаръ вѣдь искусственная вещь... букету ужъ при немъ такого нѣтъ, а тутъ сама натура, какъ есть.

— Какой тутъ, чортъ, букетъ.

— Нѣтъ, ты попробуй, выпей-ка еще одну, такъ и увидишь, что такъ надо.

Александръ отнѣкивался-было.

— Да полно, чтой-то, выпей!.. — произнесъ Іона, какъ бы нѣсколько обидѣвшись.

Александръ выпилъ и, въ самомъ дѣлѣ, не съ такимъ отвращеніемъ.

— А что, мы скоро поѣдемъ на посѣдки? — сказалъ онъ. Въ головѣ у него начинало пошумливать.

— Все надо, другъ милый, по порядку, чинно, не торопясь,— отвѣчалъ Іона Мокеичъ; самъ онъ пилъ уже четвертую рюмку. — Гаврюха, Гаврюха! — подкликнулъ онъ, стуча въ окно, проходившаго мимо высокаго мужика.

Тотъ вошелъ въ комнату. Это былъ его собственный ткачъ Гаврила, сначала, по наружности, смотрѣвшій очень обыкновеннымъ человѣкомъ.

— Во-первыхъ, скажи ты мнѣ, милый человѣкъ, — спросилъ его баринъ:—что, въ Кузьмищевѣ начались посѣдки?

— Начались бы словно, — отвѣтилъ тотъ довольно громко.

— Тсс!.. тише! — крикнулъ ему шопотомъ Іона Мокеичъ и отнесся къ Александру: — не любитъ у меня этого моя главная-то барыня. «Дома, говоритъ, что хошь дѣлай, — по чужимъ мѣстамъ, по крайности, не срамись!»

— Ну, другъ милый,—обратился онъ снова къ Гаврилѣ:— вотъ тебѣ мои ключи драгоцѣнные, поди ты потихохоньку отъ Марѳуши... я ее вызову сюда, будто одѣвать себя... возьми ты тамъ въ чуланѣ четыре бутылочки наливки, пряничковъ, изюму, орѣшковъ; положи все это въ корзиночку, поставь ты

ее подъ бесѣдку, въ мою, знаешь, телѣжку, запряги ты мнѣ ворона коня и выѣзжай къ намъ къ крыльцу.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Гаврила, видимо съ полною готовностью, и вышелъ.

— Безцѣнный насчетъ этого человѣкъ! хоть три ночи простоитъ, гдѣ ужъ скажешь, — не тронется! — объяснилъ и о немъ Іона Мокеичъ, а затѣмъ вышелъ, позвалъ Мареу и сильно, какъ было слышно черезъ перегородку, старался занять ее самыми разнообразными разговорами.

Черезъ полчаса они уже сидѣли: Александръ—верхомъ на своемъ конѣ, а Іона Мокеичъ и Гаврила—въ телѣжкѣ. Мареа провожала ихъ на крыльцо.

— Когда ждать-то прикажете? Куда это поѣхали? — спрашивала она.

— Да вотъ къ нему, погостить ненадолго!—отвѣчалъ Іона Мокеичъ смиренно.

Несмотря на вольнодумный характеръ, онъ, кажется, находился въ сильныхъ лапахъ у своей главной султанши.

Когда два наши рыцаря, съ своимъ могучимъ оруженосцемъ, тронулись на свои романическія приключенія, Мареа проговорила, зѣвая во весь ротъ:

— Какой тотъ молоденькій-то баринъ смазливый, не то, что нашъ плѣшивый чортъ!

XII.

Посѣдки.

Кузьмищево, казенная деревня, расположенная по большой дорогѣ, тянулась въ длину версты на двѣ. Во всѣхъ окнахъ избъ мелькали огоньки, и въ одной изъ нихъ, довольно большой, свѣтъ былъ какъ-то поярче. На улицѣ была совершенная тишина: изрѣдка проѣдутъ запоздалые извозчики, или выведетъ кто-нибудь изъ мужиковъ лошадь попоить къ колодцу, или наконецъ быстро промелькнетъ какая-нибудь женская тѣнь съ пряслицей и устремится къ этой именно избѣ. Александръ и Іона Мокеичъ, выѣхавъ откуда-то съ задовъ, тоже подъѣхали къ ней.

— Прежде всего, другъ сердечный, надо подкрѣпиться!— сказалъ, кряхтя и вылѣзая изъ своей повозки, Іона и вытаскивая изъ корзинки бутылку, изъ которой заставилъ Александра выпить цѣлый стаканъ, а самъ выпилъ два. Потомъ они вошли въ сѣни, оставивъ Гаврилу у лошадей. Въ довольно большой избѣ, по всѣмъ переднимъ лавкамъ, сидѣли молодыя

женщины и дѣвушки, по большей части все недурныя собой.

Подъ полатями стояли молодые парни, а нѣкоторые изъ нихъ, по преимуществу имѣвшіе въ рукахъ гармоники, сидѣли и промежъ дѣвушекъ, но тѣ всегда при этомъ старались ихъ выпихнуть и выжить отъ себя.

— Не примете ли странниковъ, идемъ изъ далекихъ мѣстъ: обносились, обовшивѣли!—сказалъ, входя, Іона Мокеичъ. Корзинку онъ захватилъ съ собой.

Хозяйка избы, довольно еще молодая женщина, сейчасъ же его узнала.

— Милости просимъ! — сказала она, смѣясь, и, согнавъ съ одной скамейки ребятишекъ, предложила ее гостямъ.

— Чей такой—молодой-то баринъ?—сказала она Іонѣ, указывая на Александра.

— Дворянинъ Нищинъ, изъ усадьбы Огородова, подъ прясломъ родился, на тычинкѣ выросъ и теперь на колѣ верхомъ изволитъ русскую землю объѣзжать!..—отрекомендовалъ его Іона Мокеичъ.

— Да полноте, лѣшіе, это изъ Лопуховъ баринъ-то; я видала его... ягоды носила!—толковала другая баба въ толпѣ.

— Какой нарядный! военный, знать!—замѣчали иныя.

Александръ не безъ удовольствія видѣлъ, что онъ составляетъ предметъ общаго вниманія. Но, впрочемъ, взглянувъ въ одинъ изъ болѣе темныхъ и многолюдныхъ угловъ, онъ увидѣлъ свою красавицу-крестьянку.

— Здравствуй! Мы съ тобой нѣсколько знакомы, — сказалъ онъ.

— Вы мнѣ, что ль, это говорите?—сказала она пріятнымъ голосомъ.

— Тебѣ... Я тебя видѣлъ и восхищался тобой въ Дубнахъ.

— Гм!—усмѣхнулась на это женщина.

Александръ взялъ небольшой деревянный стулъ и сѣлъ противъ нея.

— Ты замужемъ?

— Али нѣтъ!—отвѣчала красавица, кидая на него лукавый взглядъ.

— Гдѣ же у тебя мужъ, въ Питерѣ?

— Въ Питерѣ, чтобъ бока повытерли! — отвѣчали за нее другія бабы, и засмѣялись.

Одинъ изъ стоявшихъ подъ полатями парней и какъ-то мрачно на все это смотрѣвшій подошелъ и зажегъ освѣщавшую лучину посвѣтлѣе. Красавица Александра еще больше выглянула передъ нимъ во всей своей красотѣ.

— О, ты дивно хороша! — воскликнулъ онъ, ероша свои курчавые волосы.

— Ну, вотъ что̀! Какой онъ!—говорила, смѣясь, та.

Іона Мокеичъ между тѣмъ ходилъ и угощалъ наливкой.

— Выпей, душенька,—говорилъ онъ, подходя къ Александру.

Тотъ въ сильномъ волненіи и не видя самъ, что̀ дѣлаетъ, выпилъ стаканъ залпомъ, а потомъ другой.

— А, краля писаная!—воскликнулъ Іона Мокеичъ, увидавъ бабу-красавицу.—Ну, выпей!.. Бѣлогрудая, бѣлозубая, пей!—говорилъ онъ ей.

Та отпила немного изъ стакана.

— Ой, не люблю я этого: крѣпкое какое, песъ!

— Да что̀ вы орѣхи-то бережете?.. давай орѣхъ-то, — сказали другія бабы, отъ глаза которыхъ не ускользнули лежащія въ корзинѣ сласти.

— О, сейчасъ! — воскликнулъ Александръ, вскакивая, и, схвативъ оттуда цѣлый тюрикъ орѣховъ, поднесъ ихъ и сталъ передъ своей красавицей на колѣни.

— Все тебѣ, царица души моей! все!

— Ой, дѣвоньки, какой онъ!—смѣялись бабы.

Іона Мокеичъ въ это время суетился около другихъ дѣвушекъ и женщинъ.

— Пейте, мои голубушки, пейте!—говорилъ онъ имъ, угощая ихъ пряниками и наливкой. Послѣдняя, впрочемъ, больше за нимъ самимъ оставалась.

«Калинушка съ малинушкой»,—затянули наконецъ посидѣльщицы.

«Лазоревый цвѣтъ», — подхватилъ за ними Іона, довольно чистымъ теноромъ.

«Веселая бесѣдушка»,—пѣли тѣ.

«Гдѣ милый мой пьетъ!» ухъ! — допѣвалъ Іона и затѣмъ такъ расчувствовался, что сѣлъ промежъ дѣвушекъ и двухъ, ближайшихъ къ себѣ, обнялъ и сталъ прижимать ихъ къ бокамъ своимъ. Одна изъ нихъ колотила его при этомъ легонько кулакомъ въ голову, а другая подносила къ лицу зажженную куделю. Онъ только отфыркивался и повертывался отъ одной къ другой.

Александръ тоже не отставалъ отъ пріятеля. Онъ декламировалъ передъ своей красавицей:

„Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей“.

Дѣвушки и женщины смѣялись, а парни, напротивъ, все

что-то между собой переглядывались, а нѣкоторые даже и перешептывались...

Іона Мокеичъ дошелъ наконецъ до полнѣйшаго неистовства: онъ обнималъ, хоть и не старуху, но безобразнѣйшую бабу и, припавъ къ ея плечу головой, началъ для чего-то слегка простанывать.

— Охъ, охъ, — говорилъ онъ, а потомъ вдругъ вскочилъ и, выхвативъ лучину изъ свѣтца, бросилъ ее на полъ.

Тотъ же мрачный малый быстро подошелъ, поднялъ ее, разжегъ и вставилъ въ свѣтецъ.

— Пошто вы балуете?—почти крикнулъ онъ на Іону Мокеича.

— Оставь, погаси ее... погаси ее...—крикнулъ тотъ на него и опять было-потянулся, чтобы погасить лучину.

— Не трожьте ее! Али въ самотко и здѣсь эту срамоту завести хотите? Срамники!—проговорилъ парень и оттолкнулъ Іону.

Тотъ наскочилъ и ударилъ его по лицу; парень тоже не остался въ долгу: какъ хватилъ наотмашь кулакомъ, такъ баринъ и растянулся на полу.

— Что̀ такое?—воскликнулъ Александръ, приподнимаясь и обертываясь, но все-таки еще оберегая рукой свою красавицу.

Въ это время въ избѣ затрещала рама.

— Барина бьютъ! — раздался голосъ, и въ избу влѣзалъ Гаврила.

Все это было дѣломъ одной минуты.

— Ты что̀, чортъ, дѣлаешь?—обратился онъ прямо къ молодому парню, и оба потомъ, не говоря ни слова, схватились, какъ два дикіе звѣря, и начали возиться по избѣ, издавая по временамъ злобные звуки и ругательства.

— Хорошенько его, хорошенько!—кричалъ съ полу Іона.

— Робя, бьютъ! — произнесъ наконецъ парень, почти съ трескомъ костей упадая на полъ подъ желѣзнымъ натискомъ Гаврилы. Нѣсколько человѣкъ бросились къ нему на помощь, но Гаврила такъ съ ними распоряжался, что какъ толкнетъ огромнымъ сапожищемъ своимъ кого въ рыло, кого въ грудь, кого въ брюхо,—такъ тотъ въ углу избы очутится. Отбитые такимъ образомъ, они накинулись на поднимавшагося Іону и начали его тузить и даже драть за волосы.

— О-о-ой! о-о-ой! — кричалъ онъ, повертывая имъ то тотъ бокъ, то другой и хватаясь за голову.

— Перестаньте, перестаньте!—кричалъ Александръ.

Но суматоха сдѣлалась всеобщая. Дѣвки и бабы, подъ поднятыми кулаками мужиковъ, убѣгали изъ избы. Красавица его тоже юркнула вонъ.

— Прочь! — закричалъ наконецъ Александръ, пробираясь

сквозь толпу, чтобы спасти какъ-нибудь Іону, и при этомъ выхватилъ свой охотничій кинжалъ.

— Коли такъ, робя, берись въ колья!—раздалось снова, и въ ту же минуту, Богъ знаетъ откуда, появились въ воздухѣ полѣнья и палки. Александръ чувствовалъ, что вся кровь прилила ему въ голову. Онъ выхватилъ свой маленькій охотничій пистолетъ.

— Если кто хоть съ мѣста пошевелится, я сейчасъ пущу пулю, и въ тебя... и въ тебя... и въ тебя... — говорилъ онъ, переводя пистолетъ съ рожи одного мужика на другого, на третьяго.

Тѣ сейчасъ же начали отступать.

— Онъ, паря, и въ самъ-дѣлѣ стрѣльнетъ.

— Если кто слово произнесетъ! — кричалъ Александръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и, съ помощью Гаврилы, который своего врага вышвырнулъ въ сѣни и даже за лѣстницу, вытащилъ охающаго и все-таки продолжающаго ругаться Іону Мокеича изъ избы и сталъ его укладывать въ телѣжку.

При этомъ одинъ изъ бившихъ его парней даже подсоблялъ имъ это дѣлать.

Александръ, сѣвъ на лошадь и выѣхавъ изъ селенья, былъ какъ сумасшедшій.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое!—говорилъ онъ, хватая себя за голову.

— Такой буянъ народъ,—пояснилъ ему и Гаврила, впрочемъ, совершенно спокойно сѣвшій на облучокъ: — каждый праздникъ, что̀ немножко, сейчасъ же въ колья. Ну, тоже и къ намъ когда попадутъ, такъ угощаемъ тоже.

— Тоже?—спросилъ Александръ съ удовольствіемъ.

— Тоже. У насъ изъ бѣдныхъ этихъ дворянчиковъ, пожалуй, такіе есть лоботрясы, что и чорта уберутъ.

Александръ безпокоился объ Іонѣ Мокеичѣ.

— Чтобъ онъ не умеръ!—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, вонъ онъ, чу, спитъ ужъ!—отвѣчалъ Гаврила.— Не въ первый вѣдь разъ: завтра въ баню сходитъ, все и пройдетъ.

— Ну, такъ я поѣду домой?

— Поѣзжайте,—успокоилъ его Гаврила.

XIII.

Побѣгъ отъ собственной совѣсти.

На другой день Баклановъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ; голова у него трещала; ему представлялось, что, вѣроятно, теперь узнается по всей губерніи, какъ они пріѣзжали на по-

сѣдки пьяные, произвели тамъ драку; наконецъ сами мужики могутъ на него жаловаться, потому что онъ обнажалъ оружіе. Словомъ, его мучили тѣ разнообразные страхи, которые обыкновенно бываютъ у человѣка съ разстроеннымъ пищевареніемъ, такъ что, когда къ нему въ комнату зашелъ гайдукъ Петруша и проговорилъ какимъ-то не совсѣмъ обыкновеннымъ голосомъ: «пожалуйте на минуточку сюда-съ!» — онъ даже задрожалъ.

— Что̀ такое?—спросилъ онъ, вставая.

— Маша васъ тамъ спрашиваетъ-съ, поговорить ей нужно съ вами-съ.

Баклановъ глядѣлъ въ лицо гайдука.

— Гдѣ же она?—спросилъ онъ.

— Въ овинѣ, на гумнѣ дожидается-съ.

Александръ пошелъ. Ему не совсѣмъ пріятно было это объясненіе. «Пожалуй, еще чувствительность выражать будетъ! На что̀ глупа, а это ужъ понимать начинаетъ!»—думалъ онъ.

Въ овинѣ, совсѣмъ почти темномъ, Маша сидѣла на кучкѣ дровъ и плакала.

— Что̀ это такое? О чемъ?—спросилъ Баклановъ.

— Маменька ваша-съ,—отвѣчала Маша:—призывала меня вчера къ себѣ-съ.

— Н-ну?

— По щекамъ прибила-съ... «Мерзкая, говоритъ, ты...»— замужъ приказываетъ итти-съ за Антипова сына.

— Но вѣдь ты не хочешь?

— Нѣтъ-съ, что̀ хотѣть-то-съ!.. Я къ крестьянству, помилуйте, совсѣмъ тоже, какъ есть, не прилучена... домъ тоже бѣдный...

— Ну, и не ходи, если не хочешь!

— Выхлестать хочетъ, коли, говоритъ, не пойдешь: а я, помилуйте, чѣмъ виновата? Не своей охотой шла-съ.

— Вздоръ!.. Не ходи!.. Я не позволю тебѣ этого!—говорилъ Баклановъ и пошелъ къ матери.

Но какъ было заговорить о подобномъ предметѣ?

— Вы тамъ, маменька... дѣвушка у насъ Марья есть... Вы хотите ее насильно замужъ выдать?..

— Непремѣнно... непремѣнно... — проговорила, вспыхнувъ, Аполлинарія Матвѣевна и махнула при этомъ какъ-то рѣшительно рукой.

— Не непремѣнно-съ! — вскричалъ Александръ: — нельзя такъ вамъ вашимъ подлымъ крѣпостнымъ правомъ пользоваться.

Аполлинарія Матвѣевна ужъ задрожала.

— Нѣту, нѣту, я ужъ рѣшилась!—говорила она.

— Въ такомъ случаѣ и я рѣшусь, — продолжалъ Баклановъ:—и завтра же уѣду въ Петербургъ.

Онъ зналъ, что ничѣмъ такъ не могъ напугать мать, какъ своимъ намѣреніемъ уѣхать въ Петербургъ. Аполлинарія Матвѣевна больше всего на свѣтѣ хотѣла, чтобы сынъ остался при ней, получилъ бы у нихъ въ губерніи какое-нибудь выгодное мѣсто, женился бы на богатой невѣстѣ, и оба бы, онъ и невѣстка, ужасно къ ней были почтительны.

— Вы ни звука, ни вѣсточки не будете получать обо мнѣ!—говорилъ онъ.

— Ну, Богъ съ тобой! Богъ съ тобой!—говорила Аполлинарія Матвѣевна и затѣмъ заревѣла.

Этого Баклановъ рѣшительно не могъ вынести.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое,—говорилъ онъ, уходя изъ комнаты и хлопая дверьми.

Онъ опять прошелъ въ овинъ къ Машѣ.

— Ну, я говорилъ матери: не выдадутъ... — сказалъ онъ, полагая, что угроза его подѣйствуетъ на Аполлинарію Матвѣевну.

— Нѣтъ, баринъ, какъ не выдадутъ?.. Выдадутъ!.. — сказала Маша и еще больше расплакалась.

Бакланова окончательно это взбѣсило.

— Это не жизнь, а каторга, — произнесъ онъ, уходя изъ овина.

Напуганная словами сына, Аполлинарія Матвѣевна не отложила своего намѣренія, а послала за Іоной Мокеичемъ.

«Онъ этакій говорунъ,—разговоритъ, можетъ-быть, его!»—думала она.

Александръ, больной и разстроенный, только было-прилегъ послѣ обѣда въ своемъ кабинетѣ, какъ двери отворились, и вошелъ Іона Мокеичъ, чистенькій, примазанный, какъ бы ничего съ нимъ передъ тѣмъ и не случилось.

— Что̀, дяденька, а?—говорилъ онъ, входя.

Баклановъ поднялся на диванѣ.

— Вотъ кто! Ну что̀, какъ ваше здоровье?—произнесъ онъ.

— Да ничего!—отвѣчалъ Іона, садясь противъ него:—поотошелъ маненько... Что̀ у васъ-то такое натворилось?

Александръ развелъ руками.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое тутъ происходитъ!—сказалъ онъ.

Іона усмѣхнулся.

— Вы слышали?—спросилъ его Баклановъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ только пріѣхалъ.

— Я тутъ жилъ съ одною дѣвушкой нашей...

Іона, въ знакъ согласія, мотнулъ головой.

— И вдругъ моей матушкѣ вздумалось выдавать ее замужъ.

Іона опять усмѣхнулся.

— Что̀ это такъ?..—произнесъ онъ.

— Да, подите, вотъ!

— Отъ зависти, надо полагать, старухи это дѣлаютъ!—объяснилъ Іона Мокеичъ.

— Вѣроятно!—подхватилъ Баклановъ.

— Зачѣмъ-то нарочнаго присылала за мной... Думаетъ, можетъ, что я это похаю!—продолжалъ Дѣдовхинъ.

— Вы ей скажите,—началъ Александръ рѣшительнымъ тономъ:—что если она это сдѣлаетъ, я сейчасъ же уѣду, и чтобы сыномъ своимъ меня не смѣла потомъ считать.

— Эхма! — сказалъ Іона съ грустью и ушелъ къ Аполлинаріи Матвѣевнѣ.

Баклановъ, насупившись, сѣлъ у окна.

Іона Мокеичъ совѣщался съ своею сосѣдкою по крайней мѣрѣ часа два и возвратился отъ нея съ по̀томъ на лбу

— Совсѣмъ баба съ ума спятила,—началъ онъ, входя къ Бакланову.

— Что̀ же?—спросилъ тотъ.

— Боится, что ты женишься на дѣвчонкѣ-то этой.

Александръ ужъ захохоталъ.

— Да что̀ же, я дуракъ, али сумасшедшій, что ли?

— Эти соколы вонъ, вѣроятно, все насплетничали!—сказалъ Іона, кидая злобный взглядъ на гайдука Петрушу, который въ это время былъ у барина въ кабинетѣ и прибиралъ его платье.

— Никогда мы думать даже не смѣемъ, чтобы говорить что-нибудь про господина,—отвѣчалъ ему тоже съ злобнымъ взглядомъ Петруша:—а что приказчикъ точно что докладывалъ госпожѣ, такъ какъ Марья не стала слушаться и на работу ходить...

— Сама дѣвчонка, чу, хвасталась, что ты женишься на ней.

— Да, я точно что говорилъ ей,—отвѣчалъ Александръ.—Вообразите: дѣвушку къ вамъ приводятъ почти силой... надобно же было чѣмъ-нибудь утѣшить ее; ну, я и говорю: «я женюсь на тебѣ!».

При этихъ словахъ Петруша вздохнулъ: устыдился ли онъ содѣяннаго имъ поступка, или находилъ, что къ нему мало благодарности чувствуютъ.

Іона Мокеичъ не переставалъ лукаво усмѣхаться.

— Цѣпки онѣ, проклятыя, за эти слова-то!

— Да вы говорили матери, что я уѣду въ Петербургъ? — спросилъ его Александръ.

— Говорилъ. Поди, вонъ, реветъ на весь домъ, какъ по покойникѣ.

— А намѣренія своего не отмѣняетъ?

— Нѣтъ! «У насъ и то, говоритъ, въ роду дѣдушка былъ женатъ на дѣвкѣ; такъ та, говоритъ, мерзавка била меня». Все теперь и имѣетъ это въ своемъ воображеніи.

— Да что̀ же мнѣ дѣдушка за примѣръ! — воскликнулъ Баклановъ.

— Необразованіе! — объяснилъ Іона Мокеичъ. — «Пусть, говоритъ, съ замужней женщиной съ какой хочетъ гуляетъ, не мое дѣло; а съ дѣвкой не позволю».

Баклановъ пожалъ плечами.

Въ это время по двору прошла цѣлая толпа женщинъ, и между ними Александръ сейчасъ же замѣтилъ Марью, идущую съ потупленною головой.

— Что̀ это, куда идутъ? — спросилъ онъ безпокойно Петрушу.

Тотъ мрачно посмотрѣлъ въ окно.

— Невѣсту, надо-быть, обряжать ведутъ.

— Куда, зачѣмъ? — спросилъ Александръ съ вспыхнувшимъ лицомъ.

— Немножко пообчистить и пообгладить! — отвѣчалъ Іона Мокеичъ. — Сегодня, что ли, вѣнчанье-то? — спросилъ онъ Петрушу.

— Сегодня, сказываютъ! — отвѣчалъ тотъ, грустно потупляя глаза.

— Какъ сегодня! — воскликнулъ Александръ: — вѣдь это ужъ прямо значитъ надругаться!

— Небольшіе тоже, видно, парады-то хотятъ справлять, — сказалъ Іона Мокеичъ.

— О-то, скотство какое! — произнесъ Баклановъ съ бѣшенствомъ въ голосѣ.

Петруша, какъ бы не въ состояніи будучи видѣть страданій барина, ушелъ изъ кабинета.

— Не сокрушайся, другъ сердечный! — принялся его утѣшать Іона.

— Да вѣдь поймите же всю мерзость моего положенія! — говорилъ Александръ, колотя себя въ грудь: — во-первыхъ, я ее люблю немножко, во-вторыхъ, мнѣ ее жаль, совѣстно, стыдно противъ нея, и въ то же время я ничего не могу сдѣлать... Ну что̀ я сдѣлаю?.. Словами — матери не внушишь, она не пойметъ ихъ. Не бить же мнѣ ея.

— Какъ можно мать бить! — сказалъ на это Іона. — Ты ужъ

лучше потѣшь ее въ этомъ случаѣ,—прибавилъ онъ какимъ-то заискивающимъ голосомъ.—Машка-то къ тебѣ станетъ и бабой бѣгать...

— О-то, скотство какое!—повторилъ еще разъ Баклановъ, сжимая кулаки и устремляя взоръ на потолокъ.

Черезъ часъ времени Іона Мокеичъ, будто такъ, случайно, вышелъ на дворъ и пошелъ прогуляться по усадьбѣ.

Александръ остался одинъ и продолжалъ сидѣть у окна. Вдругъ онъ услышалъ по дорогѣ стукъ колесъ: сначала проѣхала одна телѣга съ мужиками, потомъ другая съ мужиками и женщинами, наконецъ третья съ однѣми женщинами, изъ которыхъ сидѣвшая посрединѣ была вся покрыта бѣлымъ.

Сердце замерло у Бакланова.

Вскорѣ послѣ того къ нему возвратился Іона.

— Что̀ это, свадьба ужъ проѣхала?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ Іона протяжно и съ улыбкой.

— Что̀ жъ она? Скажите!—спросилъ съ чувствомъ Баклановъ.

— Побрыкалась маленько! Ну, да я тоже сказалъ ей: «баринъ, говорю, тебя и хлѣбомъ и деньгами — ничѣмъ не оставитъ».

— Я готовъ дать все, что̀ хотите!

— Дадутъ всего!.. Старуха сама того желаетъ: «Я ихъ домъ, говоритъ, подниму».

— Скоты мы, подлецы, мерзавцы! — сказалъ Александръ Іонѣ Мокеичу.

— Въ мірѣ, что̀ въ морѣ: всего бываетъ! — объяснилъ ему тотъ.

Іона Мокеичъ вообще въ этотъ разъ былъ въ какомъ-то тихомъ, философскомъ настроеніи, что̀ всегда съ нимъ случалось послѣ, какъ самъ онъ выражался, сильной пересыпки.

По просьбѣ Аполлинаріи Матвѣевны и самого Александра, онъ остался у нихъ ночевать и на этотъ разъ спалъ, по обыкновенію, съ хозяиномъ въ одной комнатѣ, завелъ съ нимъ совсѣмъ другого рода разговоръ и разсказывалъ даже, какъ былъ въ молодости влюбленъ.

— Въ кого же это?—спросилъ Баклановъ.

— Да тутъ одна дворяночка у насъ бѣдненькая была.

— Что̀ жъ, она хороша собой была?

— Нѣтъ, не то, чтобы красавица, а помадой хорошей помадилась... Прочія-то маслищемъ мажутся, такъ воняетъ отъ головищъ-то, ну, а она, этакъ, помадкой,—такъ тѣмъ больше плѣнила.

Баклановъ былъ, впрочемъ, грустенъ и почти не слушалъ его.

На другой день онъ объявилъ рѣшительно, что уѣзжаетъ въ Петербургъ, и какъ его Іона Мокеичъ ни отговаривалъ и ни упрашивалъ, онъ уперся на своемъ: велѣлъ своему человѣку, нимало не медля, укладывать вещи, а кучеру готовить лошадей. Съ матерью Александръ не хотѣлъ ни видѣться ни даже проститься, и только ужъ случайно, зайдя въ гостиную за какой-то своей вещью, засталъ тамъ Аполлинарію Матвѣевну, съ лицомъ, распухшимъ отъ слезъ. При видѣ сына она очень сконфузилась.

Передъ ней стояли обвѣнчанные молодые, которые пришли къ ней на поклонъ.

У Бакланова едва достало присутствія духа не вернуться назадъ.

Маша стояла съ потупленнымъ лицомъ, а мужъ ея, молодой малый, глупо на все посматривалъ: онъ еще въ первый разъ въ жизнь свою былъ въ барскихъ горницахъ.

Маша показала ему что-то глазами, и оба они сейчасъ же подошли къ рукѣ Бакланова.

— Поздравляю васъ, поздравляю,—говорилъ тотъ и поспѣшилъ уйти.

— Ты сегодня уѣзжаешь, другъ мой?—сказала ему вслѣдъ Аполлинарія Матвѣевна.

— Сегодня-съ!—отвѣчалъ онъ ей грубо.

У Марьи при этомъ лицо замѣтно вспыхнуло, а у Аполлинаріи Матвѣевны сначала задергало обѣ щеки, потомъ и слезы потекли.

— Подите,—могла она только проговорить молодымъ.

Тѣ ушли.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ экипажъ, Іона Мокеичъ опять сталъ уговаривать Бакланова.

— Поди, простись съ матерью-то!

Александръ ничего ему не отвѣчалъ и молча сѣлъ въ коляску.

Тутъ было-подошелъ къ нему проститься мрачный Семенъ.

— Прочь, мерзавецъ!—закричалъ на него Баклановъ, заскрежетавъ зубами.

Тотъ мрачно и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Съ Петрушей, напротивъ, Баклановъ расцѣловался.

Поѣхали.

Стоявшая у курятной избы пожилая женщина выла на всю усадьбу:

— Жилъ-то нашъ батюшка промежъ насъ и никого-то не обидѣлъ ни словомъ, ни яснымъ взглядомъ своимъ!

Когда отъѣхали отъ усадьбы довольно далеко, молодой ла-

кей, опять поѣхавшій съ Александромъ, обернулся назадъ и проговорилъ:

— Маша бѣжитъ-съ!

Баклановъ сдѣлалъ недовольную мину.

— Стойте!—сказалъ онъ.

Кучеръ остановился.

Маша, нагнавъ ихъ, вскочила на подножку коляски, обняла барина и стала цѣловать его.

— Прощай, Марья, прощай!—говорилъ онъ торопливо.—На, вотъ тебѣ!—прибавилъ онъ и подалъ ей сторублевую.

Но Маша и деньгамъ, кажется, была не рада. Какъ-то небрежно засунувъ ихъ за пазуху, она нехотя слѣзла съ подножки и долго-долго провожала глазами удаляющійся отъ нея экипажъ.

Въ усадьбу она возвратилась, обѣжавъ кругомъ все поле. Отъ мужа своего потомъ, какъ ночь придетъ, такъ и пропадетъ куда-нибудь, такъ что онъ никакъ ея не найдетъ.

Аполлинарія Матвѣевна, по отъѣздѣ сына, сдѣлалась серьезно больна.

Іона Мокеичъ остался у нея и все ее утѣшалъ.

— Онъ теперь не проститъ меня!—говорила она, рыдая и лежа на постели.

— Проститъ,—успокоивалъ ее Іона Мокеичъ.

XIV.

У Палкина ужъ, видно, не въ Британіи.

Мелкій осенній петербургскій дождикъ, какъ сквозь частое сито, сѣялъ на тротуары Невскаго проспекта. Въ Старомъ Палкинскомъ трактирѣ начинали засвѣчать огни. У одного изъ столиковъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ скромномъ черномъ фракѣ. Передъ нимъ стояли три накрытыхъ прибора.

— Что̀ за чортъ, еще нѣтъ до сихъ поръ! — говорилъ онъ, съ нетерпѣніемъ посматривая на часы; наконецъ въ трактиръ вошелъ другой молодой человѣкъ.

— Вы здѣсь, Варегинъ! — проговорилъ онъ.

Вошедшій былъ Баклановъ. Онъ сильно постарѣлъ и похудѣлъ.

— Долго вы! — сказалъ ему пріятель.

— Задержали, — отвѣчалъ Баклановъ и сказалъ неправду. Онъ хотѣлъ совсѣмъ не прійти обѣдать, чувствуя къ Варегину, составившему себѣ ученую карьеру и ѣхавшему теперь за границу, невыносимую зависть.

— Ну что, скажите, нѣтъ ли кого-нибудь еще изъ нашихъ здѣсь?.. Венявина, напримѣръ? — продолжалъ тотъ добродушно.

Пріятели въ тотъ день только поутру сошлись на Невскомъ случайно.

— Нѣтъ; Венявинъ служитъ въ губерніи, помощникомъ правителя канцеляріи губернатора, совершенно доволенъ своимъ мѣстомъ: губернатора считаетъ за идеалъ чести, а правителя канцеляріи за идеалъ ума, — отвѣчалъ Баклановъ.

Варегинъ слегка усмѣхнулся.

— Да, — произнесъ онъ: — у него сердце маленькое, но чистое золото, и онъ сумѣетъ имъ позолотить всю жизнь свою.

— А вы скоро ѣдете за границу?

— Дня черезъ два,—вонъ чистоганомъ изъ казны выдали!— отвѣчалъ Варегинъ и звякнулъ передъ глазами Бакланова червонцами.

Тотъ даже отвернулся, не потому, что это были деньги, а потому, что онѣ были даны человѣку за труды и способности.

— Куда жъ вы прежде поѣдете?

— Сначала въ Берлинъ; поразспрошу тамъ, гдѣ, по моимъ предметамъ, профессора получше, и стану потомъ колесить по Германіи.

Бакланову самому ужасно хотѣлось за границу, и онъ бы даже могъ это сдѣлать, но зачѣмъ? Въ чемъ ему и въ какихъ наукахъ было усовершенствоваться? И онъ разспрашивалъ Варегина какъ бы затѣмъ, чтобъ еще болѣе себя намучить.

— А на магистра вы когда будете держать?

— Я ужъ выдержалъ, — отвѣчалъ спокойно Варегинъ.

«И это говоритъ сынъ мѣщанина,—думалъ Баклановъ:—начавшій съ пятнадцати лѣтъ учиться грамотѣ, а онъ, дворянинъ, обставленный всѣми средствами къ образованію, и что сдѣлалъ?»

Въ это время къ Варегину подошелъ лакей и спросилъ:

— Прикажете подавать-съ?

— Нѣтъ еще, погоди!.. Проскриптскаго я жду,—прибавилъ онъ Бакланову.

— А... а онъ развѣ здѣсь? — спросилъ тотъ.

— Здѣсь и хотѣлъ прійти.

Баклановъ сдѣлалъ гримасу.

— Что, вы все еще попрежнему не любите его?—продолжалъ съ улыбкою Варегинъ.

— Да, — отвѣчалъ Александръ.

— Нѣтъ, онъ человѣкъ не дурной,—продолжалъ Варегинъ, нахмуривая свой большой лобъ:—но, разумѣется, какъ и вся

ихъ порода, на логическіе выводы мастеръ, а ужъ правды въ основаніи не спрашивай... Мистификаторы по самой натурѣ своей: съ пятнадцатаго столѣтія этимъ занимаются.

— Вы думаете? — спросилъ Баклановъ, играя брелоками часовъ.

— Рѣшительно! У нихъ въ крови сидитъ эта способность надувать самихъ себя и другихъ разнымъ вздоромъ.

— Идетъ!—остановилъ его Баклановъ.

Варегинъ повернулъ голову. Въ комнату, въ самомъ дѣлѣ, входилъ своею вкрадчивою походкой Проскриптскій.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ прежде всего Варегину.— Здравствуйте-съ!—прибавилъ потомъ и Бакланову, не смотря, впрочемъ, на него глазами.

— Какъ васъ дождемъ замочило!—замѣтилъ ему тотъ.

— Благодарю, я и не замѣтилъ,—отвѣчалъ Проскриптскій, близоруко ища стула и садясь на него.

— Какъ же не замѣтили? Васъ всего пробило,—спросилъ, захохотавъ, Варегинъ.

— Я никогда не замѣчаю, что̀ въ воздухѣ: дождь или ясно, — отвѣчалъ Проскриптскій.

— Даже и самаго, я думаю, воздуха.

— Какъ это-съ? Что̀ такое?

— А такъ: хорошъ воздухъ или нѣтъ?.. разницу, напримѣръ, между городскимъ воздухомъ и деревенскимъ?

— Для меня все равно-съ,—отвѣчалъ Проскриптскій.

— Все равно! — повторилъ Варегинъ, переглянувшись съ Баклановымъ.

— Можетъ-быть,—продолжалъ Проскриптскій своимъ настойчивымъ тономъ: — человѣку азотъ, котораго больше въ городахъ, нужнѣе, чѣмъ кислородъ.

— Все можетъ быть, — отвѣчалъ Варегинъ.

— Рѣшительно все, и я такъ полагаю,—сказалъ Проскриптскій и, взявъ газету, сталъ ее внимательно пробѣгать.

Человѣкъ подалъ горячее.

— Какого же намъ вина спросить?—сказалъ Варегинъ.

— Я никакого не пью,—произнесъ тоненькимъ голоскомъ Проскриптскій.

— А я мало!—отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ дай намъ бутылку краснаго!—сказалъ Варегинъ человѣку. — Такъ ли бывало въ Британіи? — прибавилъ онъ полушутя.

— О! Британія!—произнесъ съ восторгомъ Баклановъ.

Проскриптскій между тѣмъ какъ-то торопливо ѣлъ, не переставая читать. Обѣдъ прошелъ совершенно молча, только и

всего, что Варегинъ, обратясь къ Бакланову, спросилъ его негромко:

— А что̀ вы намѣрены здѣсь дѣлать?

— Самъ еще не знаю... Вы знаете, что я больше всего люблю искусства,—отвѣчалъ тотъ не совсѣмъ рѣшительно.

Варегинъ нѣсколько минутъ размышлялъ.

— Но все-таки надобно же взять что-нибудь опредѣленное!—проговорилъ онъ.

Проскриптскій, все еще не перестававшій читать, при этомъ улыбнулся. Послѣ обѣда онъ тотчасъ же взялъ шляпу и сталъ прощаться.

— Вы служите, что ли, здѣсь?—спросилъ его Баклановъ.

— Да-съ, служу-съ. Мы отъ жизни немного требуемъ: отчего намъ не служить!

— Что̀ жъ, это все такъ и пойдетъ!—замѣтилъ ему Баклановъ.

— Нѣтъ-съ! Когда можно будетъ, такъ мы потребуемъ; только не того, что̀ вы!

Проговоря это, онъ пожалъ руку у пріятелей и вышелъ.

— Хорошо видѣть, какъ добрый человѣкъ сердится, но когда злецъ злится—гадко!—произнесъ Варегинъ.

— Вы замѣтили, что онъ въ пищѣ вкуса не понимаетъ, ѣстъ какъ ни попало и что̀ ни попало!—проговорилъ Баклановъ.

Варегинъ ничего ему не отвѣчалъ и, какъ кажется, былъ занятъ собственными мыслями.

— Все-таки это хоть какая-нибудь да сила, а не распущенность,—проговорилъ онъ наконецъ, потупляя свои умные глаза.

Баклановъ этотъ намекъ принялъ нѣсколько на свой счетъ.

— Ну, мнѣ къ дядѣ еще надо,—проговорилъ онъ.

— Прощайте, другъ мой милый,—сказалъ, цѣлуясь съ нимъ, Варегинъ. — А такъ ли бы мы разошлись изъ Британіи? — повторилъ онъ еще разъ.

— Да,—произнесъ и Баклановъ въ томъ же тонѣ.

Не такъ бы разошлись!—повторяемъ и мы за нимъ.

Молодые люди еще только вступали въ жизнь, а она уже, видимо, наложила на нихъ свою лапку.

XV.

Масонъ.

Баклановъ шелъ быстро. Онъ не останавливался ни передъ однимъ магазиномъ, не заглянулъ ни подъ одну изъ нерѣдко попадавшихся шляпокъ. Выраженіе лица его было почти су-

рово. Онъ не любилъ и побаивался быть у дяди своего, Евсевія Осиповича Ливанова, тайнаго совѣтника и любимца многихъ вельможъ.

По темнымъ семейнымъ разсказамъ, Евсевій Осиповичъ слылъ масономъ: бывъ еще очень молодымъ человѣкомъ, онъ погибалъ-было въ развратѣ, но его полюбила одна вдовица и, какъ скудную ленту евангельскую, принесла ко Христу.

Евсевій Осиповичъ воспрянулъ и впослѣдствіи до такой степени успѣлъ развить въ себѣ мистическій духъ, что врядъ ли не имѣлъ степени *каменщика,* и былъ наконецъ, что важнѣе всего, другомъ того, чьей рукой было писано завѣщаніе о наслѣдствѣ Россіи. Въ его передней нѣкогда толпились графы и министры; теперь, со смертью этого лица, все ужъ, разумѣется, кончилось, но Ливановъ все-таки, силою ума и характера, сумѣлъ удержать за собою одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ кругу петербургской бюрократіи. Благодѣтельствовать роднымъ онъ любилъ, только требовалъ, чтобъ они при этомъ, какъ собаки, ползали у его ногъ. Онъ-то покойнаго Бакланова (тоже отчасти масона) женилъ на своей родственницѣ Аполлинаріи Матвѣевнѣ, ублаживъ его тѣмъ, что дѣвица сія благоухаетъ простотой сердца, и все время потомъ благодушествовалъ ихъ браку, но птенца ихъ, нашего героя, не совсѣмъ прилюбливалъ, или, по крайней мѣрѣ, тотъ возмущалъ его и своими мыслями и своими манерами.

Въ Почтамтской, подойдя къ дому дяди, Баклановъ пріостановился, чтобы перевести дыханіе и овладѣть нѣсколько собой, а потомъ, не совсѣмъ смѣлою рукой, отворилъ дверь.

— У себя его превосходительство?—спросилъ онъ тихо и нетвердымъ голосомъ.

— Господинъ Баклановъ?—спросилъ его, въ свою очередь, тоже тихо швейцаръ, съ какимъ-то совсѣмъ идіотски-кроткимъ взглядомъ.

— Да!—отвѣчалъ Александръ.

— Пожалуйте-съ.

Александръ сталъ взбираться по мозаиковой лѣстницѣ. Въ довольно большой залѣ онъ невольно кинулъ взглядъ на висѣвшій въ углу образъ Спасителя, который былъ нарисованъ съ треугольникомъ въ рукѣ, а голова была пронзена двумя стрѣлами.

Въ гостиной, передъ столомъ, на которомъ горѣла лампа съ абажуромъ, сидѣлъ старикъ съ владимирскимъ крестомъ на шеѣ, въ сѣромъ широкомъ сюртукѣ, съ пришпиленною на немъ анненскою звѣздой. Все это онъ носилъ, кажется, не столько изъ чехвальства, сколько изъ желанія внушить къ

себѣ болѣе страха. Въ его, съ строгими чертами, лицѣ было что-то хищническое, что-то напоминающее лица инквизиторовъ. Противъ него сидѣлъ другой старикъ въ чемъ-то въ родѣ подрясника, подпоясанномъ кожанымъ ремнемъ. Густые волосы его, совершенно нечесанные, были не стрижены, но, отъ полнѣйшаго пренебреженія къ нимъ, сами обсѣклись и были коротки. Борода его начала расти почти отъ самыхъ глазъ. Теперь онъ, пуская сквозь бороду густѣйшій дымъ, курилъ очень дорогой табакъ, не сознавая ни достоинства ни цѣны его. Лицо его, впрочемъ, было добродушно и походило на тѣ лица, которыя встрѣчаются у здоровыхъ, но заботливыхъ и вдумчивыхъ мужиковъ.

Передъ ними на столѣ стояла бутылка малаги.

Увидѣвъ племянника, Евсевій Осиповичъ проговорилъ: «здравствуйте!», и протянулъ къ нему, не вставая съ мѣста, руку.

Тотъ принялъ ее и сильно, какъ видно, старался при этомъ избѣгнуть подобострастной позы.

Другой старикъ, напротивъ, сейчасъ же всталъ и отвѣсилъ Бакланову, въ полспины, добродушнѣйшій поклонъ.

Тотъ поспѣшилъ ему отвѣтить тѣмъ же

Всѣ наконецъ усѣлись.

— Вы долго ли тамъ жили?—заговорилъ Евсевій Осиповичъ, продолжая начатый еще прежде имъ разговоръ съ его собесѣдникомъ.

— Пять лѣтъ!—отвѣчалъ тотъ какимъ-то необыкновенно искреннимъ голосомъ.—Первые-то два года на цѣпи было-держался; ну, да тоже тѣломъ-то, что ли, хлибокъ, ажно раны по всему пошли!.. Народу ко мнѣ много ходило; стали уговаривать: «батюшка, говорятъ, что̀ ты такъ мучаешься-то!.. спусти себя съ цѣпи-то»... одначе я не слушался!

— Не слушался!..—повторилъ Евсевій Осиповичъ въ одно и то же время съ благоговѣніемъ и удивленіемъ.

— Да... только другой ужъ странникъ, сибирякъ тоже нашъ, приходитъ ко мнѣ... поговорилъ я съ нимъ... Вижу, наставникомъ мнѣ можетъ быть... открылся я ему... «Что̀ же, говоритъ: видно, Богъ не пріемлетъ этой жертвы! Аще не имаши силы творити, да отмѣтешися! Можетъ, теперь ты и въ міру станешь жить крѣпко». Однакоже, братъ, какъ вышелъ, такъ и искусился.

— Чѣмъ же?—спросилъ Евсевій Осиповичъ съ строгимъ лицомъ.

— Да всего и есть, что въ лѣсъ погулять вышелъ, а лѣсища тамъ, и Господи! какіе райскіе! Эта лиственница... бе-

реза наша сладкосочная... трава густая, пахучая... сладкогласныя птицы поютъ... Я соблазнился, грѣшнымъ дѣломъ, да грибковъ и понабралъ,—молоденькихъ все такихъ, и пришелъ въ сосѣднее селенье; тамъ насъ хорошо, ласково принимаютъ!..

— Хорошо?—спросилъ Евсевій Осиповичъ.

— Да, все равно за отцовъ родныхъ... Попросилъ я одну старушку... «Зажарь», говорю. «Ай, отче, говоритъ, повели только!»—и нажарила мнѣ, братецъ, большую-большущую сковороду, все на маслищѣ, я и съѣлъ, и такъ послѣ того моторить меня стало. «Нѣтъ, думаю, баста! шалишь, не гожусь еще въ мірѣ жить», и въ келью опять...

— Это онъ въ землянкахъ и въ дебряхъ сибирскихъ жилъ,—обратился Евсевій Осиповичъ къ Бакланову и нѣсколько времени не спускалъ съ него глазъ, какъ бы желая извѣдать, что̀ такое онъ думаетъ о томъ, что̀ теперь слышитъ и видитъ передъ собой.

Александръ, съ своей стороны, не находился ничего дѣлать, какъ глядѣть себѣ на ногти.

— Въ человѣкѣ два Адама: одинъ ветхій, грѣховный, а другой—новый, во Христѣ обновленный. Если теперь тѣлеса наши, этого Адама грѣховнаго, не бичевать, они сейчасъ возымутъ...

— Нѣсколько ужъ видѣній имѣлъ,—объяснилъ совершенно серьезнымъ образомъ Евсевій Осиповичъ о своемъ гостѣ.

— Табакъ я нюхать люблю,—продолжалъ и тотъ, какъ бы въ подтвержденіе его словъ:—сидишь этакъ, вдругъ подходитъ къ тебѣ дѣвка или баба—красивая такая: «Отче, говоритъ, на-ка, табачку понюхай!». Ну, перекрестился и видишь, что наважденіе одно!..

Евсевій Осиповичъ сидѣлъ, распустивъ отъ умиленія руки.

— А я-те сказывалъ, какъ гора мнѣ сказала: «аминь»?—спросилъ старикъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ, какъ бы очнувшись.

— Иду я, братецъ, въ Пермской губерніи и такъ пріусталъ, Боже ты мой!—ноги обтеръ... спинищу разломило, хоть ложись да умирай тутъ,—шабашъ! Только я, братецъ, взмолился: «Господи! говорю, въ скорбяхъ, недугахъ и печаляхъ вопію къ Тебѣ», такъ, знаешь, молитвинку отъ себя свою проговорилъ... Только, братецъ ты мой, гора-то... большущая такая была, на которую я перъ-то: «аминь!», говоритъ.

— Да почемъ же ты знаешь, что это гора сказала?..—спросилъ даже Евсевій Осиповичъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Да никого, друже мое, никого, окромя ея, не было... такъ-таки твердымъ мужскимъ голосомъ и говоритъ: «аминь!», говоритъ. Ну ужъ я и взмолился, всплакалъ тутъ...

Баклановъ все это слушалъ, какъ ошеломленный, и думалъ: «Что, эти два человѣка—помѣшаны или только плуты?». Но дядя былъ замѣчательнаго ума человѣкъ, а странникъ казался такимъ добрымъ и откровеннымъ. Невольно мелькавшая въ это время улыбка на губахъ Бакланова не скрылась отъ блестящаго и холоднаго, какъ сталь, взгляда дяди.

Собѣсѣдникъ его наконецъ началъ вставать и прощаться.

— Выпей на дорожку посошокъ-то!—сказалъ ему Евсевій Осиповичъ.

— Ты вотъ меня сладкимъ винцомъ угощаешь,—отвѣчалъ старикъ, выпивая рюмку:—а я больше водку мужицкую, простую люблю, да не пью!

— И не пей, гадость!—подтвердилъ Евсевій Осиповичъ.

— «Не упивайся виномъ: въ немъ же есть блудъ», а она, наша матушка россійская, такая насчетъ этого разбористая...—говорилъ старикъ, ища свой посохъ и клобукъ.

— Ну, прощайте,—сказалъ онъ.

— Прощайте, отче!

— Князь Василью Петровичу скажи, что какъ назадъ пойду, такъ къ нему жить зайду, безпремѣнно, не кучился бы.

— Скажу!

— А у графини Вареньки я посошокъ свой желѣзный оставилъ; скажи, чтобъ она владѣла имъ на здоровье да во спасенье.

— Скажу, скажу,—повторялъ Евсевій Осиповичъ и, проводивъ странника и возвратившись въ гостиную, сѣлъ и погрузился въ глубокую задумчивость.

XVI.

Протекція.

Дядя и племянникъ по крайней мѣрѣ съ полчаса сидѣли, не говоря другъ съ другомъ ни слова. Евсевій Осиповичъ былъ сердитъ на Александра за его насмѣшливый видъ въ продолженіе всей предыдущей сцены.

— Что же вы, поговорить о чемъ-то со мной хотѣли?—спросилъ онъ его наконецъ суровымъ голосомъ.

— Да, я, дядюшка, насчетъ того...—началъ тотъ:—теперь я пріѣхалъ въ Петербургъ... что мнѣ дѣлать съ собой?

Евсевій Осиповичъ нѣсколько времени смотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Что̀ же вы служить, что ли, намѣрены здѣсь?—спросилъ онъ.

Баклановъ пожалъ плечами.

— Главная моя любовь и наклонность,—отвѣчалъ онъ:—это искусства!

Евсевій Осиповичъ снова уставилъ на племянника проницательный взглядъ.

— И теперь, помилуйте,—продолжалъ тотъ замѣтно начинающимъ робѣть голосомъ:—я вотъ былъ въ Эрмитажѣ: каталога тамъ порядочнаго нѣтъ!

Лицо Евсевія Осиповича начинало принимать какъ бы нѣсколько безсмысленное выраженіе.

— Или теперь,—говорилъ Александръ, хотя въ горлѣ его и слышалась хрипота:—за границей тоже нѣтъ русскаго гида ни для галлерей ни для музеевъ... Что̀ бы стоило правительству кого-нибудь послать для этого... и наконецъ и здѣсь я желалъ бы по крайней мѣрѣ служить при театрѣ!

Далѣе у Александра не доставало и воздуху въ груди говорить.

Евсевій Осиповичъ продолжалъ молчать и не измѣнялъ своего положенія; потомъ, какъ бы все еще подъ вліяніемъ одолѣвающихъ его недоразумѣній, началъ съ разстановкой:

— Ничего я не понимаю, что̀ вы такое говорите: здѣсь гида нѣтъ... за границей указателя... служить наконецъ при театрѣ... Богъ знаетъ что̀ такое!

— Я, можетъ-быть, дядюшка, неясно выражаюсь, — произнесъ окончательно растерявшійся Баклановъ.

— Совершенно неясно-съ! — повторилъ за нимъ Евсевій Осиповичъ.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

— Вонъ, если хотите,—началъ Ливановъ:—у меня есть тутъ одинъ господинъ... на побѣгушкахъ у меня прежде былъ, а теперь совѣтникомъ служитъ, любимецъ, говорятъ, министра. Я напишу ему. Вы вѣдь не кандидатъ?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Баклановъ, конфузясь.

— Значитъ, вамъ надо въ губернскомъ вѣдомствѣ начинать. Я напишу ему, онъ возьметъ васъ.

Александръ на первыхъ порахъ обидѣлся этимъ предложеніемъ.

— Я бы желалъ, по крайней мѣрѣ, дядюшка, у васъ подъ вашимъ начальствомъ служить.

— Да мнѣ-то куда дѣвать васъ?—возразилъ ему Евсевій

Осиповичъ:—я и безъ того слишкомъ взысканъ милостями государя императора моего, да какъ еще всю родню-то валить на него, такъ густо будетъ!

— Я, дядюшка, не о томъ прошу, а чтобы вы дали мнѣ хоть маленькій ходъ.

— Нѣтъ, вы больше того просите. У меня вакансій нѣтъ! Значитъ, вы хотите, чтобъ я для васъ выгналъ какого-нибудь честнаго труженика и, въ виду всѣхъ, на позоръ себѣ, посадилъ на его мѣсто васъ, моего племянника, — вотъ вы чего хотите.

— Я этого не говорилъ-съ! — сказалъ Баклановъ, окончательно обидѣвшись.

— Дать ходъ,—продолжалъ Евсевій Осиповичъ:—вамъ даютъ его—ступайте! Въ васъ есть *нѣкоторый* умъ, *нѣкоторое* образованіе, *нѣкоторыя* способности.

На словахъ: «нѣкоторые», Евсевій Осиповичъ дѣлалъ замѣтное удареніе.

— Все это, разумѣется, въ васъ забито и загажено полувоспитаніемъ (настоящимъ воспитаніемъ Евсевій Осиповичъ считалъ только ихнее, сектантское), но исправляйтесь, трудитесь!..

— Я трудиться готовъ! — произнесъ Баклановъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—позвольте, по крайней мѣрѣ, хоть къ этому господину письмо!

— Подайте мнѣ перо и листъ бумаги... тамъ въ кабинетѣ, на шифоньеркѣ... — сказалъ Евсевій Осиповичъ.

Александръ пошелъ въ кабинетъ.

— Не разбейте тамъ и не уроните чего-нибудь!.. У меня вещи все хорошія!.. — крикнулъ ему Ливановъ.

«Вотъ скотъ-то!»—съ бѣшенствомъ думалъ Баклановъ.

Записку Евсевій Осиповичъ написалъ не длинную.

«Емелюшка прокаженный! Прими сего юнца къ себѣ на службу, — это мой племянникъ!».

Запечатавъ ее, онъ отдалъ Бакланову.

Слова: «Емелюшка прокаженный» были Ливановымъ употреблены въ видѣ ласки, такъ какъ Нетопоренко, тоже нѣсколько принадлежавшій къ ихъ толку, разсказывалъ, что въ молодости онъ сидѣлъ съ сведенными руками и ногами и исцѣлился отъ этого чудомъ.

— Заходите, когда будете имѣть время!—проговорилъ Ливановъ, вставая и зѣвая.

— Непремѣнно-съ!—отвѣчалъ Баклановъ, а самъ съ собой думалъ: — «Только бы мѣсто найти, нога моя у тебя, чорта, не будетъ!»

Евсевій Осиповичъ тоже, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ отдалъ племяннику прощальный поклонъ.

XVII.

Совѣтничишка палатскій.

Не знаю, существуютъ ли до сихъ поръ въ россійской государственной службѣ Нетопоренки, но въ то время, какъ начиналъ ее герой мой, ихъ было достаточное количество.

Въ юности, обыкновенно, совѣтничество для нихъ—такая недосягаемая мечта, на которую они едва осмѣливаются поднять свои лукавые и подслѣповатые взоры, но съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени видятъ, что все больше и больше могутъ прилагать свои способности.

У каждаго изъ нихъ обыкновенно есть благодѣтель въ Петербургѣ, котораго маленькія слабости они знаютъ до тонкости: любитъ ли онъ женщинъ молоденькихъ, или поѣсть хорошо, или только охотникъ деньгу хапнуть,—для всего этого они сейчасъ ему каналъ открываютъ.

Бо̀льшая часть крестовъ, украшающихъ ихъ грудь, даны имъ за подобные подвиги!

Для ума и сердца вашего не ждите отъ этихъ людей ничего; но для тѣлесъ и всей слѣдующей къ онымъ обстановки они безцѣнны.

Если бъ авторъ былъ хоть сколько-нибудь значительное лицо, то, по слабости человѣческой, онъ не ручается, чтобы не покровительствовалъ какому-нибудь подобному канальѣ.

Точно такъ и Евсевій Осиповичъ разумѣлъ и понималъ Нетопоренка и, чтобы не держать его очень близко около себя, онъ сыскалъ ему мѣсто по другому вѣдомству, асессора въ палатѣ, а затѣмъ на мѣсто совѣтника Нетопоренко самъ уже перешагнулъ и такъ тамъ укрѣпился, что, говорятъ, считался за образцоваго чиновника.

Но онъ былъ не глупъ: по какому-то чутью, въ воздухѣ или даже изъ-подъ земли вынюхивая, онъ предчувствовалъ, что невдолгѣ кругомъ него будетъ происходить совсѣмъ не то, что̀ теперь происходитъ, и что звѣзда его померкнетъ окончательно и навсегда.

Чтобъ обезпечить себя на этотъ случай, онъ жилъ скопидомомъ и сколачивалъ копейку на черный день.

Баклановъ чуть не задохнулся, всходя къ нему по вонючей лѣстницѣ. Ободранная, грязная дверь, которую точно двадцать собакъ рвали, была не заперта. Нетопоренко только сейчасъ

проснулся и, брившись, пильмя-пилилъ парня, котораго онъ взялъ къ себѣ будто бы затѣмъ, чтобы пріучить его къ письменной части, а въ самомъ дѣлѣ заставлялъ даже бѣлье себѣ мыть.

— Эка шельма!.. неумоя!.. рыло поганое!..—говорилъ онъ.

Малый не обращалъ никакого вниманія на эти слова и молча обмахивалъ съ грязной мебели пыль метелкой.

— Къ вамъ пришли-съ, — обернулся онъ наконецъ и сказалъ.

— Кто тамъ? — крикнулъ-было Нетопоренко сердито, но, увидѣвъ, что входитъ хорошо одѣтый господинъ, сейчасъ же перемѣнилъ тонъ. — Извините меня, пожалуйста! — говорилъ онъ, запахивая свой грязный халатъ.—А дверь у тебя опять была не заперта! — прибавилъ онъ, почти съ судорогами въ лицѣ, парню.

Но тотъ и этимъ нисколько не сконфузился: его упорно спокойное лицо какъ бы говорило: «Да, и завтра не запру, и добьюсь того, что ты меня прогонишь».

— Ну, я же тебя! — прошипѣлъ Нетопоренко, поколотивъ пальцемъ по столу.

Онъ въ свою очередь тоже, видно, рѣшился переупрямить парня.

— Что̀ вамъ угодно? — обратился онъ наконецъ къ Бакланову.

Тотъ подалъ ему письмо.

— Прошу покорнѣйше присѣсть! — сказалъ Нетопоренко, взглянувъ на почеркъ.

Александръ сѣлъ.

Нетопоренко прочелъ и какъ бы нѣкоторое время оставался въ недоумѣніи.

— Служить вамъ угодно у меня? — проговорилъ онъ, склоняя голову на бокъ.

— Да, я желалъ бы.

— Конечно, я для его высокопревосходительства долженъ и стремлюсь всей душой сдѣлать все!..—сказалъ Нетопоренко, модничая и не безъ важности.

Изъ письма Ливанова онъ очень хорошо увидѣлъ, что тотъ не слишкомъ близко къ сердцу держалъ племянника.

— Ваша прежняя служба? — прибавилъ онъ.

— Я изъ университета.

— А, да! Но тамъ вѣдь есть разные факультеты?

— Я юристъ.

— А, да!

Важность Нетопоренка все больше и больше увеличивалась.

— Это, впрочемъ, для службы все равно. Почеркъ вашъ позвольте видѣть.

— Я писать умѣю, — отвѣчалъ Баклановъ съ улыбкою и, не снимая перчатки, на первомъ же попавшемся ему клочкѣ началъ писать: «Милостивый государь!».

— Нѣтъ, ужъ вы потрудитесь дома тамъ, что ли, на аккуратномъ этакомъ листикѣ бумажки написать... Я генералу долженъ показать.

Генераломъ Нетопоренко называлъ своего управляющаго.

— Я это могу и здѣсь сдѣлать, — отвѣчалъ Баллановъ и, взявъ со стола совѣтника листъ бумаги, написалъ на немъ отчетливо нѣсколько строчекъ

Почеркъ, впрочемъ, у него былъ очень хорошій, но смѣлость, съ которой онъ это сдѣлалъ, не понравилась Нетопоренкѣ: стоя за спиной Бакланова въ то время, какъ тотъ писалъ, онъ покачивалъ на него головой; потомъ, посмотрѣвъ съ серьезнымъ видомъ на написанное и положивъ молча бумагу на столъ, онъ явно хотѣлъ поговорить передъ своимъ будущимъ подчиненнымъ и дать ему нѣкоторое понятіе о своемъ взглядѣ на вещи.

— Ученіе?.. Образованіе?..—началъ онъ какъ бы вопросительно и разваливаясь въ креслахъ: — но надобно смотрѣть, согласно ли оно съ религіей, съ нравственностью, и наконецъ какъ вліяетъ оно на самое поведеніе человѣка.

— Образованіе, я думаю, не портитъ ничего этого, — проговорилъ Баклановъ.

— О, нѣтъ! Не скажите! — воскликнулъ Нетопоренко. — Изъ наукъ, конечно, исторія вотъ... Я самъ любилъ ее въ молодости... Описывается жизнь монарховъ и другихъ великихъ особъ — все это, разумѣется, въ нравственномъ духѣ! Или математика—учитъ тамъ разнымъ вычисленіямъ, объясняетъ движеніе свѣтилъ небесныхъ.

Бакланову даже совѣстно было слушать всю эту чепуху.

— Но ваша философія, господа,—продолжалъ Нетопоренко, нѣсколько даже взвизгивая и возвышая голосъ почти до совершенной фистулы:— она прямехонько подкапываетъ основы государства... Я бы запретилъ имя ея упоминать для молодыхъ людей.

Баклановъ мрачно молчалъ.

— Вѣдь ученье—это еще одни разсужденія, а служба ужъ дѣло!.. настоящее... — продолжалъ Нетопоренко, приходя въ паѳосъ разговора.— Вонъ предсѣдатель нашъ... Я всегда это, безъ лести, про него говорилъ... Онъ, какъ прочтетъ дѣло, такъ и начинаетъ его разбирать, какъ ленты: эту прядку—

сюда, эту — сюда... Смотришь, оно ужъ у него и поетъ! Это умъ! соображеніе!.. А ваши всѣ эти финтифлюшки — все это еще буки!

«Вотъ мерзавецъ-то», — думалъ Баклановъ. — Когда же я могу получить отвѣтъ, и могу ли я надѣяться имѣть хоть какое-нибудь классное мѣсто?—проговорилъ онъ вслухъ, вставая.

— Ничего еще не могу сказать; во-первыхъ, первоначально повидаюсь съ вашимъ дядюшкой, желаю отъ него слышать нѣсколько болѣе опредѣленную рекомендацію объ васъ; потомъ доложу генералу... Я человѣкъ маленькій: мнѣ что̀ прикажутъ, то я и дѣлаю...

— Я постараюсь заслужить ваше довѣріе, — проговорилъ Александръ, и самъ не зная, зачѣмъ онъ это говоритъ.

— Вѣрю-съ! — отвѣчалъ ему, не безъ ядовитости, Нетопоренко. — Хотя въ то же время прямо долженъ вамъ сказать, — продолжалъ онъ: — что вы, гг. университетскіе, мало годитесь для нашей службы: слишкомъ поверхностны... слишкомъ любите высшіе взгляды кидать, а что̀ нужно для дѣла, то пропускаете.

Баклановъ ничего не возразилъ и раскланялся.

Главное, его удивляло то: какимъ образомъ этотъ человѣкъ масонъ, значитъ, все-таки принадлежитъ къ кружку людей честныхъ и образованныхъ? По своей молодости и неопытности онъ не зналъ еще, что ко всѣмъ добрымъ начинаніямъ, когда они войдутъ въ силу и моду, какъ къ памятникамъ въ губернскихъ городахъ, всего больше напристанетъ грязи и навозу.

Нетопоренки и теперь занимаются не менѣе благороднымъ дѣломъ: они вольнодумничаютъ и читаютъ со слезами на глазахъ Шевченко!

XVIII.

Мѣсто, гдѣ Нетопоренко—божокъ.

Не безъ робости, черезъ четыре дня, Баклановъ вошелъ въ палату. Въ передней онъ увидалъ сторожа и нѣсколькихъ мужиковъ съ печальными лицами. Въ слѣдующей комнатѣ молоденькій чиновникъ печаталъ конверты, а другой, совсѣмъ старый, съ глубокомысленнымъ видомъ записывалъ ихъ въ книгу и выставлялъ на нихъ номера.

Баклановъ подошелъ къ нимъ.

— Я желалъ бы видѣть г-на Нетопоренка! — сказалъ онъ.

— А зачѣмъ вамъ? — спросилъ съ любопытствомъ молодой чиновникъ.

— Я на службу здѣсь поступаю, — отвѣчалъ откровенно Баклановъ.

— Да куда же? Здѣсь вѣдь нѣтъ вакансій! — проговорилъ молодой чиновникъ.

— Какъ нѣтъ!— забрюзжалъ на него старикъ:— вчера помощнику во второмъ столѣ велѣли подавать въ отставку.

— За что же это такъ? — спросилъ, уже съ нѣкоторымъ негодованіемъ, молодой человѣкъ.

— Нагрубилъ тамъ, что ли, совѣтнику!—отвѣчалъ старикъ равнодушно.

Бакланову сдѣлалось неловко: неужели это для него выгнали человѣка изъ службы? Однако онъ промолчалъ.

— Это, значитъ, вамъ въ хозяйственное отдѣленіе надо... туда ступайте! — сказалъ молодой чиновникъ, показывая ему на слѣдующую комнату.

Баклановъ вошелъ и увидѣлъ у средняго простѣнка столъ; по прочимъ двумъ стѣнамъ тоже стояли столы съ надписями: 1-й, 2-й, 3-й... У простѣночнаго стола сидѣлъ чиновникъ, съ Станиславомъ на шеѣ, съ лицомъ точно крапленымъ сажей и въ очкахъ.

При входѣ Бакланова онъ сейчасъ же обернулся и сталъ на него смотрѣть, но не въ очки, а черезъ нихъ, какъ будто бы онъ ихъ берегъ на разсматриваніе болѣе достойныхъ предметовъ.

— Что̀ вамъ угодно? — спросилъ онъ наконецъ.

— Я ожидаю г-на Нетопоренка, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ подождите тамъ... Здѣсь не мѣсто! — проговорилъ чиновникъ.

Это былъ дѣлопроизводитель отдѣленія, тоже малороссъ и любимецъ Нетопоренка.

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, всѣ націи, кромѣ русской, имѣютъ свои партіи, и члены ихъ тянутъ другъ друга за уши на ступеняхъ житейской лѣстницы.

Баклановъ, дѣлать нечего, опять вышелъ въ прежнюю комнату.

— Что̀ же вамъ тамъ сказали? — спросилъ его съ любопытствомъ молодой чиновникъ.

— Да тамъ не велятъ и стоять! — отвѣчалъ Баклановъ.

Молодой чиновникъ покачалъ головой.

Бакланову ужасно хотѣлось сѣсть. Онъ начиналъ чувствовать усталость и какую-то невыносимую тоску, которую иначе нельзя назвать, какъ «тоской просителей» въ присутственныхъ мѣстахъ.

Будучи не въ состояніи долѣе стоять на ногахъ, онъ сѣлъ

на окно. Чиновники между тѣмъ, какъ имели, безпрестанно шмыгали мимо него. Проходилъ иногда и правитель дѣлъ, съ озабоченнымъ лицомъ и съ перомъ за ухомъ. Всякій разъ онъ несовсѣмъ дружелюбно посматривалъ на Бакланова и наконецъ проговорилъ ему:

— На окнахъ сидѣть нельзя-съ; они не для того сдѣланы.

— Гдѣ жъ мнѣ сидѣть? Я усталъ, — отвѣчалъ Баклановъ уже дерзко.

— Пріемная комната у насъ вотъ гдѣ-съ!—отвѣчалъ дѣлопроизводитель, указывая на темную переднюю, гдѣ стояли мужики.

Баклановъ однако туда не пошелъ и продолжалъ сидѣть на окнѣ. Тоска доходила въ немъ почти до отчаянія. Наконецъ часовъ въ двѣнадцать все какъ-то засуетилось, и въ присутственной комнатѣ послышался звонокъ. Туда пробѣжалъ сторожъ. Стали потомъ проходить и выходить съ почтительными физіономіями столоначальники.

Баклановъ догадался, что это пріѣхалъ Нетопоренко.

«И этакому скоту подобная честь!» — подумалъ онъ.

И въ то же время, не зная, какъ добраться до таинственнаго святилища присутственной комнаты, онъ снова обратился къ молодому чиновнику, принимавшему въ немъ хоть маленькое участіе.

— Нельзя ли обо мнѣ доложить г-ну Нетопоренку? — сказалъ онъ.

— Я не могу этого!.. Съ большимъ бы удовольствіемъ, но намъ не приказано: у насъ только сторожъ докладываетъ, — отвѣчалъ тотъ вѣжливо и пожимая плечами.

Баклановъ подошелъ къ сторожу.

— Доложи, пожалуйста, г. Нетопоренку, что я пришелъ.

— Теперь занимаются, нельзя! — отвѣчалъ солдатъ рѣшительно.

— Но онъ, можетъ-быть, и все будетъ заниматься! — возразилъ Баклановъ.

— Ну, и все будутъ! — повторилъ солдатъ.

— Емельянъ Ѳомичъ самъ велѣлъ имъ прійти!—вмѣшался въ разговоръ молодой чиновникъ.

— Велѣлъ... а кто его знаетъ?

— Да вѣдь тебѣ говорятъ, братецъ; какой ты, помилуй! — подтверждалъ чиновникъ.

— Велѣлъ?.. Кажинный разъ ругается,—бормоталъ солдатъ; однако пошелъ и черезъ нѣсколько секундъ возвратился и прошелъ прямо въ свою переднюю.

— Что же? — спросилъ его съ нетерпѣніемъ Баклановъ.

— Докладывалъ.

— Что̀ же?

— Ничего не сказалъ.

Баклановъ съ бѣшенствомъ отошелъ и сталъ къ своему прежнему окну, готовый плюнуть на все: и на палату, и на дядю, и на Петербургъ.

Наконецъ изъ дверей присутствія раздался голосъ Нетопоренка:

— Пожалуйте, г. Баклановъ!

Баклановъ вошелъ и увидѣлъ огромный столъ, покрытый отличнымъ краснымъ сукномъ, щегольское, рѣзное золотое зеркало, мягкія, эластичныя кресла, каминъ.

Лакейская фигура Нетопоренка ужасно не шла ко всему этому комфорту.

— Ну-съ,—встрѣтилъ онъ Бакланова:—я видѣлся съ вашимъ дядюшкой... Мѣсто у насъ есть, если угодно, помощника столоначальника.

— О, помилуйте, я очень радъ!—проговорилъ Александръ, въ самомъ дѣлѣ обрадованный.

Вся физіономія Нетопоренка какъ бы мгновенно измѣнилась въ его глазахъ.

— Я могу, значитъ, сейчасъ и прошеніе подать? — проговорилъ онъ.

Нетопоренко усмѣхнулся.

— Нѣтъ, нельзя-съ! Сегодня суббота—день неприсутственный... Какъ же вы этого не знаете? А еще юристъ!—проговорилъ онъ и покачалъ Бакланову головой.

Тотъ, впрочемъ, вышелъ отъ него, совершенно съ нимъ примиренный и довольный, и въ регистратурѣ съ нѣкоторою уже важностью поклонился своему прежнему покровителю, молодому чиновнику.

XIX.

Канцелярское важничанье.

Въ слѣдующій понедѣльникъ Баклановъ, съ просьбой въ карманѣ, по крайней мѣрѣ, ждалъ часа два. Къ сердцу его начинала опять подступать *просительская тоска.*

Управляющій наконецъ пріѣхалъ. Это былъ высокій мужчина, черноволосый, съ черными, густыми бакенбардами, въ мундирѣ и съ владимирскимъ крестомъ на шеѣ. Проходя въ присутствіе, онъ не отвѣтилъ никому изъ чиновниковъ на ихъ поклоны.

Бакланова сейчасъ же позвали.

Въ присутствіи онъ увидѣлъ, что управляющій сидѣлъ на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ. Онъ подалъ ему прошеніе. Управляющій, нахмуривъ брови, развернулъ его и, быстро прочтя, спросилъ:

— Отчего же оно не *по титулѣ?*

Нетопоренко заглянулъ въ бумагу и поблѣднѣлъ.

— Не сказано, кто проситъ; *дабы* пропущено... — говорилъ управляющій.

Нетопоренко качалъ укоризненно Бакланову головой.

— Рукоприкладство не по пунктамъ и мѣстожительства нѣтъ...

— Зачѣмъ же мѣстожительство?—спросилъ сильно сконфуженный Баклановъ.

— Какъ зачѣмъ? — отвѣчалъ ему, въ свою очередь, вопросомъ управляющій.

— Позвольте, я ему поправлю-съ,—говорилъ Нетопоренко и, взявъ просьбу, во мгновеніе ока написалъ на ней наверху *по титулѣ,* потомъ кто проситъ, и наконецъ вставилъ, гдѣ слѣдуетъ, *дабы.*

— Учатъ тоже у насъ, а спросили бы чему!—говорилъ онъ, возвращая Бакланову прошеніе.—На-те, перепишите тамъ-съ,— прибавилъ онъ почти съ пренебреженіемъ.

Баклановъ горѣлъ отъ стыда и досады; однако, выйдя въ регистратуру, переписалъ прошеніе, которое у него и приняли.

Нетопоренко самъ его потомъ повелъ въ отдѣленіе.

— Вотъ ваше мѣсто и вашъ начальникъ! — сказалъ онъ, подводя его ко второму столу.

Столоначальникъ Бакланова оказался очень еще молодой человѣкъ, высокій, стройный, съ поднятою вверхъ физіономіей и чрезвычайно, должно-быть, самолюбивый. Онъ не оприв‌ѣтствовалъ своего новаго подчиненнаго не только какимъ-нибудь ласковымъ словомъ, но даже хоть сколько-нибудь внимательнымъ взглядомъ и, почти не глядя на него, проговорилъ, показывая ему на цѣлую связку дѣлъ:

— Вотъ дѣла къ *разрѣшенію*-съ.

Баклановъ взялъ. Онъ, собственно говоря, и фразы этой: *къ разрѣшенію*—не понялъ. Пересмотрѣлъ одно дѣло, другое, третье, но спросить своего молодого столоначальника не хотѣлъ.

— Чортъ знаетъ, что̀ это такое! — повторялъ онъ больше про себя и шопотомъ.

Юный столоначальникъ наконецъ услыхалъ это.

— Надобно написать распоряженіе по послѣдней бумагѣ,— проговорилъ онъ неторопливо и нехотя.

— Благодарю! — сказалъ Баклановъ и, смекнувъ, въ чемъ дѣло, принялся работать.

Послѣдняя бумага была донесеніе земскаго суда о томъ, что одно дѣло имъ не кончено, но что при первой возможности къ нему будетъ приступлено.

Перелистывая бумаги, Баклановъ видѣлъ, что земскому суду разъ пять по этому дѣлу подтверждали, а потому, не думая долго, онъ распорядился: земскому суду сдѣлать выговоръ и объявить: если не кончитъ сего дѣла въ недѣльный срокъ, такъ на его счетъ будетъ посланъ нарочный.

Во второмъ дѣлѣ было отношеніе консисторіи о совращеніи въ расколъ крестьянской дѣвки Марьи Емельяновой, семидесяти лѣтъ и глухонѣмой отъ рожденія. Баклановъ еще въ деревнѣ слыхалъ, какъ притѣсняютъ раскольниковъ, и при чтеніи этой бумаги, воспылавъ благороднымъ негодованіемъ, написалъ: «Такъ какъ крестьянкѣ Марьѣ Емельяновой семьдесятъ лѣтъ и она глухонѣмая, то къ какому бы она толку ни принадлежала—все равно, и подвергать ее изслѣдованіямъ жестоко и безчеловѣчно!». Покончивъ это, онъ пріостановился, зѣвнулъ, и имъ овладѣла другого рода тоска, которую можно назвать *канцелярской* и которою страдаютъ сами чиновники. Спину у него ломило, но болѣе всего ему былъ непріятенъ этотъ запахъ бумаги и какое-то повсемѣстное чувство песку, а между тѣмъ и ѣсть начинало хотѣться.

— Что̀, мы въ которомъ часу выходимъ изъ присутствія?— спросилъ онъ столоначальника, но тотъ не отвѣтилъ ему на это, а объяснилъ одинъ изъ писцовъ.

— Въ пять-съ!

Баклановъ съ ужасомъ взглянулъ на часы, на которыхъ всего было три часа. Чтобы какъ-нибудь спастись отъ скуки, онъ снова принялся заниматься, но уже настольнымъ реестромъ.

— Тутъ вписывается содержаніе дѣла, — сказалъ, увидѣвъ это, столоначальникъ, попрежнему не глядя на самого Баклановa.

— Знаю-съ,—отвѣчалъ тотъ и началъ вписывать одно дѣло листахъ на двухъ, другое на трехъ, третье на четырехъ, такимъ образомъ дѣлъ десять до самыхъ пяти часовъ.

— Ухъ!—проговорилъ онъ самодовольно и едва разгибая спину.

Съ столоначальникомъ передъ выходомъ онъ опять было порывался проститься по-дружески, но тотъ едва протянулъ ему конецъ руки.

Молодой человѣкъ этотъ былъ побочный сынъ побочнаго сына министра, что̀, можетъ-быть, и развило въ немъ такъ самолюбіе.

XX.

Надругательство надъ моимъ героемъ.

Когда на другой день Баклановъ пришелъ на службу, столоначальникъ его былъ ужъ тамъ.

По свойственной всѣмъ людямъ слабости—слѣдить за своими умственными дѣтищами, Баклановъ сейчасъ же замѣтилъ, что рѣшенныя имъ вчера дѣла лежали на столѣ, но всѣ резолюціи его съ верху до низу зачеркнуты и вмѣстон ихъ написаны другія.

— Что̀ жъ, развѣ то, что̀ я написалъ, не годится? — спросилъ онъ несовсѣмъ спокойно столоначальника.

— Да-съ!—отвѣчалъ тотъ съ своею, по обыкновенію, гордо поднятою физіономіей и, какъ бы сказавъ самую обыкновенную вещь, отошелъ и сталъ разговаривать съ дѣлопроизводителемъ.

Баклановъ однако не хотѣлъ сразу отказаться отъ своего труда.

— Почему же нельзя ужъ земскій судъ припугнуть?—спросилъ онъ насмѣшливо, когда столоначальникъ снова возвратился на свое мѣсто.

— Потому, что на него мы можемъ представлять только въ губернское правленіе, — отвѣчалъ тотъ и, преспокойно взявъ листъ бумаги, началъ на немъ писать.

Баклановъ закусилъ губы. Онъ видѣлъ, что молодой начальникъ его былъ правъ и не изъ пустого каприза перемаралъ резолюцію.

— Но почему же объ раскольникахъ не прошла резолюція?—спросилъ онъ не такимъ ужъ рѣшительнымъ голосомъ.

— То какая-то безсмыслица,—отвѣчалъ столоначальникъ и, сверхъ обыкновенія, даже улыбнулся.

— Но вѣдь это еще доказать надо!—проговорилъ Баклановъ.

— Консисторія намъ сообщаетъ, чтобы командировать депутата—только!—отвѣчалъ столоначальникъ и, какъ бы не желая больше разсуждать о подобныхъ пустякахъ, снова принялся писать.

— Но позвольте-съ!—воскликнулъ Баклановъ:—я самъ видѣлъ на мѣстѣ въ жизни, какъ несправедливо притѣсняютъ раскольниковъ.

— Что̀ жъ изъ того?—спросилъ столоначальникъ.

— А то, что мы, какъ защитники крестьянъ, должны же за нихъ заступаться.

— Депутата для того и командируютъ; наконецъ, это дѣло будетъ въ судебномъ мѣстѣ, рѣшеніе пришлютъ намъ на заключеніе.

Баклановъ опять видѣлъ, что молодой столоначальникъ правъ. Будь это старикъ, Баклановъ перенесъ бы терпѣливо, но такой молокососъ и такъ славно знаетъ дѣло. «Какъ у него, канальи, все это ясно и просто въ головѣ», — думалъ онъ и, робѣя взяться за резолюціи, сталъ заниматься настольнымъ. Исписавъ въ одномъ дѣлѣ всю бумагу, онъ обратился къ столоначальнику.

— Что̀ тутъ пришить надо? У меня больше нѣтъ мѣста!— спросилъ онъ его совершенно спокойно.

— Какъ мѣста нѣтъ? — спросилъ столоначальникъ и даже покраснѣлъ; но, взявъ реестръ въ руки, рѣшительно пришелъ въ ужасъ.

— Что̀ вы такое тутъ надѣлали? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Баклановъ тоже струсилъ.

— Что̀ такое?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Вы всю книгу испортили: она выдана на годъ, а вы по двадцати дѣламъ всю бумагу исписали—это сумасшествіе наконецъ!

— Но вѣдь какъ же, иначе нельзя...—говорилъ, заикаясь, Баклановъ.

— Какъ нельзя-съ!.. Вы чортъ знаетъ какихъ выраженій тутъ насовали: «странныя распоряженія» уѣзднаго суда, «возмутительная медленность» гражданской палаты, тогда какъ она выжидаетъ апелляціонные сроки.

Столоначальникъ взялъ книгу и пошелъ къ секретарю. Оба они нѣсколько времени, какъ бы совершенно потерявшись, разговаривали между собою. Наконецъ секретарь обратился къ Бакланову.

— Вы, видно, не служить сюда поступили, а портить только; коли сами не понимаете—спросили бы...

Стыду и оскорбленію моего героя въ эти минуты предѣловъ не было. Онъ не въ состояніи даже былъ ничего отвѣчать.

— Объяснить надо Емельяну Ѳомичу; докладъ особый придется писать...—толковали между тѣмъ его начальники.

И къ Емельяну Ѳомичу еще пойдутъ, къ скоту этому!»— думалъ Баклановъ, совсѣмъ поникнувъ головой.

Столоначальникъ прошелъ въ присутствіе.

Баклановъ, стыдно сказать, дрожалъ, какъ школьникъ.

— Г-нъ Баклановъ! — крикнулъ наконецъ изъ присутствія голосъ Емельяна Ѳомича.

Считай Баклановъ хоть сколько-нибудь себя правымъ, онъ всѣмъ бы имъ наговорилъ дерзостей, но онъ ясно понималъ, что тутъ навралъ и былъ глупъ: вотъ что̀ собственно его уничтожало.

— Васъ опредѣлили, а вы не хотите ни у кого спросить? Вѣдь это не стихи писать! Нѣтъ, не стихи, — повторилъ нѣсколько разъ Нетопоренко и съ такимъ выраженіемъ, что какъ бы презрѣннѣе стиховъ ничего и на свѣтѣ не было.

— Ученые, тоже: ахъ, вы! Вотъ вамъ примѣръ, молодой человѣкъ! — При этомъ онъ указалъ на стоявшаго гордо у стола столоначальника.—Съ перваго разу въ службу вникнулъ какъ слѣдуетъ; а отчего?—оттого, что умъ есть, а у васъ вѣтеръ! Ступайте!

Баклановъ, и тутъ ни слова не отвѣтивъ, вышелъ. «Подать въ отставку!» — подумалось ему, но это значило бы явно показать, что онъ струсилъ службы и не можетъ ея понимать.

Домой онъ возвратился въ совершенномъ отчаяніи.

«На что я способенъ и чему меня учили?» — думалъ онъ съ бѣшенствомъ.

Бѣдному молодому человѣку и въ голову не приходило, что съ своемъ посрамленіи онъ былъ живой человѣкъ, а унижающіе его люди—трупы. Что какъ ни нелѣпы на видъ были его распоряженія, но въ нихъ онъ шелъ все-таки къ смыслу ихъ мертваго и безсмысленнаго дѣла!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Наперсница.

Отъ Новоспасскаго кладбища по шоссе, обсаженному пирамидальными тополями, въ городъ К*** ѣхала быстро щегольская парная карета. На набережной, передъ небольшимъ, но красивымъ домикомъ экипажъ остановился, и изъ него вышла молодая женщина въ траурѣ. Рѣшительно не замѣчая — кто ей отворилъ дверь, какъ все мило было въ бѣлой свѣтлой

залѣ, какъ въ палевой гостиной, въ простѣночныхъ зеркалахъ, отразился ея стройный станъ, она прошла и въ слѣдующей комнатѣ, имѣвшей видъ будуара, снявъ съ себя шляпку, сѣла на табуретъ передъ богатымъ туалетомъ. Это была наша Софья Петровна Ленева.

Костюмъ ея, по наружности, былъ довольно простъ: черное шелковое платье, черныя бусы съ довольно большимъ крестомъ, черные браслеты; но чего все это стоило, понялъ бы самый неопытный глазъ: изящество дышало въ каждой вещичкѣ на ней, въ каждой складкѣ ея платья.

По стройности и правильности своего стана и выразительной красотѣ лица, Софи какъ будто бы и на русскую даму не походила. Скорѣй это была итальянка, но только итальянка свѣтская, аристократическая.

Въ ея будуарѣ было богато и съ большимъ вкусомъ убрано.

Софья Петровна по крайней мѣрѣ съ часъ сидѣла, полузакрывъ лицо и погруженная въ глубокую задумчивость. Лицо ея выражало печаль и озабоченность.

Маленькая, почти потаенная, подъ пунцовыми обоями дверь отворилась, и въ комнату, по мягкому, шелковистому ковру, неслышно вошла тоже знакомая намъ дѣвушка, Иродіада, и тоже въ траурѣ, съ изящнымъ бѣлымъ воротничкомъ и съ вышитыми рукавчиками. Она очень похорошѣла, сдѣлалась еще стройнѣе, и даже ноги у ней стали маленькія, изящныя и обутыя въ пятирублевыя прюнелевыя ботинки.

Исторія ея, съ тѣхъ поръ, какъ мы ее оставили, очень проста: смиреніемъ своимъ она до того умилила Биби, что та сама ей разъ сказала:

— Не хочешь ли, Иродіада, въ монастырь?.. Я вижу, что тебя ничто въ мірѣ въ влечетъ!

— Да, сударыня, если бы милость ваша была, — отвѣчала Иродіада.

— Ахъ, пожалуйста! Я за грѣхъ себѣ считаю удерживать тебя, — отвѣчала Биби и въ первую же поѣздку въ городъ дала Иродіадѣ вольную.

Та сначала объявила ей, что поѣдетъ къ Митрофанію на богомолье, а вмѣсто того проѣхала въ ту губернію, гдѣ жила Софи съ мужемъ.

— Возьмите меня, Софья Петровна; я буду служить вамъ, какъ и тетенькѣ вашей служила!.. — объявила она; въ этотъ разъ въ голосѣ ея слышно было что-то особенное, такъ что Софи, не задумавшись, взяла ее и, по своей страсти видѣть около себя все красивое, сейчасъ же одѣла ее какъ куколку.

Бывшей печальницѣ и смиренницѣ, кажется, это было весьма не непріятно, и затѣмъ госпожа и служанка очень скоро и очень тѣсно сошлись между собою.

— Эммануилъ Захарычъ прислали-съ! — начала наконецъ Иродіада, негромко и неторопливо.

Софи взмахнула на нее глазами, и какое-то утомительное чувство промелькнуло у ней въ лицѣ.

— Что̀ же? — спросила она.

— Спрашиваютъ, могутъ ли они пріѣхать къ вамъ.

— Нѣтъ! — сказала-было сначала Софи рѣзко; но потомъ, обдумавъ, прибавила: — скажи, что я только-что сейчасъ пріѣхала съ могилы моего мужа, мнѣ не до гостей.

Иродіада неторопливо вышла.

Въ своей комнатѣ, тоже очень чистенькой и красиво прибранной, она нашла черноватаго, курчаваго молодого господина, съ явно-еврейскою физіономіей, большого, должно-быть, франта, съ толстою золотою цѣпочкой на часахъ и въ брильянтовыхъ перстняхъ.

— Сто-зе-съ? — спросилъ онъ, модно помахивая шляпой.

— Онѣ больны... не могутъ принять, — отвѣчала Иродіада.

— Ахъ ты, Бозе мой, Бозе мой! — произнесъ посланный: — такъ господинъ убивается... такъ!

— Онѣ очень нездоровы! — отвѣчала Иродіада прежнимъ ровнымъ тономъ.

Посланный не уходилъ и продолжалъ смотрѣть себѣ на руки и на сапоги.

— Могу ли я съ вами переговорить два слова? — сказалъ онъ наконецъ.

— Что̀? — спросила Иродіада.

— Два слова! — повторилъ онъ и вслѣдъ затѣмъ началъ что-то такое скороговоркой объяснять Иродіадѣ. Она его слушала какъ-то насмѣшливо-холодно.

— Такъ? — заключилъ онъ.

Молодой человѣкъ торопливо засунулъ руку въ боковой карманъ, вытащилъ оттуда бумажникъ, вынулъ изъ него сторублевую бумажку и подалъ ее Иродіадѣ. Та равнодушно приняла ее. Молодой человѣкъ протянулъ къ ней руку; она хлопнула по ней своею рукой, которую онъ и поцѣловалъ съ чувствомъ, а затѣмъ, надѣвъ еще въ комнатѣ шляпу набекрень, модно расшаркался и вышелъ. Иродіада какъ-то мрачно посмотрѣла ему вслѣдъ.

Софи между тѣмъ все еще продолжала сидѣть въ задумчивости. Вдругъ раздался звонокъ. Софи даже вздрогнула.

— Иродіада! Иродіада! — крикнула она.

Та проворно вошла.

— Скажи, что я не могу принять, что я спать легла, — говорила Софи и начала торопливо развязывать шнурки у платья, какъ бы затѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ раздѣться и лечь.

Иродіада вышла въ переднюю.

Софи напрягла весь слухъ, чтобъ услышать, что̀ тамъ будетъ говориться; она закусила свои красивыя губки, лицо ея поблѣднѣло.

Иродіада наконецъ возвратилась.

— Что̀ ты такъ долго?..—сказала почти съ тоской Софи.

— Это не Эммануилъ Захарычъ!.. — отвѣчала та.

— Какъ? — спросила Софи и взялась ужъ рукой за бьющееся сердце.

— Это Александръ Николаевичъ Баклановъ! — договорила Иродіада.

— Ахъ! — вскричала Софи и, вскочивъ, побѣжала навстрѣчу.

Передъ ней, въ самомъ дѣлѣ, стоялъ Баклановъ.

Первое время они ничего не въ состояніи были говорить, а взяли другъ друга за руки и смотрѣли одинъ другому въ глаза.

Иродіада, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, тоже смотрѣла на нихъ.

II

Опять поэзія.

— Хорошо ли у меня здѣсь? — было первое слово Софи, когда они усѣлись съ Александромъ въ будуарѣ.

— Да! — отвѣчалъ тотъ, сіяя весь радостью.

— Ахъ, Боже мой! Погоди, постой! — воскликнула вдругъ Софи, закрываясь рукой.

У ней невольно текли слезы.

— Ну вотъ и ничего, прошло!.. Иродіада, дай воды!—прибавила она, снова открывая свое прелестное лицо, хотя щечки ея еще дрожали.

Иродіада, съ нѣсколько лукавымъ видомъ, подала ей воду: она еще въ Ковригинѣ, когда Баклановъ и Софи бывали тамъ, догадывалась о чувствахъ, которыя молодые люди питали другъ къ другу.

— Ну, такъ какъ же? — заговорила Софи.

— А такъ же!.. — отвѣчалъ ей Баклановъ, смотря на нее съ нѣжностью.

— Какъ же ты пріѣхалъ сюда?

— А такъ!.. Какъ ты мнѣ написала, что мужъ твой померъ и другое прочее, такъ я сейчасъ къ дядѣ Ливанову... знаешь, я думаю, его?

— Да! Когда мы, въ первый годъ моего замужества, ѣздили съ Яковомъ Назарычемъ въ Петербургъ, такъ часто бывали у него...

— Онъ не ухаживалъ за тобой?

— Было немножко! Постой, какъ онъ называлъ тогда меня!.. Да!.. Прекрасной Юдиѳью, и все пророчествовалъ, что я не одному Олоферну, а сотнѣ такимъ посшибаю головы.

— Что̀ жъ, это правда? — спросилъ Баклановъ

— Не знаю, можетъ-быть, — отвѣчала Софи кокетливо. — Ну-съ, отправились къ дядѣ?

— Отправился къ дядѣ и говорю: такъ и такъ, грудью страдаю, а около этого времени я прочиталъ, что здѣсь мѣсто уголовныхъ дѣлъ стряпчаго открылось. «Похлопочите, говорю, чтобы перевели меня». Онъ самъ поѣхалъ къ министру.

— Какой, однакоже, добрый,—замѣтила Софи.

— Какое, къ чорту, добрый? Я денегъ у него около этого времени попросилъ взаймы, такъ боялся, что это часто повторяться будетъ

Софи засмѣялась.

— Поѣхалъ я наконецъ,—продолжалъ Баклановъ:—и что̀ я чувствовалъ, подъѣзжая сюда, и сказать того не могу: вдругъ, думаю, она уѣхала куда-нибудь, или умерла, — что̀ тогда со мной будетъ?.. Пріѣзжаю въ гостиницу—и спросить не смѣю; наконецъ почти шопотомъ говорю: «Здѣсь такая-то госпожа живетъ?» —«Здѣсь», говорятъ... Я и ожилъ.

— О, какой ты милый!—воскликнула Софи.

И молодые люди, сами не отдавая себѣ отчета, поцѣловались.

— Дѣло въ томъ, — продолжалъ Баклановъ: — что по случайному, можетъ-быть, стеченію обстоятельствъ, но ты одна только была и осталась *поэзіей* въ моей жизни; а то — эта глупая студенческая жизнь, въ которой происходилъ или голый развратъ, или ломанье въ родѣ Печорина передъ какою-нибудь влюбленною госпожой.

— А была же такая?—произнесла весело-ревниво Софи.

— Была!—отвѣчалъ Баклановъ.—Потомъ этотъ Петербургъ, въ которомъ, если у дѣвушки нѣтъ состоянія, такъ ея никто не возьметъ, и онѣ, какъ тигрицы, кидаются тамъ на васъ, чтобы выйти замужъ, а потомъ и притащутъ къ вамъ жить папеньку, маменьку, своячиницъ, родятъ вамъ въ первый же годъ тройниковъ.

Софи покачала съ улыбкой головой.

— Ты такой же все насмѣшникъ, какъ и прежде былъ! — сказала она, глядя съ любовью на Балканова: — впрочемъ, и здѣсь все то же, если не хуже! — прибавила она съ легкимъ вздохомъ.

— Но здѣсь у меня *ты* есть! Пойми ты, сокровище мое! — воскликнулъ Баклановъ:—здѣсь я для тебя одной буду жить, тобой одной дышать.

— О, да,—воскликнула Софи съ полнымъ увлеченіемъ.

— Ты свободна, я свободенъ! — говорилъ Александръ.

— А мать у тебя умерла? — спросила Софи.

— Да! — отвѣчалъ онъ почти съ удовольствіемъ: — что̀ же-съ? — продолжалъ онъ, вставая и раскланиваясь передъ Софи:—когда вы прикажете мнѣ явиться къ вамъ и сказать: Софья Петровна, позвольте мнѣ имѣть честь просить вашей руки, и что̀ вы мнѣ на это скажете?

— Я скажу: да, да и да! — отвѣчала Софи.

— Софья Петровна!—продолжалъ Александръ въ томъ же комическомъ тонѣ (отъ полноты счастья онъ хотѣлъ дурачиться и дурачиться):—будете ли вы мнѣ женой вѣрной и покорной?

— Буду, вѣрной и покорной, но только небережливой, потому что мотовка ужасная.

Баклановъ вдругъ всталъ передъ ней на колѣни.

— «Божественное совершенство женщины, позволь мнѣ передъ тобой преклониться!»—проговорилъ онъ монологомъ Ричарда.—А ты отвѣчай мнѣ,—продолжалъ онъ, хватая ея ручку и колотя ею себя по лицу:—«Гнусное несовершенство мужчины, поди прочь!».

— О, нѣтъ, милый, чудный! — отвѣчала та, обхвативъ и цѣлуя его голову, а потомъ Баклановъ поднялъ лицо свое, и они слились въ долгомъ-долгомъ поцѣлуѣ.

Обоимъ имъ тогда было — Софьѣ двадцать три года, а Бакланову двадцать шесть лѣтъ.

III.

Выставляющіеся углы дѣйствительности.

На другой день майское утро свѣтило въ будуарѣ Софи сквозь спущенныя бѣлыя шторы. Въ комнатѣ было полусвѣтло и прохладно.

Софи, въ спальной блузѣ, въ изящныхъ туфляхъ, съ толстою распущенною косой, сидѣла передъ своимъ туалетомъ. Она сама представляла собою не менѣе полную свѣжести и силы весну.

Иродіада, тоже въ стройномъ и, по случаю праздника, бѣломъ платьѣ, засучивъ кокетливо рукава, убирала госпожѣ волосы.

Софи, впрочемъ, на этотъ разъ не съ обычнымъ вниманіемъ занималась своимъ туалетомъ, не прикладывала и не примѣривала свои волосы, какъ имъ лежать слѣдовало, а все предоставила Иродіадѣ и сама сидѣла въ задумчивости.

— Александръ Николаичъ надолго сюда пріѣхали-съ? — спросила вдругъ та.

— Надолго... Онъ служить здѣсь будетъ, — отвѣчала Софи.

Что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки пробѣжало по лицу Иродіады.

— Я, можетъ-быть, замужъ за него выйду, — прибавила Софи, улыбаясь.

Иродіада молчала.

— Нравится онъ тебѣ? — прибавила Софи.

— Баринъ молодой-съ! — отвѣчала Иродіада.

Нѣкоторое время между госпожой и служанкою продолжалось молчаніе.

— Александръ рѣшительно меня спасетъ... — проговорила Софи, какъ бы больше сама съ собою.

Иродіада въ это время убирала щетку, гребенку, помаду.

— Денегъ у васъ, Софья Петровна, ничего нѣтъ! — проговорила она какимъ-то холоднымъ голосомъ.

— Ну, заложи тамъ что-нибудь! — отвѣчала Софи безпечно.

— Что̀, барыня, закладывать-то? Серебро ужъ все заложено, вещи тоже; не платье же нести, — отвѣчала Иродіада.

На лицѣ Софи изобразилась тоска.

— У Эммануила Захарыча можно взять-съ! — произнесла съ нѣкоторою разстановкой Иродіада.

Софи взглянула на нее съ испугомъ.

— Они ничего! Дадутъ-съ! Только и желаютъ, чтобы хоть на часъ, на минуту васъ видѣть.

Софи сидѣла и терла себѣ лобъ.

— Ну, хорошо, поди возьми!.. Скажи, чтобы приписалъ тамъ къ прежнему счету, — проговорила она торопливо.

Иродіада однако не уходила.

— Когда жъ имъ пріѣхать-то прикажете?

Выраженіе лица Софи сдѣлалось совсѣмъ мрачно.

— Завтра, что ли-съ? — продолжала Иродіада.

— Нѣтъ, завтра у меня Александръ будетъ! — воскликнула Софи, какъ бы испугавшись.

— Ну, послѣзавтра съ.

Софи ничего на это не возразила.

IV.

Чувствительный еврей.

Иродіада, въ новенькомъ бурнусѣ, съ зонтикомъ и въ прелестной шляпкѣ, которую подарила ей Софи, всего два раза сама ее надѣвавшая, проворно шла по тротуару.

Ни въ походкѣ ни въ наружности Иродіады ничего не было, что̀ бы напоминало горничную, такъ что одинъ приказный, только-было передъ ея проходомъ выбравшись изъ погребка:

— Ай, батюшки, совѣтница наша, совѣтница! — проговорилъ онъ, стыдливо закрываясь рукой и сейчасъ же снова себя погребая въ погребкѣ.

По темнымъ извѣстіямъ, Иродіада сама принадлежала къ дворянскому роду и чуть ли не была дочерью Евсевія Осиповича, который какъ-то разъ пріѣзжалъ къ секундъ-майору погостить и все шутилъ съ одною замужнею женщиной, которая послѣ того и родила дочь, совершенно не похожую на мужа. Софи даже теперь иногда съ удивленіемъ всматривалась въ свою горничную и замѣчала, что она ужасно похожа на нее, особенно съ глазъ.

Передъ огромнымъ каменнымъ домомъ, съ колоннами и съ цѣльными стеклами въ окнахъ всего бельэтажа, Иродіада остановилась и вошла въ рѣзную, краснаго дерева, дверь. Что тутъ живетъ не владѣтельный какой-нибудь принцъ, — можно было догадаться по тому только, что на правомъ флигелѣ, выкрашенномъ такою же краской, какъ и домъ, была прибита голубая доска съ надписью: *Контора питейно-акцизнаго откупа.*

Войдя, Иродіада увидѣла швейцара съ золотою булавой и во фракѣ, обложенномъ позументомъ.

— Здравствуйте-съ! — сказала она, дружески мотнувъ ему головой.

— Вы къ Іосифу Яковлевичу или къ Эммануилу Захарычу?—спросилъ ее тотъ нѣсколько таинственно.

— Къ Эммануилу Захарычу, — отвѣчала Иродіада.

— Онъ тамъ у себя, въ кабинетѣ теперь, — сказалъ швейцаръ, вѣжливо отворяя дверь.

Иродіада, какъ вступила туда, такъ и пошла по превосходному англійскому ковру. Мебель въ первой комнатѣ была зеленая, кожаная. Въ углахъ стояли мраморныя статуи въ своей безцеремонной наготѣ, отчего Иродіада, проходя мимо нихъ, всякій разъ тупилась.

Далѣе, въ самомъ кабинетѣ шли орѣховыя полки по стѣнамъ съ рѣзными, поддерживающими ихъ, львиными рожами и лапами. Окна полузакрывались толстою ковровою драпировкой.

Но что̀ собственно въ этой комнатѣ составляло предметъ всеобщаго вниманія и зависти, такъ это невзломаемый и несгораемый шкапъ со скудными лептами откупа, около котораго, сверхъ его собственной крѣпости, клались еще на ночь спать два, нарочно нанимаемые для того, мужика.

Самъ Эммануилъ Захаровичъ, въ ермолкѣ, въ шелковомъ сюртукѣ, въ шитыхъ золотомъ туфляхъ, сидѣлъ передъ огромнымъ письменнымъ столомъ. Онъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, съ масляными, приподнятыми вверхъ глазами, отчасти кривошей и сутуловатый — признакъ несовсѣмъ здороваго позвоночнаго столба, и вообще всею своею физіономіей онъ напоминалъ тѣхъ судей, которые соблазняли Сусанну

— Ахъ, бонзуръ! — проговорилъ онъ, увидѣвъ входящую Иродіаду, и даже взялъ и пожалъ ея руку.

Буква *з* у него, такъ же какъ и у повѣреннаго его, сильно слышалась въ произношеніи.

— Софья Петровна приказала вамъ кланяться, — начала та: — и велѣла вамъ сказать, что вчера онѣ не могли васъ принять, такъ какъ не очень здоровы были. Сегодня докторъ тоже велѣлъ имъ ванну взять, а завтра — чтобы вы пожаловали.

— Ну сто-зъ... хоть и завтра, — произнесъ съ грустью Эммануилъ Захаровичъ.

— Еще Софья Петровна приказали, — продолжала Иродіада тѣмъ же бойкимъ тономъ: — такъ какъ имъ теперича денегъ очень долго не высылаютъ изъ деревни, — чтобы вы денегъ пожаловали... Пусть тамъ ужъ, говорятъ, къ общему счету и припишетъ.

— Денегъ, — произнесъ Эммануилъ Захаровичъ съ тѣмъ неуловимымъ выраженіемъ, которое появляется у человѣка, когда его тронутъ за самую чувствительную струну: — я все дѣлаю!.. все!.. — прибавилъ онъ.

— Онѣ очень хорошо это и чувствуютъ-съ, — отвѣчала Иродіада.

— Гдѣ зе чувствуютъ, гдѣ? Не визу я того...

— Молоды еще, сударь, онѣ очень! — отвѣчала Иродіада.

— Ты зе любись Іосифа, любись?

Иродіада улыбнулась и грустно потупилась.

— И меня-то Богъ не помилуетъ за то... — сказала она.

— Не Бога зе она боится!

— Бога не Бога, а что въ свое еще спокойствіе и удовольствіе жить желаютъ.

— Въ свое удовольствіе! — повторилъ досадливо Эммануилъ Захаровичъ и, вставъ, подошелъ къ завѣтному шкапу.

— Сколько зе тебѣ? — прибавилъ онъ, вынимая оттуда не совсѣмъ спокойною рукой тысячную пачку денегъ.

— Всю ужъ пожалуйте, — отвѣчала, проворно подходя къ нему, Иродіада и почти выхватывая у него изъ рукъ пачку и опуская ее въ карманъ.

На лицѣ Эммануила Захаровича опять промелькнуло какое-то неуловимое выраженіе.

— Я пріѣду! — сказалъ онъ какимъ-то точно угрожающимъ голосомъ.

— Пріѣзжайте-съ! — сказала Иродіада и пошла.

Но Эммануилъ Захаровичъ опять прикликнулъ ее.

— Ты изъ насихъ? — спросилъ онъ ее.

— Чего-съ?

— Изъ евреевъ?

— Нѣтъ-съ!

— А я думалъ, сто изъ евреевъ!.. — продолжалъ онъ, устремляя на нее недовѣрчивый взглядъ, а потомъ перенесъ его на висѣвшую на стѣнѣ картину, изображающую жертвоприношеніе Авраамомъ сына. Какъ тому для Бога, такъ ему для своей любви ничего, видно, было не жаль.

Въ сѣняхъ Иродіаду опять остановилъ швейцаръ.

— Іосифъ Яковлевичъ просилъ васъ зайти къ нему на минуточку, — сказалъ онъ.

— Можетъ и самъ къ намъ прійти; мнѣ еще некогда! — отвѣчала она бойко и, выйдя на улицу, сейчасъ же взяла извозчика и поѣхала домой.

— Привезла, барыня, — сказала она съ восторгомъ, входя и подавая Софи пачку ассигнацій.

Софи только усмѣхнулась.

— Что же онъ говорилъ? — спросила она.

— Пріѣдутъ послѣзавтра вечеромъ.

Софи сдѣлала недовольную мину.

— Вы ужъ полюбезничайте съ нимъ, — сказала Иродіада.

— Какъ же, сейчасъ! — отвѣчала Софи и, когда Иродіада вышла, она всплеснула почти въ отчаяніи руками.

— Господи, когда меня Богъ развяжетъ съ этимъ человѣкомъ! — произнесла она.

V.

Воркованье голубковъ.

Вечера на югѣ наступаютъ ранѣе и быстрѣе.

Софи сидѣла съ Баклановымъ въ кабинетѣ ея покойнаго

мужа, послѣ смерти котораго она сейчасъ велѣла вынести всѣ хоть сколько-нибудь напоминающія его вещи и оставила одинъ портретъ его, и то потому, что онъ былъ превосходно написанъ и вставленъ въ щегольскую золотую раму. На изображеніи этомъ покойный Леневъ былъ представленъ въ совершенно ему несвойственной величественной позѣ и какъ бы съ презрѣніемъ смотрѣвшимъ на оставленный имъ теперь міръ.

Большое створчатое окно, выходившее въ садъ, было растворено.

Молодые люди сидѣли — одинъ по одну его сторону, а другая по другую.

Съ густыхъ и далеко разросшихся деревьевъ опахивало вечернею свѣжестью.

— «Ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ!» — продекламировалъ Баклановъ, навѣвая на себя рукою въ самомъ дѣлѣ благоухающій воздухъ.

— А ты все такъ же любишь стихи? — спросила Софи, лаская его по плечу.

— Ужасно!.. А тутъ, пожалуй, и самъ поэтомъ сдѣлаешься... Посмотри въ эту сторону! — воскликнулъ онъ, показывая ей на западъ, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, облака натворили Богъ знаетъ какихъ чудесъ: то понадѣлали они изъ себя какъ бы людей-великановъ въ шлемахъ, съ щитами, то колесницы, то звѣрей съ открытыми пастями, и все это было съ позлащенными краями.

— А здѣсь еще! — обернула его Софи въ другую сторону.

Тамъ, невѣдомо отъ чего, шла цѣлая полоса свѣта, и вообще въ небѣ былъ тотъ общій безпорядокъ, когда догорающій день борется съ напирающими на него со всѣхъ сторонъ тучами. Вдали уже погремливало.

— Ты любишь громъ? — спросила Софи.

— Люблю... Въ громъ любить сильнѣй можно.

— Отчего?

— Оттого, что сама любовь есть не что иное, какъ электричество.

— Вотъ какъ! — сказала Софи и выставилась въ окно подальше, чтобы посмотрѣть, гдѣ именно гремитъ. При этомъ грудь ея очутилась на рукѣ Бакланова.

— А у тебя однако сердчишко порядочно бьется! — сказалъ онъ, дотрогиваясь до того мѣста, гдѣ должно было быть у нея сердце.

— Еще бы! — отвѣчала Софи, отодвигая его руку и вообще садясь попрямѣй. — А помнишь ли, ты меня все Тамарой называлъ? — прибавила она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія

— Да. «Прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла!» — воскликнулъ Баклановъ.

— А можетъ-быть, я и въ самомъ дѣлѣ такая, — подхватила Софи лукаво.

— Ничего! Я готовъ хоть сейчасъ же купить цѣною жизни ночь твою... Вотъ пусть въ это же окно и вышвырнутъ.

Софи отрицательно покачала головой.

— Я не хочу того, — отвѣчала она.

— А я хочу.

— Ни! — возразила Софи по-малороссійски

Баклановъ схватилъ себя за голову.

— Ну что: ни! — возразилъ онъ. — Неужели же тебѣ нужно это вѣнчаніе, чтобы тамъ пѣли, вѣнцы надѣвали. Богъ и здѣсь насъ благословитъ.

— Это не Богъ, а лукавый бѣсенокъ! — говорила Софи: — я хочу за тебя выйти чистою и непорочною, какъ дѣвушка. Вѣдь я почти что дѣвушка!

— Не нужно мнѣ этого, не надо! — воскликнулъ Баклановъ и, вскочивъ, схватилъ Софи въ объятія, и въ то время, какъ она слабо сопротивлялась, онъ цѣловалъ ее въ лицо, въ шею.

— Постой, погоди! Два слова! — проговорила наконецъ она.

Александръ нѣсколько поотпустилъ ее.

Софи сейчасъ же дернула за сонетку, и сейчасъ же затѣмъ вошла въ комнату Иродіада.

— Дай мнѣ капель, — сказала Софи.

— Какихъ-съ? — спросила та въ удивленіи.

— Ну, какихъ-нибудь!

Смѣтливая горничная поняла наконецъ, что госпожа приказала ей, чтобы что-нибудь приказать; а потому, наливъ въ рюмку простой воды, принесла ее вмѣстѣ со свѣчой.

— Вамъ минутъ черезъ десять прикажете подавать-съ? — спросила она съ улыбкой.

— Нѣтъ, черезъ пять, — отвѣчала Софи.

Иродіада ушла.

Портретъ Ленева отъ принесеннаго огня выглянулъ изъ рамы.

Баклановъ стоялъ взволнованный, сконфуженный и растерянный.

Софи подошла къ нему.

— Смотрите, вонъ онъ сойдетъ и убьетъ васъ! — сказала она, показывая на мужа.

Баклановъ не могъ удержаться и взглянулъ на нее. О, какъ она была прелестна.

— Прощайте! — сказалъ онъ.

— Прощай, — сказала ему и Софи, цѣлуя его по крайней мѣрѣ въ сотый рузъ.

На дворѣ была настоящая ужъ буря: гремѣлъ громъ, и шелъ проливной дождь.

VI.

Простота провинціальныхъ нравовъ.

Настоящій прокуроръ былъ боленъ. Бакланову, съ самыхъ первыхъ шаговъ, пришлось исправлять его должность: въ это время, разумѣется, ссылались люди на каторгу, присуждались тысячныя имѣнія отъ одного лица къ другому, и все это нашъ молодой юристъ долженъ былъ повѣрять и контролировать, — но—увы!—кромѣ совершеннаго незнанія всѣхъ этихъ обязанностей, у него въ воображеніи безпрестанно мелькали хорошенькое личико Софи, ея ручка, ножка... Въ одно изъ присутствій, когда онъ сидѣлъ и держалъ глаза болѣе механически устремленными на бумаги, вошелъ сторожъ-солдатъ.

— Мозеръ, ваше высокоблагородіе, васъ спрашиваетъ, — сказалъ онъ.

— Что̀? — переспросилъ его Баклановъ.

— Мозеръ, ваше высокородіе! — повторилъ солдатъ

— Я ничего не понимаю, — сказалъ Баклановъ, обращаясь ужъ къ прокурорскому письмоводителю, сидѣвшему тутъ же за столомъ.

— Это, вѣрно, управляющій здѣшнимъ откупомъ, — объяснилъ тотъ.

— Спрашиваетъ васъ, ваше высокородіе, — повторилъ еще разъ солдатъ.

— Такъ пускай войдетъ сюда!.. Что̀ жъ мнѣ итти къ нему?— сказалъ Баклановъ.

— Позови сюда, какой ты глупый! — сказалъ солдату и письмоводитель.

Сторожъ повернулся и пошелъ какъ-то нерѣшительно: онъ, кажется, сильно удивлялся, что какъ это такъ мало оказываютъ вниманія господину, у котораго столько водки.

Тотчасъ же послѣ его ухода вошелъ знакомый намъ Іосифъ Яковлевичъ.

Сначала онъ съ нѣжностью пожалъ руку у письмоводителя, а потомъ подошелъ къ Бакланову.

— Такъ какъ, васе высокородіе, Эммануилъ Захарыцъ не такъ, знацитъ, здоровы теперь: «Поди, говоритъ, и праси гаспадина здрящаго кусать ко мнѣ».

— Кто такой? Что̀ такое? — спрашивалъ Баклановъ, привставая и въ самомъ дѣлѣ рѣшительно ничего не понимая.

— Откупсцикъ, васе высокородіе, проситъ васъ, — объяснилъ точнѣе Мозеръ.

Баклановъ немножко вспыхнулъ и разсердился.

— Извините меня, я ѣзжу на обѣды только къ знакомымъ мнѣ лицамъ, — отвѣчалъ онъ.

— Эммануилу Захарыцу оцень зовѣстно, — началъ опять Іосифъ, нѣсколько, по обыкновенію, модничая: — они теперь не выѣззаютъ... «Праси, говоритъ, господина здряпцаго. У меня, говоритъ, будутъ г. вице-губернаторъ, г. предсѣдатель... г. губернаторъ». Сдѣлайте бозескую милость, васе высокородіе, откусать у насъ, — заключилъ Мозеръ.

— Ей-Богу, не знаю... если буду имѣть время, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Сдѣлайте милость! — повторилъ еще разъ Мозеръ и, модно раскланявшись, вышелъ.

Ему собственно ничего не было приказано отъ Эммануила Захарыча, который былъ, какъ мы знаемъ, здоровешенекъ, но смѣтливый агентъ, придя случайно въ прокурорскую и услышавъ о пріѣздѣ новаго стряпчаго, счелъ не лишнимъ завербовать его на первыхъ же шагахъ въ свой кругъ, такъ какъ, по многимъ опытамъ, было дознано, что отъ денегъ нѣкоторые помоложе чиновники еще спасались, но отъ тонкихъ обѣдовъ — никто!

— Что̀ за господинъ? — спросилъ Баклановъ опять письмоводителя.

— Къ нимъ точно что всѣ ѣздягъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Всѣ?

— Всѣ-съ! Обѣды ужъ очень отличные... Сто рублевъ въ мѣсяцъ одному повару-французу-съ платятъ.

— Съѣздить развѣ? — проговорилъ, подумавъ, Баклановъ.

— Поѣзжайте-съ! — одобрилъ его письмоводитель.

VII.

Неблагодарныя дѣти.

Баклановъ проѣхалъ на обѣдъ прямо изъ присутствія. Тотъ же швейцаръ съ булавой и только въ совершенно новомъ ливрейномъ фракѣ, и даже въ шелковыхъ чулкахъ и съ болѣе обыкновеннаго важною физіономіей, распахнулъ передъ нимъ дверь.

— Вы къ Эммануилу Захарычу или къ Іосифу Яковличу? — спросилъ онъ его.

Баклановъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему отвѣчать.

— Я къ откупщику, — отвѣчалъ онъ.

— Да вы обѣдать, что ли, пріѣхали? — продолжалъ его допрашивать швейцаръ.

Баклановъ совершенно сконфузился.

— Да, — отвѣчалъ онъ.

— Ступайте наверхъ-съ. Тамъ барчики есть, — сказалъ швейцаръ, указавъ головой на великолѣпнѣйшую лѣстницу, уставленную мраморными статуями и цвѣтами.— Ваша фамилія-съ?—добавилъ онъ, какъ бы вспомнивъ, что̀ ему собственно надо было дѣлать.

— Баклановъ.

— Баклановъ! — крикнулъ швейцаръ, ударивъ въ звонокъ.

— Баклановъ! Баклановъ! — раздалось два-три голоса.

Подобнаго соединенія барства и хамства Баклановъ никогда еще въ жизнь свою не видывалъ. Онъ пошелъ.

Онъ роскошь попиралъ ногами, опирался рукой на роскошь, роскошь падала на него со стѣнъ, съ потолковъ, и наконецъ торчала въ видѣ по крайней мѣрѣ цѣлаго десятка лакеевъ, стоявшихъ въ первой же пріемной комнатѣ.

— Пожалуйте-съ! — проговорили они почти всѣ въ одинъ голосъ, показывая ему руками на виднѣвшуюся вдали залу и на раскинутый по ней длинный обѣденный столъ.

Баклановъ вошелъ, и первое, что̀ кинулось ему въ глаза, былъ какъ-то странно расписанный потолокъ. По нѣкоторомъ разсмотрѣніи оказалось, что это ода Державина была изображена въ лицахъ: «Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами, разсыпала по нимъ и злато и сребро; вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала; съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ». Видимо, что хозяинъ въ этомъ случаѣ хотѣлъ выразить, что онъ патріотъ и свой обѣденный храмъ не нашелъ ничѣмъ лучшимъ украсить, какъ рисунками изъ великаго поэта. Впрочемъ, Эммануилъ Захаровичъ и вообще старался показать, что онъ русскій; за исключеніемъ нѣсколько иноземнаго начала въ имени, онъ и фамилію имѣлъ совершенно народную: Галкинъ. Нѣкоторые смѣялись, что будто бы это прозвище онъ получилъ въ молодости оттого, что въ Вильнѣ, для забавы гусарскихъ офицеровъ, въ ихъ присутствіи, за 50 рублей сер. съѣлъ, не поморщась, мертвую и сырую галку,— и эта скудная лепта послужила потомъ основаніемъ его теперешняго милліоннаго богатства.

На другой сторонѣ стола Баклановъ увидѣлъ двухъ молодыхъ людей въ гимназическихъ сюртукахъ: одинъ очень стройненькій и прямой, а другой ужасно хромой, такъ что, когда

шелъ, такъ весь опускался на одну изъ ногъ. Типъ Израиля ярко просвѣчивалъ въ обоихъ мальчикахъ. Увидѣвъ входящаго гостя, они сейчасъ же подошли къ нему.

— Папенька сейчасъ будетъ, — сказалъ развязно и даже нѣсколько небрежно старшій изъ нихъ и прямой на ногахъ.

— Я не зналъ здѣшнихъ обычаевъ и пріѣхалъ, кажется, рано, — сказалъ Баклановъ.

— Ничего-съ! — ободрилъ его старшій Галкинъ. — Вы изъ училища правовѣдѣнія, вѣроятно? — прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, я изъ университета.

— Изъ московскаго?

— Да.

— Мы и сами, я думаю, поступимъ въ университетъ. Здѣсь вотъ и училище есть, да профессора все скоты такіе.

— Отчего же?—спросилъ Баклановъ.

— Это ужъ ихъ спросить надо! — отвѣчалъ насмѣшливо старшій Галкинъ.

— Ужасные скоты-съ!—подтвердилъ за братомъ хромоногій, совершенно опрокидываясь на свою сведенную ногу.

Баклановъ сталъ-было осматривать комнату и виднѣвшуюся изъ нея окрестность. Молодые люди не оставляли его и шли за нимъ.

— Домъ очень дорого стоитъ, — началъ опять старшій: — но ужасно какъ глупо сдѣланъ: вотъ, посмотрите, — продолжалъ онъ, пріотворяя дверь и показывая комнату, сдѣланную подъ арабскій стиль, съ куполомъ, съ диванами и, вѣроятно, назначенную для куренія. — Вѣдь — пряникъ!.. — продолжалъ юный Галкинъ:—все это сусальное золото! Посмотрите!—И въ самомъ дѣлѣ пальцемъ стеръ позолоту. — Ужъ если золото, такъ оно можетъ быть терпимо только настоящее.

— У папеньки никакого нѣтъ вкуса!—подтвердилъ хромоногій, едва успѣвая ковылять за идущими братомъ и Баклановымъ въ слѣдующія комнаты.

— Эта комната помпейская, — продолжалъ старшій Галкинъ:—тутъ одинъ нашъ знакомый Зальцманъ пріѣзжалъ, онъ учился въ германскомъ университетѣ и просто разругалъ папа. Помпея хороша, когда она настоящая, а то Помпея изъ папье-маше! Это все папье-маше!..—говорилъ онъ, ударяя пальцемъ по вазѣ, съ виду какъ этрусской.

Бакланова начали наконецъ занимать молодые люди.

— Это тоже вздоръ! — продолжалъ Галкинъ, проводя его по комнатѣ, убранной à la Louis XV. — Все поддѣльное: даже здѣшніе столяры все и дѣлали,—ужасное скотство!

— Тутъ всякаго жита по лопатѣ!—замѣтилъ Баклановъ.

— Да!—отвѣчалъ съ гримасой пренебреженія его юный вожатый. — Знаете, какъ всегда у разбогатѣвшаго жида: все чтобы сдѣлать для виду, на показъ; а ничего настоящаго.

— Какъ у мѣщанина въ дворянствѣ!—подтвердилъ меньшой.

«Ну, мальчики же!»—думалъ Баклановъ.

Изъ комнаты à la Louis XV они проходили коридоромъ.

— Папà, вѣроятно, ужъ дома,—произнесъ Галкинъ.—Papa, sind Sie zu Hause? — проговорилъ онъ съ полужидовскимъ акцентомъ.

— Ja!—отвѣчалъ ему голосъ изнутри.

— Онъ сейчасъ выйдетъ; пойдемте въ пріемныя комнаты,— сказали въ одинъ голосъ оба молодые Галкины и провели Бакланова въ великолѣпную гостиную.

— Къ папà какая все дрянь ѣздитъ,—началъ опять старшій:—разные генералишки, у которыхъ песокъ сыплется, чиновники — разные плуты и взяточники.

— Благодарю покорно! И я, значитъ, въ томъ числѣ,— сказалъ Баклановъ.

— О, нѣтъ! отчего жъ, — возразилъ покровительственнымъ тономъ юный Зоилъ: — вы молодой человѣкъ, вонъ какъ и правовѣды же. Мы очень любимъ правовѣдовъ. Они славно пробираютъ этихъ старыхъ канальевъ-взяточниковъ.

У Бакланова начала наконецъ кружиться голова отъ всей этой болтовни. Онъ самъ, въ первую молодость свою, многое отрицалъ въ родителяхъ; но такъ, чтобы рубить все съ плеча и кричать объ этомъ только что не на площади, — это чортъ знаетъ что̀ такое!

VIII.

Мрачный синклитъ.

На часахъ наконецъ пробило четыре. Въ гостиную, изъ заднихъ комнатъ, вошелъ Эммануилъ Захаровичъ. Дѣти сейчасъ же поспѣшили отрекомендовать ему гостя.

— Г. Баклановъ,—сказали они ему.

Самъ Эммануилъ Захаровичъ, кажется, совершенно и не зналъ, кто и какой это господинъ.

— Очень радъ... Душевно обязанъ... — говорилъ онъ, какъ котъ, закрывая глаза и обѣими руками пожимая съ чувствомъ руку Александра, а потомъ услышалъ тонкимъ слухомъ своимъ дальніе шаги.

— Вице-губернаторъ пріѣхалъ!—сказалъ онъ и, согнувшись, пошелъ въ залу.

Тамъ дѣйствительно входилъ вице-губернаторъ, мужчина вершковъ 12-ти росту, изъ духовнаго званія и съ басомъ.

— Ровно четыре; не опоздалъ, какъ въ тотъ разъ,—говорилъ онъ, вынимая часы и показывая ихъ хозяину.

Тотъ попрежнему склонилъ голову и, простирая обѣ руки, провелъ его въ гостиную.

— Иванъ Карлычъ! — проговорилъ онъ самъ съ собою и, снова повернувшись, вышелъ опять въ залу...

Въ залу входилъ подбористый генералъ.

— Жарко! Не правда ли, да?—сказалъ онъ хозяину.

— О, заръ! заръ! — произнесъ Эммануилъ Захаровичъ, какъ бы даже съ грустью.

Вошелъ третій гость, косой и кривой, котораго хозяинъ ужъ не встрѣчалъ.

— Ха-ха-ха! — хохоталъ онъ еще въ залѣ: — это ваши дрова-то?—обратился онъ прямо и совершенно безъ церемоніи къ Эммануилу Захаровичу.

— Мои, что̀ зе-съ?—спросилъ тотъ его довольно сухо.

— Вотъ, батюшка, дрова-то!.. вотъ... цѣлый кварталъ!—говорилъ тотъ, обращаясь къ вице-губернатору и къ генералу.— Ха-ха-ха!—заключилъ онъ все это снова:—ха-ха-ха!

Баклановъ удивлялся такому неудержимому потоку веселости, нисколько не подозрѣвая, что подъ всѣмъ этимъ скрывалось далеко не веселое сердце и нисколько не уступающее, по своему закалу, сердцу Эммануила Захаровича; но что̀ дѣлать?.. русскій былъ человѣкъ; счастья не было, да и на языкъ-то ужъ былъ очень неостороженъ,—бритва! Только и достигнулъ въ жизни того, что плутовалъ теперь, переторговывая старыми экипажами.

Въ гостиную вбѣжалъ впопыхахъ старшій вольнодумецъ Галкинъ.

— Папа, Петръ Александрычъ пріѣхалъ!

Эммануилъ Захаровичъ вскочилъ чуть не козломъ и на нижней ступенькѣ лѣстницы принялъ главу властей съ двумя адъютантами.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда! — сказалъ тотъ, пожимая ему руку, и потомъ, входя, кивалъ издали всѣмъ головой. Въ дверяхъ, проходя мимо самаго Бакланова, онъ побольше мотнулъ головой и проговорилъ: — гора съ горой только не сходятся!

Въ гостиной Эммануилъ Захаровичъ подвелъ его къ настоящему Корреджіо

Генералъ нѣсколько времени смотрѣлъ на картину сквозь кулакъ.

— Какъ эта пословица: не все то золото, что̀ блеститъ, а про эту вещь надо говорить: хоть не блеститъ, а золото!

— О, это зе тоцно! — произнесъ съ чувствомъ Эммануилъ Захаровичъ.

Въ углубленіи комнаты въ это время кривой господинъ толковалъ двумъ братьямъ Галкинымъ:

— Чудная, я вамъ говорю, дѣвчонка... Она на ту сторону, и я; она на эту, и я; она въ калитку—ну, думаю, къ теплымъ ребятамъ попала.

Старшій Галкинъ хохоталъ при этомъ во все горло. Недовольное лицо Эммануила Захаровича какъ бы говорило: «Бозе мой! При такомъ нацальствѣ и такъ себя ведутъ!»

Пріѣхалъ архіерей и посаженъ былъ рядомъ съ губернаторомъ.

— Это значитъ, что священники по всей губерніи подали явку, что въ обѣдню отпираются кабаки!—объяснилъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, кривой господинъ, повернувшись къ Бакланову.

— Столъ готовъ!—произнесъ метръ-д'отель, тоже съ курчавой головой.

Архіерей и губернаторъ пошли впередъ.

Въ залѣ стояло еще много новыхъ лицъ, но до того, вѣроятно, малозначительныхъ, что при видѣ начальника края они даже поблѣднѣли.

Вошла также и хозяйка, дама—съ чернымъ, заскорбленнымъ лицомъ, въ шелковомъ платьѣ и въ блондовомъ чепцѣ. Поклонившись всѣмъ гостямъ однимъ поклономъ, она стала около того мѣста, на которое должна была сѣсть и разливать горячее. Назначеніе этой женщины рѣшительно, кажется, состояло только въ томъ, чтобы разливать горячее, потому что весь остальной день она сидѣла въ своей комнатѣ, никто никогда съ ней ни слова не говорилъ, и даже сыновья, при встрѣчѣ съ ней, дѣлали гримасы и отворачивались. Отъ нея очень ужъ попахивало тѣмъ, что̀ въ стихотвореніи Гейне такъ испугало герцогиню.

Пастырь церкви началъ молитвою: «Господи, благослови сіе яствіе и питіе...» и докончилъ ее шопотомъ, склонивъ голову.

Баклановъ не могъ удержаться и посмотрѣлъ, какъ крестятся Эммануилъ Захаровичъ и появившійся изъ низу Іосифъ Яковлевичъ. Оказалось, что они исполняли это въ совершенствѣ, хорошо, видно, понявъ свое прежнее религіозное заблужденіе.

Сѣли.

Супъ подали такой, что Баклановъ, проглотивъ ложку, долженъ былъ сознаться, что подобнаго совершенства онъ еще не ѣдалъ.

Подчиненные Эммануила Захаровича тоже, видно, очень довольные, послѣ обычнаго своего блюда изъ щуки съ лукомъ, чавкали и жвакали на весь столъ.

Косой господинъ не переставая хохоталъ и говорилъ.

— Вы отсюда въ клубъ?—обратился онъ опять прямо, безъ всякой церемоніи, къ Бакланову.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчалъ ему тотъ сухо.

— Поѣдемте! Здѣсь нечего оставаться... сегодня суббота... они шабашъ свой, вѣроятно, будутъ править!.. — прибавилъ онъ громко, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что рядомъ съ нимъ сидѣли вольнодумный и хроменькій Галкины, которые на это даже сами усмѣхнулись.

— Вѣдь даромъ, что этакое рыло,—продолжалъ онъ, показывая рукой на хозяина: — а вѣдь какую чудную женщину имѣетъ на содержаніи — прелесть что̀ такое! Я когда-нибудь покажу вамъ ее.

— Чего жъ она и сто̀итъ!—подхватилъ старшій Галкинъ.

— Ужасно дорого!—подтвердилъ хроменькій.

— Еще бы вамъ даромъ? — объяснилъ имъ откровенно кривой.

Молодые люди опять только улыбнулись. Они, должно-быть, сильно трусили его злого языка.

Съ верхняго конца Бакланову безпрестанно слышалось весьма ласковое обращеніе начальника края къ хозяину. «Не красна изба углами, а красна пирогами», «не по хорошу милъ, а по милу хорошъ»,—говорилъ генералъ послѣ каждаго почти слова. Онъ любилъ, особенно когда былъ въ духѣ, обо всемъ выражаться русскими поговорками.

Вслѣдъ за божественными соусами, подаваемыми въ морскихъ раковинахъ, слѣдовало шампанское.

День какой-то былъ нѣсколько торжественный. Послѣ здоровья государя императора, всей царской фамиліи, начальствующихъ лицъ города, хоръ музыкантовъ грянулъ: «Боже, Царя храни!». Всѣ встали, и первый началъ подпѣвать музыкантамъ косой господинъ, за нимъ затянули два адъютанта съ лицами, очень похожими на лица, рисуемыя плохими живописцами у архангеловъ. Не пѣлъ только мрачный вице-губернаторъ; но зато онъ пилъ безпрестанно. Съ менѣе торжественныхъ обѣдовъ Эммануила Захаровича его обыкновенно увозили всегда безъ чувствъ, и все-таки откупъ его одного только въ цѣлой губерніи и побаивался. За адъютантами своими началъ подтягивать самъ начальникъ края, а за нимъ грянула и вся остальная братія гостей. У Бакланова морозъ пробѣжалъ по кожѣ: ему представилось, что онъ и всѣ прочіе

господа—тѣ же лица, какъ и въ «Ябедѣ» Капниста, которыя, ограбивъ неправеднымъ судомъ бѣдняка, у богатаго его противника пьютъ, ѣдятъ, поютъ и торжествуютъ свое поганое дѣло.

IX.

Капля яду, отравившая все.

Передъ домомъ Софи стояла карета. Въ окнахъ сквозь занавѣси былъ виденъ свѣтъ.

Баклановъ, съѣздивъ послѣ обѣда домой и отдохнувъ немного, поѣхалъ къ ней.

Ему, на звонокъ его, отворила Иродіада.

— Софьи Петровны дома нѣтъ-съ!—сказала она.

— Отчего же огонь?—спросилъ Баклановъ.

— Это я сижу-съ,—отвѣчала Иродіада и, захлопнувъ у него передъ носомъ дверь, заперла ее.

Бакланову ужасно было это досадно; но дѣлать нечего, онъ поѣхалъ назадъ.

Проѣзжая мимо кареты, онъ, больше изъ пустого любопытства, спросилъ кучера:

— Чья это карета?

— Коммерціи совѣтника Галкина, — отвѣчалъ тотъ, преважно лежа на козлахъ.

«Онъ ужъ тутъ!.. у кого это онъ?..»—подумалъ Баклановъ, и все это какъ-то смутно и странно сложилось въ его головѣ.

Онъ велѣлъ везти себя въ клубъ и, только подъѣхавъ къ подъѣзду, сообразилъ, что для входа надобно, чтобы кто-нибудь его записалъ. Онъ вспомнилъ о косомъ господинѣ.

— Скажите, пожалуйста, здѣсь этакій косой, кривой господинъ?—спросилъ онъ у входныхъ лакеевъ.

Одинъ изъ нихъ только выпучилъ на него глаза.

— Это Никтополіоновъ, надо-быть! — отвѣчалъ другой, бывшій, видно, нѣсколько подогадливѣе.

— Здѣсь, недавно только пріѣхалъ,—добавилъ онъ.

Баклановъ попросилъ его вызвать, сказавъ, что его проситъ господинъ, съ которымъ онъ сейчасъ обѣдалъ.

Никтополіоновъ показался на верху лѣстницы.

— Входите, милости просимъ! — кричалъ онъ оттуда Бакланову.

— Записать меня, я думаю, надо! — говорилъ тотъ.

— Запишите!—крикнулъ Никтополіоновъ лакею, сидѣвшему за книгою.

— Какъ прикажете-съ? — спросилъ тотъ, обращая къ нему не совсѣмъ смѣлый взглядъ.

— Ну, пиши хоть: Чортъ Иванычъ Мордохаевъ.

Лакей, кажется, такъ и написалъ.

— Простота, видно, у васъ...— говорилъ Баклановъ, входя на лѣстницу.

— Э! всякая дрянь вѣдь тутъ шляется... стòитъ церемониться! — говорилъ Никтополіоновъ, идя бойко впередъ. — Это все грекондосы, выжига все народъ! — говорилъ онъ, показывая на цѣлую кучку по большей части молодыхъ людей, сидѣвшихъ около столиковъ и прихлебывавшихъ изъ рюмочекъ шербетъ. — А это вотъ чихирники! — прибавилъ онъ, махнувъ рукой на двухъ черноватыхъ господъ, игравшихъ, одинъ противъ другого, въ карты.

— Какіе это чихирники? — невольно спросилъ Баклановъ.

— Армяне! — отвѣчалъ преспокойно Никтополіоновъ: — дуютъ себѣ въ полтинникъ бочку чихиря, да и баста... на грошъ, каналья, ладитъ пьянъ и сытъ быть... А это вотъ — все Эммануилы Захарычи! — заключилъ онъ, направляя взоръ Бакланова на цѣлую комнату, въ которой то тутъ, то тамъ виднѣлись библейскія физіономіи. — А каковъ обѣдецъ-то былъ? а? каковъ? — вскрикнулъ онъ вдругъ, останавливаясь передъ Баклановымъ, въ то время, когда тотъ садился въ бильярдной на диванѣ. — Каковъ... ась?.. Вотъ вамъ и будьте добродѣтельны, и будьте! — говорилъ Никтополіоновъ съ истинной досадой. — Въ 35 году онъ, ракалія, сидѣлъ за корчемство въ острогѣ. Я самъ ему, своими руками, далъ полтинникъ, когда его вели изъ острога въ уголовную палату, и онъ взялъ; а въ то время у него, говорятъ, пятьдесятъ тысячъ въ порткахъ было зашито. Вотъ вамъ и добродѣтель... Храните ее на землѣ!

— За сегодняшній обѣдъ ему можно простить многое, — сказалъ Баклановъ, чтобы хоть нѣсколько смягчить подобные отзывы.

— Все ужъ и прощено ему давно, — отвѣчалъ Никтополіоновъ, махнувъ рукой. — Я вѣдь прямо всѣмъ здѣшнимъ властямъ говорю: «Ежели бы, говорю, я зналъ, что такой-то ночью, по такой-то улицѣ, пойдетъ господинъ, у котораго милліонъ въ карманѣ, я бы вышелъ и зарѣзалъ его, пятьсотъ бы тысячъ взялъ себѣ, а пятьсотъ вамъ отдалъ, вышелъ бы у васъ чище солнца!..» Молчатъ, посмѣиваются только...

— Вы сейчасъ можете это сдѣлать, — началъ Баклановъ

опять, чтобъ обратить нѣсколько въ шутку этотъ разговоръ.— У Галкина сколько денегъ? Милліонъ есть?

— Десять, говорятъ,—отвѣчалъ Никтополіоновъ съ неудержимою злобой.

— Въ такомъ случаѣ, я вотъ сейчасъ около одного дома видѣлъ его карету; вы ступайте, подождите: онъ выйдетъ, вы и зарѣжьте его.

— Гдѣ это? На набережной вы видѣли?

— Да.

— А это онъ, значитъ, у любовницы своей, — произнесъ Никтополіоновъ.

— У любовницы? — переспросилъ Баклановъ, соображая, гдѣ же эта любовница могла жить въ томъ домѣ, гдѣ жила Софи; онъ всего былъ одноэтажный.

— Да, — отвѣчалъ утвердительно Никтополіоновъ. — Какъ ея фамилія-то, проклятой!—прибавилъ онъ, припоминая.

Бакланову вдругъ почему-то захотѣлось, чтобъ онъ не договаривалъ этой фамиліи.

— Ленева, да! да! такъ! — махнулъ вдругъ Никтополіоновъ.

— Ленева! — повторилъ Баклановъ: — не можетъ быть! — сказалъ онъ и захохоталъ.

— Отчего же не можетъ быть? Онъ еще покойнаго мужа ея опуталъ. Привезъ сюда его, взялъ въ маленькую часть, выдавалъ ему денегъ больше, чѣмъ слѣдовало, бралъ съ него векселя, ну, а пожить-то тоже они любили широко... она вонъ этта при мнѣ въ магазинѣ у Лямиля 500 цѣлковыхъ заразъ такъ и бросила.

— О, вздоръ какой!.. Ленева и Эммануилъ Захарычъ!.. ха-ха-ха! — хохоталъ Баклановъ, между тѣмъ какъ волосы у него становились дыбомъ отъ ужаса.

— Да вы развѣ знаете ее? — спросилъ Никтополіоновъ.

— Да! я ее знаю, — отвѣчалъ Баклановъ съ удареніемъ.

— Ну, такъ извините: это я говорилъ не про нее! — отвѣчалъ съ нахальнымъ спокойствіемъ Никтополіоновъ и отошелъ.

Баклановъ покачивался всѣмъ тѣломъ.

— Никтополіоновъ! — крикнулъ онъ.

Тотъ подошелъ.

— Послушайте! — началъ Баклановъ (голосъ его окончательно ему измѣнилъ):—для меня это важно,—такъ, можетъ-быть, важно, какъ вы и не предполагаете. Скажите, правду ли вы говорите, или это такъ — одна клевета, для краснаго словца?

— Про Леневу-то?

— Да.

— Да спросите, весь городъ вамъ, всякій мальчишка скажетъ. Да вотъ, постойте!.. Эй ты, Михайла! — крикнулъ онъ маркеру: — любовница у Галкина есть?

— Есть! — отвѣчалъ тотъ.

— Кто?

— Ленева, кажется, по фамиліи-то.

— Я его не училъ! — сказалъ Никтополіоновъ и опять отошелъ.

Баклановъ продолжалъ сидѣть, качаясь всѣмъ тѣломъ. «Софи, вѣроятно, теперь находится въ объятіяхъ Галкина». Далѣе этого представленія онъ не могъ выдержать и, взявъ шляпу, проворно вышелъ изъ клуба.

Никтополіоновъ, начавшій играть на бильярдѣ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ насмѣшливою улыбкой. Онъ видѣлъ, что чѣмъ-то напакостилъ человѣку, и былъ совершенно этимъ доволенъ!

X.

Дикій скиѳъ просыпается въ моемъ героѣ.

На улицахъ была совершенная темнота. Тепловатый и удушливый вѣтеръ опахиваетъ со всѣхъ сторонъ. Баклановъ не шелъ, а бѣжалъ къ дому Софи. У дверей онъ сначала позвонилъ, а потомъ сталъ стучать кулакомъ что̀ есть силы. Иродіада, испуганная, въ одномъ бѣльѣ, съ сальною свѣчкой въ рукахъ, отворила ему дверь.

— Пусти! — сказалъ онъ и, проворно отстранивъ ее рукой, пошелъ въ залу, гостиную и спальню.

— Баринъ, что̀ вы дѣлаете? — говорила она, идя за нимъ.

Въ спальнѣ, Софи, уже улегшаяся, при слабомъ освѣщеніи ночной лампадки, едва успѣла накинуть на себя кофту и привстать съ постели.

Баклановъ пріостановился. Онъ видѣлъ только одно, что Софи была не съ любовникомъ.

Та, надѣвъ наскоро блузу и туфли, вышла къ нему.

— Почему вы меня не приняли, когда я былъ у васъ? — началъ онъ рѣзко.

Софи сконфузилась.

— Меня не было дома, — сказала она.

— Но у васъ однако у подъѣзда была карета?

Голосъ и губы Бакланова при этомъ дрожали.

— Это была карета ихъ знакомой-съ, дожидалась тоже ихъ! — вмѣшалась въ разговоръ Иродіада.

— Молчи! — рявкнулъ на нее Баклановъ, и Иродіада скрылась.

— Это была карета вашего любовника! — обратился онъ уже къ Софи.

— Александръ!.. — проговорила-было та.

— Безъ восклицаній, — остановилъ онъ ее движеніемъ руки: — я для васъ бросилъ все: службу... Петербургъ... Я васъ за ангела невиннаго считалъ, а вы... ха-ха-ха! любовница жида!

— Я не любовница!.. нѣтъ, Александръ, нѣтъ!.. — говорила Софи, ломая съ отчаянія руки.

— Что̀ жъ онъ такое для васъ? — спросилъ Баклановъ.

— Онъ... (Софи очень сконфузилась). Онъ пріятель моего мужа... имѣлъ съ нимъ дѣла... давалъ намъ деньги взаймы... и больше ничего!

— Деньги взаймы! Шейлокъ будетъ давать деньги взаймы! Да знаешь ли ты, коварное существо, что вѣдь они мясомъ, кровью человѣческою требуютъ уплаты себѣ...

Софи отвернулась: она, видимо, не находила возможности оправдаться.

— Вчера вы, — продолжалъ Баклановъ, заскрежетавъ зубами: — хотѣли чистою сохраниться для меня!.. Полно, такъ ли?.. Не для любовника ли вашего, скорѣй, вы сберегали себя, чтобы нѣжнѣе усладить его въ объятіяхъ вашихъ?

— Александръ, Александръ! Не могу я съ тобой говорить; ты напугалъ меня.

И Софи въ самомъ дѣлѣ только рыдала.

— А! — воскликнулъ Баклановъ: — у меня въ этихъ рукахъ только мало силы, чтобъ задушить тебя и себя!.. Зачѣмъ вы меня требовали и выписывали сюда!.. Чтобы насмѣяться, надругаться надо мной!

— Я люблю тебя! — произнесла Софи, складывая передъ нимъ руки.

— Нѣтъ! вы любите другого! — отвѣчалъ Баклановъ съ пѣной у рта.—Оставьте хоть этимъ маленькое уваженіе къ себѣ; иначе что̀ же васъ привело къ тому? Бѣдность ли, нищета ли? Вы, слава Богу, ходите въ шелкахъ, сидите на бархатѣ.

И онъ закрылъ лицо рукою и заплакалъ.

— Клянусь Богомъ, я невинна, Александръ, Александръ!— повторяла только Софи.

— Ты невинна? Отчего же вы давеча не приняли меня? Онъ вашъ знакомый — и я тоже!.. Мало ли по двое знакомыхъ бываютъ въ одно время.

— Но его жъ не было у меня! — вздумала-было еще разъ утверждать Софи.

— А это что̀? это что̀? — говорилъ Баклановъ, показывая на окурокъ сигары, валявшійся на столѣ; губы его при этомъ посинѣли, лицо поблѣднѣло.

Софи тоже поблѣднѣла.

— Я за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, у него... въ домѣ... курилъ такую же сигару... въ такой же соломкѣ... онъ мнѣ самъ, изъ своего кармана подалъ ее... презрѣнная тварь! — заключилъ Баклановъ и бросилъ сигаркою въ лицо Софи.

Та вскочила.

— Боже мой! Онъ бьетъ меня наконецъ! — воскликнула она и ушла къ себѣ въ комнату.

Иродіада поспѣшила за нею затворить дверь.

Баклановъ опустился на стулъ, потомъ вдругъ вскочилъ, ударилъ этотъ стулъ объ полъ и разбилъ его въ дребезги, схватилъ со стола шандалъ и тоже врѣзалъ его въ полъ, толкнулъ ногой притворенную въ залу дверь, такъ что та слетѣла съ петель и грохнулась на окно, которое разбилось и зазвенѣло, и затѣмъ, распахнувъ настежъ дверь въ сѣняхъ, онъ вышелъ на улицу.

Софи и Иродіада, стоявшія запершись въ спальнѣ, трепетали, какъ осиновые листья.

Первое намѣреніе Бакланова было умертвить себя, и, только придя въ свой номеръ, онъ вспомнилъ, что у него нѣтъ ни пистолета ни даже бритвы. Не итти же въ трактиръ, просить ножа для этого?

Онъ въ изнеможеніи упалъ на постель и такъ пролежалъ до самаго утра, не смыкая глазъ.

Къ утру озлобленіе въ немъ сдѣлалось нѣсколько поспокойнѣе; но зато оно стало какъ-то упорнѣе и безсердечнѣе, и на тотъ алтарь, на который онъ такъ еще недавно возлагалъ такія искреннія жертвы, онъ уже плевалъ!

— А что̀, правда ли, что Ленева любовница откупщика? — спрашивалъ онъ грубо и цинически трактирныхъ слугъ.

— Да, говорятъ, что такъ-съ!.. — отвѣчали ему тѣ.

XI.

Съ расчетомъ составленная комиссія.

Городъ, выбранный нами въ настоящемъ случаѣ, совершенно идеальный и несуществующій. Лица, въ немъ выведенныя, тоже совершенно вымышленныя, и мы только въ нихъ

по мѣрѣ нашего пониманія, старались выразить тѣ явленія, которыя не совсѣмъ же неприсущи нашей жизни, а теперь, сообразно нашему плану, намъ приходится выдумать и цѣлое уголовное дѣло. Положимъ, напримѣръ, хозяинъ дома Фокіевъ 14 сентября вышелъ изъ дома въ двѣнадцатомъ часу и увидѣлъ, что у жильца его, въ нижнемъ этажѣ, ставни были еще не отворены. Это его удивило, тѣмъ болѣе, что жилецъ этотъ былъ жандармскій офицеръ, всегда рано встававшій и послѣднее время ужасно хлопотавшій по одному откупному дѣлу. Фокіевъ воротился и, войдя въ самую квартиру, увидѣлъ, что тамъ никого, кромѣ самого жандармскаго офицера, не было, но и онъ лежалъ на постели, съ перерѣзаннымъ наотмашь горломъ. Хозяинъ объявилъ полиціи, и тѣмъ же утромъ были на пароходѣ арестованы крѣпостные дворовые люди жандармскаго офицера, которые будто бы убили его за жестокое съ ними обращеніе, а потому ихъ, какъ бунтовщиковъ, предали военно-судной комиссіи.

Въ комиссіи этой предписали также засѣдать и Бакланову.

Задушивъ въ сердцѣ своемъ чувство любви, онъ радъ былъ кинуться въ омутъ служебной дѣятельности.

Нервное и раздраженное состояніе въ немъ еще оставалось.

Презусомъ комиссіи назначенъ былъ командиръ гарнизоннаго батальона, полковникъ богомольный и задумчивый, особенно въ послѣднее время, такъ какъ у него ужасная происходила тяжба съ полицеймейстеромъ, также опытнымъ военнымъ человѣкомъ, за воздухъ, которымъ должны дышать гарнизонные солдаты. Полковникъ говорилъ, что будто, по казарменному положенію, имъ надо было, положимъ, 60.000 кубическихъ саженъ, а злодѣй полицеймейстеръ увѣрялъ, что на практикѣ солдаты всего живутъ въ 30.000 кубическихъ саженяхъ, и, соразмѣрно съ этою суммой, требовалъ сносу квартирныхъ денегъ. Начальникъ края могъ рѣшить этотъ вопросъ такъ и иначе.

Въ военные асессоры себѣ полковникъ выбралъ поручика Козлова, изъ сдаточныхъ.

— Онъ намъ своими простыми чувствами всегда скажетъ вѣрно! — говорилъ онъ и обращался потомъ къ самому поручику:

— Ну, какъ вы, Козловъ, объ этомъ думаете?

Поручикъ краснѣлъ и вставалъ.

— Я, ваше высокородіе, точно что... разумѣется... Коли не онъ или не она, такъ кто же другіе?

— Понимаю, понимаю,—перебивалъ его полковникъ.—Ну вотъ вамъ!—обращался онъ затѣмъ къ аудитору

— Это что-съ! И сомнѣнія въ томъ никакого нѣтъ! — отвѣчалъ тотъ.

Членомъ гражданскимъ былъ провіантскій чиновникъ, который, можетъ-быть, въ разныхъ сортахъ хлѣба и зналъ толкъ, но къ судебной части былъ совершенно равнодушенъ и получилъ настоящее назначеніе, вѣроятно, потому, что всегда и во всемъ сходился въ мнѣніяхъ своихъ съ начальствомъ.

Другимъ членомъ былъ командированъ тотъ чиновникъ, который производилъ самое слѣдствіе, и, конечно, все, что̀ имъ было сдѣлано, находилъ превосходнымъ и совершенно достаточнымъ.

Бакланова избрали болѣе по его молодости и неопытности.

XII.

Молодость не всегда бываетъ удобна!

Собираясь въ комиссію, герой мой нѣсколько разъ примѣрялся передъ зеркаломъ, какое ему сдѣлать серьезное лицо. Онъ снялъ съ руки золотое кольцо и оставилъ одно только чугунное, подаренное ему еще въ пансіонѣ Сонею; жилетъ надѣлъ черный, наглухо застегнутый. Все это онъ дѣлалъ съ тѣмъ, чтобы больше придать себѣ монашескій видъ. Несмотря на эти нѣсколько внѣшніе пріемы, Баклановъ шелъ на поприще судьи съ сердцемъ чистымъ и съ самымъ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать по самой крайней справедливости.

Дѣло, чтобы не было по немъ большой огласки, производилось на дому у презуса.

Когда Баклановъ вошелъ, члены комиссіи, сидѣвшіе за столомъ, на которомъ стояло зерцало, пили чай и курили. При этомъ, или даже вообще, когда кто-нибудь изъ членовъ начиналъ курить, презусъ обыкновенно незамѣтно мигалъ поручику Козлову, который сейчасъ же вставалъ, вынималъ изъ зерцала орла и клалъ его на шкапъ, а потомъ, когда куреніе прекращалось, то снова вкладывалъ его въ прежнее мѣсто, вѣроятно, затѣмъ, чтобы сія эмблема благосостоянія и могущества Россійской имперіи не видѣла ихъ маленькой чиновнической слабости.

Аудиторъ, при входѣ Бакланова, допрашивалъ уже главную преступницу, дѣвку лѣтъ двадцати семи, съ неумнымъ, истощеннымъ и распутнымъ лицомъ, въ платчишкѣ на головѣ и въ оборванномъ капотишкѣ, съ кандалами на рукахъ и ногахъ. На всѣ вопросы, прежде чѣмъ отвѣчать, она моргала носомъ и обтирала его потомъ, звеня цѣпями. У печки, въ

комнатѣ тоже стоялъ арестантъ, съ болѣе умнымъ и звѣрскимъ лицомъ, и тоже въ наручняхъ.

Все это непріятно и тяжело поразило Бакланова. Онъ сѣлъ. Ему подали чай; онъ отказался.

— Ну, такъ какъ же? Наканунѣ Вздвиженья?.. — говорилъ хладнокровно аудиторъ, смотря однимъ глазомъ въ стаканъ чаю, изъ котораго по временамъ прихлебывалъ, а другимъ— въ лежавшіе передъ нимъ допросы.

— Да-съ!—отвѣчала дѣвка, моргнувъ носомъ.

— Ты сама-то что̀ же дѣлала?

— Я, батюшка, на ножкахъ только у него посидѣла.

— Кто же за голову-то его держалъ?—продолжалъ аудиторъ.

— Николай-съ! — отвѣчала дѣвка, показавъ головой на мужчину-арестанта.

Тотъ при этомъ сдѣлалъ что-то въ родѣ гримасы, и трудно было сказать, что̀ она означала, — усмѣшку ли, или такъ его только подернуло.

— Онъ за волоски, чу! говоритъ, его держалъ, — прибавила дѣвка.

— Что̀ жъ ты слышала при этомъ: оборонялся ли тотъ, бранился ли? Можетъ-быть, не давался?

— Нѣтъ-съ, всхлипнулъ только раза два этакъ горлышкомъ,—отвѣчала дѣвка.

У Бакланова начинали волосы становиться дыбомъ.

— Что̀ это такое она разсказываетъ?—спросилъ онъ презуса, который съ грустнымъ видомъ прислушивался къ отвѣтамъ арестантки и на вопросъ Бакланова даже не отвѣтилъ.

— Чѣмъ же, какимъ орудіемъ была нанесена ему смерть?— продолжалъ между тѣмъ спрашивать аудиторъ.

— Да я и не знаю, — отвѣчала дѣвка, въ самомъ дѣлѣ, кажется, не знавшая.

— Чѣмъ?—обратился аудиторъ къ мужчинѣ.

— Бритвой-съ,—отвѣчалъ тотъ и опустилъ глаза въ землю.

— Но что̀ же за причина, заставившая ихъ убить?—вмѣшался опять Баклановъ и потомъ, не давъ отвѣтить себѣ чиновнику, производившему слѣдствіе, онъ вдругъ обратился къ подсудимой: — Но что̀ за причина, любезная, побудила тебя это сдѣлать?

— Господинъ, судырь, одинъ научилъ насъ и двѣ тысячи рублевъ денегъ далъ намъ за то.

— Гдѣ же и какой это господинъ?—заговорилъ торопливо Баклановъ.—Онъ содержится, вѣроятно, въ острогѣ тоже?

— Вретъ все! отводы одни!—произнесъ съ печальной усмѣшкой презусъ.

— Я не видывала ихъ-съ, не знаю, кто такіе, — отвѣчала дѣвка.

— Стало-быть, они не за жестокое обращеніе, какъ сказано въ предписаніи, убили господина, а ихъ кто-то подучилъ къ тому?—не отставалъ Баклановъ.

— Такъ и есть, какъ сказано въ предписаніи-съ!.. Видятъ, что̀ пишутъ... изъ всего дѣла соображаютъ,—объяснилъ-было ему провіантскій чиновникъ.

— Но какъ же? Нѣтъ, позвольте, господа!—восклицалъ Баклановъ, начиная ужъ горячиться.—Вы за жестокое обращеніе убили барина, или васъ научили? — обратился онъ къ арестанту-мужчинѣ.

— Было того и другого, — отвѣчалъ тотъ, переступивъ съ ноги на ногу.—Извѣстно, если бы господинъ былъ подходящій, не сдѣлали бы того.

Аудиторъ однако снова приступилъ къ допросамъ.

— Совершивъ преступленіе, что̀ вы сдѣлали?

— На пароходъ пошли,—отвѣчала дѣвка.

— Тутъ, значитъ, васъ и взяли?

— Да-съ. Билеты намъ тотъ же господинъ еще наканунѣ принесъ. Мы пошли, да хожалый насъ и встрѣтилъ... Онъ, какъ приходитъ въ кварталъ, тамъ и говорятъ: «Коклевскаго убили». А онъ говоритъ: «Я лакея, говоритъ, его видѣлъ, на пароходъ идетъ!»

— Знаемъ это, знаемъ!..—перебилъ ее аудиторъ.

— Но гдѣ же этотъ господинъ, который ихъ научилъ? Вотъ кого надо отыскать!—повторилъ Баклановъ, продолжая двигаться на стулѣ.—Ты тоже не знаешь?—обратился онъ къ мужчинѣ-арестанту.

— Не знаю, ваше благородіе, какъ есть предъ Богомъ, — отвѣчалъ тотъ, пожавъ плечами.

— Какимъ же образомъ тебя уговорили?

— Недѣли двѣ, ваше благородіе, онъ къ намъ ходилъ, все уговаривалъ. Здѣсь тоже народу много-съ, городъ проѣзжій... Кто его знаетъ, кто такой?..—«Вотъ, говоритъ, вамъ двѣ тысячи цѣлковыхъ, поѣдете на Кавказъ, паспортовъ тамъ не спрашиваютъ».

— Все вздоръ... Изъ злости на барина только и сдѣлали, изъ дѣла-то это видно!—подтвердилъ опять провіантскій чиновникъ.

— Это что̀ жъ? Не запираемся въ томъ, ваше благородіе,— отвѣчалъ арестантъ:—господинъ былъ, не тѣмъ будь помянутъ, воды другой разъ подашь, не утрафишь: холодна, либо тепла; дуютъ-дуютъ, ажно кости всѣ трещатъ, помилуйте-съ! — при-

бавилъ арестантъ, обращаясь болѣе къ Бакланову и даже съ небольшимъ признакомъ слезъ на глазахъ.

Но тому больше было жаль дѣвку; видимо, что она была только дура набитая.

— Какъ же она-то, зачѣмъ участвовала? — спросилъ онъ опять арестанта, указывая на дѣвку.

— Изъ-по любви ко мнѣ,—отвѣчалъ тотъ.

— А у тебя связь съ ней, а?

— Да-съ.

— Была?—спросилъ онъ самоё дѣвку.

— Гуляла съ нимъ.

Баклановъ съ бо̀льшимъ еще участіемъ взглянулъ на нихъ.

«О, любовь! кого ты ни связуешь?»—подумалъ онъ, глядя на эти два некрасивыя существа.

Презусъ между тѣмъ посмотрѣлъ на часы и объявилъ, что засѣданіе кончилось.

Баклановъ уѣхалъ домой, возмущенный до глубины души: «вѣроятно, что этотъ господинъ, ихъ научившій, и ихъ баринъ были оба мерзавцы,—а наказаніе терпятъ только эти два полудіота; непремѣнно надобно бы ихъ участь облегчить, а того злодѣя поймать».

Герой мой былъ очень еще неопытенъ въ судебной практикѣ.

XIII.

Завѣса нѣсколько приподнимается.

Чѣмъ далѣе происходилъ судъ, тѣмъ болѣе Баклановъ начиналъ видѣть, что тутъ что-то такое да не такъ, и что засѣдавшіе съ нимъ судьи судили не совсѣмъ безпристрастно.

По совершенной еще невыработкѣ житейскаго характера, онъ безпрестанно обдумывалъ, какъ ему себя вести и съ кѣмъ бы наконецъ посовѣтоваться. Видѣнный имъ у откупщика пьющій вице-губернаторъ показался ему, въ этомъ случаѣ, всѣхъ удобнѣе: по крайней мѣрѣ, когда за обѣдомъ всѣ пѣли, онъ одинъ не пѣлъ и даже какъ будто бы стыдился этого!

Баклановъ поѣхалъ къ нему.

Въ темной и грязной передней онъ увидалъ, что на прилавкѣ дремалъ лакей. Онъ долженъ былъ разбудить его.

— Баринъ не такъ здоровы,—проговорилъ-было тотъ сначала; но потомъ, поразсудивъ, прибавилъ: — да вы изъ большихъ чиновниковъ, аль изъ маленькихъ?

— Нѣтъ, не изъ большихъ,—отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ пожалуйте-съ,—сказалъ лакей.

Баклановъ вошелъ.

Вице-губернаторъ, въ халатѣ, грудь нараспашку, сидѣлъ передъ закуской и имѣлъ какъ-то странно сжатыя губы.

— А, прошу покорнѣйше!—произнесъ онъ, узнавъ, видно, Бакланова и не привставая, впрочемъ, самъ съ мѣста. Рукой онъ указалъ ему на стулъ.

Баклановъ сѣлъ.

— Я къ вамъ, Николай Григорьичъ, съ просьбой,—началъ онъ сейчасъ же.

— А!—произнесъ вице-губернаторъ и вслѣдъ затѣмъ длинною струей выпустилъ изъ рта воздухъ, какъ человѣкъ, которому дышать трудно.

— Я командированъ въ военно-судную комиссію надъ дворовыми людьми по убійству Коклевскаго.

— А! — повторилъ еще разъ вице-губернаторъ и затѣмъ, какъ бы исполнившись какого-то грустнаго воспоминанія, порастянулъ глаза, выпилъ молча рюмку водки и сталъ лѣниво закусывать колбасой: болѣе нормальнымъ образомъ желудокъ его не принималъ уже пищи.

— Тутъ чортъ знаетъ что̀ такое,—продолжалъ Баклановъ.— Они показываютъ, что ихъ научилъ какой-то господинъ, но кто онъ—не сказываютъ, тогда какъ онъ-то и есть главный преступникъ.

— Разъ, вечеромъ,—заговорилъ вдругъ вице-губернаторъ:— приводятъ ко мнѣ человѣка... мертво-пьянаго.

«Хорошъ и ты-то теперь»,—подумалъ Баклановъ.

— Человѣкъ этотъ былъ бухгалтеръ откупа. Онъ-съ,—продолжалъ вице-губернаторъ, снова потупляя голову: — съ слободскими дѣвками прогулялъ пять тысячъ цѣлковыхъ... ну и кончено? такъ ли?

Баклановъ не зналъ, что̀ отвѣчать ему на это.

— Нѣтъ, не кончено!..—отвѣчалъ самъ себѣ вице-губернаторъ:—человѣкъ этотъ умираетъ одночасно въ острогѣ и документы свои передаетъ жандармскому офицеру... ну, и прахъ ихъ возьми, такъ ли? Нѣтъ, 14-го сентября г. офицеръ убитъ своими дворовыми людьми.

У Бакланова начиналъ дѣлаться въ головѣ совершенно какой-то туманъ.

— Какіе же это документы?—спросилъ онъ.

Вице-губернаторъ развелъ руками.

— Есть книга живота-съ, — почти запѣлъ онъ: — еже пишется въ ней вся: куму—рубль, кумѣ — два; а мы имя свое бережемъ, ухъ, какъ бережемъ! — заключилъ онъ и затѣмъ

обратилъ почти величественно свое лицо къ Бакланову:—и то бы ничего-съ! — заговорилъ онъ нѣсколько даже трагическимъ голосомъ: — но красными чернилами тутъ написанъ итогъ нашихъ канальскихъ барышей.

— Барышей?

— Д-д-а-съ! А мы имя свое бережемъ!.. Они—деньги, а мы имя!—повторилъ онъ.

— Но, ради Бога, скажите мнѣ откровеннѣе,—умолялъ его Баклановъ.

— Ничего больше не знаю-съ, ничего! — отвѣчалъ вице-губернаторъ:—молодой вы человѣкъ!—прибавилъ онъ потомъ съ чувствомъ: — не видьте лучше и не знайте: мракъ спокойнѣе свѣта!

И какъ бы въ доказательство того онъ закрылъ глаза.

Баклановъ пробовалъ-было еще его разспрашивать, но вице-губернаторъ только какъ-то безсмысленно смотрѣлъ на него и отвѣчалъ ему однимъ молчаливымъ киваніемъ головы: въ утро это онъ пилъ уже сороковую рюмку, а потому невольно лишался на нѣкоторое время молви.

Видя, что отъ него ничего болѣе не добьешься, Баклановъ всталъ.

— До пріятнаго свиданія, другъ мой... — едва выговорилъ вице-губернаторъ.

Баклановъ вышелъ.

— Что̀ такое у васъ съ бариномъ?—спросилъ онъ человѣка.

— Въ загулѣ, ваше благородіе, сильномъ.

— Что̀ жъ, въ это время онъ не то ужъ и говоритъ?

— Да вретъ иной разъ такую околесную, что даже слушать страшно!—объяснилъ лакей.

XIV.

Муравейникъ сильно тронутъ.

Наполеонъ III тѣмъ и великъ, что очень мало говоритъ, но потомъ вдругъ и сдѣлаетъ. Герой мой, напротивъ, тѣмъ и малъ, что пока въ жизни только и дѣлалъ, что говорилъ.

Выѣхавъ отъ вице-губернатора, онъ почувствовалъ неудержимую потребность излить передъ кѣмъ-нибудь волновавшія его чувствованія.

Въ карманѣ онъ имѣлъ рекомендательное письмо отъ дяди своего къ одной дамѣ, madame Базелейнъ, имѣвшей, говорятъ, огромное вліяніе на начальника края.

Евсевій Осиповичъ съ этой именно цѣлью и далъ племян-

нику письмо къ ней. Про самоё же даму онъ выражался такъ, что она по уму вся—мечта, вся фантазія; по тѣлу—эѳиръ, а тепла и жизненна только сердцемъ.

Какъ только подано было письмо, Бакланова сейчасъ же приняли.

Madame Базелейнъ имѣла привычку всѣхъ, даже молодыхъ людей, принимать у себя въ спальнѣ. На этотъ разъ она была почти полуодѣта. Маленькая ножка ея, безъ чулка, обутая въ туфлю, была точно перламутровая. Фильдекосовое платье, совершенно безъ юбки, лежало безконечными складками на ея тоненькихъ ножкахъ. Одни только большіе глаза, которые она безпрестанно вскидывала и опускала, говорили, что въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, у нея сердце и горячее.

— Здравствуйте!—встрѣтила она очень просто Бакланова.— Что̀ вашъ старикъ, все еще не остепенился? Мнѣ такія нѣжности пишетъ, что ужасъ!

— Онъ воздаетъ только должное!—проговорилъ Баклановъ.

— А-а! Вы, видно, тоже въ дядюшку... Садитесь!

При видѣ такого милаго и простого существа, Баклановъ почувствовалъ еще большее желаніе порисоваться.

— Ну, что̀ вы пріѣхали сюда: веселиться, танцовать, жениться?—говорила madame Базелейнъ, роясь въ лежавшихъ около нея лоскутахъ и вскидывая по временамъ на Бакланова взгляды.

— Напротивъ, я здѣсь служу неутомимо.

— Служите?

— Здѣсь ужасъ что̀ такое происходитъ: комплоты какіе-то чиновничьи составляются!—продолжалъ онъ.

Madame Базелейнъ, вдѣвавшая въ это время нитку въ иголку, даже оставила это дѣло.

— Здѣсь убили — вы, я думаю, слышали—нѣкоего Коклевскаго его дворовые люди.

У madame Базелейнъ почему-то при этомъ покраснѣли уши.

— Они были подучены, потому что у этого господина хранились документы здѣшняго откупа, весьма щекотливые для нѣкоторыхъ господъ.

— Документы?—повторила хозяйка.

Бакланову и въ голову не приходило, что въ документахъ этихъ madame Базелейнъ была записана въ первой же строкѣ и сопровождалась самою значительною цифрой.

— Я подвигомъ себѣ поставилъ раскрыть это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ,—говорилъ онъ.

— Что̀ же оно васъ-то такъ особенно тревожитъ?—не утерпѣла и замѣтила ему Базелейнъ.

— Тутъ кровь вопіетъ на небо, помилуйте! — воскликнулъ Баклановъ. — Захвачены одни только безсмысленныя орудія преступленія, а преступникъ главный скрытъ: я найду его на днѣ морскомъ, а черезъ него зацѣплю и другихъ.

Базелейнъ грустно усмѣхнулась.

— Знаете, что̀ бы я вамъ посовѣтовала? — начала она и пріостановилась.

— Сдѣлайте одолженіе!—подхватилъ Баклановъ.

— Не горячиться такъ!—продолжала она съ удареніемъ:— вы еще здѣсь человѣкъ новый; можете ошибиться; зачѣмъ вамъ столькихъ людей затрогивать?

— Если бъ ихъ цѣлый легіонъ стоялъ противъ меня, и тогда бы я пошелъ противъ нихъ.

— И проиграли бы!

— Можетъ-быть, но во всякомъ случаѣ нельзя такъ равнодушно относиться къ злу: вы вотъ теперь молоды, всѣ ваши помыслы, вѣроятно, чисты; а тутъ вдругъ вы видите, что цѣлое море злодѣяній плыветъ около васъ... Неужели же вы не издадите крика ужаса?

— Я женщина...—сказала съ улыбкой madame Базелейнъ:— и даже хорошенько не знаю, что̀ такое злодѣяніе и незлодѣяніе, и вообще ужасно не люблю этой прозы жизни, а сижу вотъ больше одна со своими думами. Вы говорите, вскрикнуть отъ ужаса,—ну и вскрикнете: что̀ изъ того?.. васъ перекричатъ.

— Пускай перекричатъ, а все-таки кричать надо! Я по этому дѣлу непремѣнно буду писать министру, поѣду наконецъ самъ въ Петербургъ и добьюсь, чтобы прислали оттуда особую комиссію.

— За что же вы здѣшнія всѣ власти хотите такъ оскорбить?

— Потому, что здѣсь все мошенники.

— Merci! Поблагодарятъ же они васъ за подобное мнѣніе!—сказала madame Базелейнъ замѣтно уже сухо.

Баклановъ началъ наконецъ удивляться, что это эѳирное существо не прилипаетъ всею душой къ его благороднымъ стремленіямъ.

Прекративъ разговоръ о службѣ, онъ началъ говорить ей любезности и увѣрялъ ее, что онъ въ ней первой здѣсь встрѣтилъ петербургскій, а не провинціальный тонъ.

Madame Базелейнъ на все это насмѣшливо только улыбалась.

Баклановъ раскланялся.

Базелейнъ обратила вслѣдъ за нимъ почти свирѣпый взглядъ.

«Что̀ это, пугать, что ли, онъ пріѣзжалъ?» — проговорила она и задумалась.

Баклановъ между тѣмъ, выйдя на улицу и идя по тротуару, увидѣлъ, что впереди его шелъ подбористый генералъ, съ которымъ онъ обѣдалъ у Эммануила Захаровича.

Онъ нагналъ его.

— Скажите, пожалуйста!—началъ онъ прямо: — не имѣете ли вы какой-нибудь власти надъ здѣшнимъ гарнизоннымъ полковникомъ?

— Я? — спросилъ генералъ, какъ бы нѣсколько даже обидѣвшись: онъ былъ прямой и непосредственный начальникъ полковника.

— Прикажите или посовѣтуйте ему... мы имѣемъ съ нимъ одно общее дѣло по убійству Коклевскаго...

Генералъ шелъ, нисколько не убавляя шагу.

— Онъ, можетъ-быть, очень хорошій человѣкъ; но тутъ поступаетъ ужасно недобросовѣстно.

Генералъ замѣтно пошелъ скорѣй.

— Онъ имѣетъ дѣло о дровахъ и воздухѣ съ полицеймейстеромъ и хочетъ его выиграть, кривя душой въ другомъ дѣлѣ.

Генералъ началъ ужъ тяжело дышать: съ дровами и съ воздухомъ онъ самъ былъ связанъ всѣми фибрами своего существованія.

— Тутъ убійство, помилуйте! — не отставалъ отъ него Баклановъ: — мы должны быть мудры, яко зміи, и чисты сердцемъ, яко голуби...

Генералъ наконецъ обратился къ нему.

— Позвольте васъ спросить, къ чему вы мнѣ все это говорите на улицѣ, голословно?—спросилъ онъ.

— Къ тому же!.. — отвѣчалъ Баклановъ и не зналъ, какъ докончить.

— Если вы встрѣтили какое-нибудь злоупотребленіе по службѣ,—продолжалъ генералъ пунктуально: — не угодно ли вамъ отнестись ко мнѣ бумагой.

— Я отнесусь и бумагой,—сказалъ Баклановъ.

— Сдѣлайте одолженіе!—отвѣчалъ генералъ и повернулъ въ первый попавшійся переулокъ.

«Что̀ это такъ ихъ всѣхъ противъ шерсти гладитъ?»—подумалъ Баклановъ, и вечеромъ, когда онъ пріѣхалъ въ клубъ, Никтополіоновъ встрѣтилъ его первымъ словомъ:

— Что̀ вы, батенька, тутъ творите?

— Да что̀, сражаюсь, бьюсь!—отвѣчалъ Баклановъ, самодовольно садясь.

— Хорошенько ихъ!—воскликнулъ одобрительно Никтополіоновъ; а потомъ, наклонившись къ нему, на ухо прибавилъ: — въ Петербургъ-то, главное, напишите: этого они

очень не любятъ: и къ своему-то, и къ внутреннихъ-то дѣлъ вальните...

— Напишу все,—говорилъ Баклановъ громко, безъ всякой осторожности.

Нѣсколько армянъ, нѣсколько грековъ, а больше всего Эммануиловъ Захарычей, такъ и навострили къ нему уши.

Никтополіоновъ продолжалъ шопотомъ:

— Человѣка-то, котораго подозрѣваете, въ цѣловальникахъ, въ кабакахъ поищите!..

Баклановъ кивалъ ему, въ знакъ согласія, головой.

— Возьмите арестанта да поѣзжайте съ нимъ, здѣсь и въ уѣздахъ, по кабакамъ,—не признаетъ ли кого.

— Непремѣнно!—восклицалъ Баклановъ.

Въ тотъ же самый вечеръ карета madame Базелейнъ подъѣхала къ дому начальника края, а по совершенно противоположной улицѣ быстро шелъ черноватый господинъ къ дому Эммануила Захаровича. Затѣмъ, отъ Эммануила Захаровича верховой скакалъ къ Іосифу Яковлевичу, который былъ у Иродіады. На той же самой лошади Іосифъ Яковлевичъ скакалъ домой и тотчасъ же поскакалъ въ уѣздъ на почтовыхъ. Въ ту же ночь, тоже на почтовыхъ, изъ деревни Шумли неизвѣстный человѣкъ былъ отправленъ сначала въ степь, а потомъ и на Куру.

XV.

Не любитель гласности.

Въ довольно большомъ и полутемномъ кабинетѣ происходила такого рода сцена.

– Ну-съ, слышу звонъ, да не знаю, гдѣ онъ!.. — говорилъ малорослый начальникъ края, стоя, съ сложенными накрестъ руками, у стола, передъ которымъ Баклановъ, какъ нарочно, весь облитый абажурнымъ свѣтомъ лампы и весь раскраснѣвшійся, объяснялъ ему свое вчерашнее поведеніе.

Генералъ все больше и больше блѣднѣлъ.

— Вы припутываете тутъ женщинъ; мерзавцевъ выгораживаете, а порядочныхъ людей хотите замарать... Меня, что ли, вы хотите обвинить въ томъ?

— Я, ваше превосходительство, не говорилъ этого!—отвѣчалъ Баклановъ, въ самомъ дѣлѣ этого не говорившій.

— У меня здѣсь служащій чиновникъ,—продолжалъ маленькій генералъ, все болѣе и болѣе горячась: — долженъ быть весь мой: долженъ быть моимъ свѣтомъ, тѣнью моей!

— Извините меня, ваше превосходительство, — возражалъ Баклановъ, тоже начиная выходить изъ себя:—я служу обществу, а не лицамъ.

— Я васъ заставлю служить иначе! — кричалъ генералъ, стуча пальцами по столу.

— Вы бы меня, ваше превосходительство, должны были презирать, если бъ успѣли заставить меня служить иначе! — кричалъ тоже и Баклановъ.

— Я подчиненнымъ моимъ,—кричалъ генералъ, не слушая возраженій:—которымъ угодно быть не тѣмъ, чѣмъ я хочу, я имѣю привычку вотъ что̀ изъ службы дѣлать!

И генералъ показалъ, какимъ образомъ обыкновенно даютъ киселя.

— На подобныя движенія, ваше превосходительство, и я имѣю привычку отвѣчать тоже довольно рѣзко,—не уступалъ Баклановъ.

— Молчать! — крикнулъ вдругъ генералъ совсѣмъ какъ на лакея.

Баклановъ поблѣднѣлъ.

— Ваше превосходительство, молчите вы сами... — произнесъ онъ въ свою очередь.

— Молчать!—повторилъ опять генералъ, совершенно вышедши изъ себя.—Мальчишка! — прибавилъ онъ и бросилъ Бакланову почти въ лицо скомканный конвертъ.

— Ваше превосходительство! — могъ только проговорить тотъ и отвѣтилъ начальнику тоже взмахомъ руки.

Генералъ едва успѣлъ попятиться нѣсколько назадъ.

Нѣсколько минутъ оба врага, какъ бы опомнившись, стояли молча другъ противъ друга.

— Ваше превосходительство,—проговорилъ Баклановъ: — мы, вѣроятно, будемъ драться?

— Нѣтъ-съ!—произнесъ генералъ и рѣзко позвонилъ.

Вбѣжалъ опрометью адъютантъ.

— Арестуйте г-на Бакланова,—сказалъ генералъ.

— Подлецъ!—проговорилъ почти вслухъ Баклановъ.

— Арестуйте г-на Бакланова! — повторилъ генералъ еще разъ стоявшему въ недоумѣніи адъютанту.

Тотъ сдѣлалъ движеніе рукой. Баклановъ, съ дерзкою усмѣшкой, пошелъ за нимъ.

«Ну что̀ жъ: солдатъ такъ солдатъ! Надоѣла эта подлая жизнь,—скорѣй убьютъ!»—думалъ онъ самъ съ собой.

— Что̀ такое у васъ вышло?—спросилъ его адъютантъ.

— Онъ себѣ много позволилъ, и я, разумѣется, имѣлъ благоразуміе отвѣтить не совсѣмъ прилично,—сказалъ откровенно Баклановъ.

«Безъ суда все-таки не отдадутъ, а я въ отвѣтахъ все напишу, хоть тѣмъ удружу канальямъ»,—думалъ онъ, садясь съ адъютантомъ на извозчичьи дрожки; но, когда они поѣхали, ихъ нагналъ верховой казакъ и воротилъ обратно.

Баклановъ только усмѣхнулся. Онъ, впрочемъ, все это время былъ болѣе въ какомъ-то полусознательномъ состояніи. Его сейчасъ же опять пустили въ кабинетъ къ начальнику, и опять одного.

Тотъ попрежнему стоялъ у своего стола.

— Молодой человѣкъ, вы погорячились, и я... Извинимся другъ передъ другомъ, — заговорилъ онъ, протягивая къ Бакланову руку.

У старика при этомъ были видны слезы на глазахъ.

— Ваше превосходительство, — отвѣчалъ Баклановъ, принимая руку, а дальше ничего и говорить не могъ. У него тоже навернулись на глазахъ слезы.

— Главное,—продолжалъ генералъ, видимо, ужъ успокоившись и опять переходя къ обычному своему способу выражаться поговорками: — главное, чтобы сору изъ избы не выносить, и чтобы все, что произошло между нами, осталось и умерло, какъ въ могилѣ.

— Это ужъ моя обязанность, ваше превосходительство, какъ честнаго человѣка!—отвѣчалъ Баклановъ.

— Надѣюсь,—повторилъ старикъ, еще разъ пожимая руку Бакланова: — что ни отцу, ни матери, ни другу, ни даже во снѣ, ни звука объ этомъ.

— Ваше превосходительство?!. — могъ произнести только Баклановъ и далѣе не счелъ за нужное и говорить.

— Понимаю васъ,—сказалъ генералъ, и они разстались.

На другой день Баклановъ былъ отозванъ изъ комиссіи къ другимъ занятіямъ, болѣе подходящимъ, какъ сказано въ предписаніи, къ его образованному уму.

«Что это?.. Не можетъ быть!» — восклицаетъ, вѣроятно, и по преимуществу великосвѣтскій, читатель.

Что дѣлать!.. — смиренно отвѣчаю я:—очень ужъ зафантазировался, написалъ то, чего никогда не бываетъ,—извините!

XVI.

Почти осуществившаяся мечта.

Ничто такъ дурно не скрывается, какъ то, что желаютъ скрыть.

Черезъ недѣлю весь почти городъ говорилъ объ описанной

мною сценѣ, и она рѣшительно подняла молодого человѣка на степень героя: въ Россіи любятъ, когда грубятъ начальству!

Баклановъ самъ своими ушами слышалъ, проходя по тѣнистому городскому саду, какъ одна дама, указывая на него другой дамѣ, проговорила торопливо:

— Посмотри, это Баклановъ!

— Какой?—спросила та.

— Ахъ, Боже мой! Неужели не знаешь? Тотъ, что̀ такъ славно проучилъ...

— Ахъ, да! — перебила ее подруга: — какой онъ однако молодецъ изъ себя.

Баклановъ при этомъ только выпрямлялся и шелъ грудью впередъ.

Службу свою онъ совершенно кинулъ.

«Будетъ ужъ! Доблагородничался чуть не до каторги!»— разсуждалъ онъ самолюбиво самъ съ собой и каждый день ходилъ гулять въ садъ, съ одной стороны—ожидая, не услышитъ ли еще разъ подобнаго отзыва, а съ другой—ему стало представляться, что въ этомъ саду онъ непремѣнно встрѣтитъ какую-нибудь женщину, которая влюбится въ него и скажетъ ему: «я твоя!». Представленіе это до такой степени стало у него ясно, что онъ и самого сада не могъ вообразить себѣ безъ этой любовной сцены, какъ будто бы садъ для этого только и сдѣланъ былъ. Столь увѣренно воображаемое будущее рѣдко не сбывается: разъ Баклановъ увидѣлъ идущую впереди его, нѣсколько знакомою ему походкой, молодую даму. Онъ поспѣшивъ ее обогнать и сейчасъ же воскликнулъ:

— Панна Казимира!

— Ахъ, Боже мой, Баклановъ! — проговорила та, сильно покраснѣвъ и скорѣй какъ бы испугавшись, чѣмъ удивившись.

— Да сядемте же здѣсь! Постойте! — говорилъ Баклановъ, беря ее за обѣ руки и дружески потрясая ихъ.

Панна Казимира опустилась съ нимъ на скамейку.

— Но какъ вы здѣсь, скажите?—говорилъ Баклановъ.

— Я здѣсь замужемъ.

— За кѣмъ?

— За вашимъ пріятелемъ, за Ковальскимъ.

— А!—произнесъ протяжно Баклановъ.

Казимира посмотрѣла ему въ лицо.

— Я знала, что вы здѣсь... — сказала она послѣ небольшого молчанія.

— Какъ же не грѣхъ было не прислать и не сказать?

Казимира стыдливо усмѣхнулась.

— И то ужъ хотѣла писать,—отвѣчала она.

— Но гдѣ жъ вы живете здѣсь?—спросилъ Баклановъ.

— Я живу у однихъ Сабакѣевыхъ; съ ними въ городѣ, а мужъ мой у нихъ управляющимъ въ деревнѣ.

— Что̀ жъ вы у нихъ—компаньонка, экономка?

— Да и сама не знаю: то и другое... Чудные люди, превосходные... Я вотъ такихъ васъ, Александръ, да ихъ только и знаю.

— Merci,—сказалъ Баклановъ и, взявъ ее опять за руки, поцѣловалъ ихъ:—какія нынче у васъ славныя руки! — прибавилъ онъ.

— Жизнь-то понѣжнѣй стала!—отвѣчала Казимира съ видимымъ удовольствіемъ.

— Стало-быть, вы совершенно счастливы съ вашимъ мужемъ?

— Съ мужемъ?—спросила, какъ бы совершенно не ожидавшая этого вопроса, Казимира.

— Да! Какъ вы за него вышли?

— А я и сама не знаю, какъ: онъ ходилъ еще при васъ вѣдь... Вы уѣхали, я и вышла.

— И всему прошедшему, значитъ, сказали прости!

— Чему говорить-то было? Нечему!

— А мнѣ казалось, что было чему, — сказалъ Баклановъ кокетливо.

— Что̀ было, то и осталось,—отвѣчала съ улыбкою Казимира.

— Осталось? — произнесъ Баклановъ и пододвинулся къ ней поближе.

— Гм, гм!—отвѣчала Казимира.

— А шутки въ сторону, — продолжалъ Баклановъ: — дѣло теперь прошлое: скажите, любили вы меня?

— Не помню ужъ,—отвѣчала Казимира.

— Ну что̀, Казимира, скажите,—говорилъ Баклановъ, беря ее снова за руку.

— Ну, любила!—отвѣчала она какъ-то порывисто.

— И я вѣдь тогда благороденъ былъ въ отношеніи къ вамъ, согласитесь съ этимъ: я многаго могъ бы достигнуть.

— Были благородны,—отвѣчала Казимира.

— И за это самое,—продолжалъ Баклановъ:—вы по крайней мѣрѣ теперь должны меня вознаградить.

— Чѣмъ же мнѣ вознаградить?—сказала Казимира.

— Любовью.

Казимира грустно улыбнулась.

— Теперь это немножко трудно.

— Напротивъ, теперь-то и возможно: другое дѣло, когда вы были дѣвушкой, когда отъ этого зависѣла участь всей вашей жизни,—тогда другое дѣло; но теперь, что̀ же можетъ препятствовать нашему счастью?

Казимира качала только головой.

— Теперь какія, кромѣ самыхъ пріятныхъ, могутъ быть послѣдствія изъ того, что вы меня полюбите? — продолжалъ Баклановъ, опять беря ее за руку.

— А такія, — отвѣчала Казимира: — что я-то еще больше васъ полюблю, а вы меня презирать станете.

— Ей-Богу, нѣтъ!—воскликнулъ Баклановъ.

— Погодите, постойте, вонъ идутъ!—сказала Казимира, въ самомъ дѣлѣ указывая на двухъ, неторопливо проходившихъ по дорожкѣ мужчинъ.—Прощайте!—прибавила она.

— Посидите!—упрашивалъ ее Баклановъ.

— Нѣтъ, нельзя!.. Посмотрите, какъ вы платье мнѣ все измяли,—говорила она, вставая:—прощайте.

— Могу я, по крайней мѣрѣ, пріѣхать къ вамъ?

— О, пожалуйста, пріѣзжайте!—отвѣчала съ удовольствіемъ Казимира

— У васъ есть особая комната?

— Есть!.. — Голосъ ея при этомъ былъ какъ-то страненъ.

Баклановъ возвратился домой въ восторгѣ: завести интригу съ Казимирой онъ рѣшился непремѣнно.

XVII.

Не всегда то найдешь, за чѣмъ пойдешь!

Домъ Сабакѣевыхъ стоялъ на одной изъ лучшихъ улицъ. Это рѣшительно было какое-то палаццо, отчасти даже и выстроенное въ итальянскомъ вкусѣ.

Баклановъ, ѣхавъ, всю дорогу обдумывалъ, какъ онъ будетъ разставлять сѣти паннѣ Казимирѣ. Но есть дома̀, въ которыхъ, точно въ храмахъ, все дышитъ благоприличіемъ и цѣломудріемъ: введенный въ мраморную, съ готическими хорами, залу, Баклановъ даже устыдился своихъ прежнихъ намѣреній.

— Г-жа Ковальская сейчасъ выйдетъ; а пока не угодно ли вамъ къ Аннѣ Михайловнѣ,—сказалъ ему вѣжливо благообразный лакей.

— Къ г-жѣ Сабакѣевой?—спросилъ Баклановъ.

— Точно такъ.

— Прошу васъ.

— Пожалуйте!

И человѣкъ, идя негромко впередъ, повелъ его на правую половину дома.

Въ совсѣмъ барской гостиной, съ коврами, съ лампами, съ

масляными картинами въ золотыхъ рамахъ, Баклановъ увидалъ пожилую даму, просто, но изящно одѣтую, въ кружевномъ чепцѣ и въ очкахъ. Лицо ея напомнило ему добродушныя физіономіи ванъ-диковскихъ женскихъ портретовъ.

— Казимира сейчасъ выйдетъ. Присядьте, пожалуйста! — сказала ему старушка, показывая на кресло возлѣ себя.

Она что-то такое, необыкновенно тонкое, шила. На столѣ, впрочемъ, около нея лежала книга, на корешкѣ которой было написано: «Сказаніе Тирона, инока святогорскаго».

— Вы недавно вѣдь здѣсь?—продолжала старушка.

— Да, недавно-съ.

— И успѣли ужъ съ нѣкоторыми господами поссориться?

— Да,—отвѣчалъ Баклановъ съ самодовольною усмѣшкой.

— И прекрасно!.. Значитъ, вы честный человѣкъ

Старушка понюхала табаку и принялась снова за свое шитье.

— Тутъ Богъ знаетъ что̀ происходитъ! — продолжалъ Баклановъ.

Старушка махнула рукой.

— Я женщина, а повѣрите ли, кровью сердце обливается, слушая, что̀ они творятъ...

Сабакѣевы, довольно богатое и самое аристократическое семейство въ городѣ, были въ открытой непріязни съ начальникомъ края и со всѣмъ его кружкомъ.

Въ губерніяхъ, по степени приближенности къ начальству, почти безошибочно можно судить о степени честности мѣстныхъ обывателей. Чѣмъ ближе они къ этому свѣтилу, тѣмъ болѣе, значитъ, въ нихъ пятнышекъ, которыя слѣдуетъ позамазать.

Къ неудовольствію Сабакѣевой на начальника края отчасти, можетъ-быть, примѣшивалось и оскорбленное самолюбіе. Вступая въ управленіе краемъ, онъ третировалъ ее, рѣшительно, какъ и другихъ дамъ.

— У отца моего по нѣскольку часовъ въ передней стоялъ, а теперь вотъ какимъ господиномъ сталъ!.. — не утерпѣла старушка и объяснила Бакланову.

Въ комнату въ это время вошла молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и бѣлокурая.

Баклановъ невольно привсталъ на своемъ мѣстѣ.

Если Софи Леневу можно было назвать южною красавицей, то эта была красавица сѣвера.

— Maman, какъ я тутъ навязала? — сказала она, показывая старушкѣ вязанье.

— Опять спутала! — отвѣчала та, подвигая на носу очки ближе къ глазамъ.

— Monsieur Баклановъ! Дочь моя! — познакомила она молодыхъ людей, а сама принялась разсматривать и поправлять работу.

Баклановъ поклонился, и mademoiselle Сабакѣева тоже ему поклонилась, и при этомъ нисколько не сконфузилась и не пожеманничала.

Баклановъ почти съ восторгомъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку. Ея довольно широкое лицо было исполнено какой-то необыкновенной чистоты. Нѣсколько обнаженныя руки, грудь и шея были до такой степени бѣлы и нѣжны, что какъ будто бы она черненькаго хлѣбца никогда и не кушала, а выросла на однихъ пампушникахъ. Станъ у нея былъ стройный, но не воздушный. Соня Ленева, по природѣ своей, отчасти принадлежала къ лезгинско-татарскому происхожденію. Прабабка ея, жена Маркаша Рылова, была дочь князя Мирзы-Термаламы, а Сабакѣева, напротивъ того, была чистѣйшая дочь полянъ, славянка; даже въ наружности ея было что-то напоминающее красивыхъ купеческихъ дочерей; только все это, разумѣется, было смягчено и облагорожено воспитаніемъ.

— Ну, вотъ нà, поправила, — сказала мать, подавая ей работу.

— Хорошо-съ, — отвѣчала молодая дѣвушка и не ушла, а тутъ сѣла.

Бакланову ужасно хотѣлось съ ней заговорить.

— Вы много выѣзжаете? — спросилъ онъ ее.

— Да! — отвѣчала дѣвушка спокойно.

— Она больше дома у себя танцуетъ; у насъ обыкновенно собираются... — объяснила за нее старушка.

«Нѣтъ, это не свѣтская госпожа!» — подумалъ Баклановъ.

— А читать вы любите? — спросилъ онъ самоё дѣвушку.

— Читаю! — сказала она и на это спокойно.

— Охотница! — подхватила мать.

«Но все-таки не синій чулокъ! — подумалъ Баклановъ. — Но что̀ же она такое?» — задавалъ онъ себѣ вопросъ.

— Я сюда на югъ пріѣхалъ еще въ первый разъ... Это синее небо, этотъ воздухъ, какъ бы молокомъ пропитанный, все это чудо что̀ такое... — проговорилъ онъ, желая попробовать молодую дѣвушку насчетъ поэзіи.

Она выслушала его внимательно, но безъ особенно искренняго, а тѣмъ болѣе поддѣльнаго увлеченія.

— Да, здѣсь хорошо, — подтвердила она.

«И то — не то!..» — подумалъ Александръ.

Панна Казимира наконецъ показалась.

— Ну вотъ и она! — сказала ей ласково старушка.

— А вотъ сейчасъ, сначала съ mademoiselle Евпраксіей расцѣлуюсь, — сказала Казимира и, совершенно по-дружески поцѣловавшись съ молодою дѣвушкой, почтительно поцѣловала руки у старушки.

Она съ утра еще не выходила изъ своей комнаты, а потомъ, услышавъ о пріѣздѣ Бакланова, дѣлала свой туалетъ и, повидимому, употребляла всѣ старанія, чтобъ одѣться къ лицу, и даже немного побѣлилась и подрумянилась.

Бакланову, съ ея появленіемъ, сдѣлалось неловко. Она подала ему руку, нѣсколько сконфузившись и слегка улыбаясь.

— Вы скоро же посѣтили меня! — сказала она, садясь около него.

— Я поспѣшилъ воспользоваться вашимъ позволеніемъ, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Merci!—сказала Казимира и еще разъ пожала у Бакланова руку.

— Вы старые знакомые? — спросила ихъ старушка.

— Я помню еще monsieur Бакланова, когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ... Мамаша ему, или онъ ей скажетъ слово и покраснѣетъ! — сказала Казимира.

— А я помню, — отвѣчалъ ей въ тонъ Баклановъ: — что панна Казимира не вышла и обѣдать.

— О, я имѣла на то свои причины! — сказала Казимира, вскидывая на него нѣжный взглядъ.

Вообще она съ замѣтною сентиментальностью старалась говорить съ Баклановымъ.

— А вы помните гостиный дворъ, какъ мы разъ шли съ вами? — сказала она.

— Да, — отвѣчалъ ей Баклановъ, уже потупляясь.

— А тотъ вечеръ, когда я вдругъ ушла отъ васъ?

— Вы всегда такъ уходите, вы и вчера такъ ушли.

— Я и всегда такъ буду уходить, — отвѣчала Казимира, хоть глаза ея и говорили не то.

— Ваше дѣло! — отвѣчалъ Баклановъ и пожалъ плечами.

Впрочемъ, во все это время онъ невольно взглядывалъ на mademoiselle Сабакѣеву, которая, кажется, и не слыхала ничего, а, уставивъ свои голубые глаза на работу, внимательно считала.

Баклановъ наконецъ взялся за шляпу.

Старуха въ это время опять стала показывать дочери, какъ вязать.

— Погодите, я скажу имъ, чтобъ онѣ пригласили васъ на вечера; тутъ мы и можемъ видаться!.. — сказала ему торо-

пливо и шопотомъ Казимира; а потомъ, вставъ и подойдя къ старушкѣ, наклонилась къ ней и что-то ей шепнула на ухо.

— Да, разумѣется, — отвѣчала та и обратилась къ Бакланову. — Вы, пожалуйста, пріѣзжайте къ намъ по пятницамъ вечеромъ; у насъ танцуютъ.

— Почту за величайшее удовольствіе, — отвѣчалъ Баклановъ и, раскланиваясь, нарочно пріостановилъ подолѣе свой взглядъ на mademoiselle Сабакѣевой.

— Прощайте! — сказала ему та совершенно просто.

Панна Казимира пошла-было его провожать; но Баклановъ рѣшительнымъ движеніемъ руки не допустилъ ее итти за собой, и это онъ сдѣлалъ не столько изъ вѣжливости, сколько потому, что ему просто не хотѣлось оставаться съ Казимирой съ глазу на глазъ.

Его теперь исключительно безпокоилъ вопросъ:

«Что̀ такое за существо mademoiselle Евпраксія?»

XVIII.

Ледешокъ.

У Сабакѣевыхъ собирались на вечера два-три правовѣда, нѣсколько молодыхъ людей изъ студентовъ, нѣсколько очень милыхъ дамъ и дѣвицъ. У нихъ танцовали, гуляли въ саду, играли въ petits jeux. Баклановъ, явившійся къ нимъ въ первую же пятницу, былъ одѣтъ рѣшительно парижаниномъ: въ лѣтнихъ ботинкахъ, въ бѣломъ жилетѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Все общество сидѣло въ задней гостиной. Балконъ изъ нея выходилъ въ совершенно почти темный садъ, по средней аллеѣ котораго, впрочемъ, гуляли, какъ бѣлыя привидѣнія, дамы, въ сопровожденіи черныхъ фигуръ мужчинъ. Проходя мраморную залу, Баклановъ увидѣлъ, что по ней совершенно одиноко ходитъ небольшого роста господинъ, въ неказистомъ черномъ фракѣ. Подойдя поближе къ нему, онъ воскликнулъ:

— Ковальскій!

— Ахъ, да-съ! здравствуйте! — отвѣчалъ тотъ съ удовольствіемъ и какъ-то церемонно.

— Вотъ гдѣ Богъ привелъ встрѣтиться!—продолжалъ Баклановъ привѣтливо.

— Да-съ! — опять повторилъ Ковальскій.

Будучи поставленъ судьбою въ званіе управителя, онъ считалъ стараго своего товарища гораздо выше себя и сильно конфузился передъ нимъ.

— Вы женились на моей хорошей знакомой?—продолжалъ Баклановъ.

— Да-съ, на Казимирѣ Михайловнѣ, — отвѣчалъ и на это Ковальскій.

Баклановъ еще нѣсколько времени постоялъ около пріятеля, поласкалъ его взглядомъ, а потомъ, молодцовато тряхнувъ волосами, какъ гривой, пошелъ далѣе, а Ковальскій опять принялся сновать взадъ и впередъ.

Поклонившись въ гостиной старухѣ Сабакѣевой, игравшей въ карты, Баклановъ прямо устремился къ mademoiselle Евпраксіи, которая, въ голубомъ барежевомъ платьѣ, стояла у балкона.

На этотъ разъ она ему показалась Діаной, только нѣсколько полноватою.

— Голубой цвѣтъ рѣшительно созданъ для васъ!—сказалъ онъ ей послѣ первыхъ же привѣтствій.

— Да, я люблю его,—отвѣчала дѣвушка, какъ бы не обративъ даже и вниманія на его комплиментъ.

Баклановъ придумывалъ, о чемъ бы такомъ съ ней попикантнѣе заговорить.

— Я всегда при этакомъ близкомъ разстояніи, какъ вотъ здѣсь, свѣта и темноты, — сказалъ онъ, указывая на темный садъ и свѣтлую гостиную:—всегда чувствую желаніе изъ свѣта итти въ темноту, а изъ темноты на свѣтъ: отчего это?

— Отъ нечего, я думаю, дѣлать; надобно же куда-нибудь итти, — отвѣчала Евпраксія.

— Да-съ, но это скорѣе то же инстинктивное желаніе, которое человѣкъ чувствуетъ, взойдя на высоту, броситься внизъ.

— А то трусость! — сказала Евпраксія.

— Вы думаете? Сами вы, значитъ, трусливы?

— Напротивъ... Я ничего не боюсь!

— Даже несчастій въ жизни?

— Что̀ жъ?.. Я ихъ перенесу, я терпѣлива.

«Она очень не глупа, а какъ хороша-то, хороша-то, Боже ты мой!» — думалъ Баклановъ.

Во все это время, изъ другой комнаты, Казимира, по-бальному одѣтая, безпрестанно взмахивала на него свои глаза. Самой отойти оттуда ей было нельзя: она разливала для гостей чай.

— Mesdames! пойдемте въ садъ, въ веревочку играть!— вскричала молоденькая дама, все время ходившая съ разными мужчинами по саду и растрепавшая, зацѣпляясь за древесные сучья, всю себѣ прическу.

— Въ садъ! въ садъ! — повторили и находившіеся въ гостиной.

Евпраксія, впрочемъ, подошла и о чемъ-то спросила мать.

— Можно! — отвѣчала ей та.

Всѣ вышли и размѣстились на ближайшей къ балкону площадкѣ, на которой было довольно свѣтло. Первая стала въ веревочку сама Евпраксія и потомъ, сейчасъ же обернувшись, ударила Бакланова по рукѣ.

Онъ замеръ въ упоеніи отъ прикосновенія ея милой ручки и, войдя въ кругъ, хотѣлъ самъ сейчасъ же ударить Евпраксію по рукѣ; но она успѣла ее отнять, и Баклановъ ударилъ ея сосѣда-правовѣда и самъ сталъ на его мѣсто.

— Отчего вы меня перваго ударили? — спросилъ онъ Евпраксію.

Она сначала на это только улыбнулась.

— Отчего? — повторилъ Баклановъ.

— Такъ... Вы очень смѣшно стояли... — сказала она и потомъ съ гораздо бо̀льшимъ одушевленіемъ прибавила:— Смотрите, Хламовскій непремѣнно ударитъ mademoiselle Catherine!.. Ну, такъ и есть! — прибавила она почти съ грустью, когда Хламовскій въ самомъ дѣлѣ ударилъ mademoiselle Catherine.

«О, она еще совсѣмъ ребенокъ! Но мила, удивительно мила!» — восхищался Баклановъ.

Напоивъ всѣхъ чаемъ, Казимира наконецъ вышла къ играющимъ и, прислонившись къ дереву, въ нѣсколько мечтательной позѣ, начала глядѣть на Бакланова. Тому отвѣчать на ея нѣжные взгляды—было рѣшительно стыдно; а продолжать любезничать съ Евпраксіей онъ побаивался Казимиры.

Одушевленіе игры между тѣмъ замѣтно уменьшилось, и за веревочку держались только нѣкоторые.

— Если хотите меня видѣть, приходите въ темную аллею,— сказала вдругъ Казимира, подходя къ Бакланову.

Онъ въ это время всей душой стремился итти за Евпраксіей, которая, съ нѣсколькими кавалерами, входила на балконъ; но какъ же, съ другой стороны, было отказаться и отъ такого рѣшительнаго предложенія?.. Однако онъ пошелъ въ комнаты.

Казимира по крайней мѣрѣ съ часъ гуляла по аллеѣ; платье ея почти смокло отъ вечерней росы. Возвратясь въ комнаты, она увидѣла, что Баклановъ преспокойно стоялъ у колонны и смотрѣлъ на танцующихъ.

— Что̀ же вы? — сказала она, подходя къ нему.

— Нельзя было: ко мнѣ пристали разные господа, — отвѣчалъ онъ ей съ гримасой.

— Ну, послѣ какъ-нибудь!—сказала Казимира: она обыкно-

венно привыкла все прощать Александру и даже не замѣчала, какъ онъ съ ней поступаетъ.

Герою моему, впрочемъ, судьбою было назначено въ этотъ день терпѣть отъ всей семьи Ковальскихъ.

Его нѣкогда бывшій пріятель, такъ робко его на первыхъ порахъ встрѣтившій, вдругъ, къ концу вечера, выставился въ дверяхъ и сталъ его пальцемъ вызывать. Баклановъ сначала даже думалъ, что это не къ нему относится; но Ковальскій наконецъ сдѣлалъ угрожающій жестъ и махнулъ всей рукой.

Баклановъ вышелъ.

— Пойдемъ-ка, выпьемъ!.. — заговорилъ Ковальскій: — у меня тамъ водочка и колбаска есть... Я вѣдь никогда на эти супѐ-то франсе не хожу, а у меня тамъ все свое.

— Полно, какъ возможно! Я не хочу и не пью!

— Не пью, чорта съ два!.. старый студентъ! не пью!—говорилъ Ковальскій, таща Бакланова за руку сначала въ какой-то коридоръ, а потомъ въ небольшую комнатку, въ которой стояла водка и закуска.

— Ну, валяй! — говорилъ Ковальскій, наливая пріятелю огромнѣйшую рюмку.

— Не могу я!—возразилъ тотъ рѣшительно.

— Ну такъ подлецъ, значитъ! — проговорилъ Ковальскій и хватилъ самъ рюмку, а потомъ и другую.

— Мало же тебя жена муштруетъ, мало!—говорилъ Баклановъ, качая головой.

— Что̀ жена!—возразилъ мрачно Ковальскій:—какъ сегодня мужикъ, завтра баба, послѣзавтра пень да косуля—за неволю станешь и самъ мужикъ: и сталъ!

Странное дѣло, добрый этотъ человѣкъ ужасно тяготился жизнью въ деревнѣ и тѣмъ, что жена почти безвыѣздно держала его тамъ.

— Ужъ и въ этомъ-то небольшое утѣшеніе!—сказалъ Баклановъ.

— Что̀ утѣшеніе!—возразилъ Ковальскій:—Казимира Михайловна изволятъ не любить, когда я здѣсь бываю... Нездоровы все онѣ, изволите видѣть!.. а я человѣкъ... и грѣшный... не праведникъ, и не хочу имъ быть...

— Ну, разоврался ужъ очень! — проговорилъ Баклановъ, стараясь уйти.

— Да выпей хоть на прощанье-то рюмочку, — сказалъ Ковальскій.

— Не хочу,—отвѣчалъ съ досадой Баклановъ.

— Ну, такъ убирайся къ чорту! — произнесъ ему вслѣдъ Ковальскій и самъ выпилъ еще рюмки двѣ, закусилъ немного,

поставилъ все это потомъ бережно въ шкапъ, заперъ его и, снова возвратясь въ залу, сталъ попрежнему похаживать, только нѣсколько болѣе развязною походкой.

Баклановъ, возвратясь въ гостиную, сталъ около одного правовѣда.

— Скажите, пожалуйста,—началъ онъ:—отчего это вотъ изъ вашего училища и изъ лицея молодые люди выйдутъ и сейчасъ же пристраиваются, начинаютъ какъ-то ладить съ жизнью и вообще дѣлаются людьми порядочными; а изъ университета выйдетъ человѣкъ — то ничего не дѣлаетъ, то сопьется съ кругу, то наконецъ въ болѣзни исчахнетъ.

— Не знаю-съ!.. — отвѣчалъ ему съ улыбкой правовѣдъ, совершенно, кажется, никогда объ этомъ предметѣ не думавшій.

Въ это время Евпраксія танцовала мазурку, и танцовала, повидимому, съ удовольствіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одному кавалеру она не улыбнулась лишняго раза, не сдѣлала ни одного рѣзкаго движенія; со всѣми была ласкова и привѣтлива, со всѣми обращалась ровно.

Баклановъ опять обратился къ правовѣду.

— Какъ вы находите mademoiselle Eupraxie? Не правда ли, мила?

— О, да,—отвѣчалъ тотъ:—*ледешокъ* только.

— Какъ *ледешокъ*?

— Такъ. Ее здѣсь всѣ такъ называютъ.

— Что̀ жъ, холодна очень? неприступна?

— Да!—произнесъ правовѣдъ.

«*Ледешокъ!*—повторялъ Баклановъ сто кратъ, ѣдучи домой:—посмотримъ!»

XIX.

Новое чувство моего героя.

У мужчинъ, послѣ первыхъ страстныхъ и фантазіей исполненныхъ стремленій къ женщинѣ, или такъ называемой первой любви, въ чувствѣ этомъ всегда играетъ одну изъ главнѣйшихъ ролей любопытство. «А какъ вотъ этакая-то будетъ любить? А какъ такая-то?»—обыкновенно думаютъ они.

Баклановъ, въ отношеніи къ Евпраксіи, заболѣлъ именно точно такою страстью.

«Что̀ за существо эта дѣвушка, какъ она будетъ любить?»—спрашивалъ онъ самъ себя съ раздраженіемъ. Но дѣвушка, какъ нарочно, ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не обнаруживала себя.

Баклановъ рѣшился разспросить о ней Казимиру.

Разъ онъ обѣдалъ у Сабакѣевыхъ, и послѣ стола Евпраксія ушла играть на фортепіано, старуха Сабакѣева раскладывала гранъ-пасьянсъ, а Казимира сидѣла въ другой комнатѣ за работой.

Баклановъ подошелъ и сѣлъ около.

— Скажите, что̀ за субъектъ mademoiselle Eupraxie? — сказалъ онъ.

— О, чудная дѣвушка!—отвѣчала та.

— Но отчего жъ ее въ городѣ *ледешкомъ* зовутъ?

— Да потому, что никому не отдаетъ предпочтенія, а ко всѣмъ ровна. Добра, богомольна, умна,—продолжала объяснять Казимира, нисколько не подозрѣвая, что все это говоритъ на свою бѣдную голову.

— А что̀ она про меня говоритъ?—спросилъ Баклановъ.

— Да про васъ я, разумѣется, разсказала имъ.

— Ну, и я знаю ужъ ка̀къ!—перебилъ ее Баклановъ:—но что̀ жъ она-то?

— Она и мать, обѣ хвалятъ.

— А тутъ надобно маменькѣ и дочкѣ понравиться?

— Непремѣнно! Если бы кто дочери понравился, а матери нѣтъ, мать ее сейчасъ же разубѣдитъ въ этомъ человѣкѣ, и наоборотъ. Онѣ совершенно какъ какіе-то друзья между собою живутъ.

Баклановъ намоталъ это себѣ на-усъ и поспѣшилъ отойти отъ Казимиры.

Та стала наконецъ немножко удивляться: такимъ страстнымъ онъ съ ней встрѣтился, а теперь только добрый такой?

Баклановъ подошелъ къ старухѣ. Мать и дочь сидѣли ужъ вмѣстѣ. Обѣ онѣ показались ему двумя чистыми ангелами: одинъ былъ постарѣй, а другой—молодой.

— У васъ есть батюшка, матушка?—спросила его старуха.

— Нѣтъ-съ, никого,—отвѣчалъ Баклановъ:—только и всего, что на родинѣ имѣнье осталось.

О послѣднемъ обстоятельствѣ онъ не безъ умысла упомянулъ.

— А ваше имѣніе въ здѣшней губерніи?—прибавилъ онъ.

— Отчасти, но больше я московка: тамъ родилась, выросла и замужъ вышла.

— Москва городъ очень почтенный, но странный!—произнесъ съ разстановкой Баклановъ.

— Чѣмъ же?

— Въ ней съ одной стороны существуетъ типъ Фамусовыхъ, а изъ того же общества вышли и славянофилы.

— Что̀ жъ? Дай Богъ, чтобы больше такихъ людей выходило... Я сама вѣдь немножко славянофилка,—прибавила старуха и улыбнулась.

Баклановъ въ почтеніи склонилъ передъ ней голову.

— Что̀ у иностранцевъ мерзко, скверно,—говорила она:—то мы перенимаемъ, а что̀ хорошо, того нѣтъ!

— Однако вотъ этотъ Мурильо и эта карселевская лампа, взятые у иностранцевъ, вещи недурныя!—сказалъ Баклановъ, показывая на стѣну и на столъ.

— Да вѣдь безъ этого еще жить можно, а мы живемъ безъ чего нельзя жить!

Баклановъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Безъ Бога, безъ религіи, не уважая ни отцовъ своихъ ни отечества,—говорила Сабакѣева.

Баклановъ все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ уваженіемъ слушалъ ее.

— А вы раздѣляете взглядъ вашей матушки? — обратился онъ къ Евпраксіи.

— Да!—отвѣчала она.

Баклановъ даже потупился, чтобы скрыть свое удовольствіе.

— Она ужъ въ монастырь хотѣла итти, спасаться отъ вашей иноземщины,—сказала мать.

— Нѣтъ, maman, мнѣ все равно, увѣряю васъ!—отвѣчала Евпраксія серьезно.

«Это чудныя существа»,—подумалъ Баклановъ.

Почему онъ восхищался, что мать и дочь такія именно, а не другія имѣютъ убѣжденія, на это онъ и самъ бы не могъ отвѣтить: красота Евпраксіи, кажется, вліяла въ этомъ случаѣ на него такъ, что ужъ ему все нравилось въ этомъ семействѣ.

XX.

День и ночь.

Баклановъ, очень ужъ хорошо понимая, что Евпраксія откроетъ свое сердце и любовь свою только супругу, рѣшился жениться на ней; но присвататься еще побаивался и проводилъ у Сабакѣевыхъ тихо-пріятные дни.

Разъ всѣ они собрались прокатиться на недальній островокъ, верстахъ въ десяти отъ города и начинающій въ послѣднее время застраиваться красивыми дачками. Каждый день туда ходилъ по нѣскольку разъ пароходъ.

Вся молодежь была въ восторгѣ отъ этого намѣренія: Евпраксія, по словамъ ея, ужасно любила воду.

Казимира надѣялась, среди встрѣчающихся красотъ природы, скорѣе вызвать Бакланова на болѣе задушевный разговоръ. Она каждую минуту ожидала отъ него слышать объясненія въ любви и требованія жертвъ отъ нея.

Во время сборовъ Баклановъ невольно полюбовался на Евпраксію, какъ она плотно завязала ленты своей круглой соломенной шляпы, какъ аккуратно завернула взятый на всякій случай пледъ, какъ наконецъ приподняла у лифа платье, чтобы смѣлѣй ходить по травѣ на острову.

— Вы, должно-быть, отличная менажерка,—сказалъ онъ ей

— А что же?—спросила она.

— У васъ все кипитъ въ рукахъ!—отвѣчалъ Баклановъ.

Евпраксія улыбнулась.

— Да, я все сама умѣю дѣлать,—сказала она.

Входя на пароходъ, чтобы взять билеты, Баклановъ вдругъ услышалъ полутихое и полуробкое восклицаніе:

— Здравствуйте, Александръ Николаичъ!

Онъ вздрогнулъ. Это говорила Софи Ленева, сидѣвшая уже на пароходѣ.

— Ахъ, bonjour! — отвѣчалъ онъ скороговоркой и пожалъ ей руку.

Софи тоже была сконфужена, но наружность ея и туалетъ были величественны.

Баклановъ поспѣшилъ подать руку старухѣ Сабакѣевой и перевелъ ее съ пристани на пароходъ, подалъ также руку Евпраксіи, но та только на мигъ прикоснулась къ ней и сама проворно взбѣжала. Онъ провелъ даже Казимиру, которая, войдя на пароходъ, не опускала его руки и крѣпко-крѣпко опиралась на нее.

Софи встала и, разсѣянно походя, отошла и сѣла подальше на кормѣ. Капитанъ парохода, услышавъ, что генеральша Сабакѣева ѣдетъ съ семействомъ, велѣлъ сейчасъ же очистить имъ мѣсто на палубѣ и вынести на скамейки подушки.

Усѣлись.

— Съ какою это вы дамой здоровались?—спросила Казимира Бакланова.

— Съ Леневой!—отвѣчалъ онъ.

— А! — произнесла Сабакѣева протяжно: — а вы какъ это знаете ее, молодой человѣкъ, а? — прибавила она шутливо-укоризненнымъ тономъ.

Баклановъ сконфузился.

— Она моя землячка!—сказалъ онъ.

— Какая молоденькая, хорошенькая! Ахъ, бѣдная, бѣдная!—говорила старушка, качая головой.—Подите-ка, позна-

комьте меня съ ней! — прибавила она скороговоркой Бакланову.

— Но, Анна Петровна, ловко ли это будетъ? — остановила-было ее Казимира.

— Э, ко мнѣ ничего не пристанетъ!.. Поэтому я и хочу приласкать ее, что всѣ ужъ на нее.

— Но ваша дочь, Анна Петровна...

— А что жъ такое? Не марайся сама, такъ другія не замараютъ. Подите-ка, скажите, если она хочетъ, пришла бы къ намъ.

Сабакѣева всегда и во всемъ имѣла привычку итти противъ общаго мнѣнія, особенно губернскаго.

Бакланову было не совсѣмъ пріятно исполнять это порученіе, но дѣлать нечего; онъ подошелъ къ Софи.

— Madame Сабакѣева желаетъ съ вами познакомиться, — сказалъ онъ, не назвавъ ее никакимъ именемъ.

— Ахъ, очень рада! — отвѣчала Софи, дѣйствительно обрадовавшаяся.

— Madame Сабакѣева!.. Mademoiselle Eupraxie!.. Madame Ковальская!.. — говорилъ Баклановъ, показывая ей на свое общество.

— Madame Ленева! — представилъ онъ ее.

— Здравствуйте! — сказала ей старуха привѣтливо.

Софи сѣла около нея.

Евпраксія съ какимъ-то, больше дѣтскимъ, вниманіемъ глядѣла на нее. Софи тоже на нее смотрѣла. Красота одной была еще дѣвственная, чистая, а другой жгучая, охватывающая. Евпраксія была мила дома, а Софи вы замѣтили бы въ толпѣ, среди тысячи другихъ женщинъ.

Баклановъ сидѣлъ, склонивъ въ упоеніи голову.

Три женщины тутъ были, и для всѣхъ онъ имѣлъ значеніе. Такою широкою и со всѣхъ сторонъ охватывающею волной жизнь подплываетъ только въ двадцать семь лѣтъ.

— Вы ѣдете прокатиться? — спрашивала Сабакѣева Софи.

— Нѣтъ, я тутъ на дачѣ живу. Я послѣднее время была больна, и мнѣ велѣли больше быть въ деревнѣ, — отвѣчала Софи.

При звукѣ этого голоса, при этихъ словахъ, Баклановъ готовъ былъ простить ей все; но очарованіе тотчасъ же было разбито: изъ буфета выходила черная фигура Эммануила Захаровича. Баклановъ и Казимира первые переглянулись между собой.

Онъ, съ огромною корзинкой конфетъ, кого-то искалъ и потомъ, увидя Софи и другихъ сидѣвшихъ съ ней дамъ, подошелъ и сталъ ихъ потчевать.

Софи взяла, не глядя; прочія тоже такъ, но онъ вдругъ вздумалъ и разсѣсться тутъ.

— Ну, онъ-то мнѣ ужъ и гадокъ! — проговорила почти вслухъ Сабакѣева.

— Вамъ бы уѣхать куда-нибудь отсюда: здѣсь воздухъ нехорошъ, а люди такъ и совсѣмъ дрянные, — говорила она рѣзко Софи.

— Но куда же?—возражала та, почти безпрерывно мѣняясь въ лицѣ.

Видимо, что внутри ея происходили мучительныя волненія, тогда какъ Евпраксія съ ангельскимъ почти спокойствіемъ разговаривала съ Баклановымъ.

Эммануилъ Захаровичъ, видя, что имъ никто не занимается, снова спустился въ буфетъ.

Пароходъ между тѣмъ, выйдя изъ пристани, шелъ мимо красивыхъ обрывистыхъ береговъ. На небѣ массы облаковъ, послѣ знойнаго дня, какъ бы дымились; воздухъ блестѣлъ безпрерывною сѣтью испареній; въ пароходныхъ колесахъ вода разсыпалась серебряною пылью.

Всѣ невольно встали полюбоваться этой картиной. Баклановъ при этомъ замѣтилъ, что на глазахъ Софи заискрились чуть-чуть замѣтныя слезинки; а Евпраксія, напротивъ, смотрѣла серьезно и только какъ бы удивлялась въ этихъ красотахъ природы величію Бога.

Казимира старалась стать поближе къ Бакланову и даже опереться на него.

— Задній ходъ! — раздался голосъ капитана.

Никто не ожидалъ, чтобы пароходъ такъ скоро подошелъ къ островку.

Всѣ засуетились и пошли.

— Вы ко мнѣ, конечно, не зайдете?—сказала Софи, уходя, Бакланову.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ.

Толпа ихъ раздѣлила.

XXI.

Смѣлый кормчій.

Оставивъ старушку на берегу, молодые люди углубились въ островъ. Евпраксія очень любила гулять по полямъ и по лѣсамъ: они, по крайней мѣрѣ, прошли версты три, и она только немножко разгорѣлась въ лицѣ.

Казимира все надѣялась, что въ этомъ полутемномъ лѣсу

Баклановъ наконецъ объяснится съ ней; но онъ какъ нарочно все шелъ и разговаривалъ съ Евпраксіей о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ; Казимира начала неистовствовать. Она бѣгала по лугамъ, рвала цвѣты, вплетала ихъ себѣ въ волосы, бросала ихъ въ Бакланова, наконецъ увидала у берега лодку.

— Ахъ, вотъ лодка! покатаемтесь,—говорила она.

— Нѣтъ! — возразила-было ей Евпраксія.

— Душечка! ангелъ мой! — говорила Казимира, цѣлуя ее.

— Но я maman не сказала.

— Ничего, я все на себя приму, — умоляла Казимира.

— Поѣдемте! — поддержалъ и Баклановъ: ему любопытно было видѣть себя съ этою восхитительною дѣвушкой въ одной лодкѣ.

Евпраксія наконецъ, съ своею кроткою улыбкой, согласилась.

— Я сяду на кормѣ, — сказала она.

Казимира, такъ страстно желавшая кататься, едва осмѣлилась потомъ войти въ лодку.

Баклановъ началъ грести.

Евпраксія сидѣла противъ него лицомъ къ лицу.

Казимира расположилась около ногъ молодого человѣка и безъ всякой осторожности уставила на него свое влюбленное лицо.

Блѣдно-желтыя облака на западѣ становились все темнѣе и чернѣе. Вѣтеръ разыгрывался, и волненіе для маленькой лодки стало довольно чувствительно. Влюбленная Казимира начала ужъ и покрикивать.

— Не вернуться ли намъ назадъ?—проговорила она.

— Зачѣмъ же было и ѣхать?—возразила Евпраксія, которой, напротивъ, все это, повидимому, было пріятно.

Баклановъ, не желая подать виду, что и онъ не съ большимъ удовольствіемъ катается, началъ грести сильнѣе.

Лодку очень ужъ покачивало. Казимира безпрестанно кричала и, сидя, какъ тетеря, распустившись, хваталась то за тотъ край лодки, то за другой. Лицо Евпраксіи было совершенно спокойно.

Отъѣхавъ отъ острова, они попали на еще болѣе сильное теченіе, которое, встрѣчаясь съ противнымъ вѣтромъ, кипѣло, какъ въ котлѣ; волны, чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ становились выше и выше. Лодку, какъ щепку, перебрасывало черезъ нихъ. У Бакланова почти силъ недоставало грести.

— Держите въ разрѣзъ волнъ,—сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Знаю, — отвѣчала Евпраксія и въ самомъ дѣлѣ такъ держала.

Онъ видѣлъ, что правая рука ея, управлявшая рулемъ, налилась вся до крови отъ напряженія; но Евпраксія ни на минуту ни ослабила шнурка.

Панна Казимира плакала и молилась.

— Матка Бозка! матка Бозка! — вопіяла она ужъ по-польски.

Баклановъ чувствовалъ, что онъ блѣденъ, какъ смерть. Вся штука теперь состояла въ томъ, какъ повернуть лодку и ѣхать назадъ къ острову.

— Гребите не такъ сильно, я стану поворачивать, — сказала Евпраксія, рѣшительно не потерявшаяся.

Баклановъ поослабилъ. Евпраксія тоже поослабила шнурокъ, и лодка стала забирать вправо. Маленькая торопливость, и ихъ заплеснуло бы волной, которыя и безъ того уже брызгали черезъ бортъ. Еще минута, и лодка очутилась носомъ къ берегу.

— Ну, теперь сильнѣе! — сказала Евпраксія.

Баклановъ, при видѣ такой храбрости въ дѣвушкѣ, почувствовалъ въ себѣ силы льва. Онъ почти до половины запускалъ весла въ волны.

Евпраксія опять ни разу не ошиблась и все перерѣзывала волны поперекъ.

Послѣдняя волна почти выкинула ихъ на берегъ.

— Никогда не стану никого слушать!—проговорила Евпраксія, вставъ и отряхивая сплошь покрытое водяною пѣной платье; ручка ея, которою она держала руль, была ссажена.

Баклановъ тоже не вдругъ могъ прійти въ себя отъ пережитаго имъ страха. Панну Казимиру онъ только что не безъ чувствъ вынулъ изъ лодки.

Возвратившись къ матери, Евпраксія все ей разсказала, перемѣнивъ только то, что это она сама затѣяла кататься, а не Казимира.

Та сначала попеняла-было, но потомъ сейчасъ же и прибавила:

— Не кто, какъ Богъ; не убережешься отъ всего.

По случаю намокшихъ дамскихъ платьевъ, домой поѣхали сейчасъ же.

Когда островъ сталъ порядочно удаляться, успокоившаяся Казимира указала Бакланову на дорогу, идущую кругомъ всего берега. Тамъ несся экипажъ съ дамой, и за нимъ уродливо скакалъ верховой въ англійскомъ рейтфракѣ и лаковыхъ сапогахъ.

— Это вѣдь Ленева и Галкинъ! — сказала она; но Баклановъ не обратилъ на это никакого вниманія.

«Такъ вотъ она какая! вотъ какая!»—думалъ онъ все объ Евпраксіи.

XXII.

Не совсѣмъ обыкновенная сваха.

Прошло съ полгода. Сердечныя дѣла Бакланова плохо подвигались впередъ: Евпраксія на іоту не допускала его ближе къ себѣ. Оставалось одно послѣднее средство: присвататься къ ней. Баклановъ рѣшился возложить это на Казимиру. Объ ея собственномъ сердцѣ онъ въ эти минуты нисколько даже и не помышлялъ: злоупотреблять этимъ кроткимъ существомъ онъ точно считалъ какимъ-то своимъ правомъ!

Онъ нарочно пришелъ къ Сабакѣевымъ, когда зналъ, что онѣ обѣдали у однихъ своихъ знакомыхъ, и прошелъ прямо въ комнату къ Казимирѣ.

— Ахъ, вотъ это кто! — воскликнула та, по обыкновенію, обрадовавшись: — пойдемте однако въ тѣ комнаты, а то эти людишки Богъ знаетъ что̀ наболтаютъ!

Она все еще ожидала опасности со стороны Бакланова и по возможности, разумѣется, думала этому противиться.

Они прошли въ большую гостиную и сѣли на диванъ подъ Мурильо.

— Ну-съ? — начала Казимира.

— Ну-съ! — повторилъ за ней Баклановъ: — во-первыхъ, начну высокимъ слогомъ: жизнь для меня «садъ, заглохшій подъ дикими, безплодными травами».

— Слыхала это не сегодня, — отвѣчала кокетливо Казимира.

— Вслѣдствіе сихъ и иныхъ обстоятельствъ, — продолжалъ Баклановъ: — я рѣшился жениться.

— А! — произнесла Казимира.—На комъ же? — прибавила она, высоко-высоко выпрямляя грудь.

— Разумѣется, на mademoiselle Eupraxie! — отвѣчалъ Баклановъ.

Если бы пудовой камень упалъ въ эти минуты на голову Казимиры, такъ она меньше была бы ошеломлена.

— Ну что̀ жъ? Желаю вамъ!..—сказала она, по наружности спокойно; но въ самомъ дѣлѣ все это, стоявшее передъ ней: мебель, окна и картины, слилось для ея глазъ, мгновенно наполнившихся слезами, въ какую-то пеструю рѣшетку.

Баклановъ сдѣлалъ видъ, какъ будто бы ничего этого не замѣчалъ.

— Къ вамъ собственно просьба моя въ томъ, чтобы вы разузнали, какъ онѣ примутъ мое желаніе.

— Я-а?—спросила, протянувъ, Казимира.

— Да! — отвѣчалъ Баклановъ, опять какъ бы не понявъ этого вопроса.—Отъ этого рѣшительно теперь зависитъ все мое будущее счастье, — продолжалъ онъ: — Евпраксія именно такая дѣвушка, какую я желалъ имѣть женой своею: она умна, скромна, ну и, нечего грѣха таить, богата и со связями; а все это очень мнѣ теперь не лишнее въ жизни!..

Казимира слушала его, какъ бы совсѣмъ оглупѣвшая.

— И я надѣюсь, что вы, мой старый, добрый другъ, не откажетесь посодѣйствовать мнѣ въ томъ,—заключилъ Баклановъ и взялъ-было ее за руку.

— Нѣтъ, не могу, не могу, не могу!—проговорила она скороговоркой и закрыла лицо руками.

— Богъ, значитъ, съ вами! — сказалъ Баклановъ съ грустною улыбкой.

— Но, другъ мой! — воскликнула вдругъ Казимира, протягивая къ нему руки: — я сама васъ люблю, — прибавила она и стала передъ Баклановымъ на колѣни.

Тотъ хотѣлъ-было ее поднять.

— Казимира! — говорилъ онъ.

— Нѣтъ, погоди, постой! — говорила она: — дай мнѣ хоть разъ въ жизни выплакаться передъ тобой, высказать, что̀ чувствуетъ душа моя!

И безумная женщина цѣловала при этомъ руки своего идола.

Баклановъ не зналъ, что̀ и дѣлать.

— Казимира! — повторялъ онъ.

— Погоди, постой! — говорила она: — требуй какой хочешь отъ меня жертвы: отдаться тебѣ, развестись съ мужемъ, но только не этого, нѣтъ!

— Казимира!.. успокойтесь,—говорилъ ей Баклановъ, тоже беря ея руки и прижимая ихъ къ груди.

— А я не могу... не могу сама своими руками отдать тебя! — говорила она и, склонивъ голову на колѣни Александра, рыдала.

Слезы, какъ извѣстно, сильно облегчаютъ женщинъ.

Наплакавшись, Казимира встала и сѣла.

— Послушай, — начала она: — когда ты женишься, уговоръ одинъ: не прогоняй меня, дай мнѣ жить около васъ.

— О, Бога ради, Казимира! — воскликнулъ Баклановъ

какъ вамъ не грѣхъ было это думать! Вы навсегда останетесь другомъ нашего семейства, и жизнь ваша навсегда будетъ обезпечена.

— Да я хочу только тебя видѣть, больше ничего!.. Ну, а теперь поцѣлуй меня въ послѣдній разъ... знаешь, пламеннѣй, какъ ее будешь цѣловать.

И она сама обняла Бакланова и замерла на его губахъ долгимъ поцѣлуемъ.

— Сегодня ты еще принадлежишь мнѣ, — говорила она и гладила Бакланову волосы, лицо, и цѣловала его

Онъ сидѣлъ какъ школьникъ въ ея объятіяхъ. Потомъ она, какъ бы совсѣмъ обезпамятѣвъ, вскочила и убѣжала.

Къ этимъ внезапнымъ ея уходамъ Баклановъ давно уже привыкъ. Просидѣвъ немного и думая, что дѣло его совершенно испорчено, онъ уѣхалъ домой... Онъ не зналъ еще, до какой степени любящее сердце Казимиры было исполнено самоотверженія.

Она спала въ одной комнатѣ съ Евпраксіей и ту же ночь до самаго утра говорила съ ней о Баклановѣ.

А Евпраксія, приникнувъ своею хорошенькою головкой къ батистовому бѣлью подушки, лежала молча, но не спала!

XXIII.

Не много словъ, но много дѣла.

Въ семействѣ Сабакѣевыхъ все происходило какъ-то необыкновенно просто.

Казимира сдѣлала Евпраксіи рѣшительное предложеніе отъ Бакланова. Евпраксія поутру сказала о томъ матери. Несмотря на это, въ домѣ не было ни шушуканья ни таинственныхъ лицъ. Старуха такъ же, какъ и каждодневно, сходила къ обѣднѣ; дочь такъ же, какъ и прежде, взяла урокъ на фортепіано.

Казимира начала ужъ замирать въ радости, что авось онѣ не примутъ предложенія Бакланова; но вечеромъ однако она нечаянно подслушала разговоръ между матерью и дочерью.

— Онъ очень, кажется, честный человѣкъ! — говорила Евпраксія.

— Да, — подтвердила мать; потомъ, помолчавъ, прибавила: — Все во власти Божіей!

Разговоръ на нѣкоторое время пресѣкся.

— И онъ наконецъ здѣсь лучше всѣхъ, кого я знаю, — прибавила дочь.

— Да,—подтвердила и мать опять

Разговоръ снова прервался.

— Тебѣ отдамъ этотъ домъ, а сама перетащусь опять въ Москву,—заговорила снова старуха.

— Зачѣмъ же!.. Это будетъ очень скучно мнѣ,—возразила дочь, но совершенно какъ бы слегка.

— Нѣтъ! нѣтъ!—перебила ее старуха.—Матери въ бракѣ только помѣха: ничего отъ насъ добра не бываетъ.

— Не знаю, я этого еще не испытала, — сказала дочь съ улыбкой.

— Потому-то и говоришь, что не знаешь, — подтвердила мать.

И снова молчаніе.

— Вы мнѣ здѣшнее имѣніе отдадите?—спросила дочь, совершенно не женируясь.

— Да, тебѣ здѣшнее, а московское Валерьяну, — отвѣчала старуха, тоже, повидимому, не удивленная нисколько этимъ вопросомъ.

Валерьянъ былъ младшій ея сынъ и учился въ Москвѣ.

На этомъ разговоръ совершенно прекратился.

Старуха сѣла за гранъ-пасьянсъ, а Евпраксія пошла заниматься музыкой. Недаромъ, видно, ее въ городѣ называли ледешкомъ, а мать—философкою.

Казимира, что̀ бы ни чувствовало собственное сердце ея, написала обо всемъ этомъ разговорѣ Бакланову.

Онъ не замедлилъ сію же минуту пріѣхать.

Старуха все еще продолжала раскладывать гранъ-пасьянсъ.

Баклановъ сѣлъ противъ нея.

Но какъ тутъ съ этою спокойною физіономіей было заговорить?

— Погадайте-ка на мои мысли!—сказалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ бы самой надо ваши мысли отгадать,—отвѣчала старушка полушутя.

— О, онѣ совершенно чисты и открыты передъ вами! — воскликнулъ Баклановъ.

— Ну, то-то же, смотрите!—сказала она и погрозила ему пальцемъ.

— Такъ какъ же, Анна Петровна, да или нѣтъ?—спросилъ ужъ Баклановъ.

— Чтой-то, да поди — у ней спрашивай; я ужъ за тебя не пойду,—сказала Сабакѣева.

— Значитъ, можно? — воскликнулъ Баклановъ и пошелъ въ ту комнату, гдѣ Евпраксія сидѣла за работой. Напротивъ ея помѣщалась Казимира, почти нечесаная и врядъ ли въ за-

стегнутомъ платьѣ. Она цѣлый день жаловалась то на занятія, то на нездоровье.

Баклановъ подмигнулъ ей. Она, потупивъ голову и съ грустною усмѣшкой, вышла.

У Александра губы и щеки дрожали.

— Евпраксія Арсентьевна,—началъ онъ: — я имѣлъ честь дѣлать вамъ предложеніе. Скажите вы мнѣ прямо и откровенно, какъ пряма и откровенна ваша прекрасная натура, нравлюсь ли я вамъ, и согласны ли вы отдать мнѣ вашу руку и сердце?

Евпраксія нѣсколько времени смотрѣла ему прямо въ лицо.

— А вы будете любить меня? — спросила она и какъ бы нарочно поспѣшила улыбнуться, чтобы смягчить свой недовѣрчивый вопросъ.

— Я буду васъ любить всю жизнь, если бы вы даже не любили и разлюбили меня,—проговорилъ Баклановъ съ чувствомъ.

— Ну, я-то ужъ не разлюблю, кого полюблю, — сказала Евпраксія и слегка покраснѣла.

— О, и я! Ручку вашу! Да?

— Ну, смотрите же, не обманите меня!—сказала Евпраксія, подавая ему руку. — Я въ васъ съ перваго же раза почувствовала какую-ту вѣру.

— Вѣру?

— Да! Подите къ maman, я должна одѣваться!

Баклановъ хотѣлъ попросить у ней поцѣлуя, но не посмѣлъ.

Въ тотъ же день была «пятница», и часовъ въ девять начали съѣзжаться гости.

Баклановъ съѣздилъ домой и надѣлъ фракъ.

За ужиномъ было объявлено, что mademoiselle Eupraxie помолвлена за monsieur Бакланова.

XXIV.

Испытаніе.

Въ городѣ про Евпраксію говорили: «это невѣста не пылкая и не страстная». Баклановъ тоже, желая съ ней сблизиться, не могъ достигнуть этого въ той степени, въ какой желалъ бы.

— Ты любишь меня? — спрашивалъ онъ ее.

— Люблю!—отвѣчала односложно Евпраксія.

— Но, знаешь, нѣсколько ужъ очень спокойно: хоть бы поревновала меня или покапризничала надо мной!..

— Да зачѣмъ же?—возразила Евпраксія съ улыбкой:—если бы ревновать была причина, такъ я бы лучше не пошла за

тебя, а если бы я капризна была, такъ ты бы, вѣроятно, не женился на мнѣ.

Баклановъ долженъ былъ согласиться, что все это весьма справедливо и умно.

Разъ онъ принесъ къ ней «Бориса Годунова» Пушкина и сталъ ей читать сцену у фонтана.

— Ты хладнокровная Марина Мнишекъ, а я пылкій Самозванецъ!—говорилъ онъ ей, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Григорій приходитъ въ себя, онъ даже вскочилъ и продекламировалъ передъ невѣстой:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы ополчила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я...

Баклановъ при этомъ замѣтилъ, что Евпраксія усмѣхнулась.

— Тебѣ смѣшно только! — проговорилъ онъ съ досадой.

— Да какъ же не смѣшно! Вдругъ я Марина Мнишекъ, а онъ Самозванецъ! Тутъ и въ чувствахъ даже ничего нѣтъ общаго.

«Она чортъ знаетъ какъ умна!»—подумалъ Баклановъ; но вслухъ однако проговорилъ:

— Очень ужъ вы, Евпраксія Арсентьевна, разсудительны.

— Не разсудительна, а только словъ пустыхъ не люблю,— отвѣчала она, по обыкновенію своему, спокойно.

Больше еще всего, кажется, Евпраксія любила музыку. Она играла правильно, отчетливо, со смысломъ; но и тутъ Баклановy казалось, что она мало увлекается, а только проиграетъ иногда огромную пьесу и потомъ на нѣсколько минутъ глубоко-глубоко задумается.

Что̀ она въ эти минуты думала, Богъ ее знаетъ: никогда не сказывала, хоть Баклановъ и часто спрашивалъ ее.

— Не люблю я про это говорить,—отвѣчала она.

— Вообще про то, что̀ чувствуешь?

— Да! — отвѣчала Евпраксія.

Баклановъ, оставаясь съ невѣстой наединѣ, принимался ее цѣловать въ лицо и въ шею. Евпраксія, нисколько не женируясь, отвѣчала ему тоже поцѣлуями.

Однажды онъ сталъ передъ ней на колѣни и прильнулъ губами къ ея выставившейся ножкѣ.

Евпраксія, кажется, и не поняла этого страстнаго съ его стороны движенія и только посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Передъ уходомъ Баклановъ обыкновенно прижималъ ее къ груди своей и долго-долго цѣловалъ ее въ лобъ.

Евпраксія ему повиновалась.

XXV.

Банковый билетъ.

Послѣднее время Софи цѣлые дни сидѣла дома. О, какъ она была печальна!

Разъ, вечеромъ, къ ней вошла Иродіада.

— Куда ты цѣлый день пропадаешь?—говорила ей съ досадою Софи: — довольно ужъ этою любовью своей заниматься.

— По городу немножко погуляла: на свадьбу смотрѣла-съ,— отвѣчала та.

— На чью?

— Нашего Александра Николаича.

Софи поблѣднѣла.

— А сегодня свадьба?

— Сегодня-съ! Сейчасъ вѣнчать будутъ у Спаса.

— А что̀ меня въ церковь пустятъ?—спросила Софи, устремляя на горничную какой-то странный взглядъ.

— Отчего жъ не пустить?—отвѣчала та.

— Давай мнѣ одѣваться... давай все лучшее!.. — говорила Софи и начала сама приводить въ порядокъ свои волосы.

Дѣло это горѣло у нея въ рукахъ: ни одинъ парикмахеръ не сумѣлъ бы такъ скоро и такъ къ лицу причесать ея роскошные локоны. Иродіада принесла ей великолѣпнѣйшее визитное платье.

— Выкупили бы, сударыня, ваши вещи-то, а то надѣть вамъ нечего! — говорила она, подавая госпожѣ въ самомъ дѣлѣ всего одну небольшую брошку.

— Все выкуплю, все! Не на радость только! — отвѣчала Софи, небрежно застегивая этою брошкой платье на груди. Надѣвая французскія перчатки, она одну изъ нихъ изорвала. Толстыя ботинки ея громко стучали по паркету.

Въ этомъ нарядѣ Софи, казалось, точно сейчасъ только воротилась съ какого-нибудь вакхическаго вечера.

Коляска ея уже была подана къ крыльцу.

— Къ Спасу, — сказала она.

Вѣнчанье Бакланова происходило въ небольшомъ, темноватомъ придѣлѣ приходской церкви.

Софи, войдя, остановилась у колонны, почти въ самыхъ дверяхъ.

Всю церемонію она простояла неподвижная, какъ статуя.

Вѣнчалъ духовникъ старухи Сабакѣевой, высокій, сухощавый, съ мрачнымъ и неподвижнымъ лицомъ священникъ. Въ

концѣ онъ говорилъ проповѣдь и все стращалъ новобрачныхъ, если не будутъ любить другъ друга, страшными адскими муками.

Выходя, молодые прямо очутились лицомъ къ лицу противъ Софи.

— Je vous félicite, monsieur Баклановъ! — сказала она.— Je vous félicite, madame!—прибавила она и молодой.

Баклановъ поблѣднѣлъ. На лицѣ Евпраксіи тоже отразилось безпокойство: ее очень поразила великолѣпная и въ одно и то же время печальная наружность Софи.

Баклановъ поспѣшилъ усадить жену въ карету и самъ вскочилъ за нею.

Софи вышла вслѣдъ за ними на паперть. Небрежно убранные волосы ея развѣвались вѣтромъ; заколотая въ платье брошка разстегнулась и повисла.

— Madame, вы потеряете вашу вещь! — сказалъ-было ей одинъ изъ молодыхъ людей.

— Merci,—сказала Софи, врядъ ли и слышавшая, что̀ ей сказали, и такъ, не поправивъ брошки, сѣла въ экипажъ.

Пріѣхавъ домой и войдя въ будуаръ, она порывисто сбросила съ себя шаль и начала разрывать платье, корсетъ, а потомъ, залившись вся слезами, упала на постель.

— Хотѣла бы я быть порядочнымъ существомъ, но Богъ не привелъ,—стонала она.

— Полноте-ка, сударыня: есть о чемъ плакать! — утѣшала ее Иродіада.

— Есть, Иродіада, есть! Теперь я совсѣмъ несчастная, — отвѣчала Софи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ коммерческій банкъ отъ неизвѣстнаго лица было внесено на имя дѣйствительной статской совѣтницы Леневой двѣсти тысячъ рублей серебромъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Хоть и прошлая, но не совсѣмъ милая картина.

Если читатель дастъ себѣ трудъ пробѣжать въ умѣ своемъ весь предыдущій разсказъ мой, то онъ, несмотря на случайность выведенныхъ мною лицъ, несмотря на несходство ихъ между собой, прослѣдитъ одну общую всѣмъ имъ черту:

всѣ они живутъ по какому-то, точно навсегда уже установившемуся для русскаго царства механизму. Разумѣется, всѣмъ, кто поумнѣй и почестнѣй, какъ-то неловко; но всѣ въ то же время располагаютъ жизнь свою по тѣмъ правиламъ, которыя скорѣй пришли къ нимъ черезъ ухо, чѣмъ выработались изъ собственнаго сердца и пониманія.

Герой мой, напримѣръ, не имѣя ни способности и никакой наклонности къ службѣ, служитъ и думаетъ, что тѣмъ онъ исполняетъ долгъ свой. Женившись на богатой дѣвушкѣ, онъ давно уже былъ къ ней болѣе чѣмъ равнодушенъ, но считалъ своимъ долгомъ по возможности скрывать это.

Бѣдная моя Софи Ленева, живя подъ покровительствомъ Эммануила Захаровича, тоже врядъ ли не полагала, что это долгъ ея. Окружавшее ее богатство заставляло забывать все: многія молодыя дамы, обыкновенно дѣлавшія при ея имени гримаску, въ душѣ завидовали ея положенію; всѣ пріѣзжіе артисты и артистки и вся мѣстная молодежь считали себѣ за честь бывать у нея на вечерахъ и были въ восторгѣ отъ ея роскоши и красоты.

Изъ другихъ знакомыхъ намъ лицъ, молодые Галкины, несмотря на ограниченныя способности, хоть и плохо, но учились.

Николенька, сынъ доброй губернаторши, если только помнитъ его еще читатель, тоже состоялъ въ одномъ военно-учебномъ заведеніи и наскучалъ матери только тѣмъ, что съѣдалъ, по крайней мѣрѣ, по полупуду въ день конфектъ, и это ужасно пугало ее насчетъ его здоровья.

Но самымъ лучшимъ примѣромъ, какихъ звѣрьковъ то суровое время могло усмирять, служилъ Викторъ Басардинъ. Возвратясь изъ отпуска, на которомъ мы съ нимъ встрѣтились, онъ на первыхъ же порахъ, по юношеской неопытности, вздумалъ-было схватить полкового командира за воротъ. Его за это разжаловали въ солдаты и сослали на Кавказъ. Тамъ онъ едва выкланялъ, чтобъ его произвели въ офицеры, и сейчасъ же вышелъ въ отставку. Въ это время умерла Надежда Павловна; имѣньице свое она отдала мужу. Викторъ, пріѣхавъ на родину и ошибшись въ расчетѣ, избилъ до полусмерти бѣднаго Петра Григорьевича. Тотъ пожаловался на него губернатору и предводителю. Виктора за оскорбленіе отца посадили на годъ въ смирительный домъ, откуда освободясь и проживъ потомъ въ Москвѣ, безъ куска хлѣба и безъ сапогъ, онъ, холодный и голодный, пришелъ смиренно къ сестрѣ. Та сжалилась надъ нимъ и опредѣлила его у Эммануила Захаровича по откупу. И такимъ образомъ, научен-

ный горькими опытами жизни, молодой человѣкъ обнаруживалъ къ сестрѣ величайшую нѣжность, а къ Галкину почти благоговѣніе.

Въ дѣйствующихъ средахъ общества между тѣмъ рѣшительно царствовала какая-то военная сила. Въ Петербургѣ придумали, что Англія будто бы страна торговли, Германія—учености, Италія—искусствъ, Франція—оселокъ, на которомъ пробуются разныя политическія учрежденія, а Россія — государство военное. Въ самомъ дѣлѣ оно, должно-быть, было военное! Какой-нибудь нашъ знакомый презусъ, гарнизонный полковникъ получалъ въ годъ съ батальона тысячъ по пятнадцати. Въ карабинерныхъ полкахъ, для образованія бравыхъ и молодцоватыхъ унтеръ-офицеровъ, изъ пяти кантонистовъ забивали двоихъ.

Губернаторы въ своей милой власти разыгрывались до послѣдней прелести.

За ними властвовалъ и господствовалъ откупъ. Разные Ардаки, разные Эммануилы Захаровичи и разные изъ русскихъ плуты, по одной рожѣ-то каторжные, считались за геніевъ.

Люди, въ родѣ Нетопоренка, трактовались за людей необходимыхъ и полезнѣйшихъ для общества.

Дворянство, хоть и сильно курившее ѳиміамъ всевозможнымъ властямъ и почти поголовно лѣзшее въ службу, все еще обнаруживало нѣкоторое трепетаніе; даже нашъ скромнѣйшій Петръ Григорьевичъ говорилъ: «Мы, дворяне, кое-что значимъ! Все не мужики, не купцы и не мѣщане!»

Купечество, по разнымъ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, плутовало спокойнымъ образомъ, зная, что деньгами всякую дыру, если только ее найдутъ, замазать можно.

Простой народъ сталъ приходить наконецъ въ отупѣніе: съ него брали и въ казну, и барину, и чиновникамъ, да его же еще чуть не ежегодно въ солдаты отдавали.

Какъ бы въ отместку за все это, онъ неистово пилъ отравленную откупную водку и, приходя оттого въ скотское бѣшенство, дрался, какъ звѣрь, или со своимъ братомъ, или съ женой, и безпрестанно попадалъ за то на каторгу.

Образованіе по всѣмъ вѣдомствамъ все больше и больше суживалось: въ корпусахъ было безсмысленно подтянутое, по гимназіямъ совершенно распущенное, а по семинаріямъ, чтобы не отстать отъ вѣка, стали учить только-что не танцовать. Оттуда, отсюда и отовсюду молодые люди выходили ничего несмыслящіе.

Всюду слышался неумолкающій ни на минуту, но въ то же время глухой и затаенный ропотъ.

Сама природа, какъ бы раздѣляя это раздраженно-напряженное состояніе, насылала то тутъ, то тамъ холеру.

II.

Что-то вѣетъ другое!

Въ сентябрѣ 1853 года нашъ посолъ князь Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя.

Зачѣмъ и изъ-за чего эта война началась — въ народѣ и въ обществѣ никто понять не могъ. Впрочемъ, не особенно и безпокоились: турокъ мы такъ привыкли побѣждать! Но Европа двинула на насъ флоты англійскій, французскій и турецкій!

Хомяковъ писалъ въ стихахъ, что это на судъ Божій сбираются народы.

Несмотря на нечеловѣческое самоотверженіе войска, стало однако оказываться, что мы не совсѣмъ военное государство; но зато государство совсѣмъ ужъ безъ путей сообщенія...

Въ Европѣ удивлялись нашимъ полуголоднымъ солдатамъ и смѣялись надъ генералами.

Съ 18 февраля 1855 года Россія надѣла годичный трауръ.

Героизмъ Нахимова, горѣвшій, какъ отрадный свѣточъ, передъ очами народными, и тотъ наконецъ погасъ. Въ сентябрѣ 1855 года была напечатана лаконическая депеша изъ Севастополя: «наши верки страдаютъ»!

Исходъ дѣла сталъ для всѣхъ понятенъ.

Всѣ почувствовали общее, и нельзя сказать, чтобы несправедливое, къ самимъ себѣ презрѣніе.

«Русскій Вѣстникъ» уже выходилъ. Щедринъ сталъ печатать свои очерки. По губерніямъ только поеживались и пошевеливались и почти со слезами на глазахъ говорили: «Ей-Богу, это вѣдь онъ насъ учитъ, а мы и не умѣли никогда такъ плутовать!»

Въ Петербургѣ тоже закопошились.

Добрый нашъ пріятель, цензоръ Ф***, можетъ-быть, лучше многихъ понимавшій состояніе общественной атмосферы, нашелъ совершенно невозможнымъ служить.

— Цензуры нѣтъ! — шепнулъ онъ намъ однажды. — Нѣтъ ея!—воскликнулъ онъ потомъ съ увлеченіемъ. Затѣмъ, будучи самъ большимъ шалуномъ по женской части, объяснилъ подробнѣе свою мысль: — Я прежде, въ повѣстяхъ, если одинъ любовникъ являлся у героини, такъ заставлялъ автора непремѣнно женить въ концѣ повѣсти, а теперь, помилуйте,

передъ героиней торчатъ трое обожателей, и къ концу всѣ разбѣгаются, какъ собачонки.

По другимъ вѣдомствамъ совѣтники Нетопоренки вдругъ найдены несовременными.

Старый дубъ, Евсевій Осиповичъ, счелъ за лучшее успокоить себя въ званіи сенатора.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1857 года, на Сенатской площади собрался народъ, говоря, что выдается указъ о волѣ. Но указъ выходилъ о порядкѣ перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ казенные, и толпу разогнала полиція.

Вслѣдъ затѣмъ раздались довольно неопредѣленные толки, что дворянству поручено говорить на выборахъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Въ провинціи, впрочемъ, все это отражалось какимъ-то глухимъ и неопредѣленнымъ эхомъ.

Въ описываемый мною городъ пріѣхалъ одинъ вновь опредѣленный правовѣдъ и привезъ какой-то листокъ, напечатанный въ Лондонѣ.

Молодой человѣкъ читалъ это въ большомъ обществѣ, многіе имѣли неосторожность смѣяться. Чтеца на другой же день отправили въ Петербургъ съ жандармомъ и съ секретнымъ донесеніемъ, но тамъ его — всего продержали три дня и выпустили,

— Странно!

Герой мой, Баклановъ, все время передъ тѣмъ, какъ мы знаемъ, служившій и получившій даже Станислава на шею, вдругъ началъ находить, что ему неприлично это дѣлать, тѣмъ болѣе, что все неслужебное около него какъ-то шевелилось, попридумывало, изобрѣтало кое-что.

— Я выйду, другъ мой, въ отставку,—сказалъ онъ однажды женѣ:—и займусь лучше коммерческими дѣлами.

— Хорошо!—отвѣчала та и потомъ, съ обычнымъ своимъ благоразуміемъ, прибавила:—сумѣешь ли только?

— Я думаю... тутъ не служба... я никѣмъ и ничѣмъ связанъ не буду!—отвѣчалъ Баклановъ.

Евпраксія ничего на это не сказала и ушла къ дѣтямъ.

Баклановъ вскорѣ потомъ подалъ въ отставку и сталъ отращивать себѣ усы и бороду.

III.

Скука среди семейнаго счастья.

Былъ вечеръ. Въ большой гостиной, передъ карселевою лампой, мирнымъ и тихимъ свѣтомъ освѣщавшею стѣны, кар-

тины и мебель, въ покойномъ плисовомъ сюртукѣ сидѣлъ Баклановъ. Его лицо, сдѣлавшееся отъ отпущенныхъ усовъ и бороды еще красивѣе, было печально.

Евпраксія, тоже значительно пополнѣвшая, съ солидною, хотя и съ спокойною физіономіей, сидѣла около него и работала.

Мальчикъ лѣтъ четырехъ, ихъ старшій сынишка, прелестный, какъ ангелъ, стоялъ на ногахъ на диванѣ и своими ручонками обнималъ Казимиру, которая совсѣмъ стала похожа на добрую французскую bonne. Мужъ ея уже померъ. Съ появленіемъ Бакланова, окончательно оставленный женою, онъ началъ еще больше пить и предаваться волокитству, и, по свойственной этого рода жизни случайности, найденъ былъ утонувшимъ въ пруду. Самъ ли онъ какъ-нибудь залѣзъ туда, или его кинули, никто даже и узнать особенно не постарался.

Другой мальчикъ, лѣтъ около двухъ, пузанчикъ, подъ строжайшимъ присмотромъ няньки-нѣмки, едва переступая съ ножонки на ножонку, шагалъ по мягкому и волнистому ковру и, нерѣдко спотыкаясь, клюкался носомъ въ коверъ; но не плакалъ при этомъ, а, обернувъ личико къ нянькѣ, смѣялся.

При подобной обстановкѣ, среди которой жилъ герой мой,— казалось, и желать было нечего болѣе; но сердце человѣческое—тайна неисповѣдимая: Баклановъ на свое положеніе смотрѣлъ иначе!

Въ настоящій вечеръ у нихъ была въ гостяхъ madame Базелейнъ.

Прежде эта дама была даже мало знакома съ ними; но въ послѣднее время вдругъ повадилась и начала ѣздить довольно часто.

Евпраксія не любила ея; а Баклановъ, напротивъ, находилъ, что она—очень умная и развитая женщина.

Послѣдній эпитетъ онъ нерѣдко и съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ употреблялъ при женѣ. Евпраксія при этомъ, кажется, усмѣхалась про себя.

— Какъ хотите, — говорилъ онъ, обращаясь къ madame Базелейнъ: — но женатый человѣкъ рѣшительно отрѣзанный отъ всего ломоть.

— Но почему же?—спрашивала она его въ недоумѣніи.

— Во-первыхъ-съ,—началъ перечислять ей Баклановъ:— для остальныхъ женщинъ, кромѣ жены своей, онъ не существуетъ. Знаете ли, какое первое ощущеніе мое было, когда я женился?.. Мнѣ показалось, что я въ томъ обществѣ, для котораго все-таки имѣлъ нѣкоторое значеніе, съ которымъ наконецъ былъ связанъ, вдругъ сталъ совершенно чужимъ и одинокимъ.

— Но зачѣмъ же вамъ эта связь съ обществомъ?—возражала ему madame Базелейнъ.

— Я не про то говорю-съ, а про тѣ ощущенія, которыя слѣдуютъ за бракомъ и которыя если не непріятны, то все-таки странны: изъ богача вы дѣлаетесь бѣднякомъ, тысячи субъектовъ мѣняете на одного.

Madame Базелейнъ пожала плечами.

— Въ отношеніи друзей тоже,—продолжалъ Баклановъ:—ужъ неловко съ ними поразгуляться и позашалиться... Пѣшій, по пословицѣ, конному не товарищъ!

— Но зачѣмъ же вамъ все это?—повторяла воздушная madame Базелейнъ:—у васъ есть жена, дѣти!..

— Да, это все есть!—подтвердилъ Баклановъ насмѣшливымъ голосомъ.

Евпраксія въ продолженіе всего этого разговора соблюдала строгое молчаніе, и только при послѣднихъ словахъ мужа какъ бы легкая краска выступила на лицѣ ея, а Казимирѣ точно стало неловко и стыдно. Она внимательно принялась разсматривать лежавшій подъ лампою коврикъ.

Въ это время однако Евпраксію вызвали кормить грудью третьяго ребенка, а старшій сынокъ, соскочивъ съ дивана, побѣжалъ въ залу. Казимира, ни на шагъ его обыкновенно не оставлявшая, пошла за нимъ.

Баклановъ и madame Базелейнъ остались вдвоемъ.

— Ахъ, мужчины, мужчины, всего-то вамъ мало!—сказала та и покачала головой.

— Да чего всего-то? чего?—перебилъ ее Баклановъ.

Съ нѣкотораго времени онъ все болѣе и болѣе сталъ прикидываться, особенно передъ молодыми дамами, не совсѣмъ счастливымъ мужемъ.

— Вы будете у генералъ-губернатора на балѣ?—перемѣнила гостья разговоръ на другой предметъ.

— Да не знаю, позовутъ ли?—отвѣчалъ Баклановъ.

— О, непремѣнно!—подхватила Базелейнъ:—вы знаете: онъ нынче тактику совсѣмъ хочетъ перемѣнить... Ему изъ Петербурга прямо написали и поставили на видъ Суворова, что вотъ человѣкъ—сумѣлъ же сойтись съ цѣлымъ краемъ. Онъ просто хочетъ теперь искать въ обществѣ.

— Дай Богъ, — отвѣчалъ Баклановъ: — чтобъ они для общества жили, а не общество для нихъ.

— Ужъ именно, именно!—подтвердила восторженно madame Базелейнъ.

Дама эта, за какой-нибудь годъ передъ тѣмъ, видѣла только что не у башмака своего лежавшимъ все к—е общество, а

теперь, чтобы сблизить своего патрона съ лицами, по преиму ществу державшими себя въ отношеніи его непріязненно, она ѣздила къ нимъ и въ дождь и въ слякоть. Баклановы, въ этомъ случаѣ, были одними изъ первыхъ.

Когда Евпраксія возвратилась, madame Базелейнъ начала безконечно къ ней ласкаться. Съ какимъ-то благоговѣйнымъ вниманіемъ она разспрашивала ее, какъ она кормитъ ребенка, не безпокоитъ ли онъ ее.

Евпраксія на все это отвѣчала ей серьезно-сухо.

— А что̀ ваша дочь? — спросила она ее въ свою очередь.

— Ахъ, она у меня чудо какъ развивается, чудо!—отвѣчала Базелейнъ.

Выраженіе лица Евпраксія было насмѣшливо.

Гостья наконецъ стала собираться.

Баклановъ пошелъ провожать ее.

— Какъ все это мило!..—говорила Базелейнъ, проходя мраморную залу и Богъ знаетъ на кого показывая: на самую ли залу, или на игравшихъ въ ней дѣтей.

— И скучно!—добавилъ, идя вслѣдъ за ней, Баклановъ.

Madame Базелейнъ покачала только головой.

Проводивъ ее, Баклановъ сѣлъ на полъ около дѣтей.

— Валерка!—крикнулъ онъ старшему сыну:—ну, хочешь кататься?

Мальчикъ сейчасъ же забрался ему верхомъ на шею и началъ на немъ скакать, какъ на лошади.

— Ну, поди и ты, коропузикъ! — крикнулъ Баклановъ маленькому.

Тотъ переправился къ нему.

— Ну, цѣлуйте!—скомандовалъ Баклановъ.

Валерьянъ сейчасъ же нагнулся и началъ его цѣловать несчетно разъ. Маленькій тоже тянулся къ нему со своими губенками.

Панна Казимира смотрѣла на всю эту сцену съ сложенными руками и потупленными глазами.

Дѣти цѣловали отца, по крайней мѣрѣ, съ полчаса.

— Однако какіе это безсмысленные поцѣлуи дѣтскіе,—обратился онъ вдругъ къ Казимирѣ.

— Отчего же?—спросила та, краснѣя.

— Такъ!—отвѣчалъ Баклановъ и всталъ.

— Что̀ жъ, поиграйте еще съ дѣтьми, — сказала-было ему Казимира.

— Нѣтъ! скучно!—повторилъ онъ, зѣвая, и ушелъ къ себѣ въ спальню спать, хоть всего еще только было десять часовъ.

IV.

Праздныя и порочныя мечтанія.

Баклановы обѣдали.

Евпраксія, какъ честная и пышная римская матрона, сидѣла на концѣ стола. По правую руку отъ нея помѣщались: Казимира съ старшимъ, Валеркой, какъ его звалъ отецъ, а по лѣвую—нянька-нѣмка со вторымъ, Колькой. У обоихъ дѣтей были особые серебряные приборы, и оба скромнѣйшимъ образомъ сидѣли на своихъ высокихъ стульчикахъ.

Обѣдъ у Баклановыхъ былъ всегда отличный; поваръ ихъ врядъ ли былъ не искуснѣй повара Эммануила Захаровича; вина самаго высокаго сорта, прислуга скромная, вѣжливая. Но ничто это не плѣняло Александра!.. Въ его воспоминаніи проходилъ другой, скудный обѣдъ въ Ковригинѣ, когда онъ сидѣлъ около молоденькой дѣвушки и пожималъ подъ столомъ ея ножку: о, какая то была поэзія,—и какая все окружавшее его теперь проза!

Къ концу обѣда зашелъ разговоръ о приглашеніи на балъ, которое въ самомъ дѣлѣ было получено отъ генералъ-губернатора.

— Я не поѣду!—сказала Евпраксія рѣшительно.

— Отчего же?—спросилъ ее Баклановъ, вспыхивая.

— Потому что я никуда не ѣзжу,—отвѣчала Евпраксія.

Баклановъ насмѣшливо улыбнулся.

— Къ другимъ вы можете не ѣздить, — началъ онъ: — но тутъ вѣжливость требуетъ! Наконецъ вы обывательница здѣшняя; у васъ могутъ случиться дѣла и другое прочее.

— У меня никакихъ нѣтъ дѣлъ.

— Но у меня могутъ быть.

— Ну, такъ ты и поѣзжай!

Баклановъ опять и еще ядовитѣе усмѣхнулся.

— По обыкновенію: ни для кого—ничего, ни шагу!—произнесъ онъ.

— Ну да, ни шагу,—повторила Евпраксія.

Въ сущности, Бакланову рѣшительно было все равно, поѣдетъ ли жена на балъ или нѣтъ; но ему хотѣлось только съ ней поспорить и побраниться.

Если маленькія причины имѣютъ иногда большія послѣдствія, то и наоборотъ: большія явленія имѣютъ, между прочимъ, самые миніатюрные результаты.

На героя моего ужасно вліяла литература; съ каждымъ смѣ-

лымъ и откровеннымъ словомъ ея міросозерцаніе его мѣнялось: сначала опротивѣла ему служба, а теперь стала казаться ненавистной и семейная жизнь. Поэтическій и высокохудожественный протестъ противъ брака Жоржъ-Занда казался ему послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости—только жертвой въ этомъ случаѣ онъ находилъ не женщину, а мужчину, т.-е. себя.

— Вѣдь этакъ трактовать цѣлое общество нельзя... нельзя!—повторялъ онъ насмѣшливо, обращаясь къ Евпраксіи: — что мы-де вотъ выше всѣхъ и никого знать не хотимъ; надобно спросить, какъ и другіе насъ понимаютъ!

— Я и не считаю себя выше другихъ. Что̀ ты такимъ образомъ перетолковываешь мои дѣйствія?—сказала Евпраксія, уже разсердившись на мужа.

— Отчего жъ вы не ѣдете?—спросилъ онъ.

— Потому что тамъ все будутъ свѣтскія дамы, а я не свѣтская.

— Что̀ же вы такое? Вотъ бы интересно знать, что̀ это такое?.. Что-то очень ужъ, должно-быть, необыкновенное!—говорилъ Баклановъ, — въ этотъ день онъ былъ до гадости золъ.

— Когда женились на мнѣ, такъ видѣли, что̀ я такое! — сказала Евпраксія.

Лицо ея попрежнему оставалось спокойно.

— Нѣтъ, не видалъ, — отвѣчалъ Баклановъ:—и теперь не вижу, да и врядъ ли когда увижу.

— Ну да,—повторила опять Евпраксія и замолчала, а потомъ, когда обѣдъ кончился, тотчасъ же встала и ушла въ гостиную.

Баклановъ остался еще за столомъ.

Онъ налилъ себѣ стаканъ вина и велѣлъ подать сигару.

Равнодушный уходъ жены еще больше раздражилъ его.

— Вѣдь камень, и тотъ не живетъ, какъ мы живемъ,—говорилъ онъ совершенно громко и обращаясь къ Казимирѣ, которая осталась, потому что Валерка доѣдалъ еще пирожное:— и тотъ что-нибудь, хоть пыль, да даетъ въ воздухѣ, и самъ наконецъ притягиваетъ песчинки, а мы—ничего.

Положеніе Казимиры было очень щекотливое.

— Что̀ если бы состоянія у насъ не было? — продолжалъ громко Баклановъ: — куда бы и на что мы годились!.. Ѣсть, спать, родить дѣтей, кормить ихъ на убой!

При этихъ словахъ Евпраксія, все это слышавшая, подняла наконецъ глаза на образъ.

— Онъ и ихъ ненавидитъ, Боже, Боже мой!—проговорила она и склонила голову.

Баклановъ между тѣмъ продолжалъ разсуждать.

— По-моему, человѣкъ безъ темперамента, безъ этого прометеевскаго огонька, который одинъ только и заставляетъ насъ безпокоиться и волноваться, хуже тряпки, хуже всякаго животнаго!

И затѣмъ, видя, что въ залѣ никого нѣтъ, ни Казимиры ни даже лакеевъ, онъ всталъ и ушелъ въ кабинетъ.

Одною изъ главныхъ причинъ недовольства его бракомъ было то, что холодная Евпраксія не представляла ужъ никакой для него прелести, и его мучило нестерпимое желаніе завести интрижку.

Но съ кѣмъ?

Чаще всего, въ этомъ случаѣ, онъ думалъ о Софи.

Лично онъ съ ней, въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, не встрѣчался и только стороной слыхалъ, какъ она на какомъ-нибудь пикникѣ каталась, окруженная толпою молодежи, видалъ ее иногда издали въ театрѣ, блистающую красотой и нарядами.

Богъ съ ней, съ кѣмъ бы эта прелестная женщина ни интриговала; но она могла бы доставить ему море блаженства, а всего этого онъ лишалъ себя тѣмъ, что былъ женатъ.

V.

Акціи.

Евпраксія настояла на своемъ и не поѣхала на балъ. Баклановъ пріѣхалъ одинъ.

Въ первой же комнатѣ онъ встрѣтилъ косого Никтополіонова.

Тотъ сейчасъ же подхватилъ его подъ руку и отвелъ въ сторону.

— Что̀ вы тамъ, батюшка, сидите, а?—спросилъ онъ обыкновеннымъ своимъ тономъ, чтобы сразу напугать человѣка.

— Что̀ такое?—спросилъ Баклановъ въ свою очередь.

— Есть у васъ акціи общества «Таврида и Сирена»?

— Нѣтъ.

— Такъ что̀ же это вы?.. что̀ это такое?—кричалъ Никтополіоновъ:—сидите съ деньгами, съ домами, и не берете!

— Я, право, еще даже и не думалъ объ этомъ,—отвѣчалъ Баклановъ.

— Онъ и не думалъ, а!.. скажите, пожалуйста! Ассюрировано 4 процента отъ правительства, помильная плата и перевозъ отъ казны провіанта. Онъ не думалъ объ этомъ! Въ банкѣ-то что̀? По двѣ ужъ копейки на рубль даютъ... Пора подумать-то объ этомъ!

Баклановъ въ самомъ дѣлѣ подумалъ. У него у самого были небольшія деньги, а у жены такъ и довольно серьезныя.

— Тутъ вѣдь можно проиграть и выиграть,—возразилъ онъ, смутно припоминая себѣ и соображая, что̀ такое значитъ акція.

— Какимъ же образомъ проиграть? Такъ ужъ всѣ сумасшедшіе. Теперь на каждую акцію по пятидесяти рублей преміи.

— Значитъ, надо приплатить?—спросилъ Баклановъ.

— Такъ что̀ жъ изъ того!.. Вонъ я вчера далъ лишнихъ по тридцати рублей, а сегодня самъ получилъ по пятидесяти. Всего только одну ночь пролежали въ карманѣ: невеликъ, кажется, трудъ-то.

— Это недурно!—сказалъ Баклановъ.

— Еще бы!—подхватилъ Никтополіоновъ:—дѣло въ отличнѣйшемъ порядкѣ... Я сдѣланъ распорядителемъ на здѣшней дистанціи.

«Вотъ это-то ужъ дурно!»—подумалъ Баклановъ.

— Учредитель этого общества геніальный человѣкъ!.. Первая, можетъ-быть, голова въ Россіи!—продолжалъ Никтополіоновъ, имѣвшій привычку такъ же сильно хвалить, какъ и порицать.— Ну, такъ какъ же? Ахъ вы, тюлени русскіе!—прибавилъ онъ, глядя ужъ съ ужасомъ на Бакланова.

— Я подумаю!—отвѣчалъ тотъ.

— Подумаю! Подумаю!.. И ничего не подумаетъ!—передразнилъ его Никтополіоновъ.

Но Баклановъ подумалъ и довольно серьезно.

«Въ самомъ дѣлѣ, глупо же держать деньги въ банкѣ, когда вся Европа, всѣ образованные люди играютъ на биржѣ!» — разсуждалъ онъ.

VI.

Опьянѣніе одного и отрезвленіе другой.

Балъ, дававшійся для сближенія съ обществомъ, должно-быть, въ самомъ дѣлѣ заключалъ въ себѣ все общество. Въ слѣдующихъ комнатахъ была толпа мужчинъ,—все, по большей части, черноволосыхъ, и нельзя сказать, чтобы съ особенно благородными физіономіями. Баклановъ замѣтилъ только одного благообразнаго старика, съ вьющимися сѣдыми волосами и съ широкою бородой, — но и то потомъ оказалось, что это былъ проѣзжій музыкантъ-нѣмецъ.

Дамы, напротивъ, блистали прекрасными нарядами, и было много хорошенькихъ.

Вѣжливый хозяинъ принималъ всѣхъ въ дверяхъ.

— Старый другъ лучше новыхъ двухъ! — сказалъ онъ, когда мимо него проходилъ Баклановъ.

— Ждетъ Ѳедотъ у своихъ воротъ!—объяснилъ онъ и проходившему потомъ чиновнику.

Между всѣми дамами Баклановъ сейчасъ же замѣтилъ Софи Леневу въ чудесномъ бархатномъ платьѣ, стройную, высокую и съ какою-то короной на головѣ. Тутъ онъ невольно вспомнилъ свою супругу, всегда одѣтую просто и гораздо больше занятую дѣтьми, чѣмъ нарядами.

Софи, по ея щекотливому положенію, была въ первый еще разъ на великосвѣтскомъ балу. Начальникъ края въ этомъ случаѣ хотѣлъ показать совершенно равное вниманіе ко всему обществу; но дамы его круга (обыкновенно подличавшія передъ madame Базелейнъ) нѣсколько обидѣлись этимъ приглашеніемъ и даже старались ходить подальше отъ Софи, но зато она была окружена всѣми лучшими молодыми людьми.

Бакланову ужасно хотѣлось продраться въ эту толпу; онъ рѣшился непремѣнно поговорить съ Софи и возобновить съ ней старое знаконство.

Случай ему поблагопріятствовалъ.

Софи прошла мимо его.

— Bonjour, Баклановъ!—сказала она ему сама и сама же протянула къ нему руку, обтянутую въ бѣлую лайковую перчатку.

Цѣлый потокъ электричества проникъ при этомъ въ Бакланова. Онъ подмѣтилъ, что рука Софи немножко дрожала.

— Могу я просить васъ протанцовать со мной кадриль?— сказалъ онъ, догоняя ее.

— Очень рада!—отвѣчала Софи, обертывая къ нему головку и кланяясь ему немножко величественно, какъ обыкновенно кланяются актрисы-королевы.

Баклановъ понялъ, что это была ужъ не прежняя дѣвочка-кокетка, не прежняя даже юная и пылкая, но еще робкая вдова, а интриганка, которая умѣла смотрѣть и на васъ, и на другого, и на третьяго.

Но все это еще больше подняло ее въ его глазахъ.

Они стали въ кадриль и, надобно сказать, представляли собой, по изяществу своихъ манеръ, лучшую пару.

Это замѣтилъ даже начальникъ края и, по обыкновенію своему, объяснилъ поговоркой, чортъ знаетъ что̀ ужъ и значившею:

— Пара не пара, а такъ надо!

Баклановъ посадилъ Софи на стулъ и самъ сталъ около нея.

Довольно открытая въ бальномъ платьѣ и приподнятая на корсетѣ грудь Софи страстно и порывисто дышала.

Баклановъ не могъ видѣть этого безъ трепета и рѣшительно не находился, о чемъ бы заговорить.

Софи, хоть и съ поддѣльнымъ спокойствіемъ, но молчала.

Баклановъ думалъ:

«Вотъ женщина, на которую я когда-то имѣлъ права, но которая теперь совершенно далеко отъ меня. Думаетъ ли она въ эти минуты о томъ же?»

— Я къ вамъ давно хотѣлъ взять смѣлость заѣхать,—началъ онъ глупо и ненаходчиво.

— Очень рада!—отвѣчала Софи, поправляя платье.

Бакланову показалось, что она при этомъ ласково взглянула на него.

— Софи, вы на меня сердитесь еще?—осмѣлился онъ наконецъ заговорить искреннѣе.

— Нѣтъ!—отвѣчала она.

Баклановъ явственно слышалъ, что голосъ ея былъ грустенъ и полонъ значенія.

— Значитъ, я въ самомъ дѣлѣ могу къ вамъ пріѣхать?—продолжалъ онъ.

— Пожалуйста. У меня вечера по средамъ,—сказала Софи.

Самый отвѣтъ и голосъ ея при этомъ ничего уже не выражали.

Баклановъ видѣлъ одно, что Софи была ни весела ни счастлива.

Это же самое замѣтилъ и подошедшій къ ней инженерный офицеръ, премолоденькій и преглупый, должно-быть.

— Вы съ каждымъ днемъ, какъ заря вечерняя, все становитесь грустнѣй и грустнѣй,—сказалъ онъ.

— Старѣюсь!—отвѣчала ему Софи съ улыбкой.

— О, нѣтъ, вы прелестны еще, какъ гурія,—объяснилъ прапорщикъ, пожимая плечами.

— Что за пошлости вы говорите!—сказала ему безъ церемоніи Софи и встала.

Въ это время кадриль кончилась.

— Я буду у васъ,—повторилъ еще разъ Баклановъ.

— Пожалуйста!—повторила Софи и опять совершенно равнодушнымъ голосомъ.

Баклановъ ушелъ въ другія комнаты и сѣлъ играть въ карты.

Молодые люди не давали Софи вздохнуть. Ее безпрестанно приглашали на вальсъ, на польки, на кадриль, наконецъ къ ней разлетѣлся и самъ Эммануилъ Захаровичъ, въ бѣломъ жилетѣ, въ бѣломъ галстукѣ, отчего рожа его сдѣлалась еще чернѣе. Софи взмахнула на него непривѣтливо глазами: от-

казать ему не было никакой возможности. Онъ пригласилъ ее при всѣхъ и вслухъ.

Они стали.

По лицамъ большей части гостей пробѣжала улыбка, но музыка въ это время заиграла, и пары задвигались.

— Что̀ это вы, съ ума сошли!—сказала шопотомъ и бѣшенымъ голосомъ Софи своему кавалеру, хотя по наружности и улыбалась.

— Сто зе?—спросилъ ее робко почтенный еврей.

За деньги, онъ полагалъ, что вездѣ и все можетъ дѣлать.

— Я не позволю вамъ нигдѣ бывать, гдѣ я бываю,—шептала Софи.

— Сто зе я сдѣлалъ?—спрашивалъ тотъ въ недоумѣніи.

— Вы оселъ, дуракъ, потому и не понимаете,—продолжала Софи, дѣлая съ нимъ шенъ.

Эммануилъ Захаровичъ краснѣлъ въ лицѣ.

— Извольте сейчасъ же итти и просить другихъ дамъ, чтобы танцовала съ вами не я одна!

Эммануилъ Захаровичъ, кончивъ кадриль, пошелъ по всѣмъ дамамъ; но съ нимъ согласилась протанцовать одна только жена Іосифа Яковлевича, очень молоденькая дама, на которой тотъ только-что женился.

— Эммануилка-то все со своими возится!—замѣтилъ вслухъ и на всю почти залу Никтополіоновъ.

Софи послѣ кадрили немедля уѣхала.

Она была взбѣшена, какъ только возможно, и проплакала всю ночь.

Бѣдная женщина! Она тоже, хоть читать ничего не читала, но зато отъ ѣздившихъ къ ней молодыхъ людей безпрестанно слышала: «подлость!..», «гадость!..», «подкупъ!..». И съ каждымъ ихъ словомъ она все болѣе и болѣе начинала сознавать весь ужасъ своего положенія.

То, что̀ Бакланова сбивало съ панталыку, ее наводило на путь истинный: при нахлынувшемъ со всѣхъ сторонъ болѣе свободномъ воздухѣ, въ комъ какіе были инстинкты, тѣ и начинали заявлять себя.

VII.

Сокровища пріобрѣтены.

Не болѣе какъ черезъ недѣлю Никтополіоновъ снова поймалъ Бакланова въ клубѣ и стыдилъ его при всѣхъ.

— Вотъ вамъ, рекомендую, господа,—говорилъ онъ, пока-

зывая на него евреямъ, грекамъ, армянамъ и русскимъ:— вотъ господинъ, у котораго сто тысячъ въ карманѣ, и онъ ихъ держитъ за двѣ копейки въ банкѣ.

Греки, армяне и русскіе при этомъ усмѣхнулись, а евреи такъ даже воскликнули:

— Зацѣмъ зе это онъ такъ дѣлаетъ съ своими деньгами?

— Но гдѣ же сто тысячъ!—возражалъ стыдливо Баклановъ и, возвратясь домой, рѣшился сдѣлать то, что̀ ему всѣ совѣтовали.

Но прежде, впрочемъ, ему надобно было переговорить съ женой.

— Что̀ за вздоръ такой, пускаться въ эту игру?—возразила ему Евпраксія съ первыхъ же словъ.

Согласись она съ нимъ и не оспаривай, Баклановъ, можетъ-быть, еще подумалъ бы и вообще сдѣлалъ бы это дѣло нѣсколько осмотрительнѣй; но тутъ онъ разсердился на жену и потерялъ всякій здравый смыслъ.

— Вѣдь это не осторожность, а одна тюленья неповоротливость только!—развивалъ онъ мысль Никтополіонова.

Евпраксія на это, по обыкновенію, молчала.

Бакланова это еще болѣе выводило изъ терпѣнія...

— Дайте мнѣ мои деньги. Я не намѣренъ ихъ безполезно держать, какъ полѣнья, въ своемъ шкапу,—говорилъ онъ.

Евпраксія пошла и принесла ему.

— Вашихъ вы мнѣ, конечно, не довѣрите, потому что я вѣдь дуракъ... ничего не смыслящій... способный только разорить семью... беру эти деньги на карточную игру, на любовницъ!

— На̀те вамъ и мои деньги, если вы полагаете, что это меня останавливаетъ!—сказала Евпраксія и подала ему и свои приданыя пятьдесятъ тысячъ.—А остальныя двадцать пять тысячъ не мои, а дѣтскія; я не могу ими располагать!—сказала она.

— Стало-быть, я мужемъ еще сноснымъ могу быть, а отцомъ нѣтъ,—благодарю хоть и за то!—сказалъ онъ, кладя деньги въ карманъ.

Евпраксія наконецъ разсердилась.

— Что̀ это за страсть, Александръ, у васъ перетолковывать каждый мой шагъ, каждое слово? Если что̀ вы находите дурнымъ во мнѣ, скажите прямо... Къ чему же всѣ эти колкости-то?

— Ну, поѣхала! только этого недоставало!..—отвѣчалъ Баклановъ и, хлопнувъ дверьми, ушелъ изъ комнаты.

Евпраксія поспѣшила отереть слезы и сѣла на свое мѣсто.

На другой день Баклановъ, заплативъ огромную премію, накупилъ акцій — все больше общества «Таврида и Сирена».

— Вотъ извольте-съ, не промоталъ ни копейки! Все обращено только въ болѣе производительную форму,—говорилъ онъ, раскладывая акціи и любуясь ихъ купонами, нарисованными на нихъ пароходами и такъ внушительно выставленными цифрами ихъ стоимости.

Евпраксія однако совершенно равнодушно и холодно приняла всѣ эти бумаги и положила ихъ въ комодъ.

Бакланова опять разсердило это равнодушіе.

«У этой женщины рѣшительно кровь по три раза въ сутки обращается... Кругомъ ея кипятъ и просыпаются всѣ народныя силы, а она—точно не видитъ и не чувствуетъ этого!..»

Впрочемъ, онъ ничего ей не сказалъ, а ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и, улегшись на диванъ, сталъ вычислять въ умѣ, сколько онъ будетъ получать процентовъ.

— Вашъ герой какъ ребенокъ поступаетъ!—замѣтятъ мнѣ, можетъ-быть, нѣкоторые.

А сами вы лучше, благоразумнѣе накупили акцій, признайтесь-ка?

VIII.

Общество Софи.

Среда наступила наконецъ. У Софи уже былъ кой-кто: благообразный старикъ-музыкантъ, обѣщавшій у нея играть на вечерѣ; французская актриса m-me Круаль, очень милая и изящная женщина; русская дама въ черномъ платьѣ и четкахъ, ѣхавшая въ Іерусалимъ на богомолье и отрекомендованная Софи Евсевіемъ Осиповичемъ Ливановымъ, который въ послѣднее время съ нашей юной героиней почему-то вступилъ въ переписку; двое-трое молодыхъ людей изъ обожателей Софи, и наконецъ молодая дѣвица, какая-то m-lle Похорская, или Покровская, мечтавшая составить себѣ такую же карьеру, какъ и Ленева.

Викторъ Басардинъ, въ статскомъ платьѣ, съ бородой, довольно красивый собою, но съ изборожденнымъ отъ несовсѣмъ, должно-быть, скромной жизни лицомъ, тоже былъ у сестры и, ходя по ея роскошному будуару, о чемъ-то серьезно съ ней разговаривалъ, или, лучше сказать, просилъ ее.

— Ты ему скажи это, что же это такое! Нынче не преж-

нее время... Онъ тамъ, чортъ знаетъ, въ палатахъ какихъ возится, а мнѣ дровъ не на что купить.

— Возьми у меня денегъ, если нуждаешься, — говорила Софи.

— Да что̀ мнѣ твои деньги? Пусть онъ устроитъ меня посолиднѣе... Впрочемъ, дай, если есть у тебя лишнія! — прибавилъ онъ.

Софи подала все, сколько было у нея въ кошелькѣ.

— Ты ему скажи: онъ у меня теперь въ рукахъ; я все опишу.

— Мнѣ и говорить съ нимъ не хочется,—возразила Софи.

— Да это не для себя, а для меня сдѣлай. Будетъ ужъ, пограбили; пускай и подѣлятся.

Софи было очень скучно слушать ворчанье брата.

— Пожалуйста,—повторилъ онъ, надѣвая перчатки и беря шляпу.

— Куда жъ ты уходишь! У меня музыка сегодня будетъ!— сказала она.

— О, чортъ! терпѣть не могу этого. Мнѣ бы денегъ надо, вотъ что̀! — говорилъ онъ и пошелъ черезъ заднее крыльцо.

Его провожать пошла Иродіада, все время подслушивавшая разговоръ его съ сестрой.

— Барыня-то не знаетъ, какія штуки онъ и противъ ихъ-то дѣлаетъ,—говорила она, подавая Виктору пальто.

— Да,—подтверждалъ тотъ.

— Этта мясника къ нимъ послали раздѣлать, такъ ругалъ-ругалъ госпожу-то при простомъ мужикѣ.

— Скотина этакая! — сказалъ Викторъ, завязывая кашне.

— А вѣдь и про нихъ тоже знаемъ мы немало... — продолжала Иродіада:—говорить-то только не хочется...

— Ты приди какъ-нибудь на квартиру ко мнѣ,—говорилъ Викторъ, сходя съ лѣстницы.

— Слушаю-съ,—отвѣчала Иродіада.

— Какая хорошенькая она!.. О, такъ бы взялъ и поцѣловалъ,—говорилъ Викторъ и въ самомъ дѣлѣ, взявъ ее за подбородокъ, поцѣловалъ.

Иродіада на этотъ разъ нисколько ему въ томъ не воспрепятствовала.

Послѣднее время она очень похудѣла, и лицо ея сдѣлалось совсѣмъ сердитое: коварный обожатель ея, Мозеръ, оставилъ ее и, какъ мы видѣли, женился на другой. Иродіада не любила его; но, по самолюбивому характеру, ей было досадно: наболѣвшее сердце ея совсѣмъ окаменѣло, и она поклялась ко всему ихъ, по ея понятію, поганому роду ненавистью.

Софи, когда братъ ушелъ, вышла въ гостиную. Тамъ всѣ соблюдали величайшую тишину. Старикъ-музыкантъ игралъ на фортепіано пьесу собственнаго сочиненія.

Пріѣхалъ Баклановъ.

Софи подала ему руку и тихимъ наклоненіемъ головы указала ему на мѣсто подлѣ себя.

Баклановъ сѣлъ.

То, что̀ онъ встрѣтилъ тутъ, его сильно поразило: самая послѣдняя мода, самая изящная роскошь глядѣли на него отовсюду.

Дама, путешествующая ко святымъ мѣстамъ, должно-быть, была очень веселаго и живого характера. Она совершенно безцеремонно стояла около старика-музыканта и съ большимъ чувствомъ глядѣла ему въ затылокъ и чѣмъ-то тутъ любовалась: волосами ли его вьющимися, или довольно еще мускулистою шеей, — рѣшить невозможно, равно какъ и того, чѣмъ ея религіозное сердце въ настоящую минуту было преисполнено.

Прелестная m-me Круаль, какъ истая француженка, любившая показать свои ножки, такъ свободно расположила свой кринолинъ, что Баклановъ, сидѣвшій нѣсколько нагнувъ голову, видѣлъ почти весь чулокъ ея.

M-lle Похорская сидѣла, явно прислонясь къ своему кавалеру, молодому человѣку, который, тоже явно держа руку за спинкой стула, обнималъ ее.

Бакланову, привыкшему, въ продолженіе пяти лѣтъ, къ своему благочестивому семейству и выѣзжавшему только въ дома солидные, все это было очень пріятно и чрезвычайно раздражало его. Онъ съ какимъ-то упоеніемъ смотрѣлъ на складки платья Софи, на ея немного выставившуюся ботинку.

— Что̀, ваша жена здорова? — почти разбудила его Софи своимъ вопросомъ.

— Здорова, — отвѣчалъ Баклановъ, поднявъ голову. — Почему вы меня прежде всего объ этомъ спросили? — прибавилъ онъ.

— Да потому, что... — отвѣчала Софи и далѣе не находилась, какъ объяснить. — Она, говорятъ, такая добрая; просто, говорятъ, ангелъ по характеру, — прибавила она наконецъ.

— Все это прекрасно-съ! — подхватилъ Баклановъ: — но знаете ли что̀: такой милой и прелестной женщинѣ, какъ вы...

Софи смотрѣла на него.

— Молодого человѣка, каковъ я все еще пока и который былъ въ васъ влюбленъ...

Софи не спускала съ него глазъ.

— И который наконецъ, вы очень хорошо знаете, и теперь отъ васъ безъ памяти.

— Нѣтъ, я этого не знаю, — возразила Софи спокойно.

— Нѣтъ, вы это знаете! — подтвердилъ Баклановъ: — говорить ему и спрашивать его о женѣ—значитъ обидѣть его и, навѣрное ужъ, огорчить.

— Зафантазировались, мой милый кузенъ, зафантазировались! — сказала Софи, вставая и отходя отъ него.

Въ это время пріѣхало еще новое лицо, графъ З***, женатый человѣкъ, съ которымъ Баклановъ встрѣчался иногда въ обществѣ, но теперь онъ явился съ своею содержанкою Маріей-Терезой-Каролиной Лопандулло. Дѣвушка эта начала свою карьеру тѣмъ, что играла по трактирамъ на арфѣ, а теперь ѣздила въ каретѣ и ходила постоянно въ шелковыхъ платьяхъ, у которыхъ только лифъ на груди, по ея собственному вкусу, былъ очень ужь низко вырѣзанъ.

— Ручку вашу! — сказалъ довольно безцеремонно графъ, обращаясь къ Софи.

Она хлопнула свою ручку въ его огромную ладонь.

Графъ поцѣловалъ ее нѣсколько разъ.

— А я приревную! — сказала дѣвица Марія-Каролина-Терезія ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Можете! — отвѣчала Софи кокетливо.

Баклановъ, чтобы не представить изъ себя глупо-влюбленнаго, подошелъ къ madame Круаль и сталъ съ ней любезничать. Дѣло шло о большомъ кольцѣ на рукѣ ея: Баклановъ просилъ открыть это кольцо, а француженка говорила, что нельзя.

— Ваше кольцо, значитъ, никогда еще не открывалось? — спрашивалъ Баклановъ.

— Нѣтъ, разъ было открыто.

— Только всего разъ? — спросилъ Баклановъ печальнымъ голосомъ.

— Разъ всего! — отвѣчала ему француженка тоже печально.

Къ нимъ подошла Софи.

— Этотъ господинъ страстно влюбленъ въ жену свою и запирается еще въ томъ! — сказала она, показывая француженкѣ на Бакланова.

— О, такъ вы вотъ какой! Такъ подите же прочь отъ меня! — весело подхватила та.

— Послушайте, Софья Петровна, — воскликнулъ Баклановъ: — вы мало что женой преграждаете мнѣ совершенно къ себѣ дорогу, но вредите мнѣ этимъ и у другихъ дамъ!

— Зачѣмъ женились! — сказала Софи, пожимая плечами.

— Я женатыхъ терпѣть не могу, фи! — подтвердила француженка.

— Это ужасно! — говорилъ Баклановъ.

По наружности онъ шутилъ только; но въ душѣ ему, въ самомъ дѣлѣ, было досадно.

— Monsieur Готфридъ! Сыграйте намъ что-нибудь веселенькое! — сказала Софи, прохаживаясь небрежною походкой по залѣ.

— Fort bien, madame! — сказалъ нѣмецъ и сѣлъ.

Дама, путешествующая на востокъ, опять помѣстилась около него.

«Ну, старику отъ этой госпожи не спастись!» — подумалъ Баклановъ.

Готфридъ началъ одушевленнѣйшій вальсъ.

Софи сама подала руку графу и пошла съ нимъ вальсировать.

Молодой человѣкъ взялъ m-lle Похорскую, или Покровскую.

Баклановъ замѣтилъ, что кавалеры очень безцеремонно повертывали дамъ и нарочно, кажется, старались, чтобы платья у нихъ выше поднимались. Дамы тоже какъ-то очень близко держались къ кавалерамъ, кромѣ, впрочемъ, Софи, которая своимъ приличнымъ и нѣсколько даже аристократическимъ тономъ отличалась отъ всѣхъ.

Баклановъ пригласилъ ее на вальсъ.

Онъ чувствовалъ, что Софи невольно и врядъ ли сама догадываясь пожимала его руку.

— Могу ли я къ вамъ пріѣзжать? — спросилъ онъ ее пламеннымъ голосомъ.

Софи, вертясь съ нимъ въ вальсѣ, молча смотрѣла на него своими прекрасными глазами.

— Могу ли? — повторилъ Баклановъ, когда они кончили туръ.

— Пожалуйста! — отвѣчала Софи, и голосъ ея опять ничего не выражалъ.

Часовъ въ двѣнадцать Баклановъ, видя, что другіе молодые люди прощаются и уѣзжаютъ, тоже взялъ шляпу и подошелъ къ Софи. Она въ это время о чемъ-то дружески шепталась съ дѣвицей Маріей-Терезіей-Каролиной.

— Adieu! — проговорила она, довольно небрежно подавая ему руку.

Баклановъ вышелъ.

Онъ былъ очень взволнованъ.

IX.

Онъ пошутилъ!

Мужчина съ табакомъ и виномъ дѣлается похожъ на чорта! — говоритъ нѣмецкая поговорка.

Баклановъ, возвратясь домой, спросилъ себѣ бутылку вина, закурилъ сигару, человѣка отпустилъ спать, а самъ началъ пить и курить.

Болѣе ясно проходившія въ головѣ мысли были слѣдующія:

«Славная вещь — эти немножко шаловливыя женщины».

Сильная затяжка сигарой и рюмка портвейну.

«Какъ бы отлично теперь, вмѣсто того, чтобы ѣхать домой, заѣхать къ какой-нибудь госпожѣ и учинить съ нею оргію».

Еще рюмка и затяжка сигарой.

«Что̀ я Казимиру пропускаю... Она, должно-быть, страстная женщина!»

Новая рюмка и новая затяжка.

«Сходить развѣ къ ней?»

У Бакланова при этомъ въ головѣ даже помутилось.

«Чортъ, пожалуй, разсердится!» — продолжалъ онъ. Однако всталъ. Шаги его были уже неровны.

«Скажу, что заболѣлъ, люди всѣ спятъ, и пришелъ къ ней».

И, недолго думая, онъ запахнулъ халатъ, прошелъ на цыпочкахъ залу, коридоръ и отворилъ дверь въ комнату, гдѣ спала Казимира. Та сейчасъ же услыхала.

— Кто это? — спросила она немножко испуганнымъ голосомъ.

— Это я, Казимира, не тревожьтесь! — говорилъ Баклановъ, подходя къ ней и дотрогиваясь до нея рукою.

— Ахъ, Александръ Николаичъ, не случилось ли чего-нибудь? — воскликнула Казимира, привставая.

— Нѣтъ, ничего; я такъ пришелъ, побыть съ вами, — отвѣчалъ онъ; голосъ его былъ нетвердъ.

— Чтой-то, какъ же возможно въ такое время! Придутъ, пожалуй, кто-нибудь.

— Никто не придетъ, никто! — говорилъ Баклановъ, беря и цѣлуя ея руку.

— Да какъ никто? Тутъ вотъ дѣти, Валеренька спитъ! — говорила Казимира.

— Ну, пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

— Зачѣмъ я пойду къ вамъ? Что̀ мнѣ тамъ дѣлать!

— Мы будемъ сидѣть, разговаривать.

— Нѣтъ, Александръ, ступайте, ступайте! — говорила Казимира, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Если вы не пойдете, я на васъ ужасно разсержусь.

— Какъ это возможно! Душечка Александръ, это невозможно.

— Отчего же невозможно?

— Оттого, что у васъ жена есть! Что̀ вы!

— Убирайтесь вы съ женой! Не люблю я ея. Пойдемте, ангелъ мой!

— Александръ! Умоляю, оставьте меня! Оставь! — говорила Казимира.

— Не оставлю, — говорилъ онъ, обнимая ее и насильно подводя къ двери.

— Александръ! — вздумала было еще разъ воспротивиться Казимира.

— Если ты для меня этого не сдѣлаешь, я возненавижу тебя! — проговорилъ Баклановъ; голосъ его при этомъ звучалъ почти бѣшенствомъ.

— Ахъ, Господи! — воскликнула бѣдная женщина, вся пылая въ его объятіяхъ. — Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, надѣть на себя что-нибудь.

— Ну, надѣньте.

Она торопливо накинула на себя капотъ и надѣла туфли. Баклановъ обнялъ ее и увелъ.

X.

Бѣдная жертва.

Въ семействѣ Баклановыхъ все шло какъ бы попрежнему; но въ самомъ дѣлѣ это было не такъ: безумная Казимира начала чувствовать страхъ непреодолимый къ Евпраксіи и почти что избѣгала ее видѣть, стремясь всей душой быть съ Александромъ, единственнымъ ея спасителемъ и покровителемъ; а онъ, напротивъ, удовлетворивъ минутному увлеченію, почувствовалъ къ Казимирѣ болѣе чѣмъ равнодушіе, почти что отвращеніе; сначала онъ превозмогалъ себя, а потомъ и скрывать этого не могъ, и не только самымъ тщательнымъ образомъ старался не оставаться съ Казимирой съ глазу на глазъ, но даже уходилъ изъ комнаты, въ которую она входила. Казимира наконецъ замѣтила это и поняла: что̀ бы тамъ ни чувствовало сердце, но въ ней заговорила гордость, она сама не стала обращать вниманія на Бакланова, а между тѣмъ, когда ее начинали невыносимо душить слезы, она пила хо-

лодную воду, глотала ледъ, ходила почти босыми ногами по замерзшей землѣ. Все сіе наконецъ воспріяло свои дѣйствія!

Въ одно утро Евпраксія ранѣе обыкновеннаго подошла къ спальнѣ мужа и отворила дверь.

— Что̀ ты спишь? Вставай! — сказала она.

Баклановъ взмахнулъ глазами.

— Казимира больна, — продолжала Евпраксія.

— Больна, чѣмъ? — спросилъ сначала очень равнодушно Александръ,

— Не знаю, вся въ жару, бредитъ, почти ужъ безъ памяти.

— Что̀ же такое она бредитъ? — спросилъ Баклановъ, приподнимаясь ужъ съ постели.

— Да такъ, разную безсмыслицу говоритъ, — я ужъ за докторомъ послала.

— Да, да, за докторомъ, — говорилъ Баклановъ и вслѣдъ за женой несмѣло вошелъ въ комнату Казимиры.

Она лежала на постели и, при входѣ Баклановыхъ, взмахнула-было глазами, потомъ что-то въ родѣ грустной улыбки на мгновеніе явилось на ея лицѣ, затѣмъ она снова закрыла глаза и обернулась къ стѣнѣ.

— Доктора бы скорѣй, доктора, — повторялъ Баклановъ.

Ему наконецъ стало жаль своей бѣдной жертвы.

«Что̀ если она умретъ! Я самъ не перенесу этого! Она мнѣ день и ночь станетъ представляться!» — мелькнуло въ его головѣ, когда онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ.

Докторъ пріѣхалъ.

Евпраксія, съ встревоженнымъ лицомъ, ходила за нимъ.

— Горячка у ней, и очень сильная. Она, должно-быть, или простудилась, или съ ней было какое-нибудь нравственное потрясеніе, — говорилъ тотъ.

— Ничего не было, рѣшительно, — увѣряла его Евпраксія.

— Есть за жизнь опасность, — говорилъ докторъ.

Евпраксія еще больше поблѣднѣла.

Баклановъ продолжалъ сидѣть въ кабинетѣ.

На другой день Казимирѣ стало еще хуже.

Евпраксія отъ нея не отходила. Старшій мальчикъ, никакъ не хотѣвшій ни съ кѣмъ быть, кромѣ своей милой нянюшки, все просился къ ней въ комнату.

Мать взяла его къ себѣ на руки и сидѣла съ нимъ около больной.

Баклановъ совершенно притихъ въ своемъ кабинетѣ: горесть его въ эти минуты была непритворная!

Въ продолженіе недѣли Евпраксія не пила, не ѣла и все сидѣла около Казимиры, брала ее за руку, успокаивала ее,

когда та, остававшаяся по большей части въ безпамятствѣ, начинала метаться.

На седьмой день докторъ сказалъ, чтобы больную исповѣдали и причастили.

Послали за католическимъ священникомъ.

У Бакланова посинѣли ногти, когда онъ услыхалъ звонъ колокольчиковъ, которыми звенѣли мальчики, входя въ комнату умирающей.

Уходя и прощаясь, ксендзъ лукаво и сурово посмотрѣлъ на Бакланова.

Въ ночь Евпраксія вошла въ кабинетъ своего мужа съ встревоженнымъ лицомъ.

— Она, кажется, кончается, — сказала она всхлипывающимъ голосомъ.

— А! — зарыдалъ Баклановъ на весь домъ.

— Чтой-то, помилуй, — стала его успокаивать Евпраксія.

— О, она чудная женщина! — кричалъ Баклановъ. — Мы неправы противъ нея, — о-о-о!

— Перестань, другъ мой, — говорила Евпраксія, садясь возлѣ него. — Чѣмъ же мы противъ нея неправы? Мы ее любили, а теперь будемъ молиться за нее.

— Нѣтъ, она не проститъ насъ, нѣтъ! — рыдалъ Баклановъ.

— Она и не сердится на насъ; напротивъ... Пойдемъ къ ней!

И Евпраксія почти насильно ввела мужа въ комнату больной.

Въ головахъ у той стоялъ ужъ образъ съ зажженною свѣчой.

Евпраксія, въ бѣломъ платьѣ, страдающая, но спокойная, подошла къ Казимирѣ, положила ей на грудь руку, потомъ показала на что-то глазами горничной.

Та подала ей домашній требникъ.

Евпраксія сама начала читать отходную.

Баклановъ осмѣлился выглянуть изъ-за нея на умирающую. Та въ эту самую минуту вдругъ начала дрожать, дрожать всѣмъ тѣломъ.

Горничная стала-было ее одѣвать.

— Не нужно ужъ! — сказала Евпраксія.

Черезъ минуту Казимиры не стало.

Баклановъ въ ужасѣ убѣжалъ опять въ свой кабинетъ и бросился внизъ лицомъ на диванъ.

Онъ только всего одинъ разъ, и то проходя случайно по залѣ, увидѣлъ Казимиру, съ обвалившимся лицомъ и съ закрытыми глазами, лежавшую на столѣ въ бѣломъ платьѣ и съ цвѣтами на головѣ. Ему показалось. что она опять насмѣшливо

улыбается, какъ бы желая тѣмъ сказать: «Что̀, рады? Довели до гроба!».

Все это неизгладимо врѣзалось въ его воображеніи.

Ночи, пока покойница была въ домѣ, онъ спалъ не только въ женниной комнатѣ, но даже на одной кровати съ нею, и даже лежалъ постоянно къ стѣнѣ, точно прячась за нее.

Черезъ нѣсколько дней онъ и самъ наконецъ заболѣлъ.

Евпраксія просто не помнила себя, однако такъ же неутомимо, какъ за Казимирой, ходила и за больнымъ мужемъ.

XI.

Собраніе обличительныхъ свѣдѣній.

Викторъ Басардинъ, въ своей небольшой квартиркѣ, сидѣлъ на диванѣ и разговаривалъ съ Иродіадой, которая тоже сидѣла около него и даже склонивъ къ нему голову на плечо.

Дѣвушка эта, придя къ нему послѣ описаннаго нами свиданія, безъ всякой борьбы сдѣлалась его любовницей и теперь каждый вечеръ бѣгала къ нему.

Не столько связанные любовью, сколько чѣмъ-то болѣе серьезнымъ, они все толковали между собою.

— Она при мнѣ-съ говорила ему!.. «Что̀, говоритъ, что̀ еще мнѣ ему дѣлать!..» — объясняла Иродіада.

— Ну ладно, хорошо!.. хорошо!.. — произнесъ Викторъ, кусая себѣ ногти.

— Вы, баринъ, какъ бы Михайлѣ паспортъ, али бы вольную, что ли, дали, онъ все бы вамъ поразсказалъ.

— Я готовъ!

— Двѣ тысячи цѣлковыхъ они тогда этому человѣку и передали черезъ него.

— Какими, канальи, кушами помахивали!

— Да-съ! А что бухгалтеръ-то, въ острогѣ сидючи, прямо говорилъ: «я, говоритъ, все опишу»... Какъ тоже вотъ теперь въ кабакахъ, убьютъ человѣка, ограбятъ его, — половину цѣловальникъ оставитъ у себя, а половину въ откупъ пришлетъ-съ; или теперь вещи какія кто украдетъ — все туда-съ, деньгами чистыми и выдаютъ.

— Чистыми деньгами? — спросилъ Викторъ, не могшій, кажется, слышать слово «деньги» безъ нервнаго раздраженія.

— Извѣстно ужъ, — отвѣчала Иродіада: — вещь теперь стоитъ денегъ, а за нее даютъ копейки какія-нибудь. Самъ управляющій—чу!—иногда и сортировалъ. Это, говоритъ, на пароходѣ отправить за границу, а это, что̀ подешевле, въ степь отправить продавать.

— Ты вѣдь жила съ нимъ? — спросилъ Викторъ.

Иродіада усмѣхнулась, а потомъ прибавила со вздохомъ:

— Немало тоже, грѣшница, потерпѣла изъ-за этого.

— Отчего же?

— Противенъ онъ мнѣ очень былъ... не русскій чоловѣкъ, извѣстно...

И Иродіада при этомъ обняла и даже поцѣловала Виктора.

— Тогда, какъ нашъ Александръ Николаичъ принялся-было за это дѣло, что̀ у нихъ переполоху было!

— Переполоху?

— Да-съ!.. Михайлу-то они допрежде еще того въ степь отправили, а тутъ Мозеръ самъ ужъ ѣздилъ туда, и упросили, чтобъ онъ на Кавказъ ѣхалъ... Тотъ мнѣ писалъ оттуда.

— Писалъ? — повторилъ Викторъ.

— Да!.. «Что ежели теперича, говоритъ, они мнѣ тысячи цѣлковыхъ не пришлютъ, я все дѣло начальству разскажу». Я говорила тогда Мозеру объ этомъ.

— А письмо это цѣло у тебя?

— Цѣло-съ!

— Ты мнѣ покажи его.

— Слушаю-съ. Чтобы, баринъ, мнѣ только самой какъ тутъ не попасться.

— Вотъ вздоръ! Пусти-ка однако!.. — проговорилъ Викторъ, освобождаясь изъ объятій Иродіады и подходя къ письменному столу.

Тутъ онъ засвѣтилъ свѣчу, развернулъ свои бумаги и началъ писать.

Оставшись одна на диванѣ, Иродіада начала зѣвать.

— Да подите сюда, что̀ вы тутъ дѣлаете? — говорила она нѣсколько разъ Виктору.

— Отвяжись! — отвѣчалъ онъ ей на это сердито и продолжалъ заниматься.

Занимался онъ часовъ до двухъ утра. Онъ теръ себѣ при этомъ лобъ, грызъ перо, ногти и вообще, какъ видно, углубленъ былъ въ серьезное дѣло.

XII.

Провинціальная гласность.

На нашъ городъ нежданно и негаданно упало невиданное до сего явленіе.

Въ одной изъ издаваемыхъ для умственнаго бы, кажется, развлеченія газетокъ была напечатана статья:

«Въ Китаѣ, въ городѣ Дзянь-дзинь-дзю, жилъ большой господинъ Захаръ Эммануиловичъ Лянъ-линъ-лю. Владѣлъ онъ милліонами бочекъ настоящей рисовой водки и милліонами рублей чистаго золота. Украли у этого господина книгу, а книга была знатная: записывались въ ней все имена великія, высокопревосходительныя, кому сколько отъ большого барина Захара Эммануиловича большимъ барамъ превосходительнымъ было дано.

«Какъ эту книгу достать?

«Достали они злого человѣка, дали они ему денегъ тьмутьмущую и булатный ножъ, и убилъ тотъ человѣкъ того волшебника, который книгу ту хранилъ, средь бѣлаго дня, и засыпалъ большой баринъ Захаръ Эммануиловичъ его могилушку деньгами крупными, непроглядными, все бумажками сторублевыми, и никто-то сквозь ихъ стѣну плотную не видалъ и не слыхалъ, только видѣла все это красна дѣвица, разсказала она ясну соколу, а у сокола глазокъ зоркій, голосокъ звонкій, пропѣлъ онъ эту сказку на весь Божій міръ и не знаетъ, понравилась ли она жителямъ города Дзянь-дзинь-дзю, а если не понравилась, такъ онъ и другую пропоетъ».

О статейкѣ этой благообразный правитель канцеляріи почему-то счелъ за нужное доложить начальнику края.

— Ну-съ, читайте! — произнесъ тотъ на первыхъ порахъ довольно равнодушно.

Правитель канцеляріи началъ, но на половинѣ голосъ ему измѣнилъ.

— Тутъ такія выраженія!.. — проговорилъ онъ.

— Дайте мнѣ! — сказалъ генералъ и, со свойственною его званію храбростью, дочиталъ, но однако сильно поблѣднѣлъ.

— Что̀ же это такое? Что̀ такое? — спрашивалъ онъ, все возвышая и возвышая голосъ. — Что̀ же это такое? — крикнулъ наконецъ онъ и заскрежеталъ зубами. — Я государю императору моему буду жаловаться! Полицеймейстера мнѣ!

Правитель канцеляріи, съ наклоненною головой, поспѣшилъ быстро выйти.

Начальникъ края остался въ положеніи человѣка, котораго сейчасъ только треснули по головѣ.

Въ кабинетъ къ нему тихо вошла-было его супруга, прелестнѣйшая великосвѣтская дама, и начала свое обычное привѣтствіе:

— Здравствуй, папаша!..

Но начальникъ края вдругъ свирѣпо взглянулъ на нее.

— Подите, подите! — закричалъ онъ и замахалъ неистово руками.

Начальница края остановилась въ дверяхъ на нѣсколько минутъ.

— Подите вонъ, не надо васъ, не надо! — кричалъ между тѣмъ супругъ.

Начальница края въ самомъ дѣлѣ сочла за лучшее уйти отъ сумасшедшаго.

Явился полицеймейстеръ, тоже слышавшій уже объ несчастьѣ и тоже блѣдный.

— Это вы видѣли?.. Видѣли? — говорилъ начальникъ края, тыча почти въ носъ ему бумагою. — Кто же эти превосходительные?.. Я, что ли, я?

— Служить ужъ, ваше превосходительство, становится невозможно! — произнесъ полицеймейстеръ.

— Нѣтъ-съ, возможно! — закричалъ генералъ: — возможно, кабы вы не такой были вислоухъ! Кто это писалъ? Вы начальникъ полиціи, вы должны знать все.

— Кому писать, ваше превосходительство? Кромѣ Никтополіонова, некому-съ... Это вчера вѣдь еще пришло-съ... Онъ при всемъ клубѣ читалъ и хохоталъ, и потомъ ѣздилъ по всѣмъ домамъ.

— А! — произнесъ, протянувъ, начальникъ края: — я его посажу въ острогъ! — прибавилъ онъ, какъ бы больше совѣтуясь съ полицеймейстеромъ.

— Да что же, помилуйте, — отвѣчалъ тотъ: — теперь онъ служитъ въ обществѣ, развѣ можно такихъ людей держать? Плутуетъ, мошенничаетъ и съ дровами и въ пріемѣ багажа... На рынкѣ даже всѣ вонъ торговцы смѣются.

— Нѣтъ, онъ у меня не будетъ тутъ служить, не будетъ! — кричалъ начальникъ края: — попросите ко мнѣ кого-нибудь изъ моихъ товарищей-директоровъ.

Полицеймейстеръ поѣхалъ за директоромъ.

Начальникъ края сталъ ходить по своему кабинету.

— Такъ вотъ какіе у меня гуси завелись, вотъ какіе! — говорилъ онъ, зачѣмъ-то раскланиваясь передъ каждымъ своимъ окномъ.

Пріѣхалъ директоръ, пожилой и чрезвычайно, должно-быть, скромный и молчаливый мужчина.

— Господа! Между нами есть подлецъ! — началъ ему прямо начальникъ края.

Директоръ какъ бы сообразилъ и ничего не нашелъ возразить противъ этого.

— Вотъ-съ! — продолжалъ начальникъ края и подалъ ему листокъ газеты.

Директоръ прочелъ, и ему, кажется, понравилось прочитан-

ное; но онъ нашелъ однако нужнымъ покачать съ грустною усмѣшкою головой.

— Это писалъ-съ Никтополіоновъ, нашъ подчиненный, — объяснилъ начальникъ края.

Директоръ все продолжалъ молчать: онъ не любилъ говорить пустыхъ словъ.

— Кто его опредѣлилъ къ намъ?—спросилъ начальникъ края.

— Вы сами, ваше превосходительство, — проговорилъ наконецъ директоръ.

— Но я человѣкъ!.. Я могу ошибиться!.. Отчего же было не предостеречь меня! — кричалъ начальникъ. — Стыдитесь, господа, стыдитесь!—продолжалъ онъ уже съ чувствомъ:—что между нами есть такіе мерзавцы... Чтобы не было его на службѣ, не было...

— Хорошо-съ, можно будетъ удалить,—произнесъ директоръ довольно покойно.

— Да не «хорошо», а сейчасъ надо это сдѣлать!.. сію секунду!..—кричалъ начальникъ.

— И сію секунду можно-съ,—сказалъ директоръ и, пріѣхавъ въ правленіе, въ самомъ дѣлѣ сейчасъ же написалъ журналъ объ удаленіи Никтополіонова.

Безумцы! Они и въ головѣ не имѣли, какого новаго и серьезнаго врага наживали себѣ.

XIII.

Сѣтованіе израильтянъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, въ клубѣ, Эммануилъ Захаровичъ и Іосифъ Яковлевичъ преспокойно сидѣли и играли въ карты; своимъ равнодушнымъ видомъ они старались показать, что надѣлавшая въ городѣ столько шума статейка нисколько до нихъ не относится, но не такъ на это дѣло смотрѣлъ Никтополіоновъ.

Узнавъ о своемъ удаленіи, онъ, какъ разъяренный тигръ, пріѣхалъ въ клубъ.

— Эй, вы, язи-вази, это что̀ такое?—подлетѣлъ онъ прямо къ Эммануилу Захаровичу.

Тотъ протянулъ на него длинный и нѣсколько робкій взглядъ.

— Тамъ на васъ чортъ знаетъ кто что̀ пишетъ, а вы на меня,—продолжалъ Никтополіоновъ.

— Сто мы на васъ?—сказалъ Эммануилъ Захаровичъ, въ самомъ дѣлѣ ничего не знавшій.

— Да кто же? Меня вонъ изъ службы вытурили, — отвѣчалъ съ пѣной у рта Никтополіоновъ. — Они тамъ убійства

дѣлаютъ, людей рѣжутъ,—продолжалъ онъ безъ всякой церемоніи, обращаясь ко всей компаніи, собравшейся въ довольно значительномъ количествѣ около нихъ:—а я стану писать на нихъ.

— Сто зе это такое вы говорите?—произнесъ, блѣднѣя, Эммануилъ Захаровичъ.

— Писать!..—повторялъ ничего уже не слышавшій Никтополіоновъ.—Да ежели бы что̀ вы мнѣ сдѣлали, такъ я прямо палкой отдую.

— Вы не мозете меня дуть!—вспѣтушился наконецъ Эммануилъ Захаровичъ.

— Нѣтъ, могу!—возразилъ ему Никтополіоновъ: — я еще прапорщикомъ вашему брату рожи ляписомъ смазывалъ... Стану я тутъ на нихъ писать!

— Про меня ницего зе не написано,—сказалъ Эммануилъ Захаровичъ.

— Нѣтъ, написано, врешь! Только не я писалъ... Я писать не стану, а доказывать теперь буду.

— И доказывайте! позалуста, позалуста! — отвѣчалъ ему гордо и злобно Эммануилъ Захаровичъ.

— И докажу, погань вы проклятая! — заключилъ вслухъ Никтополіоновъ и уѣхалъ куда-то въ другое мѣсто браниться, врядъ ли не къ самому начальнику края.

Эммануилъ Захаровичъ, весь красный, но старающійся владѣть собою, сталъ продолжать играть. Іосифъ Яковлевичъ тоже игралъ, хоть и былъ блѣденъ.

Кончивъ пульку, они, какъ бы по командѣ, подошли другъ къ другу.

— Ну, поѣдемте зе!—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ja!—отвѣчалъ другой.

Въ каретѣ они нѣсколько времени молчали.

— Вы слысали, что̀ онъ сказалъ?—началъ Эммануилъ Захаровичъ.

— О, зе ницего-то, ницего! — отвѣчалъ Іосифъ.

— Кто зе писалъ-то? — спросилъ Эммануилъ Захаровичъ.

— О, это зе узнать надо! — отвѣчалъ Іосифъ.—Я зе знаю одного целовѣка... Онъ зе говорилъ мнѣ про Михайлу.

— Гм! — отозвался Эммануилъ Захаровичъ.

— Теперь зе я знать буду, къ какому целовѣку тотъ ходитъ. Тому целовѣку онъ, значитъ, говорилъ, и тотъ писалъ!

— Гм! — промычалъ Эммануилъ Захаровичъ.

Далѣе они ничего не говорили, и только, когда подъѣхали къ крыльцу, Эммануилъ Захаровичъ произнесъ:

— Зить нынце нельзя, зить!

— Нельзя, нельзя!—подтвердилъ съ чувствомъ и Іосифъ.

XIV.

Новая радость изъ Петербурга.

Баклановъ, заболѣвшій послѣ смерти Казимиры горячкой, началъ наконецъ поправляться.

Послѣднее время къ нему безпрестанно стали ѣздить мѣстные помѣщики. Они запирались въ кабинетѣ, толковали что-то такое между собой.

Къ Евпраксіи тоже около этого времени пріѣхалъ братъ ея, Валерьянъ Сабакѣевъ, широколицый молодой человѣкъ съ голубыми глазами и похожій на сестру. Онъ передъ тѣмъ только кончилъ курсъ въ университетѣ.

Однажды ихъ обоихъ позвали къ Бакланову въ кабинетъ. Тамъ сидѣлъ гость, помѣщикъ, солидной и печальной наружности мужчина, но, должно-быть, очень неглупый.

Евпраксія и молодой Сабакѣевъ вошли и сѣли.

Баклановъ былъ очень худъ и въ замѣтно раздраженномъ состояніи.

— Ты знаешь,—началъ онъ, обращаясь къ женѣ:—присланъ манифестъ о составленіи по губерніямъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Евпраксія совершенно спокойно.

— Я думаю, не объ улучшеніи, а просто объ освобожденіи! — вмѣшался въ разговоръ Сабакѣевъ.

— Да-съ, прекрасно!—подхватилъ Баклановъ.—Но что же намъ-то дадутъ?.. Заплатятъ ли, по крайней мѣрѣ?—обратился онъ болѣе къ помѣщику.

— Вѣроятно, что-нибудь въ этомъ родѣ будетъ, — отвѣчалъ тотъ.

Лицо Бакланова горѣло.

— Но какъ же «вѣроятно»! Это главное!.. Нельзя же разорять цѣлое сословіе.

— Нельзя разорять только рабочую, производительную силу,— вмѣшался въ разговоръ Сабакѣевъ:—а что такое «сословіе»— это даже понять трудно.

— Тутъ пострадаетъ-съ не одно сословіе, — возразилъ ему помѣщикъ:—а все государственное хозяйство, потому что парализуются большіе землевладѣльцы.

— Чѣмъ же?

— Да тѣмъ, что мы должны будемъ запустить наши поля.

— Кто жъ васъ заставляетъ? Наемный трудъ всегда выгоднѣй! — сказалъ съ насмѣшкой Сабакѣевъ.

— Нѣтъ, не выгоднѣе!—перебилъ его съ азартомъ Баклановъ:—у меня вотъ, напримѣръ, въ имѣньи вы за сто рублей въ мѣсяцъ не наймете мужика: его и теперь, каналью, только силой держатъ около земли, а тутъ всѣ уйдутъ въ Питеръ эти вотъ замочки какіе-нибудь дѣлать, стѣны обойками оклеивать, въ сущности пьянствовать.

— Не у однихъ у васъ, а вездѣ,—подхватилъ помѣщикъ:—мужикъ, какъ узнаетъ, что онъ нуженъ, такъ цѣны себѣ не уставитъ.

— И прекрасно сдѣлаетъ! — произнесъ негромко Сабакѣевъ:—по крайней мѣрѣ, хоть поздно, но заплатятъ ему за старый гнетъ.

— Да вѣдь-съ это и на немъ самомъ отразится!—сказалъ помѣщикъ.—Мы не въ состояніи будемъ обрабатывать столько, сколько прежде обрабатывали, а мужики у себя тоже не прибавятъ; значитъ, прямо будетъ убытокъ въ трудѣ.

— А и чортъ съ нимъ,—произнесъ Сабакѣевъ.

Помѣщикъ усмѣхнулся.

— Какъ чортъ съ нимъ! Хлѣбомъ у насъ держится и заграничная торговля, хлѣбъ нуженъ и войску, и на винокуренные заводы, и въ города,—все это должно, значитъ, потрястись.

— Сначала, можетъ-быть, поколеблется, но потомъ образуются большія общинныя хозяйства.

Баклановъ, все время едва сдерживавшій себя отъ досады, наконецъ не вытерпѣлъ.

— То-то-то! — воскликнулъ онъ:—на общину надѣется! О, молодость неопытная и невинная!

— Община вздоръ-съ!—произнесъ и помѣщикъ.

— Какъ вздоръ?—сказалъ, въ свою очередь, Сабакѣевъ, немало тоже удивленный.

— А такъ... Евпраксія Арсентьевна! — продолжалъ Баклановъ, обращаясь къ женѣ:—намъ вашъ братъ, можетъ-быть, не повѣритъ; скажите ему, что нашъ мужикъ ничего такъ не боится, ни медвѣдя ни чорта, какъ міра и общины.

— Да, они всѣ почти желаютъ имѣть хоть маленькую, но свою собственность,—подтвердила та.

— Очень дурно,—отвѣчалъ Сабакѣевъ:—если нашъ народъ разлюбилъ и забылъ эту форму.

— Да вѣдь это-съ форма дикихъ племенъ, поймите вы это!—кричалъ Баклановъ:—но какъ землю начали обрабатывать, какъ положенъ въ нее сталъ трудъ, такъ она должна сдѣлаться собственностью.

— Мы имѣемъ прекрасную форму общины, артель, — настаивалъ на своемъ Сабакѣевъ.

— Гм, артель! — произнесъ съ улыбкою помѣщикъ: — да вы изволите ли знать-съ, изъ кого у насъ артели состоятъ?

— Для меня это все равно! — сказалъ Сабакѣевъ.

— Нѣтъ, не все равно-съ! Артель обыкновенно составляютъ отставные солдаты, безсемейные мужики, на дѣло, на которое кромѣ физической силы ничего не требуется: на перетаскиванье тяжестей, бѣгать комиссіонеромъ, а хлѣбопашество требуетъ ума. Я, напримѣръ, полосу свою трудомъ и догадкой улучшилъ, а пришелъ передѣлъ, она отъ меня и отошла,— пріятно ли это?

— Можетъ-быть, и непріятно, но спасаетъ отъ другого зла, отъ пролетаріата.

— Да вѣдь пролетаріатъ является въ государствахъ, гдѣ народонаселеніе переросло землю; а у насъ, слава Богу, родись только люди и работай!

— Мы наконецъ имѣемъ и другія артели, плотниковъ, каменщиковъ, — присоединилъ, какъ бы вспомнивъ, Сабакѣевъ.

— Что̀ за чортъ!—воскликнулъ, пожимая плечами, Баклановъ:—да это развѣ общинное что-нибудь?.. Они всѣ наняты отъ подрядчика.

— У котораго они, кромѣ того, всегда еще въ кабалѣ; хуже, чѣмъ въ крѣпостномъ правѣ,—присовокупилъ помѣщикъ.

— Общину нашъ народъ имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть,— сказалъ увѣреннымъ тономъ Сабакѣевъ.

— Ваше дѣло!—произнесъ помѣщикъ.

— Вѣдь вотъ что̀ бѣситъ, — говорилъ Баклановъ, выходя изъ себя (отъ болѣзни онъ сталъ очень нетерпѣливъ):—Россія рѣшительно перестраивается и управляется или вотъ этакими господами мальчиками, или петербургскими чиновниками, которые, пожалуй, не знаютъ, на чемъ и хлѣбъ-то родится...

Помѣщикъ при этомъ потупился, а Сабакѣевъ покраснѣлъ.

XV.

Бѣдное существо.

У Софи происходила сцена: къ ней вдругъ пріѣхалъ Эммануилъ Захаровичъ, въ одно и то же время красный и зеленый.

— Я зе дѣлалъ для васъ все, а на меня зе писутъ!—закричалъ онъ на Софи.

— Что̀ вы?—возразила ему та.

— Писутъ, сто я целовѣка убилъ.

— Кто на васъ пишетъ?—спросила Софи.

— Васъ зе братъ писетъ... Я въ острогъ его сазать буду.

Въ припадкѣ гнѣва, Эммануилъ Захаровичъ и не замѣтилъ, что Басардинъ былъ у сестры и сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ. При послѣднихъ словахъ его, Викторъ вышелъ.

— Поди, онъ кричитъ на меня за тебя,—сказала ему Софи.

— Какъ вы смѣете кричать на сестру мою?—придрался Викторъ къ первому же слову.

— Я не крицу. Вы зацѣмъ лисете на меня?—отвѣчалъ Эммануилъ Захаровичъ, попячиваясь.

— Я васъ спрашиваю, какъ вы смѣете кричать на сестру мою? — говорилъ Викторъ, хватая Эммануила Захаровича за галстукъ.—Сейчасъ тысячу цѣлковыхъ давайте, а не то въ окно вышвырну!—крикнулъ онъ и въ самомъ дѣлѣ потянулъ Эммануила Захаровича къ окну.

— Сто зе вы дѣлаете!—кричалъ тотъ, отпихиваясь отъ него своими огромными но трусливыми руками.

— Боже мой! что̀ вы? Звонятъ! Перестаньте!.. — говорила перепугавшаяся Софи.

Звонилъ Баклановъ, который недавно лишь сталъ выѣзжать и пріѣхалъ къ первой Софи.

— Какъ вы похудѣли, кузенъ!—воскликнула та, сколько могла овладѣвъ собою и радушно встрѣчая его въ дверяхъ.

— Что̀ дѣлать! Боленъ былъ.

— Но отчего же?

— Впечатлѣніе прошедшаго меня такъ потрясло...—отвѣчалъ съ улыбкой Баклановъ.

— Какого же это прошедшаго?—спросила Софи, какъ бы не понявъ.—Братъ мой Викторъ,—поспѣшно прибавила она потомъ, желая показать, что не одна была съ Эммануиломъ Захаровичемъ, усѣвшимся уже въ темномъ углу.

Викторъ мрачно поклонился Бакланову. Ему всего досаднѣе было, что въ такую славную минуту ему помѣшали.

«Его бы немножко только,—думалъ онъ:—въ окно-то повысунуть, онъ непремѣнно бы тысячу цѣлковыхъ далъ».

— Это кузенъ нашъ, Баклановъ,—пояснила ему Софи.

— Нѣтъ, племянникъ,—поправилъ ее Баклановъ.

— Ну, все равно, это еще лучше; вы меня, значитъ, должны слушаться.

— Во всемъ, въ чемъ вамъ угодно и что̀ прикажете!—отвѣчалъ Баклановъ, вѣжливо склоняя передъ ней голову.

Эммануилъ Захаровичъ при этомъ пошевелился своимъ неуклюжимъ тѣломъ. Его, кажется, обезпокоила новая мысль, что, пожалуй, и этотъ братецъ за шиворотъ его тряхнетъ!

— Вы вѣдь здѣсь служите?—спросилъ Баклановъ Басардина.

— Да, какъ же, по откупу-съ,—отвѣчалъ тотъ съ насмѣшливою гримасой.—Хочу, впрочемъ, бросить, кинуть,—прибавилъ онъ.

Баклановъ придалъ своему лицу вопросительное выраженіе.

— Въ наше время стыдно ужъ... Тутъ такія гадости и мерзости происходятъ...—объяснилъ Викторъ.

Баклановъ при этомъ невольно взглянулъ на Эммануила Захаровича; но лица того было не видать, потому что онъ сидѣлъ, совершенно наклонивъ голову.

Софи тоже сконфузилась; но Викторъ не унимался.

— Можете себѣ представить,—говорилъ онъ: — у насъ ни одинъ цѣловальникъ не получаетъ жалованья, а, напротивъ, еще откупу платитъ. Откуда они берутъ, позвольте васъ спросить?

— Скажите!—произнесъ Баклановъ тономъ удивленія (его начинало ужъ все это забавлять). — Говорятъ, они и прибавляютъ чего-то въ вино.

— Чортъ знаетъ чего! Всего: и перцу, и навозу, и жидовскихъ клоповъ своихъ.

Этого Эммануилъ Захаровичъ не въ состояніи былъ выдержать и вышелъ.

— Какъ это можно!—сказала Софи брату.

— Однако онъ премилый! — замѣтилъ ей Баклановъ, указывая головой на уходящаго Эммануила Захаровича.

— Ужасно! — отвѣчала она: — я видѣть его почти не могу.

Вслѣдъ затѣмъ Софи однако вызвали въ заднія комнаты. Тамъ разъяреннымъ барсукомъ ходилъ Эммануилъ Захаровичъ.

— Я зе для васъ ницего не залѣлъ, а надо мной, значитъ, только смѣютца, — началъ онъ.

— О, полноте, пожалуйста, отвяжитесь! — отвѣчала ему Софи.

— Езели теперица стараго братца и этого новаго, значитъ, не прогоните, я денегъ давать больсе не буду...

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, пожалуйста; я только о томъ и молила Бога!—воскликнула Софи.

— Я зе не дуракъ!

— А когда не дуракъ, такъ и отправляйтесь — нечего вамъ здѣсь оставаться!—проговорила Софи и пошла; но въ спальнѣ у себя она встрѣтилась съ Викторомъ.

— Если ты, — началъ онъ: — этому подлецу не скажешь, чтобъ онъ далъ мнѣ тысячу цѣлковыхъ, я всю исторію съ тобой опишу.

— Пишите, что̀ хотите! Что̀ хотите! — отвѣчала съ отчаянной досадой Софи, зажимая себѣ уши.

— Я все опишу, какъ онъ съ мужемъ твоимъ поступалъ и какъ тебя потомъ опуталъ... Я не пощажу и тебя — мнѣ, матушка, все равно!

— Викторъ!—воскликнула Софи: — я просила тебя всегда объ одномъ... оставь меня въ покоѣ. Брани меня, гдѣ хочешь и какъ хочешь, пренебрегай мною совершенно, но не ходи только ко мнѣ.

— Ишь, какъ же, да! Ловка очень!.. Нѣтъ, шалишь!—отвѣчалъ онъ ей своимъ незабытымъ еще кадетскимъ тономъ. — Продалась жиду, дура этакая, да и въ руки взять его не умѣетъ.

— О, Господи! — стонала Софи, ломая руки.

— Я все напишу! Нынче не старыя времена, — говорилъ Викторъ, уходя.

Софи едва совладѣла съ собой и вышла къ Бакланову.

— Что̀ такое съ вами?—спросилъ тотъ, сейчасъ же замѣтивъ ея встревоженное лицо.

— Ахъ, кузенъ, я отовсюду окружена врагами! — произнесла она, садясь около него.

— Э, полноте; неужели же и я вашъ врагъ?—успокаивалъ ее Баклановъ.

— Вы-то больше всѣхъ мой врагъ, — сказала Софи, покачавъ головою: — не была бы я такая, если бъ ты не поступилъ со мною такъ жестоко.

— Да, — произнесъ протяжно Баклановъ: — но я имѣлъ на то большое право.

— Никакого! Никакого!—воскликнула Софи.—Я была чиста, какъ ангелъ, предъ тобой!

— Ну!..—произнесъ многозначительно Баклановъ.

— Какъ хочешь, вѣрь или не вѣрь!—отвѣчала Софи, пожимая плечами.—Но, во всякомъ случаѣ, я теперь просила бы тебя, по крайней мѣрѣ, сохранить дружбу твою ко мнѣ,—прибавила она, протягивая къ нему руку.

— Но я-то дружбой не удовлетворюсь, — отвѣчалъ Баклановъ, цѣлуя ея руку.

— О, полно-ка, перестань, пожалуйста, шутить!..—отвѣчала Софи, которой, въ самомъ дѣлѣ, въ эти минуты было, видно, не до того.—Отъ враговъ моихъ лучше спаси меня!—говорила она.

— И грудью и рукой моей! — отвѣчалъ Баклановъ: — но только опять повторяю: дружбой я не удовлетворюсь.

Софи посмотрѣла на него.

— Знаешь, мнѣ ужасно непріятно и тяжело это слышать: неужели же я такъ ужъ низко пала, что меня никто хоть сколько-нибудь благородно и любить не захочетъ!

— О, Богъ съ вами, что̀ вы, кузина!—перебилъ ее Баклановъ.

— Да, я знаю, вы всѣ думаете: «э, она такая, что отъ нея сейчасъ всего требовать можно... это не то, что̀ наши жены, сестры... она женщина падшая!»—все это я, другъ мой, очень хорошо знаю.

— О, Бога ради, кузина!.. — повторилъ Баклановъ еще разъ и во весь остальной вечеръ былъ глубоко почтителенъ къ ней.

— Я у васъ буду на этой же недѣлѣ, и вообще когда вы только позволите и прикажете, —сказалъ онъ, раскланиваясь при прощаньи.

— Пожалуйста! — повторила ему Софи свое обычное слово.

«Она чудная женщина! Чудная!»—повторялъ онъ мысленно всю дорогу.

XVI.

Начинающееся служеніе идеѣ.

На другой день, часовъ въ девять вечера, Баклановъ подъѣхалъ къ огромному генералъ-губернаторскому дому.

— Зачѣмъ меня звали, и кто у губернатора? — спросилъ онъ, входя.

— Дворянство!—отвѣчалъ жандармъ, снимая съ него шинель.

Баклановъ пошелъ. Въ большой пріемной залѣ онъ увидѣлъ, что за огромнымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько дворянъ. Пріятель Бакланова, солидный помѣщикъ, со своимъ печальнымъ лицомъ, тоже былъ тутъ.

Начальникъ края, съ близко придвинутыми съ обѣихъ сторонъ восковыми свѣчами и съ очками на носу, что-то такое читалъ.

Около него, по лѣвую руку, стоялъ красивый правитель канцеляріи, а по правую — сидѣлъ губернскій предводитель дворянства, мужчина, ужасно похожій на кота и съ явнымъ умиленіемъ слушавшій то, что̀ читалъ генералъ.

Бакланову предводитель его уѣзда указалъ на мѣсто подлѣ себя.

— Что̀ это такое? — спросилъ его Баклановъ.

— Рѣчь говоритъ! — отвѣчалъ ему предводитель, указывая головой на начальника края.

— О чемъ?

— Крестьянъ у насъ отбираютъ на волю!—отвѣчалъ предводитель, какъ-то странно скосивъ глаза.

— «Господа! — продолжалъ начальникъ края, не совсѣмъ разбирая написанное: — русское дворянство, всегда являвшее доблестные примѣры любви къ отечеству и въ двѣнадцатомъ еще году проливавшее кровь на поляхъ Бородина...»

На этомъ мѣстѣ старикъ пріостановился.

— Гдѣ и я имѣлъ счастье получить этотъ небольшой знакъ моего участія! — прибавилъ онъ, показывая на одинъ изъ множества висѣвшихъ на немъ крестовъ.

— «Русское дворянство, — продолжалъ онъ снова читать: — свое крѣпостное право не завоевало, подобно...»

— «Феодаламъ!» — поспѣшилъ ему подсказать правитель канцеляріи.

— «Феодаламъ, — повторилъ генералъ: — но оно получило его отъ монаршей воли, которой теперь благоугодно измѣнить его въ видахъ счастья и благоденствія всѣмъ любезнаго намъ отечества...»

Начальникъ края опять остановился, поправилъ очки и многозначительно на всѣхъ посмотрѣлъ.

— «Этотъ пахарь, трудящійся теперь скорбно около сохи своей, вознесетъ радостный взоръ къ небу!» — говорилъ онъ и поморщился.

Рѣчь эту, какъ и всѣ прочія бумаги, ему сочинялъ правитель канцеляріи, и старый генералъ мѣсто это находилъ черезчуръ ужъ буколическимъ. Но правитель канцеляріи, напротивъ, считалъ его совершенно необходимымъ; сей молодой дѣйствительный статскій совѣтникъ послѣднее время сдѣлался ужаснымъ демократомъ: о дворянствѣ иначе не выражался, какъ — «дрянное сословіе», а о мужикахъ говорилъ: «нашъ добрый, умный, честный мужичокъ».

— «Видимое мною на всѣхъ лицахъ вашихъ, милостивые государи, одушевленіе, — продолжалъ начальникъ края: — исполняетъ меня надеждою, что мы къ сему святому дѣлу приступимъ и исполнимъ его съ полною готовностью...»

— Все? — спросилъ онъ, остановясь, правителя канцеляріи.

— Все-съ! — отвѣчалъ тотъ, беря у него бумагу.

Замѣчаемыя однако начальникомъ края одушевленныя лица сидѣли насупившись, и никто слова не начиналъ говорить.

Поднялся губернскій предводитель.

— Милостивые государи! — началъ онъ, заморгавъ въ то же время глазами, что̀ ужасно, говорятъ, скрывало таимыя имъ мысли. — Милостивые государи! Я радуюсь, что несу званіе губернскаго предводителя въ такое великое время. Первое мое желаніе — выразить передъ престоломъ монарха ваши чувства радости и благодарности. Вамъ, милостивые государи,

дана возможность сдѣлать великое и благодѣтельное дѣло для вашихъ меньшихъ братій!.. Дайте адресъ! — прибавилъ онъ, торопливо обращаясь къ правителю канцеляріи.

Тотъ подалъ бисернымъ почеркомъ написанную бумагу. Она стала переходить изъ рукъ въ руки, и всѣ, не читавъ, подписали ее. Баклановъ тоже такъ подмахнулъ.

— Еще вчера только эту меньшую-то братію, своего лакея, въ полиціи отодралъ! — сказалъ ему предводитель его уѣзда, показывая на губернскаго предводителя.

— Ужасная каналья, теперь за крестъ и чинъ все продастъ! — проговорилъ Баклановъ.

Губернскій предводитель между тѣмъ что-то сѣменилъ на своемъ мѣстѣ.

— Господа! — снова началъ онъ и окончательно закрылъ лѣвый глазъ: — обязанности предводителей въ настоящее время слишкомъ важны: я полагаю, слѣдуетъ имъ положить жалованье.

Лица предводителей просіяли, а у дворянства вытянулись.

— Изъ какихъ же суммъ? — отозвался-было солидный помѣщикъ.

— Суммы есть!—подхватили въ одинъ голосъ предводители.

Губернскій предводитель между тѣмъ спѣшилъ воспользоваться удобною минутой.

— По такому расписанію-съ, — сказалъ онъ: — губернскому предводителю пять тысячъ рублей, уѣзднымъ по три тысячи рублей и депутатамъ по двѣ тысячи рублей.

При послѣднихъ словахъ у дворянства ужъ лица повеселѣли. «Авось попаду въ депутаты и хоть тысчонку-другую сорву»,—подумалъ почти каждый изъ нихъ.

— Хорошо-съ!—раздалось почти со всѣхъ сторонъ.

Губернскій предводитель и начальникъ края пожали другъ у друга руку, какъ люди, совершившіе немаловажное дѣло.

— До свиданья, господа! — сказалъ послѣдній, обращаясь къ прочимъ своимъ гостямъ:—завтра надо рано вставать, ума-разума припасать!

Всѣ пошли какъ накормленные мякиной. Каждый чувствовалъ, что слѣдовало бы что-нибудь возразить и хоть въ чемъ-нибудь заявить свои права или интересы, а между тѣмъ никто не рѣшался: постарше—боялись начальства, а молодые—изъ чувства врядъ ли еще не болѣе неодобрительнаго—изъ боязни прослыть консерваторомъ и отсталымъ.

Въ обществѣ, не привыкшемъ къ самомышленію, явно уже начиналось, послѣ рабскаго повиновенія властямъ и преданіямъ, такое же насильственное и безотчетное подчиненіе моднымъ идейкамъ.

XVII.

Сорокалѣтній идеалистъ и двадцатилѣтній матеріалистъ.

Баклановъ все больше и больше начиналъ спорить со своимъ шуриномъ, и всего чаще они сталкивались на крестьянскомъ дѣлѣ.

— Что же васъ-то такъ тутъ раздражаетъ? — спрашивалъ его Сабакѣевъ.

— А то-съ, — отвѣчалъ насмѣшливо Баклановъ: — я вовсе не съ такою великою душой, чтобы мнѣ страдать любовью ко всему человѣчеству; достаточно будетъ, если я стану заботиться о самомъ себѣ и о семействѣ, и нисколько не скрываюсь, что Аполлонъ Бельведерскій все-таки дороже мнѣ печного горшка.

— Печной горшокъ — очень полезная вещь! — сказалъ Сабакѣевъ и ни слова не прибавилъ въ пользу Аполлона Бельведерскаго.

— Ну да, разумѣется,—подхватилъ Баклановъ:—и клѣточка вѣдь самое важное открытіе въ мірѣ; смѣло ставь ее вмѣсто Бога.

— Клѣточка очень важное открытіе, — повторилъ опять Сабакѣевъ.

— Да, и Шиллеръ, и Гёте, и Шекспиръ — ступайте къ чорту! Дрянь они, — продолжалъ досадливо Баклановъ.

— Шиллеръ, Гёте и Шекспиръ дѣлали въ свое время хорошо.

— А теперь на поверхности всего мы съ вами, не такъ ли?

— Нѣтъ, не мы, а идеи.

— Желательно бы мнѣ знать, какія это именно?—проговорилъ Баклановъ.

— Идеи народности, демократизма, идеи матеріализма, наконецъ соціальныя идеи.

— Все это около 48 года мы знали, переживали, и все это французская революція рѣшила для насъ самымъ нагляднымъ образомъ.

— Ну, что французская революція! — произнесъ съ презрѣніемъ Сабакѣевъ.

— А у насъ лучше будетъ, не такъ ли?

— Вѣроятно,—отвѣчалъ Сабакѣевъ.

— Почва цѣлостнѣе!.. непосредственнѣе, чище примемъ.

— Конечно!

Евпраксія улыбнулась, а Баклановъ развелъ только руками, и съ обѣихъ спорящихъ сторонъ продолжалось нѣсколько минутъ не совсѣмъ пріязненное молчаніе.

— Вы, напримѣръ,—продолжалъ Баклановъ снова, обра-

щаясь къ шурину:—вы превосходный человѣкъ, но въ то же время, извините меня, вы нравственный уродъ!

— Почему же?—спросилъ Сабакѣевъ.

Евпраксія тоже взглянула на мужа вопросительно.

— Вы не любили еще женщинъ до сихъ поръ,—объяснилъ Баклановъ.

Сабакѣевъ нѣсколько покраснѣлъ.

— А мы въ ваше время были уже влюблены, какъ коты... любовницъ имѣли... стихи къ нимъ сочиняли...

— Оттого хороши и женились!—замѣтила Евпраксія.

— Что̀ жъ, я, кажется, сохранилъ еще до сихъ поръ пылъ юности.

— Ужъ, конечно, не идеальный!—отвѣтила Евпраксія.

— Нѣтъ, идеальный! — возразилъ Баклановъ: — вотъ они такъ дѣйствительно матеріалисты,—продолжалъ онъ, указывая на шурина:—а мы вѣдь что̀?.. Поэтики, идеалисты, мечтатели.

— Вотъ ужъ нѣтъ, вотъ ужъ неправда!—даже воскликнула Евпраксія:—они, а не вы, идеалисты и мечтатели.

— Ты думаешь?—спросилъ ее братъ.

— Да! А Александръ чистѣйшій матеріалистъ.

— Почему же ты это такъ думаешь?—спросилъ ее тотъ.

— Потому что ты только о своемъ тѣлѣ и думаешь.

— Вотъ что̀!.. такъ объяснить все можно!—произнесъ Баклановъ, уже начинавшій нѣсколько конфузиться: — ну-съ, такъ какъ же: угодно вамъ перемѣниться именами?—спросилъ онъ, обращаясь къ шурину.

— Не знаю, что̀ вы такое, а я не идеалистъ!—повторилъ тотъ настойчиво.

— Идеалистъ, идеалистъ!—повторила ему еще настойчивѣе сестра.

— Но почему же?

— А потому, что это все то же, какъ и они въ молодости восхищалась стихами, а вы—теоріями разными.

— Браво,—подхватилъ Баклановъ.

XVIII.

Обличитель чужихъ нравовъ въ своихъ домашнихъ, непосредственныхъ движеніяхъ.

На столѣ горѣла сальная свѣчка; въ комнатѣ было почти не топлено.

Викторъ Басардинъ сидѣлъ и писалъ новый извѣтъ на Эммануила Захаровича.

Онъ описывалъ исторію сестры и только относился къ ней въ нѣсколько нѣжномъ тонѣ: онъ описывалъ эту бѣдную овечку, которая, подъ вліяніемъ нужды, пала предъ злодѣемъ, который теперь не даетъ ей ни копейки...

«Во имя всѣхъ святыхъ правъ человѣчества,—рисовало его расходившееся перо:—я требую у общества, чтобъ оно этого человѣка, такъ низко низведшаго и оскорбившаго женщину, забросало, по іудейскому закону, каменьями, а кстати онъ и самъ еврей и живетъ въ К..., на Котловской улицѣ».

Послѣднее было прибавлено въ видѣ легонькаго намека на дѣйствительный случай.

Единственная свидѣтельница его писательскихъ трудовъ, Иродіада, все это время лежала у него преважно на диванѣ и курила папироску.

Викторъ, дописавъ свое твореніе, потянулъ исподлобья на нее взоръ и нѣсколько поморщился. Ему не нравилась ея черезчуръ ужъ свободная поза.

— Иродіада, поди, сними съ меня сапоги: ноги что-то жметъ!—сказалъ онъ, желая напомнить ей, кто она такая.

— Да что̀ вы сами развѣ не снимете?—отвѣчала та.

— Снимай!—сказалъ ей Викторъ, не отвѣчая прямо на вопросъ и протягивая къ ней ногу.

Иродіада очень неохотно и неловко принялась стягивать съ него сапоги.

— Очень весело!—говорила она.

— Тащи сильнѣй!—сказалъ ей Викторъ.

Иродіада стащила сапогъ и бросила его съ пренебреженіемъ на полъ.

— Тащи сильнѣй!—сказалъ ей Викторъ.

— Подите! Силы у меня нѣтъ,—отвѣчала Иродіада.

— Говорятъ тебѣ, тащи! Хуже, заставлю,—продолжалъ Викторъ, уже блѣднѣя.

— Какъ же вы меня заставите? Руки еще коротки.

— А вотъ и заставлю!—проговорилъ Викторъ и, не долго думая, схватилъ Иродіаду за шею и пригнулъ ее къ ногѣ.

— Тащи!—повторилъ онъ.

— Караулъ!—крикнула-было Иродіада.

— Не кричи, а то бить еще буду!—проговорилъ онъ и въ самомъ дѣлѣ другою рукой досталъ со стола хлыстъ.

Иродіада лежала у ногъ его молча, но сапога не снимала. Такъ прошло съ четверть часа.

Викторъ ее не пускалъ.

— Ну, давайте, ужъ сниму!—сказала наконецъ она и сняла.

Викторъ ее сейчасъ же отпустилъ. Иродіада опрометью бросилась бѣжать отъ него.

— Чортъ!.. дьяволъ!.. лѣшій!.. тьфу!..—проговорила она въ передней.

Викторъ только посмотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ взялъ шляпу надѣлъ шинель и пошелъ къ сестрѣ. Главная, впрочемъ, причина его неудовольствія на Иродіаду заключалась въ томъ, что онъ просилъ у нея передъ тѣмъ взаймы денегъ, а она разбожилась, что у нея нѣтъ ни копейки, тогда какъ онъ очень хорошо зналъ, что у ней есть больше тысячи, которыя она накопила, когда была любовницей Іосифа.

— Ты Иродіаду прогони!—началъ онъ прямо, придя къ сестрѣ.

Та знала уже о его связи съ ней и сначала не обратила-было никакого вниманія на его слова.

— Она чортъ знаетъ что̀ про тебя всѣмъ разсказываетъ!—продолжалъ онъ.

Викторъ хотѣлъ придать видъ, что онъ въ этомъ случаѣ оскорбился за сестру.

Софи сконфузилась и взглянула на брата не совсѣмъ спокойными глазами.

— Что̀ же она можетъ про меня разсказывать?—спросила она.

— Во-первыхъ, какъ ты хотѣла за Бакланова выйти замужъ и какъ тотъ тебя прибилъ,—говорилъ Викторъ.

— О, вздоръ!—воскликнула Софи.

Ея красивыя ноздри начинали уже раздуваться.

— Разсказывала еще...

— Перестань, Викторъ!—прикрикнула на него Софи.

Иродіада, во время нѣжно-любовныхъ сценъ, въ самомъ дѣлѣ, многое ему поразсказала.

— Я ей откажу,—проговорила Софи прерывающимся отъ досады голосомъ.

— Нѣтъ, ее прежде надобно обыскать... Она, я думаю, у тебя денегъ наворовала... я сначала ее обыщу да деньги у нея отберу!..—билъ Викторъ прямѣе въ цѣль.

— Нѣтъ, пожалуйста! Я только прогоню ее и больше никакихъ съ ней объясненій не желаю имѣть,—сказала Софи.

Она боялась, что Иродіада еще больше наплететъ на нее.

Викторъ, по своему обыкновенію, разсердился и на сестру.

— Обѣ вы, видно, Даха Парахи не лучше!—проговорилъ онъ и сталъ прощаться.

Софи сдѣлала видъ, будто этихъ послѣднихъ словъ не слыхала.

— Иродіада!—крикнула она послѣ его ухода.

Та вошла къ ней съ довольно покойнымъ видомъ.

— Ты безпрестанно куда-то уходишь; я вижу, что тебѣ служба у меня непріятна, а потому можешь искать себѣ другого мѣста,—сказала ей Софи.

Иродіада, слышавшая, что Викторъ былъ у сестры, почти ожидала этого.

— Что̀ жъ, мнѣ не на улицу же сейчасъ итти и выбросить себя!—сказала она дерзко.

— Ты можешь еще жить у меня; только я услуги твоей больше не желаю.

Иродіада на это усмѣхнулась.

— Не раскайтесь!—пробормотала она себѣ подъ носъ.

— Что̀ такое?—спросила ее Софи.

— Не раскайтесь! Найдите еще другую такую, которая такъ бы вамъ служила, какъ я,—сказала вслухъ Иродіада и, хлопнувъ дверью, ушла.

Затѣмъ, собравъ всѣ свои вещи, перетащила ихъ изъ горницы въ баню.

XIX.

Израильтянинъ и русскій.

Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ Эммануилъ Захаровичъ, въ очкахъ, съ густо-нависшими бровями, озабоченно разсматривалъ наваленные на столѣ книги, бумаги, письма, счеты.

Передъ нимъ стоялъ рыжеватый, худощавый мѣщанинъ, тоже одинъ изъ его повѣренныхъ и молоканъ по вѣрѣ.

— Сто̀ зе такое зъ нимъ?—спрашивалъ съ досадой Эммануилъ Захаровичъ.

— Богъ ихъ знаетъ-съ!—отвѣчалъ повѣренный, ложимая плечами. — Изволили пріѣхать домой... затосковали... хуже, хуже, такъ что за докторомъ послать не успѣли.

Эммануилъ Захаровичъ сдѣлалъ грустное и печальное лицо.

— Отцего зе могло то быть?—повторилъ онъ.

Повѣренный стоялъ нѣкоторое время въ недоумѣніи.

— До свадьбы своей они гуляли, значитъ, съ горничной госпожи Леневой.

— Н-ну?

— Ну, и какъ люди вотъ ихъ тоже разсказываютъ: опять начали свиданье съ ней имѣть-съ.

— Сто̀ зе изъ того?

— Да то, что какъ есть тоже наше глупое, русское обык-

новеніе: приворотить его снова не желала ли къ себѣ, али, можетъ, и такъ, по злости, чего дала.

— Ну, такъ взять ее и сазать въ острогъ.

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость!—отвѣчалъ повѣренный съ испуганнымъ лицомъ:—она и допрежъ того, изволите знать, болтала; а тутъ и не то наговоритъ, коли захватятъ ее. Изволите вотъ прочесть, что̀ пишутъ-то!

— Ну, читай, сто̀ писутъ!—произнесъ сердито Эммануилъ Захаровичъ.

Самъ онъ не совсѣмъ хорошо разбиралъ письменную русскую грамоту.

Повѣренный взялъ со стола письмо, откашлянулся и началъ читать его.

«Ваше высокостепенство, государь мой, Эммануилъ Захаровичъ!

«Такъ какъ будучи присланный человѣкъ отъ васъ Михайла очень пьянствуетъ, сталъ я ему то говорить, а онъ, сказавши на это, что поѣдетъ въ К..., я ему дѣлать то запретилъ; онъ вчерашняго числа уѣхалъ секретно на пароходѣ «Колхида» къ барину своему, г. Басардину, какъ говорилъ то одному своему знакомому другу армянину, который мнѣ то, будучи мною уговариваемъ, открылъ за 5 руб. сер.

«Переговоры же о томъ шли черезъ какую-то дѣвицу Продіаду, которая, надо полагать, была его любовница, о чемъ вашему высокостепенству донести и желаю и при семъ присовокупляю, что на цымлянское...»

Дальше повѣренный не сталъ читать.

— Ну, взять его, какъ пріѣдетъ «Колхида»... Я плацу имъ деньги... Сто̀ зе? Пускай берутъ!—проговорилъ Эммануилъ Захаровичъ.

Повѣреннаго при этомъ точно передернуло.

— Нѣтъ-съ, и этого нельзя! Теперича Іосифъ Яковличъ жизнь кончили... Я, значитъ, одинъ въ отвѣтѣ и остался...—сказалъ онъ.

— Ницего я не знаю, ницего!—возразилъ Эммануилъ Захаровичъ, отстраняясь руками.

— Ваше степенство,—началъ повѣренный:—словъ Іосифа Яковлевича тоже слушались мы, все равно, что̀ отъ васъ они шли...

— И не говорите мнѣ, не знаю я ницего того!—перебилъ опять Эммануилъ Захаровичъ, зажимая уши.

Повѣренный вздохнулъ.

— Маленькаго человѣка погубить долго ли... Хорошо, что тогда поостерегся,—черезъ другого, а не самъ дѣло дѣлалъ:

теперь хоть увертка есть. Никакихъ бы денегъ, кажись, не взялъ въ этакое дѣло влопаться.

— Ну, молци, позалуста, безъ разсузденій!—прикрикнулъ на него Эммануилъ Захаровичъ.

— Спина-то, ваше степенство, своя-съ, за неволю разсуждать начнешь: не васъ, а нашу братью на кобылѣ-то драть станутъ.

— Молци!—прикрикнулъ на него еще разъ Эммануилъ Захаровичъ:—грубый народъ... музикъ!

Повѣренный замолчалъ, но попрежнему оставался съ мрачнымъ лицомъ.

Эммануилъ Захаровичъ принялся снова разбирать и разсматривать бумаги.

— Подайте зе это ко взысканію!—сказалъ онъ, подавая повѣренному заемное письмо.

Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Заемное письмо было на имя Софьи Леневой въ 25 тысячъ рублей серебромъ.

XX

Разные взгляды на общественное служеніе.

Въ газетѣ «Петербургское Безкорыстіе» было съ благороднымъ негодованіемъ напечатано:

«Скажите, отчего въ директоры акціонерныхъ компаній выбираются люди, не спеціально знакомые съ дѣломъ, а по большей части графы и генералы? Откуда и какимъ образомъ могли у акціонеровъ явиться подобные аристократическіе вкусы? Зачѣмъ они позволяютъ этимъ господамъ говорить себѣ въ собраніи дерзости, и изъ какихъ наконецъ видовъ благополучія допускается, что главный директоръ компаніи «Таврида и Сирена», самъ начальникъ края, производитъ разработку каменнаго угля у себя въ имѣніи, который стоитъ такимъ образомъ обществу вдвое дороже, чѣмъ привезенный и купленный изъ Америки? (См. отчетъ общества за 1859 г. и американскую газету «Herald»)».

Строкъ этихъ достаточно было, чтобы начальникъ края, ни съ кѣмъ не переговоривъ и не посовѣтовавшись, стукнулъ по столу два раза линейкой.

Вошелъ адъютантъ.

— Полицеймейстера мнѣ-съ!—произнесъ начальникъ края, повидимому, спокойно.

Адъютантъ ушелъ.

Начальникъ края, будучи не въ состояніи удержаться, продолжалъ однимъ глазомъ заглядывать въ продолженіе статьи.

Тамъ Богъ знаетъ чего ужъ не было наговорено. Говорили, что «на Солдатской пристани, для житья чиновниковъ, на деньги акціонеровъ построенъ цѣлый городокъ».

И въ самомъ дѣлѣ это было такъ!

«Машина, выписанная для паровой мельницы, не входила въ самое зданіе, такъ что или ее надо было ломать, или зданіе».

И то была правда.

Гнѣвомъ и горестью исполнялось сердце старика.

Полицеймейстеръ наконецъ явился.

— Гдѣ здѣсь живетъ нѣкто Басардинъ?—спросилъ генералъ какимъ-то таинственнымъ голосомъ.

— Живетъ-съ!—отвѣчалъ полицеймейстеръ.

— Взять его сейчасъ въ часть и произвести у него въ домѣ обыскъ.

— Это, вѣрно, ваше превосходительство, по случаю акціонерной статьи...—началъ-было полицеймейстеръ.

— Да-съ!

— Статью эту, ваше превосходительство, писалъ Никтополіоновъ.

— Пожалуйста, безъ возраженій!.. Я и въ тотъ разъ по вашимъ стопамъ шелъ, да недалеко дошелъ.

О томъ, что виновникомъ прошлой статьи былъ Викторъ Басардинъ, начальникъ края узналъ отъ Эммануила Захаровича.

— Извольте произвести строжайшее слѣдствіе! — заключилъ онъ.

— О чемъ-съ?

— О чемъ? — крикнулъ генералъ.—Вы спрашиваете меня: о чемъ? Человѣкъ пишетъ на честныхъ людей пасквили, человѣкъ подрываетъ общественный кредитъ, и вы преспокойно говорите: «о чемъ»? Полковникъ! вы служить послѣ того не можете!

Полковникъ поклонился и прямо отправился къ исполненію возложеннаго на него порученія.

Викторъ въ это время только было-засунулъ свою, извѣстную намъ статью, въ конвертъ, чтобъ отправить ее для напечатанія въ журналъ, какъ вбѣжала къ нему впопыхахъ нанимаемая имъ кухарка.

— Батюшка Викторъ Петровичъ,—сказала она:—полицеймейстеръ съ солдатами пришелъ.

Викторъ поблѣднѣлъ. Но полицеймейстеръ входилъ уже въ комнату и прямо устремился къ письменному столу.

— Письмо!..—проговорилъ онъ, тотчасъ же беря конвертъ и распечатывая его.

— Но какъ вы можете чужія письма... — возразилъ-было Викторъ.

— Могу,—отвѣчалъ полицеймейстеръ.—Это ужъ объ родной сестрѣ сочинили, — прибавилъ онъ, прочитавъ и передавая письмо жандарскому офицеру.

Затѣмъ начался обыскъ.

Викторъ ходилъ за всѣми, какъ потерянный.

— «Колоколъ»!..—произнесъ мрачнымъ голосомъ жандармскій офицеръ.

— Откладывайте!—сказалъ ему полицеймейстеръ.

— Ненапечатанныя русскія стихотворенія, — продолжалъ офицеръ.

— Какія это?—спрашивалъ полицеймейстеръ.

— Да я не знаю-съ! «О, ты, Рылѣевъ, другъ...»—прибавилъ онъ, пробѣжавъ первый стихъ.

— Откладывайте! — сказалъ полицеймейстеръ.

— Еще стихотвореніе: «Буяновъ, мой сосѣдъ»,—произнесъ жандармскій офицеръ.

— Откладывайте!—сказалъ полицеймейстеръ.

— Картины голыхъ женщинъ, — продолжалъ жандармъ.

— Тоже! — повторилъ полицеймейстеръ и потомъ, обратившись къ Басардину, прибавилъ:—Я думалъ, что вы молодой еще очень человѣкъ, а ужъ по лицу-то, видно, собрались съ годками... Стыдно... очень стыдно...

— Но, скажите, что̀ же я такое сдѣлалъ? — говорилъ Басардинъ, стараясь улыбнуться, но въ сущности совершенно упавъ духомъ.

— Сами понимаете, я думаю... не маленькіе... Собрали бумаги?—спросилъ полицеймейстеръ у жандарма.

— Собралъ-съ!

— Ну, поѣдемте и вы! — прибавилъ полицеймейстеръ Виктору:—въ часть васъ свезу. Велите себѣ принести матрацъ, что ли; у насъ ничего тамъ нѣтъ!

— Какъ въ часть?.. Это... это... — говорилъ Викторъ: — это ужъ подло! — возразилъ онъ наконецъ.

— А пасквили писать благородно?—спросилъ его полицеймейстеръ.

— Это я писалъ для пользы общества,—объяснилъ Басардинъ.

— А я васъ для пользы общества сажаю въ часть... Вы такъ понимаете, а я иначе!

— Это чортъ знаетъ что̀ такое!—говорилъ Басардинъ, садясь съ полицеймейстеромъ на пролетки.

— Не чортъ знаетъ, а только то, что эта общественная польза — вещь очень многообразная! — объяснилъ ему полицеймейстеръ.

XXI.

Новый обличитель.

Около К... буря страшно шумѣла. Вѣтеръ, казалось, хотѣлъ сорвать флаги и флюгера съ крѣпостныхъ башенъ. У обрывистаго берега валы бились и разсыпались о каменный утесъ.

Впереди хоть бы капля свѣта, и только дулъ оттуда холодный вѣтеръ; но вотъ вдали, въ безднѣ темноты, мелькнули двѣ свѣтящіяся точки, скрылись-было сначала, но потомъ снова появились и не пропадали уже болѣе.

Это шелъ пароходъ «Колхида». Пассажировъ было немного: мужъ съ женой, сидѣвшіе на палубѣ и завернувшіеся въ одну кожу, чтобы спасти себя отъ брызгавшей на нихъ воды, а у самой кормы, въ совершенной темнотѣ, стоялъ высокій мужикъ, опершись на перила и глядя на воду.

Матросы заботливо бѣгали на палубѣ.

Вѣтеръ начиналъ дуть порывистѣе и сильнѣе.

На носу засвѣтили фальшфейеръ.

Съ виднѣвшагося маяка отвѣтили тѣмъ же.

Мужикъ спросилъ проходившаго мимо матроса:

— А что̀, служба, не далече до города?

— Да вонъ!—отвѣчалъ тотъ, указывая на довольно близкіе огни.

— А это таможенная коса?—спросилъ опять мужикъ, указывая на огонь, мелькавшій вдали отъ прочихъ.

— Да,—отвѣчалъ матросъ, уходя отъ него.

Вслѣдъ затѣмъ мужика какъ бы не бывало на палубѣ.

— Что̀ такое въ воду упало?—спросилъ капитанъ со своей вышки.

— Кто свалился?—повторилъ онъ еще разъ и ужъ строго.

— Мужикъ, надо-быть, ваше благородіе.

— Спустить катеръ!—скомандовалъ капитанъ.

Нѣсколько матросовъ бросились и стали спускать его, но лодка не шла.

— Спускайте скорѣй! Разорву васъ, какъ собакъ!—кричалъ съ вышки капитанъ.

— Нейдетъ, ваше благородіе, блоки совсѣмъ не смазаны!

— Я вамъ дамъ, чортовы дѣти!—кричалъ капитанъ.

Лодку наконецъ спустили, и человѣка четыре матросовъ соскочили въ нее.

— А на смазку-то, я самъ видѣлъ, въ отчетахъ сказано, что употребляется по 3.000 руб. сер. въ годъ! — объяснилъ прозябнувшій супругъ своей супругѣ подъ кожей.

Они, видно, были изъ несчастныхъ акціонеровъ, а потому ничего больше ужъ и не сказали, а еще крѣпче прижались другъ къ другу.

Матросы въ лодкѣ сначала проѣхали по прямой линіи отъ парохода къ берегу, потомъ заѣхали вправо. Ничего не видать, кромѣ пѣнящихся волнъ.

— Чортъ найдетъ его! — проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Да что̀ его угораздило? Пьянъ, что ли, былъ?—спросилъ другой.

— Нѣтъ, чай, надо-быть, нарочно! — объяснилъ третій.

— Гдѣ жъ тутъ ловить-то его... Поди, чай, засосало подъ пароходъ, и плыветъ подъ кормой.

— И пилъ же онъ, паря, на пароходѣ-то шибко.

— Пилъ?

— И, Господи! Маркитантъ сказывалъ, рублевъ на двадцать онъ напилъ у него... Заберите-ка однакоже влѣво! — заключилъ матросъ, но и влѣво ничего.

— На пароходъ, робята, ну его къ праху, гдѣ тутъ сыщешь! — сказали почти всѣ въ одинъ голосъ и поѣхали на пароходъ.

Мужикъ между тѣмъ былъ недалеко отъ нихъ и, при ихъ приближеніи, только нырнулъ въ воду и вынырнулъ потомъ далеко отъ нихъ. Подплывъ къ косѣ, онъ сталъ на ноги. Тутъ ему было всего по поясъ. Онъ не пошелъ прямо на берегъ, а сталъ обходить всю косу кругомъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ и подъѣзду не было, ухватился за камень, сталъ взбираться, какъ кошка, на утесъ и только по временамъ ругался.

— Всѣ рученьки-то, дьяволъ, раззанозилъ каменьями этими... Ну, поѣхала, лѣшая!—говорилъ онъ, когда нога его случайно скользила и опускалась. — Какъ итти-то въ этой мокротѣ?— прибавилъ онъ, ставъ наконецъ на вершину скалы и осматтривая свой костюмъ.

— Ну, чортъ, велика барыня, — заключилъ онъ и пошелъ.

На набережной онъ вошелъ во дворъ квартиры Софи; вѣроятно, очень знакомый съ мѣстностью, онъ сейчасъ же забрался черезъ перила на галлерею и приложилъ свое лицо къ освѣщенному стеклу дѣвичьей.

Тамъ сидѣла молоденькая горничная.

— О, чортъ, это другая какая-то лѣшая! — сказалъ онъ и постучалъ пальцемъ.

Горничная съ испугомъ взглянула на окно.

— Иродіада Никаноровна гдѣ-съ?—спросилъ у ней мужикъ.

Горничную успокоилъ этотъ вопросъ.

— Она не здѣсь, въ банѣ живетъ.

— Вотъ куда чортъ ее занесъ! Родила, что ли? — сказалъ самъ съ собой мужикъ и слѣзъ съ галлереи.

Гдѣ находится баня, онъ тоже, видно, хорошо зналъ, потому что прямо пошелъ къ ней и опять приложилъ лицо къ окну.

Иродіада тамъ сидѣла одна и что-то шила.

Мужикъ вошелъ къ ней.

— Ай, Господи, Михайла!—проговорила она, взмахнувъ на него глазами.

— Мы самые и есть!—отвѣчалъ тотъ.

— Да что̀ же ты весь мокрый?

— Водой ужъ шелъ, коли сушью не пускаютъ, — отвѣчалъ Михайла.

— Ну, разоболокайся!.. Что̀ стоишь?—сказала ему Иродіада съ видимымъ участіемъ.

— Что̀ же я надѣну? Весь мокрехонекъ,—сказалъ мужикъ, снимая, впрочемъ, кафтанъ.

— Пойду, схожу, попрошу у кучера и портковъ и рубахи.

— Да какъ же ты скажешь?

— Скажу, что для полюбовника, да и баста!

— Ой ли! хватъ-дѣвка!—проговорилъ ей вслѣдъ Михайла.

Читатель, конечно, не узналъ въ этомъ человѣкѣ того самаго Михайлу, который, въ началѣ нашего романа, ѣхалъ молодымъ кучеромъ съ Надеждой Павловной. Судьба его и въ то уже время была связана съ судьбою Иродіады. Онъ именно былъ отцомъ ея ребенка, за котораго она столько страдала.

Получивъ вольную, Иродіада, первое что̀, написала Михайлѣ своею рукою письмецо:

«Душенька Михайла! Неизмѣнно вамъ кланяюсь и прошу васъ, проситесь у господъ вашихъ на оброкъ и пріѣзжайте за мной въ К..., гдѣ и ожидаетъ васъ со всею душою своею открытою, по гробъ вамъ вѣрная Иродіада».

Михайла сейчасъ сталъ проситься у Петра Григорьевича; но тотъ его не пускалъ. Михайла нагрубилъ ему, или, лучше сказать, прямо объяснилъ:—«дуракъ вы, а не баринъ,—право!»

Петръ Григорьевичъ повезъ его въ солдаты. Михайла убѣжалъ отъ него и пришелъ въ К... оборванный, голодный и врядъ ли не совершившій дорогой преступленія.

Иродіаду онъ нашелъ не совсѣмъ вѣрною себѣ. Она была любима управляющимъ откупомъ, Іосифомъ. Михайла, впрочемъ, нисколько этимъ не обидѣлся и просилъ только, чтобы

какъ-нибудь ему прожить безъ паспорта и хоть бы какое-нибудь найти мѣстечко. По вліянію Иродіады, его сдѣлали цѣловальникомъ; потомъ, по какимъ-то соображеніямъ, перевели сначала въ уѣздъ и наконецъ отправили на Кавказъ. Въ продолженіе всего этого времени Михайла страшно распился, разъѣлся: краснощекій, съ черною окладистою бородой, онъ скорѣе походилъ на есаула разбойничьяго, чѣмъ на бывшаго нѣкогда господскаго кучера. Запахъ спирту отъ него ужъ и не прекращался, точно всѣ поры его были пропитаны имъ.

Иродіада, возвратившись, принесла Михайлѣ все чистое бѣлье. Тотъ при ней же началъ переодѣваться. Иродіада немножко отъ него отвернулась.

— Чаю, что ли, хочешь?—спросила она.

— Нѣтъ, лучше бы горрьконькаго! — отвѣчалъ Михайла.

— Все попрежнему, зелья-то этого проклятаго, — сказала Иродіада.

— Человѣкъ рабочій, — отвѣчалъ Михайла.

Иродіада сходила въ горницу и принесла цѣлый барскій графинъ водки и огромный кусокъ, тоже барской, телятины.

Михайла принялся все это пить и ѣсть.

— Что̀, ты получилъ мое письмо?—спросила его Иродіада.

— Получилъ; на него я и шелъ.

— Съ бариномъ твоимъ несчастье случилось: въ часть, али въ острогъ, что ли то, посадили.

— Ахъ ты, Боже ты мой!—произнесъ Михайла съ нѣкоторымъ даже испугомъ. — За что же это такъ?

— Сочиненіе, что ли, какое-то написалъ на здѣшнихъ господъ, такъ за то... Въ Сибирь, говорятъ, сошлютъ.

— Какъ же быть-то, дѣвка, а?

— Чего быть-то?.. Я вотъ отсюда завтра переѣду, поживемъ тамъ, поглядимъ.

— Эхма!—горевалъ Михайла:—а мнѣ такъ-было и думалось, что онъ далъ бы мнѣ такую бумагу, я бы ему все открылъ.

— Чего открывать-то? Мозеръ-то померъ!

— Вона! Царство небесное! — произнесъ Михайла. — Что̀ же такое съ нимъ случилось?

— Не знаю, — отвѣчала Иродіада лаконически.

— Бѣда, значитъ, теперь безъ пачпорту-то, — проговорилъ опять Михайла.

— Ничего!.. Нынче ужъ насчетъ этого свободно стало.

— Да, какъ-же? — произнесъ недовѣрчиво Михайла.

— Начальство само говоритъ: — «Живите, говоритъ, ничего и безъ бумагъ». Воля, говорятъ, всѣмъ настоящая скоро выйдетъ.

— Слышалъ я... — отозвался Михайла: — господамъ-то только подъ домомъ землю и оставятъ, дьяволамъ этимъ, — прибавилъ онъ и зѣвнулъ.

— Такъ имъ, злодѣямъ, и надо! — повторила Иродіада. — Что̀ зѣваешь?.. Поди, полѣзай на полокъ спать.

Михайла пошелъ; потомъ пріостановился и хотѣлъ что-то такое сказать Иродіадѣ; но, видно, раздумалъ и молча взлѣзъ на полокъ.

XXII.

На яраго сатира надѣтъ намордникъ.

Виктора все еще продолжали держать въ части.

Онъ начиналъ терять всякое терпѣніе и въ продолженіе этого времени успѣлъ поколотить полицейскаго солдата, не пускавшаго его одного гулять по саду; объ этомъ было составлено постановленіе и присоединено къ дѣлу. Онъ показалъ потомъ женѣ частнаго пристава, когда та проходила мимо его оконъ, кукишъ; объ этомъ тоже составлено было постановленіе и снова присоединено къ дѣлу.

Начальство всему этому только радовалось, чтобы побольше скопить на него обвиненій.

Викторъ, въ отчаяніи, началъ наконецъ молиться Богу, и молитва его была услышана. Въ послѣдній вечеръ передъ нимъ стоялъ знакомый намъ повѣренный Эммануила Захаровича, молоканъ Емельяновъ, съ своею обычною кислою улыбкой и заложивъ руки за бортъ сюртука.

Викторъ все еще продолжалъ ершиться.

Емельяновъ пожималъ насмѣшливо плечами.

— Вѣдь это точно что-съ... Эммануилъ Захарычъ такъ и приказывалъ: «пускай, говоритъ, онъ уѣдетъ».

— А, испугались?.. — говорилъ Викторъ, самодовольно начиная ходить по комнатѣ.

— Не испугались, а что точно что неудовольствія имѣть не желаемъ... И вамъ вѣдь тоже здѣсь ничего хорошаго не будетъ. Извольте хоть какого ни на есть стряпчаго и ходатая вашего спросить... Мало-мало, если васъ на житье въ дальнія сибирскія губерніи сошлютъ, а — пожалуй — приладятъ такъ, что и въ рудники попадете.

— Да, вотъ такъ... какъ же! — горячился Викторъ. — Я и оттуда буду писать.

— Пишите, пожалуй. Мало только пользы-то отъ того вамъ будетъ... Хоть бы и я теперь, за что?.. За то только, что по вѣрѣ родителей моихъ жить желаю, попалъ сюда въ эти степи.

— Тебѣ-то пуще здѣсь худо... Ахъ, ты, борода! — сказалъ Викторъ и тронулъ Емельянова за бороду.

Онъ видимо, начиналъ ужъ ласкаться къ нему.

— Что̀ жъ? Конечно, что — благодареніе Богу: не потерялся еще совершенно, — отвѣчалъ тотъ, стыдливо потупляя глаза. — Такъ Эммануилъ Захарычъ мнѣ и приказывать изволили: «пусть, говоритъ, онъ ѣдетъ въ Москву; будетъ получать отъ насъ по тысячѣ цѣлковыхъ въ годъ».

— А какъ вы надуете, да не станете платить? — спросилъ недовѣрчиво Викторъ.

— Орудіе-то вѣдь ваше всегда при васъ; можете написать, что̀ только захотите.

— Да, пиши тутъ, а вы преспокойно будете сидѣть и поглаживать себѣ бороды.

— Нѣтъ-съ, мы никогда не можемъ желать того, — отвѣчалъ серьезно Емельяновъ.

— А вы вотъ что̀! — продолжалъ Викторъ: — вы дайте мнѣ впередъ пять тысячъ цѣлковыхъ, да и баста!

Емельяновъ грустно усмѣхнулся.

— Такихъ денегъ у насъ, пожалуй, нынче и въ кассѣ-то нѣтъ — очень нынче дѣла плохи!

— Дайте векселя на разные сроки... Я подожду, — отвѣчалъ Викторъ.

— Это словно бы не приходится, — произнесъ, не поднимая глазъ, Емельяновъ. — Вы конечно что господинъ, дворянинъ: слову вашему мы вѣрить должны; но вѣдь тоже человѣческая слабость, у каждаго она есть: деньги-то вы по векселю съ насъ взыскать-то взыщете, а писать-то все-таки станете.

— Да какого же чорта я писать буду?

— Да вѣдь, извините меня, я опять повторю то же: человѣческая слабость... Можетъ-быть, къ пяти-то тысячамъ вы — еще пожелаете съ насъ получить; вамъ-то это будетъ пріятно, а для насъ-то ужъ оченно разорительно, а вы вотъ что-съ: по чести ежели вамъ угодно, теперь — тысячу, годъ вы промолчали — другую вамъ, еще годъ — третью.

— Нѣтъ, это невыгодно! — отвѣчалъ Викторъ: — теперь, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ двѣ тысячи впередъ.

— Полторы извольте, безъ хозяина рѣшаюсь на то, по крайности буду знать, что дѣло покончено.

— Да, дѣло! Сквалыжники вы этакіе, — говорилъ Викторъ, какъ человѣкъ угнетенный и прижатый: — ну, давайте полторы тысячи!

— Слушаю-съ... Теперь я вамъ, значитъ, подорожную

возьму, и хозяинъ еще говорилъ, чтобы мнѣ съ вами и въ Москву отъѣхать... Чтобы безъ сумлѣнія для него было.

— Хорошо, мнѣ все равно; я вѣдь и тамъ буду про разныхъ соколиковъ писать.

— Извѣстно! За что жъ такъ мы одни-то виноваты: надо и съ другихъ могорычи имѣть.

— Я имъ дамъ! Я тогда сочинилъ, такъ триста экземпляровъ сюда газеты выписали. Мнѣ теперь, знаешь, сколько за сочиненіе будутъ давать.

— Точно что-съ, способность, дарованье на то отъ Бога имѣете! — подтвердилъ Емельяновъ и потомъ прибавилъ, раскланиваясь:

— До пріятнаго свиданія, значитъ!

— Прощайте, другъ любезный! — отвѣчалъ ему Викторъ, дружески пожимая руку.

XXIII.

Разореніе.

По случаю наступившаго апрѣля, балконъ въ клубѣ былъ отворенъ. Теплая весенняя ночь была совершенно тиха и спокойна; но зато волновались сердца человѣческія. Баклановъ, стоя около этого самаго балкона и созерцая безмятежную красоту природы, былъ блѣденъ, и губы у него отъ бѣшенства дрожали.

Ему что-то такое возражалъ Никтополіоновъ.

— Я-то чѣмъ виноватъ? — говорилъ онъ.

— А тѣмъ, что вашими подлыми статьями вы уронили все дѣло.

— Да, такъ вотъ я и стану молчать!.. Меня выгнали, а я буду говорить: прекрасно, безподобно!

— Отчего же прежде вы лично мнѣ другое говорили?

— Я тогда служилъ тамъ! Что̀ жъ мнѣ товаръ-то свой хаять, что ли? — отвѣчалъ нахально Никтополіоновъ.

Баклановъ едва владѣлъ собой.

— Знаете ли, за подобныя вещи бьютъ по рожѣ, и бьютъ больно! — говорилъ онъ.

— Да, кто дастся! — отвѣчалъ Никтополіоновъ и преспокойно отошелъ.

Баклановъ постоялъ еще немного и, даже почернѣвъ отъ волновавшихъ его чувствованій, уѣхалъ домой.

Онъ прямо прошелъ въ спальню жены.

Евпраксія уже спала.

Баклановъ безъ всякой осторожности разбудилъ ее.

— Поздравляю васъ: мы разорены!.. — началъ онъ прямо.

— Что̀ такое? — спрашивала Евпраксія, едва приходя въ себя.

— Такъ. Акціи наши падали-падали, а теперь за нихъ и ничего ужъ не даютъ, — отвѣчалъ Баклановъ, садясь въ отчаяніи на свою постель.

— О, я думала, Богъ знаетъ что̀! — произнесла Евпраксія, почти совершенно успокоившись.

— Какъ что̀? Это для васъ не Богъ знаетъ что̀? — вскричалъ Баклановъ.

— Перестань, сумасшедшій: дѣтей напугаешь! — сказала Евпраксія и, вставъ, притворила дверь въ дѣтскую.

— Это для нея ничего!.. О, Боже мой, Боже мой! — повторилъ Баклановъ, воздвигая руки къ небу.

— Кто жъ виноватъ? — самъ же! — сказала Евпраксія, зажигая свѣчку.

Она знала, что сцена эта нескоро кончится.

— Я же! Да, я! Я хотѣлъ разорить и погубить семью. О, я несчастный! — восклицалъ Баклановъ, колотя себя въ голову.

Евпраксія пожала плечами.

— Ну, подай только Богъ терпѣнье жить съ тобой, — сказала она.

— Что̀ жъ? Прогоните меня, какъ тварь какую-нибудь безчувственную, какъ мерзавца, подлеца!

— Ни то ни другое, а человѣкъ безъ характера... Малѣйшая удача — мы ужъ и на небесахъ: прекрасно все, безподобно! А неудача — сейчасъ и въ отчаяніе! Жизнь—не гулянье въ саду: все можетъ случиться.

— Все! Хорошо все! Пятьдесятъ тысячъ потерять! О, я не перенесу этого и убью себя! — воскликнулъ опять Баклановъ въ бѣшенствѣ.

— Перестань, говорятъ тебѣ! — прикрикнула на него Евпраксія строго: — не ты одинъ, а многіе потеряли, и побѣднѣй тебя; можетъ-быть, свои послѣдніе, трудовые гроши.

— Они теряли свои деньги, а я потерялъ чужія, ваши, — отвѣчалъ ядовито Баклановъ.

— Какія же чужія?.. Если я принадлежу тебѣ, такъ деньги мои и подавно, и кромѣ того... конечно, кто говоритъ, потеря довольно ощутительная; но все-таки не совсѣмъ еще разорены... Богъ дастъ, будешь здоровъ да спокоенъ, не столько еще наживешь...

Слова жены замѣтно успокоили Бакланова. Онъ хотя и сидѣлъ еще задумавшись, но не кричалъ ужъ болѣе.

— Ну, что теперь станешь дѣлать? Что? — говорилъ онъ, разводя руками: — опять надо впрягаться въ эту службу проклятую. Вы, пожалуйста, завтра же отпустите меня въ Петербургъ; я поѣду искать должности.

— Сдѣлай милость, очень рада! — подхватила Евпраксія: — а то вѣдь, ей-Богу, скучно на тебя смотрѣть: скучаетъ, ничего не дѣлаетъ!

— Поѣду! — повторялъ Баклановъ какъ бы самъ съ собою и потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, снова обратился къ женѣ:

— Вы на меня не сердитесь?

— Увѣряю тебя, нисколько.

— Ну, поцѣлуйте меня въ доказательство этого.

Евпраксія подошла и поцѣловала его.

— Мнѣ гораздо вотъ непріятнѣе было, когда ты тяготился семейною жизнью, а что потеряли часть капитала — велика важность! — сказала она.

— Ты великая женщина! — проговорилъ наконецъ Баклановъ, вздыхая и слегка отталкивая ее отъ себя.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже спалъ, а Евпраксія не спала всю ночь: спокойствіе ея, видно, было только наружное!

XXIV.

Сцена хоть бы изъ французскаго романа.

Слѣдующая ночь еще была теплѣе, темнѣе и тише.

День этотъ былъ среда. У Софи, по обыкновенію, были гости и, какъ нарочно, очень много. Дѣвица Каролина-Марія-Терезія привезла къ ней двухъ сестеръ, выписанныхъ ею съ родины, тоже жить насчетъ ея друга. За дѣвицею Порховскою пріѣхало ровно четыре кавалера. Сама Софи, впрочемъ, была скучна и ни съ кѣмъ не говорила ни слова. Утомленная и доведенная еще до большей тоски болтовней гостей, она встала и пошла-было въ заднія комнаты, чтобы хоть на нѣсколько минутъ остаться одной; но тамъ застала Иродіаду сверхъ обыкновенія, въ платкѣ на головѣ, а не въ шляпкѣ Софи отвернулась. Ей стало непріятно и точно страшно встрѣчаться съ своею прежнею повѣренной.

— Здравствуй! Гдѣ жъ ты нынче живешь? — спросила она ее, чтобы что-нибудь сказать.

— На квартирѣ-съ.

— Не у мѣста еще?

— Нѣтъ-съ.

И Софи опять возвратилась въ залу.

Сѣвъ за рояль и взявъ на немъ нѣсколько аккордовъ, она все прислушивалась къ звонку, но никто не пріѣзжалъ.

Софи подозвала къ себѣ одного изъ молодыхъ людей.

— Садитесь тутъ, у моихъ ногъ, — сказала она.

Тотъ въ самомъ дѣлѣ помѣстился у ногъ ея.

— Ну, говорите мнѣ любезности, говорите, что я какъ ангелъ хороша, что вы отъ любви ко мнѣ застрѣлитесь.

— Первое совершенно справедливо, а второе нѣтъ, потому что жизнь свою и себя самого я люблю больше всего, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, желая сострить.

— Охъ, какъ это неумно, вяло, натянуто! — говорила Софи. — Какіе вы нынче всѣ пошлые.

Въ дѣвичьей между тѣмъ происходили своего рода хлопоты. Молодая горничная вошла съ графиномъ оршада и вся раскраснѣвшаяся.

— Ой, дѣвушка. Такъ устала, что силушки нѣтъ. — говорила она Иродіадѣ.

— Гдѣ у васъ чай нынче разливаютъ: въ спальнѣ барыниной? — спросила та.

— Да, все тамъ же.

— Дай, я разолью.

— Ой, сдѣлай милость, голубушка! Мнѣ еще за сухарями надо бѣжать,—сказала горничная и сама ушла.

Иродіада пошла въ спальню Софи. Увидя, что на той полосѣ гостиной, которая была видна изъ спальни, никого нѣтъ, она обернулась задомъ къ туалету и оперлась на него; потомъ что-то такое щелкнуло, точно замокъ отперся, и Иродіада стала проворно класть себѣ въ карманъ одну вещь, другую, третью. Затѣмъ замокъ снова щелкнулъ. Иродіада отошла отъ туалета и стала около чайнаго стола.

Горничная возвратилась и пошла подавать чай, а Иродіада слѣдовала за ней съ сухарями. Лицо ея при этомъ было совершенно безстрастно.

Напоивъ гостей чаемъ, Иродіада стала сбираться домой.

Молоденькая горничная останавливала ее.

— Да накушайтесь сами-то чайку,—сказала она.

— Нѣтъ, благодарю, далеко еще итти, — сказала Иродіада и поцѣловалась съ своею бывшею товаркой.

— Прощайте!—сказала она ей не совсѣмъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Прощайте, ангелъ мой!—отвѣчала ей та ласково.

Въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Иродіада сошлась съ мужчиной.

— Готово?—спросила она.

— Дожидается!—отвѣчалъ ей тотъ.

— Ну, веди!

Они пошли.

— Все сдѣлали-съ? — спросилъ ее мужчина какимъ-то почтительнымъ голосомъ.

— Все!

Пройдя набережную, они стали пустырями пробираться къ таможенной косѣ.

На самомъ крутомъ ея мѣстѣ мужчина, который былъ не кто иной, какъ Михайла, сталъ осторожно спускаться, придерживая Иродіаду за руку.

— Не оступитесь!—говорилъ онъ.

— Держись самъ-то крѣпче, а я за тебя стану!..

Спустившись болѣе чѣмъ до половины, Михайла крикнулъ:

— Мустафа!..

— Я!—отозвался снизу съ лодки голосъ по-татарски.

— Ты куда насъ повезешь?—спросилъ его и Михайла по-татарски.

— Въ деревню Оля... къ брату... лошадь дастъ тебѣ, и поѣдешь.

— Смотри, свиное ухо, не обмани!

— Что̀ мнѣ тебя обманывать-то?

Михайла и спутница его соскочили въ лодку.

— Отчаливай!—проговорилъ Михайла; но татаринъ успѣлъ уже махнуть веслами, и они плыли.

Отъѣхавъ нѣсколько, татаринъ пріостановился.

— Пересядь, любезный, на эту сторону, а то очень ужъ валитъ вправо-то,—сказалъ онъ Михайлѣ.

Тотъ всталъ и началъ пересаживаться; вдругъ почувствовалъ, что его что-то страшно ударило въ спину, и онъ сразу кувырнулся въ воду.

— Батюшки, тонетъ! утонулъ!—вскрикнула Иродіада.

Татаринъ между тѣмъ гребъ дальше.

— Постой, чортъ, дьяволъ, — кричала она, обертываясь то назадъ, то къ татарину; но тотъ продолжалъ грести, а потомъ вскочилъ и повалилъ ее самоё въ лодку и наступилъ ей на грудь.

— Давай деньги! Подай! — говорилъ онъ и полѣзъ ей за пазуху; но въ это время чья-то рука повернула лодку совсѣмъ вверхъ дномъ. Всѣ пошли ко дну.

У Иродіады глаза, уши и ротъ захватило водой; она сдѣлала усиліе всплыть вверхъ и повыплыла. Въ сторонѣ она увидѣла, что-то такое кипѣло, какъ въ котлѣ.

Вдругъ на водѣ показался ея спутникъ и схватилъ ее за платье.

— Плыви за мной,—сказалъ онъ ей.

— Господи, онъ насъ нагонитъ, пожалуй!—говорила Иродіада, едва барахтаясь руками.

— Не нагонитъ,—отвѣчалъ ей спутникъ:—у тебя все въ карманѣ?

— Все... Ой, тошнехонько, тону!—кричала Иродіада.

— Не утонешь, недалеко!—отвѣчалъ ей спутникъ и взялъ ее за косу.—Я нарочно рулемъ держалъ, не давалъ ему далеко отъ берега-то отбиваться,—говорилъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, они черезъ нѣсколько минутъ были уже на берегу.

— О-о-ой!—стонала Иродіада.

— Пойдемъ, дѣлать нечего, пѣшкомъ,—сказалъ ей спутникъ.

— Пойдемъ! — отвѣчала она, едва переводя дыханіе, и вслѣдъ затѣмъ оба скрылись въ темнотѣ.

На другой день къ пароходной пристани прибило волнами утопленника-татарина съ перерѣзаннымъ горломъ.

XXV.

Неошибочное предчувствіе Евпраксіи.

Послѣ разоренія своего Баклановъ началъ еще болѣе скучать. Здѣсь мы должны глубоко запустить зондъ въ его душу и изслѣдовать въ ней самые сокровенные и потайные закоулки. Состоя при семействѣ и подчиняясь ему, когда около всего этого группировалось сто тысячъ денегъ и крѣпостное имѣніе, онъ полагалъ, что все-таки дѣло дѣлаетъ и, при подобной обстановкѣ, можетъ жить баричемъ. Но теперь, когда состояніе женино съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшалось, значитъ, и этой причины не существовало. О, какъ ему, сообразивъ все это, захотѣлось и дали, и шири, и свободы!.. Мечты, одна другой несбыточнѣе, проходили безпрестаннымъ калейдоскопомъ въ его умѣ, а между тѣмъ онъ жилъ въ самомъ обыденномъ, пошломъ руслѣ провинціальной семейной жизни... Изъ-за чего же было это безкорыстное и какое-то почти фантастическое убійство своего внутренняго «я»?

Въ одну изъ подобныхъ минутъ, когда онъ именно такимъ образомъ думалъ самъ съ собой, ему подали записочку. Онъ прочиталъ ее, сконфузился и проворно спряталъ ее въ карманъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ торопливо человѣку, мотнувъ ему головой.

Тотъ вышелъ.

Евпраксія, обыкновенно никогда не обращавшая вниманія, какія и отъ кого мужъ получаетъ письма, на этотъ разъ вдругъ спросила:

— Отъ кого это?

— Такъ, отъ одного знакомаго, — отвѣчалъ Баклановъ, краснѣя.

— Покажи, — сказала ему Евпраксія, какъ будто бы и съ улыбкой.

— Нѣтъ, не покажу,—отвѣчалъ Баклановъ, тоже стараясь улыбаться.

— Покажи, говорятъ тебѣ! — повторила Евпраксія еще разъ и уже настойчиво.

— Нѣтъ! Я вѣдь писемъ къ вамъ не читаю.

— Читай; у меня секретовъ нѣтъ. Ну, покажи же!—говорила она и при этомъ даже встала и подошла къ мужу.

Тотъ все еще продолжалъ улыбаться; но карманъ, въ который спряталъ записку, прижалъ рукою.

— Покажи!—повторила настойчиво Евпраксія.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—сказалъ рѣшительно Баклановъ.

— Ну, хорошо же! Я сама буду переписываться!—сказала Евпраксія, сѣла и заплакала.

Баклановъ не болѣе, какъ во второй или въ третій разъ, въ продолженіе всего ихъ супружества, видѣлъ слезы жены.

— Это глупо наконецъ!—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не глупо!—возразила ему Евпраксія: — пустой и дрянной вы человѣчишка!—прибавила она потомъ.

— Ну, можете браниться, сколько вамъ угодно,—отвѣчалъ Баклановъ и вышелъ.

— Что̀ ты разсердилась изъ-за такихъ пустяковъ, — сказалъ ей Валерьянъ Сабакѣевъ, бывшій свидѣтелемъ всей этой сцены.

— Нѣтъ, не пустяки!—отвѣчала она, продолжая рыдать:— вѣроятно, отъ какой-нибудь госпожи своей получилъ.

— Ревность, значитъ,—замѣтилъ ей съ улыбкой братъ.

— Вотъ ужъ нѣтъ!.. Пускай, сколько хочетъ, имѣетъ ихъ,— отвѣчала, впрочемъ, вся покраснѣвъ, Евпраксія. — Самъ же вѣдь послѣ будетъ мучиться и терзаться... мучить и терзать другихъ!—заключила она и ушла къ дѣтямъ въ дѣтскую; но и тамъ продолжала плакать.

Баклановъ все это время у себя въ кабинетѣ потихоньку одѣвался, или, лучше сказать, франтился напропалую: онъ умылся, надѣлъ все съ иголочки новое платье, надушился и на цыпочкахъ вышелъ изъ дому.

— Когда меня спросятъ, скажи, что я гулять пошелъ... Видишь, вонъ пальто и зонтикъ взялъ! — сказалъ онъ провожавшему его человѣку, а самъ, выйдя на улицу и пройдя нѣсколько приличное разстояніе, нанялъ извозчика и крикнулъ ему:—На набережную!

Передъ квартирой Софи онъ соскочилъ съ экипажа и проворно ушелъ въ отворенную почти настежь дверь.

Софи, совсѣмъ растерянная, съ блѣднымъ и испуганнымъ лицомъ, встрѣтила его въ залѣ.

— Другъ мой,—говорила она, беря его за руку и ведя его въ гостиную:—заступитесь за меня, меня обокрали всю.

— Какъ?—спросилъ Баклановъ.

— Всѣ брильянты и семьдесятъ пять тысячъ денегъ.

— Господи помилуй! — воскликнулъ Баклановъ: — но кто же?

— Должно-быть, прежняя моя горничная.

— Въ какомъ видѣ у васъ деньги были?

— Билетъ ломбардный.

— Именной?

— Не знаю, кажется.

Баклановъ пожалъ плечами.

— Есть у васъ, по крайней мѣрѣ, номера?

— Да, господинъ, который привезъ его ко мнѣ, нарочно записалъ въ столѣ у меня,—отвѣчала Софи, нѣсколько сконфузившись, и потомъ отворила туалетъ, гдѣ на стѣнкѣ одного потайного ящика были чьею-то осторожною рукой написаны номеръ и число билета.

Баклановъ списалъ все это.

— Ничего, поправимъ какъ-нибудь! — сказалъ онъ и, не объяснивъ болѣе, уѣхалъ.

Софи, оставшись одна, сидѣла, какъ безумная.

Часа черезъ три Баклановъ возвратился.

— Я думала, что и ты меня покинешь,—сказала она ему.

— Нѣтъ! какъ можно! Я все уже сдѣлалъ: телеграфировалъ въ петербургскій банкъ и получилъ отвѣтъ, что по билету никому, кромѣ васъ, не выдадутъ.

— Но какъ же я-то получу?

— Надобно вамъ самой ѣхать въ Петербургъ. Поѣдемте вмѣстѣ; я тоже на-дняхъ ѣду!

— Ахъ, я очень рада! — воскликнула Софи радостно, но потомъ нѣсколько покраснѣла.

— Только у меня жена ревнива, — прибавилъ Баклановъ съ улыбкою:—отсюда намъ нельзя вмѣстѣ выѣхать. У васъ есть какой-нибудь дорожный экипажъ?

— Отличная дорожная карета еще послѣ покойнаго мужа,— отвѣчала Софи.

— И прекрасно!—произнесъ Баклановъ, потирая руки.

Въ головѣ у него строилась тысяча увлекательныхъ плановъ.

— Вы поѣзжайте впередъ и подождите меня въ первомъ какомъ-нибудь городкѣ; я васъ нагоню, а потомъ мы вмѣстѣ и поѣдемъ.

— Это отлично! — сказала Софи, смотря съ нѣжностью на него.

Баклановъ въ эти минуты рѣшительно казался ей ангеломъ-спасителемъ.

— Однако прощайте, мнѣ пора. На меня и то ужъ супруга сильно сердится!—сказалъ онъ, и хотѣлъ-было поцѣловать у Софи руку, но она поцѣловала его въ губы.

Еще не старое сердце героя моего билось какъ птичка отъ восторга: у него наконецъ заводилась интрижка, чего онъ такъ давно и такъ страстно желалъ.

XXVI.

Кто такой собственно герой мой.

По векселю Эммануила Захаровича у Софи описали всю движимость. Она, по необходимости, должна была поскорѣй уѣхать.

Бакланову стоило страшныхъ усилій сказать женѣ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Ему казалось, что она непремѣнно догадается и разрушитъ весь его планъ. Наконецъ онъ рѣшился.

— Сдѣлай милость, поѣзжай!—отвѣчала ему Евпраксія.

Подозрѣвая, что мужъ затѣваетъ какія-нибудь шашни въ ихъ городѣ, она въ самомъ дѣлѣ желала отправить его въ Петербургъ, гдѣ все-таки надѣялась, что онъ найдетъ какое-нибудь себѣ занятіе, и тогда ужъ переѣхать къ нему самой со всею семьей. Почтенная эта женщина, несмотря на то, что ей всего было только двадцать восемь лѣтъ, постоянно здраво и благоразумно разсуждала и мужа за замѣчаемые недостатки не бранила и не преслѣдовала, а старалась излѣчивать его отъ нихъ.

Разговоръ о поѣздкѣ, по обыкновенію, окончился двумя-тремя фразами.

У Баклановыхъ, по вліянію Евпраксіи, осталось прежнее обыкновеніе ея матери: о серьезныхъ и важныхъ вещахъ думать много, а говорить мало.

Баклановъ всегда этимъ ужасно возмущался.

— Это какіе-то олимпійскіе боги, которыхъ развѣ стрѣлы Юпитера могутъ потрясти, а обыкновенныя житейскія дѣла ихъ не трогаютъ,—говорилъ онъ про жену и тещу.

Но на этотъ разъ радъ былъ этому обыкновенію и на другой же день собрался и поѣхалъ.

При прощаніи ему жаль было немножко дѣтей, особенно когда старшій, Валерка, повисъ съ рыданіями у него на груди и, какъ бы предчувствуя долгую разлуку, кричалъ: «Папаша, папаша, куда ты?»

Баклановъ, совершая столь безобразный поступокъ, только послѣ сообразилъ, какія онъ страшныя минуты переживалъ, не чувствуя и не сознавая ихъ нисколько. Самый младшій сынишка не плакалъ, но своимъ серьезнымъ взглядомъ какъ бы говорилъ отцу: «Отецъ, что̀ ты дѣлаешь? Смотри, я такъ рявкну, что воротишься у меня назадъ!». И въ самомъ дѣлѣ рявкнулъ.

У Бакланова при этомъ замерло сердце, и онъ сталъ спѣшить прощаться.

Евпраксія, по обыкновенію, была спокойна и только какъ бы нѣсколько еще солиднѣе обыкновеннаго.

— Ну, пиши же, главное, о своемъ здоровьѣ, а потомъ и о дѣлахъ,—сказала она, когда мужъ цѣловалъ ея руку.

Проводивъ его, она ушла къ себѣ въ комнату и долго тамъ молилась.

За всѣ эти поступки, да, вѣроятно, и за предыдущіе, читатель давно уже заклеймилъ моего героя именемъ пустого и дрянного человѣка!

На это я имѣю честь отвѣтить, что герой мой, во-первыхъ, не герой, а обыкновенный смертный изъ нашей такъ называемой образованной среды.

Онъ праздно выросъ, недурно поучился, поступилъ по протекціи на службу, благородно и лѣниво послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распоряжаться своими дѣлами и больше мечталъ, какъ бы пошалить, порѣзвиться и попріятнѣй провести время.

Онъ представитель того разряда людей, которые до 55 года замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковъ, читать потихоньку «Колоколъ».

Внутри, въ душѣ у этихъ господъ нѣтъ, я думаю, никакого самодѣланія, но зато натираться чѣмъ вамъ угодно снаружи— величайшая способность!

XXVII.

Выходъ въ ширь и гладь.

Іюльское солнце, часовъ въ семь вечера, свѣтило красноватымъ свѣтомъ. Идущая широкою полосой дорога была суха и гладка. По сторонамъ, до самаго горизонта, разстилалась степь, зеленѣющая густою и пестрою травой. Нѣсколько вдали стояла почтовая станція Дыбки, загороженная растущимъ около нея тальникомъ. По степи гуляло цѣлое стадо дрохвъ, которыя то опускали, то поднимали свои головы. Едва виднѣвшійся человѣкъ на бѣговыхъ дрожкахъ объѣзжалъ ихъ.

На закраинѣ дороги сидѣлъ Баклановъ, щеголевато, по-дорожному, одѣтый. Около него лежалъ небольшой чемоданчикъ и пледъ.

На лицѣ его написано было нетерпѣніе.

Наконецъ показалась карета четверкою, и онъ радостно началъ махать рукой и шляпой.

Подъѣхавъ къ нему, карета остановилась, и изъ окна ея выглянуло прелестное лицо Софи.

— Александръ, это вы?—сказала она, точно не ожидая его встрѣтить тутъ.

— Да, позвольте ужъ! — говорилъ Баклановъ, кидая свой пледъ и чемоданъ въ ноги къ извозчику, а потомъ отворилъ дверцы и самъ вошелъ въ карету.

Для предосторожности Софи ѣхала одна-одинехонька и даже безъ горничной.

— Ну, вотъ, наконецъ!—проговорила она, подавая Бакланову обѣ руки.

— Да,—отвѣчалъ тотъ, цѣлуя ихъ несчетно разъ.

— Ну, что̀ жена? — спросила его потомъ Софи послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Э, ничего!—отвѣчалъ Баклановъ:—я намѣренъ, не вдругъ, разумѣется, а постепенно, разорвать совершенно мои брачныя узы.

— Зачѣмъ это? — проговорила Софи болѣе грустно, чѣмъ съ укоромъ.

— Невозможно!—воскликнулъ Баклановъ:—болѣе безобразнаго установленія, какъ бракъ, я рѣшительно ничего не знаю.

Софи продолжала грустно улыбаться.

— Точно двухъ лошадей припрягли къ дышлу: ровны ли у васъ ходъ и скорость вашихъ ногъ, или нѣтъ, все ступайте, не отпрягутъ ужъ!

— Но какъ же дѣлать иначе?—спросила Софи.

— Дать болѣе свободное движеніе чувствамъ; тогда, повѣрь, между мужчинами и женщинами возникнутъ гораздо болѣе благородныя, болѣе наконецъ возвышенныя отношенія.

— А дѣти?—спросила Софи.

— Что̀ жъ такое дѣти?

— А то, что мужчина съ одною народитъ дѣтей, перейдетъ къ другой, а отъ другой къ третьей. Дѣти у насъ, бѣдныхъ женщинъ, и останутся на рукахъ и попеченіяхъ.

— Это вздоръ, chère amie, извини меня!—возразилъ Баклановъ:—если я хоть сколько-нибудь честный человѣкъ, я женщину, у которой есть отъ меня дѣти, не оставлю совершенно, и если не буду ее продолжать любить, то все-таки матеріально обезпечу; а если я мерзавецъ, такъ и бракъ мнѣ не поможетъ. Сколькихъ мы видимъ людей, которые губятъ совершенно свои семьи.

— Но все-таки это немножко иныхъ попридерживаетъ.

— Нисколько!

— Какъ нисколько? Посмотри, сколько этихъ несчастныхъ любовницъ кидаютъ.

— Да потому теперь любовницамъ и побочнымъ дѣтямъ мы даемъ мало цѣны, что у насъ, изволите видѣть, есть гораздо болѣе драгоцѣнныя существа — законная супруга и законныя дѣти, и, что̀ всего отвратительнѣе, тутъ во всемъ этомъ притворство таится. Вспомни, напримѣръ, хоть твой бракъ.

— Что̀ жъ мой бракъ?—воскликнула Софи:—я скорѣе вышла за какое-то чудовище, чѣмъ за человѣка; твоя жена—другое дѣло. Она милая...

— Прекрасно!—подхватилъ Баклановъ: — я поэтому-то, по преимуществу, и привожу себя въ примѣръ: жена у меня дѣйствительно милая, добрая, умная, красивая, но между тѣмъ я не могу любить ее потому только, что она моя жена. Я, въ сущности, не развратный человѣкъ, никогда имъ не былъ и теперь не таковъ, и женѣ моей не измѣнялъ ни разу.

— Я думаю!—подхватила Софи.

— Увѣряю тебя... Но повѣришь ли, ангелъ мой, что каждая горничная, пришедшая ко мнѣ, въ своемъ новенькомъ холстинковомъ платьицѣ, подать поутру кофе, возбуждаетъ во мнѣ гораздо болѣе страсти, чѣмъ моя супруга. Вотъ что̀ оно значитъ, право-то по долгу!

— Очень просто! Женщина, которая принадлежитъ мужчинѣ, для него не представляетъ интереса, а другія напротивъ.

— Нѣтъ, тутъ не то! За любовницей всегда остается право—отплатить мнѣ тѣмъ же, такою же измѣной, и это всякаго

удерживаетъ: любовниковъ вѣрныхъ своимъ любовницамъ гораздо болѣе, чѣмъ мужей женамъ. За женой же никакого нѣтъ права: она моя раба... я могу ее за измѣну себѣ судить въ судѣ... ее будетъ преслѣдовать общественное мнѣніе.

— Значитъ, надобно только, чтобъ одинакія права имѣли мужчины и женщины.

— Совершенно! — воскликнулъ Баклановъ: — во-первыхъ, чтобъ у женщинъ въ обществѣ былъ такой же самостоятельный трудъ, какъ и у мужчинъ, и чтобъ этимъ трудомъ онѣ такъ же были намъ необходимы, какъ и мы имъ своимъ... а что въ отношеніи сердечныхъ связей — надобно еще дальше итти: пускай я иду по улицѣ въ страстномъ, положимъ, состояніи.

— Ну?—сказала Софи съ улыбкой.

— Попадается мнѣ женщина, которая мнѣ нравится и въ подобномъ же настроеніи.

— Ну?—повторила Софи съ замѣтнымъ уже любопытствомъ.

— Мы объясняемся и сходимся, и ты себѣ представить не можешь, какое даровитѣйшее поколѣніе народилось бы такимъ образомъ.

Софи подобная теорія показалась очень уже смѣлою.

— У насъ вѣдь есть подобныя женщины. Мнѣ мужъ еще покойникъ сказывалъ,—проговорила она.

— О, то твари продажныя! Я говорю о физическо-нравственныхъ влеченіяхъ,—сказалъ Баклановъ.

— Ну, тогда бы вы, мужчины, переубивали другъ друга: тебѣ бы понравилась одна и другому она же.

— Пускай себѣ! Но все-таки въ этомъ случаѣ были бы искреннія и неподдѣльныя чувства, а не такъ, какъ теперь: какая-нибудь молоденькая бабенка своему старому хрычу-супругу говоритъ: «папаша, папочка!», а онъ ей: «мамочка, мамочка!», а обоимъ: ей противно и подумать объ немъ, а онъ уже не думаетъ и ни о какихъ въ мірѣ женщинахъ.

— Вы это меня, что ли, описали?—спросила Софи.

— Да хоть бы и васъ; а при другомъ, напримѣръ, устройствѣ, вы глядите мнѣ съ любовью въ очи, и пусть васъ защищаетъ какой угодно господинъ, я смѣло кидаюсь...

— Меня некому защищать,—сказала Софи, отодвигаясь нѣсколько въ уголъ кареты.

— Въ такомъ случаѣ я еще смѣлѣй кидаюсь!—воскликнулъ Баклановъ и въ самомъ дѣлѣ бросился къ Софи, обнялъ ее и началъ цѣловать.

Она сама его пламенно цѣловала.

— Васъ страшно любить!..—шептала она.

— Отчего?

— Вамъ наскучишь, и вы полюбите другую.

— Нѣтъ, женщину съ огонькомъ, съ истинною страстью, я никогда не разлюблю.

— Да гдѣ взять этого огонька, и какой онъ? — говорила Софи.

— О, тебѣ не для чего искать его!.. Онъ у тебя въ каждомъ нервѣ, въ каждой жилкѣ сидитъ,—говорилъ Баклановъ.

— Мнѣ, знаешь, что̀ кажется! — начала она послѣ короткаго молчанія:—что я въ любви къ тебѣ очищаюсь отъ всей моей прошлой, ужасной жизни.

— А мнѣ тутъ главное дорого, — отвѣчалъ Баклановъ: — что у сердца моего покоится женщина не по долгу, а по чувству!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Изъ крѣпкаго лѣсу вырубленная кочерга.

На Васильевскомъ островѣ, въ пятой линіи, въ одномъ изъ старинныхъ и теплыхъ домовъ, на дверяхъ квартиры второго этажа, красиво обитыхъ зеленымъ сукномъ, прибита была мѣдная доска съ лаконическою надписью: «Тайный совѣтникъ Ливановъ».

Въ небольшой уютной зальцѣ, въ небольшой затѣмъ гостиной, въ небольшомъ потомъ кабинетцѣ и спальнѣ жилъ сей мудрецъ вѣка сего. Холостякъ и сенаторъ, онъ каждодневно гулялъ верстъ по пяти пѣшкомъ, обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ и врядъ ли не имѣлъ еще маленькихъ развлеченій съ нанимаемою имъ молоденькою горничной, потому что та, проходя мимо него, всегда какъ-то стыдливо и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливо потупляла глаза, да и самъ Евсевій Осиповичъ при этомъ смягчалъ и увлажнялъ нѣкоторою нѣжностью свой орлиный взглядъ.

Въ настоящій вечеръ, впрочемъ, при небольшомъ свѣтѣ отъ лампы, у Евсевія Осиповича, около столика, уставленнаго всевозможными сластями, сидѣло еще другое молодое существо, Софи Ленева.

Самъ Ливановъ былъ, видимо, въ добромъ и веселомъ расположеніи духа.

— На-ка, голубка, скушай эту дулю,—говорилъ онъ, подавая Софи огромную дюшеску.

Софи взяла и начала ее очищать ножомъ.

— Кушай-ка!.. ишь, сласть какая! словно любовь сладка!—говорилъ Евсевій Осиповичъ.

— Нѣтъ, слаще!—отвѣчала Софи съ улыбкой.

— Слаще?—переспросилъ Евсевій Осиповичъ.—А ты сама много любила?

— Нѣтъ, немного.

— Немного, да хорошо?

— Да, недурно,—отвѣчала Софи лукаво.

У Евсевія Осиповича глаза поразгорѣлись.

— Ишь вѣдь ты какая прелесть—а? Прелестная!

— Состарѣлась ужъ, дядюшка!.. Какая ужъ прелестная!

— Ты-то? Да ты еще каждаго человѣка можешь уморить и оживить.

У старика все больше и больше разгорались глаза.

— Что̀ же я за страшная такая, что уморить могу?..

— Умретъ всякій!..—повторилъ Евсевій Осиповичъ какимъ-то растеряннымъ голосомъ.

Онъ встрѣтилъ Софи совершенно случайно въ англійскомъ магазинѣ; потомъ самъ безпрестанно началъ ѣздить къ ней и ее звалъ къ себѣ.

Баклановъ у него тоже бывалъ, но гораздо рѣже.

— Ты, говорятъ, тамъ, — продолжалъ Евсевій Осиповичъ, не спуская глазъ съ Софи: — говорятъ, съ жидомъ какимъ-то старымъ жила?

Софи покраснѣла.

— Какъ вамъ, дядюшка, не грѣхъ это говорить!..—произнесла она, не зная, обижаться ли ей или смѣяться.

— Право, говорятъ,—повторилъ Евсевій Осиповичъ.

Софи отрицательно покачала головой.

— Ну, а этого любишь теперь?.. — прибавилъ онъ, таинственно и слегка показавъ глазами въ сторону.

— Какого этого?..—спросила Софи, улыбаясь.

— Ну, этого, свистуна-то, Бакланова! — отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ.

— Да что̀ это? Что̀ вы все выдумываете?

— Ну, вотъ, разсказывай!.. Вмѣстѣ живутъ въ одной гостиницѣ.

— Такъ что̀ же, что вмѣстѣ? Мы хорошіе знакомые, родня, пріѣхали и остановились въ отелѣ: я въ бельэтажѣ, а онъ—я тамъ и не знаю, гдѣ...

— Да, да, такъ вотъ и повѣримъ!—говорилъ Евсевій Осиповичъ:—ты вѣдь хитрая.

Онъ не безъ умысла хотѣлъ напомнить Софи то положеніе, въ которомъ она находилась.

— Мнѣ, дядюшка, рѣшительно все равно, что̀ бы про меня ни говорили,—сказала она, замѣтно уже обидѣвшись.

— Это такъ!—подхватилъ Евсевій Осиповичъ:—«Свободный духъ укажетъ мнѣ теченья путь сто кратъ!»—продекламировалъ онъ даже стихами.

Софи опять слегка улыбнулась.

— Жизнь—вещь неповторимая! — продолжалъ онъ: — люби кого хочешь и какъ хочешь, коли желаетъ того душа твоя... Эти, напримѣръ, бесѣды у камелька, эти свиданья подъ сѣнью вѣтвей древесныхъ, въ присутствіи одной таинственной царицы ночи, волшебницы Гекаты—а?—я думаю, въ сердцѣ твоемъ поднимаютъ самыя тончайшія фибры.

— Я не знаю,—отвѣчала Софи.

— Духъ человѣческій,—говорилъ Евсевій Осиповичъ, нахмуривая брови:—замкнутъ, заключенъ въ нашихъ тѣлесахъ, но при этомъ, такъ сказать, нервно-электрическомъ потрясеніи онъ обособляется, внѣ предѣловъ своей прежней силы становится: человѣкъ въ эти минуты міръ объемлетъ... травъ прозябаніе чувствуетъ... слышитъ горный полетъ ангеловъ... какъ вотъ этотъ нынѣшній милый поэтъ, Фетъ, кажется, сказалъ: «Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ, разсказать, что солнце встало, что оно горячимъ свѣтомъ по листамъ затрепетало»—этакая, напримѣръ, тончайшая способность радоваться и наслаждаться природой, и все отъ любви это, — великое дѣло любовь!

— Великое, великое!—повторила за нимъ и Софи.

— Богатства твои,—продолжалъ Евсевій Осиповичъ, устремляя пламенный взглядъ на свою слушательницу: — неистощимы; не скупись на нихъ и дай, какъ древняя гетера, отъ твоей роскошной трапезы вкусить и воину, и мудрецу, и юношѣ, и старцу!

— Что̀ вы, благодарю васъ, я не хочу этого!—воскликнула Софи.

— Захоти, не маленькая, какъ говоритъ россійская поговорка. Ахъ, ты, лапка!—заключилъ онъ и поцѣловалъ у Софи руку, а потомъ вдругъ прибавилъ:

— А что̀, ты любишь деньги?

— Люблю,—отвѣчала та.

— А много у тебя ихъ?

— Есть-таки!

— А все, чай, меньше, чѣмъ у меня?

— А у васъ много?

— Много! Тысячъ триста однѣми чистыми деньгами, кромѣ имѣнья и вещей... Все бы, кажется, отдалъ, кабы какая-нибудь лапка полюбила.

— А вамъ еще хочется, чтобы васъ полюбили? — спросила Софи.

— Очень!.. очень!..—отвѣчалъ почти съ азартомъ Евсевій Осиповичъ.—Во мнѣ есть что-то нестарѣющееся; какъ говорится: старъ да пѣтухъ, молодъ да протухъ—понимѐ?

— Какъ не понимѐ,—отвѣчала Софи.

Евсевій Осиповичъ умѣлъ на всѣ тоны говорить: и тономъ ученаго человѣка, и государственнаго мужа, и просто русскаго балагура.

— Здѣсь, вѣроятно, охотницы найдутся,—сказала Софи.

Старикъ началъ ее ужъ искренно забавлять.

— Что̀ жъ найдутся?.. У насъ вѣдь тоже, мать, рыло есть: разберемъ, что̀ барское, что̀ хамское... давай намъ настоящаго!.. Вотъ этакая бы, напримѣръ, прелесть, какъ ты, полюбила,—распоясывай, значитъ, мошну на всѣ ремни!

— Я?—спросила Софи и захохотала.

— Все бы отдалъ, всего бы имѣнья наслѣдницей сдѣлалъ!—продолжалъ Евсевій Осиповичъ, какъ бы не слыхавъ сдѣланнаго ему вопроса.

Софи пожала плечами.

— Я, дядюшка, не торгую моими чувствами,—сказала она, явно обидѣвшись.

Евсевій Осиповичъ нахмурился.

— У васъ ихъ и не торгуютъ, а хотятъ заслужить ихъ...

Софи грустно усмѣхнулась.

— Очень ужъ вы меня, дядюшка, дурно третируете,—произнесла она.

Лицо Евсевія Осиповича окончательно приняло злое выраженіе.

— Я третирую и третировалъ васъ, — началъ онъ съ разстановкой:—какъ прелестнѣйшую женщину, и если нѣсколько навязчиво возносилъ мой ѳиміамъ вашей красотѣ, то извините; я все-таки полагалъ, что бью по нѣжнымъ и могущимъ издать симпатичные звуки струнамъ женскаго сердца...

Слова эти сконфузили Софи; положеніе ея сдѣлалось не совсѣмъ ловко.

Евсевій Осиповичъ сидѣлъ молча и надувшись.

— А что̀, правда ли, дядюшка, что имѣнія у насъ правительство выкупитъ?—заговорила она, чтобы возобновить хоть сколько-нибудь приличныя отношенія съ хозяиномъ.

— Не знаю-съ!—отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ.

Софи опять на нѣсколько времени замолчала.

— Вы во дворцѣ, дядюшка, у государя бывали?—спросила она, надѣясь задѣть его за честолюбивую струну.

— Бывалъ-съ!—отвѣчалъ и на это лаконически Ливановъ.

Софи внутренно покатывалась со смѣху.

— Вы, должно-быть, въ молодости, дядюшка, ужасно были любимы и избалованы женщинами? — свернула-было она разговоръ на прежній предметъ; но и то не подѣйствовало: Евсевій Осиповичъ даже не отвѣтилъ ей!

Вслѣдъ затѣмъ раздался звонокъ.

Софи чуть не припрыгнула отъ радости на мѣстѣ, а Евсевій Осиповичъ только посмотрѣлъ на нее своимъ холоднымъ и стальнымъ взглядомъ.

Пріѣхалъ Баклановъ.

Евсевій Осиповичъ почти не отвѣтилъ ему на поклонъ.

— Я за вами, кузина,—сказалъ тотъ, обращаясь къ Софи.

— Ахъ, да, поѣдемте, — отвѣчала она, вставая и надѣвая шляпку.

Евсевій Осиповичъ продолжалъ сидѣть съ нахмуреннымъ лбомъ.

— Вы, дядюшка, пожалуете ко мнѣ въ пятницу? У меня будетъ кое-кто изъ моихъ знакомыхъ, — отнесся къ нему Баклановъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось довольно странное молчаніе. Евсевій Осиповичъ наконецъ обратился къ Софи.

— А вы у него будете?—спросилъ онъ ее ядовито.

— Если позоветъ,—отвѣчала та, кутаясь въ шаль.

— Безъ сомнѣнія,—подхватилъ Баклановъ.

— Хорошо-съ, пріѣду,—сказалъ ему Евсевій Осиповичъ.

Молодые люди вскорѣ потомъ уѣхали.

Ливановъ продолжалъ сидѣть, по крайней мѣрѣ, часа два; лицо его почти безпрерывно то хмурилось, то волновалось.

Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что ему было около 70 лѣтъ.

II.

Баклановъ-эстетикъ.

Баклановъ поѣхалъ съ Софи въ одной каретѣ.

— Что этотъ господинъ надувшись такъ сидитъ? — спросилъ онъ.

— Не знаю, что-то не въ духѣ,—отвѣчала она, не находя, видно, нужнымъ объяснять болѣе подробно. — А ты у кого былъ?—прибавила она.

— У Проскриптскаго!—отвѣчалъ Баклановъ недовольнымъ голосомъ.

— Ну, и что̀ же тамъ?

— Такъ, чортъ знаетъ что̀: три какихъ-то небольшихъ комнатки, и въ нихъ по крайней мѣрѣ до пятидесяти человѣкъ, и все это, изволите видѣть, новые, передовые люди...

И Баклановъ съ грустью развелъ руками.

— Въ мою молодость, когда я былъ здѣсь, — продолжалъ онъ:—Петербургъ былъ чиновникъ, низкопоклонникъ, торгашъ, составитель карьеры, все, что̀ ты хочешь, но все-таки это были взрослые люди, которые имѣли передъ собой и не совсѣмъ, можетъ-быть, чистыя, но очень ясныя и опредѣленныя цѣли, а тутъ какіе-то мальчишки, съ безсмысленными ребяческими стремленіями. Весь городъ обратился въ мальчишекъ...

— Но гдѣ же весь городъ?—возразила Софи.

— Разумѣется, не по числу, но все-таки на нихъ смотрятъ, въ нихъ видятъ что-то такое... думаютъ наконецъ, что это сила.

— Зачѣмъ же ты ѣздишь въ это общество, когда оно не нравится тебѣ?—спросила Софи.

— Что̀ жъ не нравится?.. Во-первыхъ, самъ хозяинъ очень умный человѣкъ, со свѣдѣніями, кабинетный только... все равно что схимникъ. Я зналъ его еще въ университетѣ. Онъ и тогда ничего живого не понималъ... воздухомъ дышать не считалъ за необходимость, искусства ни одного не признавалъ, а только—вотъ этакъ, знаешь, ломать все подъ идею.

Софи покачала головой, какъ будто бы и она въ самомъ дѣлѣ находила, что это нехорошо.

— Но самъ-то еще Богъ съ нимъ! — продолжалъ Баклановъ:—можетъ-быть, и искренно убѣжденъ въ томъ, что̀ говоритъ... По крайней мѣрѣ, сколько я его знаю, онъ всегда болѣе или менѣе держался одного... Но что̀ это за общество, которое его окружаетъ, этотъ цвѣтъ послѣдователей его ярыхъ, это ужасно!—воскликнулъ Баклановъ.

— Кто жъ это такіе?—спросила его Софи равнодушно.

— Разные господа, и статскіе и военные, нелѣпѣе которыхъ трудно что-нибудь и вообразить себѣ: въ головѣ положительно ничего! пусто! свищъ!.. Заберутся въ это пустое пространство двѣ-три модныхъ идейки... Что̀ онѣ такое, откуда вытекаютъ?—онъ и знать этого не хочетъ, а претъ только въ одну сторону, какъ лошадь съ колеромъ, а другіе при этомъ еще и говоруны; точно мельницы, у которыхъ нѣтъ нужныхъ колесъ, а есть лишнія: мелетъ, стучитъ, а ничего не вымалываетъ.

— Это ужасно!—повторила при этомъ Софи.

— Во-вторыхъ, наша братія помѣщики: одинъ изъ нихъ, напримѣръ, я глубоко убѣжденъ, крѣпостникъ адскій, а кричитъ и требуетъ въ Россіи фаланстеріи.

— Что̀ такое фаланстерія?—перебила его Софи.

— Такъ, чтобы все государство сдѣлать въ родѣ фабрики или казармъ; чтобы люди одинаково жили и одѣвались.

— Что̀ за глупости!—возразила Софи.

Баклановъ, въ отвѣтъ ей, пожалъ только плечами.

— Наконецъ семинаристы-дуботолки,—продолжалъ онъ:—имъ еще въ риторикѣ лозами отбили печени и воспитали въ нихъ ненависть ко всему, еже есть сущаго въ мірѣ.

— Это смѣшные, должно-быть!—замѣтила Софи.

— Да, не благоухаютъ свѣтскостью! — подхватилъ Баклановъ:—наконецъ здѣшніе студенты, которые ничего не дѣлаютъ и ничѣмъ не занимаются... Мы тоже ничего въ наше время не дѣлали; но, по крайней мѣрѣ, сознавали и стыдились этого, а они еще гордятся... гражданами они, изволите видѣть, хотятъ быть, права земли русской хотятъ отстаивать... какія?.. кто ихъ проситъ о томъ?

И Баклановъ склонилъ даже голову.

— Чтобъ охарактеризовать этотъ кругъ, — прибавилъ онъ съ улыбкой:—дѣти вашего милаго Эммануила Захарыча тутъ и въ числѣ самыхъ почетныхъ гостей.

— По богатству, можетъ-быть,—объяснила Софи.

— То-то и есть, что нѣтъ! А по уму, по направленію своему. Они ходятъ, говорятъ, ораторствуютъ. Это дрянь баснословная!—воскликнулъ Баклановъ.

— Что̀ жъ тебя-то это почему такъ тревожитъ?—спросила наконецъ Софи.

— Нѣтъ, это нельзя, нельзя!—говорилъ онъ:—этому надобно всѣми средствами противодѣйствовать!

— Но какъ же ты будешь противодѣйствовать?

— Я буду издавать журналъ на эстетическихъ, а не на случайныхъ основаніяхъ, и буду постепенно обличать ихъ безсмыслицу и безобразіе. Главное, мнѣ Ливанова надобно затянуть въ это дѣло. Онъ человѣкъ умный и со связями съ настоящими учеными.

— Нѣтъ, онъ не станетъ: да теперь, я думаю, ничѣмъ ужъ и заниматься не можетъ.

— Станетъ, потому что—что̀ же можетъ быть почтеннѣе и благороднѣе для старика, какъ не возвращать общество къ человѣческому смыслу?

Софи опять покачала отрицательно головой.

— Не совѣтовала бы я тебѣ съ нимъ сходиться: будетъ еще чаще ѣздить къ намъ, а это очень непріятно!—проговорила она.

— Мнѣ кромѣ связей его,—подхватилъ Баклановъ: — надо для денегъ втянуть; у него ихъ пропасть, а у меня пока нѣтъ!

— Да денегъ возьми у меня сколько хочешь, а то я хуже проживу ихъ.

— Mercі. А ты много здѣсь прожила?

— Ужасно! тысячъ десять ужъ.

— Боже мой! Боже мой!—воскликнулъ Баклановъ.

— Я не знаю, онѣ у меня, какъ вода, такъ и плывутъ изъ рукъ!—объяснила Софи.

III.

Евсевій Осиповичъ совсѣмъ прелестенъ.

Въ Знаменской гостиницѣ есть прекрасная читальная комната.

Баклановъ велѣлъ ее приготовить для своего вечера.

У содержателя отеля онъ взялъ серебряный самоваръ и весь серебряный сервизъ; сказалъ, чтобы служили двое людей, и велѣлъ имъ надѣть бѣлые галстуки.

Онъ любилъ эту маленькую роскошь и вообще привыкъ къ ней въ своей семейной жизни.

На этотъ вечеръ, вмѣстѣ съ прочими гостями, былъ приглашенъ и авторъ сего разсказа.

Извиняюсь передъ читателемъ, что для лучшаго разъясненія смысла событій я, по необходимости, долженъ ввести самого себя въ мой романъ: дѣло въ томъ, что Баклановъ былъ мой старый знакомый. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ довольно часто бывалъ у меня, тосковалъ о томъ, о семъ; печалился, что нѣтъ ни одного чисто-эстетическаго журнала.

Получивъ приглашеніе, я предугадывалъ, что умыселъ иной тутъ былъ.

По пріѣздѣ моемъ, Баклановъ прежде всего представилъ меня Софи, которая, совершенно какъ хозяйка, сидѣла за чайнымъ приборомъ.

— Ваша супруга? — спросилъ я, зная, что онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ.

— Нѣтъ, это кузина моя, m-me Ленева! Она ненадолго пріѣхала въ Петербургъ и была такъ добра, что взялась быть у меня хозяйкой.

По маленькимъ розовымъ пятнышкамъ, выступившимъ при этомъ на щечкахъ Софи, и по не совсѣмъ спокойному поклону, я сейчасъ же понялъ, что тутъ было что-то такое, да не то!

Баклановъ между тѣмъ повернулъ меня и познакомилъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, джентльменски одѣтымъ и съ чрезвычайно красивыми бакенбардами.

— Monsieur Юрасовъ!.. нашъ бывшій губернскій стряпчій, а теперь оберъ-секретарь, — сказалъ онъ.

Я и безъ того, впрочемъ, догадывался, что это долженъ быть правовѣдъ или лицеистъ.

Баклановъ затѣмъ обернулъ меня въ третью сторону — тамъ стоялъ въ толстомъ драповомъ сюртукѣ, съ низко опущенною на таліи сабельною перевязью, молоденькій офицеръ, съ вздернутымъ носомъ и вообще съ незначительною физіономіей.

— Monsieur Петцоловъ! — сказалъ онъ: — сынъ нашей бывшей губернаторши.

Я не безъ любопытства посмотрѣлъ на этого господина, бывшаго нѣкогда столь милымъ шалуномъ и теперь выросшаго почти до сажени. На мой поклонъ онъ поклонился полунебрежно и опять оперся на свою саблю. Этою позой онъ, кажется, по преимуществу былъ доволенъ.

Мы усѣлись.

— Я вотъ сейчасъ, — началъ Баклановъ: — разсказывалъ этимъ господамъ, что намѣренъ приступить къ изданію журнала чисто-эстетическаго.

Я покраснѣлъ и потупился при этомъ.

Послѣднее время столько господъ говорили мнѣ о своемъ намѣреніи издавать журналъ, столько приступали къ этому, что стало наконецъ совѣстно слушать, какъ будто бы взрослый человѣкъ вамъ говорилъ: «А я вотъ сяду на палочку верхомъ да и поѣду!».

«Ну и поѣзжай,—думалось мнѣ:—дуракъ этакій!»

Пробурчавъ что-то такое въ отвѣтъ Бакланову и воспользовавшись тѣмъ, что въ это время былъ разлитъ чай, я поспѣшилъ отойти отъ него и сѣсть около хозяйки. Здѣсь мое вниманіе, чтобы не сказать—сердце, было поглощено самымъ очаровательнѣйшимъ образомъ: изящнѣе и благороднѣе выраженія лица, какъ было у Софи, я не встрѣчалъ. Ея густые смоляристые волосы лежали у ней на головѣ толстыми змѣями. Цвѣтъ кожи былъ нѣжности Киприды въ ту минуту, какъ та вышла изъ пѣны морской. Талія именно тамъ и возвышалась, гдѣ желалось того самому прихотливому вкусу, тамъ и суживалась, гдѣ нужно было, чтобы было узко. Одѣта она была не то, чтобы какъ для дома, и не то, чтобы какъ для гостей.

«Господи!—думалъ я:—родятся же на свѣтѣ такія красавицы, отъ одного созерцанія которыхъ чувствуешь неописанный восторгъ».

Баклановъ, кажется, это замѣтилъ.

— Кузина — почитательница вашихъ сочиненій, — сказалъ онъ.

— Ахъ, да,—отвѣчала Софи, кидая на меня убійственный взглядъ.

Но я видѣлъ очень хорошо, что ангелъ этотъ не читалъ ни строчки моихъ сочиненій, да и врядъ ли что-нибудь читалъ!

На моемъ, довольно продолжительномъ вѣку, мнѣ приходилось видѣть три формаціи женщинъ: дѣвицъ и дамъ моей юности, которыя все читали; потомъ, въ лѣта болѣе возмужалыя,—дѣвицъ и дамъ ничего не читавшихъ, но зато отлично наряжавшихся и превосходно мотавшихъ деньги, къ разряду которыхъ, собственно, и принадлежала Софи, и наконецъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ разсказа, мнѣ, можетъ-быть, придется представить вниманію читателя барышню совсѣмъ нынѣшнюю, которая мало что̀ читаетъ, но сейчасъ все и на практику переводитъ.

Во время всѣхъ этихъ моихъ разсужденій лакей вошелъ и доложилъ:

— Генералъ Ливановъ.

Баклановъ всталъ и, какъ человѣкъ свѣтскій, нисколько не принялъ раболѣпной позы, а, напротивъ, какъ-то еще небрежнѣй закинулъ волосы свои назадъ; но вошелъ рѣшительно величественный старикъ.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ, кланяясь всѣмъ общимъ поклономъ, и потомъ тотчасъ же сѣлъ напротивъ Софи.

Всѣ мы: молодцоватый Баклановъ, вашъ покорнѣйшій слуга, не совсѣмъ худощавый, сухопарый правовѣдъ и жиденькій Петцоловъ показались противъ него рѣшительно дѣтьми, и одна только Софи спорила съ нимъ во впечатлѣніи, и то своею красотой.

Когда Ливановъ, бывъ еще нестарымъ директоромъ, докладывалъ однажды министру, тотъ вдругъ обернулся къ нему и вскричалъ:

— Да кто же изъ насъ министръ, вы или я? Вы такимъ тономъ мнѣ говорите!

— Приближаясь къ розѣ, ваше высокопревосходительство, невольно пріемлешь ея запахъ! — отвѣчалъ на это Ливановъ.

И министръ повѣрилъ ему.

Я видѣлъ, что старикъ былъ одѣтъ въ самый новый парикъ, въ отличнѣйшій дорогого сукна фракъ, брильянтовыя запонки и въ щегольской рубашкѣ. Отъ него такъ и благоухало тончайшими духами.

Баклановъ сталъ ему рекомендовать насъ.

При моей фамиліи Ливановъ нѣсколько подолѣе и попристальнѣе, чѣмъ на другихъ, остановилъ свой взглядъ на мнѣ.

Софи налила чаю и подала ему.

Онъ ее поблагодарилъ величественнымъ, но молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Баклановъ между тѣмъ все что-то егозилъ и безпокоился.

— Мы вотъ, дядюшка, сейчасъ разсуждали,—началъ онъ:—какое безобразіе нынче происходитъ въ литературѣ: Пушкина называютъ альбомнымъ поэтомъ, и всюду лѣзетъ грязь и сало этой реальной школы! Какія были у насъ дарованія: какой-нибудь въ Москвѣ Варламовъ, Мочаловъ, здѣсь — Брюлловъ, Глинка,—все это перемерло; другіе, которые еще остались — старѣются, новыхъ никого не является... Надобно же какъ-нибудь все это поднять и возбудить.

Евсевій Осиповичъ, слушая племянника, при концѣ зажмуривалъ даже глаза, какъ бы затѣмъ, чтобъ ярче вообразить себѣ рисуемую передъ нимъ картину.

— Возбудить никогда ничего нельзя-съ!..—заговорилъ онъ наконецъ.—Все возбужденное всегда ложно и фальшиво: сила и энергія пьянаго человѣка не есть сила, сонъ напившагося опіума не есть успокоеніе.

— Но отчего? Я не такъ, можетъ-быть, выразился; ну, не возбудить, а развить! — возразилъ ему Баклановъ.

— Это все равно, не въ словѣ дѣло,—перебилъ его Евсевій Осиповичъ:—вамъ, напримѣръ, никакъ теперь не возбудить и не развить идеальной пластики греческой; въ мірѣ, во всемъ человѣчествѣ нѣтъ этого представленія. Вамъ рафаэлевскихъ мадоннъ не возвратить, какъ не возвратить и самаго католицизма съ его деталями. Вотъ вамъ, французская псевдоклассика и вообще вся эпоха Ренессансъ были возбужденныя, — что онѣ принесли намъ? Звучныя, пустыя, безъ содержанія, слова, прихотливыя, затѣйливыя, но безъ настоящаго вкуса и смака формы.

Говоря это, Евсевій Осиповичъ взмахивалъ глазами то на меня, то на Софи, и вообще, кажется, хотѣлъ уронить этимъ споромъ въ глазахъ нашихъ Бакланова.

— Однако музыка есть еще до сихъ поръ! — воскликнулъ тотъ.

— Какая-съ? Революціоная! — подхватилъ Евсевій Осиповичъ: — вы слыхали ли à l'armi?.. Паѳосъ оперы на концѣ блеснувшихъ кинжаловъ, и раскусите это! — заключилъ онъ, подмигнувъ лукаво на всѣхъ гостей.

— Я совсѣмъ не то говорю: я не хочу только этого крайняго развитія реализма,—возразилъ-было Баклановъ.

Ливановъ не обратилъ вниманія на его слова.

— Міръ есть, — продолжалъ онъ: — волнообразное и феноменальное обнаруженіе одного и того же вѣчнаго духа: одна волна стала, взошла до своего maximum'а и пала, не подымешь ужъ ее!.. Неоткуда этой силы взять и влить ее внутрь міра, да и отверстій нѣтъ для того!

— Вѣдь это, дядюшка, извѣстная старая вещь: мистицизмъ и пантеизмъ!—возразилъ-было опять ему Баклановъ.

— Что̀ жъ мистицизмъ! — воскликнулъ, весь побагровѣвъ, Евсевій Осиповичъ:—что̀ вы мнѣ въ укоръ ставите то, чего вы и не нюхивали... Для моего Бога нѣтъ формы: я вѣрю въ Его вѣчную, вездѣсущую и всетворящую силу. Шутку какую взяли: мистицизмъ и пантеизмъ! Такъ вотъ сейчасъ, какъ кругъ пальца повернулъ, и порѣшилъ все!

При этихъ словахъ Евсевій Осиповичъ безпрестанно ужъ кидалъ на меня взгляды; но я далъ себѣ слово сохранять молчаніе, и кромѣ того, нечего грѣха таить, больше всѣхъ ихъ разговоровъ меня занимала Софи.

«Все это,—думалъ я:— суета; а вотъ прелестное-то Божье творенье!»

Петцоловъ также, видно, раздѣлялъ мое мнѣніе и, положивъ попрежнему руку на саблю, все время глядѣлъ на Софи.

Но въ разговоръ вмѣшался правовѣдъ и рѣшился, какъ видно, поддерживать Бакланова.

— Вы изволите говорить,—обратился онъ вѣжливо къ Ливанову:—что не вольешь силы. Однако мы видимъ, что одинъ человѣкъ дѣлаетъ цѣлую эпоху: Петръ, напримѣръ.

— Что̀ жъ вашъ Петръ?—воскликнулъ и ему Евсевій Осиповичъ:—втиснулъ въ народъ нѣсколько насильственныхъ государственныхъ формъ, но къ чему онѣ годны: и ваша канцелярская тайна, и крѣпостное право, да и войско ваше, пожалуй, такъ называемое регулярное.

— Однако безъ этого регулярнаго войска другія государства насъ завоевали бы.

— Ну, это еще старуха-то на-двое сказала; народъ цѣлый трудно завоевать. Онъ какъ ежъ; колется со всѣхъ сторонъ. Въ 1612 и въ 1812 гг. народъ отбилъ непріятеля, а вотъ какъ вы въ Крымъ-то съ однимъ регулярнымъ войскомъ пошли, такъ каково васъ отзвонили! Формы государственныя нельзя-съ брать ни у кого; это не наука, которая обща всѣмъ!.. Распорядки у каждой страны должны быть свои, сообразно цивилизаціи народа, его нравственнымъ, климатическимъ и географическимъ условіямъ, а у насъ,—на̀те, вотъ

вамъ бранденбургскіе законы, и валяй по нимъ: ни тпру, ни ну, ни на сторону и вышло!.. Вы вѣдь, кажется, оберъ-секретарь сената?

— Точно такъ.

— Хорошо у насъ идетъ, хорошо? — спрашивалъ Евсевій Осиповичъ.

На этихъ словахъ его я едва не вмѣшался: Ливановъ, вѣроятно, совершенно забылъ, какъ мы съ нимъ въ 44 году обѣдали въ одномъ домѣ, и онъ громогласно и дерзко объяснялъ цѣлый обѣдъ, что все у насъ идетъ хорошо и все имѣетъ полнѣйшій историческій смыслъ. И что̀ же теперь онъ говорилъ?

Баклановъ, кажется, тоже это понималъ и былъ въ самомъ досадливомъ расположеніи духа.

— По-вашему, значитъ,—началъ онъ:—надо признать въ искусствѣ совершеннѣйшій реализмъ; рисовать, напримѣръ, позволяется только видъ фабрикъ, машинъ, ну, и, пожалуй, портреты съ нѣкоторыхъ житейскихъ сценъ, а въ гражданскомъ порядкѣ, разумѣется, соціализмъ: на полумѣрѣ зачѣмъ ужъ останавливаться!

— Вы вотъ опять этакими большими вещами какъ мячикомъ играете!—началъ ему возражать сначала довольно тихо Ливановъ.—Соціализмъ? Что̀ такое соціализмъ? Христіанство... сила, съ которою распадающаяся Греція смогла стать противъ вашего государственнаго Рима... религія рабовъ... надежда и чаянье бѣдныхъ и угнетенныхъ. Что̀ вы на соціализмъ-то пофыркиваете? Оближите еще прежде пальчики, да потомъ его кушайте.

— Однако нельзя же, — возразилъ ему правовѣдъ: — притомъ, по крайней мѣрѣ, состояніи, въ которомъ находится теперь Европа, приводить его въ практику: у насъ всѣ города, всѣ жилища выстроены не такъ.

— Я не знаю, что̀ можно и что̀ не можно, а знаю только, чего жаждетъ душа моя. Хочу, чтобы равенъ былъ человѣкъ человѣку: хитростью и лукавствомъ мы только вскочили одинъ другому на шею и ѣдемъ.

— Все это прекрасно, но мы безтолково къ этому идемъ! Посмотрите, что̀ кругомъ васъ дѣлается! — воскликнулъ Баклановъ.

— Не знаю-съ, толково ли, не толково ли,—отвѣчалъ ему почти съ презрѣніемъ Ливановъ: — но знаю, что идемъ мы!.. идетъ и Европа!.. Шалитъ она, если по временамъ подкуриваетъ настоящему распорядку!.. Всѣ очень хорошо понимаютъ, что человѣческія общества стоятъ на вулканѣ. Вотъ

откуда идутъ всѣ эти безпокойства и стремленія къ реформамъ; но врагъ идетъ, дудки! Не убаюкаете его ни вашими искусствами, открытыми для всѣхъ въ музеяхъ и картинныхъ галлереяхъ, ни божескимъ, по вашему мнѣнію, правосудіемъ вашихъ жюри, ни превосходными парламентскими рѣчами, ни канальскими словами въ Тюльери,—врагъ идетъ! И въ лицѣ англійскаго пролетаріата, и во французскомъ работникѣ, и въ угнетенномъ итальянцѣ, и въ истерзанномъ негрѣ, а тамъ, пожалуй, сдуру-то, и мы, русскіе, попристанемъ, по пословицѣ, что и наша рука не щербата,—а? Такъ ли, лапка? Горитъ ли при этомъ твое юное сердце? — заключилъ Евсевій Осиповичъ, обращаясь уже къ Софи.

— Очень,—отвѣчала она, не понявъ и половины его словъ.

— Внемли Богу истины и правды, человѣкъ!—продолжалъ Евсевій Осиповичъ, потрясая рукою: — изухищряйся умомъ твоимъ, какъ знаешь, и спускай твой общественный корабль въ болѣе свободное и правильное море: не зажимай ушей отъ стона гладныхъ и хладныхъ! Скорѣй срывай съ себя багряницу и сокровища свои и кидай ихъ въ толпу, иначе она сама придетъ и возьметъ у тебя все...

Старика слушали со вниманіемъ даже стоявшіе тутъ лакеи.

Правовѣдъ началъ нѣсколько женироваться.

— Опасность, которую вы такъ поэтично описали, не такъ еще, кажется, близка!—возразилъ онъ не совсѣмъ, впрочемъ, самостоятельнымъ голосомъ.

— А если бъ и не такъ близка?.. Благородно оставлять дѣло въ такомъ положеніи?.. Благородно? — крикнулъ на него Евсевій Осиповичъ.

Вѣжливый оберъ-секретарь потупился.

— Покуда хлѣбное дерево не распространено по всему земному шару, дѣло нельзя поправить; для того, чтобы сдѣлать одного образованнаго человѣка, непремѣнно надобно пять-шесть чернорабочихъ силъ!

— Да что вы мнѣ все этими подробностями-то тычете глаза!—восклицалъ Евсевій Осиповичъ, вставая и смотря на часы.—Я вамъ говорю о голосѣ вѣчной и величайшей правды, раздающемся изъ-подъ всякаго историческаго, матеріалистическаго, эгоистическаго мусору; а вы мнѣ зажимаете ротъ мелочами... дрянью... сегодняшнимъ... Прощайте-ка однако, мнѣ пора ѣхать къ министру на раутъ, — прибавилъ онъ и началъ со всѣми цѣловаться, и даже офицера облобызалъ троекратно.

— Ну, сирена, столь же заманчивая и столь же холодная, поцѣлуй же и ты! — сказалъ онъ Софи.

Та его сейчасъ же поцѣловала.

— Прощайте-съ, — сказалъ онъ собственно мнѣ, лукаво улыбнувшись.

— Каковъ старичишка, а?—сказалъ Баклановъ, когда дядя уѣхалъ.—Эка шельма!—вскричалъ онъ и затопалъ ногами.

Софи покачала ему укоризненно головой.

— Не могу я, кузина, этого переносить! — горячился Баклановъ: — теперь вотъ о Богѣ, о вѣчной правдѣ и всетворящей любви говорилъ; а туда поѣдетъ, оду хвалебную Державина будетъ какому-нибудь господину читать. Что̀ онъ у васъ въ сенатѣ, напримѣръ, дѣлаетъ? — обратился онъ къ оберъ-секретарю.

— Я не знаю, собственно, — отвѣчалъ тотъ съ приличною ему скромностью: — это въ другомъ департаментѣ; но говорятъ, что слыветъ очень умнымъ человѣкомъ и ничего не дѣлаетъ, больше разсказываетъ старичкамъ разные скабрезные анекдоты.

— А, каковъ каналья!—продолжалъ восклицать Баклановъ.

Но мнѣ старикъ, напротивъ, понравился: предаровитѣйшей натуры былъ человѣкъ!

IV.

Иродіада.

Черезъ нѣсколько дней Баклановъ опять пріѣхалъ ко мнѣ.

— Какой случай, — началъ онъ: — у кузины моей (при этомъ онъ немного покраснѣлъ) украдены были деньги въ билетѣ. На-дняхъ ея воровка явилась въ банкъ; ее захватили, разумѣется, и теперь она пишетъ изъ тюрьмы и проситъ пріѣхать къ ней меня или Софи.

— Зачѣмъ же?

— Не знаю. Поѣдемте, пожалуйста; вдвоемъ насъ скорѣе, можетъ-быть, пропустятъ.

— Извольте! — отвѣчалъ я.

Мы поѣхали; насъ сейчасъ же впустили и провели въ большую пріемную залу. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ вышла Иродіада, худая, блѣдная, но все еще съ довольно красивымъ, или, по крайней мѣрѣ, умнымъ лицомъ.

Баклановъ со мною и съ нею отошелъ нѣсколько въ сторону.

Иродіада на меня подозрительно посматривала.

— Что̀ тебѣ, любезная, нужно отъ меня? — началъ Баклановъ.

— Я, Александръ Николаевичъ, такъ какъ въ несчастьѣ

моемъ взята была теперича за кражу денегъ у Софьи Петровны...

— Ну, что̀ жъ такое? Вѣдь ты украла ихъ?

— Украла-съ, и такъ какъ я тоже теперь признаніе хочу сдѣлать во всемъ... не знаю, примутъ ли отъ меня-то господа чиновники. Я желаю, чтобъ и вы были свидѣтелемъ тому.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Баклановъ: — но къ чему тутъ мое свидѣтельство?

— Я тоже теперь,—продолжала Иродіада, какъ бы скорѣе говоря какую-то затверженную рѣчь: — жила вѣдь съ господиномъ Мозеромъ.

— Знаю это, — произнесъ Баклановъ.

Я хотѣлъ-было отойти въ сторону.

— Ничего, останьтесь! — сказалъ мнѣ Баклановъ.

— Останьтесь, ничего-съ! — повторила за нимъ и Иродіада:—тогда, живши у старой барышни,—продолжала она:— словно въ царствѣ небесномъ была, покой въ душѣ и сердцѣ своемъ чувствовала, клятву даже имѣла, чтобы въ монастырь итти...

Проговоря это, Иродіада на нѣсколько времени замолчала и потупилась.

— Отчего жъ ты не пошла? — спросилъ ужъ я ее.

— Врагъ, сударь, дьяволъ не допустилъ мнѣ того! Какъ вольную въ руки взяла, вдругъ воли и свободы разной захотѣлось: вмѣсто монастыря къ Софьѣ Петровнѣ пошла-съ.

— Ты, любезная, и тутъ могла бы спасаться, — замѣтилъ ей Баклановъ.

— Нѣтъ-съ, сударь, какое ужъ спасенье въ этакой суетѣ... При старой барышнѣ, бывало, какъ на колѣнкахъ цѣлыя ночи промаливалась, врагъ-то человѣческій иной разъ и подойдетъ, да какъ видитъ человѣка-то крестами огражденнаго, и отойдетъ, а тутъ какъ лба-то съ утра не перекрестишь, такъ доступъ ему всегда есть.

Мы невольно взглянули съ Баклановымъ другъ на друга.

— А тутъ онъ видитъ, что я клятву свою преступила, и самъ въ образъ человѣка вошелъ и въ когти взялъ.

— Это въ Мозера-то?— спросилъ Баклановъ.

— Да-съ, развѣ люди они? — отвѣчала Иродіада.

— Не люди?

— Нѣтъ-съ; Христа убили, что̀ ужъ тутъ!

Иродіада опять при этомъ потупилась.

— Не знаю, какъ примутъ отъ меня чиновники, — снова заговорила она: — а что этотъ самый Мозеръ... Конечно, что онъ человѣкъ теперь мертвый, а что онъ самый и бухгалтера

въ острогѣ отравилъ и полковничьихъ людей убить господина подговаривалъ. Черезъ одного человѣка и переговоры шли; это я за вѣрное знаю.

Мы опять переглянулись съ Баклановымъ.

— Черезъ какого же это человѣка? — спросилъ онъ.

— Для чего другихъ, сударь, путать? Про себя я ничего скрыть не желаю, а другихъ не для чего... Теперь и насчетъ смерти господина Мозера... можетъ, кого клепать станутъ... Я говорила господамъ чиновникамъ, они мнѣ на это только и сказали: «ну, говорятъ, плети больше», а что это я ему смерть причинила.

— То-есть отравила его? — спросилъ Баклановъ.

— Да-съ, тоже они, надругавшись и насмѣявшись надо мной, опять было-стали ходить ко мнѣ и все спрашивали меня: кто это сочиненіе тогда написалъ-съ? Я имъ сначала сказала, а потомъ, какъ Виктора Петровича въ острогъ посадили, сама тоже испужалась, чтобъ и мнѣ чего не было, и сдѣлала имъ это.

— Чѣмъ же ты отравила его?

— Мышьякомъ-съ... Для крысъ было, для дому-съ куплено,— въ чай имъ и подлила-съ.

— Неужели же онъ не расчухалъ?

— Спрашивали-съ: «что̀, говоритъ, чѣмъ это пахнетъ?». Я говорю,—вода у насъ нехороша.

— Сколько ты, однако, совершила преступленій!—невольно повторилъ я.

Иродіада посмотрѣла на меня.

— Что̀, сударь, такъ какъ, значитъ, перваго своего обѣщанія не сдержамши, все одно въ геенне̂ быть должно... въ отчаянности все это больше дѣлала... Здѣшнія муки супротивъ адскихъ много легче, пускай ужъ здѣсь помучатъ.

— Что̀ же это тебѣ тетушка Биби, что ли, разсказывала?— спросилъ ее Баклановъ.

— Что̀, сударь, тетушка Биби? Не однѣ онѣ, и сама своимъ умомъ думала.

Баклановъ усмѣхнулся.

— Вы сдѣлайте милость, Александръ Николаевичъ, чтобы все это господа чиновники прописали.

— Вѣроятно, пропишутъ... Что̀ имъ тебя жалѣть!

— Сдѣлайте милость! Я затѣмъ и писала къ вамъ-съ! — сказала Иродіада, а потомъ поклонилась намъ и уведена была солдатомъ въ свое отдѣленіе.

— Вѣдь это религіозное помѣшательство! — говорилъ мнѣ Баклановъ, когда мы ѣхали съ нимъ домой:—изъ одного не-

исполненнаго обѣщанія цѣлый рядъ преступленій... Надѣлало ли, я васъ спрашиваю, что-нибудь столько вреда человѣку, какъ религіи! — восклицалъ онъ.

V.

Баклановъ - публицистъ.

Очень невдолгѣ герой мой началъ на моихъ глазахъ передѣлываться. Объ эстетическомъ журналѣ онъ не говорилъ уже ни слова, а напротивъ, — въ рѣчахъ его начали появляться такого рода фразы, что, покуда самый послѣдній бѣднякъ не сытъ, ни одинъ честный богачъ не долженъ спать спокойно.

Всѣмъ этимъ онъ становился мнѣ безконечно милъ: какое общее я видѣлъ въ немъ явленіе всей этой шумящей около меня, какъ пущенная шутиха, жизни!

Софи также какъ будто бы становилась ко мнѣ все болѣе и болѣе благосклонною. Главною причиною ея вниманія служило, кажется, то, что около этого времени въ нашемъ постоянномъ обществѣ начала появляться любовь къ литераторамъ и происходили такъ называемыя литературныя чтенія. Чтобы достать на нихъ билетъ, Баклановъ прискакалъ ко мнѣ, какъ сумасшедшій, велѣлъ мнѣ, по приказанію Софи, сейчасъ же ѣхать и доставать. Я поѣхалъ и досталъ. Софи была на этомъ чтеніи. Я читалъ, и Софи это видѣла.

Но, впрочемъ, какъ разсказывалъ мнѣ Баклановъ, она говорила, что собственно душки были только Майковъ и Полонскій...

Передавъ это, Баклановъ однако сейчасъ же прибавилъ, что Софи непремѣнно требуетъ, чтобы я сегодня же пріѣхалъ къ ней, и всѣ мы поѣдемъ прокатиться на Рогатку.

Я зналъ, изъ какого суетнаго и минутнаго чувства былъ предметомъ вниманія, которое и прежде еще стяжалъ отъ коварныхъ петербургскихъ дамъ; но все-таки не могъ удержаться и поѣхалъ.

Войдя въ номеръ Софи, мы вошли въ какое-то жилище феи. Она успѣла уже накупить себѣ ковровъ, бронзы, фарфора.

M-me Круаль, занявшая при Эммануилѣ Захаровичѣ мѣсто Софи и пріѣхавшая послѣднее время съ нимъ въ Петербургъ, была у ней. Въ прелестной шляпкѣ и прелестномъ подобранномъ платьѣ, она смотрѣла въ окно...

Софи тоже была совсѣмъ готова.

Петцоловъ, въ нѣсколько мечтательной позѣ, стоялъ, опершись на каминъ.

— Мы давно васъ ждемъ! — сказала Софи. — Вѣроятно, все это monsieur Писемскій! Ему не хочется съ нами ѣхать.

— Напротивъ! — отвѣчалъ я и чувствовалъ, что покраснѣлъ при этомъ до ушей.

— Я съ monsieur Писемскимъ сяду на задней скамейкѣ, а madame Круаль съ monsieur Петцоловымъ на передней, а ты на козла съ кучеромъ! — сказала Софи Бакланову.

— Fort bien! — отвѣчалъ онъ.

Мы всѣ вышли и усѣлись.

Въ воздухѣ совсѣмъ почти стемнѣло.

За заставой вьюга начала слѣпить намъ глаза.

Тройка неслась что̀ есть духу.

Я чувствовалъ, что плечо Софи въ салопѣ прикасалось къ моей рукѣ, и, при малѣйшемъ наклоненіи саней, она прижималась ко мнѣ.

По временамъ я видѣлъ ея лицо, блиставшее даже въ темнотѣ красотою.

Чортъ знаетъ, что̀ такое происходило со мной!

За обѣдомъ я держалъ глаза потупленными внизъ и слышалъ только, что Софи и madame Круаль щебетали между собой, какъ птички. Изрѣдка къ нимъ приставалъ и Петцоловъ.

Баклановъ былъ что-то очень серьезенъ.

— Вы знаете, Иродіаду совсѣмъ выпустили изъ острога на поруки къ какому-то ковенскому купцу, — сказалъ онъ.

Я посмотрѣлъ на него.

— Какъ она говорила: въ полиціи ничего не записано, только и сказано, что билетъ Софи она нашла.

Я улыбнулся.

— Значитъ, все подкуплено. Можно ли жить въ подобномъ государствѣ?

— Тутъ не государство виновато, — замѣтилъ я.

— Нѣтъ-съ, государство! — возразилъ съ удареніемъ Баклановъ. — Я вотъ написалъ-было объ этомъ статью, — не пропустили... Теперь пишу другую, о крестьянскомъ дѣлѣ, и тоже что̀ будетъ — неизвѣстно.

— Поздно ужъ! — сказалъ я.

— Что̀ жъ, нельзя же такъ сидѣть, сложа руки, — возразилъ Баклановъ: — не знаю, я читалъ ее у Проскриптскаго; хвалятъ.

— Васъ тамъ дурачатъ, если хвалятъ, — сказалъ я ему серьезно.

Баклановъ нѣсколько этимъ обидѣлся.

— Вашимъ словамъ въ этомъ случаѣ нельзя вполнѣ довѣрять: вы человѣкъ другого лагеря, — проговорилъ онъ.

— Какъ вамъ угодно! — отвѣчалъ я.

Въ это время встали изъ-за стола.

— Mesdames, voulez-vous danser? — сказалъ Баклановъ, садясь за рояль и начавъ веселую кадриль.

Madame Круаль сейчасъ сама подхватила Петцолова за руку и стала съ нимъ; но ему, кажется, хотѣлось не того: онъ ястребомъ глядѣлъ на Софи.

— Monsieur Писемскій! Со мной извольте, — скомандовала та.

Я, дѣлать нечего, пошелъ.

Софи явно со мной кокетничала.

— Сядемте лучше! — сказала она въ четвертой фигурѣ и ушла со мной чуть ли не въ уголъ.

Я сѣлъ около нея.

— Вамъ все это, вѣрно, надоѣло... скучно!.. — сказала она.

— Съ такой прелестной дамой, какъ вы, развѣ можетъ быть что-нибудь скучно? — отвѣчалъ я.

— А я развѣ прелестна! — спросила она невиннѣйшимъ голосомъ.

— Больше чѣмъ прелестны, вы красавица.

— О, какой вы льстецъ! — воскликнула Софи.

Въ это время Петцоловъ съ нахмуреннымъ лбомъ давно уже стоялъ передъ нами и дожидался.

— Ахъ, какъ это несносно! — сказала Софи, нехотя вставая и переходя къ нему.

Петцоловъ, кажется, ужасно на нее сердился; но, не смѣя ничего ей сказать, окрысился на свою даму.

— Отчего вы не протанцуете канкана? — сказалъ онъ ей грубо.

— Voulez-vous? — сказала та.

— Madame Круаль хочетъ танцовать канканъ, — отнесся Петцоловъ къ Бакланову.

— Volontiers, — сказалъ тотъ и еще веселѣй заигралъ.

— И Софи должна танцовать, — прибавилъ онъ.

Француженка, поднявъ юбку платья, раза два мотнула ножкой.

— А вы? — обратился я къ Софи.

— Вы хотите? — сказала она и прошлась, ловко пошевеливая всею таліей и поднявъ платье довольно высоко.

Обнаруженная при этомъ ботинка и чулокъ были восхитительны.

Баклановъ однако, все еще занятый своими общественными соображеніями, прекратилъ наше удовольствіе и объявилъ, что пора ѣхать домой.

Мы усѣлись въ прежнемъ порядкѣ и понеслись.

— Я говорила monsieur Писемскому, — начала, обращаясь къ Бакланову, Софи: — что его, вѣроятно, ничто это не занимаетъ.

— Есть-таки, есть холодокъ и безучастіе, — подхватилъ Баклановъ.

— А у васъ жаръ, только не вашъ, а вѣтромъ надутый, — объяснилъ я ему.

— Именно, именно! — подтвердила Софи и, прощаясь, крѣпко пожала мнѣ руку.

«О, сирена, сирена!..»—подумалъ и я вмѣстѣ съ Евсевіемъ Осиповичемъ.

VI.

Ощипанная вѣтвь благороднаго дерева.

Наступило великое 19-е февраля 1861 года.

Въ Петербургѣ ожидали движенія въ народѣ.

Французскій и бельгійскій посланники съ утра еще велѣли заложить себѣ экипажи и поѣхали по стогнамъ града Петра, видѣть agitation du peuple, и только около Михайловскаго дворца увидѣли толпу помноголюднѣе.

— Enfin ce lion s'est reveillé! — воскликнули они и, выйдя изъ экипажа, подошли.

Въ толпѣ молодой парень, строго разговаривая, торговалъ у солдата старые штаны, а другіе смотрѣли на него.

Но зато «ce lion» пошевелился въ другихъ мѣстахъ: въ Безднѣ собралось тысячъ шесть народа, и тамъ разстрѣляли Антона Петрова.

Доктора говорили, что въ это время появилась новая болѣзнь, которую можно было назвать *желчно-дворянскою*. Герой мой тоже заболѣлъ чѣмъ-то въ родѣ этого.

Послѣднее время я почти съ нимъ не видался.

Онъ, какъ самъ даже много разъ выражался, совершенно присталъ къ такъ называемой крайней партіи и писалъ самыя рьяныя статьи. Только природное благодушіе его и все-таки порядочное воспитаніе не допускали его сдѣлаться окончательно петербургскимъ обличителемъ.

Я видѣлъ очень хорошо, что все это происходило изъ того же чувства, по которому онъ ни за что бы въ свѣтѣ не надѣлъ старомоднаго фрака, какъ бы ни было ему удобно въ немъ.

— Искренности, искренности я больше желаю отъ васъ, Баклановъ! — сказалъ я ему однажды.

— Я совершенно искрененъ, совершенно!—отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ и нѣтъ! — кричалъ я ему.

— Совершенно, совершенно! — повторялъ онъ.

Софи я тоже видѣлъ всего одинъ разъ. Она попалась мнѣ въ превосходнѣйшихъ парныхъ саняхъ на Невскомъ и, нарочно остановившись, кричала мнѣ, укоризненно качая головою:

— Хорошо, хорошо!

Вскорѣ послѣ того я получилъ отъ Бакланова записку, въ которой онъ писалъ, что боленъ, и просилъ къ нему заѣхать.

Я поѣхалъ.

Больного я засталъ хоть не въ постели, но желтаго, какъ лимонъ.

— Что̀ съ вами? — спросилъ я.

— Такъ, простудился...

Нѣсколько времени мы молчали.

— Я въ деревню ѣду, — заговорилъ наконецъ Баклановъ.

— Зачѣмъ?

Онъ грустно усмѣхнулся.

— Чтобы спасти хоть послѣднія крохи, а то разорился совершенно, не промотавъ самъ ни копейки.

Я взглянулъ на него вопросительно.

— За два года предъ симъ у меня состояніе было, — продолжалъ Баклановъ, пересчитывая по пальцамъ: — двѣсти пятьдесятъ душъ моихъ, двѣсти пятьдесятъ жениныхъ, семьдесятъ пять тысячъ чистыми деньгами... Деньги всѣ ухнули на акціяхъ... Кредитныя мѣста были закрыты; чтобъ жить, я занималъ въ частныхъ рукахъ, чортъ знаетъ подъ какіе проценты. Теперь мужики, разумѣется, не станутъ платить оброковъ ни ходить на барщину.

— Капитализируйте скорѣй! — сказалъ я ему на это.

— Что̀ жъ капитализировать? Сто двадцать рублей за душу, а за вычетомъ частныхъ и казенныхъ долговъ — рублей по пятидесяти, да бумаги эти, вѣроятно, еще упадутъ на биржѣ, и такъ двухсоттысячное состояніе превращается въ десятитысячное.

— Скорѣе кладите эти деньги въ землю, обрабатывайте ее.

— Да я не умѣю этого, не пріученъ къ тому, — отвѣчалъ Баклановъ: — ни моимъ воспитаніемъ ни тѣмъ правомъ, съ которымъ я владѣлъ моимъ состояніемъ; и такъ не я одинъ: а и Сидоръ, и Кузьма, и Петръ, цѣлое сословіе!

— Почти! — отвѣчалъ я.

— Что̀ жъ осталось дѣлать послѣ этого?

— Ступайте въ службу, — сказалъ я не совсѣмъ искреннимъ тономъ.

— Именно! — подхватилъ Баклановъ: — самое ужъ потаенное мѣсто: совершенно не видать, годенъ ли на что человѣкъ или нѣтъ.

— Совершенно не видать, — подтвердилъ и я.

— Вѣдь это, я думаю, вздоръ, что нынче не то! — развивалъ Баклановъ. — Такъ же, какъ и прежде, одни только протеже возвышаются и любимы; такъ же встряхиваютъ казну, такъ же ничего не дѣлаютъ, а если дѣлаютъ, такъ пустяки.

Баклановъ въ этотъ разъ былъ очень золъ.

— Это ужасно, ужасно! — повторялъ онъ, ходя взадъ и впередъ.

— Чѣмъ отчаиваться, не лучше ли каждому взять себѣ за правило: «врачу, исцѣлися самъ», — сказалъ я.

— Ну что̀ жъ? Это одна только фраза... Ахъ, кстати, — прибавилъ онъ: — Софи просила меня, не прочтете ли вы у ней что-нибудь.., У ней соберутся: дядя нашъ Ливановъ, другъ нашъ правовѣдъ, Петцоловъ этотъ... Пожалуйста!

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ я.

Читать передъ Софи!.. Это что-нибудь, должно-быть, очень пріятное, или, по крайней мѣрѣ, оригинальное!

VII.

Окончательная перемѣна.

Когда нашъ великій Пушкинъ ѣхалъ куда-нибудь читать въ великосвѣтскій салонъ, то ужъ, конечно, своими двумя-тремя волшебными стихами побѣждалъ цѣлый рой красавицъ своевольныхъ.

Нашъ безцѣнный другъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, опахивая какъ бы вѣтромъ какимъ благоухающимъ сердца прелестнаго пола, возбуждаетъ въ нихъ самыя благородныя и возвышенныя чувствованія, давая имъ и философіи немного, и чувствъ и страстей, сколько это принято въ хорошемъ обществѣ.

«Ольга» Гончарова, на нашихъ глазахъ, произвела на одну очень милую, умную и молодую даму такое впечатлѣніе, что она зажала себѣ глаза рукой, закачала головкой и произнесла: «О, какъ бы я хотѣла встрѣтить Обломова, полюбить его и влюбить въ себя».

На нашихъ наконецъ глазахъ, въ Александринскомъ театрѣ, зрительницы обливались горькими слезами въ «Грозѣ», сочувствуя страстямъ Катерины.

Ничего подобнаго на іоту, на мизинецъ авторъ никогда не

производилъ своими слабыми твореніями на прекрасный полъ. Къ равнодушію молодыхъ, прелестныхъ дамъ, какъ это ни грустно для него, онъ давно и совершенно ужъ привыкъ.

Да на что жъ онъ, безумецъ, надѣялся, чего ожидалъ, ѣхавъ читать къ Софи?

Въ немъ какъ будто бы два человѣка были въ эти минуты: одинъ изъ нихъ говорилъ, что онъ истерзаетъ эту бѣдную женщину скукою, что совершенно уже упадетъ въ ея глазахъ, а другой говорилъ:—Ступай! Что̀ тебѣ за дѣло до ощущенія другихъ; для тебя лично будетъ наслажденіе читать сему чудному существу, и поѣзжай!

И авторъ поѣхалъ.

Въ салонѣ Софи всѣ уже были въ сборѣ: Петцоловъ въ этотъ разъ на своемъ толстомъ, драповомъ сюртукѣ имѣлъ золотой аксельбантъ; Евсевій Осиповичъ пріѣхалъ, повидимому, на цѣлый вечеръ; у правовѣда бакенбарды замѣтно подросли и сдѣлались еще болѣе солидны.

— Merci, monsieur Писемскій, merci, — говорила Софи, ангельски улыбаясь и пожимая мнѣ руку.

Ливанову я поклонился, не подходя къ нему, и онъ, не привставая съ своего мѣста, склонилъ свою голову.

Съ Петцоловымъ мы тоже раскланялись издали.

— Что̀ вы именно будете читать намъ? — спросилъ меня Баклановъ, блѣдный и худой.

— Послѣднюю мою вещь: «Старческій грѣхъ», — отвѣчалъ я не безъ ударенія.

Я съ умысломъ хотѣлъ страданіями моего бѣднаго романтика намекнуть, кому надо, на мои собственныя чувствованія.

— Ахъ, это мой милый Іосафъ, — воскликнула вдругъ Софи.

— Вы читали? — спросилъ я ее. «Софи читала!—подумалъ я:—ужъ въ самомъ дѣлѣ не влюбилась ли она въ меня!»

Баклановъ между тѣмъ отнесся къ Евсевію Осиповичу:

— Онъ будетъ намъ читать свое произведеніе: «Старческій грѣхъ».

Ливановъ опять величественно склонилъ свою голову.

— Все, что̀ вышло изъ-подъ пера ихъ, мнѣ пріятно, — сказалъ онъ ласково-обязательнымъ тономъ.

— Господинъ Писемскій реалистъ, — сказалъ Петцоловъ.

Я ничего ему не возразилъ, а удивился только, что онъ знаетъ это ученое слово.

Читать меня Софи посадила противъ себя, и при этомъ я долженъ былъ сложить со столика «Петербургскія Вѣдомости», «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ».

«Странно что-то это»,—думалъ я.

Евсевій Осиповичъ тоже сѣлъ противъ меня.

Петцоловъ наклонился за стуломъ Софи.

Баклановъ сѣлъ въ углу. Ему, видимо, было не до того.

Приступивъ къ чтенію, я хотѣлъ поскорѣе перейти къ сценамъ любви; но, къ удивленію своему, замѣтилъ, что слушатели мои, какъ только я сталъ описывать гимназическое воспитаніе, ужасно заинтересовались.

На томъ мѣстѣ, гдѣ моего героя сѣкутъ, я видѣлъ, что большіе глаза Софи въ ужасѣ раскрылись. Я нарочно въ концѣ этой сцены попріостановился.

— Это ужасно! — говорила она. — У насъ въ пансіонѣ точно такъ же... меня сѣкли!

— Васъ, Софья Петровна? Господи! — воскликнулъ я, воображая себѣ, какъ это можно, чтобъ ее сѣкли.

— Увѣряю васъ, а голодомъ такъ по цѣлымъ недѣлямъ морили!

— А помните, — отозвался изъ угла Баклановъ: — у насъ учитель латинскаго языка въ гимназіи — схватитъ за волосы и начнетъ таскать по полу, да пинками еще бьетъ въ грудь.

— У насъ въ корпусѣ, когда четыреста розогъ давали и мальчикъ закричитъ, такъ подлецомъ считали! — добавилъ Петцоловъ съ своей стороны.

Не дѣлали мнѣ никакихъ замѣчаній только правовѣдъ и Евсевій Осиповичъ. Послѣдній даже съ нѣкоторою гримасой сказалъ мнѣ:

— Продолжайте, пожалуйста!

Я перешелъ наконецъ къ сценамъ любви и чувствовалъ, что голосъ мой дрожалъ душевными нотами, которыя, казалось бы, должны были проходить въ то сердце, въ которое предназначались.

Замѣчанія, впрочемъ, начались тогда только, какъ я началъ описывать разныхъ лицъ, къ которымъ Іосафъ ѣздилъ занимать деньги.

— Вотъ кто пропріетеры-то! — воскликнулъ Баклановъ, когда я прочелъ о скупомъ молодомъ купцѣ: — ихъ бы надобно душить...

На томъ мѣстѣ, гдѣ я описывалъ пьянаго майора, вмѣшался Петцоловъ.

— У насъ до сихъ поръ еще есть батальонный командиръ, который каждогодно по два мѣсяца пьетъ запоемъ.

— Читайте, пожалуйста, дальше! — перебилъ его, обращаясь ко мнѣ, Евсевій Осиповичъ.

Я продолжалъ.

Когда описывалось, какъ взяли Іосафа въ острогъ, какъ

производилось слѣдствіе надъ нимъ, участіе со всѣхъ сторонъ было полное.

— Какой гадкій этотъ полицеймейстеръ!—замѣтила Софи.

Когда же я прочелъ, какъ тѣло Іосафа въ тюрьмѣ, упавъ, звякнуло, она даже вздрогнула.

— Бѣдный!—проговорила она.

— Чудесно! чудесно!—воскликнулъ Баклановъ.

— Какъ славно вы разныхъ этихъ канальевъ обрисовали!—замѣтилъ Петцоловъ.

— Этакіе случаи возможны только при закрытомъ судѣ,—замѣтилъ правовѣдъ.

— Конечно!—отвѣчалъ я ему.

Около двадцати уже лѣтъ мое авторское самолюбіе получаетъ щелчки оттуда и отсюда, и все-таки я не пріучилъ себя наблюдать, какъ и что̀ вокругъ меня происходитъ.

Но видѣлъ и подмѣтилъ все это Евсевій Осиповичъ.

Въ продолженіе всего этого чтенія и отзывовъ, у него не сходила съ губъ насмѣшливая улыбка.

Стали поспѣшно подавать ужинать, и мы всѣ усѣлись.

Я посаженъ былъ около хозяйки.

— Чудесно! чудесно!—говорила она.

Я скромно, но не безъ удовольствія тупился.

— Вы вотъ, какъ видно, наблюдали жизнь, — обратился вдругъ ко мнѣ Евсевій Осиповичъ:—скажите: какая по преимуществу поражаетъ васъ въ теперешнемъ нашемъ обществѣ черта?

— Право, не знаю!—отвѣчалъ я.

Мнѣ не хотѣлось съ нимъ говорить.

— Черта все-таки движенія впередъ,—подхватилъ Петцоловъ.

Евсевій Осиповичъ не взглянулъ даже на него.

— Черта торопливости! — продолжалъ онъ, исключительно обращаясь ко мнѣ.—У насъ все какъ-то скоро поспѣваетъ. Каково это выходитъ, того не разнюхивай очень, но зато скоро.

Я сначала и не понялъ, къ чему онъ эту рѣчь клонитъ.

— Вотъ у васъ вѣдь этотъ аксельбантъ академическій? — обратился онъ вслѣдъ затѣмъ къ Петцолову.

— Да-съ,—отвѣчалъ тотъ серьезно.

— Я, напримѣръ,—продолжалъ Евсеній Осиповичъ, опять какъ бы обращаясь ко мнѣ:—самъ нѣкогда въ молодости служилъ въ военной, знаю теперь весь верхъ военный, и, признаюсь, предполагалъ въ нашемъ воинствѣ всѣ возможныя добродѣтели: и храбрость, и честность рыцарскую, и стойкость, но никакъ ужъ не ученость: такъ вотъ было и изживалъ съ тѣмъ вѣкъ, только разъ иду по Невскому, одинъ мнѣ попа-

дается офицеръ съ ученымъ аксельбантомъ, другой, третій, наконецъ сотня.—«Что̀ такое, говорю, это все ученые?»—«Все ученые», говорятъ. Вотъ те на! сразу тысячъ пять понадѣлали.

— Это не ученость, а знакъ одинъ! — проговорилъ-было Петцоловъ съ насмѣшливою улыбкой.

— Знакъ — вещь важная-съ! — воскликнулъ ему Евсевій Осиповичъ:—для французскаго инженера корде—предметъ Богъ знаетъ какихъ честолюбивыхъ мечтаній и трудовъ. Они, сдѣлавъ два-три открытія, стяжаютъ это... А вы вотъ, вамъ надѣли это, вы ужъ думаете: «Э! баста! я ученый...»

Мнѣ самому дѣйствительно странно было видѣть на Петцоловѣ аксельбантъ.

Онъ покраснѣлъ и сказалъ какимъ-то глухимъ голосомъ:

— Я вамъ позволяю это говорить только какъ старику...

— Что̀ мнѣ позволять-то? — возразилъ ему, нисколько не сробѣвъ, Евсевій Осиповичъ: — я говорю не лично про васъ, а про весь, во всей его окружности, фактъ.

Затѣмъ послѣдовало довольно неловкое и продолжительное молчаніе.

— Мысль лучше больше поощрять, чѣмъ гнать и преслѣдовать ее,—проговорилъ наконецъ, какъ бы сообразивъ, Баклановъ.

— Это не мысль поощрять,—отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ:— а безсмысліе, которымъ, извините меня, и вы и все общество полны: мы вотъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ были у васъ, и вы, въ противодѣйствіи общественному направленію, предполагали издавать какой-то эстетическій журналъ, а госпожа племянница, кромѣ какъ о своихъ букляхъ и юбкахъ, врядъ ли о чемъ и думала въ то время; но сегодня—пріѣзжаемъ, и какихъ гражданъ въ васъ встрѣчаемъ: при каждомъ намекѣ на малѣйшее общественное зло сердца ваши наполняются гнѣвомъ и негодованіемъ. Она, напримѣръ, молодая и, вѣроятно, еще пылкая женщина, проходитъ съ невниманіемъ и зѣвотой, когда ей читаютъ, со слезами въ голосѣ, про любовь: некогда ей заниматься симъ бреннымъ удовольствіемъ; въ ней одинъ огонь горитъ, огонь гражданки!

Софи сидѣла, потупясь, но Баклановъ поблѣднѣлъ.

— Не годы же употреблять на то, чтобы начать честно думать!—проговорилъ онъ:—для другихъ, кто постарше, конечно, это трудно; но намъ еще, слава Богу, не семьдесятъ лѣтъ!

— Нѣтъ-съ, годы!—закричалъ на него Евсевій Осиповичъ:— мало того, десятки лѣтъ... столѣтія! Прочтите-ка хорошія исторіи и поучитесь, какъ и какими испытаніями дѣлались настоящіе-то граждане; а то вотъ она, — прибавилъ онъ, снова показывая

головой на Софи:—то, что есть въ ней, она скрываетъ, а къ чему участвуетъ, то—лжетъ—того нѣтъ у ней въ душѣ.

— Ну, ужъ и лгунья я!—сказала Софи.

Баклановъ опять заступился за нее.

— Откуда же къ вамъ-то, дядюшка, разныя христіанскія, соціалистическія и мистическія идеи пришли?—спросилъ онъ насмѣшливо:—жизнь ваша не совсѣмъ же согласна со всѣмъ этимъ была.

— На меня вамъ нельзя указывать-съ! — вывернулся Евсевій Осиповичъ:—я родился, выросъ и жилъ въ вѣкѣ рабства и холопства, я долженъ былъ вилять хвостомъ, а вы призваны на болѣе чистое служеніе.

Говоря это, онъ уже поднимался.

— Благодарю!—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—вашъ полетъ не высокъ, не орлиный, но не лживый.

И, отдавъ прочимъ холодный поклонъ, вышелъ.

— Да ты сказала ему, что мы завтра уѣзжаемъ? — обратился Баклановъ къ Софи.

— Сказала, за это и бѣсится, — отвѣчала она съ улыбкой.

— А вы завтра уѣзжаете?—спросилъ я.

— Уѣзжаемъ, monsieur Писемскій, уѣзжаемъ!—отвѣчала Софи съ сожалѣніемъ.

— Она ѣдетъ въ свое имѣньице, а я въ свое!—подхватилъ Баклановъ.

Я на это молча только поклонился.

«Такъ вотъ чѣмъ наслаждались въ моемъ произведеніи,—думалъ я, ѣдучи домой:—да и то, по словамъ Евсевія Осиповича, притворно!»

VIII.

Что собственно занимаетъ ее.

Сердце мое не утерпѣло.

На другой день я поѣхалъ проводить моихъ друзей на желѣзную дорогу.

Въ первой же со входа комнатѣ я встрѣтилъ Бакланова, съ дорожною сумкой черезъ плечо и въ фуражкѣ.

— Mercі, Писемскій,—сказалъ онъ, съ чувствомъ пожимая мнѣ руку и даже цѣлуясь со мной.—Софи тамъ, въ отдѣленіи перваго класса.

Я прошелъ туда, и такъ случилось, что подошелъ къ Софи сзади. Возлѣ нея, низко-низко наклонясь, стоялъ Петцоловъ. Я невольно пріостановился и не подходилъ къ нимъ.

Говорила Софи.

— Онъ несносенъ... Теперь онъ разоряется и выходитъ изъ себя, какъ будто бы я въ томъ виновата, тогда какъ я живу рѣшительно независимо отъ него...

— Надобно не зависѣть и отъ любви къ нему.

— Я его не люблю...

— Надобно доказать это на дѣлѣ.

Софи грустно покачала головой.

— Для женщины это не такъ легко,—сказала она.

— Для умной женщины это должно быть совершенно легко,— проговорилъ Петцоловъ и потомъ довольно небрежно прибавилъ:—Я буду писать къ вамъ!

— Нѣтъ, невозможно,—отвѣчала Софи серьезно:—я лучше сама вамъ напишу.

— Но до тѣхъ поръ я умру.

— Нѣтъ, живите!—произнесла Софи явно-нѣжнымъ голосомъ.

Я, можетъ-быть, и еще бы узналъ что-нибудь, но въ это время входилъ Баклановъ. Я поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Я все ищу!—сказалъ я.

— Да вотъ она,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Мы подошли.

Софи кинула на Бакланова разсѣянный взглядъ, но, увидѣвъ меня, рѣшительно просіяла радостью.

— Ахъ, monsieur Писемскій! Какъ это мило съ вашей стороны. Merci, merci,—говорила она и даже отодвинулась, чтобъ я сѣлъ рядомъ съ ней.

Я сѣлъ.

Мнѣ было немножко досадно на нее, но, главное, меня возмущалъ Баклановъ: неужели онъ ничего не видалъ, что̀ кругомъ его происходитъ, или, можетъ-быть, находитъ въ этомъ удовольствіе?

— Скажите, пожалуйста, вы ѣдете теперь къ семейству вашему?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, семейство мое въ К...—отвѣчалъ онъ, какъ-то еще ниже склоняя свою потупленную голову.

Онъ попрежнему былъ замѣтно грустенъ.

— У васъ вѣдь есть дѣти?—продолжалъ я его пытать.

— Есть,—отвѣчалъ небрежно Баклановъ.

— Какъ вамъ, я думаю, грустно о нихъ; вы болѣе полугода не видали ихъ.

Баклановъ мнѣ на это ничего не сказалъ, а заговорилъ о чемъ-то съ проходившимъ мимо кондукторомъ.

Софи только мимолетомъ прислушивалась къ словамъ моимъ

и продолжала грустно любезничать съ гусаромъ. Она въ этомъ случаѣ, кажется, нисколько не стѣснялась Баклановымъ.

— Вы до самой вашей деревни поѣдете съ Александромъ Николаичемъ вмѣстѣ?—спросилъ я ее.

— Нѣтъ, мы только по желѣзной дорогѣ... до Москвы.

— Но ваши имѣнія въ одной вѣдь губерніи?

— Да, но потомъ мы съ нимъ поѣдемъ въ разное, вѣроятно, время!..

— Нѣтъ, неправда, вмѣстѣ поѣдутъ,—сказалъ, подмигнувъ мнѣ, Петцоловъ.

— Какъ вы смѣете такъ говорить!—сказала ему Софи, больше шутя.

Объ этомъ предметѣ они, видно, совершенно свободно разговаривали.

Мнѣ ужасно хотѣлось сказать какую-нибудь дерзость Софи.

— Вы ужасная притворщица!—началъ я прямо.

— Не можетъ быть, нѣтъ!—воскликнула она.

— У васъ все только для наружности, и даже я знаю, что̀ такое въ васъ есть искреннее.

— Ну, что̀ же во мнѣ есть искренняго... что̀ искренняго? Скажите!—пристала она ко мнѣ.

— Сколько могу отгадывать, такъ любовь къ разнообразію.

— Въ чемъ къ разнообразію?

— Во всемъ.

— Совершенно вѣрно, совершенно!—подхватила Софи, дѣлая видъ, что не понимаетъ, къ чему я это сказалъ.

— Это такъ, да,—подтвердилъ и Петцоловъ.

Въ это время ударилъ звонокъ, и всѣ встали.

Софи стояла, поправляя платье сзади. Хороша и величественна въ эти минуты она была божественно!

Баклановъ простился со мною нѣжно, и почему-то у насъ у обоихъ навернулись при этомъ слезы на глазахъ.

Софи, прощаясь съ Петцоловымъ, явно съ нимъ шепталась.

Я еще разъ видѣлъ ея лицо, когда она, сѣвъ въ вагонѣ, приложила его къ окну и еще разъ кивнула головкой мнѣ и Петцолову.

Мы пошли съ нимъ вмѣстѣ изъ вокзала.

— Скажите, что̀ за отношенія у madame Леневой съ Баклановымъ?—спросилъ я невиннѣйшимъ голосомъ.

— Она живетъ съ нимъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

— И вы, кажется, не совсѣмъ къ ней равнодушны.

— Нѣтъ, что̀ же! Разумѣется, немножко!—отвѣчалъ онъ, не думая нисколько, видно, скрываться въ этомъ случаѣ.

— Ну, смотрите, Баклановъ васъ убьетъ: онъ бѣшеный, вспыльчивый!

— О, нѣтъ, у нихъ это совсѣмъ на другихъ основаніяхъ.

— На другихъ?

— Онъ можетъ дѣлать, что̀ хочетъ; она тоже... по этимъ, знаете, новымъ правиламъ.

— По новымъ?

— Да, въ наше время убѣдились наконецъ, что глупость же хранить вѣрность, ревновать другъ друга.

— Разумѣется!—подтвердилъ я.

Въ это время мы вышли на подъѣздъ. Онъ сѣлъ на превосходную пару, на которой я разъ видѣлъ Софи, и понесся по Невскому, зацѣпляя извозчиковъ и пѣшеходовъ

«И это тоже прогрессистъ! Несчастная, несчастная моя родина!»—подумалъ я

Не объ общественномъ, разумѣется, служеніи говоримъ мы здѣсь. Благословенна будь та минута, когда въ обществѣ появилось стремленіе къ нему! Но гнѣвомъ и ужасомъ исполняется наше сердце, когда мы подумаемъ, въ чемъ положили это служеніе: въ проведеніи не то что ужъ отвлеченныхъ мыслей, а скорѣй какихъ-то предвкушеній мыслей. И кто наконецъ эта соль земли, эти избранные, пришедшіе къ общественной трапезѣ!.. Остроумные пустозвоны, считающіе въ ловкой захлесткѣ рѣчи всю суть дѣла!.. Торгаши, умѣющіе безконечно пускать въ ходъ небольшой запасецъ своей душевной горечи!.. Всевозможныхъ родовъ возмужалые и юные свищи, всегда готовые чѣмъ вамъ угодно наполнить свою пустоту!..

IX.

Разсказы Венявиныхъ.

Перехожу снова къ объективному способу.

Незаконные мои любовники, пріѣхавъ въ провинцію, въ свой родной городъ, и остановясь въ грязныхъ номерахъ лучшей гостиницы,—Софи въ одномъ номерѣ, а Баклановъ въ другомъ,—осмѣлились дать о себѣ знать одному только старинному другу Бакланова—Венявину. Тотъ сейчасъ же сначала прибѣжалъ одинъ, потомъ побѣжалъ за супругой.

Женатъ онъ былъ на доброй Машѣ, дочери священника. Первый разъ онъ увидѣлъ ее у Леневыхъ, пріѣхавъ къ нимъ визитъ дѣлать, и сейчасъ же влюбился въ нее. Маша тоже въ него влюбилась. Они сочетались и до сихъ поръ столько

же разъ и съ такою же нѣжностью каждодневно цѣловались, какъ и въ первый день своего брака. Дѣтей у нихъ было человѣкъ десять.

Оба толстенькіе, оба коротенькіе, расфрантясь сколько возможно, они прибѣжали къ нашимъ петербургскимъ гостямъ, сильно взволнованные какъ пріятнымъ этимъ свиданіемъ, такъ и вообще разными совершившимися въ это время въ городѣ и около происшествіями.

Всѣ помѣстились въ комнатѣ Софи, которая, чувствуя себя не такъ здоровою, сидѣла печальная и грустная, завернувшись въ свою теплую, дорожную шаль.

Венявины безпрестанно говорили одинъ за другимъ и даже перебивали другъ друга.

— Я не помѣщикъ, а чиновникъ; но это невозможно, невозможно!—кричалъ Венявинъ, топорщась всѣмъ тѣломъ.

— Помѣщицу Коврову,—подхватила его толстенькая и совершенно съ ангельски-кроткимъ лицомъ супруга:—пошла она съ дѣвушкой въ баню, трое мужиковъ подошли къ окошку, да и смотрятъ. Она говоритъ: «Подите прочь!». Они пошли да коломъ дверь-то снаружи и приперли. Всю ночь въ банѣ-то и просидѣла: кричала-кричала, никто въ цѣлой деревнѣ не отперъ!

— Да, да!—подтвердилъ и мужъ.—Она пришла къ губернатору жаловаться, а онъ ей говоритъ: «Вы отсталая, говоритъ, женщина, крѣпостница!..»

— Да кто онъ, изъ моряковъ, что ли? — спросилъ Баклановъ.

— Изъ моряковъ.

— Ну, такъ вотъ что̀ мнѣ про него въ Петербургѣ разсказывали: у него съ корабля упалъ матросъ — ему бросили тамъ что-то такое, вытащили его, и онъ сейчасъ же велѣлъ дать ему сто линьковъ, зачѣмъ смѣлъ закричать, когда упалъ въ воду; а теперь—человѣколюбивый эмансипаторъ.

— Я тебѣ говорю, братецъ!—восклицалъ Венявинъ.

— Нашего старика таки-удалили наконецъ! Нашли несовременнымъ!—продолжалъ Баклановъ.

— Но вѣдь тѣ лучше были, честнѣе, — горячился Венявинъ: — тѣ откровенно, по крайней мѣрѣ, дѣйствовали, а это іезуиты: пошли ихъ царство небесное на землѣ вводить, или, какъ Иродъ, младенцевъ рѣзать, они одинаково будутъ это дѣлать за жалованье.

— Поля-то, Господи, — вмѣшалась опять Маша, не менѣе мужа взволнованная:—поля-то у помѣщиковъ, этакія большущія, наполовину стоятъ незапаханныя и незабороненныя.

— Будетъ голодъ, непремѣнно, непремѣнно!—поддерживалъ Венявинъ.

— Этакъ непріятно и ѣхать въ деревню,—проговорила наконецъ Софи, все время молчавшая и даже врядъ ли слышавшая, что̀ кругомъ ея говорили.

— Ай, да вы и не ѣздите! Просто страшно! — подхватила Маша.—У папеньки столько теперь пріѣзжаетъ помѣщиковъ и останавливается: «Не можемъ, говорятъ, жить въ деревнѣ; очень ужъ намъ грубятъ и обижаютъ насъ!».

— Скоро по дорогамъ, пожалуй, будутъ грабить! — прибавилъ, разведя руками, Венявинъ.

— Да чтой-то, Николай Гаврилычъ, какъ это ты такъ говоришь: будутъ! — прикрикнула на него Маша: — и грабятъ ужъ! Вотъ къ папенькѣ мужикъ за навозомъ ѣздитъ, такъ ѣхалъ пьяный въ воскресенье изъ города—ограбили!

— А мы сегодня ночью думали-было выѣхать!—проговорила опять Софи.

— Ай, нѣтъ, душечка Софья Петровна, ангелъ мой! Не ѣздите!—воскликнула Маша.

— Нѣтъ, нѣтъ!—подтвердилъ и Венявинъ.

Эти два кроткія существа насказали потомъ еще такихъ страховъ и ужасовъ, что даже сами испугались и побоялись итти пѣшкомъ домой, а попросили послать человѣка, нанять имъ извозчика.

Баклановъ и Софи, по отъѣздѣ ихъ, не сказавъ другъ съ другомъ ни слова, разошлись по своимъ комнатамъ, и каждый, съ своими грустными мыслями, улегся почивать: видно, незаконная любовь такъ же имѣетъ свойство охлаждаться, какъ и законная!

X.

Прежнее Ковригино.

Были сѣренькія, мокрыя сумерки.

По той же самой дорогѣ, съ которой нѣкогда мы начинали нашъ разсказъ, ѣхала Софи съ Баклановымъ, и какая разница была въ томъ поѣздѣ и въ этомъ: вмѣсто домодѣланныхъ крытыхъ саней и розвальней — лондонской сборки карета; лошади не крѣпостныя, а вольнонаемныя, идущія какою-то развалистою походкой. Высокій малый, извозчикъ, сидѣлъ безъ всякой церемоніи и безпрестанно курилъ. Наконецъ въ экипажѣ сидѣли не мужъ съ женой, а любовникъ съ любовницей, и не стыдились такъ ѣхать въ свое имѣніе.

Тетушка Биби, что̀ чувствуютъ твои кости при этомъ!

Почтенная дѣвица сія, какъ только полученъ былъ первый манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, захирѣла и померла.

— Я родилась и умру госпожой своихъ людей! — были почти послѣднія ея слова передъ смертью.

Наслѣдницей она оставила Софи, единственно потому только, чтобъ имѣнье не досталось мерзавцу Виктору.

Когда въѣхали въ усадьбу, первое, что̀ кинулось въ глаза, былъ домъ съ заколоченными окнами.

Баклановъ самъ долженъ былъ выйти изъ экипажа, чтобы выкликнуть кого-нибудь изъ людей.

Онъ на первую попалъ на добрѣйшую и глупѣйшую Прасковью, сдѣлавшуюся теперь совсѣмъ старою дѣвкой.

— Госпожа ваша, Софья Петровна Ленева пріѣхала!—сказалъ онъ.

— Ай, батюшки, Господи! Барыня пріѣхала!—воскликнула эта простодушная дѣвушка и сначала пробѣжала опять въ кухню за ключомъ отъ задняго крыльца, отперла его, пробѣжала по дому и отперла переднюю; потомъ побѣжала въ кухню за свѣчкой и чтобы оповѣстить другихъ людей.

Софи все это время сидѣла въ экипажѣ.

Наконецъ Баклановъ ее высадилъ, и они, въ сопровожденіи Прасковьи со свѣчой, вошли въ домъ. Оборванные въ залѣ обои висѣли огромными лопастями. Зимнія рамы были еще не выставлены, и къ нимъ пропасть наприставало околѣвшихъ мухъ. Круглое, въ золотой рамѣ, зеркало, какъ было въ похороны Биби завѣшено чернымъ флеромъ, такъ и оставалось; отовсюду пахнуло уже не ладаномъ и воскомъ, а какою-то могилой и сыростью.

Путники наши прошли въ гостиную. Тамъ, въ углу, стояло старое кресло майора, точно будто бы сейчасъ только сняли его съ нихъ.

Прасковья поставила свѣчку на столъ.

— Самоваръ прикажете-съ?—спросила она.

— Да!—отвѣчала Софи.

Добрушка эта убѣжала ставить самоваръ.

Баклановъ и Софи сѣли другъ противъ друга. Обоимъ имъ было грустно. Передъ обоими проходила ихъ прежняя молодость: сколько было надеждъ, въ какой богатой перспективѣ открывалась тогда будущая жизнь, и что̀ жъ въ итогѣ?

— Вонъ, у этого комода, помните?—сказала съ грустною улыбкой Софи, показывая глазами на простѣночное трюмо:— я въ первый разъ васъ поцѣловала.

— Да!—отвѣчалъ Баклановъ.

— А вотъ тутъ, помните, на диванѣ, я разъ, въ сумерки,

прикурнула, а вы стали передо мной на колѣни, и вдругъ тетенька Биби вошла,—какъ мы перепугались тогда!—продолжала Соня.

— Д-да!—отвѣчалъ и на это Баклановъ.

Его душу въ эти минуты волновало цѣлое море разнообразнѣйшихъ чувствованій.

Софи встала, подошла къ нему и оперлась на его плечо.

— Грустно мнѣ, другъ мой, грустно! — проговорила наконецъ она, склоняясь къ нему головкой.

Баклановъ обнялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Что̀ жъ тебѣ грустно?—спросилъ онъ ее.

— Такъ... ты меня не любишь больше!

— Изъ чего же ты это видишь?

— Такъ... Ты все сталъ нынче говорить о женѣ своей; говоришь, что она умная, честная, чистая женщина.

Баклановъ ударилъ себя въ голову.

— О!—воскликнулъ онъ:—не напоминай мнѣ объ этой несчастной моей мученицѣ!

— Она твоя мученица, а я, значитъ, твоя злодѣйка. Вотъ, посмотри: ты ужъ и плачешь о ней!

— Нѣтъ, не ее я оплакиваю, а долгъ свой, свои обязанности, надъ которыми я наругался, какъ подлецъ, какъ мальчишка какой!

— А я-то какъ живу всю жизнь! Господи! Господи!—воскликнула Софи, въ отчаяніи разводя руками.

— Нѣтъ! Тотъ безумецъ,—продолжалъ Баклановъ:—кто говоритъ, что въ бракѣ нѣтъ таинства. Самъ Богъ тутъ присутствуетъ, и Онъ одинъ только можетъ освятить эти между людьми отношенія!

— Именно!—подтвердила Софи.—Я тебя, напримѣръ, очень люблю; а прямо и откровенно скажу: мнѣ жить съ тобой гораздо тяжелѣе, чѣмъ съ покойнымъ мужемъ моимъ. Тотъ мнѣ гадокъ, противенъ былъ; но я знала, что хоть страдаю, но не грѣшна и не преступна.

— Ну, стараго ужъ не воротишь! — отвѣчалъ ей мрачно Баклановъ и поспѣшилъ спустить ее съ колѣнъ.

Входила Прасковья съ самоваромъ.

Софи сейчасъ же принялась сама хозяйничать.

— Подайте сливокъ!—сказала она.

Прасковья что-то переминалась.

— Не знаю, матушка, сбѣгаю, — начала потомъ она: — не доятъ, чу, барскія-то коровы, худыя такія!

— Какъ, неужели же всѣ не доятъ? Сколько же коровъ?

— Четыре коровы.

— Какъ четыре?.. У тетушки, я думаю, ихъ было сорокъ!

— Околѣвали-съ, умирали... Нѣтъ ли хоть у крестьянъ у кого, схожу!—отвѣчала Прасковья и опять побѣжала.

Софи и Баклановъ, оставшись вдвоемъ, грустно усмѣхнулись.

Прасковья возвратилась и принесла жиденькаго молочка.

— Ну, ужъ мы этого пить не станемъ,—сказала Софи, отодвигая молочникъ назадъ: — поѣсть намъ тоже, вѣроятно, нечего?

При этомъ вопросѣ Прасковья даже покраснѣла.

— Ничего, кажется, нѣтъ-съ.

— И яицъ даже?—спросила Софи.

— Перевели барскихъ-то куръ тотчасъ же, какъ покойница-то барышня скончалась. У курятницы тоже дочка на волю выдана, все теперь и живетъ тамъ-съ.

Баклановъ начиналъ ужъ выходить изъ себя.

— Ты вотъ скажи старостѣ,—продолжала Софи:—со мной нарочно пріѣхалъ братъ,—прибавила она съ удареніемъ, показывая на Бакланова:—онъ завтра же приметъ все по описи, и я вступлю въ управленіе имѣніемъ *серьезно*.

— Слушаю-съ,—отвѣчала покорно Прасковья. — Вамъ гдѣ прикажете постель оправить, у тетеньки въ комнатѣ-съ? — спросила она. — Только въ ихъ комнаткѣ постелька-то и осталась.

— А прочія гдѣ же?

— Не знаю-съ.

— Хорошо, у тетки.

— А вамъ гдѣ прикажете-съ? — обратилась Прасковья къ Бакланову.

— Обо мнѣ не безпокойся, я вотъ хоть тутъ на диванѣ засну.

— Ты можешь итти,—сказала ей Софи.

Прасковья ушла.

Баклановъ пошелъ и заперъ за ней дверь.

— Ты, другъ мой, лягъ у меня въ комнатѣ, — сказала ему Софи.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ онъ, и вскорѣ потомъ они со свѣчой вошли въ комнату Биби.

Огромная кіота съ дорогими образами была заперта и даже запечатана печатью.

— Святыню-то Божью пощадили, не разворовали, — сказалъ Баклановъ.

— Да, ужасно какой народъ!—сказала Софи.

Затѣмъ они, общими стараніями отыскавъ подъ образами

бутылку съ деревяннымъ масломъ и засвѣтивъ лампаду, улеглись: Софи за ширмами на теткиной постели, а Баклановъ на полу.

При каждомъ малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ домѣ они переговаривались.

— Что̀ такое?—спрашивала обыкновенно сейчасъ же Софи.

— Не знаю! — отвѣчалъ тоже встревоженнымъ голосомъ Баклановъ и потомъ ужъ только прибавлялъ:—нѣтъ, ничего!

Они боялись, что мужики придутъ и убьютъ ихъ.

XI.

Староста старый и новый сельскій староста.

На другой день въ комнаты явилась опять одна только Прасковья и, какъ слѣдуетъ доброй, хорошей крѣпостной дѣвушкѣ, нѣсколько принарядилась по случаю радостнаго пріѣзда господъ.

— Что̀ жъ мы будемъ сегодня ѣсть?.. Ты пошли мнѣ повара.

— Нѣтъ его, пса этого. Косить ушелъ, верстъ за пятнадцать. Позвольте, я ужъ состряпаю что-нибудь.

— Сдѣлай милость!.. На̀ вотъ тебѣ денегъ... купи тамъ курицу, говядины, что ли.

— Слушаю-съ. У своихъ-то не укупишь, въ Парѳеново сбѣгаю, куплю.

— Но скажи, пожалуйста, отчего жъ меня всѣ такъ чуждаются?

— Ну, матушка, народецъ вѣдь у васъ... сами, я думаю, изволите знать!

Весь этотъ разговоръ происходилъ, когда Прасковья одѣвала Софи.

Та, придя пить чай, разсказала все это Бакланову.

— Вотъ я вамъ этого старосту вызову,—сказалъ онъ и вышелъ на крыльцо.

— Эй ты, любезный,—крикнулъ онъ проходившему по двору молодому дворовому малому, который, при видѣ его, сейчасъ же насупился и нахмурился:—пошли ко мнѣ старосту сейчасъ же!

Парень, больше по привычкѣ повиноваться барскому голосу, повернулся и прошелъ въ старостину избу.

Баклановъ продолжалъ стоять на крыльцѣ.

Парень вышелъ изъ избы.

— Говорилъ-съ... — объяснилъ-было онъ коротко и хотѣлъ уйти ободворкомъ.

— Да ты не «говорилъ», а чтобы сейчасъ онъ здѣсь былъ!.. Зуба ни одного у канальи не оставлю...—заревѣлъ Баклановъ.

Парень вернулся въ избу.

Староста, мозглый и худенькій старикашка, наконецъ показался и подошелъ къ Бакланову.

— Ты староста? — спросилъ тотъ.

— Я, сударь, я, — отвѣчалъ тотъ, какъ-то плутовато тряся головой и точно пряча свои глаза.

— Пойдемъ къ барынѣ, къ госпожѣ твоей! — проговорилъ Баклановъ.

Староста пошелъ вслѣдъ за нимъ въ горницы.

— Вотъ онъ-съ! — проговорилъ Баклановъ, показывая на него Софи.

Та встала на ноги и собрала, сколько у ней было присутствія духа.

— Отчего вы не хотите ко мнѣ явиться? — сказала она.

— Намъ нельзя того! Извините насъ, сударыня, на томъ!— сказалъ староста, попрежнему потупляя глаза.

— Отчего нельзя?

— Воля ужъ, значитъ, теперь: какое явленье! Подъ неволю тоже опять голову-то сунешь, такъ и не выцарапаешь!

— Но воля сама по себѣ, а мое право на васъ само по себѣ, — говорила Софи.

Староста при этомъ даже усмѣхнулся.

— Нѣту, матушка, правъ этакихъ нынѣ!—проговорилъ онъ.

— Да ты извѣстенъ или нѣтъ о духовномъ завѣщаніи? — воскликнулъ ему Баклановъ.

— Да что̀, батюшка, конечно, что покойница тогда грѣхъ только изволила лишній на душу взять, писавши это самое; а что умереть изволила, значитъ, мы вольные: порядки-то нынче извѣстны-съ! — отвѣчалъ староста, не ворочая къ нему головы.

— Что̀ жъ вы и работать на меня не будете? — спросила Софи.

— Никакъ нѣтъ-съ!

— И оброковъ платить мнѣ не будете?

— Нѣтъ-съ!

— Такъ я васъ заставлю! Ахъ вы, мерзавцы, бунтовщики!— вскричала Софи, вся поблѣднѣвъ.

Госпожа въ ней наконецъ проснулась. Она готова была своими хорошенькими ручками вцѣпиться старостѣ въ волосы.

— Сейчасъ чтобъ у меня просили прощенія, сейчасъ!—продолжала она, стуча ножкой.

— Міръ-то меня, сударыня, можетъ теперь поѣдомъ съѣсть, что я и въ домъ-то васъ допустилъ!—возражалъ ей староста.

— Меня въ домъ?—воскликнула Софи, ударяя себя въ грудь.

— Да какъ же, помилуйте, домъ общественный!

При этомъ Софи и Баклановъ переглянулись между собой.

— Calmez-vous! — сказалъ онъ, беря Софи за руку.—Кто здѣсь посредникъ? — обратился онъ къ старостѣ

— Не могимъ знать-съ, — отвѣчалъ тотъ.

— Какъ не знаешь? — спросилъ Баклановъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Дѣловъ тоже никакихъ не имѣли до нихъ, почему намъ знать!—продолжалъ староста, водя глазами по полу.

— А! не знаешь, не знаешь!—проговорилъ Баклановъ и, схвативъ старика за воротъ, притряхнулъ его.

Старикъ позеленѣлъ.

— Посредникъ, ваше благородіе, Иванъ Егорычъ Варегинъ, — сказалъ онъ.

Баклановъ сейчасъ же отпустилъ его.

— Варегинъ!—произнесъ онъ радостно.—Пошелъ вонъ!—прибавилъ онъ старостѣ, и тотъ, какъ бы ничего особеннаго не случилось, посмотрѣлъ себѣ на ноги и вышелъ.

— Ну, вотъ и прекрасно! Все теперь устроится! — сказалъ Баклановъ, обращаясь къ Софи, которая смотрѣла на него вопросительно.

— Параша, Параша, — крикнулъ онъ убиравшей въ сосѣдней комнатѣ чашки Прасковьѣ. — Нѣтъ ли кого послать за посредникомъ?

— Пошлите-съ сельскаго старосту! Онъ у насъ тутъ недалеко въ Парѳеновѣ живетъ-съ,—отвѣчала та шопотомъ.

— Сбѣгай, ради Бога,—произнесъ Баклановъ.

— Я нищенку пошлю-съ; самоё-то, пожалуй, наши дьяволы увидятъ и изобьютъ еще!—отвѣчала Прасковья и ушла.

Черезъ нѣсколько времени явился сельскій староста, молодой, вѣжливый мужикъ.

— Съѣзди, любезный, за посредникомъ, — сказалъ ему Баклановъ.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ тотъ съ видимою готовностью.

— Что такое, скажи, пожалуйста, отчего это неповиновеніе ко мнѣ?—спросила, выйдя къ нему, Софи.

Староста модно переложилъ изъ руки въ руку шляпу.

— Богъ знаетъ, сударыня, — отвѣчалъ онъ, какъ-то особенно ужимая губы. — Надо такъ полагать, что глупость одна ихъ.

— Такъ ты имъ растолкуй!—сказала Софи.

— Намъ они, сударыня, не вѣрятъ, какъ не по ихъ говоришь... Все одно, вы, говорятъ, отъ начальства...

— Пожалуйста, съѣзди! — повторила Софи.

— Слушаю-съ! — отвѣчалъ староста и уѣхалъ.

— Чтобы не обманулъ онъ!—сказалъ Баклановъ.

— Нѣтъ, съѣздитъ-съ! Онъ у Софьи Петровны лѣсу хочетъ торговать, такъ съѣздитъ-съ! — объяснила Прасковья.

Баклановъ и Софи возвратились въ гостиную.

— Варегинъ мнѣ пріятель и отличнѣйшій человѣкъ: онъ сейчасъ все устроитъ, — заговорилъ первый.

— Но я боюсь, другъ мой, они сейчасъ, пожалуй, придутъ,—сказала Софи.

— Пускай идутъ; у меня револьверы готовы. Прежде чѣмъ они дотронутся до тебя, человѣкъ двадцать уложу!.. — произнесъ Баклановъ и положилъ на столъ дѣйствительно два револьвера.

Софи между тѣмъ принялась плакать: она была очень разсержена.

XII.

Посредникъ.

Варегинъ пріѣхалъ въ тотъ же день.

Молодые хозяева наши все еще продолжали сидѣть въ гостиной и не смѣли носу оттуда показать.

Баклановъ принялъ друга въ распростертыя объятія.

Нѣсколько времени они молчали, и у обоихъ невольно навернулись слезы на глазахъ.

— Что̀ это, у васъ ужъ пистолеты приготовлены!—началъ Варегинъ.

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ и представилъ ему Софи.

— Кузина моя, Ленева, ваша теперь подсудимая и подначальная.

Варегинъ молча поклонился ей.

— Что̀, развѣ ужъ къ дому подваливали? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ; но на всякій случай. Я просилъ бы тебя сегодня же сдѣлать какое-нибудь распоряженіе,—отвѣчалъ Баклановъ.

— Я ужъ сдѣлалъ, ѣхавъ мимо, — отвѣчалъ Варегинъ и, какъ человѣкъ утомленный, сѣлъ и закрылъ глаза.

Софи въ это время разливала чай.

— Pardon, monsieur Варегинъ, — сказала она: — у насъ нѣтъ сливокъ; намъ не даютъ здѣсь ничего, даже и за деньги.

Варегинъ открылъ глаза и, увидѣвъ стоявшую тутъ Прасковью, сказалъ ей:

— Поди, скажи скотницѣ, чтобы сейчасъ же прислала госпожѣ вашей сливокъ: посредникъ приказалъ.

Прасковья убѣжала и возвратилась съ превосходными сливками.

— Но какъ же, скажи, другъ сердечный, какъ ты сюда попалъ? — началъ Баклановъ. — Естествоиспытатель, изслѣдователь микроскопическій — мировымъ посредникомъ!

— Исключенъ-съ былъ изъ прежней службы за позорное свое гражданское поведеніе, — отвѣчалъ Варегинъ ядовито.

— Я слышалъ что-то такое въ Петербургѣ, — подхватилъ Баклановъ.

— Да, какъ же-съ! И не начальствомъ, это было бы еще сносно, а общественнымъ мнѣніемъ.

— Нынче общественное мнѣніе, monsieur Варегинъ, кажется, такое благородное,—вмѣшалась-было Софи.

— Не знаю-съ, — отвѣчалъ онъ ей: — знаю одно, — продолжалъ онъ, опять обращаясь къ Бакланову: — что какъ только я на одномъ изъ нашихъ университетскихъ совѣтовъ сказалъ, что молодые люди поступаютъ къ намъ ничего не смыслящіе, въ университетѣ ничего не дѣлаютъ и потомъ всѣ гуртомъ выпускаются кандидатами... Что̀ же это такое? Кукольная комедія одна!

— Да чего тутъ!—подхватилъ Баклановъ.—Намъ вотъ до̀рогой одинъ господинъ разсказывалъ, что становой получилъ бумагу очень безграмотную и говоритъ: «Это, вѣрно, говоритъ, господинъ студентъ писалъ», и въ самомъ дѣлѣ, оказывается, студентъ.

Варегинъ грустно усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Сказалъ я, разумѣется, — продолжалъ онъ: — и насчетъ преподаванія, что у насъ, вмѣсто науки, съ каѳедры раздаются пикантныя фразы, очень, можетъ-быть, выгодныя для популярности преподавателя, но далеко не полезныя для слушателей...

— Ну, и что̀ жъ потомъ?—спросилъ Баклановъ.

— Потомъ, черезъ нѣсколько дней, мнѣ господа студенты стали на лекціяхъ шикать и свистать... Я остановился и спросилъ, что̀ именно возмущаетъ ихъ въ моихъ словахъ?.. Они выслали ко мнѣ депутатовъ, которые объявили мнѣ, чтобъ я перемѣнилъ мое гражданское поведеніе.—«Въ чемъ же, говорю, оно такъ провинилось?» — «Въ томъ, говорятъ, что вы такимъ образомъ говорите въ совѣтахъ». — «О, въ такомъ случаѣ, я вижу, что вы такъ наглы, а передавшіе вамъ люди такъ подлы, что я ужъ, конечно, ни съ ними ни съ вами не останусь»; затѣмъ поклонился и не возвращался болѣе въ свою аудиторію.

Проговоря это, Варегинъ опять качнулъ головой.

— Вотъ вамъ и награда вся! — снова онъ началъ: — за

двадцать лѣтъ трудовъ, за потерянное зрѣніе; и то бы все имъ простилъ, Богъ съ ними; но зачѣмъ они потеряли мои свѣдѣнія... Знатоковъ моего дѣла въ Россіи немного, а они меня, какъ мусоръ, какъ щепки ненужныя, взяли да и вышвырнули.

— Ужасно!—подхватилъ Баклановъ.—Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, какъ ты устроился? Вѣдь ты, кажется, семейный человѣкъ?

— Четверо дѣтей.

— А душъ сколько?

— Душъ нѣтъ!.. Сто десятинъ земли всего!

— Но чѣмъ же ты жилъ до сихъ поръ?

— Потому ужъ и жилъ! Только что самъ земли не пахалъ.

Въ это время вошла съ довольнымъ лицомъ Прасковья.

— Барыня, гдѣ столъ-то накрывать, въ залѣ или столовой?—спросила она.

— Да развѣ есть что-нибудь у насъ? — спросила ее Софи.

— Есть: теленка закололи и карасей въ пруду наловили. Выбилъ сельскій староста всего-съ... И поваръ тоже пришелъ-съ.

Баклановъ, Софи и Варегинъ невольно усмѣхнулись.

— И ключи вотъ отъ посуды-съ нашъ староста-то, чортъ, далъ-съ, — прибавила Прасковья еще съ большимъ удовольствіемъ и пошла хлопотливо накрывать столъ въ залѣ съ ободранными обоями.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже сидѣли при полномъ освѣщеніи четырехъ свѣчъ въ старинныхъ шандалахъ и при вкусно дымившихся теплыхъ блюдахъ.

— Скажите, пожалуйста, какъ народъ принялъ эти мірскія учрежденія?—спросилъ Баклановъ.

— Да какъ принять-то? Обыкновенно, какъ принималъ онъ чиновниковъ. Это вѣдь подкупъ,—прибавилъ Варегинъ, показывая на блюда:—вамъ бы безъ меня не дали этого: это меня хотятъ ублажить.

Прасковья, ко всѣмъ благамъ, нашла въ буфетѣ еще двѣ бутылки наливки и поставила ихъ передъ господами.

Пріятели, прекративъ печальные разговоры, выпили по нѣскольку рюмокъ наливки; Софи тоже съ ними выпила и совершенно смѣло, въ сопровожденіи одной только Прасковьи, отправилась ночевать въ комнату Биби.

Баклановъ и Варегинъ легли въ гостиной на толстѣйшихъ и мягчайшихъ пуховикахъ, которые тотъ же сельскій староста «выбилъ» имъ отъ прежняго господскаго старосты.

XIII.

Бунтъ.

На другой день Софи, какъ только проснулась, подошла къ окну своей комнаты и ахнула отъ ужаса

Красный дворъ былъ полнехонекъ мужиками, человѣкъ до ста, съ мрачными все лицами, безъ шапокъ. Между ними ходилъ, тоже серьезный, Варегинъ и о чемъ-то съ нѣкоторыми изъ нихъ переговаривалъ.

Софи сейчасъ же бросилась къ Бакланову, который еще спалъ.

— Александръ, посмотри, что̀ такое у насъ на дворѣ: народъ собрался!—сказала она.

— Что̀ такое?—произнесъ тотъ, надѣлъ халатъ и, положивъ въ карманъ револьверъ, вышелъ.

— Зачѣмъ это они?—спросилъ онъ Варегина.

Тотъ подошелъ и мрачно сѣлъ на ступеньку крыльца.

— Дурятъ! — произнесъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

Баклановъ смотрѣлъ на него съ испуганнымъ лицомъ.

— Что же, совсѣмъ нѐ хотятъ повиноваться?

— Торговаться хотятъ до конца,—произнесъ Варегинъ.

Къ нему робко подошелъ довольно доброй наружности мужикъ.

— Можно, Иванъ Егорычъ, уйти-то?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нельзя... сами заварили кашу, такъ не пеняйте, дьяволы экіе, право!

— Да вѣдь, Иванъ Егорычъ, міръ-съ, а не я, батюшка.

— Міръ?.. Изъ собакъ, что ли, міръ-то состоитъ? Изъ васъ же, чертей!

Мужикъ конфузливо перебиралъ шапку въ рукахъ.

— Какъ гнилая горячка-то была, — продолжалъ Варегинъ:—такъ умиралъ съ дьяволами, хоть бы тому повѣрили.

— Это точно что-съ,—произнесъ мужикъ.

— Такъ что̀ жъ «точно что-съ»!.. Стану я васъ обманывать!

— Да мы, батюшка, и сумнѣнья въ томъ не имѣемъ.

— Ну, коли не имѣешь, такъ пошелъ и уговаривай!

Мужикъ пошелъ, сказалъ что-то такое двумъ-тремъ мужикамъ, да такъ тутъ на мѣстѣ и остался и не возвращался болѣе.

— Можетъ-быть, онъ уговоритъ,—произнесъ Баклановъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ съ прежнею мрачностью Варегинъ:— я ужъ къ исправнику и за военною командой послалъ,—прибавилъ онъ.

— Господи!—воскликнулъ Баклановъ:—да нельзя ли какъ-нибудь уговорить такъ?

Варегинъ усмѣхнулся.

— Попробуйте, подите, поговорите... Вы спали, а я цѣлую ночь ихъ въ сборной избѣ уговаривалъ, такъ будетъ: наговорился.

Баклановъ пошелъ къ Софи, чтобы предупредить ее.

— За командой ужъ послали,—сказалъ онъ больше шуткой.

— Какъ!—воскликнула та, поблѣднѣвъ.—Нѣтъ, мой другъ, не надо, не надо! Я отъ всего лучше отступлюсь.

— Да Варегинъ не отступится; ему это надо для общаго порядка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо мнѣ ничего!—кричала между тѣмъ Софи, становясь передъ Баклановымъ на колѣни.

— Ты вотъ кричишь, они услышатъ это и еще больше будутъ упираться,—уговаривалъ ее Баклановъ.

— Жаль мнѣ ихъ, не могу я этого...—говорила Софи, упадая на руки Бакланову.

— Что̀ жъ дѣлать-то?—отвѣчалъ онъ, сажая ее на диванъ.

Послышался колокольчикъ. Софи задрожала.

— Ничего, ничего!—успокаивалъ ее Баклановъ:—я буду цѣлый день сидѣть около тебя и не отойду.

При звукѣ колокольчика толпа мужиковъ тоже зашевелилась нѣсколько; одинъ изъ нихъ отдѣлился и побѣжалъ ворота отпирать.

Въѣзжалъ исправникъ, довольно полный и расторопный, должно-быть, мужчина, съ птичьимъ, совинымъ лицомъ. Онъ сейчасъ же выскочилъ изъ тарантаса и прямо подошелъ къ толпѣ мужиковъ.

— Что̀, любезные, выстроились ужъ,—а? Здравія желаемъ!

— Здравствуйте, батюшка!—проговорили ему нѣсколько голосовъ.

Исправникъ повернулся и увидѣлъ Варегина.

— А, ваше высокородіе, честь имѣю кланяться!—продолжалъ онъ, весело прикладывая руку къ фуражкѣ.—Прикажете внушать-съ?—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Внушайте!—отвѣчалъ Варегинъ.

Исправникъ обратился къ мужикамъ.

— Что̀ жъ, вы рѣшительно не повинуетесь?.. Сейчасъ команда придетъ.

Мужики не отвѣчали ему ни того ни сего.

— Я васъ спрашиваю, повинуетесь вы, или нѣтъ?—крикнулъ ужъ исправникъ.

— Да говори, старый!—толкнули нѣсколько мужиковъ старика-старосту.

— Нѣтъ, батюшка, нельзя намъ того,—проговорилъ тотъ наконецъ.

— Отчего же бы это нельзя, позвольте васъ спросить?

— Государь императоръ, батюшка, Александръ Николаевичъ не приказываетъ того.

— А я знаю, что государь приказываетъ, или нѣтъ?

— Не знаю, батюшка, знаешь ты, аль нѣтъ!

— Нѣтъ, ты знаешь: врешь, бестія ты этакая! Я вотъ тебя перваго взъерепеню, перваго!

Староста мрачно нахмурился.

Въ это время на дворъ въѣхала еще пара въ телѣжкѣ, и изъ нея соскочилъ нарядный мужикъ, съ русою окладистой бородой.

— Старшина!—прошелъ легонькій говоръ между мужиками.

Старшина сейчасъ же подошелъ къ посреднику.

— Команда идетъ въ верстѣ, ваше высокородіе,—донесъ онъ.

— Поди, поговори, не усовѣстишь ли дураковъ!—сказалъ Варегинъ.

Старшина подошелъ къ мужикамъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, сильно ударяя на *о*.

— Государь императоръ дѣлаетъ вамъ теперь экія милости,—началъ онъ:—и что жъ вы дѣлаете? Госпожѣ вашей законной не покорствуете!

— Наша законная-то госпожа, господинъ старшина, умерла,—отвѣчалъ ему старикъ-староста.

— Погоди, другъ любезный, погоди!—возразилъ ему на это старшина:—ты теперича имѣешь самъ имущество, оставляешь ты его сыну, что ли, али сродственнику, и кто жъ можетъ его отнять у него? Корову ты ему оставляешь: неужели корова не пойдетъ къ нему на дворъ?

— Нынче, господинъ старшина, насчетъ того порядки другіе,—опять ему возразилъ старикашка-староста.—Госпожа померла, значитъ, мы и вольные; другой господинъ живъ, властвуй, а умеръ, тоже ослобождаются... Молодые пускай сами себѣ наживаютъ. Какъ же ты иначе волю-то сдѣлаешь?

— Ишь какъ разсудилъ, складно!—перебилъ его насмѣшливо старшина:—а словно бы не такъ въ царскихъ-то указахъ сказано.

— Знаемъ мы, господинъ старшина, какъ въ царскихъ-то указахъ сказано, знаешь и ты самъ! Грѣхъ только тебѣ такъ говорить: міромъ, кажись, тебя выбирали.

— Да мнѣ, дьяволъ васъ возьми и съ вашею должностью! Тьфу мнѣ на нее!—воскликнулъ старшина.—Съ вами, дураками, только время потратишь, да себѣ безпокойство...—за-

ключилъ онъ и, отойдя отъ толпы, молодцовато прислонился къ стѣнѣ дома.

Прошло еще съ полчаса самаго ужаснаго, томительнаго времени.

Наконецъ на дворъ прибѣжали двѣ маленькія крестьянскія дѣвочки.

— Солдатушки ужъ идутъ! — какъ-то робко онѣ оповѣстили.

Толпа, какъ бы вся въ одинъ моментъ, опустила голову.

Варегинъ проворно всталъ и пошелъ по деревнѣ навстрѣчу командѣ.

Впереди своей роты ѣхалъ верхомъ на лошади молоденькій офицеръ. На лицѣ его написана была гордость и серьезность. Солдаты же, напротивъ, шли вольно, развязно, и бо̀льшая часть весело между собой перешучивались.

Варегинъ пошелъ рядомъ съ солдатами.

— Вы, братцы, имѣйте лицо-то посерьезнѣе, посуровѣе,— сказалъ онъ.

— Нахмуримся, ваше благородіе,—отвѣчали ему нѣсколько солдатъ въ одинъ голосъ.

— Ну, и сначала оцѣпите только нѣкоторыхъ,—обратился онъ уже къ офицеру.

— Знаю-съ,—отвѣчалъ тотъ самодовольно.

— Что̀ огонь употреблять, кровь понапрасну проливать!— обратился опять Варегинъ къ солдатамъ.

— Извѣстно, ваше благородіе,—подтвердилъ ему фельдфебель:—оцѣпимъ по-первоначалу, а тутъ, коли упираться очень начнутъ, такъ въ приклады.

— Знаемъ, ваше благородіе, не въ первый ужъ разъ,— подхватилъ молодой и съ умнымъ лицомъ солдатъ:—я этта въ Спировѣ не то что прикладомъ, а схватилъ за волосы главнаго-то зачинщика. «Господинъ служивый!»—закричалъ и на колѣни, а за нимъ и прочіе другіе.

Всѣ почти солдаты захохотали.

— Бунтовщики тоже, робята, важные,—произнесло опять нѣсколько голосовъ.

— Смирно! Ружья на плечо!—скомандовалъ офицеръ.

Въ это время входили уже въ самую усадьбу.

Солдаты сейчасъ же подправились и нахмурились. Офицеръ махнулъ барабанщику. Тотъ громко, такъ что раздалось на все селеніе, ударилъ маршъ.

Варегинъ, проворно опередя солдатъ, опять подошелъ къ мужикамъ.

Лицо его было блѣдно, волосы растрепаны.

— Братцы, образумьтесь, смерть вамъ угрожаетъ!—вскричалъ онъ.

Толпа вся дрожала съ перваго же звука барабана, но ничего не говорила.

Солдаты стали обходить ее и выстроились противъ нея.

— Братцы, образумьтесь!—произнесъ еще разъ Варегинъ.

Молчаніе.

Онъ махнулъ бѣлымъ платкомъ офицеру.

— Съ лѣвой по одному маршъ!—скомандовалъ офицеръ.

Цѣпь солдатъ отдѣлилась и стала входить въ толпу, которая и не понимала, что̀ это такое съ ней дѣлаютъ.

— Сомкнись!—скомандовалъ офицеръ.

Солдаты сомкнулись, человѣкъ двадцать мужиковъ остались у нихъ въ цѣпи.

Одинъ молодой парень хотѣлъ-было выскочить изъ нея, солдатъ ткнулъ ему прикладомъ въ лицо.

Старикашка-староста что-то топтался на одномъ мѣстѣ. Этотъ молодой парень былъ его единственный сынъ.

— Тятенька!—закричалъ онъ ему оттуда.

— Ну, черти, дьяволы! Становитесь на колѣни!—вскрикнулъ старикъ и самъ сталъ на колѣни, за нимъ стали нѣсколько мужиковъ.

— Виноваты, матушка наша Софья Петровна, виноваты!—завопили они.

Варегинъ подошелъ къ одному изъ не ставшихъ на колѣни мужиковъ и ударилъ его по плечу.

— Ну, становись! Еще за зачинщика сочтутъ.

И вслѣдъ затѣмъ всѣ остальные колѣнопреклонились.

Оцѣпленные давно уже стояли на колѣнкахъ, а нѣжный старостинъ сынъ даже ревѣлъ.

— Надо зачинщиковъ отобрать!—сказалъ исправникъ Варегину.

Тотъ махнулъ ему рукой и, совершенно утомленный, опять опустился на рундучокъ крыльца.

— Кто зачинщики?—продолжалъ исправникъ, подходя къ стоявшему все еще на колѣняхъ старостѣ.

— Да, батюшка, изъ Питера къ намъ сходилъ человѣкъ,—отвѣчалъ старикъ, молебно простирая къ нему руки.

— Какой?

— Да вотъ барыни-то нашей кучеръ бывшій, Михайла; онъ въ бѣгахъ былъ и проходилъ съ дворяниномъ однимъ: «не повинуйтесь, говоритъ, а то хуже, говоритъ, подъ крѣпость опять попадете!»

— Съ какимъ дворяниномъ?

— Да какъ его, батюшка, забылъ, какъ и прозвище-то... регистраторомъ какимъ-то себя называлъ.

Варегинъ при этомъ вслушался немного.

— Кто же здѣсь-то собственно былъ зачинщикъ?—продолжалъ исправникъ допрашивать, не поднимая старика съ колѣнъ.

— Здѣсь я, батюшка, я самый главный!—отвѣчалъ тотъ.

— Ступай въ сторону.

Старикъ всталъ и отошелъ въ сторону.

— А кто еще? Кто еще былъ зачинщикомъ?—обратился исправникъ опять къ толпѣ.

— Я-съ!—отозвался самъ одинъ изъ мужиковъ.

— Въ сторону!

Мужикъ отошелъ и всталъ.

— Кто еще?—продолжалъ опять исправникъ.

Варегинъ рвалъ у себя изъ бороды волосы.

Толпа перешептывалась между собой.

— Да кто еще?—слышался шопотъ.

— У Матрены они приставали!—отвѣтилъ чей-то одинъ голосъ.

— Давайте Матрену сюда!—крикнулъ исправникъ, подслушавъ эти слова.

Двое мужиковъ пошли за Матреной, и вслѣдъ же затѣмъ раздался пронзительный крикъ на всю усадьбу.

— Батюшки, виновата!.. виновата!—кричала Матрена, выгибаясь всѣмъ тѣломъ, между тѣмъ какъ двое мужиковъ тащили ее.

— Давай ее сюда!—проговорилъ исправникъ.

Матрену подтащили къ нему.

— Приставалъ у тебя, какъ вотъ его,—Михайла, что ли?

— Приставалъ, батюшка!.. приставалъ!..—отвѣчала она поспѣшно.

— Михайла и баринъ?

— Оба, батюшка, оба!

— Что̀ жъ они говорили:

— По всей, говорятъ, Росеѣ ходимъ,—сомущаемъ народъ.

— Гдѣ жъ они теперь?

— Не знаю, батюшка.

— Врешь, бестія!—закричалъ исправникъ.

— Не знаю, батюшка!.. не знаю!..—заревѣла почти въ отчаяніи Матрена:—все разскажу тебѣ!

— Ну, разсказывай. Давно ли они были у тебя?

— Съ мѣсяцъ, батюшка.

— Что̀ жъ они дѣлали?

— Пили они, батюшка, всѣ три дня, что̀ ни были.

— Ну?

— Молоденькій-то, тотъ все шутилъ со мной!

— Съ экой-то стервой?

— Да, батюшка, и самъ-то онъ нехорошій такой; и на барина-то не похожъ!

Варегинъ въ это время всталъ и ушелъ въ горницы.

— Поѣдемте лучше ко мнѣ,—сказалъ онъ Софи и Бакланову.—Тутъ исправникъ будетъ производить слѣдствіе и приведетъ все въ порядокъ.

— Ахъ, да, поѣдемте, monsieur Варегинъ, пожалуйста,—говорила Софи, чуть не цѣлуя его.

Вслѣдъ затѣмъ они всѣ прошли садомъ и только-что сѣли въ поданный Варегина экипажъ, какъ изъ усадьбы раздались пронзительные вопли.

Это исправникъ пробиралъ, съ одной стороны, нѣженку старостина сына за батьку, при чемъ оба они кричали, а съ другой стороны—Матрену, которая только и вопила:—«Шутъ имъ дьяволамъ! шутъ! Вотъ ихъ бы такъ!»

— Пошелъ скорѣй!—крикнулъ Варегинъ кучеру.—А вѣдь есть господа,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Бакланову:—которые радуются этой безтолочи... Готовы даже подстрекать на нее народъ... Движеніе здороваго общественнаго организма въ этомъ видятъ... Не подлость ли, я васъ спрашиваю, кровью этихъ дѣтей омывать свои безумныя фантазіи!..

— Ужасно!—подтвердилъ въ свою очередь и Баклановъ.

XIV.

Изобличеніе.

Друзья наши, проѣхавъ Ковригинское поле, сейчасъ же очутились въ свѣжемъ, спокойномъ лѣсу.

Софи все время смотрѣла на серьезное лицо Варегина, на его голубые, спокойные глаза, на его запыленные бакенбарды. Не давая себѣ отчета—почему и отчего, она чувствовала въ одно и то же время страхъ и уваженіе къ нему.

Баклановъ между тѣмъ припоминалъ тѣ миріады фразъ, которыя раздавались около него въ Петербургѣ,—фразъ, противъ которыхъ онъ сначала ратовалъ, а потомъ и самъ сталъ повторять ихъ.

Голосъ Варегина разбудилъ наконецъ ихъ обоихъ отъ ихъ собственныхъ мыслей.

— Вотъ и мое пепелище!—сказалъ онъ.

Передъ домомъ, въ небольшомъ садикѣ, два мальчика и двѣ дѣвочки рылись въ землѣ.

Самый домъ, или, скорѣе, большая крестьянская изба, былъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной жилъ самъ хозяинъ, а въ другой—дѣти.

Въ комнатахъ было чрезвычайно чисто и просто: дубовый обѣденный столъ, ситцевая мебель, термометръ и барометръ на стѣнѣ.

— Милости просимъ! — сказалъ Варегинъ, вводя своихъ гостей.

Вошла красивая крестьянская женщина въ бѣлой рубашкѣ и въ опрятномъ сарафанѣ.

Варегинъ велѣлъ ей подавать обѣдъ.

Когда стали садиться за столъ, онъ отнесся къ Софи:

— Не угодно ли вамъ занять мѣсто хозяйки?

Софи сѣла.

— А вотъ эту команду позвольте ко мнѣ,—продолжалъ Варегинъ, передвигая къ себѣ приборы всѣхъ четверыхъ дѣтей:—всѣмъ бы они народъ исправный, да сами рѣзать еще не умѣютъ.

И вслѣдъ затѣмъ онъ началъ имъ рѣзать.

Дѣти, какъ маленькіе голубятки, смотрѣли ему въ ротъ и на руки.

Баклановъ при этомъ вспомнилъ своихъ дѣтей и незамѣтно вздохнулъ.

— Вы давно лишились вашей супруги?—спросила Софи хозяина.

— Да въ тотъ же годъ, какъ и изъ службы выгнали: почти вмѣстѣ получилъ эти два удовольствія.

— Вамъ недаромъ судьба такія испытанія посылаетъ. Она знаетъ, что вы крѣпышъ и выдержите,—сказалъ ему Баклановъ.

— Никакой тутъ нѣтъ судьбы: въ первомъ случаѣ россійская глупость, а во второмъ—петербургскій климатъ,—отвѣчалъ Варегинъ.

Послѣ обѣда Софи ушла съ дѣтьми погулять въ поле, а пріятели сѣли у открытаго окна пить кофе...

— Вы не думаете жениться, Варегинъ?—сказалъ Баклановъ.

— При дѣтяхъ-то?—спросилъ тотъ.

— Да при дѣтяхъ обыкновенно и женятся, чтобы мать имъ дать.

— Дѣти такое нѣжное и хрупкое существо, что требуютъ всей нѣжности человѣческаго сердца, а это возможно только

въ родителяхъ, которые обыкновенно органически къ нимъ бываютъ привязаны.

— Но мачеха будетъ любить ихъ изъ любви къ вамъ.

— Н-ну!—произнесъ Варегинъ:—я въ эти тонкія чувства, признаюсь, не очень вѣрю; ихъ обыкновенно достанетъ только мѣсяца на два послѣ брака.

Друзья на нѣсколько времени послѣ того замолкли.

— А эта красивая женщина, которая подавала намъ обѣдать, на какомъ положеніи?—спросилъ Баклановъ.

Варегинъ улыбнулся.

— Вы все по себѣ судите?—сказалъ онъ.—А вотъ кстати за откровенность откровенностью отплачу: въ какихъ вы отношеніяхъ съ этой госпожой, кузиной, что ли, вашей?

Баклановъ очень сконфузился.

— Я ей родня...—пробормоталъ онъ.

— Я это потому васъ спрашиваю,—продолжалъ Варегинъ.—что мнѣ мужики на сходкѣ говорили: «Вотъ-де, говорятъ, мало что сама пріѣхала, да и любовника еще своего привезла!»

— Имъ-то, скотамъ, что̀ за дѣло!—проговорилъ Баклановъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—конечно, въ этомъ случаѣ скрываться передъ вами не стану...

— Ну, а жена-то какъ же, а?—спросилъ съ улыбкою Варегинъ.

— Жена у меня такая холодная и спокойная женщина, что ей рѣшительно все равно.

— Все равно, что вы живете съ любовницей?—повторилъ Варегинъ.

— Я не то, что живу...—отвѣчалъ, начиная теряться, Баклановъ:—жить постоянно такимъ образомъ я не намѣренъ и, какъ вотъ все это поустроится, опять возвращусь къ семейству.

— Что̀ же такое поустроится?—допрашивалъ Варегинъ.

Баклановъ окончательно сконфузился.

— Тамъ... дѣла разныя...—отвѣчалъ онъ какъ-то неопредѣленно.

Варегинъ не спускалъ съ него внимательныхъ глазъ.

— Все это, другъ любезный,—началъ Баклановъ послѣ нѣсколькихъ минутъ довольно неловкаго молчанія:—я самъ очень хорошо вижу и понимаю, но что̀ дѣлать—затянулся, любовь!

— Э, вздоръ какой!—перебилъ съ сердцемъ Варегинъ.

— Какъ вздоръ?.. Неужели ты не вѣришь въ любовь?

— Разумѣется, кто жъ въ нее новѣритъ... Одно только ба-

ловство и обманываніе самого себя, а между тѣмъ у васъ есть дѣти, а передъ этою обязанностью, я думаю, всѣ другія мелкія страстишки должны замолкнуть.

— Я дѣтей и люблю, а разлюбилъ только жену.

— Да вѣдь и всѣ не цѣлую жизнь пылаютъ къ женамъ страстью, а руководствуются въ этомъ случаѣ чувствомъ дружбы, уваженія къ женщинѣ, — чувствомъ наконецъ собственнаго долга.

— Хорошо чувство дружбы!—воскликнулъ Баклановъ.—Ты знаешь ли,—прибавилъ онъ уже полушопотомъ:—что я послѣднее время говорить не могъ безъ злобы съ женой, звука шаговъ ея слышать безъ ужаса.

— Что жъ, она нехорошая развѣ женщина?

— Напротивъ, ангелъ по душѣ и собой красива.

— Такъ отчего же?

— А оттого... Я, напримѣръ, человѣкъ вовсе не злой, а бывали минуты, когда готовъ былъ совершить преступленіе и убить ее.

— Господи помилуй!—воскликнулъ Варегинъ.

— Да, да!—повторилъ Баклановъ.

Варегинъ нѣсколько минутъ усмѣхался про себя.

— Никогда бы вы никакого преступленія не совершили,— проговорилъ онъ: — и, вѣроятно, къ этой госпожѣ получите точно такое же чувство, потому что вся ваша любовь и нелюбовь есть не что иное, какъ развращенное воображеніе и стремленіе къ чувственному разнообразію...

Замѣчаніе это было слишкомъ вѣрно. Баклановъ почесалъ у себя только въ затылкѣ.

— Никогда я къ этой женщинѣ не чувствовалъ ничего подобнаго,—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Ну, такъ будете чувствовать!—сказалъ спокойно Варегинъ.

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ Баклановъ.

Онъ замѣтно обидѣлся.

— Все это я говорю, опять повторяю,—продолжалъ Варегинъ:—потому, что мужики прямо сказали: «мы, говорятъ, его изобьемъ, если онъ командовать нами начнетъ».

— Да я никѣмъ и не командую,—отвѣчалъ, какъ бы оправдываясь, Баклановъ:—наконецъ я и совсѣмъ могу уѣхать къ себѣ въ имѣніе.

— Это, я полагаю, самое лучшее!

— Для спокойствія этой женщины уѣду...

— Для спокойствія этой женщины уѣзжайте!—повторилъ Варегинъ.

Едва замѣтная усмѣшка пробѣгала въ это время у него по лицу.

Софи наконецъ возвратилась съ дѣтьми съ прогулки.

— Не пора ли намъ?—спросила она.

— Теперь можете ѣхать-съ; все ужъ, вѣроятно, утихло,— отвѣчалъ Варегинъ.

— Merci, monsieur Варегинъ, merci,—говорила Софи.

Во всю обратную дорогу Баклановъ былъ задумчивъ и ни слова не проговорилъ. Бесѣда съ Варегинымъ произвела на него сильное впечатлѣніе, и, по преимуществу, его безпокоила мысль, чтобы крестьяне въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь не затѣяли противъ него: тогда срамъ непоправимый для него и Софи!

Возвратившись въ Ковригино, они нашли, что въ комнатахъ, кромѣ Прасковьи, сидѣли еще двѣ горничныя, а въ залу были внесены разныя вещи изъ амбаровъ, сушиленъ и кладовыхъ.

XV.

Попрежнему бодръ и свѣжъ.

На другой день съ краснаго двора изъ Ковригина одинъ экипажъ съ Баклановымъ уѣзжалъ, а другой, съ Петромъ Григорьевичемъ, котораго Софи оповѣстила о своемъ пріѣздѣ, въѣзжалъ.

— А-а! — произнесъ-было равнодушно Басардинъ, узнавъ стараго знакомаго.

— Здравствуйте и прощайте!—отвѣчалъ ему тотъ скороговоркой, не велѣвъ даже остановиться своему кучеру.

Петръ Григорьевичъ однако долго еще смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Баклановъ и Софи въ это утро поссорились. Напуганный и образумленный словами Варегина, Баклановъ рѣшился уѣхать къ себѣ въ деревню и сказалъ о томъ за чаемъ Софи. Та надулась.

— Какъ же вы оставляете меня въ этакомъ положеніи?— сказала она.

— Что̀ жъ положеніе?.. Теперь все тихо... Мнѣ надобно же въ своемъ имѣніи побывать... Жена узна̀етъ, если я совсѣмъ не буду.

— Ну, такъ вы бы и ѣхали къ своей женѣ!.. Зачѣмъ же со мной поѣхали?

— Какъ ты странна! Тутъ не о женѣ дѣло, а у меня наконецъ дѣти есть... Въ твоемъ положеніи ничего нѣтъ страшнаго... Я тебѣ, пожалуй, револьверъ оставлю.

— Благодарю!.. Револьверъ! Дуракъ этакій! — проговорила, не утерпѣвъ, Софи и вышла.

Баклановъ самъ почувствовалъ, что сказалъ величайшую глупость; однако не отмѣнилъ своего намѣренія и въ тотъ же день собрался.

— Я пріѣду черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, — говорилъ онъ, прощаясь съ Софи.

— Какъ хотите,—отвѣчала ему та, сидя на диванѣ со сложенными руками и не поднимаясь даже съ мѣста.

«Ну, слава Богу, развязался, — думалъ Баклановъ, садясь въ экипажъ: — какъ пріѣду домой, такъ сейчасъ же напишу женѣ длиннѣйшее письмо».

Софи осталась тоже сильно взволнованная.

— Хорошо, Александръ Николаевичъ, хорошо! — говорила она, кусая свои розовыя губки.

Небольшое отхаркиванье и негромкіе шаги въ залѣ прервали ея досадливыя размышленія.

Входилъ, растопыривъ руки, Петръ Григорьевичъ, совершенно ужъ сѣдой, но попрежнему съ большими глазами и съ довольно еще нѣжнымъ цвѣтомъ лица.

— Ахъ, папа! — воскликнула Софи, радостно бросаясь ему въ объятія.

— Совсѣмъ не ожидалъ; вдругъ получаю письмо... ахъ ты, Боже мой!—думаю. Лошадей, говорю, скорѣй мнѣ лошадей, — бормоталъ Петръ Григорьевичъ, съ навернувшимися на глазахъ слезами.

Подъ старость онъ сдѣлался нѣсколько почувствительнѣй.

Софи почти рыдала у него на рукахъ.

— Ну, усядься, успокойся!—говорилъ онъ, усаживая ее на диванъ и самъ садясь около нея.

— Ахъ, папа! Какія вѣдь у меня непріятности! — начала Софи, нѣсколько успокоясь:—у меня люди бунтовали.

— Вездѣ одно, вездѣ!—отвѣчалъ таинственно Петръ Григорьевичъ: — у меня такъ яровое до сихъ поръ не засѣяно... не слушаются, не ходятъ на барщину!—прибавилъ онъ больше съ удивленіемъ, чѣмъ съ огорченіемъ.

— Какъ же, папа, чѣмъ же вы будете жить? — спросила Софи съ участіемъ.

— Да не знаю! Не все же государь императоръ будетъ гнѣваться на дворянъ, проститъ же когда-нибудь!

— Такъ вы, папаша, думаете, что государь разсердился на дворянъ, взялъ у нихъ, а потомъ опять отдастъ?..

— Да, полагаю такъ,—отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ, дѣлая свою обычную, глубокомысленную мину.

— Нѣтъ, папа, совсѣмъ ужъ не воротятъ,—отвѣчала Софи:— а вотъ что̀ можно сдѣлать: васъ вѣдь никакъ теперь люди не станутъ слушаться...

— Да, грубіянятъ очень, — отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ, припоминая, вѣроятно, тысячи оскорбленій, которыя были ему нанесены.

— Ну, такъ вотъ что̀: вамъ изъ казны выдадутъ по 120 рублей серебромъ за душу, а вы имъ должны дать по четыре десятины надѣлу земли,—поняли?

— Да, то-есть какъ тебѣ сказать! — началъ Петръ Григорьевичъ, усмѣхаясь и потупляя стыдливо свои глаза:—слабъ нынче очень сталъ соображеніемъ, — прибавилъ онъ уже серьезно.'

— Слабы?

— Очень... И по хозяйству это бы еще ничего; но, главное, домъ меня безпокоитъ: старъ очень!

— Да какъ же не стару быть, папа! Пятьдесятъ лѣтъ ему, я думаю?

— Да. Въ наугольной и въ дѣвичьей потолокъ ужъ провалился! Меня чуть не убило! Я стоялъ да изъ креселъ клоповъ кипяткомъ выварывалъ... вдругъ, вижу, сверху-то и полѣзло, я бѣжать... такъ и грохнуло!

— Скажите, пожалуйста!.. Ахъ, бѣдный папа!.. Что̀ жъ вы мнѣ не написали, я бы вамъ помогла!

— Что̀ же писать? Случай вѣдь это несчастный! — отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

Онъ во все время, терпя иногда страшную нужду, ни разу не обратился къ дочери. «Гдѣ ей,—говорилъ онъ:—сама молода; на разные ей финтифанты нужно».

— Я сталъ потомъ этимъ мерзавцамъ дворовымъ говорить,—продолжалъ онъ, какъ бы сообщая дочери по секрету:— «Подставьте, говорю, подставки въ остальныхъ комнатахъ, а то убьетъ!..»—«А что̀, говорятъ, мы плотники, что ли?»—и не подставили.

— Вотъ что̀, папа, вы больше не ѣздите домой, а оставайтесь жить у меня. Здѣсь домъ еще славный, крѣпкій!

— Какъ прикажешь, я на все готовъ! — отвѣчалъ добродушный старикъ.

— А я поѣду за границу, потому что жить въ этихъ дрязгахъ и въ этомъ воздухѣ я рѣшительно не могу; у меня и то ужъ грудь начинаетъ болѣть съ каждымъ днемъ больше и больше.

— Ну да, гдѣ жъ тебѣ съ твоимъ образованіемъ, разумѣется!—подтвердилъ Петръ Григорьевичъ.

— А вы, папаша, душка, оставайтесь здѣсь у меня — хозяйничайте; посредникъ здѣсь добрый, онъ васъ научитъ всему!—продолжала Софи, обнимая и цѣлуя отца.

— Да ужъ это надобно, чтобы господинъ посредникъ... а я-то очень слабъ памятью, — что̀ еще давно было, помню, а что̀ вчера—хоть зарѣжь!—повторилъ еще разъ старикъ.

При этакомъ состоянiи головы въ такія трудныя времена ему очень ужъ тяжело приходилось жить.

— За границу, за границу!—шептала радостно Софи, улегшись на свою постель и какъ-то вытягиваясь всѣмъ своимъ прелестнымъ тѣломъ.

XVI.

Одинъ изъ модныхъ вралей.

При отличномъ свѣтломъ вечерѣ, въ Лопухахъ, на балконѣ господскаго дома сидѣли Баклановъ и предводитель его уѣзда, тотъ самый способный, изъ военныхъ, господинъ съ pince-nez, котораго мы когда-то встрѣтили у старой фрейлины на праздникѣ. Онъ даже не постарѣлъ ничего, а попрежнему, по его словамъ, работалъ съ народомъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и Баклановъ, франтовато; у обоихъ лица были бойкія, развязныя, не такъ, какъ у необразованныхъ помѣщиковъ, у которыхъ и безъ того ужъ не совсѣмъ благообразныя физiономiи сдѣлались какія-то удивленныя и печальныя.

Предводитель безпрестанно шевелился, говорилъ, доказывалъ что-то такое.

Передъ ними стоялъ чай на серебряномъ подносѣ.

Въ лугахъ огромная согнанная вотчина, почти вся находившаяся въ виду господъ, лѣниво косила.

— Скажите, пожалуйста, какъ идутъ эти мировые съѣзды?—спрашивалъ Баклановъ.

— Отлично! превосходно идутъ! — восклицалъ предводитель. — Я какъ?.. Посредники у меня, надобно сказать, все отличный народъ, умный, развитой; но они не жили, не выросли съ народомъ, какъ я... У меня встрѣчается теперь распря, недоразумѣнiе между помѣщикомъ и мужикомъ, я ставлю вопросъ такъ...

И предводитель поставилъ руку на перила балкона, желая, вѣроятно, показать, какъ онъ именно ставитъ вопросъ.

— Ставлю вопросъ такъ... Беру господина помѣщика... мужика еще нѣтъ у меня... «Въ чемъ вашъ вопросъ?» — «Въ томъ-то и томъ-то!» — «Прекрасно! Вотъ вамъ отвѣтъ на

него... самый полный, ясный, отчѐтливый...» Со мной онъ не можетъ спорить, совѣстится... Мужика я еще не видалъ и говорю, значитъ, это по своимъ собственнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ; во мнѣ онъ слышитъ голосъ такого же дворянина, какъ и онъ.

— Все это прекрасно!—возразилъ Баклановъ:—но мужикъ-то будетъ пороть свое.

— А въ томъ-то и штука, — подхватилъ съ нѣкоторымъ лукавствомъ предводитель:—что я всегда скажу въ духѣ мужика, въ натурѣ его.

— Стало-быть, вы выдаете дворянъ.

— Нѣтъ! нѣтъ-съ! — воскликнулъ опять лукаво предводитель:—все дѣло въ подготовкѣ... У меня крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ прежде, чѣмъ даже правительство имѣло его въ виду...

Баклановъ посмотрѣлъ на предводителя съ недоумѣвающимъ видомъ.

— Былъ рѣшенъ-съ, — повторилъ тотъ: — то-есть въ томъ отношеніи, что лично у меня крѣпостной трудъ давно уже былъ отмѣненъ и существовалъ наемный; значитъ, цѣны на него для мужика и барина были установлены; тотъ и другой видѣли благодѣтельныя послѣдствія этого: баринъ—превосходство наемнаго труда передъ крѣпостнымъ, мужикъ—пользу заработка, хоть и по невысокой цѣнѣ, но дома, гдѣ онъ не тратится на дорогу, ни на дороговизну городского содержанія. Второе, у меня давно уже введено машинное хозяйство: я знаю, какая машина для нашей почвы годится, какая нѣтъ!

Баклановъ рѣшительно не зналъ, вретъ ли онъ, или правду говоритъ.

— Значитъ, что̀ же-съ, — говорилъ предводитель, замѣтивъ произведенный имъ эффектъ:—каждый изъ нынѣшнихъ землевладѣльцевъ только подражай мнѣ. Мужикъ — моему мужику, баринъ—мнѣ! И вотъ результаты этого,—продолжалъ предводитель:—у васъ тихо... у сосѣда вашего тихо... у какого-нибудь Крикунова и Дуралева тихо. Чего жъ мнѣ больше?.. Дворянство, конечно, мнѣ говорило:—«Сдѣлайте милость, позвольте вашъ фотографическій портретъ повѣсить въ предводительской!». «Господа,—говорю я:—я не одинъ; позвольте ужъ, если снимать съ меня портретъ, такъ вмѣстѣ съ посредниками»,—а въ сущности вѣдь одинъ, одинъ все это сдѣлалъ, не хвастаясь скажу! — вскрикнулъ предводитель и, замѣтивъ на лицѣ Бакланова нѣкоторое недоумѣніе, снова постарался разсѣять его фактами.

— Я какъ дѣйствую?.. Какъ получено было положеніе, я сейчасъ же поѣхалъ къ мужикамъ; ну, и мнѣ тоже не привыкать съ ними разговаривать; я вотъ теперь хожу во французскихъ перчаткахъ, а умѣю самъ срубы рубить. «Братцы, говорю, такъ и такъ быть должно,—поняли?»—«Поняли, говорятъ, батюшка!». Ихнимъ, знаете, языкомъ сказано, не свысока... Ѣду къ помѣщикамъ:—«Вотъ какъ, говорю, господа, быть должно!»—«Разумѣется»,—говорятъ. У меня, какъ новый дворянинъ пріѣхалъ, я сейчасъ же ѣду къ нему и внушаю. Вы вчера только пріѣхали, а сегодня я ужъ у васъ!—заключилъ предводитель съ гордостью.

Бакланову сдѣлалось окончательно совѣстно слушать самохвальство своего гостя.

— Это хорошо...—говорилъ онъ, не зная, куда и глядѣть.

— Хорошо ли, худо ли, этого я не знаю,—отвѣчалъ предводитель: — но только это мои правила. Я прямо мировымъ посредникамъ говорю: «вы, господа, за крестьянъ, а я за дворянъ»; но въ то же время я не крѣпостникъ, — нѣтъ-съ! По убѣжденіямъ моимъ, я человѣкъ свободномыслящій, но чтобы дѣло у меня было дѣломъ...

«Чортъ знаетъ что̀ такое!»—думалъ между тѣмъ про себя Баклановъ, которому въ это время подали письмо, запечатанное безобразнѣйшею печатью.

«Многоуважаемый и любезный родственничекъ!

«Въ то время, какъ ты, чортова перечница, катаешься, какъ сыръ въ маслѣ, твой другъ и братъ Іона въ нищетѣ, наготѣ, гладѣ и болѣзняхъ. Пріѣзжай, дружище, и помоги, чѣмъ можешь!

«Ограбленный Іона Дѣдовхинъ».

— Что̀ такое съ Іоной Мокеичемъ приключилось? — спросилъ Баклановъ предводителя.

— Съ Дѣдовхинымъ это? — переспросилъ тотъ съ улыбкой презрѣнія.—О, помилуйте!—воскликнулъ онъ:—это человѣкъ съ такими понятіями! Засыпалъ насъ просьбами и жалобами на своихъ людей.

— Ну, чего жъ отъ Іоны и ожидать было! — произнесъ Баклановъ.

— Нѣтъ-съ: вѣдь онъ уменъ!.. онъ ядовитъ! при этакомъ великомъ движеніи, для кого бы нужна гильотина, чтобъ они своими устарѣлыми понятіями не мѣшали общему ходу! — произнесъ предводитель, поднявъ высоко брови.

— Ну что̀, Богъ съ вами! За что Іону на гильотину! — возразилъ Баклановъ.

И ему въ эту минуту старый враль Іона почему-то показался гораздо лучше сего молодого говоруна.

Предводитель наконецъ всталъ и взялся за шляпу.

— Au revoir! Мы, какъ люди образованные, кажется, поняли другъ друга!—проговорилъ онъ.

— Да-съ! — отвѣчалъ Баклановъ, а въ умѣ у него вертѣлось:—«Прескотина, должно-быть, ужасная этотъ господинъ!»

XVII.

Злой помѣщикъ.

Прошелъ часъ, два, три. Баклановъ чувствовалъ рѣшительную потребность освѣжиться отъ трескотни, которая продолжала еще раздаваться въ его головѣ послѣ бесѣды съ предводителемъ.

Онъ велѣлъ заложить экипажъ и поѣхалъ къ Іонѣ.

Подъѣзжая къ самой Дмитровкѣ, онъ былъ очень удивленъ: половина почти полей оставалась незапаханною.

На лугахъ нѣсколько бѣдныхъ дворянъ, съ стрижеными головами и съ выбритыми лицами, косили.

— Что это, господа, какъ у васъ поля запущены? — сказалъ онъ имъ.

— Не слушаются нынче насъ рабы наши,—отвѣчали ему нѣкоторые изъ нихъ какими-то дикими голосами.

Около дороги бѣдная дворянка, съ загорѣлымъ, безобразнымъ лицомъ, но въ платьишкѣ, а не въ сарафанѣ, кормила толстаго, безобразнаго ребенка и, при проѣздѣ Бакланова, какъ дикарка какая, не сочла даже за нужное прикрыть грудь.

Собственно жилище стараго грѣшника Іоны тоже поразило его: садъ, какъ запущенная борода, еще болѣе разросся и позеленѣлъ; кругомъ его тынъ и вокругъ краснаго двора рѣшетка обвалились. Самый домъ точно совсѣмъ присѣлъ къ землѣ. Баклановъ толкнулъ ногой въ дверь. Она сначала было покачнулась, потомъ вдругъ остановилась, зацѣпившись за перекошенную половицу. Въ залѣ соблазнительная картина голой женщины все еще висѣла, но вся была засижена мухами. Баклановъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, въ спаленку; тамъ онъ увидѣлъ Іону, совсѣмъ плѣшиваго, съ сѣдою, отпущенною бородой, лежащимъ на грязныхъ подушкахъ, подъ грязнымъ, худымъ одѣяломъ.

Висѣвшая здѣсь соблазнительная картина не была ничѣмъ ужъ и закрыта. Нарисованный на ней господинъ, по пре-

имуществу кидавшійся въ глаза, кѣмъ-то, должно-быть, возмутившимся его позой, былъ проколотъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— А! другъ сердечный! — воскликнулъ Іона.

— Что̀ это вы? — говорилъ Баклановъ, садясь около него на стулъ.

Запахъ и всюду виднѣвшаяся нечистота были невыносимы.

— Боленъ! — отвѣчалъ Іона хриплымъ голосомъ: — безъ ногъ совсѣмъ.

— Что̀ жъ это такое?

— Да вонъ, дуракъ докторъ говоритъ, что за дѣвками бѣгалъ, а я, Матерь Божья, никогда не бѣгалъ: все ѣздилъ.

— Лѣчиться надо! ничего, пройдетъ! — утѣшалъ его Баклановъ.

— Га! — воскликнулъ Іона: — лѣчиться надо! Мнѣ ѣсть нечего, Саша, да! Что вотъ, спасибо, напротивъ старушка, бѣдная дворяночка, живетъ, что придетъ да уберетъ около меня, то и есть, Саша, другъ мой!

И старикъ зарыдалъ.

— Гдѣ жъ ваши люди?

— Люди — да! Гдѣ вода весенняя, поищи-ка ее лѣтомъ! Я было дьяволовъ ихъ всѣхъ въ дворовые въ прошлую ревизію приперъ, и они, какъ вышло положеніе, и разлетѣлись, какъ птички Божьи! И ну-ка, Саша, и Марѳутка-то ушла. Сколько тоже жилъ съ ней, не жалѣлъ на нее ничего; подъ конецъ, что̀ есть, била ужъ меня, и то ушла... хоть бы на нее, окаянную, взглянуть передъ смертью-то...

И старикъ снова горько-горько зарыдалъ.

— Что̀ жъ, у васъ земля осталась, — вздумалъ-было опять утѣшить его Баклановъ.

— Возьми у меня ее всю!.. не хошь ли? — прокорми только до смерти.

Баклановъ молчалъ.

— Возьми! — повторилъ Іона.

— Что̀ же! — произнесъ наконецъ тотъ.

— То-то что̀ же!.. А я за имѣніе-то десять тысячъ далъ; пятнадцать разъ изъ-за нихъ, окаянныхъ, въ уголовной палатѣ былъ; чуть на каторгу два раза не сослали... За что жъ меня теперича ограбили совсѣмъ какъ есть?

— Нельзя же, Іона Мокеичъ, для вашего благосостоянія пожертвовать благосостояніемъ двадцати милліоновъ. Вы вотъ недовольны этимъ, а другіе помѣщики рады.

— Кто радъ-то, кто? — воскликнулъ Іона. — Подлецы вы, вотъ что̀... Языкъ-то у васъ, видно, безъ костей, такъ и

гнется на каждое слово. Рады они?.. Вотъ предводителишки такъ рады — жалованье дьяволамъ дали! И вдругъ говорятъ мнѣ: «Ты-де, говорятъ, съ земли будешь платить по пятнадцати копеекъ!». Меня ограбили, а я плати!

На этомъ мѣстѣ Іона развелъ даже руками, какъ бы совсѣмъ ужъ не понимая, что̀ это такое.

— А предводитель здѣшній говоритъ, что все устроилъ по крестьянскому дѣлу.

— Все онъ, все!—отвѣчалъ Іона съ исказившимся лицомъ.

— Онъ говорилъ, что у него крѣпостной трудъ давно замѣненъ наемнымъ, — продолжалъ Баклановъ.

Ему почему-то пріятно было подзадоривать Іону, чтобъ онъ хорошенько продернулъ предводителя.

— Какъ же, — продолжалъ Іона: — давно ужъ на винокуренный заводишко мужиковъ гоняетъ, въ лѣтнюю пору, за гривенникъ въ день; два раза ужъ поджигали у него это вольнонаемное-то заведеніе. Разъ самого-то было въ заторъ толкнули, да ловокъ — выскочилъ!

— Онъ говоритъ, что и машинное хозяйство у него давно существуетъ.

— Давно! — отвѣчалъ Іона и на это спокойно, хотя злобѣ его и предѣловъ не было.—Разъ какъ-то — я еще служилъ, заѣхали мы къ нему. Сталъ онъ намъ показывать свои модные амбары, — гляжу, хлѣба ни зерна. Я ему и говорю: «Вели-ка, говорю, братъ, сусѣки-то войлоками обить; при батькѣ твоемъ крыса съ потолка упадетъ, все-таки въ хлѣбъ попадетъ, а теперь на голыя-то доски треснется, убьется до смерти, — мнѣ же, земскому чиновнику, придется тѣло поднимать»...

— Онъ говоритъ, что у него на мировомъ съѣздѣ отличный порядокъ, — продолжалъ Баклановъ пилить Іону.

— Какъ же? Отлично! Ха-ха-ха! — захохоталъ старикъ дикимъ голосомъ. — Былъ я, сударь Александръ Николаичъ, у нихъ, былъ на этихъ съѣздахъ... столпотвореніе вавилонское — и тамъ, я думаю, не подобный шумъ. Кто что̀ говоритъ, словно лошади степныя скачутъ; никто никого не слушаетъ... У насъ прежде по крайности въ присутственныхъ мѣстахъ благочиніе было, а тутъ я омерзѣніе почувствовалъ... Посредники эти молокососы: пикъ-пикъ тоже!.. Предводителишка вретъ, по обыкновенію, несетъ свою околесную, а дурачье-мужичье стоятъ, брюхо распустивши, и слушаютъ.

— Что̀ жъ въ этомъ особенно худого? — возразилъ Баклановъ.

— Хорошо, хорошо! — продолжалъ Іона: — а сами, подлецы,

себя такъ не забываютъ... «Что̀, говорятъ, не придете ли къ намъ, мужички, на помочь повеселиться?». Ну какъ, батюшка, подначальные — совсѣмъ какъ не придутъ? И привалятъ, разумѣется, цѣлая тысяча; а у насъ-то... Пришиби ты меня, другъ сердечный, лучше!.. По крайности буду мертвъ и ничего того не буду ни видѣть ни чувствовать...

Говоря послѣднія слова, Іона, кажется, не помнилъ ужъ самъ себя.

— Ну что̀ жъ? Къ чему такъ отчаиваться! — сказалъ ему Баклановъ: — я вотъ теперь вамъ немножко помогу, а тамъ и сами станете поправляться, — прибавилъ онъ и подалъ Іонѣ Мокенчу двадцатипятирублевую.

— Спасибо! — произнесъ тотъ, сначала пожимая только у Бакланова руку. — Спасибо! — повторилъ онъ еще разъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и вдругъ поцѣловалъ у Бакланова руку и оттолкнулъ ее потомъ отъ себя. — Да! — забормоталъ онъ, опускаясь на постель. — Іона плутъ, мошенникъ былъ, но никогда не думалъ нищимъ быть...

При послѣднихъ словахъ у него голосъ былъ даже хриплый, какъ у умирающаго.

— Ну-съ, прощайте! — сказалъ Баклановъ, вставая.

Ему тяжело было долѣе оставаться.

— Прощай! — сказалъ Іона, какъ-то чмокнувъ губами. — Прощай!.. А я теперь опять одинъ, опять! — произнесъ онъ и заревѣлъ на весь домъ.

Баклановъ поспѣшилъ уйти и уѣхать.

XVIII.

Добрый помѣщикъ.

Въ одно изъ ближайшихъ утръ Баклановъ лежалъ въ своемъ кабинетѣ съ каминомъ, съ картинами, съ мебелью (все это было перевезено изъ городского дома покойнаго отца). Передъ нимъ стоялъ приказчикъ, тотъ самый молодой лакей, жившій когда-то съ нимъ въ Москвѣ, а теперь растолстѣвшій и раздобрѣвшій до довольно почтенной и солидной фигуры. Впрочемъ, лицо его было печально и какъ бы выражало, что звѣзда его счастья закатывается.

— Что̀, скажи, любятъ меня крестьяне? — спрашивалъ Баклановъ.

— Любятъ-съ! — отвѣчалъ приказчикъ.

— Пожалуй, и на волю бы не пожелали?

— Да извѣстно, что есть дураки, — гайгайкаютъ, радуются тому; а который мужикъ поумнѣй, такъ понимаетъ тоже...

— Ну что̀, скажи, пожалуйста, міръ этотъ ихній?

— Что̀ міръ! Не даетъ тоже спуску никому: теперь ужъ какой бѣдный, али промотавшійся недоимщикъ не надѣйся, шабашъ!.. Этта вонъ у нашего Гаврюшки, по полтиннику сборъ былъ, не было денегъ, такъ послѣднюю овцу со двора стащили да продали.

— А много ужъ этихъ поборовъ-то был

— Да году еще нѣтъ, а ужъ рубля по три сошло съ души... вскочитъ тоже имъ эта забавка-то въ копеечку, одному старшинѣ жалованья 200 рублей серебромъ, онъ и самъ-то весь того не сто̀итъ.

— Отчего же не сто̀итъ?

— Да оттого, что-съ, гдѣ вотъ тоже эта ссора или неудовольствіе промежъ помѣщикомъ и мужиками, пріѣдетъ тоже, разговариваетъ, разсуждаетъ, а толку ничего изъ того нѣтъ.

— Это такъ сначала, а послѣ обойдется.

— Нѣтъ-съ, николи это не обойдется... У нашего вонъ тоже Кирила сына-то выбрали въ старосты, какъ батька кучится, оченно-съ!.. «Что-что, говоритъ, пятьдесятъ рублей серебромъ жалованья положили, мы черезъ это самое мастерство наше колесное запускаемъ, — подороже, поближе сердцу-то нашему всякой должности».

— Неужели же они не понимаютъ, что это для общей пользы?

— Что̀ ему общая польза-то? Мужикъ, осмѣлюсь, сударь, доложить вамъ, уменъ на своемъ только дѣлѣ, а что про постороннее судить али разговаривать, онъ ничего того не можетъ.

— Пожалуй, старшины эти потомъ и взяточки начнутъ побирать?

— Непремѣнно-съ! Посредниковъ-то еще теперь маненько побаиваются.

— Ну, а посредники люди все хорошіе?

— Молодые все больше господа... Небольшого разсудка, и на рѣчахъ не такъ, чтобы складные... Кто-жъ, помилуйте, развѣ хорошій господинъ, настоящій, служащій, пойдетъ въ эту должность, на экія неудовольствія. Такъ сунулись, кому въ другомъ мѣстѣ негдѣ ужъ приткнуться было.

— Это пустяки, я самъ знаю, сколько отличныхъ людей тутъ.

— Попервоначалу такъ-съ! А что послѣ — всѣ вышли, потому самому: видятъ, что никакого ладу нѣтъ ни съ мужиками ни съ барами. Пустое все это дѣло, баринъ, ей-Богу, такъ, — заключилъ приказчикъ.

— Ну, скажи, пожалуйста, дворовые у меня не желаютъ ли взять надѣлъ земли?

Приказчикъ даже вспыхнулъ отъ радости.

— Какъ не желать-съ, помилуйте, съ великимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ:—крестьянамъ теперь экія милости оказаны, а намъ дворовымъ... два года эти пройдутъ, хоть топись совсѣмъ... у другого семейство большое, самъ дѣла настоящаго дѣлать никакого не можетъ, другой—старикъ тоже старый, ветхій.

— Дѣтки прокормятъ!

— Гм, дѣтки! Нечего нынче, батюшка, никому на дѣтокъ-то надѣяться... Мы вотъ тоже, Александръ Николаевичъ, вмѣстѣ съ вами росли и родителей имѣли, жалѣли ихъ тоже маненечко, а нынѣшніе молодые ребята никакого чувства къ старикамъ не имѣютъ... Али опять теперича къ женамъ, къ хозяйкамъ: что̀ есть, что̀ нѣтъ ея, все ему единственно!

— Ахъ, кстати, къ женамъ!—произнесъ Баклановъ: — гдѣ, скажи, пожалуйста, Марья?

— Да здѣсь у насъ, въ нашу же вотчину вышла-съ. Славная женщина изъ нея вывалялась, умная такая, расторопная.

— И хорошо живетъ съ мужемъ?

— Да ничего особливаго не видать... Всѣ вѣдь онѣ одинаково живутъ... Въ Питерѣ мужъ-то... Не часто тоже сходитъ!

— Знаешь что̀, я желалъ бы, во-первыхъ, потолковать съ мужиками объ уставныхъ грамотахъ и наконецъ поблагодарить ихъ за любовь ко мнѣ.

Приказчикъ смотрѣлъ на барина.

— Вели приготовить имъ сегодня ужинъ: вина тамъ ведра три купить, пива. Пусть придутъ съ поля часовъ этакъ въ восемь, попьютъ, поѣдятъ... Я потолкую въ это время съ стариками и вообще отпразднуюсъ ними нашу общую радость.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ управляющій, рѣшительно недоумѣвая, къ чему все это господинъ хочетъ дѣлать.

— Ну, и женщины чтобы пришли, и Марья также, попѣли бы, поплясали бы! — заключилъ Баклановъ.

— Да это сколько угодно, удовольствіе вамъ сдѣлаютъ, — отвѣчалъ приказчикъ.

Оставшись одинъ, Баклановъ былъ очень доволенъ своимъ прежнимъ крѣпостнымъ «неуправленіемъ».

XIX.

Братскій праздникъ съ народомъ.

Изъ луговъ, гдѣ сгребали сѣно, вотчина шла въ усадьбу— мужики въ красныхъ ситцевыхъ рубахахъ, женщины тоже въ ситцевыхъ сарафанахъ и въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ,

всѣ съ граблями и съ вилами на плечахъ, всѣ, по большей части, красивыя и молодыя.

Баклановъ стоялъ на балконѣ и прислушивался. Толпа пѣла пѣсню, и чѣмъ ближе подходила, тѣмъ голоса становились слышнѣе. Баклановъ замѣтилъ впереди идущую фигуру въ бѣлой рубахѣ, синихъ штанахъ, которая разводила руками и помахивала платкомъ. Это былъ гайдукъ Петруша, совсѣмъ сѣдой, какъ лунь, но еще бодрый...

Голоса совсѣмъ ужъ стали слышны; Баклановъ сталъ наконецъ различать слова:

«Съ поля, съ поля ѣдетъ баринъ»,—пѣли мужики и бабы.

«Двѣ собачки впереди!»—слышался, по преимуществу, дребезжащій голосъ Петруши.

«Поровнявшися со мною, кинулъ онъ умильный взглядъ!»—пѣли, кажется, по преимуществу женщины.

«Здравствуй, милая красотка, изъ котораго села?»—пробасили ужъ мужчины.

«Вашей милости крестьянка, отвѣчала ему я!»—опять залились женскіе голоса.

Всю эту штуку выдумалъ и управлялъ ею старикъ Петруша.

Баклановъ, стоя на балконѣ, все ниже и ниже наклонялъ голову; наконецъ не могъ выдержать и, убѣжавъ къ себѣ въ кабинетъ, упалъ на диванъ и зарыдалъ.

Покуда онъ лежалъ тамъ, толпа пришла на дворъ, и слышалась ужъ другая пѣсня:

„Башмачки, башмачки,
Башмачки мои тороченые!
Три рубля за нихъ платила,
Только день въ нихъ походила.
Башмачки, башмачки,
Башмачки мои тороченые!“

При этомъ какой-то малый, изъ простыхъ деревенскихъ мужиковъ, неистово ломался передъ народомъ.

Баклановъ наконецъ вышелъ на крыльцо.

— Ура! нашъ батюшка, баринъ! — вскрикнула толпа, подкидывая шапки на воздухъ.—Ура!—повторила она.

И опять этимъ распорядился старикъ Петруша, который стоялъ на правомъ флангѣ и выше всѣхъ поматывалъ рукой.

Баклановъ снова прослезился.

— Благодарю васъ, братцы!—началъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Что же водку-то?.. Подавайте водку-то! — прибавилъ онъ.

Управляющій, съ огромнымъ боченкомъ и со стаканомъ въ рукахъ, пошелъ обносить.

— Давай по два стакана за разъ!—сказалъ Баклановъ.

Мужики при этомъ отхаркивались, отплевывались, однако выпивали.

— Земли вамъ, братцы, — продолжалъ между тѣмъ Баклановъ, стоя передъ ними:—по Положенію назначено по четыре десятины; но вы владѣете, вѣроятно, больше?

— Да, словно бы есть маленькій излишечекъ,—произнесло нѣсколько стариковъ-мужиковъ.

— Весь этотъ излишекъ оставляю вамъ, не отрѣзываю ни клочка.

— Благодаримъ, батюшка, покорно! — произнесли опять тѣ же старики.

— Земля-то больна плоха, — сказалъ стоявшій нѣсколько вдали рыжій, съ перекошеннымъ лицомъ, среднихъ лѣтъ мужикъ:—каменья да илякъ.

— Ну ужъ, любезный, мнѣ для тебя земли не выдумать, не сочинять,—отозвался ему Баклановъ, услышавъ его слова.

— Что̀, пустяки!.. Земля какъ быть надо землѣ... У всѣхъ здѣсь одинакая,—сказалъ опять старикъ.

— Такая, небось, какъ у тебя, у стараго. По сороку телѣгъ на одну полосу навоза-то валишь, — возразилъ ему, въ свою очередь, мужикъ.

— А тебѣ кто мѣшаетъ, какой лѣшій?—окрысился на него старикъ.

— Ну-съ, дворовые теперь, — перебилъ ихъ Баклановъ: — желаете ли оставаться у меня временно-обязанными крестьянами?

— Лучше того намъ быть не можетъ!—сказалъ ему первый Петруша.

— Старики пусть живутъ здѣсь, а молодые промышляютъ и будутъ платить за нихъ оброкъ,—сказалъ Баклановъ.

— Намъ тоже, Александръ Николаевичъ, все про нихъ да для нихъ взять негдѣ-съ!—сказалъ молодой парень.

— А ты вотъ найдешь у меня, какъ тебя на міру-то раза два поучатъ; ихъ вспоили, вскормили, а они батекъ и знать не хотятъ,—сказалъ Баклановъ.

— Такъ, батюшка, Александръ Николаевичъ, справедливо!—отозвались съ удовольствіемъ старики.

— Ну, садитесь, кушайте!

Мужики повернулись и стали усаживаться за приготовленные для нихъ столы.

— А я вотъ къ бабамъ пойду и побесѣдую съ ними, — прибавилъ Баклановъ и пошелъ.

Онъ давно уже видѣлъ между женщинами Марью, которая

съ замѣтнымъ любопытствомъ смотрѣла на него и даже, какъ показалось ему, съ нѣкоторымъ чувствомъ.

Онъ прямо подошелъ къ ней.

— Здравствуй, Марья! — сказалъ онъ и протянулъ къ ней руку.

Она хотѣла-было поцѣловать ее.

— Какъ можно! Этого ужъ нынче нѣтъ,—говорилъ Баклановъ, не давая ей руки, и хотѣлъ поцѣловать ее въ лобъ; но Марья протянула къ нему губы, и они поцѣловались, и оба покраснѣли.

Другія женщины смотрѣли на всю эту сцену съ усмѣшкой.

— Ну, садитесь!.. Садись, Марья, и я сяду около тебя!..

Марья продолжала смотрѣть на него съ любопытствомъ.

— Я стану съ вами ужинать и выпью водки. Эй, дайте сюда!..

Приказчикъ подалъ.

— Ну, вы теперь, — продолжалъ Баклановъ, выпивъ самъ рюмку и обращаясь къ женщинамъ.

Бо̀льшая часть изъ нихъ отхлебнули только, а Марья такъ и совсѣмъ отказалась.

Подслѣповатая старуха, та самая, которая такъ сильно выла, когда онъ въ первый еще разъ уѣзжалъ изъ Лопуховъ, не спускала съ него глазъ.

— Какъ бабушка-то на барина смотритъ,—замѣтила одна женщина.

— Что̀ ты, старушка?.. — обратился къ ней Баклановъ.

— Да больно какъ, батюшка, гляжу, баря-то просты нынѣ стали! — отвѣчала она.

— Просты они, матушка, нынѣ всѣ!—отвѣчала ей прежняя женщина.

Марья, сидя около Бакланова, замѣтно модничала.

— Коли ты не хочешь водки, мы вино будемъ пить. Помнишь, какъ когда-то пивали съ тобой? — обратился онъ къ ней.

Приказчикъ, по его приказанію, принесъ изъ горницы бутылку мадеры.

— Нѣтъ, баринъ, не хочу, не стану!—отказывалась Марья, отстраняя рукою стаканъ, который подавалъ-было ей Баклановъ.

На мужской половинѣ между тѣмъ начинали все больше и больше пошумливать.

— Мнѣ таперича, Яковъ Иванычъ, что значитъ — ничего,—заговорилъ уже прежній покорный старичокъ.

— А я его, дьявола, вотъ какъ ссучу!—говорилъ съ пере-

кошенной рожей мужикъ и показывалъ даже руками, какъ онъ кого-то ссучитъ.

— Тсс! Тише! — скомандовалъ достаточно выпившій Петруша.—Пѣсню господину пѣть!

— Пѣсню, изволь!—повторила толпа.

— Братцы, пойдемте въ садъ, тамъ намъ попривольнѣе будетъ веселиться! Эй! вино несите въ садъ!—сказалъ громко Баклановъ.

— Въ садъ, ребята, уважимъ барина!—раздалось нѣсколько голосовъ.

Вся толпа тронулась.

Баклановъ постоянно старался быть около Марьи.

Онъ нарочно затѣялъ итти въ садъ, чтобы въ тѣнистыхъ аллеяхъ удобнѣе съ ней объясниться.

Солнце въ это время закатилось, и горѣла одна только яркая заря.

Передъ балкономъ мужики расположились по одну сторону, а бабы по другую.

Баклановъ оставался между послѣдними.

Загорланили пѣсню тамъ и тамъ: сначала пѣли-было одну, а потомъ стали разныя.

Баклановъ взялъ Марью за задъ сарафана и посадилъ ее около себя.

— Ой, баринъ, не трожьте!—проговорила она, отодвигаясь отъ него.

Другія бабы, замѣтивъ это, поотошли нѣсколько.

— Пойдемъ въ горницу,—шепнулъ ей Баклановъ.

— Я еще, баринъ, не сошла съ ума... — отвѣчала она, устремляя на него насмѣшливый взглядъ.

— Да вѣдь прежде ходила же?

— Мало ли вы прежде крови нашей пили? — отвѣчала Марья.

Бакланову сдѣлалось стыдно и досадно.

— Я, кажется, тебя не принуждалъ?

— Волей, значитъ, видно, шла! — отвѣчала насмѣшливо Марья.

— Да вѣдь это глупо же,—произнесъ Баклановъ:—прежде тамъ какъ бы то ни было, но были же отношенія; отчего же теперь... Я денегъ тебѣ дамъ, сколько хочешь!

— Не надо, баринъ, никакихъ мнѣ вашихъ денегъ, — проговорила Марья и потомъ, прибавивъ тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ: «пустите-съ!», отошла на болѣе приличное ей мѣсто.

Такое холодное и насмѣшливое обращеніе ея разсердило

Бакланова. Онъ перешелъ на балконъ и сѣлъ на мужскую половину.

Бабы, точно въ насмѣшку, запѣли какую-то звончайшую пѣсню, и Марья впереди всѣхъ выводила.

Передъ Баклановымъ всталъ раскорякой одинъ совсѣмъ пьяный мужикъ.

— Баринъ, я пляшу, смотри, — говорилъ онъ и, обернувшись спиной, началъ приплясывать. — Да ты гляди, хорошо ли?—говорилъ онъ.

— Обернись, дуралей, къ барину-то лицомъ,—усовѣщевали его другіе мужики.

— Изволь, сейчасъ!..—отвѣчалъ мужикъ и, обернувшись къ Бакланову лицомъ, показалъ языкъ.

— Экій дуракъ! экій скотина! — проговорили ему на это другіе мужики.

— Дуракъ и есть! — подтвердилъ Баклановъ, вставая и уходя въ комнаты.

«И это люди!»—говорилъ онъ мысленно самъ съ собой.

Черезъ полчаса къ нему пришелъ приказчикъ, тоже выпившій.

— Говорили съ Марьей-съ?—спросилъ онъ его съ улыбкой.

— Неприступна ужъ очень стала!—отвѣчалъ Баклановъ въ томъ же тонѣ.

— Всѣ онѣ, проклятыя, набрались этой фанаберіи! — объяснилъ приказчикъ.

— Что̀ это они такъ шумятъ? — спросилъ Баклановъ съ досадой.

— Да разныя тамъ свои глупости врутъ; разберешь у нихъ!

— Прогони ихъ! Скажи, чтобы шли по домамъ. Съ ними нельзя повеселиться хорошенько!

— Безчувственный народъ — какъ есть самый! Докладывать-то только давеча не смѣлъ, а сто̀ятъ они этого! — отвѣчалъ приказчикъ и ушелъ.

Баклановъ слышалъ потомъ его голосъ и нѣсколько ругавшихся съ нимъ голосовъ. Шумъ не только не умолкалъ, но становился все больше и больше въ саду и на дворѣ. Бабы продолжали визжать пѣсни.

Баклановъ наконецъ нашелъ нужнымъ затворить окна, заперъ потомъ двери и осмотрѣлъ свой револьверъ. «Чортъ ихъ знаетъ, чего имъ ни придетъ, пожалуй, въ пьяныя-то башки!»

XX.

Возвратившаяся любовь.

На другой же день послѣ того, Баклановъ, въ легонькой бричкѣ, на наемной тройкѣ, несся что̀ есть духу по дорогѣ къ Ковригину.

Софи его извѣстила коротенькимъ письмецомъ, что она уѣзжаетъ на-дняхъ за границу, и вдругъ эта женщина выросла въ его глазахъ: ему показалось, что онъ жить безъ нея не можетъ. Онъ рѣшился ее нагнать и ѣхать вмѣстѣ съ нею. Онъ трепеталъ одного, — что не нагонитъ Софи: тогда ужъ рѣшительно не зналъ, что̀ съ собой дѣлать, хоть стрѣляйся!

Въ Ковригинѣ, не доѣхавъ еще до крыльца, онъ выскочилъ изъ брички и побѣжалъ въ домъ. Сердце его забилось радостною надеждой. Двери въ сѣни были не заперты и даже не затворены.

Баклановъ прямо пошелъ черезъ коридоръ въ комнату Биби, отворилъ дверь, и странное зрѣлище представилось его глазамъ: на постели, въ одной рубашкѣ и босикомъ, лежалъ Петръ Григорьевичъ и, закрывъ глаза, держалъ одно ухо обращеннымъ въ правую сторону. На деревянномъ стульчикѣ около него сидѣла старуха и что-то безпрестанно ему говорила, покачивая въ тактъ головой.

При видѣ Бакланова, Петръ Григорьевичъ вскочилъ и ужасно сконфузился.

— Извините, сдѣлайте милость,—заговорилъ онъ.

— Гдѣ Софья Петровна?—спрашивалъ его тотъ задыхающимся голосомъ.

— Сейчасъ... часа съ два какъ уѣхала,—отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

— Сдѣлайте милость, тройку мнѣ лошадей... я ее догоню... мнѣ до нея и ей до меня крайняя надобность.

— Сейчасъ лошади будутъ!—отвѣчалъ самонадѣянно Петръ Григорьевичъ и, въ одной рубахѣ, босикомъ, пошелъ на улицу.

Баклановъ остался въ тоскливомъ и нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Гдѣ лошади-то!.. Нѣту лошадей-то! — бормотала между тѣмъ старуха.

— Вы что̀ тутъ дѣлали?—спросилъ ее Баклановъ.

— Сказки барину-то разсказывала... охотникъ... очень ужъ любитъ это!—отвѣчала старуха.

«Вотъ, чортъ, чѣмъ занимается!»—подумалъ Баклановъ.

Петръ Григорьевичъ возвратился что-то не съ веселымъ лицомъ.

— Говорятъ, лошади не съѣзжены, не пойдутъ!—проговорилъ онъ.

— О, вздоръ! у меня пойдутъ!—проговорилъ Баклановъ и, видя, что надѣяться больше на распорядительность добродушнаго старца нечего, самъ пошелъ. На дворѣ стояли старикъ-староста, молодой сынъ его, сельскій даже староста и ямщикъ, пріѣхавшій съ Баклановымъ. Всѣ они въ какомъ-то раздумьѣ разсуждали.

— Пустяки, братцы, у меня пойдутъ; я вамъ заплачу за это!—говорилъ Баклановъ.

— Намъ, батюшка, не жаль,—отвѣчалъ старикъ-староста:—пятнадцать лошадей на дворѣ стоятъ, ни одна не ѣзжена; тетенька при жизни-то не приказывала, а послѣ смерти ихъ—мы сами не смѣли.

— Карька-то сходитъ; разъ въ телѣгѣ ѣздилъ я на немъ,—подхватилъ молодой парень.

— Пустое дѣло, какъ тройки не выбрать изъ пятнадцати животинъ!—насмѣшливо замѣтилъ извозчикъ Бакланова.

— Выбери-ка, попробуй, и поѣзжай самъ!—сказалъ ему старикашка-староста.

— Ну и выберу,—али нѣтъ!—отвѣчалъ ему молодцовато извозчикъ.

— Попробуйте-ка въ самомъ дѣлѣ, ребята!—распоряжался между тѣмъ сельскій староста, начинавшій явно принимать тонъ полицейскаго чиновника.

— Ну и попробуй, и поѣзжай!—говорилъ старикъ-староста, идя съ сыномъ и съ извозчикомъ въ конюшни.

— И поѣду, покажу вамъ въ зубы-то, какъ это дѣло надо дѣлать!—говорилъ извозчикъ.

Вскорѣ они привели тройку лошадей и выкатили изъ сарая телѣгу.

Смотрѣть на сцену закладыванья вышелъ на крыльцо и Петръ Григорьевичъ, попрежнему въ одной рубашкѣ.

Коренная вошла въ оглобли съ нѣкоторымъ приличіемъ; впрочемъ, извозчикъ имѣлъ осторожность, вынувъ изъ своего собственнаго кармана бечевку, взнуздать ее этимъ. Молодой парень сталъ ее держать. Лошадь какъ-то глупо-сердито поводила глазами.

Изъ пристяжныхъ одна, когда ей поворачивали, какъ слѣдуетъ, голову, она задъ отворачивала; задъ подвернутъ, голову отнесетъ. Другая же при этомъ и лягнула. Старикъ-ста-

роста, отскочивъ отъ нея, проговорилъ: «дьяволъ, что̀ ты!». Обѣихъ ихъ взялись держать подъ уздцы сельскій староста и пришедшій какой-то ужъ новый мужикъ.

— Въ трокъ имъ головы-то, въ трокъ, — кричалъ-было съ крыльца Петръ Григорьевичъ, но его никто не слушалъ.

У извозчика, заправлявшаго всѣмъ этимъ дѣломъ, замѣтно дрожали руки.

— Отпускай! — крикнулъ онъ, проворно вскакивая въ телѣгу и подбирая возжи.

Всѣ трое разскочились. Лошади сначала пошли хорошо.

Въ телѣгу наскакали молодой малый, сельскій староста, новый мужикъ и даже бѣжалъ-было и старикъ-староста, да не успѣлъ ужъ вскочить.

— Пойдутъ, ничего, пойдутъ!—ободрялъ съ крыльца Петръ Григорьевичъ.

Лошади однако начинали все больше и больше забирать.

— Батюшки, бьютъ, кажется! — проговорилъ бѣжавшій за ними старикашка.

— Въ самомъ дѣлѣ бьютъ!—говорилъ Баклановъ, тоже бѣжавшій за ними.

— Держи! держи!—кричали между тѣмъ въ самой телѣгѣ, и всѣ хватали за возжи и тянули въ разныя стороны.

Но коренная перекусила уже бечевку, одна изъ пристяжныхъ безпрестанно взлягивала, другая попала ногой въ постромку. Извозчикъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

Телѣга адски стучала.

Изъ усадьбы побѣжало еще нѣсколько народу, и одинъ только Петръ Григорьевичъ оставался спокоенъ на крыльцѣ.

— Сдержатъ, сдержатъ! — толковалъ онъ вышедшей на крыльцо старухѣ-сказочницѣ.

— Держите на стѣну! на стѣну! — кричалъ сельскій староста, соскакивая самъ съ телѣги.

Но на стѣну не попали, а вылетѣли за околицу, а тамъ на пашню, на косогоръ, въ оврагъ. Телѣга перевернулась, но лошади продолжали нести. Извозчикъ потащился-было на возжахъ, но бросилъ; новый мужикъ побѣжалъ-было, держась за задокъ телѣги, но упалъ.

Молодой парень лежалъ и охалъ.

Къ нему подбѣжалъ батька.

— Что̀, батюшка, не убился ли?

Но парень ничего ему не отвѣтилъ, а вскочилъ и побѣжалъ за лошадьми. Тѣ, какъ неопредѣленная масса какая-то, мелькали вдали.

— Черти! лѣшіе! — говорилъ извозчикъ, возвращаясь въ

усадьбу. — Поѣдемте, баринъ, я васъ на своихъ отвезу. Недалеко тутъ. Въ Захарьинѣ, говорятъ, барыня-то кормитъ,— обратился онъ къ Бакланову.

— Сдѣлай милость,—отвѣчалъ тотъ.

Извозчику всего болѣе было стыдно, что онъ хвастался, а лошади его разбили.

— Поѣдемте сейчасъ же!—прибавилъ онъ и затѣмъ, приведя еще дрожавшую отъ усталости свою тройку, заложилъ ее снова въ бричку.

Баклановъ сѣлъ.

— Прощайте!—произнесъ ему съ крыльца своимъ добродушнымъ голосомъ Петръ Григорьевичъ.

Баклановъ молча кивнулъ ему головой.

— Кричатъ всѣ, лѣшіе, а то бы я справился съ ними! — продолжалъ, какъ бы оправдываясь передъ Баклановымъ, извозчикъ, а потомъ, отъ сдержанной, вѣроятно, досады, сталъ неистово сѣчь свою тройку, такъ что та снова заскакала у него. Сердце Бакланова замерло въ страхѣ, когда они стали подъѣзжать къ Захарьину. «Ну, какъ ея нѣтъ тутъ!»—подумалъ онъ, и у него волосы на головѣ стали дыбомъ отъ ужаса. По крайней мѣрѣ за версту еще онъ сталъ въ повозкѣ своей ракомъ, выглядывая, нѣтъ ли на улицѣ Захарьина экипажа Софи. Но его не было. Почти не помня себя, Баклановъ обѣжалъ всѣ дворы, и на одномъ изъ нихъ сказали ему, что Софи приставала ненадолго, но уже съ полсутокъ какъ уѣхала.

Выйдя на улицу, бѣдный герой мой сѣлъ на валявшееся бревно и горько-горько заплакалъ. О, какъ онъ любилъ въ эти минуты Софи!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

Изученіе искусствъ.

Въ Петербургѣ судьба сжалилась надъ моимъ героемъ: онъ отыскалъ Софи, помирился съ ней, и они вмѣстѣ отправились за границу.

Въ одно свѣтлое блистающее утро, оба они, счастливые и довольные, выходили изъ гостиницы Гота въ Дрезденѣ.

Рядомъ съ ними шелъ нѣмецъ, чичероне.

— Мы куда это?—спросила его Софи.

— О, madame, въ Grünes Gewölbe,—отвѣчалъ тотъ.

— Это гдѣ сокровища хранятся,—пояснилъ ей Баклановъ, внимательно заглянувъ въ красную книжку Бедекера.

Нѣмецъ многозначительно кивнулъ ему, въ знакъ согласія, головой.

Войдя во дворъ королевскаго зàмка, онъ таинственно посадилъ ихъ въ какихъ-то сѣняхъ. Тутъ уже сидѣли полная дама съ двумя дѣвицами и толстый господинъ, должно-быть, русскій купецъ съ бородой, въ пальто, непривычно на немъ сидѣвшемъ, и мрачно склонившій голову. Полная дама бранилась съ дочерьми.

— Ты глупа, что не надѣла коричневой шляпки! — говорила она.

— И не надѣну!—отвѣчала дочь.

— И я не надѣну!—подхватила и другая.

— Дуры!—сказала имъ на это мать.

Все это, разумѣется, было говорено по-нѣмецки и самымъ скромнымъ образомъ.

— Сейчасъ, какъ выйдутъ, такъ и мы войдемъ! — сказалъ таинственно и лукаво нѣмецъ.

Купецъ при этомъ приподнялъ на него лицо и почесалъ у себя за ухомъ.

Наконецъ двери отворились, и изъ нихъ стала выходить толпа.

Нѣмецъ, почти съ азартомъ, схватилъ Бакланова и Софи за руку и втолкнулъ ихъ въ дверь, а потомъ сдѣлалъ имъ, въ знакъ поздравленія, ручкой.

Тамъ ихъ уже встрѣтилъ самъ господинъ профессоръ, съ почтенною физіономіей, въ очкахъ и ермолкѣ. Купецъ и дама съ дочерьми тоже вошли вслѣдъ за ними.

Профессоръ ввелъ ихъ въ первую, съ статуэтками, комнату и, закрывъ какъ бы отъ удовольствія глаза, началъ имъ разсказывать.

— У насъ это въ каждомъ магазинѣ есть,—сказала Софи.

— Да,—отвѣчалъ Баклановъ:—но это древность!

Въ одной изъ слѣдующихъ комнатъ, съ шпагами и орденами, Софи уже сѣла.

Но зато внимательно и какъ-то злобно разсматривалъ все купецъ.

Дочери полной дамы тоже восхищались разными поддѣльными и настоящими брильянтами.

Въ слѣдующихъ затѣмъ комнатахъ и Баклановъ зѣвнулъ, и больше ужъ сталъ обращать вниманіе на изображенія королей саксонскихъ, смутно соображая, какъ это они изъ этакихъ дикихъ рыцарей дѣлались все больше и больше образованными принцами.

Съ купца потъ градомъ катился; но онъ, какъ человѣкъ привычный ко всякому черному дѣлу, продолжалъ смотрѣть и слушать.

— Ухъ! — сказалъ наконецъ Баклановъ, когда ихъ выпустили изъ «Грюнесъ Гевёльбе».

— Голова заболѣла,—подтвердила и Софи.

Съ одной только дамой нѣмецкою ничего не случилось, можетъ-быть, потому, что она прошла, рѣшительно ни на что не смотря.

— Угодно въ галлерею?—произнесъ-было провожатый Бакланову и Софи.

Тѣ переглянулись между собой.

— Нѣтъ, мы бы поѣсть хотѣли,—сказали они.

— О, да! — произнесъ нѣмецъ и вѣжливо повелъ ихъ изъ дворца.

Выйдя на площадь, онъ пріостановился и принялъ нѣсколько театральную позу.

— Мостъ! — началъ онъ, показывая въ самомъ дѣлѣ на мостъ: — былъ разрушенъ французами... императоръ русскій возстановилъ его... Пріятно вамъ это слышать?

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Терраса!—продолжалъ провожатый докторальнымъ тономъ, ведя нашихъ путниковъ на извѣстную Брюлевскую террасу.

— Здѣсь очень мило!—сказалъ Баклановъ.

Внизу, передъ самыми почти ихъ глазами, не очень шумно, да и не совсѣмъ мертво, катилась Эльба. По ней приплывали и отплывали веселые на видъ и съ веселымъ народомъ пароходы. Впереди, на другомъ берегу, раскидывался старый городъ, весь перемѣшанный съ зеленью.

Софи сѣла и спросила себѣ кофе.

Баклановъ сѣлъ около нея.

Проводникъ съ серьезнымъ видомъ началъ толковать имъ:

— Все это министръ и любимецъ Августа, курфюрста саксонскаго, Брюль сдѣлалъ!.. Это его мѣсто и дворецъ.

— Брюль?—переспросилъ Баклановъ.

— Да,—отвѣчалъ нѣмецъ:—но слава наша на землѣ—дымъ: онъ умеръ, и потомокъ его такимъ же ремесломъ занимается, какъ и я...

Подкрѣпившись кофеемъ и освѣжившись воздухомъ, путники наши объявили о своемъ желаніи итти въ картинную галлерею.

Нѣмецъ гордо пошелъ впередъ.

Баклановъ повелъ Софи подъ руку. За границей они новою какою-то любовью стали жить, точно снова ее начинали.

— Софи!—шепталъ потихоньку, но съ восторгомъ, Баклановъ:—вѣдь мы будемъ видѣть Сикстинскую Мадонну, пойми ты это!

— Да,—отвѣчала она.

— Софи, смотри: это Гвидо Рени настоящій!—началъ онъ восклицать съ перваго же шагу.

Купецъ тутъ тоже похаживалъ своею здоровою походкой и на все, не столько со вниманіемъ, сколько со злобою посматривалъ.

— Каковъ Караччи-то, каковъ? — кричалъ на всю залу Баклановъ. — Отойди вотъ сюда, сядь вотъ тутъ! — говорилъ онъ, отводя и сажая Софи на диванчикъ:—смотри, видишь эту перспективу капеллы и спину этой молящейся женщины?

— Вижу,—говорила Софи.

Румянецъ снова начиналъ пропадать у нея на щечкахъ, и появлялась блѣдность утомленія.

— Пойдемъ, я хочу поскорѣе Мадонну видѣть!—сказала она.

— Ахъ, душа моя, нѣтъ! — сказалъ-было сначала Баклановъ, но, впрочемъ, пошелъ.

— Это вотъ Рембрандтъ, это Джуліо Романо, это Клодъ Лорренъ; напередъ вижу и знаю, не подходя.

Софи заглянула на надпись.

— Нѣтъ, это Тиціанъ подписано!—сказала она.

— Да, ну, они схожи въ манерѣ, — произнесъ Баклановъ, и они вошли къ Мадоннѣ.

Въ первое мгновеніе Софи и Баклановъ взглянули на картину, а потомъ другъ на друга.

— А!—произнесъ онъ, увлекая и сажая Софи на диванъ.— А!—повторилъ онъ.—Тебя что̀ больше всего поразило?..—прибавилъ онъ почти шопотомъ.

— Младенецъ, я ужъ и не знаю, что̀ это такое!—отвѣчала Софи.

— А, младенецъ!—повторилъ Баклановъ попрежнему тихо:— да ты видишь ли, что это будущій аскетъ, реформаторъ?

— Божескій какой-то огонь въ глазахъ.

— А ты видишь эти волоски сбившіеся... это они вѣдь на облакахъ плывутъ... это вѣтеръ ихъ немножко раздулъ,—продолжалъ Баклановъ.

— А вотъ она-то хороша!

— Она плыветъ... идетъ... она мать... она уничтожена, чувствуетъ Бога на рукахъ...

Софи продолжала смотрѣть.

— Это вѣдь не картина!.. Это разверзлись небеса, и оттуда видѣніе!..—толковалъ ей Баклановъ.

— Да,—подтверждала Софи.

Ей почему-то въ эти минуты вдругъ припомнилась вся ея жизнь, и ей сдѣлалось какъ-то неловко.

— Ну!—сказала она послѣ цѣлаго получаса молчанія, въ продолженіе котораго Баклановъ сидѣлъ, какъ въ опьянѣніи.

— Пойдемъ!—отвѣчалъ онъ ей, и оба, молча и подъ вліяніемъ какихъ-то особенныхъ мыслей, вышли.

II.

Нѣмецкій обѣдъ и нѣмецкій вечеръ.

— Я не могу больше ужъ этого ѣсть,—говорилъ Баклановъ отодвигая отъ себя восьмое блюдо, которое подавали имъ на Брюлевской террасѣ.

— Ужасно!—сказала Софи, тоже отодвигая отъ себя тарелку.

— Garçon! — крикнулъ Баклановъ.

— Monsieur!—отозвался тотъ съ шикомъ парижскаго гарсона.

— Возьми! — сказалъ Баклановъ.

— Monsieur trouve que cela n'est pas bon?

— Напротивъ, совершенно bon, но es ist genug.

— Vous êtes russische gentlemen!—произнесъ одобрительно, но Богъ ужъ знаетъ на какомъ языкѣ, гарсонъ.

Невдалекѣ отъ нашихъ героевъ обѣдалъ, или, точнѣе сказать, хлебалъ бульонъ съ вермишелью русскій купецъ. Баклановъ рѣшился наконецъ къ нему обратиться.

— Вы тоже путешествуете? — сказалъ онъ.

— Да-съ!—отвѣчалъ купецъ, боязно на него посмотрѣвъ.

— Что же вы, для здоровья или для разсѣянія вояжируете?

Купецъ обвелъ кругомъ себя глазами.

— По дѣламъ своимъ,—извѣстно-съ!—сказалъ онъ и тотъ же недовольный взглядъ перевелъ на подававшаго ему счетъ гарсона, и при этомъ совершенно чисто и свободно заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки.

«И языки еще иностранные знаетъ, скотина этакая!..» — подумалъ про себя Баклановъ.

Купецъ, отдавъ деньги, сейчасъ же ушелъ, и черезъ какую-нибудь минуту уже видна была далеко-далеко мелькающая фуражка его въ саду.

Баклановъ сталъ наблюдать надъ другими посѣтителями.

Часа въ четыре пришли музыканты; пришло нѣсколько пріѣзжихъ семействъ, прибыла и полная дама съ двумя своими дочерьми. Дѣвушки на этотъ разъ покорились родительской власти и были въ коричневыхъ шляпкахъ, которыя въ

самомъ дѣлѣ были ужасно смѣшныя и совершенно къ нимъ не шли.

Баклановъ заговорилъ съ ними.

— Вы, вѣроятно, тоже иностранки?

— О, нѣтъ, мы саксонки!—отвѣчали обѣ дѣвушки въ одинъ разъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— И осматриваете древности?.. Дѣлаетъ честь вашему патріотическому чувству!

— О, да, мы должны все осмотрѣть,—крикнули дѣвушки.

Бакланову показались онѣ очень глупы, и онъ прекратилъ съ ними бесѣду.

Прошло четверо офицеровъ, эффектно постукивая саблями, въ нафабренныхъ усахъ и въ вымытыхъ замшевыхъ перчаткахъ.

— Посмотри, какъ эти господа похожи на нашихъ аптекарей! — сказалъ онъ Софи.

— Да! И точно, знаешь, не настоящіе офицеры, а для театра только нарядились!

Заиграла музыка, и музыкальная нѣмецкая душа почувствовалась въ каждой флейтѣ, кларнетѣ, въ какой-нибудь второстепенной валторнѣ.

Баклановъ все время поколачивалъ ногой и моталъ въ тактъ головой.

Софи опять почему-то взгрустнулось, и стала ей припоминаться прошлая жизнь.

Въ антрактахъ публика пила кофе, пиво, ѣла мороженое, а кто и ростбифъ: нѣмцы могутъ ѣсть во всякое время и что вамъ угодно!

Путешественники наши наконецъ утомились.

— Домой! — сказала Софи, приподымаясь.

— Allons!—произнесъ Баклановъ.

Возвратившись въ отель, гдѣ занимали два номера рядомъ, они сейчасъ же разошлись по своимъ комнатамъ, раздѣлись и улеглись, но вскорѣ стали переговариваться между собой.

— Какъ чудно сегодня день провели! — заговорилъ Баклановъ первый.

— Да! — отвѣчала Софи.

— Завтра,—продолжалъ онъ:—какъ встану, отправлюсь въ картинную галлерею и ужъ стану серьезно изучать ее.

— А я,—подхватила Софи:—пойду гулять: я замѣтила прелестное мѣсто въ саду.

— Сойдемся мы, значитъ, на Брюлевской террасѣ часамъ къ двумъ?

— Да,—подтвердила Софи.

III.

Другой день въ Дрезденѣ.

Поутру Софи отправилась на прогулку гораздо позднѣе Бакланова. Онъ еще часовъ въ десять, проходя мимо ея номера, торопливо крикнулъ ей:

— Ну, я иду!

— Ступайте! — сказала ему Софи. Изъ отеля она потомъ вышла какою-то нѣсколько таинственною и робкою походкой.

— Ayez la complaisance, monsieur, de me dire où est la poste?—обратилась она къ одному человѣку.

Тотъ сдѣлалъ какую-то мину изъ лица, развелъ руками и прошелъ мимо.

Софи сконфузилась и обратилась къ болѣе уже пожилому мужчинѣ (по бѣлому галстуху она догадалась, что это долженъ быть пасторъ).

— Montrez-moi votre lettre!—сказалъ ей тотъ почти строгимъ голосомъ.

Софи робко подала ему письмо.

— A Pétersbourg, monsieur Petzoloff! — произнесъ вслухъ нѣмецъ.

Софи въ это время обертывалась, какъ бы боясь, чтобы не подслушалъ кто.

— Voilà!—произнесъ пасторъ и тутъ же опустилъ письмо въ прибитый передъ самыми ихъ глазами ящикъ.

Софи поблагодарила его милымъ наклоненіемъ головы и прошла въ садъ.

Сначала она сѣла на одну изъ лавочекъ, съ цѣлью помечтать.

Помечтала и пошла потомъ ходить.

Походила, остановилась и съ большимъ вниманіемъ посмотрѣла на одинъ изъ открывающихся видовъ.

Снова сѣла.

Скука ясно была видна на ея лицѣ.

Она встала и пошла изъ сада по улицѣ, остановилась передъ одною церковью, полюбовалась и хотѣла-было внутрь зайти, но заперто!

Сойдя со ступеней храма, она вошла не то въ лавочку, не то въ аптеку, купила тамъ мыла и духовъ; но, отойдя немного отъ лавочки и понюхавъ духи, бросила ихъ на тротуаръ: такіе они были гадкіе!

Далѣе она рѣшительно не знала, что съ собой дѣлать, и возвратилась на Брюлевскую террасу.

Всего еще было 12 часовъ.

Черезъ полчаса, впрочемъ, явился туда и Баклановъ, запыленный и усталый.

Онъ поутру прямо и проворно прошелъ въ галлерею; въ двухъ комнатахъ останавливался передъ каждою картиной, справлялся съ каталогомъ, дѣлалъ глубокомысленную мину, записывалъ у себя что-то такое въ книжкѣ; въ третьей началъ онъ хвататься за голову; съ каталогомъ ужъ болѣе не справлялся, и наконецъ слѣдующія комнаты прошелъ совершенно быстро и сѣлъ противъ Мадонны. Потомъ вдругъ вскочилъ, какъ бы вспомнивъ что-то, и вышелъ снова въ прежнія комнаты, снова началъ останавливаться передъ каждою картиной, записывать въ памятную книжку... Между тѣмъ у него во рту стало становиться сухо и поламывало ноги. Не давая себѣ хорошенько отчета, онъ пошелъ, пошелъ и совсѣмъ вышелъ изъ галлереи.

Но на террасу ему совѣстно было итти. Онъ рѣшился пройтись по улицамъ и, не желая встрѣтиться съ Софи, бродилъ по самымъ глухимъ переулкамъ; а тутъ, какъ нарочно, поднялся вѣтеръ, который дулъ ему въ глаза и ротъ, такъ что Баклановъ безпрестанно отплевывался и ужъ самымъ скорымъ шагомъ отправился на террасу.

— Фу, поработалъ же сегодня! — сказалъ онъ, усаживаясь подлѣ Софи.

— Все осмотрѣлъ?—спросила она.

— Все!..—отвѣчалъ Баклановъ.

— Стало, мы можемъ уѣхать сегодня отсюда. Мнѣ черезъ мѣсяцъ непремѣнно надобно быть въ Парижѣ.

Послѣднія слова Софи почему-то произнесла несовсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Куда же ѣхать? — спросилъ Баклановъ.

— Въ Баденъ, на воды; тамъ препріятное, говорятъ, общество,—подхватила Софи съ живостью.

— Хорошо, — отвѣчалъ Баклановъ, зѣвая во весь ротъ.

IV.

Рулетка.

Баденъ-Баденъ былъ въ самомъ разгарѣ своего сезона. Опершись на перила мостика, идущаго отъ отеля «Европы», стоялъ Баклановъ въ какомъ-то упоеніи. Подъ нимъ шумѣлъ источникъ. Кругомъ пѣли птицы. Воздухъ былъ какъ молокомъ пропитанъ. Впереди виднѣлся Conversations-Haus а за нимъ высокія горы.

Они часа уже три какъ пріѣхали, но Софи все еще одѣвалась. Горничная хлопотливо и безпрестанно входила и выходила отъ нея то за водой, то гладить платье, воротнички.

— Что̀ ты такъ хлопочешь? — спрашивала ее другая горничная, служащая въ нижнемъ этажѣ.

— Съ одной госпожой!.. Она очень хороша собой, — отвѣчала первая горничная и показала своей подругѣ, вынувъ изъ кармана, червонецъ.

— Гм, гм! — произнесла та.

Когда Софи вышла наконецъ изъ номера, въ шляпкѣ и бѣломъ бурнусѣ, горничная не утерпѣла и сказала ей:

— Vous êtes bien jolie, madame!

Софи съ улыбкой поблагодарила ее наклоненіемъ головы.

Стоявшій внизу оберъ-кельнеръ въ бѣлыхъ штанахъ и бѣломъ галстухѣ, когда проходила она, закусивъ какъ-то губы и засунувъ палецъ въ ключъ, сталъ имъ колотить себя по ногѣ.

Софи прямо пошла къ Бакланову.

— Какъ ты хороша, однако, сегодня! — невольно проговорилъ онъ.

Софи, гордо закинувъ головку, подала ему руку. Чтобы нарядиться и выйти на водахъ на гулянье, она какъ будто была рождена для этого!

Передъ Конверсаціонною залой играла музыка.

Софи и Баклановъ сѣли.

При этомъ обратила на нихъ вниманіе даже одна, какъ впослѣдствіи оказалось, владѣтельная особа, путешествующая инкогнито, которая нѣсколько времени лорнировала ихъ.

Сидѣвшій рядомъ съ Софи молодой англичанинъ тоже каждый разъ вспыхивалъ, когда она взглядывала на него.

— Allons dans la salle, — сказалъ наконецъ Баклановъ.

Софи встала.

— Madame, votre gant, — сказалъ англичанинъ, подавая ей уроненную перчатку.

— Merci, monsieur,—сказала она, долго протянувъ эти слова.

— Madame est française?—прибавилъ онъ совсѣмъ уже робко.

— Non, monsieur, je suis russe,—отвѣчала Софи.

Англичанинъ въ почтеніи склонилъ передъ ней голову.

Въ первой же великолѣпной залѣ, въ которую они вошли, раздался радостный голосъ:

— Баклановъ, Боже мой! Кого я вижу!

Но Баклановъ при этомъ дрогнулъ и даже поблѣднѣлъ. Къ нимъ подходилъ, съ бородой, одѣтый совершеннымъ франтомъ и, какъ видно, чище обыкновеннаго умывавшійся Никтополіоновъ.

Софи невольно отняла руку отъ Бакланова и даже отошла отъ него.

— Скажите, пожалуйста!—кричалъ между тѣмъ тотъ, подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ:—вы совершенно пропали изъ К...

— Я былъ въ Петербургѣ, въ деревнѣ, а теперь за границей,—отвѣчалъ Баклановъ, желая поскорѣе уйти отъ своего соотечественника.

— А у насъ Богъ знаетъ какіе слухи про васъ!—воскликнулъ Никтополіоновъ и потомъ вдругъ обратился къ Софи.

— Il me semble, que j'ai l'honneur de voir madame Leneff?

Софи слегка, но серьезно и ничего не сказавъ, поклонилась ему.

— У насъ Богъ знаетъ что̀ говорятъ,—продолжалъ Никтополіоновъ, снова обращаясь къ Бакланову: — что вы вашу супругу бросили... въ разводѣ съ ней...

— Сплетни въ нашемъ городѣ не новость, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Гдѣ рулетка?.. Я рулетку желаю видѣть,—перебила ихъ разговоръ Софи.

— Позвольте мнѣ быть вашимъ кавалеромъ! Я здѣсь какъ дома,—сказалъ Никтополіоновъ и ловко предложилъ Софи руку.

Она должна была итти съ нимъ.

— Вы вмѣстѣ путешествуете съ Баклановымъ? — спросилъ онъ ее невиннѣйшимъ образомъ.

— Мы встрѣтились съ нимъ въ Дрезденѣ, такъ же какъ вотъ и съ вами теперь, — отвѣчала Софи небрежно.

— Да!.. разумѣется,—подхватилъ Никтополіоновъ: — какъ пріятны эти встрѣчи!

За границей онъ былъ хотя такъ же ядовитъ, но по крайней мѣрѣ гораздо вѣжливѣе.

— Про Бакланова тамъ рѣшительно говорятъ, что онъ бросилъ жену и влюбился въ какую-то даму...

— А, такъ вотъ какая рулетка! — перебила его на этихъ словахъ Софи, останавливаясь передъ огромнымъ игорнымъ столомъ.

Баклановъ пошелъ и сталъ на другомъ его концѣ. Онъ хотѣлъ показать, что вовсе не съ Софи пріѣхалъ.

— Какъ же тутъ играютъ?—продолжала та, смотря со вниманіемъ на груды золота и серебра, которыя безпрестанно переходили то къ банкометамъ, то къ играющимъ.

— Очень просто: положите деньги на какое угодно вамъ мѣсто, тамъ ужъ не обсчитаютъ! — объяснилъ ей Никтополіоновъ и бросилъ самъ два талера.

Ему дали четыре. Онъ положилъ ихъ въ карманъ.

— Ахъ, это весело! — воскликнула Софи и бросила пять талеровъ. У нея взяли. Она еще; опять взяли.

Никтополіоновъ попросилъ одного сидѣвшаго тутъ господина, чтобъ онъ уступилъ ей мѣсто.

Тотъ всталъ.

Софи помѣстилась къ столу.

Она бросила пять червонцевъ. У ней взяли. Она еще десять. У ней взяли.

— Пріостановитесь немножко!.. Ставьте поменьше! — научалъ ее Никтополіоновъ.

Софи поставила червонецъ. Ей дали три. Она еще три. Ей дали шесть. Потомъ она опять проиграла.

— Теперь увеличьте кушъ! — шепталъ ей Никтополіоновъ.

Софи поставила двадцать червонцевъ.

У нея взяли.

Софи поставила еще пятьдесятъ.

У нея взяли.

— Софи, что̀ вы дѣлаете? — кричалъ ей Баклановъ съ другого конца.

Но Софи даже и не отвѣчала ему. Лицо ея горѣло...

Она поставила билетъ въ четыреста франковъ, взяли!

Она высыпала все золото изъ кошелька, ей дали немного.

Она все это поставила и приложила еще билетъ въ четыреста франковъ, — взяли!

— Нѣтъ больше пока денегъ! — проговорила она, обращая къ Никтополіонову свое взволнованное лицо.

— Какъ? все проиграли?—спросилъ тотъ ее съ удивленіемъ.

— Кредитивъ у меня на Парижъ! — отвѣчала съ досадой Софи и потомъ вдругъ обернулась къ Бакланову.—Дайте мнѣ денегъ! — сказала она.

Тотъ, растерявшись и всѣмъ этимъ очень недовольный, вынулъ портмоне.

— Давайте всѣ, сколько есть!—проговорила Софи и потомъ, повернувшись, сейчасъ же начала ставить.

Въ два пріема портмоне Бакланова былъ пустъ.

Софи по крайней мѣрѣ часа три сидѣла около стола; глаза ея неустанно бѣгали за золотомъ: ей очень было жаль тѣхъ денегъ, которыя она проиграла, и ужасно хотѣлось выиграть тѣ, которыя она видѣла передъ собой.

На другой день, еще часовъ въ одиннадцать, Никтополіоновъ зашелъ за ней, увелъ ее подъ руку въ Salle de Conversation, записывалъ для нея проигравшіе на рулеткѣ номера и училъ, на которые ставить.

Бакланова болѣе всего безпокоило, гдѣ Софи брала денегъ, но оберъ-кельнеръ объяснилъ ему это.

— Monsieur! — окликнулъ онъ его разъ, когда тотъ проходилъ мимо его будки. — Дама эта — ваша родственница?

— Да! — отвѣчалъ Баклановъ, заранѣе предчувствуя что-то недоброе.

— Вамъ извѣстно, что она заложила у хозяина всѣ свои брильянты за пятнадцать тысячъ франковъ?

Баклановъ пожалъ плечами.

— Ея дѣло! — сказалъ онъ съ улыбкою.

— О, здѣсь это часто бываетъ! — произнесъ оберъ-кельнеръ.

Вечеромъ, впрочемъ, когда Софи, утомленная и усталая, возвратилась въ свой номеръ, Баклановъ рѣшился постучаться къ ней въ комнату. Она отворила ему несовсѣмъ поспѣшно и несовсѣмъ съ удовольствіемъ.

— Вы все играете? — началъ онъ.

— Да.

— Выиграли?

— Проиграла.

— Зачѣмъ вы это, Софи, дѣлаете?

— Я не на ваши деньги играю, а на свои.

— На чьи бы то ни было, все-таки это безумство и наконецъ неприлично.

— Моя вся жизнь была неприличіе и безумство, — отвѣчала Софи, вынимая изъ косы гребенку и закладывая волосы за ухо, видимо, приготовляясь спать.

Баклановъ принужденъ былъ уйти.

Такъ прошелъ еще день, два, три... Чтобы спасти себя отъ невыносимой скуки, Баклановъ однажды утромъ рѣшился съѣздить, на ослѣ верхомъ, на одну изъ сосѣднихъ горъ, на которой, говорили ему, были развалины. Мѣстность, чрезъ которую онъ проѣзжалъ, была восхитительна, но на душѣ у него было скверно. При подъемѣ на самую гору онъ увидѣлъ, что навстрѣчу ему спускается другой господинъ, который, поровнявшись съ Баклановымъ, сейчасъ же повернулъ своего осла рядомъ съ нимъ.

— Господинъ Баклановъ! — проговорилъ онъ.

Баклановъ узналъ въ немъ старшаго Галкина.

— Вы тоже оставили Россію? — началъ молодой человѣкъ.

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ, погоняя осла.

— Это невозможно тамъ оставаться!.. Чортъ знаетъ что̀ такое происходитъ!.. — продолжалъ Галкинъ.

Баклановъ молчалъ.

— Вы знаете, меня не пускали совсѣмъ за границу!—продолжалъ онъ съ гордымъ видомъ.

«Тебя бы не только надо пускать, а выгнать изъ каждой страны!» — подумалъ Баклановъ.

— Кого еще я здѣсь встрѣтилъ?— заговорилъ молодой человѣкъ уже съ хохотомъ и видя, что прежній разговоръ не занимаетъ его спутника. — Madame Леневу!.. Помните, которая жила съ отцомъ... Она вдругъ меня спрашиваетъ объ немъ; видно, опять желаетъ обирать его!..

— А батюшка вашъ здѣсь? — спросилъ Баклановъ.

— Да, но онъ еще не выѣзжаетъ... Мы всего здѣсь три дня... Госпожа эта ужасная мерзавка!.. Она столько у него перебрала.

Баклановъ наконецъ не выдержалъ.

— Послушайте, вы еще мальчишка и позволяете себѣ подобнымъ образомъ говорить о женщинѣ.

Галкинъ сконфузился.

— Женщина женщинѣ рознь!.. — пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, не рознь! — воскликнулъ Баклановъ: — она моя родственница, понимаете ли вы это?..

Галкинъ совсѣмъ растерялся.

— Я не зналъ этого!.. — сказалъ онъ.

— Ну, такъ я заставлю васъ знать! — кричалъ Баклановъ: — и сейчасъ же васъ, съ вашимъ осломъ, отправлю въ эту пропасть! — прибавилъ онъ, показывая на крутѣйшій обрывъ, мимо котораго они проѣзжали, и вслѣдъ затѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, началъ толкать Галкинова осла въ спину, въ задъ, чтобы онъ подошелъ къ обрыву.

— Перестаньте, Баклановъ, перестаньте!—кричалъ во все это время молодой еврей.

Баклановъ разбилъ себѣ ногу, руку, но ничего не сдѣлалъ съ осломъ.

— Эмансипаторы тоже женскіе!—заключилъ онъ бѣшенымъ голосомъ.

Но Галкинъ успѣлъ уже въ это время повернуть осла и уѣхать подъ гору.

— Вы ужаснѣйшій чудакъ! — говорилъ онъ, обертываясь къ Бакланову, котораго главнымъ образомъ въ эти минуты взбѣсило то, что Софи проигрывалась и, пожалуй, опять продастъ себя Галкину.

Возвратившись съ своей прогулки, онъ рѣшился еще разъ, и уже въ послѣдній, имѣть съ ней объясненіе.

Къ удивленію своему, онъ на этотъ разъ засталъ ее дома и, грубо отворивъ дверь, вошелъ къ ней въ номеръ.

Софи, съ изнуреннымъ и истощеннымъ лицомъ, стояла около своего дорожнаго сундука и укладывала въ немъ.

Баклановъ началъ прямо:

— Вамъ, вѣроятно, пріятно здѣсь, но я никакъ не могъ этого сказать про себя, а потому я уѣзжаю.

— Я сама уѣзжаю, — отвѣчала она ему спокойно.

— Куда же это?

— Въ Парижъ.

— Но вѣдь мы, кажется, предполагали съ вами ѣхать сначала въ Швейцарію, подышать чистымъ воздухомъ.

— Поѣдемте въ Швейцарію, для меня все равно, — отвѣчала Софи, садясь уже на стулъ.

Баклановъ опять ожилъ отъ радости.

— У меня только денегъ нѣтъ; я должна спѣшить, — прибавила она.

— Да деньги у меня есть, возьмите на путешествіе.

— Хорошо!..

Черезъ нѣсколько минутъ Баклановъ рѣшился ее спросить о главномъ:

— А что, Софи, вы много проиграли?

— Много, — отвѣчала она съ улыбкой: — тысячъ сорокъ франковъ проиграла.

— Сорокъ тысячъ! Зачѣмъ же вы это дѣлали?

— Такъ, отъ скуки... скучно...—отвѣчала Софи.

— Много ли же теперь у васъ осталось отъ всего капитала?

— Немного ужъ!—отвѣчала Софи опять съ улыбкой и затѣмъ, выславъ Бакланова отъ себя, занялась своимъ туалетомъ, и къ обѣду вышла блистающая красотой и нарядомъ.

V.

Восхожденіе на гору Риги.

По Цугскому озеру къ Арту шелъ пароходъ.

На немъ ѣхали наши путешественники. Тутъ они уже входили въ настоящія швейцарскія горы, которыя, сдавляя взоръ то зеленѣющими, то обрывистыми и почти голыми скалами, окружали ихъ со всѣхъ сторонъ. Неба чистаго, голубого, блистающаго полуденнымъ солнцемъ, былъ виденъ только клочокъ. На нижнихъ склонахъ горъ были разсыпаны деревеньки, а на верхнихъ — изрѣдка мелькали пастушьи хижины. Все это какъ будто бы было на театрѣ, а не въ жизни и не на землѣ.

Баклановъ безпрестанно повертывался изъ стороны въ сторону.

— Нѣтъ, тутъ жить нельзя, — говорилъ онъ: — это слишкомъ все какъ-то искусственно... Жизнь человѣческая должна проходить обыкновеннѣе.

— Что въ нашей-то обыкновенной жизни! Наскучила ужъ она! — возразила Софи.

— Посмотри, — прибавилъ онъ: — ты видишь дымъ около этой горы? Это облака.

— Это гора Риги! — объяснилъ имъ стоявшій около нихъ господинъ, въ плоховатомъ пальто, но съ чрезвычайно добродушною физіономіей.

— Риги... Мы туда и поѣдемъ?—переспросилъ Баклановъ

— Туда, на самый верхъ; его еще не видать въ облакахъ.

— Софи! Мы будемъ въ этихъ облакахъ! — воскликнулъ Баклановъ.

Но Софи въ это время была занята другимъ. Она уже нѣсколько минутъ не спускала глазъ съ того самаго молодого англичанина, который подалъ ей перчатки въ Баденѣ и который рѣшительно теперь ѣхалъ по слѣдамъ ихъ: куда они брали билеты, туда и онъ.

Софи, конечно, на мгновеніе, но придала такое выраженіе глазамъ, что въ значеніи ея взгляда не оставалось никакого сомнѣнія; англичанинъ при этомъ слегка улыбнулся и потупился.

— Madame! — обратился къ Софи господинъ въ поношенномъ пальто (это былъ ихъ проводникъ):—угодно вамъ пѣшкомъ или на лошади ѣхать на гору?

— А какъ страшнѣе? — спросила она его.

— Нѣкоторыя дамы боятся верхомъ, а другія нѣтъ.

— Ну, такъ я поѣду верхомъ и на самой сердитой лошади! Смотрите, такую мнѣ и дайте!

— Вы получите коня, достойнаго васъ! — сказалъ ей вѣжливый швейцарецъ.

Софи говорила громко и при томъ опять взглянула на англичанина.

Тотъ опять улыбнулся своею хорошею улыбкой.

Всего этого Баклановъ или не видалъ, или не хотѣлъ видѣть, и только, ужъ вслушавшись въ послѣднія слова Софи, проговорилъ:

— Что за глупости ѣхать на гору на сердитой лошади!

— Я такъ хочу, и въ ледники еще пойду,—отвѣчала Софи.

Баклановъ пожалъ плечами. Они какъ выѣхали изъ Бадена, все ссорились.

Въ Арту проводникъ провелъ ихъ въ гостиницу.

Англичанинъ тоже пришелъ туда.

Софи перемѣнила туалетъ и вышла въ черномъ съ длиннѣйшимъ шлейфомъ платьѣ и шляпкѣ à la Гарибальди.

Баклановъ въ это время былъ на улицѣ и смотрѣлъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не привели бѣшеныхъ лошадей.

— О, нѣтъ! У насъ такихъ нѣтъ! — успокоивалъ его проводникъ.

Софи стала передъ зеркаломъ и начала поправлять свои волосы, которые, по густотѣ своей, никакъ не укладывались подъ шляпку.

— Какъ идетъ къ вамъ этотъ нарядъ! — осмѣлился наконецъ обратиться къ ней съ первыми еще словами англичанинъ, и при этомъ весь вспыхнулъ.

— Вы находите? — спросила Софи.

— Да, — проговорилъ англичанинъ.

— Вы ѣдете на Риги? — спросила его Софи.

— Д-да! — протянулъ еще разъ англичанинъ. — А вы потомъ куда поѣдете? — прибавилъ онъ уже робко.

— Въ Парижъ.

— И я! — сказалъ англичанинъ.

— О, это хорошо! — воскликнула Софи и, молодцовато похлопывая себя хлыстомъ по платью, пошла навстрѣчу Бакланову.

— Все готово, — сказалъ тотъ.

— Allons! — обратилась Софи къ англичанину.

Тотъ пошелъ.

Софи, какъ только усадили ее, сейчасъ же начала свою лошадь бить хлыстомъ и поскакала.

— Софи! Софи!—кричалъ Баклановъ, едва поспѣвая за ней.

Англичанинъ ѣхалъ отъ нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи около своего проводника, который несъ ему пледъ, подзорную трубу и стулья въ палкахъ.

— Monsieur! — воскликнула вдругъ Софи, обертываясь къ нему: — угодно вамъ ѣхать со мною рядомъ?..

Англичанинъ подъѣхалъ къ ней.

Баклановъ нарочно сталъ отставать, чтобы не подать виду, что ему непріятно.

— Поскачемте! Кто изъ насъ кого перескачетъ! — сказала Софи:—дайте руку; вотъ этакъ виднѣе, кто у кого впереди!..— прибавила она, протягивая свою ручку. Англичанинъ, совсѣмъ сконфуженный, взялъ ее.

— Тише, тише, Софи! — закричалъ опять Баклановъ, поскакавъ.

Проводники тоже бѣжали.

— Такъ, messieurs, нельзя! Нельзя!—говорили они.

— Такъ ѣздить на чужихъ лошадяхъ нельзя!—передавалъ ихъ слова Баклановъ Софи.

— Я имъ заплачу!—отвѣчала она и вскорѣ потомъ, вмѣстѣ съ англичаниномъ, совсѣмъ скрылась изъ глазъ Бакланова и проводниковъ, которые нашли ихъ уже около маленькой гостиницы, гдѣ Софи преспокойно сидѣла и пила пиво.

— Что̀ это, Софи: и пиво наконецъ пить! — воскликнулъ Баклановъ, не могшій удержать своей досады.

— Оно очень вкусно, — отвѣчала Софи и затѣмъ ловко и безъ всякой помощи сама вскочила на сѣдло.

Проводникъ умолялъ ее ѣхать осторожнѣе.

Тронулись.

Дорога шла чѣмъ дальше, тѣмъ круче и опаснѣе. Тамъ, гдѣ она суживалась и къ ней съ одной стороны прилегали нависшія скалы, а съ другой — почти прямою стѣной шелъ обрывъ, которому дна было не видно, тамъ именно Софи и начинала понукать лошадь. Умное животное не знало, какъ вести себя: оно и не слушалось ея и слегка трусило...

Англичанинъ, на своемъ конѣ, преспокойно слѣдовалъ за нею.

— Madame est fort imprudente! — восклицали почти безпрерывно проводники.

Вблизи самой гостиницы есть выдавшійся мысъ, по которому идутъ двѣ дороги: одна нѣсколько отступя, а другая по самой закраинѣ, и съ нея дѣйствительно открывался великолѣпный видъ склоновъ горъ, лѣсовъ... летавшія внизу въ воздухѣ птицы казались маленькими черными точками... человѣкъ, двигающійся по одной изъ тропинокъ на утесѣ, понагнулся нѣсколько внизъ, и казалось, что вотъ-вотъ упадетъ; города и деревни представлялись шишками, пароходъ— крошечною лодочкой.

Сердце замирало, мутился разумъ глядѣть внизъ!.. Какое-то странное желаніе ринуться туда поднимало ужасомъ на головѣ вашей во̀лосъ.

Софи нарочно поѣхала по прежней дорогѣ. Лошадь ея раза два обрывалась въ пропасть. Англичанинъ тоже проѣхалъ за ней; но Баклановъ—нѣтъ.

Передъ отелемъ наконецъ они спѣшились. Горный воздухъ сейчасъ же далъ себя почувствовать. Баклановъ совѣтовалъ Софи итти переодѣться, но она отвѣчала ему только насмѣшливымъ взглядомъ.

— Давайте, побѣжимте внизъ! — сказала она англичанину, показывая на одинъ изъ крутѣйшихъ скатовъ.

Тотъ молчаливымъ кивкомъ головы изъявилъ согласіе.

Они побѣжали. Видно было, какъ Софи все быстрѣе и быстрѣе стремилась и замѣтно не имѣла силъ остановить самоё себя; вдругъ, при одномъ изгибѣ дорожки, передъ ней, въ нѣсколькихъ саженяхъ, открылся обрывъ. Софи сдѣлала движеніе назадъ; но нѣтъ: ее несло впередъ!.. Передъ глазами ея уже чернѣла пропасть!.. Англичанинъ въ это время, совершеннымъ козломъ, перебѣжалъ ее, на всемъ маху повернулся къ ней лицомъ и, съ нечеловѣческимъ усиліемъ опершись одною ногой, распустилъ руки. Софи упала ему въ объятія. Нѣсколько минутъ они колебались: въ пропасть ли имъ упасть, или остаться на мѣстѣ.

Баклановъ, видѣвшій все это съ горы, всплеснулъ руками и отвернулся въ ужасѣ.

Софи, опершись на руку своего кавалера, начинала тихо и томно взбираться на гору.

Солнце между тѣмъ начинало садиться.

Вся наѣхавшая публика вышла любоваться его закатомъ.

Горы, какъ остроконечныя волны, шли кругомъ всего горизонта. Милліоны оттѣнковъ пробѣгали по немъ. По вершинамъ большей части изъ нихъ вспыхивали ледники и снѣгъ. Солнце красноватымъ шаромъ спускалось въ разрѣзъ двухъ горъ.

Съ долинъ и съ озеръ, какъ бы къ собратамъ своимъ, поднимался и лѣзъ по утесамъ туманъ. Деревень и озеръ было почти не видать. Думы Бакланова невольно возвысились. Ему мечталось, что тутъ, гдѣ-нибудь на вершинѣ, въ облакахъ и на своемъ золотомъ отъ солнца престолѣ, возсѣдаетъ самъ Саваоѳъ, въ громахъ и въ славѣ царствующій и управляющій вселенною!

Туманы земли окончательно слились съ туманами неба, и все превратилось въ какое-то безразличное, темно-сѣроватое море. И такъ осталось на нѣсколько часовъ...

Наконецъ тѣни ночи дрогнули. Туманъ побѣлѣлъ; между нѣсколькими горами прорѣзалась блѣдно-розовая полоса утренней зари. На противоположной сторонѣ, какъ бы умывшись и обрядившись, ясно бѣлѣли лежащіе на вершинахъ снѣга.

Публика опять высыпала на край горы.

Молодой англичанинъ тоже стоялъ тутъ, завернувшись въ свой пледъ. Но ни Бакланова ни Софи не было.

Наша смѣлая путешественница чуть не умерла въ ту ночь: съ ней сначала была истерика, потомъ жаръ, и теперь она лежала въ постели, съ лицомъ пылающимъ, вся разметавшаяся и со взбившимися волосами.

Баклановъ сидѣлъ около нея съ испуганнымъ лицомъ и держалъ ея руку.

— Какъ можно быть такой неосторожной!—заговорилъ онъ наконецъ, видя, что Софи нѣсколько успокоивается.

— Что жъ, когда мнѣ грустно!.. тошно!.. скучно! — воскликнула она со слезами на глазахъ.

— Все оттого, что ты ничѣмъ не хочешь заняться. Ты читать даже не хочешь и не любишь.

— Ты много самъ читаешь? — возразила она ему съ насмѣшкою.

— Наконецъ это путешествіе тебя, я вижу, нисколько не занимаетъ.

— Что же, ахать по-твоему на каждомъ шагу?

— А главное, ты никого не любишь!

Послѣднія слова Баклановъ проговорилъ и потупился.

— Онъ-то любитъ! Кто бы говорилъ, только не ты!— вскричала Софи съ досадой.—Отойдите отъ меня, мнѣ и такъ душно!..—прибавила она.

Баклановъ отошелъ.

Софи между тѣмъ начала мало-по-малу смыкать глаза. Обрадованный этимъ Баклановъ, свернувшись кое-какъ на диванчикѣ, тоже началъ дремать.

Когда они проснулись, полдневное солнце совершенно сняло съ окружающихъ видовъ таинственный характеръ вечера и разсвѣтающаго утра, и очень ужъ хорошо было видно, что тамъ, пониже, вблизи человѣческихъ жилищъ, гораздо лучше, чѣмъ на этихъ голыхъ мертвыхъ вершинахъ.

— Поѣдемъ отсюда поскорѣе!—было первое слово Софи.

— Сейчасъ,—отвѣчалъ Баклановъ, проворно вставая.

— Только, пожалуйста, гдѣ бы этихъ горъ проклятыхъ не было: противны онѣ мнѣ!—восклицала Софи.

— Самое лучшее въ Веве: тамъ нѣтъ ни горъ ни людей, отдохнемъ и вполнѣ насладимся деревней.

— Да,—подтвердила Софи.

Баклановъ вышелъ распорядиться. Софи встала и потянулась. Она чувствовала ломоту во всемъ тѣлѣ. Цвѣтъ лица у ней былъ очень нехорошъ.

— О, какая скука это путешествіе! Все болитъ, вся грязная!..

И Софи чуть не заплакала.

При съѣздѣ съ горы, она не шалила больше и не гнала лошадь, и хоть смѣло, но какъ-то мрачно смотрѣла внизъ.

Баклановъ шелъ около нея пѣшкомъ.

Когда они проѣхали первую долину, то, обернувшись назадъ, оба невольно и въ голосъ воскликнули:

— Господи! Гдѣ мы были!

Дорожка, по которой они сходили, казалась тоненькою ленточкой.

Вдругъ на ней появилась движущаяся масса.

— Это monsieur англичанинъ ѣдетъ,—сказалъ проводникъ.

— Чтобы чортъ его дралъ!—произнесъ Баклановъ.

Но Софи ничего не сказала.

VI.

Жанъ-Жакъ Руссо, Шильонскій узникъ и Вольтеръ.

Веве — красивое мѣстечко на берегу Женевскаго озера. Набережная у него отдѣлана базальтомъ. Впереди рисуется противоположный берегъ своими мягкими очертаніями. Шире, нѣжнѣй, привольнѣй этого ландшафта трудно что-нибудь себѣ вообразить.

Баклановъ и Софи сидѣли на набережной и любовались этою водой, этими горами и облаками.

По небу безпрестанно пролетали птицы и точно восхищались тѣмъ, что̀ видѣли.

Баклановъ толковалъ о Руссо, о томъ, какъ этотъ философъ желалъ возвратить человѣчество къ болѣе естественному и натуральному состоянію.

— Что̀ за глупости!—сказала ему на это Софи.

Потомъ онъ объяснилъ ей, какъ madame Варранъ и изъ какихъ побудительныхъ причинъ полюбила юнаго и мечтательнаго Руссо.

— Что̀ за гадости!—сказала на это Софи.

Они долго потомъ, почти до самыхъ сумерекъ, гуляли рука объ руку.

Софи, впрочемъ, была болѣе скучна, чѣмъ весела.

На другой день она рѣшительно отказалась итти гулять, говоря, что ей не очень здоровится; но, оставшись одна, сейчасъ же заперла дверь и написала французскую записочку:

«Si vous voulez me voir, je serai à Paris dans une semaine et je m'arrêterai à l'hôtel de Bade.

«Sophie Leneff».

На конвертѣ она обозначила: «à Paris, monsieur Plumboque, poste restante».

Запечатавъ письмо съ своею обычною, нѣсколько лукавою физіономіей, она спросила у горничной, гдѣ почта, и сама сходила и отнесла его.

Баклановъ, желая показать, что ему ужасно весело въ Веве, цѣлое утро ходилъ по окрестностямъ, но на самомъ дѣлѣ ему

подъ конецъ стало очень скучновато. Красота природы приглядѣлась, а другимъ ничѣмъ онъ не былъ связанъ съ представляющеюся ему жизнью.

Впрочемъ, возвратясь домой, онъ уговорилъ Софи съѣздить покататься на лодкѣ.

Они поѣхали. Вдали виднѣлась башня.

— Знаешь ли, Софи, какая это знаменитая башня?—спросилъ ее Баклановъ.

— Нѣтъ!

— Это Шильонскій замокъ!

Софи изъ этого названія ничего не поняла.

— Да неужели же ты не знаешь поэмы Байрона?

И это нисколько не пояснило дѣла.

— Переведенной Жуковскимъ?—сказалъ Баклановъ.

— Мало ли у него поэмъ! Гдѣ жъ ихъ запомнить?—отвѣчала наконецъ Софи.

— Эта очень извѣстная, — отвѣчалъ ей, съ нѣкоторою досадою, Баклановъ и желалъ, видно, пополнить ея свѣдѣнія въ этомъ случаѣ: — ихъ три брата были посажены тутъ и прикованы къ столбамъ. Одинъ изъ нихъ видѣлъ, какъ двое братьевъ его умирали, и не могъ ни подать имъ руки, ни принять ихъ прощальнаго взора. Наконецъ освободили человѣка, а онъ не идетъ, не хочетъ: въ темницѣ своей все похоронилъ, и любовь свою и молодость!

— А долго ли онъ сидѣлъ?—спросила Софи.

— Долго.

— Когда же это было, давно?

— Давно.

— А за что его посадили?

На этотъ вопросъ Баклановъ рѣшительно не зналъ, что отвѣчать.

— За совершенно правое и законное возстаніе, во время, знаешь, этихъ религіозныхъ войнъ и всего этого вообще движенія,—отвѣчалъ онъ ей общею фразой.

— Можетъ-быть, это и не правда,—замѣтила Софи.

— Все равно это!.. Тутъ главное дѣло въ ощущеніяхъ узника которыя схвачены у поэта неподражаемо! — подхватилъ Баклановъ.

Но Софи, кажется, оставалась совершенно равнодушна къ этому достоинству.

— А вотъ это вѣдь Женева бѣлѣетъ. Это Женева?—спросилъ онъ гребцовъ.

— Oui, monsieur!—отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ.

— Вотъ, около нея, — продолжалъ Баклановъ, обращаясь

снова къ Софи:—въ Фернеѣ жилъ другой философъ, Вольтеръ «сей циникъ посѣдѣлый», «умовъ и моды вождь, пронырливый и смѣлый»! Знаешь эти стихи?

— Знаю,—отвѣчала Софи и сказала неправду.—А что̀, въ Парижъ чрезъ Женеву надобно ѣхать?—прибавила она.

— Черезъ Женеву.

— Такъ поѣдемъ лучше туда. Здѣсь рѣшительно больше нечего дѣлать.

— Какъ нечего? Гулять бы надобно!—возразилъ Баклановъ.

— Мы и то ужъ нагулялись,—замѣтила на это Софи.

— Вотъ кататься бы въ лодкѣ!—продолжалъ Баклановъ.

— Сегодня накатались!—опять объяснила Софи.

На другой день они въ самомъ дѣлѣ поѣхали на пароходѣ въ Женеву.

При видѣ каменныхъ тротуаровъ и съ большими окнами магазиновъ, героиня моя точно ожила. Не теряя времени, она пошла и купила себѣ цѣпочку, часы, бинокль.

— У тебя вѣдь все это есть!—замѣтилъ-было ей Баклановъ.

— Но у меня все такое дрянное,—отвѣчала Софи.

— Гдѣ жъ дрянное?—возразилъ онъ и пошелъ нанимать коляску, чтобъ ѣхать въ Ферней.

Проѣзжая мимо маленькаго, съ памятникомъ, островка, Баклановъ сказалъ Софи съ увлеченіемъ:

— Это островъ Жанъ-Жака Руссо!

Она кивнула головой, какъ бы дѣло шло о знакомомъ и надоѣвшемъ предметѣ. Дорога шла все въ гору. Когда поднялись на довольно значительную вышину, извозчикъ обернулся и, указывая хлыстомъ на даль, проговорилъ:

— Это Монбланъ!

— Чудо, прелесть!—восклицалъ Баклановъ.

Софи сидѣла молча.

Наконецъ они доѣхали до цѣли своей поѣздки.

— Это такой-то за̀мокъ!—воскликнула Софи, увидя весьма небольшой домикъ.

Баклановъ сталъ по ступенямъ крыльца подниматься съ какимъ-то благоговѣніемъ

— C'est le salon de monsieur Voltaire! — произнесъ провожавшій привратникъ.

Софи осмотрѣла кругомъ.

— Печи точно у старинныхъ помѣщиковъ въ домахъ,— проговорила она, какъ бы даже съ сожалѣніемъ.

На урнѣ, стоящей на высокомъ пьедесталѣ, было написано:

„Son esprit est partout,
Et son coeur est ici!“

— Тутъ пепелъ отъ его сердца хранится! — пояснилъ Баклановъ.

Софи ничего ему на это не сказала, но сдѣлала больше насмѣшливую, чѣмъ уважительную мину.

Въ спальнѣ великаго мыслителя и поэта они увидѣли альковъ съ оборваннымъ пологомъ и портретъ императрицы Екатерины.

— Какимъ же образомъ тутъ портретъ нашей императрицы?—спросила Софи Бакланова.

— Она была другъ Вольтера, неужели ты этого не знаешь?—отвѣчалъ онъ ей.

— Очень мнѣ нужно было это знать!—произнесла Софи.

Баклановъ покачалъ только головою.

Онъ ужъ очень хорошо понималъ, что подруга его для искусствъ, для поэзіи, для красоты природы была рѣшительно существо непроницаемое!

VII.

Баклановъ и Парижъ.

Поѣздъ желѣзной дороги не шелъ, а летѣлъ.

На станціяхъ все красивѣй и красивѣй стали попадаться наполеоновскіе жандармы.

Софи свое запыленное личико обтерла одеколономъ и поправила нѣсколько свой костюмъ.

Баклановъ, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи, безпрестанно заглядывалъ впередъ.

— Видать ужъ!—произнесъ онъ, почти со слезами въ голосѣ и откидываясь на спинку дивана.

— Я остановлюсь въ гостиницѣ Баденъ; а ты, пожалуйста, гдѣ-нибудь въ другомъ отелѣ! А то въ Парижѣ пропасть русскихъ...—сказала ему Софи.

— Хорошо... ты это мнѣ пятый разъ говоришь!—отвѣчалъ онъ ей съ досадой.

Стали наконецъ мелькать дома чаще и чаще, и наши путешественники въѣхали подъ арки вокзала.

Вышли.

— Что-то увидимъ?—произнесъ Баклановъ.

— Да и у меня сердце бьется,—отвѣчала ему Софи.

Софи, въ покойномъ, красивомъ ремизѣ, весело мотнувъ головой, сейчасъ же скрылась въ ближайшемъ переулкѣ.

Баклановъ взялъ себѣ другой экипажъ.

— Куда угодно ѣхать господину?—спросилъ его извозчикъ.

— Въ какой-нибудь отель, недалеко отъ отель де-Бадъ.

— Въ отель де-Лувръ!—произнесъ кучеръ, получившій изъ отель де-Лувръ болѣе на водку, чѣмъ въ другихъ отеляхъ.

— Ну хоть туда!—сказалъ Баклановъ.

Солнце между тѣмъ свѣтило полнымъ своимъ блескомъ на бѣлые дома и на гладко вымощенную мостовую.

При въѣздѣ на бульвары, у Бакланова наконецъ зарябило въ глазахъ. Экипажи ѣхали ему навстрѣчу, поперекъ, объѣзжали его. По тротуару, какъ бы на празднество какое, шла цѣлая непрерывная толпа народа, и всѣ такіе были по виду бодрые, нарядные, веселые. Прошелъ наконецъ и полкъ съ барабаномъ, бой котораго поднималъ всѣ ваши нервы. На каждомъ углу стоялъ городской сержантъ, въ своей треугольной шляпѣ и синемъ мундирѣ. При поворотѣ, около Вандомской колонны, мелькула площадь.

— Провезите меня туда, пожалуйста!..—сказалъ Баклановъ.

— Bien, monsieur! — отвѣчалъ съ гордостью извозчикъ и повезъ.

— Pas si vite! pas si vite, mon cher! — говорилъ, безпрестанно приподнимаясь изъ экипажа, Баклановъ.

— Это обелискъ! — сказалъ извозчикъ. Онъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ казненъ Людовикъ XVI и была гильотина.

— Но эти фонтаны, фонтаны, Боже ты мой! — говорилъ Баклановъ, смотря на прелестные въ самомъ дѣлѣ фонтаны: изъ роговъ изобилія, въ рукахъ нереидъ, огромными снопами била вода, и нимфы держали головы свои обращенными нѣсколько назадъ, какъ бы смотря, туда ли она попадаетъ, куда надо.

— Что̀ это за зданіе? — спрашивалъ Баклановъ, совсѣмъ какъ бы растерявшись.

— Тюльери!.. Императоръ тутъ теперь живетъ, — отвѣчалъ извозчикъ.

Баклановъ обернулся въ другую сторону и замеръ отъ удивленія.

— А это?

— Это, — отвѣчалъ извозчикъ: — Елисейскія поля, а вонъ арка тріумфальная. Это мѣсто, господинъ, хорошее, красивое!

— Чудо что̀ такое! такихъ ощущеній нельзя вдругъ подолгу переживать: везите меня поскорѣе въ отель!

Извозчикъ поѣхалъ.

— Это мѣсто хорошее, господинъ, хорошее!—повторялъ онъ въ одно и то же время добродушно и многозначительно.

Въ отелѣ Бакланову предложили номеръ въ пять франковъ.

Въ мило-убранной комнатѣ, съ каминомъ, съ коврами, съ

мраморнымъ умывальникомъ, онъ наконецъ снялъ съ себя пыльное дорожное платье и сѣлъ.

— Да, матушка Россія, да! — началъ онъ вслухъ повторять:—далеко тебѣ еще до Европы: и теплѣй-то она тебя, и умнѣй, и изящнѣй, и богаче.

Умывшись и пріодѣвшись, онъ отправился въ Пале-Рояль.

«Что̀ такое этотъ Пале-Рояль? Вѣроятно, что-нибудь великолѣпное»,—рѣшалъ онъ мысленно, но, подойдя, долженъ былъ спуститься нѣсколько ступеней внизъ и очутился на какомъ-то четвероугольномъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ домами съ магазинами и ресторанами.

Онъ зашелъ въ одинъ изъ нихъ и спросилъ себѣ обѣдъ.

— И это за четыре франка все, за нашъ цѣлковый!—говорилъ онъ, допивая послѣдній глотокъ довольно сноснаго вина.

Кофе пить онъ пошелъ въ одну изъ бульварныхъ кофеенъ.

Открывшаяся тутъ ему панорама показалась просто сказочною.

Начинали уже зажигать газъ. Магазины совершенно показывали свои внутреннія, богатыя, красивыя убранства. Въ каждомъ почти изъ нихъ виднѣлось хорошенькое личико торгующей мадамъ.

Около Бакланова тоже сѣли двѣ дамы. Одѣты онѣ были роскошно, но съ замѣтно набѣленными лицами, и какъ сѣли, такъ сейчасъ же постарались поднять высоко-высоко свои платья.

Баклановъ имъ невольно улыбнулся. Онѣ ему тоже улыбнулись.

— Этотъ monsieur очень хорошъ собой!—сказала одна изъ нихъ, громко и явно показывая на него.

— Да, я желала бы его поцѣловать!—отвѣчала другая.

Бакланову это несовсѣмъ понравилось; онъ всталъ и пошелъ.

Увидавъ на одномъ изъ домовъ надпись: «Hôtel de Bade», онъ зашелъ и спросилъ о Софи.

— Mais madame n'est pas à la maison!—отвѣчала ему черноволосая привратница.

«Гдѣ жъ это она, вѣтреница, до сихъ поръ?» — подумалъ не безъ досады Баклановъ и кликнулъ извозчика.

— Au Bal Mabil!—сказалъ онъ.

— Oui, monsieur!—отвѣчалъ тотъ и повезъ.

«Тамъ, должно-быть, что-нибудь вакхическое, одуряющее!»— мечталъ герой мой, проѣзжая Елисейскими полями.

Цѣлая масса огня горѣла на воротахъ Баль-Мабиля.

Баклановъ вошелъ не безъ удовольствія.

Свѣтъ газа пробѣгалъ по газонамъ, свѣтился въ самыхъ цвѣтахъ и горѣлъ въ разнообразнѣйшихъ, развѣшанныхъ по деревьямъ шарахъ.

Баклановъ пробрался къ толпѣ, гдѣ танцовали.

Двѣ дѣвицы, очень некрасивыя собой, наклоняясь подъ музыку, поднимали платья.

Бакланову сдѣлалось жалко, зачѣмъ это онѣ дѣлали.

Перейдя на другую сторону, онъ увидѣлъ дѣвицу получше, которая, совсѣмъ почти лежа на плечѣ кавалера, танцовала; потомъ вдругъ подняла ногу и задѣла при этомъ одного господина за носъ. Онъ и вся стоявшая публика захохотали.

Баклановъ наконецъ захотѣлъ поговорить съ какою-нибудь изъ этихъ госпожъ.

— Mademoiselle!—обратился онъ къ одной изъ нихъ несовсѣмъ смѣло.

— Ci-devant, monsieur!—отвѣчала ему та съ грустью.

При этомъ шедшая съ ней подруга захохотала осиплымъ и почти мужскимъ голосомъ.

Еще съ полчаса Баклановъ не зналъ, какъ и просидѣть.

Выйдя изъ сада и пройдя по Елисейскимъ полямъ, онъ наконецъ вздохнулъ посвободнѣе.

— Все то мерзость; а это вотъ и это—прелесть!—произнесъ онъ, показывая на весело и безпечно идущую по широкимъ панелямъ толпу и на виднѣющееся въ высотѣ темно-синее небо. Въ воздухѣ между тѣмъ было что-то раздражающее. Онъ опахивалъ въ одно и то же время теплотой и свѣжестью. Баклановъ живо чувствовалъ во всемъ тѣлѣ своемъ какую-то нѣгу и сладострастіе.

VIII.

Софи и Парижъ.

Не менѣе разнообразно проводила свое время и Софи.

Въ гостиницѣ Баденъ она заняла номеръ въ десять франковъ.

Надѣвъ свое лучшее платье, свою новую шляпку и бурнусъ, она сейчасъ же вышла на улицу; но, Боже мой, какъ показался ей весь нарядъ ея несвѣжъ и старомоденъ!

— Къ Ротшильду въ контору!—сказала она.

Извозчикъ подвезъ.

Софи робко вошла въ грязноватое помѣщеніе.

— Сколько угодно вамъ получить по вашему кредитиву?—спросилъ ее плѣшивый кассиръ.

— Десять тысячъ франковъ.

Ей сейчасъ же отсчитали золотомъ.

Она совершенно небрежно положила эту чувствительную сумму въ свой кармашекъ и вышла.

— Въ лучшій магазинъ, гдѣ дамскіе наряды дѣлаются!— сказала она своему возницѣ.

Тотъ мотнулъ въ отвѣтъ головой и подвезъ ее къ цѣлому дому-магазину.

Софи вошла сначала по мраморной, а потомъ по чугунной, съ золотомъ, лѣстницѣ. Красивые французы и красивыя француженки окружили ее.

— Мнѣ нужно платье, или, лучше сказать, весь туалетъ.

— Avec grand plaisir, madame, avec grand plaisir!—восклицали француженки и повели ее.

При видѣ нѣкоторыхъ матерій и фасоновъ, у Софи даже дыханье захватывало.

Часа четыре, по крайней мѣрѣ, она ходила, пересматривала; съ нея снимали мѣрку, восхищались ея красотой. Наконецъ она вышла и поѣхала въ магазинъ бѣлья.

Тамъ ей говорили:

— Вамъ нужно батистовое бѣлье. Вамъ нужно сдѣлать ночное особенное, съ длинными рукавами.

Сама содержательница магазина даже обидѣлась, когда Софи сказала ей, что у ней есть для ночи кофты.

— Кто жъ, madame, нынче кофты носитъ?.. Кто носитъ?..— восклицала она.

Софи, чтобъ успокоить ее, поспѣшила заказать бѣлье съ длинными рукавами.

Изъ магазина бѣлья она поѣхала въ магазинъ обуви.

— Ваша ножка восхитительна! — говорилъ ей французъ, снявъ съ нея ботинку, и даже пожалъ ей при этомъ ножку, а когда надѣлъ свою ботинку, то попросилъ ее встать и походить.

Софи встала.

— Вы вѣдь, madame, не ходите, а летаете.

Софи въ самомъ дѣлѣ чувствовала какую-то особенную легкость и живость. Она взяла у него паръ восемь разнаго рода обуви.

Было уже часовъ семь.

Софи, вспомнивъ наконецъ, что она еще ничего не кушала, возвратилась въ своей отель и прошла прямо въ обѣденную залу.

Тамъ сидѣло за столомъ человѣкъ пятьдесятъ. Софи робко сѣла на одно пустое мѣсто. Она въ первый еще разъ обѣдала одна. Впрочемъ, ей было весело: всѣ почти мужчины съ замѣтнымъ вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣли на нее.

Откушавъ и выйдя на улицу, Софи рѣшительно не въ состояніи была вернуться въ свой номеръ. Ей такъ все нравилось, такъ все ее прельщало!..

Она взяла экипажъ и поѣхала въ Елисейскія поля, гдѣ пошла-было пѣшкомъ, погулять. Тысячи огней горѣли въ аллеяхъ и придавали всему нѣсколько таинственный видъ.

Софи шла по дорожкѣ.

Къ ней, на первыхъ же шагахъ, присталъ какой-то господинъ.

— Я васъ провожаю!—сказалъ онъ

— Non, non, non, monsieur!—поспѣшно отвѣчала Софи.

Она уже струсила и опять сѣла въ экипажъ.

При возвращеніи домой, привратница, подавая ей ключъ, объявила:

— У васъ были три господина: одинъ высокій, съ бородой, другой черноволосый, съ усами, третій блондинъ.

Софи, не безъ гордости и не безъ удовольствія, мотнула ей головой въ отвѣтъ и начала взбираться въ свой номеръ.

Тамъ она въ утомленіи, но съ замѣтно довольнымъ лицомъ, сѣла и начала припоминать, что̀ она видѣла.

Вдругъ въ двери постучали.

— Entrez!—сказала она.

Вошелъ мужчина: Петцоловъ въ штатскомъ платьѣ и съ бородой.

— Ахъ, какой ты смѣшной!..—было первое слово Софи.

— А что̀ же? — спросилъ молодой человѣкъ, какъ бы нѣсколько обидѣвшись.

— Въ штатскомъ платьѣ...

— Надоѣла ужъ эта ливрея-то, да здѣсь и нельзя.

— Знаю это; но зачѣмъ однако пришелъ такъ поздно?

— Три раза былъ у васъ,—говорилъ Петцоловъ, беря обѣ ея руки и цѣлуя ихъ.

— Нѣтъ, нельзя такъ поздно,—отвѣчала Софи, не отнимая, впрочемъ, рукъ.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, хоть насмотрѣться на васъ немножко! — произнесъ молодой человѣкъ съ замѣтнымъ чувствомъ и сѣлъ на диванъ.

— Ну, смотрите!—сказала Софи, вставая противъ него.

— Вотъ такъ! — произнесъ Петцоловъ, обнимая ее и притягивая къ себѣ.

— Ну, вотъ, поцѣлую васъ, и будетъ: отправляйтесь домой!—сказала Софи.

— Не вижу къ тому никакой побудительной причины! — думалъ-было шуткой отыграться молодой человѣкъ.

— Александръ вѣдь тоже въ Парижѣ. Очень можетъ быть, что зайдетъ еще ко мнѣ.

— Но вѣдь онъ не ревнивъ!

— Да, не ревнивъ! Отправляйтесь, отправляйтесь!.. Я къ вамъ или пришлю, или напишу, или сама заѣду.

— Вы знаете, я стою въ отель де-Биронъ!

— Знаю, отправляйтесь!—торопливо говорила Софи и почти что насильно выпроводила своего гостя за двери.

Потомъ сейчасъ же раздѣлась и улеглась на упругій тюфякъ.

— Какъ тутъ славно!—сказала она, ударивъ по немъ ручкой и покачнувшись при этомъ всѣмъ своимъ прелестнымъ тѣломъ.

IX.

Глупое положеніе.

Въ совершенно приличный часъ для визитовъ, въ дверь Софи раздался несмѣлый стукъ.

Она въ эти минуты была вся обложена разными рюшами, газами, матеріями. Передъ ней стояла такая же, какъ и она сама, красивая француженка.

— Entrez!—сказала Софи на второй ужъ стукъ.

Дверь отворилась: вошелъ англичанинъ, въ свѣтлѣйшей шляпѣ, въ перчаткахъ огненнаго цвѣта и сапогахъ на толстѣйшихъ подошвахъ.

— Bonjour!—весело проговорила ему Софи:—pardon, что я займусь еще нѣсколько минутъ.

— О, madame!—произнесъ англичанинъ и чопорно сѣлъ.

Софи принялась смотрѣть на рисунокъ, который чертила ей портниха, и только по временамъ съ улыбкой и ласково взглядывала на своего гостя.

Тотъ при этомъ всегда немножко краснѣлъ.

Наконецъ раздался опять стукъ въ двери. Софи съ безпокойствомъ взглянула на нихъ.

— Entrez!—сказала она.

Вошелъ Баклановъ.

Увидавъ англичанина, онъ, какъ ни старался это скрыть, замѣтно выразилъ въ лицѣ своемъ неудовольствіе и недоумѣніе.

— Bonjour!—говорилъ онъ, протягивая безъ церемоніи руку Софи.—Je vous salue!—прибавилъ онъ англичанину и затѣмъ, усѣвшись на диванъ, небрежно развалился.

— Я зашелъ къ вамъ, Софи: когда жъ мы съ вами поѣдемъ прокатиться по Парижу?

— Все занята!—отвѣчала ему Софи.

— Если позволите мнѣ предложить вамъ мой экипажъ,—сказалъ англичанинъ:—онъ и лошади у меня очень хороши!

— Ахъ, пожалуйста! Я ужасно люблю хорошіе экипажи и хорошихъ лошадей,—воскликнула Софи.

— Но у васъ, какъ у путешественника, вѣроятно, тоже нанятой,—замѣтилъ ему Баклановъ.

— Нѣтъ, мой дядя здѣсь посланникъ: все семейство наше очень любитъ лошадей!—отвѣчалъ скромно англичанинъ.

— Monsieur Plumboque лордъ,—пояснила Софи.

Замѣчаніе это показалось Бакланову глупо и пошло.

— Теперь часъ гулянья въ Булонскомъ лѣсу: угодно вамъ, madame, и вамъ, monsieur? — продолжалъ вѣжливо англичанинъ, сначала обращаясь къ Софи, а потомъ къ Бакланову.

— Въ восторгѣ, monsieur Plumboque, отъ вашего предложенія, въ восторгѣ! — произнесла Софи и ушла вмѣстѣ съ модисткой въ слѣдующую комнату, чтобы надѣть тамъ свой новый нарядъ.

Туалетъ ея, разумѣется, продолжался около часу, и въ продолженіе этого времени англичанинъ нѣсколько разъ обращался къ Бакланову съ разговорами, но тотъ отвѣчалъ ему больше полусловами и зѣвая.

Онъ соглашался съ ними ѣхать, единственно не желая показать, что онъ тутъ что-нибудь подозрѣваетъ или ревнуетъ.

Софи вышла шумно и гордо. Модистка тоже вышла за ней не безъ гордости.

Лошади и экипажъ англичанина оказались дѣйствительно такіе, что Софи и Баклановъ подобныхъ еще и не видывали Онъ упросилъ ихъ сѣсть на заднюю скамейку, а самъ сѣлъ напротивъ.

Понеслись.

Кто видалъ цѣпь экипажей часа въ три, отъ Тюльери до Тріумфальныхъ воротъ, тотъ знаетъ, сколько тутъ роскоши, красоты, изящества, какіе львы и львицы сидятъ, какіе львы, запряженные у дышла, несутся.

Софи совершенно была счастлива своимъ нарядомъ и своимъ экипажемъ. Одно только непріятно ей было, что рядомъ съ ней сидѣлъ Баклановъ въ довольно поношенномъ пальто.

Впереди ихъ скакалъ взводъ старой гвардіи, конвоировавшій маленькаго принца Наполеона.

Софи ужасно хотѣлось обогнать ихъ, и они обогнали.

Она увидѣла въ коляскѣ двухъ дамъ и какого-то маленькаго мальчугана.

Въ Булонскомъ лѣсу они, какъ водится, остановились у искусственнаго водопада.

Софи сейчасъ же весело побѣжала туда. Англичанинъ пошелъ за ней.

Баклановъ не пошелъ: ему странно показалось бѣгать за этой госпожой, куда только ей было угодно.

Онъ видѣлъ, какъ на верхъ утеса Софи всходила, опираясь на руку англичанина. Потомъ видѣлъ, какъ они спустились оттуда и стали проходить подъ водою, по темноватой пещерѣ, и довольно долго оттуда не выходили. Наконецъ они вышли и, какъ бы совершенно забывъ о его существованіи, снова скрылись въ лѣсу.

Бакланову наконецъ показалось смѣшно его положеніе.

Онъ велѣлъ подать себѣ завтракъ, съѣлъ его, выпилъ бутылку вина, но товарищи не возвращались.

Терпѣніе его истощилось.

Онъ взялъ перваго попавшагося извозчика и уѣхалъ.

X.

Конецъ исторіи любви.

Баклановъ цѣлую ночь не спалъ отъ досады и ревности.

Вставъ поутру, онъ прямо отправился къ Софи, чтобъ имѣть съ ней рѣшительное объясненіе.

Дорогой онъ все прибиралъ самыя рѣзкія выраженія.

«Если это одно только кокетство, такъ глупое, неприличное кокетство,—думалъ онъ.—Если же любовь, такъ зачѣмъ не сказать прямо: я люблю другого, а не васъ».

Въ гостиницѣ Баденъ, взбѣжавъ по винтообразной лѣстницѣ къ номеру Софи, онъ услыхалъ тамъ ея веселый и несовсѣмъ естественный смѣхъ.

Не столько съ умысломъ, сколько по торопливости, онъ, не постучавшись, отворилъ дверь.

— Ахъ!—раздался голосъ Софи.

Петцоловъ въ это время цѣловалъ ее въ шею.

— Pardon, madame!—сказалъ Баклановъ, проворно отступая назадъ и захлопнувъ дверь.—Pardon!—повторилъ онъ и пошелъ.

— Александръ! Александръ! — послышался-было съ лѣстницы ея голосъ.

Но Баклановъ не обернулся.

На душѣ его бушевала уже не ревность, а презрѣніе къ Софи: такого поступка онъ все-таки не ожидалъ отъ нея.

Цѣлый день послѣ того онъ ходилъ по Парижу, чтобы какъ-нибудь забыться; на другой день тоже. Главнымъ образомъ его мучила мысль, что̀ ему съ собой дѣлать (онъ собственно и за границу поскакалъ за Софи, потому что не зналъ, что̀ съ

собой дѣлать въ деревнѣ). Всѣ женщины, жизнь которыхъ была не безукоризненна и которыми онъ такъ еще недавно восхищался, стали ему казаться омерзительны, но зато, Боже мой, въ какомъ свѣтозарномъ ореолѣ представилась ему его чистая и непорочная жена! Безъ мучительной тоски и тайнаго стыда онъ не въ состояніи былъ видѣть маленькихъ дѣтей, воображая, что и онъ тоже отецъ!.. Съ чувствомъ искренней зависти онъ смотрѣлъ на каждаго солиднаго господина, идущаго подъ руку съ солидною дамой, припоминая, что онъ нѣкогда гулялъ такъ съ Евпраксіей, при чемъ обыкновенно всегда ужасно скучалъ, но теперь это казалось ему величайшимъ блаженствомъ!.. Десять лѣтъ жизни онъ готовъ былъ отдать, чтобы только возвратиться къ семейству, но въ то же время не смѣлъ и подумать объ этомъ!..

Наконецъ скука и одиночество пересилили его; онъ рѣшился, что̀ бы тамъ ни было, написать Евпраксіи совершенно откровенное письмо и звать ее къ себѣ въ Парижъ. Если она пріѣдетъ къ нему, значитъ, еще любитъ его, а потому все ему проститъ, а если напишетъ письмо только, то тамъ видно будетъ, какое именно.

«Безцѣнный другъ!—писалъ онъ.—Ты въ Петербургѣ теперь. Пріѣзжай, Бога ради, въ Парижъ и спаси меня отъ самого себя. Какъ велико было мое преступленіе противъ тебя, такъ велико и раскаяніе. Я бы самъ къ тебѣ летѣлъ, да не смѣю этого сдѣлать, и притомъ тяжко боленъ!»

Даже за прощеніемъ онъ не хотѣлъ самъ итти, а желалъ, чтобъ ему принесли его: баловень и счастливецъ былъ судьбы!

XI.

Обращеніе къ болѣе серьезнымъ занятіямъ.

Въ полицейскомъ отдѣленіи Palais de Justice происходилъ судъ надъ пятьюдесятью человѣками, которые хотѣли произвести демонстрацію при представленіи пьесы адъютанта наполеоновскаго.

Баклановъ, значительно успокоившійся послѣ отправки письма къ женѣ, тутъ же сидѣлъ около стенографовъ.

Онъ въ первый еще разъ былъ въ открытомъ судѣ и видѣлъ политическихъ преступниковъ.

Судьи и адвокаты въ мантіяхъ и шапочкахъ тоже сильно его занимали.

Императорскій прокуроръ, съ испитымъ лицомъ, показался ему противенъ.

Два главные агитатора: бывшій аптекарь, почти уже старикъ, съ большою сѣдою бородой, и другой—молодой человѣкъ, черноволосый, сидѣли отдѣльно. Ихъ выразительныя и характерныя физіономіи чрезвычайно понравились Бакланову.

Прочіе преступники помѣщались всѣ на амфитеатрѣ противъ судей; почти около каждаго изъ нихъ сидѣлъ солдатъ.

Баклановъ все высматривалъ присяжныхъ.

— Скажите, гдѣ жъ присяжные?—обратился онъ къ одному молодому адвокату.

— О, здѣсь нѣтъ присяжныхъ! — отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ:—это судъ полицейскій.

— Но преступленіе вѣдь, кажется, очень важное.

— Нѣтъ, что̀ жъ: нарушеніе правилъ благочинія, уличный скандалъ.

— Однако я самъ читалъ ихъ прокламацію и воззванія не къ уличному скандалу.

— Да, — отвѣчалъ съ улыбкою адвокатъ: — но императоръ не желаетъ придавать этому никакого особеннаго значенія.

— Однако, можетъ-быть, этихъ людей сошлютъ на галеры?— прибавилъ Баклановъ.

— Вѣроятно,—подтвердилъ адвокатъ.

Баклановъ исполнился удивленія и негодованія и, придя домой, сейчасъ же началъ писать статью: «Объ открытомъ судѣ вообще, и каковъ онъ во Франціи». Весь запасъ старыхъ университетскихъ свѣдѣній, все, что̀ прочтено потомъ въ журналахъ, все это было воскрешено въ памяти, и статейка вышла весьма, весьма приличная.

— Вотъ это жизнь! — говорилъ онъ, проработавъ съ утра до самаго обѣда.

Трудомъ своимъ ему ужасно хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться.

Разъ, идя по бульвару, онъ увидѣлъ Галкина, шедшаго съ какимъ-то господиномъ.

Юноша сей, замѣтивъ его, сейчасъ же хотѣлъ-было дать тягу въ сторону, но Баклановъ самъ подошелъ къ нему.

— Здравствуйте-съ!—сказалъ онъ ему довольно привѣтливо.

— Ахъ, да, здравствуйте! — отвѣчалъ робко и съ удовольствіемъ Галкинъ.

Шедшій съ нимъ господинъ тоже поклонился Бакланову. Тотъ всмотрѣлся въ него.

— А, monsieur Басардинъ! Здравствуйте.

— Скажите, пожалуйста, — началъ тотъ: — вы съ сестрою моей сюда пріѣхали?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Баклановъ смѣло, но въ сущности

весьма сконфуженный. — Мы были съ ней въ Баденѣ, а потомъ она поѣхала куда-то въ Швейцарію, а я въ другое мѣсто.

— Досадно! — проговорилъ Викторъ, крутя усы.

Съ молодымъ Галкинымъ онъ не только не былъ врагъ, а, напротивъ, въ дружбѣ съ нимъ находился, и Галкинъ, по преимуществу, уважалъ Басардина за то, что онъ продергивалъ въ печати его отца.

Когда потомъ узналось, что Басардину плятятъ изъ откупа за то, чтобъ онъ молчалъ, то молодой человѣкъ и это въ немъ уважилъ, говоря, что съ этакихъ скотовъ слѣдуетъ брать всякому.

— Я либеральному человѣку, — пояснилъ онъ: — все прощаю, что̀ бъ онъ ни сдѣлалъ.

Теперь они жили даже вмѣстѣ и постоянно ходили подъ руку.

— А что̀, господа, не свободны ли вы какъ-нибудь вечеркомъ? — заговорилъ вдругъ Баклановъ нѣсколько заискивающимъ голосомъ.

— А вамъ что̀? — спросилъ Галкинъ.

— Да мнѣ бы хотѣлось прочесть вамъ мою статейку, которую я написалъ по случаю разныхъ парижскихъ распорядковъ. Вотъ и вамъ, господинъ Басардинъ.

— Я очень радъ, я свободенъ! — произнесъ съ восторгомъ Галкинъ.

Басардинъ молчаливымъ поклономъ изъявилъ согласіе. Несомнѣнный ли успѣхъ его новыхъ произведеній, въ которыхъ онъ называлъ ужъ прямо по именамъ тѣхъ лицъ, о которыхъ писалъ, или Викторъ имѣлъ въ головѣ своей какое-нибудь еще новое и болѣе серьезное предпріятіе, только онъ замѣтно важничалъ и былъ какъ-то таинственененъ.

Чтеніе условлено было на другой день вечеромъ.

Отойдя отъ своихъ будущихъ судей, Баклановъ нѣсколько даже устыдился, передъ кѣмъ это онъ будетъ читать.

«Что̀ же,—успокаивалъ онъ себя:—молодой этотъ человѣкъ хоть и недалекъ, но по стремленіямъ своимъ благороденъ, а Басардинъ — самъ извѣстный обличительный писатель!»

XII.

Красные.

На среднемъ столѣ, въ номерѣ Бакланова, стояли сифонъ содовой воды, сахаръ въ серебряной сахарницѣ, красное вино, и посреди всего этого лежала тетрадка.

Часовъ въ восемь пришли гости.

Басардинъ былъ попрежнему мраченъ и серьезенъ, а Галкинъ, хоть и вольнодуменъ, но доволенъ.

Баклановъ, съ свойственнымъ всѣмъ авторамъ нетерпѣніемъ и робостью, ожидалъ начала чтенія.

Судьи его наконецъ усѣлись.

Басардинъ, какъ опытный литераторъ, сѣлъ поближе у самаго стола, а Галкинъ на диванѣ въ глубоко-внимательной позѣ.

— Ну-съ, такъ я начну, — говорилъ Баклановъ, слегка откашливаясь, и зачиталъ:—«Всѣ великія истины просты и часто даются человѣчеству непосредственно: первобытные народы судили своихъ преступниковъ судомъ открытымъ, гласнымъ; впослѣдствіи это предоставлено было лицамъ избраннымъ, судьямъ, и только уже съ развитіемъ цивилизаціи, съ внесеніемъ въ общественный распорядокъ высшихъ нравственныхъ идей, общество снова обратилось къ первоначальной формѣ суда».

— Да позвольте-съ, — перебилъ его Галкинъ: — въ первобытныхъ обществахъ совсѣмъ другое считалось преступленіемъ, воровство тамъ было ловкостью, а убійство — молодечествомъ.

— Да такъ и надо! — подхватилъ, съ мрачнымъ выраженіемъ, Басардинъ:—пусть всякій защищается самъ, а у насъ статью, вонъ, про кого напишешь, такъ сейчасъ въ острогъ ладятъ засадить.

— Да я не про то совсѣмъ, господа, говорю! — возражалъ удивленный и сконфуженный этими замѣчаніями Баклановъ.— Я объясняю только, какъ въ обществахъ человѣческихъ шелъ исторически судъ.

— Ничего я не вижу изъ вашихъ объясненій, ничего!.. — возражалъ ему Галкинъ.

Баклановъ сдѣлалъ замѣтно недовольную мину.

— Я говорю-съ,—началъ онъ пунктуально:—что судъ сначала принадлежалъ вполнѣ самому обществу, судили, такъ сказать, простымъ мірскимъ приговоромъ; наконецъ стали судить по обычаямъ, преданіямъ; а тамъ, послѣ разныхъ комбинацій, онъ дѣлается, напримѣръ, во времена феодальныя, принадлежностью начальника—барона. Это вѣдь безсмыслица!

— Разумѣется, — подтвердилъ Галкинъ.

— Отъ барона онъ передается судьѣ-спеціалисту, произволъ котораго все-таки связывается преданіями и законами. Согласны вы съ этимъ?

— Совершенно! — подтвердилъ Галкинъ.

Но Басардинъ, замѣтно дѣлавшій надъ собой усиліе, чтобы

понять, что̀ тутъ говорилось, на этомъ мѣстѣ вдругъ поднялъ голову.

— Вы говорите, въ феодальныя времена начальники-бароны судили... Вотъ на Кавказѣ я служилъ... Тамъ дикій совершенно народъ, а тоже начальники судятъ: возьметъ да и застрѣлитъ, и баста!

— Я не то совсѣмъ говорю! — отвѣчалъ ему съ досадой Баклановъ.—Судьѣ-спеціалисту,—продолжалъ онъ: — придали наконецъ судъ по совѣсти, то-есть присяжныхъ, или, другими словами, внесли элементъ прежняго общественнаго суда.

— Я не понимаю, къ чему вы все это ведете?—возразилъ Галкинъ.

— И я тоже! — подтвердилъ Басардинъ.

— Веду къ тому-съ, — отвѣчалъ Баклановъ: — что у насъ, собственно въ Россіи, вопросъ этотъ теперь на очереди. Въ противодѣйствіе ему обыкновенно ставятъ то, что у насъ не можетъ быть присяжныхъ, что они необразованы. Прекрасно-съ. Но они должны быть таковы, потому что таковы и преступники. Человѣкъ живетъ въ извѣстномъ обществѣ, знаетъ всѣ его условія. Только это общество и имѣетъ право судить его. Странно было бы, если бы краснокожаго людоѣда стали судить англійскіе присяжные, а madame Лафаржъ—калмыцкій судъ.

— Что̀ жъ изъ этого будетъ, если вы одну эту форму введете, а тысяча другихъ, старыхъ ветошей останется?

— Что̀ жъ дѣлать съ этимъ?

— Надобно все измѣнить, — отвѣчалъ Галкинъ: — уничтожить сословія; сдѣлать землю совершенно свободною, какъ воздухъ, пусть всякій беретъ ее, сколько ему надобно; уничтожить бракъ, семью.

— Это земля тамъ, и сословія, все это пустяки!—перебилъ его Басардинъ: — а главное, чтобъ деньги у этихъ каналій-богачей не лежали!

— И чтобы деньги не лежали!

— Да кто же вамъ позволитъ это сдѣлать, господа? — возразилъ Баклановъ.

— Итти, такъ позволятъ! — подхватилъ Галкинъ, выворачивая при этомъ глаза, чтобы сдѣлаться пострашнѣй.

— Взять топоръ, такъ позволятъ!—подхватилъ Басардинъ, грозно тряхнувъ головой и поднявъ кулакъ на воздухъ.

— Господа, вы разсуждаете, какъ дѣти, какъ мальчики! — воскликнулъ Баклановъ.

— Нѣтъ, мы разсуждаемъ, потому что знаемъ...

— Что̀ вы знаете?

— Знаемъ, чего хочетъ народъ.

— Какой?

— Русскій!..

— Да народъ васъ первыхъ побьетъ каменьями, — закричалъ ужъ Баклановъ.

— Ха-ха-ха!—отвѣтили ему на это молодые люди.

Затѣмъ сдѣлался всеобщій шумъ.

— Глупо, господа, глупо! Какъ хотите! — восклицалъ Баклановъ.

— Я не понимаю васъ, не понимаю!—отвѣчалъ, топорщась, Галкинъ.

— Такъ говорить подло, низко. скверно! — произносилъ, скрежеща зубами, Басардинъ.

Споръ этотъ прерванъ былъ вошедшимъ человѣкомъ.

— Monsieur, madame votre épouse est arrivée! — сказалъ онъ Бакланову.

У того мновенно выскочили изъ головы и статья, и открытый судъ, и невѣжественные опоненты его, и въ воображеніи представлялась сердитая и укоряющая Евпраксія.

— Гдѣ она?..—говорилъ онъ робкимъ голосомъ, выходя за лакеемъ въ коридоръ, и очень былъ радъ, что тамъ было не такъ свѣтло.

— Monsieur!—сказалъ ему лакей, показывая на стоявшую невдалекѣ даму съ мужчиной: послѣдній былъ Валерьянъ Сабакѣевъ.

— Une chambre! — сказалъ Баклановъ лакею и подошелъ къ женѣ.

— Пріѣхали!—проговорилъ онъ радостно-заискивающимъ голосомъ.

Евпраксія ничего ему не отвѣчала и вошла въ отворенную лакеемъ дверь.

Баклановъ замѣтилъ, что она очень похудѣла и въ то же время похорошѣла, хотя выраженіе лица ея было почти суровое.

— Ну, здравствуйте-съ!—сказалъ-было онъ опять ласково и поцѣловалъ у жены руку, но Евпраксія и тутъ ему ничего не сказала.

Не зная, какъ себя держать, Баклановъ заговорилъ съ шуриномъ.

— И вы, Валерьянъ, пріѣхали, — это прекрасно!

— Пріѣхалъ, — отвѣчалъ Валерьянъ.

Въ голосѣ его Бакланову тоже послышались какъ бы насмѣшка и неудовольствіе.

Евпраксія, видимо утомленная дорогой, сѣла. Баклановъ

осмѣлился взглянуть на нее повнимательнѣе и хоть бы малѣйшее замѣтилъ въ чертахъ лица ея снисхожденіе къ себѣ.

— Что̀ жъ, ты здоровъ?—проговорила наконецъ она.

— Здоровъ! — отвѣчалъ Баклановъ какою-то фистулой.

— Какъ же ты писалъ, что боленъ?

— Выздоровѣлъ.

Въ это время въ номеръ вошелъ лакей.

— Ваши гости спрашиваютъ, возвратитесь вы къ нимъ или нѣтъ? — сказалъ онъ Бакланову.

— Убирались бы къ чорту! — отвѣчалъ тотъ.

Лакей съ улыбкой вышелъ.

Сабакѣевъ обратился къ сестрѣ.

— Ну, такъ я пойду,—сказалъ онъ.

— Ступай! — отвѣчала ему та съ ласковой улыбкой.

— Куда это, мой милѣйшій? — спросилъ его Баклановъ.

— Нужно! — отвѣчалъ Сабакѣевъ и ушелъ.

Оставшись съ женою вдвоемъ, Баклановъ рѣшительно не находился, что̀ ему дѣлать.

— Куда это братъ пошелъ? — поспѣшилъ онъ о чемъ-нибудь заговорить.

— Къ невѣстѣ своей,—отвѣчала односложно Евпраксія.

— Вотъ какъ!.. Кто же она такая?

— Елена, дочь madame Базелейнъ.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Баклановъ, какъ бы и съ живымъ участіемъ: — дѣвочкой еще маленькою помню!.. Какъ же она въ Парижъ попала?

— Пріѣхала съ матерью, съ водъ.

— Что̀ жъ, милая особа?

На этотъ вопросъ Евпраксія ничего не отвѣтила.

Въ коридорѣ между тѣмъ раздался русскій говоръ.

— Рѣзню хорошую устроить, такъ... — говорилъ Басардинъ.

— Д-да! — подтвердилъ Галкинъ.

Евпраксія посмотрѣла на мужа.

— Это у тебя, вѣрно, были? — спросила она.

— У меня!

— Кто такіе?

— Такъ, шуты одни гороховые! — отвѣчалъ Баклановъ.

Онъ разрывался въ душѣ отъ стыда: лучше бы Евпраксія сердилась, укоряла, бранила его, чѣмъ устремляла на него этотъ холодный и презрительный взглядъ.

XIII.

Еще новая героиня.

Прошелъ день, два. Положеніе Бакланова продолжало оставаться очень неловкимъ: Евпраксія ѣздила съ нимъ по Парижу, все осматривала, всѣмъ очень интересовалась, но о прошедшемъ его поступкѣ хоть бы слово. Баклановъ однако очень хорошо видѣлъ, что это было не прощеніе, а скорѣе равнодушіе и невниманіе къ тому, что̀ онъ дѣлалъ и даже впредь намѣренъ былъ дѣлать.

Онъ рѣшился наконецъ самъ заговорить:

— Я, конечно, виноватъ противъ тебя; но что̀ дѣлать? Первая любовь!

— Первая любовь... къ содержанкѣ!—повторила насмѣшливо Евпраксія.

— Какая же содержанка! — сказалъ Баклановъ.

Ему показалось ужъ обидно, что Евпраксія такимъ образомъ третировала Софи. Ему хотѣлось, чтобъ она въ этомъ случаѣ видѣла нѣкоторое торжество и побѣду съ его стороны.

— Ты сама тоже неправа: хоть бы слово мнѣ написала и намекнула, что тебѣ это непріятно... Я и думалъ: что̀ жъ?.. Значитъ, для нея все равно.

Евпраксія съ насмѣшкой пожала плечами.

— Я никакъ не предполагала въ человѣкѣ столько низости душевной: бѣжать съ одною женщиной и въ то же время женѣ писать нѣжныя и страстныя письма,—проговорила она.

— Это не низость душевная, — сказалъ, покраснѣвъ Баклановъ.

— Что̀ же это такое? — спросила Евпраксія.

Въ тотъ же день, когда наши супруги возвращались часу въ четвертомъ съ прогулки изъ Булонскаго лѣсу, превосходный воздухъ, чистое голубое небо, прелестный Парижъ такъ разнѣжили Бакланова, что онъ непремѣнно рѣшился помириться съ женой. Все время по пріѣздѣ ея въ Парижъ она ужасно казалась ему хороша собой. Войдя въ номеръ и видя, что Евпраксія усѣлась въ кресла, съ своимъ, по обыкновенію, спокойнымъ лицомъ, онъ подошелъ къ ней и сталъ передъ ней на колѣни.

— Прости меня! — проговорилъ онъ, склоняя голову на ея колѣни и ловя ея руки.

Евпраксія отодвинулась отъ него.

— Не унижайте себя, по крайней мѣрѣ, этимъ!—сказала она.

— Но ты еще любишь меня, Евпраксія! — умолялъ ее Баклановъ: — ты пріѣхала по первому моему зову!

— Я пріѣхала къ отцу моихъ дѣтей, но не къ мужу!—проговорила строго Евпраксія.

Баклановъ сейчасъ же всталъ, гордо тряхнулъ своими красивыми и начинавшими ужъ сѣдѣть кудрями, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ опустился въ небрежную позу на первый попавшійся стулъ и проговорилъ:

— Стальная, бездушная вы женщина!.. Вы даже не стоите той минуты раскаянія, которой я предался теперь.

Евпраксія хоть бы бровью повела и только кинула взглядъ на домашнюю чудотворную икону, привезенную ею даже въ Парижъ.

— Во всю жизнь,—продолжалъ Баклановъ:—хоть бы одному чувству, одному порыву вы отвѣтили, и послѣ этого требовать, чтобъ мужъ вамъ оставался вѣренъ!

— Прекратите, пожалуйста, ваши разсужденія; кто-то идетъ сюда,—перебила его Евпраксія.

Двери въ самомъ дѣлѣ отворились, и вошелъ Сабакѣевъ съ сіяющимъ лицомъ, а за нимъ шла молодая дѣвушка въ черномъ, наглухо застегнутомъ платьѣ, съ обстриженными волосами и въ шляпкѣ à la mousquetaire.

— Bonjour! — сказала она, какъ-то рѣзко пожимая руку у Евпраксіи.

— Мужъ мой!—сказала та, указывая ей на Бакланова.

— Bonjour! — сказала и ему дѣвушка, такъ же смѣло протягивая руку.

Героя моего, привыкшаго къ порядочному кругу, такія манеры въ дѣвушкѣ странно поразили и даже показались ему нѣсколько натянутыми и неестественными.

— А я недавно слышала,—начала она, садясь на диванъ:—что monsieur Баклановъ спорилъ съ одними молодыми людьми и былъ въ этомъ случаѣ совершенно неправъ.

— Я спорилъ? Съ кѣмъ же это? — сказалъ Баклановъ не безъ удивленія.

— Съ Галкинымъ.

— А вы его знаете?—спросилъ онъ ужъ насмѣшливо.

— Онъ другъ мой! — отвѣчала дѣвушка.

— Другъ вашъ!—повторилъ Баклановъ, склоняя голову.

Сабакѣевъ во все это время не спускалъ пылающихъ глазъ съ своей невѣсты.

— Евпраксія! — обратилась она къ Баклановой. — Мы съ Валерьяномъ предположили заѣхать за вами и взять васъ съ мужемъ—ѣхать обѣдать къ Дойену въ Елисейскія поля. Тамъ есть русскія щи; я ихъ только и могу ѣсть.

— Пожалуй!—отвѣчала Евпраксія и при этомъ не взглянула на мужа, какъ бы не желая и знать, хочетъ ли онъ ѣхать или нѣтъ.

Баклановъ однако счелъ за лучшее ѣхать, и черезъ нѣсколько минутъ Сабакѣевъ поѣхалъ съ невѣстой въ одной коляскѣ, а онъ съ женой въ другой.

Бакланова заинтересовала невѣста шурина.

— Что̀ это за странная госпожа?—спросилъ онъ Евпраксію опять ужъ ласковымъ голосомъ.

— Ты знаешь ея мать!.. Что̀ жъ могло выйти отъ подобнаго воспитанія?—отвѣчала та своимъ обыкновеннымъ тономъ, какъ бы ничего между ними не произошло.

— Но зачѣмъ же у нея рукава и воротнички грязные?

Что-то въ родѣ усмѣшки показалось на лицѣ Евпраксіи.

— Собой-то нехороша, ну и хочетъ показать, что всѣмъ этимъ пренебрегаетъ и занимается наукой и политикой.

— Чѣмъ ей заниматься! Она глупа, должно-быть.

— Напротивъ, преумненькая и очень добрая дѣвушка.

Баклановъ пожалъ плечами.

— По крайней мѣрѣ вся изломана, изломана въ самомъ дурномъ тонѣ,—проговорилъ онъ.

XIV.

Міросозерцаніе новой героини.

Наступили сумерки. Елисейскія поля освѣтились газомъ.

Евпраксія ушла съ Валерьяномъ въ café chantant.

Баклановъ и Елена ходили по довольно темной аллеѣ и спорили.

— Я не понимаю, какъ можно Галкина имѣть своимъ другомъ, — говорилъ Баклановъ.

— Да, онъ не уменъ, не даровитъ, это такъ! — возразила съ удареніемъ Елена: — но онъ человѣкъ съ характеромъ.

— Съ характеромъ? — повторилъ насмѣшливо Баклановъ.

— Да и да, — утверждала Елена.—У насъ, напримѣръ,— продолжала она, прищуривая глазки: — есть одно общее дѣло, и онъ въ немъ дѣйствуетъ превосходно, смѣло, не отступая, а Валерьянъ—нѣтъ!

— Валерьянъ умный человѣкъ, образованный!..—произнесъ Баклановъ, разводя руками: — а это чортъ знаетъ что̀ такое!

— Намъ Богъ съ ними, съ этими умниками!..—воскликнула весьма настойчиво и въ то же время ужасно мило Елена: — намъ нужны люди съ характеромъ, съ темпераментомъ, люди твердыхъ убѣжденій, а не разваренныя макароны!..

— Господи! гдѣ вы этакихъ фразъ нахватались?.. Васъ, вѣроятно, всѣмъ этимъ нашпиговала наша литература.

— Да, литература! Ужъ, конечно, не мое дурацкое институтское воспитаніе и не мать, у которой едва достало силы родить меня, а потомъ ея жизнь вы сами знаете! — заключила Елена съ презрѣніемъ.

— Что̀ такое?—спросилъ Баклановъ.

— Ея позорная интрига!

«Ну, это хоть бы и Галкину! Недаромъ они друзья!» — подумалъ Баклановъ.

— За подобныя отношенія вы, по вашей собственной теоріи, не должны бы, кажется, винить ее, — сказалъ онъ.

— Я бы ея и не винила,—подтвердила Елена, опять нахмуривая свой лобъ:—если бъ она отдалась какому-нибудь бѣдняку, а не генералъ-губернатору.

— Но если она любила его?

— Не должна была любить, потому что онъ лицо офиціальное, а собственно бракъ она могла и должна была нарушить.

— Должна?

— Да! Что̀ вы меня такъ спрашиваете? Вы сами нарушили бракъ.

— Однако я опять къ нему же возвратился, — отвѣчалъ Баклановъ, конфузясь.

— Что̀ жъ, это оттого, что васъ повертѣли? — спросила насмѣшливо Елена.

Вопросъ этотъ нѣсколько смѣшалъ Бакланова.

— Оттого ли или не оттого, я не знаю, но только мнѣ было неловко въ моемъ положеніи.

— Слабость характера, больше ничего! — сказала съ гримасой Елена.

— Но зачѣмъ же вы сами выходите замужъ и будете вѣнчаться?

— Да потому, что заставляютъ это дѣлать; наконецъ я выхожу за человѣка, котораго я люблю.

— А потомъ, если разлюбите его?..

— Если разлюблю его, такъ полюблю другого.

— А если онъ полюбитъ другую?

— Скатертью дорога, — отвѣчала Елена, пожимая плечами.

— Это ваши правила?

— Да, мои правила!.. Чтобы въ этомъ случаѣ ничего не было насильственнаго и принужденнаго!

— Правила хорошія-съ! — подхватилъ Баклановъ.

— Недурныя! — сказала Елена и потомъ, какъ бы сообра-

зивъ, прибавила: — конечно, если бы требовали того какія-нибудь политическія цѣли...

— То-есть? — спросилъ Баклановъ.

— То-есть, если бы требовало этого благо родины. Какъ, напримѣръ, Юдиѳь, которая пришла, отдалась Олоферну и отрубила ему голову.

— Ой, это ужъ и страшно! — сказалъ Баклановъ.

Елена сама, впрочемъ, насмѣшливо посмотрѣла на него.

— Вамъ кажется все это смѣшно? — проговорила она.

— Смѣшно не смѣшно, а нѣсколько странно.

— Странны-то вы, а не мы!

— Кто же это мы? — спросилъ Баклановъ.

— Люди безъ зрѣнія!.. *слѣпые!*

— А вы, значитъ...

— А мы — *зрячіе*! — подхватила Елена.

Въ это время изъ кофейной выходили Евпраксія съ братомъ.

— Валерьянъ, Валерьянъ! — закричала Елена.

Тотъ подошелъ.

— Что̀ жъ, ты мнѣ купилъ потаенныя русскія стихотворенія?

— Нѣтъ еще! — отвѣчалъ, краснѣя, Валерьянъ.

— Неужели же вы ихъ читать будете?..—спросила Евпраксія.

— Я ужъ все почти читала, — отвѣчала Елена.

— Даже царя Никиту?—спросилъ Баклановъ.

— И царя Никиту!—отвѣчала Елена. При этомъ она сама даже не могла удержаться, улыбнулась и добавила: — конца, впрочемъ, не дочитала; сказали, что очень ужъ нехорошо!

— Я бы на мѣстѣ Валерьяна не позволила вамъ читать этихъ вещей,—сказала опять Евпраксія.

— Напротивъ, онъ долженъ былъ бы заставить меня прочесть ихъ!..—отвѣчала, разводя ручками, Елена:—мы въ этомъ случаѣ дѣлаемъ оппозицію русскому правительству... оно не хотѣло, чтобы мы это знали, а мы знаемъ!

— Да, разумѣется; ему, должно-быть, очень это будетъ непріятно,—сказалъ Баклановъ.

Сабакѣевъ, замѣтивъ въ словахъ зятя насмѣшливый тонъ, посмотрѣлъ на него звѣремъ.

— Елена совсѣмъ не то хотѣла сказать, какъ вы это поняли,—произнесъ онъ и, когда стали прощаться, онъ даже не подалъ руки Бакланову.

— Что̀ это такое? Что̀ такое? — почти кричалъ тотъ всю дорогу.

Евпраксія ни слова не говорила.

— Эта госпожа въ корень развращена! — произнесъ наконецъ Баклановъ.

— Э, вздоръ какой!—сказала Евпраксія.

— Какъ вздоръ?

— Да такъ! говоритъ только; а слова и поступки—двѣ вещи разныя.

— Да достаточно, если и говоритъ только! Я понять не могу, какимъ образомъ Валерьянъ могъ влюбиться въ такую дѣвушку.

— Онъ самъ такихъ же убѣжденій.

При этихъ словахъ выраженіе лица Евпраксіи сдѣлалось мрачно и печально.

— Самъ?

— Да! Богъ знаетъ только, откуда и какъ все это появилось въ немъ,—прибавила она и вздохнула.

XV.

Три женщины.

Въ номерѣ Сабакѣева были онъ самъ, въ дорожномъ пальто и съ сумкой черезъ плечо, Галкинъ и Басардинъ, тоже оба съ сумками, и Елена.

Послѣдняя съ жаромъ и увлеченіемъ что-то толковала имъ.

— Раскольниковъ надо поднять! Денегъ у нихъ, у чертей, пропасть! Въ Рогожское затесаться къ нимъ надо!—говорилъ, съ искаженными чертами лица, Басардинъ.

— Прекрасно! прекрасно!—ободряла его Елена.

— Надобно только, чтобъ они съ молодымъ поколѣніемъ сошлись, только!—подхватилъ Галкинъ.

— Всѣхъ готовѣе мужики, когда нарѣзку земли станутъ дѣлать,—сказалъ спокойнымъ, но невеселымъ голосомъ Сабакѣевъ.

— Да, да!—подтвердила и ему Елена. — Главное надобно, чтобы почвы въ этомъ случаѣ больше было, чтобы мы на почву могли опираться..,

— Были бы деньги, почва будетъ!—замѣтилъ на это Басардинъ.

Въ это время вошли Евпраксія и Баклановъ. Съ первою Елена радушно поздоровалась, а послѣднему едва даже поклонилась. Изъ разговора съ нимъ въ Елисейскихъ поляхъ, изъ разспросовъ о немъ Галкина, Басардина, она убѣдилась, что онъ слѣпенькій, и потому презирала его.

— Chère Eupraxie! — воскликнула она: — maman меня не пускаетъ съ ними ѣхать въ Лондонъ.

— И прекрасно дѣлаетъ: я бы на ея мѣстѣ тоже не пустила,—отвѣчала та.

— Почему же?

— Потому что какъ же дѣвушкѣ одной ѣхать съ молодыми людьми?

— Я ѣду съ женихомъ,—возразила Елена.

— Тѣмъ больше неловко; вы еще не жена его.

— Какая же тутъ разница, какая?—спрашивала Елена.

Евпраксія не находилась, что̀ и отвѣчать ей.

— Что я не обвѣнчана еще съ нимъ, такъ, я думаю, это все равно!—пояснила сама Елена.

— Да зачѣмъ и вѣнчаться-то?—подхватилъ Галкинъ.

— Не знаю!—отвѣчала Елена, пожимая плечиками.

Въ эти минуты она была до безконечности мила. Сабакѣевъ держалъ глаза потупленными, но видно было, что онъ готовъ былъ расцѣловать это юное и смѣлое существо. Евпраксія окончательно покраснѣла.

Басардинъ между тѣмъ отнесся къ Бакланову и сконфузилъ его.

— Я вѣдь сестры-то не видалъ,—сказалъ онъ:—говорятъ, что она тутъ ходитъ съ Петцоловымъ; вы знаете его?

— Никого и ничего я не знаю-съ! — отвѣчалъ съ досадой Баклановъ.

Путешественники наши наконецъ собрались. Елена поѣхала ихъ провожать на желѣзную дорогу, а Баклановы уѣхали домой. Евпраксія была еще грустнѣй обыкновеннаго. Баклановъ въ послѣднее время замѣтилъ въ женѣ еще двѣ новыя черты: во-первыхъ, по утрамъ она очень долго оставалась въ своей комнатѣ и, видимо, молилась тамъ; во-вторыхъ, въ среду и пятницу или совсѣмъ ничего не обѣдала, или, если иногда садилась за столъ, то приказывала подавать себѣ только зелень и то безъ масла.

— Неужели ты въ Парижѣ хочешь соблюдать посты?—спросилъ онъ ее однажды.

— Кажется, для васъ все равно, соблюдаю ли я что-нибудь, или нѣтъ,—отвѣчала она ему.

Баклановъ пожалъ плечами.

— Съ тобой говорить, Евпраксія, невозможно, до того твой характеръ испортился.

— Вы хоть чей характеръ испортите!

— Все я...

— Кто же?.. Я сама, что ли?

Обращаясь такимъ образомъ холодно съ мужемъ, Евпраксія была чрезвычайно нѣжна съ братомъ. Она, кажется, прислушивалась къ каждому его слову, присматривалась къ каждому его движенію. Когда онъ сказалъ, что поѣдетъ въ Лондонъ,

она сейчасъ же объявила, что и они поѣдутъ, тогда какъ прежде и слышать не хотѣла объ этой поѣздкѣ.

Изъ всего этого Баклановъ ничего не понималъ. Чтобъ избѣжать неловкихъ tête-à-tête съ женою, онъ почти цѣлые дни таскался по Парижу и одинъ разъ, возвращаясь изъ Булонскаго лѣса, услышалъ несущійся ему навстрѣчу топотъ лошадей и говоръ людской. Это ѣхала цѣлая кавалькада: дама и нѣсколько мужчинъ. Когда они нагнали его, Баклановъ узналъ Софи, англичанина и еще нѣсколько молодыхъ людей: она имъ улыбалась, перекидывалась съ ними словами. Замѣтивъ Бакланова, она даже ему не поклонилась, а, напротивъ, какъ-то еще гордѣе подняла свою головку, ударила лошадь хлыстомъ и понеслась. Кавалеры ея послѣдовали за нею. Поднялась страшная пыль и всѣхъ ихъ скрыла.

«Совсѣмъ госпожа закружилась!» — подумалъ Баклановъ, и въ воображеніи его невольно промелькнули три женщины: Софи, которая такъ прилично всегда себя держала и такъ мало говорила; Елена, вѣроятно, ничего еще не сдѣлавшая, но зато Богъ знаетъ что̀ говорившая, и наконецъ Евпраксія, которая во всю жизнь свою, вѣроятно, не сказала ни одного лживаго слова и нецѣломудренно не подумала, и вмѣстѣ съ тѣмъ была совершенно непонятна Бакланову.

Сойдясь послѣ такой долгой разлуки съ женой, онъ, въ одно и то же время, любилъ и ненавидѣлъ ее, уважалъ и презиралъ. Сколько мечтаній было посвящено имъ, пока онъ ожидалъ ее въ Парижъ, что вотъ она пріѣдетъ, пожуритъ его немного, а потомъ будетъ попрежнему добра и ласкова съ нимъ,—но ничего подобнаго не случилось: онъ встрѣтилъ одинъ только холодъ и презрѣніе.

— Эта женщина — ледъ, могила! — говорилъ онъ иногда со скрежетомъ зубовъ, и вслѣдъ же затѣмъ въ сердцѣ его болѣзненно отзывалась мысль: «что̀, если она полюбила кого-нибудь другого»; такъ что онъ однажды спросилъ ее:

— Ужъ вы не влюбились ли въ кого-нибудь?

Евпраксія взглянула при этомъ на мужа.

— То-то, къ несчастію, нѣтъ; а ужъ слѣдовало бы! — сказала она.

— Кто жъ мѣшалъ?

— Конечно, ужъ не вы!—отвѣчала Евпраксія съ гримасой.

Баклановъ, не чувствуя самъ того, покраснѣлъ отъ досады.

— Вы даже лишаете меня права поревновать васъ,—произнесъ онъ полушутя, полусерьезно.

— Эта ревность не изъ любви.

— Изъ чего же?

— Изъ самолюбія. Первую я всегда бы оцѣнила, а вторую презираю.

Баклановъ покачалъ только при этомъ головой.

«Да, эта женщина прощать не умѣетъ»,—рѣшилъ онъ мысленно.

XVI.

Таинственное посѣщеніе.

Лондонъ!

Къ зданію всемірной выставки подъѣхалъ, между прочимъ, кэбъ, изъ котораго вышли Баклановъ и Евпраксія.

— Не отставай, Бога ради, не отставай!—говорилъ онъ ей съ обыкновенною своей торопливостью.

— Иди ужъ самъ-то!—отвѣчала та ему съ досадой.

У Бакланова, попрежнему, начались поддѣльные восторги.

— Евпраксія, посмотри, вѣдь это полисмены! — восклицалъ онъ радостно, какъ бы увидѣвъ братьевъ родныхъ.

Затѣмъ они сейчасъ же попали въ совершенно сплошную массу народа.

— Гдѣ жъ мы съ братомъ увидимся?—спросила Евпраксія.

— Онъ хотѣлъ прійти въ русское отдѣленіе, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ и пойдемъ туда, — сказала Евпраксія и, спросивъ по-англійски перваго попавшагося господина, повела мужа.

— Боже мой, какъ скудно и бѣдно наше отдѣленіе! — началъ опять восклицать Баклановъ.—Турція, посмотри,—и то какое богатство сравнительно съ нами.

— Не кричи, пожалуйста! здѣсь всѣ ходятъ молча!—возразила ему Евпраксія, а потомъ, взглянувъ вдаль, прибавила съ удовольствіемъ:—А вонъ и братъ!

Сабакѣевъ въ самомъ дѣлѣ подходилъ къ нимъ съ Басардинымъ.

— Madame, угодно вамъ руку?—сказалъ послѣдній.

Евпраксія, хоть и не съ большимъ удовольствіемъ, но подала ему руку.

Баклановъ пошелъ съ Сабакѣевымъ.

Евпраксія нѣсколько разъ обертывалась къ нимъ и замѣтно прислушивалась къ ихъ разговору.

— Мнѣ бы очень хотѣлось, ужасно!..—говорилъ Баклановъ.

— Куда это вы собираетесь?—спросила она, наконецъ не утерпѣвъ.

— Такъ, ужо, въ кофейную, на одно представленіе,—отвѣчалъ ей мужъ.

— Хорошо, я думаю, представленіе...

— Не бойся, въ худое мѣсто не заведу его, — сказалъ съ улыбкой Сабакѣевъ.

— Боюсь, что ты болѣе чѣмъ въ худое заведешь,—сказала съ удареніемъ Евпраксія.

Послѣ обѣда Баклановъ вдругъ пропалъ, такъ что Евпраксія и не видала—когда. Это ее замѣтно встревожило. Она часовъ до двѣнадцати его дожидалась.

Наконецъ онъ возвратился, очень, повидимому, веселый и довольный.

— Гдѣ ты былъ?—спросила она.

— У нашихъ эмигрантовъ,—отвѣчалъ Баклановъ съ самодовольствомъ.

— Зачѣмъ же тебѣ это такъ понадобилось?

— Во-первыхъ, они сами пожелали меня видѣть.

— Я думаю!—отвѣчала Евпраксія насмѣшливо:—что̀ жъ у тебя можетъ быть съ ними общаго?

— Какъ что̀ общаго?

— Да такъ: ты ихъ не старый знакомый, не революціонеръ; ты простой, обыкновенный человѣкъ, помѣщикъ, значитъ, лицо ненавистное имъ.

— У нихъ не я одинъ, а всѣ бываютъ.

— Это-то и глупо: люди печатно говорятъ, что они въ Бога не вѣруютъ (при этихъ словахъ все лицо Евпраксіи вспыхнуло), называютъ все ваше отечество нелѣпостью, васъ — гнилымъ, развратнымъ сословіемъ, а вы къ нимъ лѣзете.

— Это значитъ, нельзя быть знакому ни съ однимъ сатирикомъ!—произнесъ съ насмѣшкой Баклановъ.

— Какая ужъ тутъ сатира; они прямо мужикамъ говорятъ, чтобъ они топоры брали и головы рубили вамъ. Наконецъ, если раздѣляете ихъ убѣжденія, такъ и дѣйствуйте такъ; а то до̀ма кресты и чины получать готовы, а къ нему пріѣдутъ—вольнодумничаютъ; что̀ жъ вы послѣ этого за люди?

Баклановъ какъ-то мрачно слушалъ жену.

XVII.

Заговоръ зрѣетъ.

Съ огромной лѣстницы средняго зданія Хрустальнаго дворца сходили наши путешественники.

Рядомъ съ Евпраксіей шелъ Басардинъ. Онъ, видимо, старался быть уменъ и любезенъ.

— Вотъ это Европа! Чувствуешь, что на высшей точкѣ цивилизаціи находишься,—говорилъ онъ.

Въ это время Блонденъ шелъ уже по канату, по крайней мѣрѣ на высотѣ пятидесяти саженей.

Евпраксія взглянула вверхъ и отвернулась.

— Что̀ жъ, вы ужъ и испугались?—сказалъ ей Басардинъ насмѣшливо и въ то же время съ нѣжностью.

Евпраксія шла, ничего ему не отвѣтивъ.

Басардинъ старался нагонять ее и итти съ ней рядомъ.

— Это ужъ несчастіе русскихъ, — говорилъ онъ: — что мы не можемъ и не хотимъ ни на что взглянуть прямо.

— Что̀ жъ тутъ пріятнаго смотрѣть прямо? — проговорила она.

— Я не про это говорю, а про другое,—отвѣчалъ Викторъ лукаво.

— Не знаю, про что вы говорите,—сказала ему почти сердито Евпраксія.

— Я говорю,—продолжалъ Викторъ, понижая голосъ:—что вы вотъ, напримѣръ, несчастливы въ вашей семейной жизни, а между тѣмъ остаетесь вѣрны вашему долгу.

Евпраксія сначала было - разсердилась, а потомъ разсмѣялась.

— Вы ужасно глупы, извините вы меня!—проговорила она.

Басардина при этомъ только слегка передернуло. Впрочемъ, онъ сейчасъ же поправился и съ насмѣшливой улыбкой продолжалъ слѣдовать за Евпраксіей.

Съ Баклановымъ, между тѣмъ, шелъ Галкинъ.

— Вамъ всего достанется какихъ-нибудь двѣсти или триста штукъ...—толковалъ онъ.

— Тутъ не въ количествѣ дѣло!.. — возражалъ Баклановъ.

— Вамъ все это въ поясъ уложатъ, — объяснялъ Галкинъ: — вѣдь поясъ нигдѣ не осматриваютъ, согласитесь съ этимъ.

Баклановъ молчалъ.

— Не понимаю я вашего дѣла, господа, какъ хотите! — произнесъ онъ наконецъ и покачалъ съ грустью головой.

— Земскую думу надобно собрать!.. Согласитесь, что безъ этого нельзя.

— А потомъ что̀?..

— А потомъ разложеніе и федерація...

Баклановъ усмѣхнулся и задумался вмѣстѣ.

— Ну, такъ до свиданья! — сказалъ Галкинъ.

— Вы куда? — спросилъ его робко Баклановъ.

— Въ типографію.

— А Сабакѣевъ тамъ?

— Тамъ; съ утра сидитъ...

Галкинъ ушелъ.

Баклановъ остался въ сильно-мрачномъ настроеніи. Къ вящшему его неудовольствію, онъ увидѣлъ вдали Петцолова, который прямехонько шелъ на него.

— Bonjour! — говорилъ онъ, дружески подходя и протягивая руку, какъ будто бы между ними ничего непріятнаго не было. — Вы знаете, что̀ произошло съ madame Леневой? — началъ онъ сейчасъ же

— Ея братъ тутъ идетъ! — шепнулъ-было, указывая на Басардина, Баклановъ.

— Ничего!.. Я ему самъ все говорилъ: онъ нисколько не въ претензіи, — говорилъ Петцоловъ. — Imaginez! — присовокупилъ онъ: — она нанимаетъ въ улицѣ Saint-Honoré бельэтажъ!.. имѣетъ ложу въ оперѣ!.. Словомъ, живетъ съ какимъ-то англичаниномъ-крезомъ.

— Котораго предпочла вамъ, какъ васъ мнѣ! — сказалъ Баклановъ.

— Oui! — подтвердилъ весело Петцоловъ: — а, écoutez: вы были у здѣшнихъ господъ?

— Былъ, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Не правда ли, какіе чудные люди?

— Превосходные!

— Какъ они ласкаютъ молодежь! чудо!.. Adieu!

— Вы ужъ уходите?

— Да! Я завтра изъ Лондона уѣзжаю.

— Что̀ такъ?

— Такъ!.. Нужно еще въ Австрію заѣхать, просить тамошняго раскольничьяго митрополита сюда переѣхать!..—прибавилъ Петцоловъ уже полушопотомъ.

Баклановъ только посмотрѣлъ на него.

«Чортъ знаетъ что̀ такое!» — подумалъ онъ, когда молодой человѣкъ отошелъ.

XVIII.

Агитаторъ и раскольникъ.

Въ одной изъ самыхъ сытныхъ лондонскихъ тавернъ, въ Сити, сидѣло, между прочимъ, много и русскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ на выставку.

Купецъ, попавшійся намъ въ Дрезденѣ, тоже тутъ обѣдалъ. Его рѣшительно поѣдалъ глазами сидѣвшій невдалекѣ отъ него Викторъ Басардинъ. Наконецъ, замѣтивъ, что купецъ доѣлъ послѣднее блюдо и сталъ утирать свою бороду, онъ прямо подошелъ и сѣлъ противъ него.

— Вы знакомы, кажется, съ господиномъ Баклановымъ?..— сказалъ онъ.

— Съ какимъ господиномъ Баклановымъ? — спросилъ купецъ не безъ удивленія.

— Съ однимъ моимъ знакомымъ; на выставкѣ вы съ нимъ кланялись.

— Не знаю-съ!—отвѣчалъ односложно купецъ.

— Но мы васъ знаемъ и уважаемъ!..—продолжалъ Викторъ заискивающимъ голосомъ. — Къ вамъ вѣдь приходилъ надняхъ человѣкъ?..—прибавилъ онъ таинственно.

Купецъ посмотрѣлъ на Басардина внимательно.

— Приходилъ-съ!—отвѣчалъ онъ какъ-то отрывисто.

— Ну, сами согласитесь, у насъ вѣдь Богъ знаетъ что̀ съ раскольниками дѣлаютъ... наконецъ съ вами самими!..

Купецъ нѣсколько времени переводилъ безпокойный взглядъ съ Виктора на салфетку и съ салфетки на Виктора.

— Что̀ кому за дѣло-съ, что̀ со мной ни дѣлаютъ!—проговорилъ онъ наконецъ.

— Да, конечно,—отвѣчалъ Викторъ, потупляясь:—но тутъ общая польза!

— Какая это польза такая! Ничего мы такого не знаемъ и не наше дѣло.

— А я полагалъ-было...—произнесъ Басардинъ.

— А коли полагали, такъ не угодно ли самимъ: площади у насъ въ Питерѣ и Москвѣ большія, разсказывайте тамъ, что̀ вамъ охота.

— Тутъ, вы знаете, если бы Христосъ пришелъ, такъ и Того бы въ полицію взяли,—возразилъ Басардинъ.

— Такъ что̀ жъ вы другихъ-то къ тому подводите?.. Вы здѣсь наболтаете Богъ знаетъ что̀, а потомъ за васъ отвѣтствуй.

— Ну, ужъ вы можете быть спокойны, что здѣсь васъ никто не выдастъ.

— Какъ не выдастъ?.. Какъ вы бумагъ-то въ руки насуете, такъ тутъ съ политичнымъ словятъ. Вы, значитъ, только одно и есть, что человѣка-то подъ гибель подводите!

— Ну, ужъ насъ никто не можетъ укорить,—возразилъ Викторъ, поматывая головой:—чтобы мы простого русскаго человѣка не любили и не желали ему добра.

— Благодаримъ на томъ покорно-съ! Только словно бы того, пожалуй, намъ и не надо: вы, баре, сами по себѣ, а мы, мужики, сами по себѣ. Вы вотъ государя императора браните, а мы ему благодарствуемъ и полагаемъ такъ, что собака лаетъ, а вѣтеръ носитъ... Въ Бога, вонъ, вы пишете, чтобы не вѣровать, и то мы ничего: считаемъ такъ, что отъ неразсудка вашего это происходитъ.

— Что̀ жъ, мы не изъ-за денегъ же къ вамъ стремимся?

— Да денегъ мы вамъ и не дадимъ; деньги у насъ не ворованныя, а по̀томъ и трудомъ нашимъ нажитыя.

— Чиновникамъ давали же ихъ!—возразилъ Викторъ ядовито.

— Чиновники-то все-таки маненечко царскіе слуги, а не самозванщина...

Басардинъ наконецъ всталъ.

— На васъ, значитъ, и надежды никакой питать нельзя!..— произнесъ онъ.

— Мало че, что надежды, а что ежели бы теперь это во Франціи, али въ Австріи было, я бы, себя оберегаючи, комиссару васъ представилъ,—отвѣчалъ внушительно купецъ.

— Какъ это глупо!—сказалъ Викторъ, уходя.

— Что̀ дѣлать-то! Неученые! Инако думать и полагать не умѣемъ!—отвѣчалъ купецъ.

XIX.

Прокламаціи.

Три дня уже какъ Сабакѣевъ и Баклановъ съ женой ѣхали на пароходѣ обратно въ Петербургъ. Послѣдній всю почти дорогу не пилъ, не ѣлъ ничего и былъ чрезвычайно грустенъ; а Сабакѣевъ, напротивъ, оставался совершенно спокоенъ и все сидѣлъ на палубѣ и смотрѣлъ на море.

По случаю небольшого числа пассажировъ, Баклановъ съ женой занималъ отдѣльную каюту. Въ одинъ вечеръ, ложась спать и снимая съ себя, между прочимъ, замшевый поясъ, онъ проговорилъ вполголоса:

— Ахъ, обуза, обуза проклятая.

— Что̀ такое это вы сказали?—спросила вдругъ его Евпраксія.

Послѣднее время она замѣтно присматривала за мужемъ.

— Такъ!.. Ничего!..—отвѣчалъ Баклановъ.

— Какая это у васъ обуза?—продолжала Евпраксія.

Баклановъ молчалъ.

— Да ну же, говори!—сказала она.

Баклановъ усмѣхался.

— Да вонъ... изъ Лондона... порученье дали.

— Что̀-о-о?—воскликнула Евпраксія.

— Да не кричи, пожалуйста!—перебилъ ее Баклановъ:—изъ Лондона!..—прибавилъ онъ шопотомъ.

— Что̀ изъ Лондона?

— Прокламаціи!

Евпраксія даже отступила нѣсколько шаговъ назадъ.

— Ахъ, вы, сумасшедшій человѣкъ! Сумасшедшій!—воскликнула она:—гдѣ онѣ у васъ, подайте сейчасъ!

— Какъ возможно!.. Я не хочу подлецомъ быть!

— Подлецомъ вы будете, если привезете ихъ. Для чего вы это дѣлаете?

— Чтобы возбудить.

— Кого? къ чему?

— Да къ чему бы то ни было. Все лучше, чѣмъ оставаться при настоящемъ порядкѣ.

— Какъ къ чему бы то ни было!—воскликнула Евпраксія:—да вы въ самомъ дѣлѣ послѣ этого злодѣи какіе-то!.. Кто вамъ далъ это право дѣлать?.. Кто васъ уполномочивалъ?

— Вся Россія, все общественное мнѣніе.

— Да Россія васъ растерзаетъ, если ей хоть пальцемъ указать на васъ.

— Ну, оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ!

— Нѣтъ, не оставлю. Вы, кажется, совершенно забыли, что у васъ есть дѣти, у которыхъ вы промотали все состояніе и для которыхъ должны теперь трудиться, а не въ рудники итти.

— До рудниковъ еще далеко,—проговорилъ Баклановъ съ улыбкою.

— Очень недалеко! Не успѣете, я думаю, носу въ Петербургъ показать, какъ всѣхъ васъ въ крѣпость пересажаютъ.

— Кто же узнаетъ?

— Да ужъ и знаютъ, вѣроятно, давно. Не одинъ разъ ужъ, вѣроятно, телеграфировали объ васъ.

Замѣчаніе это замѣтно сконфузило Бакланова.

— И кѣмъ увлекся?.. Кому подражать сталъ?..—продолжала между тѣмъ Евпраксія:—мальчикамъ!.. Неужели настолько разсудку-то нѣтъ, чтобы понять это своимъ умомъ?

— Однако въ числѣ этихъ мальчишекъ и братъ вашъ.

— Братъ увлеченъ несчастною любовью своею. Она этакихъ и подбираетъ: или энтузіастовъ, или дураковъ... Подайте сейчасъ, гдѣ у васъ эти бумаги?—заключила она, вставая и подходя къ мужу.

— Да вонъ... въ поясѣ!.. отвяжись только!—отвѣчалъ Баклановъ какъ бы съ досадой.

Евпраксія сейчасъ же проворно взяла поясъ. Оборвавъ до крови ногти, она сама расшила его и начала выкидывать изъ него въ отворенное окно бумажки.

— Всѣ ли тутъ? Нѣтъ ли еще?

— Всѣ тутъ, ей-Богу!..—отвѣчалъ Баклановъ.

Евпраксія и самый поясъ бросила въ море. Послѣ такого поступка жены, Бакланову стало какъ-то легче.

— Чортъ съ ними, въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ онъ, сибаритскимъ образомъ разваливаясь на койкѣ.

Евпраксія усѣлась въ кресла.

— Какъ это вамъ могло прійти въ голову, скажите. пожалуйста?—сказала она.

— Да такъ, стали уговаривать: «Вы, говорятъ, человѣкъ съ такими хорошими убѣжденіями».

Евпраксія съ грустью качала на него головою.

— Я-было сначала и отнѣкивался, — продолжалъ Баклановъ:—надулись, перестали со мной говорить... смѣяться надо мною начали... мнѣ ужъ и неловко стало.

Евпраксія усмѣхалась.

— Вашему ничтожеству я ужъ и словъ не нахожу; да хороши и они, хороши!—проговорила она и на другой день не оставила въ покоѣ и брата.

Она взяла его за руку, увела къ себѣ въ комнату и заперла дверь.

— Что это такое ты съ собой везешь? — спросила она его прямо.

— Что̀ везу? — спросилъ, въ свою очередь, мрачно Сабакѣевъ.

— Я знаю ужъ что̀!—отвѣчала Евпраксія.

Валерьянъ смотрѣлъ себѣ на руки.

— Проболтался тотъ, болтушка-то!—сказалъ онъ

— Мало что онъ проболтался, я все у него отняла и выкинула.

Валерьянъ продолжалъ спокойно глядѣть себѣ на руки.

— Точно то же и съ вами намѣрена сдѣлать!—продолжала Евпраксія уже съ улыбкой.

Сабакѣевъ молчалъ.

— Сдѣлаю, а? — спросила она, ласково взявъ его за руки.

Сабакѣевъ грустно усмѣхнулся.

— Ты вѣдь сама очень хорошо знаешь, что со мной ты этого не сдѣлаешь ни ласками ни угрозами... Къ чему же поэтому и говорить?—добавилъ онъ.

— Знаю,—отвѣчала Евпраксія со слезами на глазахъ:—но я думала, что ты это сдѣлаешь для меня!.. Что ты этимъ погубишь себя, въ этомъ я совершенно увѣрена, а твоя погибель для меня все равно, что погибель всѣхъ дѣтей моихъ, значитъ, болѣе чѣмъ моя собственная.

— Очень жаль!—отвѣчалъ, повидимому, совершенно равнодушно Валерьянъ:—и если бъ отъ этого въ самомъ дѣлѣ погибъ я самъ, мать, ты, дѣти твои, все-таки я ни на шагъ бы не отступилъ.

— Богъ съ тобой!—сказала Евпраксія.

— Въ Бога я не вѣрую, но что поступаю такъ, какъ слѣдуетъ поступать честному человѣку, въ этомъ убѣжденъ,—сказалъ онъ и, хлопнувъ дверьми, вышелъ на палубу.

Евпраксія поняла, что больше съ нимъ говорить было нечего, и остальную дорогу она уже ничего не ѣла и цѣлые дни почти все плакала.

Сабакѣевъ все это видѣлъ, зеленѣлъ отъ волновавшихъ его чувствованій, но не сказалъ ей ни одного слова въ утѣшеніе.

XX.

Петербургскій пожаръ.

Пассажиры шли въ таможенную кронштадтскую залу. Вещи разложены были по идущимъ вокругъ столамъ. На среднемъ столѣ лежали паспорта. Чиновникъ въ очкахъ перебиралъ ихъ и не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Господинъ Сабакѣевъ!

Сабакѣевъ вышелъ. Евпраксія, блѣдная какъ передъ смертью, видѣла, что у брата въ это время подергивало щеку.

— Потрудитесь пожаловать вонъ въ эту комнату!—произнесъ чиновникъ, показывая на одну изъ дверей.

Сабакѣевъ пошелъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ также и солдатъ-жандармъ.

Всѣ пассажиры переглянулись между собой. У Евпраксіи были полнехоньки слезъ глаза. Она старалась ихъ смигнуть, но утереть не смѣла.

Въ залу вошли еще нѣсколько лицъ и что-то такое объявили. Пассажиры заволновались и стали безпокоиться. Таможенные чиновники принялись торопливо осматривать вещи.

Баклановъ и Евпраксія, занятые своимъ положеніемъ, не обратили сначала на это вниманія.

— Господинъ Баклановъ!—провозгласилъ наконецъ тотъ же чиновникъ.

Баклановъ переглянулся съ женой и поблѣднѣлъ.

— Пожалуйте въ слѣдующую комнату!—сказалъ чиновникъ.

Баклановъ пошелъ.

Прочіе пассажиры продолжали торопливо прятать свои вещи и бѣгомъ уходили изъ залы.

Баклановъ наконецъ съ раскраснѣвшимся лицомъ возвратился къ женѣ.

— Всего осматривали,—произнесъ онъ.

Въ это время молоденькій чиновникъ подалъ Евпраксіи записку. Она какъ прочитала ее, такъ и опустила руки. Это писалъ Сабакѣевъ:

«Не дожидайтесь меня. Я арестованъ!»

Евпраксія пошла.

Она безпрестанно оступалась и, кажется, совсѣмъ не видѣла, куда идетъ. Баклановъ принужденъ былъ поддерживать ее.

Они прошли на пароходъ. Тамъ капитанъ что-то торопливо бѣгалъ по палубѣ и отдавалъ приказанія.

— Скоро мы поѣдемъ?—спросилъ его Баклановъ.

— Надо скорѣе... Петербургъ горитъ...—отвѣчалъ ему тотъ.

— Какъ Петербургъ?—повторилъ Баклановъ.

Въ отвѣтъ на это пассажиры указали ему на виднѣвшееся облако дыму, окрашенное во многихъ мѣстахъ красноватымъ цвѣтомъ пламени.

— Евпраксія, Петербургъ горитъ!—не утерпѣлъ и сказалъ женѣ Баклановъ.

— Господи, дѣти мои!—воскликнула та.

Баклановъ понялъ, что сдѣлалъ глупость.

— Гдѣ именно горитъ-то? — обертывался онъ и спрашивалъ всѣхъ.

— Апраксинъ дворъ, говорятъ,—отвѣчали ему.

— Апраксинъ дворъ, онъ далеко,—утѣшалъ-было онъ жену.

— Два шага всего тутъ...—произнесла та и начала безпрестанно подходить къ капитану и спрашивать:—скоро мы пріѣдемъ, скоро?

— Самымъ полнымъ ходомъ идемъ,—отвѣчалъ тотъ.

Пройди еще съ часъ времени, и Евпраксія или бы съ ума сошла, или бы у ней лопнуло сердце.

У пристани едва бросили трапъ, какъ она проскользнула по нему и побѣжала по Англійской набережной, по площади, по Невскому.

Народъ толпами валилъ по тротуару, перекликался, перебранивался. Неслись пожарные; на думѣ былъ выкинутъ красный флагъ.

Чтобъ избѣжать давки, Евпраксія повернула на Екатерининскій каналъ.

Баклановъ едва успѣвалъ слѣдовать за ней.

Въ переулкѣ ихъ остановила цѣлая куча народа.

— Ваше благородіе... ваше благородіе! — закричалъ изъ толпы голосъ къ Бакланову.

— Что̀ такое тутъ?—спросилъ тотъ.

Толпа напирала на двухъ какихъ-то господъ, изъ которыхъ одного огромнаго мужика нѣсколько человѣкъ держали за руки; а другой, совершенный старичишка, дрожащею и слабою рукою повертывалъ ему галстукъ, съ видимою цѣлью удавить его.

— Кто тебя научалъ?.. Кто?..—говорилъ онъ.

— Что̀ такое?—повторилъ еще разъ Баклановъ.

— Поджигатель... У старичка домъ-то поджигалъ, — отвѣчалъ кто-то ему.

— Кто научалъ?—повторялъ, уже покраснѣвъ отъ бѣшенства, старичишка.

— Поляки, ваше благородіе, Матерь Божія!—пробормоталъ мужикъ.

— О-го-го-го! — заголосила толпа и повалила въ сторону отъ Бакланова.

— Го-го-го-го!—слышалось ему еще нѣсколько разъ.

— А супружницу-то его швырнули въ огонь, — объяснилъ ему проходившій мимо молодой мѣщанинъ.

Остановленный всею этой сценой, Баклановъ едва догналъ Евпраксію.

— Дай мнѣ руку!—сказалъ онъ.

— На̀! — отвѣчала она, какъ помѣшанная, и все шла впередъ.

Баклановъ между тѣмъ припоминалъ черты мужика: не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ Михайла, кучеръ Басардиныхъ, а супружница его, вѣроятно, Иродіада.

На Садовой, передъ банкомъ, толпа снова остановила ихъ.

Раздались какіе-то клики, и вдали мелькалъ бѣлый султанъ.

Баклановъ самъ невольно пріостановился. Это шелъ государь.

— Батюшка нашъ... батюшка!..—стонали и охали женщины.

— Ваше Императорское Величество,—повторяли мужики.

У чиновниковъ нѣкоторыхъ головы дрожали.

Баклановъ почувствовалъ, что и у него невольно навернулись слезы.

Евпраксія продолжала сама расталкивать народъ, и имъ удалось наконецъ снова выбраться на Невскій.

— Вези въ Графскій переулокъ! — сказала она, проворно садясь на перваго извозчика.

Баклановъ поспѣшилъ сѣсть съ нею.

— Кто это такіе поджигаютъ?—спросилъ онъ у извозчика.

— Да кто ихъ знаетъ, батюшка!.. Этта вотъ тоже я ѣхалъ... такъ молодой баринокъ... какъ вотъ ихъ?.. на Васильевскомъ острову еще ученье-то имъ идетъ...

— Да, знаю!—подхватилъ Баклановъ.

— Такъ какъ тоже отъ народу-то бѣжалъ, схватить-было его хотѣли.

Баклановъ невольно при этомъ припомнилъ, какъ онъ всегда спорилъ съ молодыми людьми и увѣрялъ ихъ, что они народа не знаютъ. Они думали, что народъ съ ними, а онъ заподозрѣлъ ихъ въ первомъ скверномъ преступленіи.

— А болтаютъ тоже, и полякъ этотъ жжетъ,—продолжалъ разговорчивый извозчикъ.

— Очень можетъ быть!

— Болтаютъ такъ... сказываютъ,—подтвердилъ извозчикъ.

Передъ однимъ домомъ Евпраксія остановила извозчика и проворно пошла по лѣстницѣ.

Баклановъ послѣдовалъ за ней.

Она дернула за звонокъ.

Отворили, и въ залѣ стояли Валерьянъ и Митя уже въ курточкахъ, а Петя еще въ рубашечкѣ. Она сразу всѣхъ ихъ и обняла и прижала къ груди.

Бакланова дѣти не узнали, и только одинъ Валерьянъ сказалъ наконецъ:

— Ахъ, это папаша!

Въ дверяхъ гостиной стояла старуха Сабакѣева.

Баклановъ едва имѣлъ духу подойти къ ней къ рукѣ.

— Что̀, батюшка, отыскали наконецъ!—произнесла она голосомъ, исполненнымъ презрѣнія:—а гдѣ Валерьянъ?—прибавила она.

Баклановъ молчалъ и смотрѣлъ на жену.

— Валерьянъ арестованъ!—отвѣчала та.

Старуха нѣсколько времени смотрѣла на дочь, а Евпраксія на нее.

— Этого надобно было почти ожидать! — пояснила она матери.

— Да!—произнесла старуха, и обѣ потомъ, не сказавъ ни слова больше, разошлись по своимъ комнатамъ.

Какъ ни великъ былъ у обѣихъ нравственный закалъ, но на этотъ разъ однако, видно, не хватило его!

XXI.

Черезъ полгода.

На Васильевскомъ островѣ знакомая намъ гостиная Ливанова представляла далеко не прежнее убранство: въ обоихъ переднихъ углахъ ея стояли кіоты съ дорогими образами. Образъ Спасителя съ пронзенною стрѣлами головой тоже былъ тутъ. Передъ обоими кіотами горѣли лампады. Въ комнатѣ, сильно натопленной, вмѣсто прежняго пріятнаго запаха духами, пахло лѣкарствами. Самъ Евсевій Осиповичъ, худой, какъ мертвецъ, совсѣмъ плѣшивый, но еще съ сверкающими глазами, лежалъ на постели подъ пуховымъ одѣяломъ. У кровати его сидѣла, въ черномъ платьѣ и съ заплаканными глазами, Евпраксія. Около года ужъ старикъ былъ тяжко боленъ; ни отъ трудностей и невзгодъ житейскихъ, ни отъ коварства и измѣнчивости людской никогда Ливановъ не поникалъ гордою головой своей; онъ зналъ, что онъ все поборетъ и надъ всѣмъ восторжествуетъ умомъ своимъ. Но чего не сдѣлала вся жизнь, то сдѣлалъ страхъ смерти. Евсевій Осиповичъ смирился духомъ; прежнее его мистическое направленіе приняло чисто-религіозный характеръ; онъ сдѣлался кротокъ со всѣми въ обращеніи, строилъ на свой счетъ больницу, разсылалъ деньги по бѣднымъ церквамъ, ко всѣмъ роднымъ своимъ написалъ исполненныя любви и покаянія письма, въ томъ числѣ и къ Бакланову, который сейчасъ же пріѣхалъ къ нему и привезъ жену. Больной старикъ съ перваго же разу заинтересовалъ Евпраксію; онъ такъ умно и красно говорилъ о разныхъ религіозныхъ предметахъ. Евсевій Осиповичъ, въ свою очередь, замѣтивъ въ племянницѣ настроеніе, схожее съ своимъ, съ удовольствіемъ взялся ее довоспитывать: онъ все еще любилъ, хотя бы то и на самыхъ чистыхъ основаніяхъ, сближаться съ женщинами. Евпраксія стала къ нему заѣзжать раза по два въ недѣлю: во-первыхъ, чтобы посѣтить его, какъ больного, а во-вторыхъ, чтобъ и побесѣдовать съ нимъ. Въ настоящее свиданіе, несмотря на замѣтную слабость, Евсевій Осиповичъ говорилъ очень много и краснорѣчиво.

— Мирной и скорой кончины мнѣ Богъ не пошлетъ! — пояснялъ онъ: — я очень много грѣшилъ мыслями и дѣломъ, но ты чиста и невинна...

— Я ни въ чемъ не виновата,—подтвердила и Евпраксія.

— Ты только искупительная жертва вашего рода, — продолжалъ старикъ:—родъ вашъ умный, честный, но жестокій:

прапрадѣдъ твой былъ наказнымъ дьякомъ въ пытной палатѣ... Дѣдъ твой въ двѣнадцатомъ году, на моихъ глазахъ... я еще молодымъ человѣкомъ былъ... настигъ отрядъ французовъ; тѣ укрылись-было съ лошадьми въ церковь деревянную и потомъ сдавались, просили пощады, но онъ не послушался и всѣхъ ихъ сжегъ за оскорбленіе храма.

Выраженіе лица Евпраксіи какъ бы говорило, что дѣдъ хорошо сдѣлалъ, что сжегъ.

— Я для себя ничего ужъ не желаю и не прошу, и молюсь только за дѣтей.

— И молись больше!.. Молитва—великое дѣло... молитва разрушаетъ и созидаетъ города и повелѣваетъ стихіями; когда на Устюгъ шла каменная туча, весь народъ по церквамъ молился и колѣнопреклонствовалъ, ничто не отвращало гнѣва Божья; но сталъ молиться преподобный Прокопій, растерзалъ на себѣ ризы, всплакалъ кровавыми молитвенными слезами, Богъ его услышалъ...

Евпраксія слушала; она и сама въ это время врядъ ли не шептала про себя молитвы.

— Я къ вамъ дня черезъ два опять заѣду, — сказала она и встала, замѣтивъ, что старикъ сильно утомился, такъ что у него лицо какъ бы нѣсколько перекосилось и голова склонилась на подушку.

— Прощай, голубица!—проговорилъ онъ.

Евпраксія поцѣловала у него руку.

Евсеній Осиповичъ перекрестилъ ее.

Въ зальцѣ Евпраксію остановила горничная Евсевія Осиповича, та же самая, которую и мы знаемъ и которая съ тѣхъ поръ только очень пополнѣла...

— Вчера-съ съ нимъ ночью очень дурно было... Боюсь, чтобъ и сегодня чего не случилось.

— Главное, чтобы причастить и исповѣдать успѣть, — отвѣчала на это спокойно Евпраксія.

— Это-то успѣемъ; священникъ въ нашемъ домѣ живетъ,— сказала горничная.

— Только это! — повторила Евпраксія и съ тѣмъ же печальнымъ лицомъ, какое имѣла, сѣла въ карету и поѣхала.

Передъ Казанскимъ соборомъ она начала креститься и продолжала это до самой квартиры.

Дома она нашла: мать, тоже въ черномъ платьѣ и съ печальнымъ лицомъ, сидѣвшую за среднимъ столомъ; мужа, скучавшаго вдали на креслахъ, и Варегина, который стоялъ и грѣлся у камина. Послѣдній былъ попрежнему спокоенъ и солиденъ...

Евпраксія при входѣ привѣтливо поклонилась ему, почтительно поцѣловалась съ матерью и сѣла; потомъ сейчасъ же, придавъ еще болѣе серьезное выраженіе лицу, позвонила. Вошелъ человѣкъ.

— Позови дѣтей, — сказала она, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ старшій, Валерьянъ, ужъ въ гимназическомъ сюртучкѣ.

— Что̀, перевелъ?—спросила его мать.

— Перевелъ-съ!

— Ну, давай!

Мальчикъ сталъ переводить.

— А брату изъ ариѳметики показалъ? — спросила Евпраксія тѣмъ же серьезнымъ голосомъ.

— Показалъ-съ!—отвѣчалъ ей мальчикъ тоже серьезно.

— Поди, позови его.

Пришелъ и второй сынишка, совсѣмъ еще капля.

— Знаешь изъ ариѳметики?—спросила его Евпраксія почти строго.

— Знаю-съ,—пролепеталъ ребенокъ.

— Ну, разсказывай!

Мальчикъ началъ отвѣчать, безпрерывно вскидывая на мать большіе голубые глазенки.

— Ну, теперь можете итти гулять,—сказала Евпраксія.

Мальчики солидно вышли.

— Славно дѣти выдержаны! — сказалъ Варегинъ, съ удовольствіемъ мотнувъ на нихъ головой.

На лицѣ Евпраксіи при этомъ ничего не выразилось, какъ бы говорилось о совершенно постороннемъ для нея предметѣ, но старуха Сабакѣева, прислушавшись къ ихъ разговору, произнесла:

— Я своего тоже не баловала, да немного толку-то вышло!

Евпраксія посмотрѣла на мать.

— Валерьянъ, maman, еще ничего дурного не сдѣлалъ! — сказала она какимъ-то твердымъ голосомъ.

— Что̀ же онъ хорошаго-то сдѣлалъ? — перебила ее рѣзко старуха.

— Валерьянъ Арсеньичъ былъ втянутъ общимъ потокомъ,— вмѣшался Варегинъ.

— Еще бы! — подхватила Евпраксія: — люди постарше и поопытнѣе его въ жизни Богъ знаетъ на какія глупости рѣшались.

При этомъ Баклановъ пошевелился въ своемъ креслѣ.

— Скажите, пожалуйста!—началъ онъ, чтобы замять этотъ разговоръ и обращаясь къ Варегину:—вы совсѣмъ ужъ оставили посредничество?

— Думаю!.. Дѣлать становится нечего.

— Вездѣ, значитъ, теперь тихо, вездѣ порядокъ установился?

— Почти!.. Только вотъ, помните, въ томъ имѣньи, гдѣ я усмирялъ у этой госпожи, все не слушаются старика отца ея. Я по этому случаю, ѣхавши сюда, заѣхалъ къ нему, оказывается, онъ умеръ, и представьте себѣ: на столѣ-то лежитъ румяный и бѣлый, какъ живой.

— А мнѣ такъ, — опять поспѣшно перебилъ пріятеля Баклановъ:—изъ деревни пишутъ, что одинъ сосѣдъ мой и немножко родственникъ, Дѣдовхинъ... тотъ такъ отъ досады померъ, что, кому ни пожалуется на посредника, никто просьбы отъ него не принимаетъ!

— Да, сильно старики подбираются! «Послѣднія тучки разсѣянной бури»!—заключилъ Варегинъ.

Въ продолженіе всего этого разговора Евпраксія и старуха Сабакѣева замѣтно къ чему-то прислушивались. Наконецъ раздался звонокъ.

— Вотъ, кажется, и онъ!—подхватила первая.

Старуха встревоженно посмотрѣла на нее.

Вошелъ знакомый намъ правовѣдъ Юрасовъ, въ настоящее время оберъ-прокуроръ и членъ разныхъ комиссій.

Евпраксія съ пылающимъ лицомъ пожала ему руку и просила садиться около себя.

Старуха тоже смотрѣла на него, какъ-то моргая носомъ.

Гость, въ свою очередь, хоть и улыбался, но замѣтно былъ не совсѣмъ въ покойномъ состояніи.

— Ну что̀? рѣшили?—спросила старуха.

Голова ея при этомъ дрожала.

— То-есть проектъ рѣшенія написанъ, — отвѣчалъ уклончиво Юрасовъ.

— Въ каторгу?—спросила старуха.

— Да.

— На долго ли?

— Вѣроятно, смягчатъ еще, а теперь на двѣнадцать лѣтъ.

Старуха, тяжело дыша, уставила глаза на образъ.

Евпраксія употребила всѣ силы, чтобы совладѣть съ собой; но слезы уже ручьями текли по ея лицу.

— Скажите: не струсилъ ли онъ? не труситъ ли по крайней мѣрѣ?—спросила старуха.

— О, нѣтъ, напротивъ, — отвѣчалъ Юрасовъ: — онъ встрѣчалъ все совершенно спокойно и на все, кажется, ужъ приготовился.

— А что̀ же эта госпожа?—спросила Евпраксія, и по лицу ея пробѣжала презрительная улыбка.

— Mademoiselle Базелейнъ?—спросилъ Юрасовъ.

— Да!

— Судится тоже.

— За что же вы ее-то судите? — вмѣшался въ разговоръ Варегинъ.

— По связи и по знакомству ея съ разными господами, да еще за дневникъ.

— За дневникъ?

— Да!

— Что̀ же она пишетъ въ дневникѣ?

Юрасовъ, кажется, нѣсколько затруднялся отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Пишетъ... — началъ онъ съ разстановкой и довольно тихо:—что, во-первыхъ, она въ Бога не вѣруетъ, что, когда родители посылали ее въ церковь, такъ она презрѣніе къ себѣ чувствовала...

— Мерзкая!—произнесла Евпраксія.

— Потомъ говоритъ, что разъ, встрѣтя одного студента, она спросила у него: есть ли у него диванъ и подушка, и что она придетъ заниматься къ нему; и приходила... Можете судить, какая безнравственность!

— Нисколько, ни капли нѣтъ той безнравственности, которую вы понимаете,—перебилъ его опять Варегинъ.

— Ни капли?

— Нисколько! Тутъ безнравственно совершенно другое: безнравственна ложь, желаніе порисоваться. Я убѣжденъ, что она, при малѣйшей зубной боли, усерднѣйшимъ образомъ молится Богу, что ни къ какому студенту и не ходила, а все это солгала на себя изъ служенія модной идейкѣ, какъ изъ тѣхъ же побудительныхъ причинъ лжемъ всѣ мы...

— Всѣ?—спросилъ правовѣдъ.

— Всѣ!—сказалъ рѣзко Варегинъ.—У меня есть пріятель въ Москвѣ, кротчайшее существо, всю жизнь сидитъ около своей любовницы и слушаетъ у себя соловьевъ въ саду, а говоритъ: «давайте крови!». Какой-нибудь господинъ, палецъ о палецъ не умѣющій ударить и только дышащій тѣмъ, что ему по девяти рублей съ души будутъ выбивать съ его бывшихъ крестьянъ оброку, и тотъ увѣряетъ: «надо все сломать». Чиновникъ, цѣлое утро, каналья, подличавшій передъ начальствомъ, вечеромъ придетъ въ гости и засыплетъ сейчасъ фразами о томъ, что «авторитетовъ нѣтъ и не должно быть».

На этихъ словахъ старуха Сабакѣева, кажется, и не слышавшая, что̀ около нея говорилось, снова обратилась къ Юрасову:

— А что, мнѣ можно будетъ за сыномъ ѣхать?

— Вѣроятно!—отвѣчалъ тотъ.

Она нахмурилась, подумала что-то, встала и пошла. Евпраксія послѣдовала за ней.

— Гдѣ жъ корень всему этому злу? — воскликнулъ Баклановъ по уходѣ жены и тещи.

— Да, я думаю, всего ближе въ нравственномъ гнетѣ, который мы пережили, и нашемъ шаткомъ образованіи, которое въ однѣхъ только декораціяхъ состоитъ,—такъ, что-то такое плаваетъ сверху напоказъ! И для меня рѣшительно никакой нѣтъ разницы между Ванюшею въ «Бригадирѣ», который, желая корчить изъ себя француза, безпрестанно говоритъ: «helas, c'est affreux!», и нынѣшнимъ какимъ-нибудь господиномъ, болтающимъ о революціи...

— Неужели же во всемъ послѣднемъ движеніи вы не признаёте никакого смысла?—спросилъ Баклановъ.

Варегинъ усмѣхнулся.

— Никакого!.. Одно только обезьянство, игра въ обѣдню, какъ дѣти вонъ играютъ.

— Хороша игра въ обѣдню, за которую въ крѣпость попадаютъ,—сказалъ Баклановъ.

— Очень жаль этихъ господъ въ ихъ положеніи, — возразилъ Варегинъ: — тѣмъ болѣе, что, говоря откровенно, они плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. То, что мы дѣлали крадучись, чему тихонько симпатизировали, они возвели въ принципъ, въ систему; это наши собственныя сѣмена, только распустившіяся въ букетъ.

— Если подъ движеніемъ разумѣть, — началъ Юрасовъ:— собственно революціонное движеніе, такъ оно, конечно, безсмыслица, но движеніе въ смыслѣ реформъ...

Варегинъ придалъ какое-то странное выраженіе своему лицу.

Бакланова между тѣмъ, видимо, что-то занимало и безпокоило.

— Скажите, Петцоловъ взятъ?—спросилъ онъ.

— Взятъ!—отвѣчалъ Юрасовъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—по-моему, этотъ господинъ или очень ограниченный человѣкъ, или просто сумасшедшій.

— Что жъ онъ дѣлалъ такое?—спросилъ Варегинъ.

— Онъ заѣзжалъ въ Австріи къ раскольничьему митрополиту и уговаривалъ того переѣхать въ Лондонъ.

Варегинъ потупился и развелъ руками.

— Потомъ заѣзжалъ къ Гарибальди и просилъ того, чтобы онъ съ поляками шелъ спасать насъ отъ насъ самихъ.

— Что̀ за мерзости!—произнесъ ужъ Варегинъ.

Баклановъ между тѣмъ сидѣлъ насупившись.

— Къ чему же онъ меня-то собственно приплетаетъ? — спросилъ онъ.

— Къ тому, что вы вотъ въ Лондонѣ съ нимъ видѣлись и что жили въ связи съ одною госпожой, съ которою и онъ послѣ жилъ.

— Къ чему же онъ это-то говоритъ?—сказалъ удивленнымъ тономъ Варегинъ.

— Онъ все говоритъ; объяснилъ даже, какъ эта госпожа сначала его промотала, потомъ англичанина и теперь сама сидитъ въ Клиши.

— Это madame Ленева, — сказалъ Баклановъ, немножко покраснѣвъ, Варегину.

— А!—произнесъ тотъ:—жаль!

— А, скажите, братъ этой госпожи взятъ?—спросилъ Баклановъ Юрасова.

— Нѣтъ, онъ остался за границей и, какъ вотъ тотъ же Петцоловъ говоритъ, врядъ ли не онъ и донесъ на нихъ.

— А Галкинъ что̀?—продолжалъ Баклановъ.

— Галкинъ ничего, освобожденъ.

— Какъ освобожденъ?—воскликнулъ Баклановъ.

Варегинъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Богатъ-съ! — произнесъ онъ и почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Ну, однако, что̀ же мнѣ-то будетъ?—договорился наконецъ Баклановъ до того, что̀ по преимуществу его безпокоило.

— Ничего!—успокоилъ его Юрасовъ.

— Ужъ и потрухиваетъ, а революціонеръ еще! — подхватилъ Варегинъ и сталъ искать шляпы.—А что̀, къ Евпраксіи Арсеньевнѣ можно?—спросилъ онъ.

— Можно!—отвѣчалъ Баклановъ.

Варегинъ прошелъ.

Евпраксія какъ ни была огорчена, но сидѣла и уже учила дѣтей.

— Учите, учите ихъ хорошенько! — сказалъ Варегинъ: — чтобы лучше были папенекъ и дяденекъ.

— Мнѣ ужъ даже и это не вѣрится! И этой надежды не имѣю!

— Страна, гдѣ есть такія жены и матери, какъ вы, не погибла еще!—говорилъ Варегинъ, прощаясь и цѣлуя руку у Евпраксіи.

Она ему ничего не отвѣчала: врядъ ли она уже и подоб-

ное привѣтствіе со стороны мужчины не считала излишнимъ для себя.

Въ гостиной Варегина остановилъ Баклановъ, сидѣвшій тамъ одинъ и, попрежнему, съ печальнымъ и растеряннымъ лицомъ.

— Вы знаете, что жена переѣзжаетъ въ Москву? — сказалъ онъ.

— Вотъ какъ!

— Отговорите ее, Бога ради, какъ-нибудь. Она васъ такъ уважаетъ. Она тамъ окончательно окружитъ себя монахами да богомолками. Теперь почти по цѣлымъ днямъ изъ церкви не выходитъ.

— Сами виноваты, сами разбили это сердце! — сказалъ, чмокнувъ губами, Варегинъ.

Баклановъ только поникъ при этомъ головой.

Варегинъ ушелъ.

«Да, — говорилъ онъ самъ съ собою, идя по Невскому: — одна въ Клиши умираетъ; другая въ крѣпость попала; третья совсѣмъ въ церковь спряталась, а все вѣдь это наши силы, и хорошія силы».

Да! скажемъ и мы вмѣстѣ съ нимъ: все это наши силы, и много и всюду мы ихъ чувствовали, проходя рука объ руку съ нашими героями, но что̀ дѣлать? Все это еще не устоялось и бродитъ!

Разсказъ нашъ, насколько было въ немъ задачи, конченъ. За откровенность нашу, мы напередъ знаемъ, тысячи обвиненій падутъ на нашу голову. Но изъ всѣхъ ихъ мы принимаетъ только одно: пусть насъ уличатъ, что мы наклеветали на дѣйствительность!.. Не мы виноваты, что въ быту нашемъ много грубости и чувственности, что такъ называемая образованная толпа привыкла говорить фразы, привыкла или ничего не дѣлать, или дѣлать вздоръ, что, не цѣня и не прислушиваясь къ нашей главной народной силѣ, *здравому смыслу*, она кидается на первый фосфорическій свѣтъ, гдѣ бы и откуда ни мелькнулъ онъ, и дѣтски вѣритъ, что въ немъ вся сила и спасеніе!

Въ началѣ нашего труда, при раздававшемся около насъ со всѣхъ сторонъ говорѣ, шумѣ, трескѣ, ясное предчувствіе говорило намъ, что это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутые извнѣ, а отчасти появившіеся отъ поднявшейся снизу разной дряни. Событія какъ нельзя лучше оправдали наши ожиданія.

Напрасно враги наши, печатные и непечатные, силятся

низвести наше повѣствованіе на степень безцѣльнаго сборника разныхъ пошлостей. Мы очень хорошо знаемъ, что они сердятся на насъ за то, что мы раскрываемъ ихъ болячки и бьемъ ихъ по чувствительному мѣсту, между тѣмъ какъ ихъ собственная совѣсть говоритъ за насъ и тысячекратно повторяетъ имъ, что мы правы.

Трудъ нашъ мы предпринимали вовсе не для образованія ума и сердца шестнадцатилѣтнихъ читательницъ и не для услады задорнаго самолюбія разныхъ слабоголовыхъ юношей: имъ лучше даже не читать насъ; мы имѣли совершенно иную (чтобы не сказать: высшую) цѣль и желаемъ гораздо большаго: пусть будущій историкъ со вниманіемъ и довѣріемъ прочтетъ наше сказаніе: мы представляемъ ему вѣрную, хотя и не полную картину нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась вся Россія, то зато тщательно собрана вся ея ложь.

1863.

РУССКІЕ ЛГУНЫ.

Очерки.

Люди, названные мною въ заголовкѣ, вѣроятно, знакомы читателю. Когда я встрѣчался съ ними въ жизни, они производили на меня скуку, тоску и озлобленіе; но теперь, отодвинутые отъ меня временемъ и обстоятельствами, они стали дороги моему сердцу. Въ нихъ я вижу столько національнаго, близкаго, родного мнѣ... Начавъ съ простѣйшихъ элементовъ, мнѣ, вѣроятно, придется перейти и къ гораздо болѣе высшимъ типамъ. Поле мое такимъ образомъ широко. Я только робѣю за свои силы, чтобы всѣ эти фигуры отлить изъ достойнаго металла, съ искусствомъ и точностью, достойными самого предмета, и въ этомъ случаѣ напередъ прошу читателя обращать вниманіе не столько на тѣхъ добрыхъ людей, про которыхъ мнѣ придется разсказывать, какъ на тѣ мотивы, на которые они лгали.

Выдумывая, всякій человѣкъ, разумѣется, старается выдумывать и приписать себѣ самое лучшее, и это лучшее, по большей части, беретъ изъ того, что въ обществѣ считается за лучшее. Лгуны временъ Екатерины лгали совсѣмъ по другой модѣ, чѣмъ лгутъ въ наше время. Прислушиваясь со вниманіемъ къ тѣмъ темамъ, на которыя извѣстная страна въ извѣстную эпоху лжетъ и фантазируетъ, почти безошибочно можно опредѣлить степень умственнаго, нравственнаго и даже политическаго развитія этой страны. Въ этомъ смыслѣ мы придаемъ нѣкоторое значеніе и нашему труду. Начинаемъ.

I.

Конкурентъ.

Помнитъ ли читатель одного изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ, Антона Ѳедотыча Ступицына *)? Я позволяю себѣ другой разъ говорить печатно объ этомъ лицѣ единственно по-

*) Повѣсть «Бракъ по страсти»

тому, что, начавъ слово о враляхъ, рѣшительно нѣтъ никакой возможности пройти молчаніемъ Антона Ѳедотыча. Въ прежнемъ разсказѣ моемъ я его представилъ въ періодъ полнаго паденія, когда его никто уже не слушалъ, когда онъ лгалъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ; но для него существовало и другое время: состояніе его тогда было далеко еще не въ такомъ разстроенномъ видѣ; носимый имъ довольно странный чинъ «штыкъ-юнкера въ отставкѣ» вовсе, по духу времени, не служилъ ему такимъ позоромъ, какимъ служилъ впослѣдствіи; вралъ онъ во всевозможныя стороны самымъ свободнымъ образомъ и только еще начиналъ замѣчать, что слушатели отъ него какъ-то стушевываются.

Антонъ Ѳедотычъ въ собраніи. Онъ проходитъ изъ буфета въ залу, съ удовольствіемъ втягивая въ себя запахъ накуреннаго одеколона. Публики еще никого нѣтъ, и только у колонны стоитъ молодой человѣкъ, Петруша Коробовъ, закинувъ голову назадъ и вообще въ довольно отчаянной позѣ. Антонъ Ѳедотычъ, находя въ нёмъ удобную для себя жертву, начинаетъ къ нему приближаться, но не вдругъ, а исподволь, какъ обходятъ обыкновенно охотники дрофу. Сначала онъ сдѣлалъ довольно большой полукругъ около него, потомъ поменьше, наконецъ въ третьемъ сталъ ужъ лицомъ къ лицу съ нимъ.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть Петрушу Коробова? — отнесся онъ къ нему, какъ бы совершенно еще къ мальчику.

Антону Ѳедотычу и въ голову не приходило принять въ соображеніе, что сей юный птенецъ тринадцати лѣтъ бѣжалъ безъ позволенія родителей изъ корпуса, прожилъ затѣмъ въ Петербургѣ десять лѣтъ безъ копейки денегъ и даже безъ бумагъ для свободнаго проживанія, а потому зналъ жизнь и могъ понимать людей.

— Точно такъ-съ!—отвѣчалъ молодой человѣкъ совершенно развязно.

— Еще маменьки вашей пользовался расположеніемъ!..

— Ахъ, да! Очень радъ.

Антонъ Ѳедотычъ, на всякій случай, взялъ легонько за руку своего новаго знакомаго.

— Не угодно ли?—сказалъ онъ, показывая ему другой рукой на стоявшіе два стула.

Молодой человѣкъ повиновался, и оба они усѣлись.

— Хорошенькая зальца!..—началъ Антонъ Ѳедотычъ, недоумѣвая еще, въ которую сторону ему хватить.

— Да, но паркетъ нехорошъ!—замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Очень нехорошъ! — подхватилъ радостно Антонъ Ѳедотычъ: слова эти прямо навели его на тему: — а все вѣдь ей-Богу, дворянство наше! Я предлагалъ имъ мой домъ, ничего бы съ нихъ не взялъ — ѣздите, танцуйте; ну, а паркетъ у меня такой, что и въ московскомъ дворянскомъ собраніи, пожалуй, такого нѣтъ.

— Это вашъ домъ на Ивановской-то? — замѣтилъ ему насмѣшливо его собесѣдникъ.

— Да, на Ивановской! — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ.

— Зачѣмъ же тамъ паркетъ? И домъ-то весь развалился.

— Случай!.. — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ, дѣлая видъ, что какъ бы не слыхалъ послѣдняго замѣчанія: — пріѣхалъ я разъ въ Москву, и такъ какъ у меня всегда есть свободныя деньги, я люблю, знаете, шляться по разнымъ этимъ аукціонамъ (Антонъ Ѳедотычъ въ жизнь свою не бывалъ ни на одномъ аукціонѣ и даже хорошенько не зналъ, какъ это тамъ дѣлается); только разъ вдругъ объявляютъ *паркетъ*: тамъ далъ кто-то какую-то цѣну, я далъ рубль больше, третій сказалъ еще рубль, я говорю два—за мной и остался. Чортъ знаетъ, зачѣмъ и для чего купилъ паркетъ!.. Ведутъ меня показывать; вижу, цѣлая комната завалена какими-то деревянными кусочками. Дѣлать однако нечего: велѣлъ я своему человѣку купить ящиковъ, собрали мы съ нимъ всю эту дрянь, повезли во-свояси... Домъ у меня тогда только еще отстраивался. Дай-ка, думаю, не будетъ ли чего-нибудь изъ моего паркета? Призываю я мастера. «Можешь ли, говорю, братецъ, собрать все это?» — «Могу-съ!» — говоритъ... — «Ну, начинай съ Богомъ!» Только вижу, онъ работаетъ день, другой... Меня любопытство взяло; иду я къ нему. «Что же, говорю, братецъ?» — «Да, батюшка, говоритъ, извольте посмотрѣть, какая штука выходитъ!» Смотрю я: все это ужъ у него разложено, и какъ бы на самой превосходнѣйшей картинѣ изображено «бородинское сраженіе»... Лица всѣхъ извѣстныхъ генераловъ какъ живыя; все это, знаете, выдѣлано изъ дерева. «Батюшка,— говоритъ паркетникъ: — мнѣ за такой паркетъ рядной цѣны взять нельзя». — «Да бери, говорю, братецъ, что хочешь, только увѣковѣчь ты мнѣ это сокровище».

— До сихъ поръ такъ съ генералами и стоитъ? — спросилъ Коробовъ, нисколько, повидимому, не удивлённый разсказомъ Антона Ѳедотыча.

— До сихъ поръ съ генералами! — отвѣчалъ тотъ.

— Такъ какъ же по генеральскимъ-то лицамъ танцовать и ходить ногами—неловко!

— Очень неловко! — засмѣялся Антонъ Ѳедотычъ.

Молодой человѣкъ между тѣмъ придалъ какъ бы мыслящее выраженіе своему лицу, потомъ тряхнулъ кудрями и началъ:

— У меня въ Петербургѣ тоже были всегда свободныя деньги, и я разъ тоже на аукціонѣ купилъ для маменьки часы; оказалось потомъ, что они съ будильникомъ...

— Бываетъ, съ такой, знаете, особенной машинкой! — подтвердилъ Антонъ Ѳедотычъ и показалъ даже рукою какъ бы нѣкоторое подобіе машины.

— Да дѣло не въ машинѣ, а въ томъ, что часы будили въ восемь часовъ, именно когда маменька привыкла вставать.

— Скажите! — произнесъ Антонъ Ѳедотычъ съ нѣкоторой дозой вниманія.

— И это ничего! Но они будили не шумомъ, какъ будятъ обыкновенные часы, а выкрикивали человѣческимъ голосомъ: «вставайте!.. вставайте!..»

— Скажите! — произнесъ Антонъ Ѳедотычъ, возвысивъ на значительное число нотъ свое вниманіе и даже показывая нѣкоторое удивленіе.

— И это еще ничего! — доколачивалъ его молодой человѣкъ: — будильникъ прибавлялъ: «вставайте, Клеопатра Григорьевна!» — имя мамаши выговаривалъ.

— Да, это пріятно! — замѣтилъ Антонъ Ѳедотычъ, какъ-то насильственно улыбаясь.

Онъ поставленъ былъ въ странное положеніе. Весь его умъ и соображеніе какъ бы подернулись какимъ-то туманомъ. Въ молодомъ человѣкѣ онъ видѣлъ точно двойника своего, который могъ совершенно то же дѣлать, что и онъ дѣлалъ.

— Вы вотъ справедливо сказали, — началъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья: — домъ у меня точно что здѣсь старъ. Непріятна, знаете, ветхость эта, а потому я гораздо больше люблю жить въ усадьбѣ своей.

— А у васъ хорошая усадьба? — спросилъ Коробовъ.

— Превосходная-съ! Насчетъ угодій разскажу вамъ только одно. Разъ, лѣтомъ, погода этакая прекрасная стояла; сижу я съ семействомъ у себя на балконѣ; вдругъ слышу колокольчикъ. «Кто такой?» — думаю. Оказывается, становой пріѣхалъ. Ну, очень радъ. «Антонъ Ѳедотычъ, говоритъ, къ вамъ архіерей сейчасъ пріѣдетъ. Услыхалъ, что вы поблизости: «везите, везите, говоритъ, меня къ нему»; я нарочно прискакалъ васъ предувѣдомить...» И точно, что я со всѣми этими высокими духовными особами всегда былъ друженъ, потому что и въ молодости и до сихъ поръ люблю заниматься этой богословіей; только дѣло въ томъ, что мы съ семей-

ствомъ по слабости нашихъ комплекцій всегда ѣдимъ скоромное... (Читатель, можетъ-быть, не забылъ, какимъ слабымъ здоровьемъ и малымъ аппетитомъ пользовался самъ Антонъ Ѳедотычъ и все его семейство). Но вѣдь это — монахи; по званію своему, они не могутъ этого дѣлать. Призываю я управляющаго. «Скачи, говорю, братецъ, въ городъ, плати тамъ сколько хочешь, только доставай намъ рыбы». — «Ничего-съ, говоритъ, и около дома найдемъ». — «Какъ около дома?»—«Да такъ ужъ, говоритъ, не извольте безпокоиться». Ну, я знаю, что онъ дѣйствительно человѣкъ расторопный, поуспокоился. Пріѣхалъ архіерей... сидимъ мы... тары-бары распускаемъ, а меня между тѣмъ все червячокъ гложетъ: «ну какъ, думаю, не найдутъ рыбы?» Вдругъ этотъ самый управляющій меня вызываетъ. «Пожалуйте, говоритъ, на прудъ, да и его-то преосвященство попросите». Возвращаюсь я къ гостямъ моимъ: «Вотъ, говорю, ваше преосвященство, дуракъ мой управляющій меня и васъ на прудъ выйти проситъ—тамъ что-то такое необыкновенное случилось». — «Хорошо, говоритъ, я очень радъ попройтись, а то все сидѣлъ». Выходимъ, и такъ-таки прямо намъ въ глаза, на берегу пруда — туда въ два осетръ!..

— Бываетъ это!—подтвердилъ его слушатель.—Разъ мы съ мамашей тоже сидимъ на балконѣ, только слышимъ вдругъ колокольчикъ... Это чиновники изъ города ѣдутъ къ намъ, а между тѣмъ среда... Мы съ матушкой, по слабости нашего здоровья, ѣдимъ скоромное, а чиновники, по ихъ сану, всегда соблюдаютъ посты... (Повѣса на этотъ разъ не счелъ даже за нужное мѣнять фразъ Антона Ѳедотыча). Только я призываю къ себѣ управляющаго: «Скачи, говорю, плати что хочешь за рыбу». — «Достанемъ, говоритъ, и дома, да еще и съ дичью». Я сначала и повѣрилъ ему, но потомъ, когда чиновники пріѣхали, меня, какъ и васъ, сталъ тоже червячокъ погладывать; однако управляющій вскорѣ же вбѣгаетъ. «Пожалуйте, говоритъ, Бога ради съ гостьми на прудъ да и винтовку ужъ захватите съ собой». — «Зачѣмъ винтовку?»— «Нужно», говоритъ... Бѣжимъ мы за нимъ. На берегу рѣки человѣкъ сорокъ мужиковъ тянутъ бредень... въ него попалъ медвѣдь, а бѣлуга ему въ ногу впилась!

Антонъ Ѳедотычъ даже ужъ и не усмѣхнулся на это; но тотчасъ же всталъ и отошелъ отъ своего собесѣдника и цѣлый вечеръ былъ какъ опущенный въ воду. Онъ полагалъ, что занимаетъ своими разговорами молодого человѣка, а тотъ только смѣялся надъ нимъ—обидно!

II.

Богатые лгуны и бѣдный.

Наклонность полгать — въ какихъ она иногда кроткихъ душахъ живетъ! Я зналъ въ В...ѣ мѣщанина Петра Вакорина— чрезвычайно кроткаго малаго, обремененнаго огромнымъ семействомъ, неспособнаго ничего другого дѣлать, какъ сходить за охотой, за грибами, рыбки поудить. Существовалъ онъ рѣшительно благодѣяніемъ одного подгороднаго помѣщика, Саврасова, честолюбивѣйшаго и надменнѣйшаго человѣка и въ то же время псоваго и ружейнаго охотника, который собственно и благодѣтельствовалъ Вакорину за то, что онъ выслѣживалъ ему иногда мѣста, удобныя для охоты, хоть тотъ по большей части и навиралъ въ этомъ случаѣ. Слабость поприврать въ Вакоринѣ, какъ въ существѣ загнанномъ, такъ умѣренно проявлялась, что ея почти никто и не замѣчалъ, а въ то же время она была, и очень была: придетъ иногда и разскажетъ женѣ, что видѣлъ орла съ орлятами, да улетѣли— канальство. А между тѣмъ никакихъ орлятъ не было, да и быть не могло. А то отправится въ сосѣдній монастырь къ обѣднѣ и тамъ, будто случайно, разскажетъ казначею: «Какую, ваше преподобіе, я на мельницѣ вашей щуку видѣлъ; пуда въ два, надо полагать; вся сѣдая ходитъ, мохомъ ужъ, значитъ, поросла!..». Разгорятся жадностью казначейскія очи, велитъ онъ спустить омутъ—хоть бы пискарь! Начнутъ бранить Вакорина, непремѣнно тутъ присутствующаго; крестится, божится, что видѣлъ, тогда какъ самъ очень хорошо знаетъ, что видѣлъ нѣчто гораздо болѣе похожее на палку, чѣмъ на щуку.

Разъ его благодѣтель, Саврасовъ, на одной изъ своихъ осеннихъ охотъ убилъ лисицу съ чернымъ хвостомъ. Можете себѣ представить, какъ это подѣйствовало на его гордую и самолюбивую душу! Со шкурой этой лисицы онъ сталъ по всѣмъ ѣздить, всѣмъ ее показывать. «Видали ли вы это?»— говорилъ онъ, повертывая свой трофей передъ носомъ почти каждаго, и всякій благоразумный человѣкъ, разумѣется, придавалъ удивленное выраженіе своему лицу и говорилъ: «Да, да».

Случилось, что около того же времени Вакоринъ зашелъ къ исправнику, съ которымъ онъ состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ уже по случаю рыбной ловли, такъ какъ всегда доставлялъ ему отличныхъ для удочки червяковъ, а когда самъ ходилъ съ нимъ зимою удить, такъ держалъ и отогрѣвалъ этихъ червяковъ у себя во рту.

Смиренно поклонясь хозяину и гостямъ его (у исправника въ это утро было человѣкъ нѣсколько изъ дворянства), Вакоринъ, въ своемъ длиннополомъ сюртукѣ, усѣлся въ уголку и, положивъ руки на колѣни, сталъ улыбаться своей доброй улыбкой всякому, кто только на него взглядывалъ. Хозяинъ наконецъ замѣтилъ его одинокое положеніе и обратился къ нему:

— Петруша, что̀ ты тамъ все сидишь? Поди, выпей водочки!

Вакоринъ скромно всталъ, подошелъ къ закускѣ, несмѣлой рукой сталъ наливать себѣ рюмку. Въ это время двери съ шумомъ растворились, и въ гостиную вошелъ Саврасовъ съ лисьей шкурой въ рукахъ.

— Какъ вы это находите? — обратился онъ прямо къ хозяину и ни съ кѣмъ почти не кланяясь.

— И словъ ужъ не нахожу, какъ это выразить!—отвѣчалъ тотъ, раболѣпно склоняя голову передъ гостемъ.

— Во всемъ европейскомъ ружейномъ мірѣ въ десять лѣтъ одинъ такой выстрѣлъ бываетъ!—сказалъ Саврасовъ.

На этотъ разговоръ ихъ Вакоринъ, не допивъ еще рюмки, отвелъ отъ нея свои кроткіе глаза и проговорилъ довольно громко:

— Каждый годъ по три такихъ штуки бью!

Хозяинъ уставилъ на дерзкаго удивленные глаза, а Саврасовъ сначала только попятился назадъ.

— Какъ, ты бьешь каждый годъ по три?—проговорилъ онъ, не могши еще прійти въ себя.

— Бью-съ!—отвѣчалъ, покраснѣвъ, Вакоринъ.

— Бьешь?—проговорилъ опять Саврасовъ.

— Бью-съ!—повторилъ еще разъ Вакоринъ.

— Бьешь?— заревѣлъ уже, съ вспыхнувшимъ какъ зарево лицомъ, оскорбленный честолюбецъ и схватилъ Вакорина за шиворотокъ.

Хозяинъ и гости подбѣжали къ нимъ.

— Ну, полноте, бросьте его!—унимали они Саврасова.

— Дуракъ! Ну, гдѣ ты бьешь? — увѣщевалъ Вакорина исправникъ.

— Бью, батюшка,—повторилъ онъ и тому.

— Господа! возьмите его у меня; иначе я его задушу! — сказалъ Саврасовъ, отбрасывая отъ себя Вакорина.

— Что̀ хотите, то̀ и извольте дѣлать, а что бивалъ, — не унимался бѣднякъ, утирая съ лица катившійся потъ.

— Ну, такъ пошелъ же вонъ! — крикнулъ на него ужъ и хозяинъ, выведенный изъ терпѣнія такою ложью.

— Я уйду, сударь, уйду! — говорилъ Вакоринъ и пошелъ.

— Я тебѣ теперь, каналья, кости оглоданной не дамъ,— вскричалъ Саврасовъ, выбѣгая вслѣдъ за нимъ.

— И я тоже, и я!—повторилъ хозяинъ.

Вакоринъ блѣднѣлъ, дѣлалъ изъ лица препечальнѣйшую мину.

Въ лакейской его сталъ-было даже лакей уговаривать:

— Полноте, Петръ Гаврилычъ, потѣшьте господъ; скажите, что неправду сказали.

— Что̀ мнѣ тѣшить-то? Бивалъ сколько разъ!—отвѣчалъ ему Вакоринъ.

Лакей на это не стерпѣлъ и плюнулъ.

— Фу ты, Господи Боже мой!—проговорилъ онъ.

Господа между тѣмъ разсуждали о нагломъ лжецѣ въ гостиной.

— Каковъ каналья? а? каковъ? — кричалъ Саврасовъ на весь домъ.

Его мелкое самолюбишко было страшно оскорблено. Недѣли черезъ двѣ онъ по наружности какъ бы и простилъ Вакорина, сталъ даже принимать его къ себѣ въ домъ, но въ душѣ питалъ противъ него злобу. Разъ... это ужъ было у самого Саврасова, тоже собралось дворянство, въ томъ числѣ два брата Брыкины. Еще покойный отецъ этихъ господъ разсказывалъ, что поѣхалъ онъ однажды ночью черезъ Галичское озеро — вдругъ трахъ, провалился въ прорубь; дыханье, разумѣется, захватило; глаза помутились; только черезъ нѣсколько секундъ дышать легче — глядитъ, тройка его выскочила въ другую прорубь — и полнехоньки сани рыбы зачерпнулись въ озерѣ. Другой разъ заговорили о храмѣ Петра въ Римѣ. «Что̀ это такое за важность этотъ храмъ!—воскликнулъ Брыкинъ:— говорятъ, великъ онъ очень! Вздоръ: великъ сравнительно, потому что вся-то Италія съ нашу губернію. Ну, а какъ наша матушка Россія раскинулась, такъ что̀ ни построй, все мало. Вотъ у насъ приходъ, или, лучше сказать, приходишко; выстроили церковь—такъ псаломщикъ за всенощной съ клироса на клиросъ на жеребенкѣ верхомъ ѣздилъ.

— Батюшка! — воскликнулъ при этомъ укоризненно даже одинъ изъ сыновей.

— А длина церкви велика ли? — спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Длина? — отвѣчалъ нѣсколько опѣшенный замѣчаніемъ сына старикъ:—длина сажени три.

Такъ онъ вралъ, и всѣ его слушали и даже почти вѣрили ему, потому что тысяча душъ была у него. Сынки тоже пошли по немъ. Въ настоящее собраніе одинъ изъ нихъ раз-

сказывалъ: «Стали, говоритъ, мы спускаться съ Свиньинской горы—вѣдь вы знаете, это стѣна, а не гора... что-то одна изъ лошадей плохо спускала—понесли. Заднее колесо заторможено было — однако, пи, пи, пи! ничего не помогаетъ; я, дѣлать нечего, говорю брату—мы съ нимъ сидѣли на передней лавочкѣ, а жены наши на задней: «давай, говорю, тормозить переднія колеса»; нагнулись: я на одну сторону—онъ на другую, взяли колеса въ наши лапки — на одинъ камень колесо наскочитъ, на другой — въ рытвину сухую попадетъ; смотримъ, лошади наши ужъ не несутъ, а везутъ коляску».

— И я заторможу колесо,—отозвался вдругъ чортъ знаетъ съ чего и для чего Вакоринъ, тоже тутъ присутствовавшій.

Глаза хозяина загорѣлись бѣшенствомъ.

— Ты затормозишь?—спросилъ онъ.

— Я-съ.

— Да ты, каналья, не только коляску, а одну лошадь на бѣговыхъ дрожкахъ, обѣими твоими скверными руками и ногами не остановишь!—прошипѣлъ онъ.

— И такъ остановлю-съ.

— Остановишь? Люди!

Саврасовъ хлопнулъ въ ладоши.

Вбѣжали люди.

— Сейчасъ заложить сѣраго въ бѣговыя дрожки. Останавливай!—обратился онъ къ Вакорину.

Тотъ только уже улыбался.

Лошадь была заложена и приведена къ крыльцу. Всѣ гости и хозяинъ вышли туда.

— Посмотримъ, посмотримъ!—говорили самолюбиво братья Брыкины.

Вакоринъ, какъ обреченный на казнь, шелъ впереди всѣхъ.

— Какъ же ты остановишь? — спрашивали его нѣкоторые изъ гостей, которые были подобрѣе.

— А вотъ какъ, — отвѣчалъ Вакоринъ, ложась грудью на дрожки и самъ, кажется, не зная хорошенько, что̀ онъ дѣлаетъ:—вотъ руки сюда засуну, а ноги сюда! — сказалъ онъ и въ самомъ дѣлѣ руки засунулъ въ переднія колеса, а ноги въ заднія.

— Отпускай! — крикнулъ онъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ державшему лошадь кучеру.

Тотъ отпустилъ. Лошадь бросилась, колеса завертѣлись; Вакоринъ какъ-то одну ногу и руку успѣлъ вытащить, дрожки свернулись набокъ, лошадь ужъ совсѣмъ понесла, такъ что посланный за нею верховой едва успѣлъ ее остановить.

Вакоринъ лежалъ подъ дрожками.

— Вставайте!—сказалъ подъѣхавшій къ нему верховой.

— Немного, проклятая, наскакала—остановилъ же!—сказалъ Вакоринъ и хотѣлъ-было подняться, но не могъ: у него переломлена была нога.

Лѣтъ десять тому назадъ я встрѣтилъ его въ В. совсѣмъ уже старикомъ, хромымъ и почти нищимъ. Онъ сидѣлъ на тротуарѣ и, мокая въ пустую воду сухую корку хлѣба, ѣлъ ее. Невдалекѣ отъ него стоялъ босоногій мальчишка и, видимо, поддразнивалъ его: «Лисичій охотникъ, лисичій охотникъ!»—повторялъ онъ безпрестанно. Это было прозвище, которое Вакорину дали въ городѣ послѣ перваго несчастнаго съ нимъ случая по поводу лисьей шкуры. Старикъ только по временамъ злобно взглядывалъ на шалуна. Я подошелъ къ нему.

— Что это, Петръ Гаврилычъ, до чего это ты дошелъ? — спросилъ я его.

— Что дѣлать, сударь! старъ сталъ ужъ!.. А добрыхъ господъ, какъ прежде было, нынче совсѣмъ нѣтъ!—отвѣчалъ онъ, и слезы навернулись у него на глазахъ.

Кого онъ подъ «добрыми господами» разумѣлъ — Богу извѣстно!

III.

Кавалеръ ордена пуръ-ле-меритъ.

Прелестное іюльское утро свѣтитъ въ окна нашей длинной залы; по переднему углу ея стоятъ мѣстныя иконы, принесенныя изъ ближайшаго прихода. Священникъ, усталый и запыленный, сидитъ невдалекѣ отъ нихъ и съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ дожидается, чтобы его заставили поскорѣе отслужить всенощную, а тамъ, вѣроятно, и водку подадутъ. Матушка, впрочемъ, еще не вставала, а отецъ ушелъ въ поле къ рабочимъ. Я (очень маленькій) стою и смотрю въ окно. Изъ поля и изъ саду тянетъ восхитительной свѣжестью: мнѣ такъ хочется молиться и Богу и природѣ! Тутъ же, по залѣ, ходитъ ночевавшій у насъ сосѣдъ, Евграфъ Петровичъ Хариковъ, мужчина чрезвычайно маленькаго роста, но съ густыми черными волосами, густыми бровями и вообще съ лицомъ неумнымъ, но выразительнымъ; съ шести часовъ утра онъ уже въ полной своей формѣ: брючкахъ, жилетикѣ, сюртучкѣ и пуръ-ле-меритѣ. Раздражающее свойство утра замѣтно дѣйствуетъ на него: онъ проворно ходитъ, подшаркиваетъ ножкою, дѣлаетъ въ лицѣ особенную мину. Евграфъ Петровичъ—

чистѣйшій холерикъ; его маленькой мысли безпрестанно надо работать, фантазировать и выражать самоё себя. Въ настоящую минуту онъ не выдерживаетъ наконецъ молчанія и останавливается передъ священникомъ.

— Вы дядю моего Николая Степаныча знавали?—спрашиваетъ онъ какъ бы случайно.

Священникъ поднимаетъ на него глаза и бороду.

— Нѣтъ-съ! — отвѣчалъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ.

— Храбрый былъ генералъ, храбрый!..

Священникъ продолжаетъ молчать.

— Я, собственно, служилъ въ кавалеріи! — говорилъ Хариковъ.

Онъ, собственно, служилъ офицеромъ въ комиссаріатѣ.

— И подъ Глагау, Господи!.. Двинули насъ сбить непріятельскую позицію по правую этакъ сторону отъ города... Пошли мы сначала на рысяхъ, палаши наголо... Глядимъ, пѣхота—разъ, два—выстроилась въ каре. Вы знаете, что̀ такое каре?

— Нѣтъ-съ!—отвѣчалъ и на это священникъ и, вытянувъ изъ бороды два волоска, началъ внимательно ихъ разсматривать.

— Отличная штука! Четыреугольникъ изъ людей, ни больше ни меньше; штыки впередъ, задняя шеренга: «пифъ! пафъ!»—совершенная щетина, съ пульками только, которыя летаютъ около васъ, какъ шмели, никакая кавалерія не возьметъ — надо сразу... Командиръ нашъ командуетъ: «маршъ назадъ!», потомъ: «налѣво кругомъ, маршъ, маршъ!». Летимъ!.. Мнѣ какъ-то—ужъ это именно Богъ!—между двухъ ружей удалось проскакать. Тутъ сто̀итъ только одному прорваться, и, конечно, весь полкъ за мной; направо саблей!.. налѣво саблей!.. Лошади ногами топчутъ!

Евграфъ Петровичъ сталъ-было даже своими маленькими ручками и ножками представлять все это въ лицахъ, и особенно живо, какъ лошади топчутъ непріятеля ногами; но въ это время вошелъ покойный отецъ, по обыкновенію, мрачный и суровый, и сѣлъ тутъ же въ залѣ.

— Что̀ это онъ тебѣ расписываетъ? — спросилъ онъ священника, указывая глазами на Евграфа Петровича.

— Про войну разсказываетъ-съ,—отвѣчалъ тотъ.

— Про дѣло при Глагау припоминаю, — подхватилъ Хариковъ.

Онъ зналъ, что въ присутствіи отца продолжать разговора въ прежнемъ тонѣ ему не было никакой возможности, но и замолчать сразу было неловко: онъ рѣшился выбрать средину.

— Въ тотъ день, — продолжалъ онъ далеко ужъ не съ такой самоувѣренностью: — послали меня съ извѣстіемъ...

— Къ кому?—перебилъ его отецъ какимъ-то безстрастнымъ голосомъ.

— Не помню къ кому...—почти пискнулъ Евграфъ Петровичъ.

— О чемъ?

— Кажется, что, сколько теперь помню, что... Витгенштейнъ наступаетъ или отступаетъ...

— А!..—протянулъ отецъ.

— Только поѣхалъ я-съ... Лошадь у меня была отличная,— продолжалъ Хариковъ; голосъ его замѣтно дрожалъ: — только вдругъ вижу я, отъ непріятельскаго авангарда отдѣлился польскій уланчикъ, и за мной... Я какъ бы дальше отъ него, а онъ ко мнѣ все ближе; вижу, и копьецо отъ меня недалеко— я хвать изъ сѣдла пистолетъ; бацъ—осѣчка! Копьецо ужъ и гораздо ближе ко мнѣ; я другой разъ бацъ—осѣчка! Копьецо ужъ почти у хвоста моей лошади... дѣлать нечего, перекрестился (Евграфъ Петровичъ закусилъ при этомъ злобно губы), перехватилъ пистолетъ дуломъ въ руку, пустилъ его на волю Божью и прямо угодилъ молодцу въ високъ... закачался онъ на сѣдлѣ—и голову закинулъ назадъ.

— Это случилось не въ 12-мъ году...—перебилъ его отецъ.

— Какъ не въ 12-мъ?—спросилъ Хариковъ.

— И не при Глагау и не съ тобой, а въ польскую кампанію дѣйствительно одинъ нашъ кирасиръ убилъ польскаго улана холоднымъ пистолетомъ, и это я тебѣ даже и разсказывалъ...

— Съ кирасиромъ, можетъ-быть, случилось само по себѣ, а со мной само по себѣ!—затараторилъ Хариковъ.

— Съ тобой случилось другое,—отвѣтилъ отецъ:—ты убѣжалъ изъ провіантскаго магазина отъ сорока мышей.

Евграфъ Петровичъ сильно покраснѣлъ.

— Вотъ вздоръ какой! Я бѣжалъ не отъ крысъ, а отъ непріятеля: на меня кинулись два французскіе карабинера; я схватилъ одного за шиворотокъ, другого за шиворотокъ, треснулъ ихъ головами и ушелъ отъ нихъ.

— Ты сидѣлъ въ магазинѣ, — продолжалъ отецъ тѣмъ же безстрастнымъ голосомъ: — и считалъ тамъ казенные мѣшки съ хлѣбомъ; въ это время изъ одного амбара въ другой переходило стадо крысъ; ты испугался и убѣжалъ отъ нихъ.

— Говорить все можно!—произнесъ Хариковъ обиженнымъ голосомъ.—Если я убѣжалъ отъ крысъ, за что же мнѣ пуръ-ле-меритъ дали?

— Не знаю за что!—отвѣчалъ отецъ оскорбительнѣйшимъ образомъ.

Собственно говоря, Евграфъ Петровичъ и самъ хорошенько не зналъ, за что ему дали этотъ крестъ. За какія-то успѣшныя распоряженія нашего интендантства при Глагау, или гдѣ-то, прислано было отъ прусскаго правительства десятка два пуръ-ле-меритовъ, и одинъ изъ нихъ упалъ на благородную грудь моего героя.

— Вотъ онъ мнѣ за что данъ! — воскликнулъ онъ и, проворно отмахнувъ рукавъ суртука, показалъ довольно большой рубецъ.

— Э, братъ, нѣтъ! знаемъ! Это нарочно травленый! — воскаикнулъ въ свою очередь отецъ. — Боздерманъ сказывалъ нлмъ, какъ ты просилъ его травить тебѣ руку, и непремѣнно чтобъ рубецъ остался.

Евграфъ Петровичъ развелъ только на это руками. Выраженіе его лица какъ бы говорило, что клевета человѣческая дальше итти не можетъ. Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился— неизвѣстно; но вошла матушка. Евграфъ Петровичъ поспѣшилъ передъ ней модно расшаркаться, поцѣловалъ у нея руку и освѣдомился объ ея здоровьѣ.

Во время всенощной онъ замѣтно молился на старинный офицерскій манеръ, т.-е. клалъ небольшіе крестики и едва склонялъ голову. Затѣмъ почему-то съ особеннымъ чувствомъ пропѣлъ: «Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти». Но когда начали «Взбранной воеводѣ», онъ подперся руками въ бокъ, какъ бы держась за шарфъ; откуда басъ у него взялся, пропѣлъ цѣлый псаломъ, ни въ одной нотѣ не сорвавшись, и, кончивъ, проговорилъ:

— Прекрасная стихера! Теперь бы духовенство сзади: въ воздухъ знамена; барабанщики и кларнетисты впередъ — прелесть!

Мнѣ всего разъ еще удалось, уже на смертномъ одрѣ, видѣть этого маленькаго храбреца въ его маленькой усадьбѣ, въ маленькомъ домикѣ и маленькой спальнѣ, въ которой не было уже никакихъ слѣдовъ здороваго человѣка: всюду былъ удушливый воздухъ, вездѣ стояли баночки съ лѣкарствомъ, и только на столикѣ у кровати лежалъ пуръ-ле-меритъ на совершенно свѣжей лентѣ. Когда я сѣлъ около Евграфа Петровича, онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку.

— Вы, вѣроятно, будете у меня на похоронахъ, — проговорилъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ: — прикажите, пожалуйста, чтобъ крестъ этотъ несли передъ моимъ гробомъ: я заслужилъ его кровью моею!

Читатель знаетъ, какою онъ его кровью заслужилъ.

Черезъ недѣлю онъ умеръ. Я долгомъ себѣ поставилъ

исполнить его предсмертное желаніе и даже самъ несъ крестъ на малиновой подушкѣ, которую покойникъ, задолго еще до смерти, поспѣшилъ для себя приготовить.

Слава великаго Суворова, еще свѣжо тогда витавшая надъ всѣмъ нашимъ войскомъ, задѣла своимъ обаятельнымъ крыломъ и душу Евграфа Петровича; во всѣхъ своихъ мечтаніяхъ онъ воображалъ себя и храбрецомъ, и генераломъ, и увѣшаннымъ крестами. «Отчего,—думалъ я:—судьба не дала этому человѣку, вмѣсто какого-то темнаго и не для всѣхъ понятнаго пуръ-ле-мерита, Георгія или какую-нибудь звѣзду? Любопытно было бы видѣть ту степень нѣжности, съ какою онъ относился бы къ этимъ высокимъ наградамъ воинскихъ доблестей!»

IV.

Фантазерка.

Гордость такъ же свойственна женскимъ сердцамъ, какъ и мужскимъ. Тетка моя, Мавра Исаевна Исаева, была какъ бы живымъ олицетвореніемъ этого грандіознаго чувства. Признаюсь, и по самой наружности я не видалъ величественнѣе, громаднѣе и могучѣе этой дамы, или, точнѣе сказать, дѣвицы: прямой греческій носъ, открытый лобъ, строгіе глаза, презрительная улыбка, густые, серебристые въ пукляхъ волосы, полный, но не обрюзглый еще станъ, походка грудью впередъ— словомъ, какъ будто бы Господь Богъ все ей тѣло далъ для выраженія главнаго ея душевнаго свойства. Мавра Исаевна, какъ можно это судить по ея здоровой комплекціи, чувствовала сильную наклонность къ замужеству; но, единственно по своему самолюбію, считая всѣхъ мужчинъ недостойными себя, осталась въ самомъ строгомъ смыслѣ дѣвственницей. Сердце ея всего одинъ разъ было плѣнено: сынъ губернатора Лампе, камеръ-юнкеръ и большой повѣса (это было еще до 12 года), танцовалъ съ ней на балѣ у отца мазурку и вдругъ выкинулъ какую-то ухарскую штуку — Мавра Исаевна на это только еще гордѣе подняла голову и пошла ужъ совсѣмъ грудью впередъ. Камеръ-юнкеръ сталъ по-польски что есть силы стучать ногами—Мавра Исаевна прижала одну руку въ бокъ и начала тоже по-польски довольно сильно выкидывать ноги. Камеръ-юнкеръ перевернулся вверхъ ногами — Мавра Исаевна сдѣлала движеніе рукой и пошла отъ него въ сторону. Камеръ-юнкеръ наконецъ пропѣлъ пѣтухомъ — Мавра Исаевна представила, что какъ будто бы закудахтала куроч-

кой. «Русскую!»—грянулъ камеръ-юнкеръ и въ мундирѣ (тогда на балы ѣздили въ мундирахъ, чулкахъ и башмакахъ) пошелъ въ присядку — Мавра Исаевна сейчасъ, какъ слѣдуетъ въ русской пляскѣ, стала поводить плечами и бровями...

Всѣ зрители были въ восторгѣ и хохотали до упаду.

Старикъ Лампе, впрочемъ, на другой же день положилъ предѣлъ этой начинавшейся страсти и отправилъ сына обратно въ Петербургъ.

— Воли родительской не было на то, и мы повиновались...—объясняла Мавра Исаевна съ покорностью въ голосѣ, всю жизнь свою этотъ случай.

Главнымъ отличительнымъ свойствомъ Мавры Исаевны было то: что̀ бы она ни дѣлала, она полагала, что дѣлаетъ это лучше всѣхъ; грибы ли отваритъ — лучше всѣхъ, по дѣламъ ли станетъ хлопотать — тоже лучше всѣхъ. Ставила она со своего имѣнія рекрутъ: Мишку поставила—затылокъ! Петьку—затылокъ

— Наконецъ,—говоритъ она:—я сама иду въ присутствіе. Брейте, говорю, меня самоё; мнѣ больше ставить некого!..

— Какъ въ присутствіе? Вѣдь тамъ стоятъ голые мужики?—воскликнули ея слушатели.

— А характеръ намъ, женщинамъ, на что данъ?—отвѣчала Мавра Исаевна.

Проживая лѣтъ около тридцати въ деревнѣ, она постоянно держала у себя воспитанницъ, единственною обязанностью которыхъ было выслушивать разсказы ея о самой себѣ; но эти *неблагодарныя твари*, какъ обыкновенно называла ихъ Мавра Исаевна, когда прогоняла отъ себя, обнаруживали въ этомъ случаѣ довольно однообразное свойство: вначалѣ онѣ какъ будто бы и принимали всѣ ея слова съ должнымъ вниманіемъ; но потомъ на лицахъ ихъ замѣтно стала обнаруживаться скука, и онѣ начинали или грубить, или дурить... Пробовала-было Мавра Исаевна по этому предмету входить въ сношенія съ начальницами разныхъ монастырей, пріютовъ, ѣздила къ нимъ, ласкалась, дѣлала имъ подарки, чтобъ онѣ удѣлили ей хоть какой-нибудь отростокъ изъ своего богатаго питомника,—но и тутъ счастья не было: первый же взятый ею отпрыскъ вдругъ обеременѣлъ, такъ что Мавра Исаевна, спасая ужъ собственную честь, поспѣшила ее поскорѣе отправить обратно въ заведеніе. Послѣдней приживалкой Мавры Исаевны была изъ дворянъ дѣвица Фелисата Ивановна, дѣвушка богомольная и вначалѣ обнаруживавшая къ своей благодѣтельницѣ такое почтеніе, что мыть ее въ банѣ никому не позволяла, кромѣ себя, и при этомъ еще объясняла, что у

Мавры Исаевны такое тѣло, что какъ ткнешь въ него пальцемъ, такъ онъ и уйдетъ весь туда.

Разъ мы обѣдали: тетушка, съ своей обычно-гордой позой, я, всегда ея немного притрухивавшій, и Фелисата Ивановна. Послѣдняя была что-то грустна и молчалива. Мавра Исаевна, напротивъ, находилась въ какомъ-то умиленномъ настроеніи.

— Когда я была въ Петербургѣ, — начала она даже нѣсколько заискивающимъ голосомъ: — познакомилась я съ генеральшей Костиной. Мужъ ея, сенаторъ, вдругъ заинтересовался мной... просто этимъ скотскимъ чувствомъ, какъ всѣ вы, гадкіе мужчины. «Генералъ, — говорю я ему: — ни ваше званіе ни мое званіе, ни ваши лѣта ни мои лѣта не позволяютъ намъ упасть въ эту пропасть».

— Что̀ жъ эти Костины были богатые люди, хорошо жили?— поспѣшилъ я спросить, чтобы какъ-нибудь не дать Маврѣ Исаевнѣ разговориться на любимѣйшую ея тему; оставаясь равнодушною къ мужчинамъ, она любила разсказывать о побѣдахъ надъ ними.

— Она была племянница свѣтлѣйшаго, только, не больше...— отвѣчала она мнѣ внушительно: — каждую недѣлю балъ со дворомъ. Я говорю: «Я не могу у васъ бывать; вы знаете мой туалетъ и мои платья — разъ, два, и обчелся».—«Да вы сдѣлайте,—говоритъ мнѣ Костина:—форменное платье; всякая дворянка имѣетъ это право!»

— Какое же это форменное?—спросилъ я.

Мавра Исаевна прищурила глаза.

— Очень простенькое!—начала она:—не знаю, какъ нынче, можетъ-быть, ужъ перемѣнилось, а тогда — черное гласе, на правомъ плечѣ шифръ дворянскій, на рукавахъ буфы, спереди, наотмашь, лопасти, а сзади—шлейфъ. Генеральша Костина тоже въ гласе, на лѣвой сторонѣ звѣзда, на правой шифръ уже придворный... Три у нихъ дочери были... очень милыя дѣвушки... танцуютъ... Тогда только еще эта ваша дурацкая французская кадриль начала входить въ моду... Смотрю... что̀ это такое?—растопырятъ платья и ходятъ, какъ павы. Ни вкусу ни манеръ—просто гадко видѣть... чувствую, что внутри во мнѣ все такъ и кипитъ, а старый этотъ повѣса, Костинъ, еще съ любезностями вздумалъ адресоваться... глазками дѣлаетъ... «Подите, говорю, прочь; видѣть васъ не могу!» На другой день, только-что еще проснулась и чувствую себя очень нехорошо, пріѣзжаетъ ко мнѣ Костина. Тутъ ужъ я не вытерпѣла. «Марья Ивановна, — говорю я ей:—на что это нынѣшнія дѣвицы похожи? Гдѣ у нихъ манеры, гдѣ у нихъ обращеніе, гдѣ эти умные разговоры?..»—

«Душенька, душенька, говоритъ, возьмите всѣхъ дѣтей моихъ на воспитаніе...» Скороспѣлка этакая была, все бы ей сейчасъ сдѣлать, не обдумавши... «Марья Ивановна, говорю, правила моей нравственности вотъ въ чемъ состоятъ», и этакъ, знаете, серьезно поговорила. Ну, разумѣется, не понравилось. «Посудите, говоритъ, я — мать». — «Очень, говорю, сужу и знаю; я сама мать и имѣю тоже дочь».

— Какъ дочь? — воскликнули мы оба въ одинъ голосъ съ Фелисатой Ивановной.

— Да, дочь! — отвѣчала Мавра Исаевна, слегка вспыхнувъ (она, кажется, и сама была не совсѣмъ довольна, что такъ далеко хватила).

— Кто жъ отецъ вашей дочери? — спросилъ я.

— Мужчина.

Фелисата Ивановна на этихъ словахъ не выдержала и фыркнула на всю комнату. Мавра Исаевна направила на нее свой медленный взоръ.

— Чему ты смѣешся? — спросила она ее какимъ-то гробовымъ голосомъ.

Фелисата Ивановна молчала.

— Чему ты смѣешься? — повторила Мавра Исаевна тѣмъ же тономъ.

— Да какъ же, матушка, какая у васъ дочь? — отвѣчала Фелисата Ивановна.

— А такая же, костяная, а не лычная, — говорила Мавра Исаевна попрежнему тихо; но видно было, что въ ея громадной груди бушевало цѣлое море злобы: — я дѣтей своихъ не раскидывала по мужикамъ, какъ сдѣлала это ты.

Фелисата Ивановна сконфузилась; намекъ былъ слишкомъ ядовитъ: она дѣйствительно въ жизнь свою одного маленькаго ребеночка подкинула сосѣднему мужичку.

— Не было у меня, сударыня, никакихъ дѣтей, — возразила она: — и у васъ ихъ не было; вы — барышня: вамъ стыдно на себя это наговаривать.

— А вотъ же и было; на, вотъ тебѣ! — сказала Мавра Исаевна и показала Фелисатѣ Ивановнѣ кукишъ.

— Гдѣ жъ теперь ваша дочь? — спросилъ я, желая испытать, до какой степени можетъ дойти фантазія Мавры Исаевны.

— Не безпокойтесь; она умерла и не лишитъ васъ наслѣдства!.. — отвѣчала она мнѣ съ замѣтной ядовитостью. — О, мой маленькій, кроткій ангелъ! — продолжала старушка, вскинувъ глаза къ небу: — точно теперь на него гляжу, какъ лежала ты въ своемъ атласномъ гробикѣ, вся усыпанная цвѣтами, а я, безумная, стояла около тебя и не плакала..

Что̀ тутъ было говорить? Мы съ Фелисатой Ивановной потупились и молчали.

Мавра Исаевна нѣсколько разъ моргала носомъ, поднимала глаза къ небу и тяжело вздыхала, какъ бы желая показать, что удерживаетъ накопившіяся въ груди слезы.

Послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ наверхъ, но часовъ въ шесть, когда уже смерклось, услыхалъ робкіе шаги.

— Кто это?—окликнулъ я.

— Это я, батюшка! — отозвалась Фелисата Ивановна: — подите-ка посмотрите, что̀ тетенька дѣлаетъ.

— Что̀ такое?

— Извольте посмотрѣть!

И затѣмъ, сказавъ, чтобы я шелъ на цыпочкахъ, подвела меня къ двери въ гостиную и приложила мой глазъ къ небольшой щели.

Тетушка сидѣла на диванѣ передъ столомъ, на которомъ свѣтло горѣли двѣ калетовскія свѣчи. Она говорила сама съ собой. «Да, это конечно!» — бормотала она, дѣлая движеніе рукой, какъ бы играя султаномъ на шляпѣ. Потомъ говорила гораздо ужъ болѣе нѣжнымъ голосомъ: «Но это невозможно, невозможно!»—повторяла она неоднократно. Затѣмъ щурила глаза, поднимала плечи, врядъ ли не воображая, что на нихъ были эполеты (она, должно-быть, въ этомъ случаѣ представляла какого-нибудь военнаго). «Ваша воля, ваша воля!» — говорила она.

— Батюшка, что̀ это такое? Вѣдь это часто съ ними бываетъ!—вопіяла Фелисата Ивановна.

— Ничего,—успокаивалъ я ее:—пойдемте; пусть она себѣ пофантазируетъ.

— Да я, батюшка, очень боюсь, — говорила она и въ самомъ дѣлѣ дрожала всѣмъ тѣломъ.

На другой день поутру въ домѣ опять поднялся гвалтъ, и ко мнѣ въ комнату вбѣжала ужъ горничная.

— Пожалуйте къ тетушкѣ; несчастье у насъ...

— Какое?

— Фелисата Ивановна потихоньку уѣхала-съ къ родителямъ своимъ-съ.

Я пошелъ. Мавра Исаевна всею своею великолѣпной фигурой лежала еще на постели; лицо у ней было багровое, глаза горѣли гнѣвомъ, голая ступня огромной, но красивой ноги выставлялась изъ-подъ одѣяла.

— Фелисатка-то, мерзавка, слышалъ—убѣжала!—встрѣтила она меня.

Я придалъ лицу моему выраженіе участья.

— Вѣдь седьмая отъ меня такъ бѣгаетъ! Отчего это?

— Что жъ вамъ, тетушка, такъ очень ужъ гоняться за этими госпожами! Будетъ еще такихъ много.

— Разумѣется! — проговорила Мавра Исаевна уже прежнимъ своимъ гордымъ тономъ.

— Вамъ гораздо лучше,—продолжалъ я:—взять въ комнату вашу прежнюю ключницу, Глафиру (та была глуха на оба уха, и при ней говори, что хочешь — не покажетъ никакого ощущенія)... женщина она неглупая, честная.

— Честная!—повторила Мавра Исаевна.

— Потомъ къ вамъ будетъ ѣздить Авдотья Никаноровна.

— Будетъ!—согласилась Мавра Исаевна.

Авдотья Никаноровна хоть и не была глуха на оба уха, но зато такая была дура, что ничего не понимала.

— Наконецъ Эпаминондъ Захарычъ будетъ постоянный вашъ гость.

— Да, Эпаминондка! Пьяница только онъ ужасный!

— Нельзя же, тетушка, чтобы человѣкъ былъ совершенно безъ недостатковъ.

Эпаминондъ Захарычъ, бѣдный сосѣдъ, въ самомъ дѣлѣ былъ такой пьяница, что никогда никакими посторонними предметами и не развлекался, а только и помышлялъ о томъ, какъ бы и гдѣ бы ему водки выпить.

— Всѣ они будутъ бывать у васъ, развлекать васъ! — говорилъ я, помышляя о собственномъ спасеніи.

Эта густая и непреоборимая атмосфера хоть и дѣтской, но все-таки лжи, которою я дышалъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, начинала меня душить невыносимо.

— А теперь позвольте съ вами проститься!—прибавилъ я нерѣшительнымъ голосомъ.

— Прощай, Богъ съ тобой! — отвѣчала Мавра Исаевна.

Ей въ эту минуту было не до меня: ей нужна была Фелисатка, которую она растерзать на части готова была своими руками. Дома я нашелъ плачевное и извиняющееся письмо отъ Фелисаты Ивановны:

«Ваше высокородіе, Алексѣй Филатычъ, — писала она: — хоша теперича, можетъ, вы и ваша тетенька на меня, рабу вашу, гнѣваться изволите, но мнѣ, батюшка Алексѣй Филатычъ, было не жить при нихъ—я сама дѣвушка нездоровая и очень этого боюсь... Прошлый годъ, Алексѣй Филатычъ, когда Господь Богъ сподобилъ насъ быть у Ѳеодосія, Тотемскаго чудотворца, и когда тетенька ваша стала прикладываться къ ракѣ святаго угодника, такъ онѣ плакали и до того ихъ корчило, что двое монаховъ едва имѣли силы дер-

жать ихъ... Значитъ, онъ, окаянный, въ нихъ сидѣлъ, и трудно ему тамъ было, а онѣ еще святой себя называютъ. «Праведница, говоритъ, я»; это все его наущеніе; на этакій грѣхъ онъ ихъ наводитъ, и я такъ теперь понимаю, что быть при нихъ не то что намъ, грѣшницамъ великимъ, а какому развѣ священнику безмѣстному, чтобы онъ могъ отчитать ихъ, когда врагъ ихній заберетъ ихъ во всю свою поганую силу».

Фелисата Ивановна считала бѣдную старушку за одержимую бѣсомъ, тогда какъ все дѣло было въ томъ, что могучая фантазія Мавры Исаевны и въ сотой долѣ своей не удовлетворялась скудною дѣйствительностью.

V.

Блестящій лгунъ.

Во лжи, какъ и во всякомъ другомъ творчествѣ, есть своего рода опьянѣніе, нѣга, сладострастіе; а то откуда же она беретъ этотъ огонь, который зажигаетъ у человѣка глаза, щеки, поднимаетъ его грудь, дѣлаетъ голосъ болѣе звучнымъ?.. Нѣкто N., еще въ двадцатыхъ годахъ совершившій кругосвѣтное путешествіе, былъ именно однимъ изъ такихъ электризующихъ себя и другихъ услаждающихъ говоруновъ и лгуновъ своего времени. Маленькій, проворный, живой, съ красивыми руками и ногами, и вообще своей наружностью напоминающій польскаго ксендза, имѣющій привычку, когда говоритъ, закрывать глаза и вскрикивать въ концѣ каждой фразы какъ бы затѣмъ, чтобы сильнѣе запечатлѣть ее въ ушахъ слушателей, N. почти цѣлыя двѣ зимы былъ героемъ Москвы. Князь П. (да проститъ Господь Богъ этому человѣку его гордость, которая могла равняться одной только сатанинской гордости!), князь П. искалъ знакомства съ N. Обстоятельство это, впрочемъ, надобно объяснить вліяніемъ княгини, которое она всегда имѣла на мужа. При воспоминаніи объ этой дамѣ, авторъ не можетъ не прійти въ нѣкоторый восторгъ отъ мысли, что въ Россіи была такая умная и ученая дама. Цѣлый день она, бывало, сидитъ въ своей обитой штофомъ гостиной, вѣчно съ книгой въ рукахъ; двѣ ея дочери, стройныя и прямыя, какъ англичанки, тоже съ книгами въ рукахъ. Положимъ, къ княгинѣ пріѣзжаетъ съ визитомъ какая-нибудь m-me Маурова, очень молоденькая и вѣтреная женщина.

— Avez-vous lu Chateaubriand?—спроситъ вдругъ княгиня, показывая глазами на книгу, которую держитъ въ рукахъ.

— Non, — отвѣчаетъ та очень покойно.

— Non?..—повторитъ княгиня почти ужасающимъ голосомъ.

— Mon mari n'est pas encore allé au magasin de Gothier.

— Шатобріанъ вышелъ годъ тому назадъ! — скажетъ княгиня и, не ограничиваясь этимъ, обратится еще къ одной изъ дочерей своихъ.

— Chère amie, принеси мнѣ les Métamorphoses d'Ovide.

Она очень хорошо знаетъ, что m-me Маурова и словъ такихъ: «Метаморфозы Овидія» не слыхала, — а потому, по необходимости, должна растеряться и уѣхать.

Я привелъ этотъ маленькій эпизодъ единственно затѣмъ, чтобы показать, какіе люди интересовались N. и дали наконецъ ему торжественный обѣдъ, къ которому все было предусмотрѣно: во-первыхъ, былъ приглашенъ къ обѣду, какъ человѣкъ очень умный, профессоръ Марсовъ, учившій дочерей княгини греческому языку; изъ другихъ мужчинъ были выбраны по большей части сановники — друзья князя; кромѣ того, на обѣдъ налетѣло больше десятка пестрыхъ и прелестныхъ, какъ бабочки, молодыхъ дамъ.

N. входитъ; но мы ловимъ его не на его офиціальномъ поклонѣ хозяйкѣ, не въ то время, когда онъ почти дружески пожималъ руку хозяина, ни даже тогда, когда, сидя уже за столомъ по правую руку хозяйки, послѣ съѣденнаго супа, онъ начиналъ ей запускать кое-что о супахъ-консервахъ, ни въ тотъ моментъ, когда князь, вставъ на ноги, возвѣстилъ тостъ за здоровье N., какъ за здоровье знаменитѣйшаго путешественника, а княгиня, дружески пожимая ему руку, проговорила съ удареніемъ: — «и я пью!». На все это N. отвѣтилъ краткими и исполненными чувства словами, но и только! Онъ зналъ, что минута его еще не настала, и былъ цѣломудренно скроменъ. Она настала, когда онъ остался въ прекрасномъ кабинетѣ, освѣщенномъ по тогдашней модѣ восковыми свѣчами, въ совершенно интимномъ кружку князя, княгини, профессора Марсова и двухъ-трехъ дамъ, самыхъ искреннихъ его почитательницъ. N. сидѣлъ на покойномъ креслѣ: безпечная голова его была закинута назадъ, коротенькія ножки утопали въ коврѣ; ощущая въ желудкѣ пріятный вкусъ высокоцѣннаго рейнвейна, онъ по крайней мѣрѣ съ часъ описывалъ разницу между Европою и затропическими странами.

— Наконецъ, женщины затропическія! — воскликнулъ онъ въ заключеніе и поцѣловалъ при этомъ кончики своихъ пальцевъ.

Княгиня на короткое мгновеніе переглянулась съ прочими дамами.

— On dit... pardon, это московскіе слухи... on dit, que vous avez été marié à une petite négresse.

N. стыдливо потупляетъ глаза.

— Non, на мавританкѣ,—отвѣтилъ онъ вполголоса.—Это—маленькое племя, живущее около Триполи,—продолжалъ онъ, вздохнувъ и какъ бы предавшись воспоминанію.

— Вы были, значитъ, и въ Африкѣ? — спросилъ его съ мрачнымъ видомъ Марсовъ.

— Мой Богъ, я былъ въ Африкѣ вездѣ, гдѣ только могла быть нога человѣческая.

Говоря точнѣе, нога N. ни на одномъ камнѣ Африки не была, и онъ только въ зрительную трубку съ корабля видѣлъ ея туманные берега.

— Я былъ наконецъ плѣнникъ: меня консулъ александрійскій вымѣнялъ на слона!

— Почему же александрійскій консулъ? — вмѣшался въ разговоръ князь.

Онъ всегда интересовался дипломатическимъ корпусомъ и считалъ его почему-то близкимъ себѣ.

— Очень просто! — отвѣчалъ N., и въ творческой головѣ его создалась уже цѣлая картина: — это случилось на пути моемъ къ Тунису. Я ѣхалъ съ маленькимъ караваномъ... ночью... по степи полнѣйшей... только и видно, какъ желтое море песку упирается въ самое небо, на которомъ, какъ бы исполинскою рукою, выкинутъ свѣтлый шаръ луны, дающій тѣнь и отъ васъ, и отъ вашего верблюда, и отъ вашего вьюка, — а тамъ вдали мелькаютъ оазисы съ зеленѣющими пальмами, которыя передъ вами скорѣе рисуются черными, чѣмъ зелеными очертаніями; воздухъ прозраченъ, какъ стекло... Только вдругъ на горизонтѣ пыль. Проводники наши, какъ увидали это, сейчасъ поворотили лошадей въ противоположную сторону и маршъ! «Что̀ такое?» — спрашиваемъ мы. — «Бедуины», — отвѣчаетъ намъ толмачъ, и представьте себѣ—мы безъ всякой защиты, въ пустынѣ, которая малѣйшимъ эхомъ не отвѣтитъ на самые ваши страшные, предсмертные крики о помощи...

— Ужасно! — проговорила княгиня.

— Ужасно! — повторили и прочія дамы.

N. продолжалъ:

— Пыль эта, разумѣется, вскорѣ же превратилась въ людей; люди эти насъ нагнали. У меня были съ собой золотые часы, около сотни червонцевъ. Спросили они меня черезъ переводчика: кто я такой? отвѣчаю: «Русскій!». Совѣтъ они между собой какой-то сдѣлали, послѣ котораго купцовъ ограбили и

отпустили, а меня взяли въ плѣнъ. Толмачъ однако мнѣ говоритъ, что все дѣло въ деньгахъ: стòитъ только написать какому-нибудь нашему консулу, чтобы онъ меня выкупилъ. «Но какой же, думаю, консулъ на африканскомъ берегу? Самый ближайшій изъ нихъ александрійскій». Кромѣ того спрашиваю:—«Какъ же я напишу ему?»—«Ваше письмо, говорятъ, или съ нарочнымъ пошлютъ, или просто по почтѣ». Между всѣми европейскими консулами и этими разбойничьими шайками установлено прямое сообщеніе.

Проговоря это, N. нѣсколько пріостановился. «Ну какъ,— подумалъ онъ: — этого ничего нѣтъ, да и быть, вѣроятно, не можетъ!»

— Впослѣдствіи, впрочемъ, оказалось,—продолжалъ онъ:— что эти самые толмачи и наводятъ караваны на шайки, а послѣ и дѣлятъ съ ними добычу...

Марсовъ при этихъ словахъ повернулся на стулѣ.

— Какъ же толмачъ можетъ навести? Его дѣло — переводить съ языка, а по дорогѣ вести — дѣло проводника!—проговорилъ онъ своимъ точнымъ языкомъ.

— О, эти два ремесла всегда въ одномъ лицѣ соединены!— воскликнулъ N.

— Да вѣдь вы сами же сказали, что проводники ваши ускакали, а толмачъ при васъ остался.

— То не проводники, а военная стража только! — возразилъ N.

— То военная стража! — подтвердилъ и хозяинъ.

Марсовъ, незамѣтно для другихъ, пожалъ плечами и замолчалъ.

— Чтò же, васъ въ плѣну держали въ тюрьмѣ, подъ надзоромъ? употребляли на какія-нибудь работы?—спросила княгиня съ участіемъ.

— О, нѣтъ, напротивъ!—воскликнулъ N. (до какой степени онъ быстро творилъ въ этомъ разговорѣ—удивляться надо).— Я жилъ въ очень маленькомъ селеньицѣ, состоящемъ изъ глиняныхъ саклей—по загородямъ бананы растутъ, какъ наши огурцы; въ какое-нибудь драгоцѣннѣйшее фиговое дерево — вы вдругъ видите — для чего-то воткнуто желѣзное орудіе въ родѣ нашей пѣшни, и на ней насажена мертвая баранья голова...

— Чтò же, къ консулу вы писали? — перебилъ его князь.

— Писалъ... Съ однимъ купцомъ, дружественнымъ этому селенію, письмо мое было отправлено.

— Чтò жъ онъ вамъ отвѣчалъ? — продолжалъ князь.

Онъ рѣшительно во всемъ этомъ разговорѣ только и за-

интересовался, что консуломъ и отчасти военною стражею, названною проводниками.

— Консулъ отвѣчалъ, — продолжалъ N.: — что онъ для выкупа плѣнныхъ совершенно не имѣетъ суммъ; но въ то же время, принимая тамъ во вниманіе мое имя, какъ литератора и путешественника, и цѣня высоко услуги, оказанныя мною отечеству, и прочія тамъ любезности, онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ моему положенію и имѣетъ для этого одинъ способъ: есть у него казенный слонъ, подаренный однимъ сосѣднимъ беемъ. Слона этого ему предписано продать, и онъ уже отдалъ его купцу, привезшему мое письмо, а тотъ обѣщалъ за это меня выкупить. Такъ меня и обмѣняли... на слона!

— А когда же ваша женитьба состоялась? — спросила княгиня.

Въ противоположность мужу, ее болѣе интересовала поэтическая сторона плѣна N.

— А вотъ въ этотъ промежутокъ времени, между моимъ плѣномъ и освобожденіемъ.

— Однако позвольте! — возразила вдругъ княгиня, прищуривъ глаза: — тутъ для меня есть маленькое недоразумѣніе. Вы говорите, что васъ взяли въ плѣнъ бедуины, а женились вы между тѣмъ на мавританкѣ, тогда какъ одно племя кочующее, а другое — осѣдлое...

(Изъ этихъ словъ читатель можетъ видѣть, до какой степени княгиня была учена).

— О, Богъ мой!—воскликнулъ ей на это N. — Это по географіи вѣдь только такъ!.. На самомъ же дѣлѣ, Богъ знаетъ какое племя, мавританское или бедуинское племя — только съ тѣми же воинскими наклонностями, съ тою же дикостью нравовъ.

Марсовъ при этомъ опять незамѣтно для другихъ насмѣшливо улыбнулся; но княгиня осталась довольна этимъ объясненіемъ.

— Подробности вашего брака? — спросила она уже нѣсколько лукавымъ голосомъ.

— Подробности очень обыкновенны! — протянулъ N. (онъ въ это время придумывалъ): — очень даже обыкновенны! — проговорилъ онъ. — Приходитъ ко мнѣ разъ, съ моимъ толмачомъ, малый изъ туземцевъ, чрезвычайно красивый собой, по обыкновенію, бритый, съ чубомъ на головѣ, какъ у нашихъ малороссіянъ. «Не желаешь ли, говоритъ, князь, жениться?» Я посмотрѣлъ на него.—«У меня есть сестра красавица. Князь, можешь жениться на ней на мѣсяцъ, на два, на годъ».

— И вы женились? — замѣтила княгиня укоризненно.

— Женился!

— На мѣсяцъ, на два?—продолжала княгиня насмѣшливо.

— Нѣтъ, на два года.

— Не вѣрю! — возразила княгиня, кивнувъ отрицательно головой.

— Увѣряю васъ!—сказалъ искреннимъ голосомъ N. — Довольно страненъ обрядъ ихъ вѣнчанья: если вы женитесь на полгода, васъ обводятъ полкруга, на годъ — цѣлый кругъ, на два — два круга.

— Кто же это вѣнчаетъ у нихъ? — спросилъ почти озлобленнымъ голосомъ Марсовъ.

— Мулла; они — магометане! Совершенно какъ у насъ въ Крыму: вы можете на татаркѣ жениться на мѣсяцъ, даже на недѣлю, — отвѣчалъ, не запнувшись, N.

(Онъ собственно только и слыхалъ, что нѣчто подобное въ Крыму будто бы существуетъ).

— Скажите, вы вашу жену тамъ на родинѣ и оставили?— продолжала княгиня.

— Нѣтъ, я ее привезъ въ Европу, и надобно было видѣть восторгъ этого ребенка всему: и кораблю, и городамъ нашимъ, и дилижансамъ; на каждомъ почти шагу она вскрикивала, смѣялась, хлопала въ ладоши; въ Парижѣ передъ каждымъ дамскимъ магазиномъ она рѣшительно замирала и все мнѣ говорила: «Какъ бы хорошо это украсть!».

— Какъ украсть? — воскликнули въ одинъ голосъ оставшіяся слушать N. дамы.

— А такъ украсть,—отвѣчалъ онъ имъ съ лукавой улыбкою.

— Очень просто, я думаю, — разрѣшила княгиня: — воровство у нихъ, вѣроятно, считается никакъ не порокомъ, а добродѣтелью.

— И очень большою... Старшины ихъ обыкновенно говорятъ: «Я старшина, потому что укралъ сорокъ жеребцовъ и тридцать матокъ».

Лицо княгини между тѣмъ приняло опять серьезное, чтобы не сказать строгое, выраженіе.

— Гдѣ жъ теперь жена ваша? — спросила она, уставляя на N. пристальный взглядъ.

— Въ могилѣ!—отвѣчалъ онъ со вздохомъ и понурилъ голову.—Въ Лондонѣ мнѣ надобно было долго пробыть для подробнаго описанія начинающаго тамъ устраиваться пароходнаго завода; она не перенесла климата и умерла.

— Mais on dit, que vouz aviez un enfant de cette femme?— продолжала княгиня тѣмъ же строгимъ голосомъ.

Дамы, какъ извѣстно, о всѣхъ хоть сколько-нибудь вольныхъ предметахъ предпочитаютъ говорить по-французски, будучи твердо увѣрены, что этотъ благородный языкъ способенъ облагородить все, даже неблагородное.

— Oui! — отвѣчалъ ей въ тонъ по-французски N.: — но и ребенокъ вскорѣ вслѣдъ за матерью отправился, — прибавилъ онъ опять съ печалью.

— Monsieur! — начала одна изъ оставшихся его слушать дамъ, покраснѣвъ до конца своихъ хорошенькихъ ушей и, видимо, сжигаемая съ одной стороны любопытствомъ, а съ другой — стыдомъ: — dites-moi, de quelle couleur était votre enfant?

— Café au lait! — отвѣчалъ N. и при этомъ самъ даже не могъ удержаться и засмѣялся.

Марсовъ этого ужъ не выдержалъ. Онъ всталъ, порывисто поклонился общимъ поклономъ всему обществу и, проговоривъ лаконически: «прощайте-съ!» — вышелъ какой-то угрожающей походкой.

Всю Поварскую и Никитскую онъ шелъ, погруженный въ глубокую задумчивость, и все что-то шепталъ про себя: человѣкъ этотъ всю свою молодость воспиталъ въ мудромъ уединеніи, и при этомъ, имѣя отъ природы слонообразную наружность и густой, необразованный голосъ, онъ въ обществѣ былъ молчаливъ и застѣнчивъ до дикости, но такъ какъ отъ природы былъ надѣленъ сильной фантазіей и живымъ воображеніемъ, то любилъ поговорить дома, особенно выпивши (несчастная привычка, полученная имъ еще въ бурсѣ: Марсовъ происходилъ изъ духовнаго званія), и поговорить по преимуществу въ присутствіи Гани, женщины изъ простого званія и хоть не освященной бракомъ, но тѣмъ не менѣе вѣрной и нѣжной его подруги. Въ глазахъ ея онъ какъ бы постоянно хотѣлъ казаться окруженнымъ ореоломъ и метающимъ стрѣлы краснорѣчія на диспутахъ, которые будто бы онъ имѣлъ съ разными господами военными и статскими (уваженіе къ диспутамъ въ немъ тоже осталось отъ семинаріи: «они изощряютъ умъ, волнуютъ сердце благороднѣйшими страстями и укрѣпляютъ характеръ человѣка!» — говаривалъ онъ). Послѣдній случай у князя, конечно, послужилъ обильнѣйшимъ источникомъ для бесѣды на эту тему. Почтенный педагогъ, придя къ себѣ въ квартиру и едва перемѣнивъ свой синій фракъ на покойный и засаленный халатъ, сейчасъ же воскликнулъ:

— Ганя, водки!

Его вульгарный желудокъ даже и не помнилъ о тѣхъ гастрономическихъ сокровищахъ. которыя онъ сейчасъ только по-

глотилъ, и вовсе не считалъ за святотатство отравить все это сивухой. Ганя (претолстое и предобродушнѣйшее существо), зная хорошо привычки своего патрона, немедля поставила передъ нимъ огромный графинъ водки, пирогъ съ говядиной и лукомъ, и сама сѣла тутъ же рядомъ чай пить.

— Выпилъ бы напередъ чайку-то! — сказала она.

— Выпью!—отвѣчалъ профессоръ и вмѣсто того выпилъ рюмку водки, закусилъ ее пирогомъ, потомъ еще рюмку и еще рюмку.

Впечатлѣніе лжи человѣческой на этотъ разъ очень сильно подѣйствовало на Марсова: ротъ его перекосился, или, какъ выражались хорошо знавшіе своего наставника студенты, — застегнулся на правое ухо, что̀ всегда означало, что этотъ добрый человѣкъ находился въ озлобленномъ и насмѣшливомъ расположеніи духа.

— Видѣлъ я, сударыня, путешественника знаменитаго! — отнесся онъ къ Ганѣ, качнулъ затѣмъ головой и сдѣлалъ такую мину, что Ганя сразу поняла, какъ держать себя въ этомъ разговорѣ.

— Мало ли ихъ, знаменитыхъ!—сказала она съ насмѣшкой.

— Именно... мало ли!.. — подхватилъ Марсовъ и захохоталъ громкимъ, каменнымъ смѣхомъ:—знаешь, какъ трещотка: тр-тр-тр... А я — нѣтъ, погоди, баринъ, постой! И началъ ему въ колесо-то гвозди забивать—разъ гвоздь, два, три...

Читатель видѣлъ, какъ почтенный педагогъ скромно и умѣренно это дѣлалъ. Но Ганя притворилась, что всему этому вѣритъ, и даже какъ будто бы обезпокоилась этимъ.

— Да тебѣ что̀ за дѣло? Вездѣ ввяжется!..

— И ввяжусь!—расхорохорился Марсовъ.—Я ему сказалъ, что онъ *лжецъ!* (Многоуважаемый педагогъ, можетъ-быть, думалъ это, но мысли его, какъ знаемъ, рѣшительно не перешли въ звуки). Я диспутировать могу,—продолжалъ онъ:—ставь мнѣ свое положеніе, я обстрѣливаю его со всѣхъ сторонъ. Я ставлю мое — стрѣляй и ты! А что это-то тр-тр-тр, такъ я ихъ заторможу — стой!

— Вотъ этакъ ты и старшимъ-то тормозишь, и не даютъ до сихъ поръ генерала! — возразила Ганя.

Ганѣ и самому Марсову ужасно хотѣлось, чтобы онъ былъ генералъ.

— И буду имъ тормозить: врутъ они! (Въ сущности Марсовъ никому изъ начальства слова грубаго не сказалъ). Теперь Михайла Смирновъ генералъ, а чья голова крѣпче — его или моя?

— Кто васъ знаетъ! — возразила Ганя:—у обоихъ крѣпка, по штофу выпьете — ничего!

Старикъ улыбнулся.

— Дура! — сказалъ онъ протяжно: — рѣчь Михайлы Смирнова — вѣтръ палящій, на воображеніе слушателей играющій, а мое слово — молотъ желѣзный, по мозгу бьющій.

— Ой, да больнѣй молотомъ-то, чѣмъ вѣтромъ.

— Зато прочнѣй! — повторилъ нѣсколько разъ старикъ.

Ганя поспѣшила подавать ужинать, но ей долго еще пришлось послушать, какъ Марсовъ гвозди вбивалъ въ разсказы путешественника.

Хорошій былъ человѣкъ, справедливый, честный, а дома все-таки прихвастнуть любилъ.

VI.

Сентименталы.

Чѣмъ человѣкъ можетъ лгать?.. Тѣмъ же, чѣмъ и согрѣшать: словомъ, дѣломъ, помышленіемъ — да, помышленіемъ!.. Человѣкъ можетъ думать, чувствовать не такъ, какъ свойственно его натурѣ. Карамзинъ, напримѣръ, былъ прекрасный писатель, но привилъ къ русскому человѣку совершенно несродный ему элементъ — сентиментальность!.. Изъ любви мы можемъ зарѣзать, зарѣзаться, застрѣлить, застрѣлиться, но ходить по берегу ручья съ цвѣткомъ въ рукѣ и вздыхать — не станемъ! У насъ дѣвушка, кинутая своимъ любовникомъ, поетъ:

„Изведу себя я не зельемъ и не снадобьемъ,
Изведу я горючьми слезми“.

Другая, любовница разбойника, говоритъ, что ей въ тюрьмѣ быть:

„А за то ль, про то ль,
Что пятнадцати лѣтъ на разбой пошла.
Я убила парня бѣлокурова,
Изъ груди его сердце вынула.
На ножѣ сердце встрепенулося,
А я жъ млада усмѣхнулася!“

Совсѣмъ ужъ мы не сентиментальный народъ: мы — или богатыри, или зубоскалы.

Но въ нашемъ читающемъ обществѣ сентиментальность была. Самъ ядовитый Вигель—читатель, конечно, прочелъ его умныя записки — былъ, сколько можно замѣтить, не чуждъ этого фальшиваго чувства. Прекраснымъ тогда всѣ восторгались. Франты того времени обожали даже это прекрасное въ себѣ подобныхъ, и это обожаніе, положительно можно сказать, шло въ нашемъ обществѣ рука объ руку съ сентиментальностью.

Выбранные мною экземпляры, кажется, довольно ярки и рельефны для выраженія того, что̀ я хочу сказать.

Матушка моя, не знаю почему, всегда очень любила, чтобы я знакомился съ женщинами умными.

— Другъ мой, — говорила она мнѣ однажды, съ лукавой нѣжностью: — когда ты сдѣлаешь для меня это одолженіе и съѣздишь къ Доминикѣ Николаевнѣ?

Доминика Николаевна, дѣвица лѣтъ сорока шести, была большая любительница читать книги и жила у себя въ усадьбѣ, по ея словамъ, какъ канарейка въ клѣткѣ.

— Когда ты, помнишь, писалъ ко мнѣ твое милое, длинное письмо, — продолжала матушка: — она была у меня, я при чей получила его и дала ей прочесть; читая его, она, безъ преувеличенія, заливалась слезами. «Дайте, говоритъ, мнѣ видѣть эту руку, которая начертала эти смѣлыя строки!»

Мнѣ въ это время было лѣтъ 18-ть. Я былъ студентъ и дѣйствительно въ этотъ годъ отмахалъ матушкѣ длиннѣйшее письмо, въ которомъ, между прочимъ, описывалъ Кремль и то, какъ царевна Софья Алексѣевна вывела передъ бунтующимъ народомъ царевичей Іоанна и Петра, и какъ Петръ при этомъ повернулъ на головѣ корону и сказалъ: «Какъ повернулъ я эту корону, такъ поверну и стрѣльцовъ!». Относительно душевнаго моего настроенія надо объяснить, что я въ это время былъ влюбленъ въ одну изъ жесточайшихъ моихъ кузинъ и жаждалъ имѣть друга-женщину, съ которой могъ бы подѣлиться своими печальными мыслями. Доминика Николаевна, по всѣмъ тѣмъ представленіямъ, которыя я объ ней составилъ, могла, казалось мнѣ, быть такимъ другомъ. Она — дѣвушка умная и по выраженію лица моего пойметъ, что̀ волнуетъ и терзаетъ мою душу, спроситъ меня о томъ, и я ей скажу все, скрываться мнѣ нечего: чувства мои не преступны. Поѣхалъ я. Доро̀гою мечтательное мое настроеніе все больше и больше росло. Мнѣ представлялось уже, что я лежу тяжко больной у Доминики Николаевны, и она тайкомъ проводитъ ко мнѣ жестокую кузину, которая становится на колѣни передъ моей кроватью и умоляетъ меня возвратиться къ жизни.

— Поздно, — говорю я ей слабымъ голосомъ: — это вы меня привели къ гробу.

Читатель, конечно, видитъ, что и въ моихъ мечтаніяхъ была значительная доля буколическаго.

Домикъ, или клѣтка Доминики Николаевны, начинался небольшимъ прирубнымъ, полуразвалившимся крылечкомъ. Я вошелъ по нему. Въ передней встрѣтилъ меня старый лакей, съ очками на носу и съ чулкомъ въ рукѣ.

— У себя Доминика Николаевна?—спросилъ я его съ нѣкоторою строгостью, какъ вообще спрашиваютъ люди, когда пріѣзжаютъ туда, куда ихъ ждутъ.

— Онѣ въ поле вышли-съ, сейчасъ придутъ,—отвѣчалъ лакей.

Въ залѣ мнѣ первое бросилось въ глаза крашеное дерево съ жестяными крашеными листами, по вѣткамъ котораго было разсажено огромное количество чучелокъ колибри. Дерево, какъ нарочно, стояло передъ открытымъ окномъ, изъ котораго виднѣлись настоящія деревья и свѣтило лѣтнее солнце. Сопоставленіе этой поддѣльной Австраліи съ живой природой меня непріятно поразило; такъ и хотѣлось это мертвое дерево съ его мертвыми птичками вышвырнуть куда-нибудь. По самой длинной стѣнѣ комнаты стояло открытое фортепіано. На немъ развернутъ былъ романсъ, изъ котораго я теперь только и помню два стиха:

„Что въ сердцѣ есть жестокія страданья,
И тѣмъ я съ раннихъ лѣтъ безмолвно изнывалъ“.

Мнѣ захотѣлось сѣсть. Я прошелъ въ гостиную. Тамъ вышивался огромный коверъ. Узоръ представлялъ поэтическаго Малекъ-Аделя, отбивающагося отъ двухъ рыцарей. Искусства и старанья на вышиванье было употреблено пропасть: брови и усы сарацина сверхъ шерстей были даже, кажется, тронуты краскою; красный плащъ съ лѣваго плеча его спускался безконечными складками; конь отличался яростью и бѣшенствомъ, и особенно эффектно выставлялись двѣ его, слегка красноватыя ноздри. Рыцари замѣчательны были своими наклоненными позами къ Малекъ-Аделю. По стѣнамъ гостиной развѣшены были гравюры, изображающія пастушковъ и пастушекъ съ пасущимися стадами; мебель была не новая, но довольно мягкая; на свѣчахъ висѣли абажуры,—все это, если хотите, было довольно уютно, но черезчуръ ужъ какъ-то грязновато, и отъ всего точно пахнуло какой-то сухой травой.

Послышался наконецъ шелестъ женскаго платья и женскій, нѣсколько дребезжащій голосъ:

— Очень, очень рада!

Доминику Николаевну предувѣдомили уже о моемъ пріѣздѣ. Она вошла въ гостиную, свернувши нѣсколько голову набокъ; въ костлявыхъ рукахъ ея, заключенныхъ въ шелковыя à jour перчатки, она держала зонтикъ; на головѣ у ней была полевая соломенная шляпка. Какъ бы въ прямое противорѣчіе этому лѣтнему костюму, къ щекѣ Доминики Николаевны была привязана ароматическая подушечка; кромѣ того, дѣлая мнѣ

книксенъ, она махнула подоломъ платья и обнаружила при этомъ, что была въ теплыхъ шерстяныхъ ботинкахъ. Я, по тогдашней модѣ, подошелъ къ ней къ рукѣ. Она на это мнѣ поспѣшно сдернула съ руки перчатку à jour.

— Благодарю вашу матушку и васъ!—сказала она, кидая на меня отчасти нѣжный и отчасти покровительственный взоръ.

— Усядемьтесь,—прибавила она въ заключеніе.

Усѣлись.

Доминика Николаевна нѣсколько времени осматривала меня съ головы до ногъ.

— Хорошо ли вы, во-первыхъ, учитесь?—спросила она.

Я обидѣлся.

— Хорошо-съ!—процѣдилъ я сквозь зубы.

Доминика Николаевна закатила глаза вверхъ.

— Я читала ваше письмо: перо превосходное, мысли возвышенныя!

Я помирился нѣсколько съ ней.

— Вы застали меня,—продолжала Доминика Николаевна съ глубокимъ вздохомъ:—убитую горемъ и болѣзнью...

Я молчалъ.

— Дмитрій Дмитричъ... вы, конечно, его знаете?

— Знаю-съ!

— Онъ получилъ еще новый ударъ отъ своихъ враговъ: его опять хотѣли посадить въ тюрьму.

Въ печальномъ выраженіи лица Доминики Николаевны была видна и насмѣшка и грустное презрѣніе къ людямъ.

— Но, вѣроятно, онъ какъ-нибудь избавится отъ этого,—произнесъ я.

— Друзья его, конечно, не допустили; я вотъ это мое имѣніе заложила и внесла за него.

Дмитрій Дмитричъ, какъ всѣ это знали и чего она сама не скрывала, былъ другъ ея сердца.

— Вотъ вамъ всѣмъ, молодымъ людямъ,—продолжала она:—этотъ человѣкъ образецъ, который имѣетъ всѣ достоинства.

Дмитрій Дмитричъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ много достоинствъ: всегда безукоризненно и по модѣ одѣтый, съ перетянутой, какъ у осы, таліей, съ тонкими, каштановыми и уже съ просѣдью усами и съ множествомъ колецъ на худощавыхъ рукахъ—Дмитрій Дмитричъ былъ сынъ какого-то важнаго генералъ-аншефа. Воспитывалъ его французскій графъ, эмигрантъ, и передалъ впечатлительному мальчику всѣ свои добродѣтели и пороки. Сначала Дмитрій Дмитричъ служилъ въ гвардіи, танцовалъ очень много на балахъ, потомъ гулялъ на Невскомъ

уже въ статской бекешѣ, и наконецъ вдругъ, вслѣдствіе чего-то, высланъ изъ Петербурга съ обязательствомъ жить въ своей губерніи.

— По 14-му декабря замѣшанъ,—говорили сначала про него таинственно.

Самъ Дмитрій Дмитричъ по этому поводу больше или отмалчивался, или дѣлалъ гримасу.

Всераскрывающее время, впрочемъ, дало и другого рода толкованіе сему обстоятельству, и впослѣдствіи, когда кто-либо изъ пріѣзжихъ спрашивалъ какого-нибудь туземца, за что Милинъ (фамилія Дмитрія Дмитрича) высланъ изъ столицъ:

— Высланъ-съ онъ... — отвѣчалъ туземецъ, и если при этомъ была жена въ комнатѣ, онъ говорилъ ей:—«Выдь, душа моя!». Та выходила, туземецъ что-то такое тихо говорилъ пріѣзжему, тотъ дѣлалъ знакъ удивленія въ лицѣ.

— Неужели?—восклицалъ онъ.

— Говорятъ!—отвѣчалъ грустнымъ голосомъ хозяинъ.

Дмитрій Дмитричъ наслѣдовалъ послѣ отца хорошее состояніе, но, къ несчастью, имѣлъ два совершенно противоположныя качества: проживать деньги онъ зналъ тысячи милліоновъ способовъ, но наживать ихъ—ни одного; онъ даже въ карты игралъ только съ дамами, и то въ бостонъ, и то всегда проигрывалъ; а между тѣмъ онъ любилъ принять ванну съ дорогими духами, домъ у него уставленъ былъ превосходными, почти рѣдкими растеніями... Дмитрій Дмитричъ былъ дамскій, а съ другой стороны, и совершенно, пожалуй, не дамскій кавалеръ. Для поправленія обстоятельствъ своихъ онъ могъ только занимать деньги. Способъ этотъ и навлекъ ему впослѣдствіи столько враговъ, о которыхъ упоминала Доминика Николаевна.

— Онъ у меня будетъ сегодня, вы его не узнаете; несчастье сломило и этого могучаго человѣка,—проговорила она.

Я очень хорошо понялъ, что съ Доминикой Николаевной можно только говорить объ ея собственныхъ чувствахъ, а потому, отложивъ всякую надежду побесѣдовать съ ней о кузинѣ, сталъ невыносимо скучать и молилъ Бога, чтобы по крайней мѣрѣ поскорѣй явился Дмитрій Дмитричъ. Часовъ въ восемь онъ пріѣхалъ, развалясь въ коляскѣ, на четверкѣ какихъ-то клячъ и тоже въ соломенной шляпѣ и лѣтнемъ пальто и башмакахъ.

Лицо Доминики Николаевны освѣтилось. Она пошла навстрѣчу Дмитрію Дмитричу скорѣй какой-то торжественной, чѣмъ радостной походкой. Я не пошелъ за ней, но въ зеркалѣ видѣлъ ихъ первую сцену свиданія. Дмитрій Дмитричъ

взялъ и, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать поцѣловалъ руку Доминики Николаевны.

— Добрый другъ, вы все для меня сдѣлали!—проговорилъ онъ наконецъ.

Въ голосѣ его какъ будто бы слышались слезы.

— И дѣлается это для добраго друга,—отвѣчала Доминика Николаевна съ какой-то знаменательностью, затѣмъ прежней торжественной походкой ввела Дмитрія Дмитрича въ гостиную.

— Bonjour! — проговорилъ онъ, мотнувъ мнѣ головой, и сѣлъ.

Доминика Николаевна сѣла противъ него.

— A propos, сейчасъ сюрпризъ,—началъ Дмитрій Дмитричъ и потомъ крикнулъ довольно громко:—cher Назаръ!

На этотъ зовъ вошелъ въ комнату красивый собой лакей въ казакинѣ и перетянутый поясомъ, сплошь выложеннымъ серебромъ съ чернетью. Усы и волосы у него были совершенно черные, на рукахъ было множество колецъ, а изъ-за борта казакина выставлялась толстая золотая цѣпочка.

— Подай, знаешь, это!..—проговорилъ Дмитрій Дмитричъ.

Лакей вышелъ и, возвратясь, принесъ клѣтку, въ которой сидѣли два кролика.

Доминика Николаевна вдругъ вскочила и начала передъ ними прыгать.

— Ахъ, какъ это мило, прелесть, прелесть!

— На шейкѣ у нихъ розовыя ленточки! — проговорилъ лакей.

Доминика Николаевна вдругъ перемѣнила выраженіе въ лицѣ и посмотрѣла на него строго. Лакей, кажется, это замѣтилъ и съ какой-то насмѣшливой улыбкой замолчалъ; а потомъ, постоявъ немного, совсѣмъ вышелъ изъ комнаты, не переставая усмѣхаться про себя. Доминика Николаевна все еще продолжала прыгать передъ кроликами.

— Взамѣнъ этого я иду вамъ показать мои цвѣты!—сказала она Дмитрію Дмитричу.—Молодой человѣкъ, вы тоже должны за нами слѣдовать,—прибавила она мнѣ развязно.

Я пошелъ.

Садишко былъ обыкновенный, очень запущенный, цвѣты даже не прополоты; но главная сущность состояла въ томъ, что Доминика Николаевна сорвала одну изъ розъ и прикрѣпила ее въ петлицу Дмитрію Дмитричу.

Всю эту прогулку они совершили подъ руку. Моя юношеская брезгливость невольно возмущалась этимъ. «Все-таки этотъ господинъ,—думалъ я:—былъ человѣкъ свѣтскій, видалъ же онъ женщинъ красивыхъ и, вѣроятно, сближался съ ними,

какимъ же образомъ онъ могъ такъ близко переносить около себя подобное безобразіе».

Когда мы возвратились въ комнаты, насъ ожидалъ чай, или, какъ выразилась Доминика Николаевна, супе фруа, состоящій изъ протухлой солонины и плохого масла. Дмитрій Дмитричъ принялся съ большой жадностью ѣсть варенье. Для меня собственно Доминика Николаевна велѣла принести кринку превосходнѣйшаго молока и при этомъ разсказала всѣ высокія достоинства надоившей его коровы. Напрасно я съ божбой и клятвой увѣрялъ ее, что терпѣть не могу этого аркадскаго напитка,—меня заставили выпить стаканъ. Сама Доминика Николаевна и Дмитрій Дмитричъ тоже выпили по стакану. Можно быть почти увѣрену, что они восхищались молокомъ единственно потому, что въ ихъ романическихъ головахъ непремѣнно соединялись вмѣстѣ: деревня, молоко, ручеекъ, овечка, и кромѣ того такъ еще недавно французская королева держала у себя въ Тріанонѣ коровъ и сама снимала сливки. Послѣ чаю я сейчасъ же хотѣлъ ѣхать.

— Подождите четверть часа, поѣдемте вмѣстѣ, — остановилъ меня Дмитрій Дмитричъ.

— А вы не останетесь у меня?—спросила Доминика Николаевна, и какъ бы молнія блеснула изъ ея глазъ.

— Завтра у меня покосъ, молотьба...—отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

Когда они говорили это, мы выходили уже на балконъ. Доминика Николаевна сѣла тамъ на небольшой диванчикъ, а Дмитрій Дмитричъ довольно далеко отъ нея на стулъ. Я пошелъ бродить по саду. Долетавшій до меня разговоръ между ними былъ довольно незначительный.

— Вы знаете, въ прошлое воскресенье, въ Веденскомъ, вашъ Назаръ опять былъ пьянъ!—говорила Доминика Николаевна.

— Можетъ-быть!—отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ равнодушно.

— Вы говорите, что онъ пьетъ только красное вино; онъ напился просто водкой,—продолжала Доминика Николаевна насмѣшливо.

— Очень жаль,—отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ.

Далѣе я уже ничего не слыхалъ, но когда возвратился назадъ, то увидѣлъ, что Доминика Николаевна почему-то лежала въ обморокѣ, и около нея хлопоталъ Дмитрій Дмитричъ. Онъ поливалъ ей голову водой, уксусомъ. Пришелъ также и Назаръ и довольно близко остановился около дивана, на которомъ лежала Доминика Николаевна. При этомъ одна изъ ея

ногъ сначала согнулась, а потомъ вдругъ вытянулась и толкнула Назара такъ, что тотъ попятился и съ прежней своей насмѣшливой улыбкой вышелъ изъ комнаты.

Послѣ этого Доминика Николаевна опять какъ бы впала въ обморокъ, Дмитрій Дмитричъ опустился на стулъ и въ утомленіи закрылъ лицо руками. Нѣсколько времени всѣ мы молчали. Доминика Николаевна открыла наконецъ глаза.

— Гдѣ я?—проговорила она.

— У себя на балконѣ,—отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ.

Доминика Николаевна начала подниматься, какъ поднимаются обыкновенно въ театрѣ актрисы послѣ обморока. Дмитрію Дмитричу, кажется, сдѣлалось совѣстно за нее; онъ отвернулся и не смотрѣлъ на нее. Чтобы не помѣшать разговору, который могъ между ними начаться, я снова сошелъ въ садъ, и когда возвратился оттуда, Дмитрій Дмитричъ стоялъ уже со шляпою въ рукахъ, Доминика Николаевна сидѣла, какъ разваренная въ водѣ: волосы у нея спускались на лобъ, голова была опущена, руки опущены.

Когда я съ ней прощался, она съ чувствомъ взглянула на меня.

— Мой добрый привѣтъ вашей матушкѣ,—проговорила она больнымъ голосомъ.

Когда съ ней прощался Дмитрій Дмитричъ, она подала ему точно плеть слабую руку и, кажется, не имѣла даже силы отвѣтить ему поцѣлуемъ въ щеку.

Мы вышли и сѣли въ экипажъ. Дмитрій Дмитричъ упросилъ меня сѣсть съ нимъ.

— Фу, — произнесъ онъ, какъ бы человѣкъ, вырвавшійся изъ тюрьмы на свѣжій воздухъ.

— Что̀ такое съ Доминикой Николаевной? — спросилъ я.

Дмитрій Дмитричъ пожалъ плечами.

— Вы видѣли? — отвѣчалъ онъ мнѣ больше вопросомъ.— Подобныя сцены, — продолжалъ онъ съ разстановкою и грустно-насмѣшливымъ голосомъ: — она дѣлаетъ мнѣ на балѣ, на раутѣ, при двухстахъ, трехстахъ человѣкъ...

— Зато какую она къ вамъ искреннюю дружбу питаетъ!

— Mais, mon cher! — воскликнулъ Дмитрій Дмитричъ: — дружба, я полагаю, все-таки должна выражаться со стороны женщинъ скорѣй самоотверженіемъ, чѣмъ тираніей. Она наконецъ хочетъ войти во весь порядокъ моей жизни, заставить тамъ меня пить чай или нѣтъ, держать въ домѣ такихъ людей, а не другихъ; этого нельзя. Назаръ! — крикнулъ онъ затѣмъ сладкимъ голосомъ: — дай мнѣ сигару!

Назаръ, сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ кучеромъ, вынулъ

изъ-за пазухи сигару, самъ закурилъ ее и подалъ барину. Дмитрій Дмитричъ взялъ и съ наслажденіемъ сталъ попыхивать изъ нея дымомъ.

— У человѣка вашего физіономія совсѣмъ не русская! — замѣтилъ я ему.

— Да, il est... je ne sais pas pour sûr... армянинъ, или грузинъ, или черкесъ — не знаю... но превосходный человѣкъ... чудо... это мой экономъ, нянька, мамка моя!

И затѣмъ Дмитрій Дмитричъ опять сталъ съ наслажденіемъ попыхивать.

— Encore un mot объ Доминикѣ Николаевнѣ, — началъ онъ: — tout le monde dit, que je suis son amant...

Я улыбнулся.

— Mais ce n'est pas vrai. Я люблю изящное въ природѣ, въ картинѣ, въ поэзіи, въ мужчинѣ, въ женщинѣ. Но Доминика Николаевна какимъ образомъ можетъ быть отнесена къ изящному?

— Какое же собственно ваше чувство къ ней? — спросилъ я.

По молодости моихъ лѣтъ я любилъ тогда котолковать о психологической сторонѣ человѣка и полагалъ, что люди такъ сейчасъ и скажутъ въ этомъ случаѣ правду.

— Чувство простого уваженія, — отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ: — которое я имѣю ко всякой женщинѣ, равной мнѣ по воспитанію и по положенію въ обществѣ; это — результатъ моихъ привычекъ. Я — человѣкъ порядочно воспитанный и чувство вѣжливости всосалъ съ молокомъ моей матери.

На этихъ словахъ мы уже подъѣзжали къ перекрестку, на которомъ должны были разъѣхаться; я попросилъ остановиться и выпустить меня.

— Adieu, cher ami, — сказалъ Дмитрій Дмитричъ, пожимая мнѣ съ нѣжностью руку. — Назаръ, пересядь ко мнѣ въ экипажъ! — крикнулъ онъ потомъ.

Назаръ пересѣлъ, и я видѣлъ, что Дмитрій Дмитричъ прилегъ ему на плечо, какъ бы желая вздремнуть. Поѣхали. Утро между тѣмъ совершенно ужъ наступило. Пара моихъ лошадей послѣ поворота, узнавъ дорогу домой, побѣжала быстрѣй, на меня подуло свѣжимъ вѣтромъ; съ рѣки подымался густой туманъ росы; выкатившееся на горизонтѣ солнце было такое чистое, на деревьяхъ, на травѣ блестѣли крупныя капли росы — все это было какъ-то молодо, здорово и полно силы, и какъ вся эта простая природа показалась мнѣ лучше изломанныхъ людишекъ, съ ихъ изломанными, исковерканными страстишками!

Когда я дописывалъ эти послѣднія строчки, мнѣ сказали,

что пріѣхалъ старикъ кокинскій исправникъ *) и желаетъ меня видѣть.

— Боже мой, — воскликнулъ я въ восторгѣ: — его-то мнѣ и надо! — и пошелъ навстрѣчу гостю.

Старикъ очень постарѣлъ, сдѣлался совсѣмъ плѣшивый; глаза у него стали какіе-со слезливые, но говорунъ, какъ видно, оставался попрежнему большой.

— Скажите, пожалуйста, — началъ я, усаживая его: — живы ли ваши сосѣди, Доминика Николаевна и знаменитый Дмитрій Дмитричъ?

— Онъ померъ, а она еще жива.

— Что̀ жъ? Страсть ихъ все продолжалась?

— Какъ-же-съ, до самой смерти его все путались, ссорились и мирились, видались и не видались

— Онъ однако мнѣ самъ говорилъ, что не былъ ея любовникомъ.

— Нѣтъ-съ, не былъ; людишки вотъ ихніе часто тоже бѣгали къ намъ и сказывали, что она, какъ они выражаются, одной этой сухой любовью его любила... онъ вѣдь въ этомъ отношеніи, вы слыхали, я думаю...

— Ну да, изъ-за чего же онъ-то?

— Изъ-за денегъ больше, надо полагать, говорилъ и дѣлалъ ей эти разные комплименты. Послѣ ссоры, бывало, помирятся, онъ станетъ передъ ней на колѣни, жесты этакіе руками дѣлаетъ, прощенья въ чемъ-то проситъ — умора! Неглупые были оба люди, а ужъ какіе комедіанты и притворщики, Боже упаси!.. Передъ смертью Дмитрія Дмитрича, любимый камердинеръ его обокралъ, всѣ, какія тамъ были у него, деньжонки, перстеньки, часы, ковры, мѣха — укралъ и бѣжалъ, такъ что ужъ онъ и не разыскивалъ. Доминика Николаевна перевезла его къ себѣ, на ея рукахъ онъ и померъ; пишетъ мнѣ: «Помогите, говоритъ, похоронить моего друга!». Пріѣхалъ я къ ней, сидитъ она на диванѣ, глаза представляетъ какъ у помѣшанной, и все точно вздрагиваетъ. «Сама, говоритъ, смерти хочу!»—а форточки, замѣтьте, не позволяетъ отворить: простуды боится. Покойникъ промежъ тѣмъ лежитъ въ залѣ; я скорѣй, чтобы его въ церковь стащить; только мы, сударь, подняли гробъ, она и вылетаетъ:—«Куда вы, говоритъ, моего ангела уносите? Не пущу, не пущу!»—и сама уцѣпилась за гробъ и повисла. «Ахъ, ты!»—думаю:—«Хорошо, говорю, ребята, оставьте!». Оставили ей гробъ, а самъ ушелъ. Посидѣла она этакъ, цѣлый день однако высидѣла, но видитъ— невтерпежъ, опять шлетъ за мной.

— Унесите, говоритъ, теперь — можно.

*) Разсказъ «Лѣшій».

VII.

Исторія о пѣтухѣ.

— Вотъ мы съ вами вчера насчетъ комедіантовъ говорили,— началъ старикъ Шамаевъ, пришедши на другой день ко мнѣ обѣдать. — Становой у меня былъ, такой тоже актеръ, что какую, кажется, роль только хотите, онъ можетъ разыграть передъ вами; родомъ онъ былъ изъ хохловъ, по фамиліи Карпенко, и все это, знаете, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ шагѣ своемъ дѣлалъ лицемѣрство. Опредѣлясь на службу, въ станъ пріѣхалъ въ самый храмовой праздникъ, народу собралось почти что со всего уѣзда. Не заходя никуда, г. Карпенко прямо въ церковь и тихимъ голосомъ подзываетъ къ себѣ церковнаго старосту.—«Въ какую, говоритъ, икону народъ больше вѣры имѣетъ?» — «Ѳеодоровскій престолъ-то», — отвѣчаетъ ему мужикъ. Онъ сейчасъ помолился передъ этой иконой и первый ей свѣчку поставилъ. Послѣ обѣдни зашелъ въ другое наше собраніе — въ кабакъ: пьяныхъ тамъ, какъ полѣньевъ, по угламъ валяется. Вмѣсто того, чтобы велѣть ихъ подобрать, еще ободрилъ. «Пейте, говоритъ, православные, рабочему человѣку выпить надо!» По лавкамъ потомъ пошелъ, къ каждому торговцу съ поклономъ и приговоромъ: «въ честь и въ деньги торговать!..»—и такъ дальше пошло: тихо, смирно, ласково, только никто что-то этому не вѣритъ. Ни одного безмена у торговцевъ не оставилъ, чтобы не оглядѣть, клейменый ли онъ, да еще подсылки дѣлаетъ, вѣрно ли продаютъ. Гдѣ мертвое тѣло поднимутъ, точно стопудовая гиря свалится на селеніе; сидитъ-сидитъ, пока пятидесяти-ста рублей не сдеретъ съ мужиковъ; да потомъ ихъ же соберетъ въ сборную, прямо подниметъ у нихъ передъ глазами съ полу соринку: «Вотъ, говоритъ, мнѣ чего вашего не надо». Тѣ послѣ и говорятъ: «что̀, наши деньги-то онъ хуже соринки, что ли, полагаетъ?» Слышу я все это, вызываю его къ себѣ, говорю ему, вдругъ онъ заплакалъ:—«Слезы, говоритъ, мой отвѣтъ!» — «Ахъ, Боже ты мой, думаю, мужчина, въ крестѣ военномъ, плачетъ, что̀ такое это?» Въ другой разъ губернаторъ на него на ревизіи напустился:—«Почему, говоритъ, васъ всѣ не любятъ?» — «Мнителенъ, говоритъ, ваше превосходительство, я очень по службѣ!.. и себя мучу и другимъ не угождаю!» А губернаторъ, замѣтьте, самъ былъ премнительный человѣкъ, и повѣрилъ ему... Это вотъ, изволите видѣть, онъ — тихій, а то и строгимъ, крикуномъ иногда прикидывался. Ѣдетъ онъ разъ мимо одного села богатаго, тысячи двѣ душъ... и только

еще, знаете, въ околицу-то въѣхалъ, закричалъ, загайкалъ... Сотскіе были народъ наметанный, сбѣгаются, видятъ: *сердитъ пріѣхалъ!* Прямо входитъ онъ въ сборную и обращается къ одному изъ нихъ:

— Какое, говоритъ, было въ селеніи происшествіе?

— Никакого, говоритъ, ваше благородіе!

— Какъ, никакого? Ахъ, ты, говоритъ, земская полиція!— Трахъ его по зубамъ.

Къ другому сотскому — тотъ этакъ изъ рыжихъ, плутоватый случился.

— Какое? — говоритъ.

— Было, ваше благородіе, Иванъ Петровъ тамъ у Николая Михайлова, что ли, пѣтуха зарѣзалъ!

— Позвать, говоритъ, Николая Михайлова!

Приходитъ мужикъ.

— Здравствуйте, говоритъ, батюшка!

— Здравствуй, говоритъ, братецъ: все ли у тебя въ домѣ благополучно?

— Все, батюшка, кажись, слава Богу.

— Погляди-ка на образъ!

Смотритъ мужикъ.

— И не совѣстно тебѣ, и не стыдно? Не отворачивай глаза-то, ничего!..

— Да что̀ мнѣ, сударь, отворачивать!

— Какъ что̀, а черный-то пѣтухъ гдѣ?

Мужикъ, знаете, и разсмѣялся.

— Подлецъ Ванька, говоритъ, надругатель, зарѣзалъ!

— А объявилъ ты о томъ земской полиціи?

— Что̀, сударь-съ, говоритъ, объявлять!..

— Какъ что̀?.. У тебя сына зарѣжутъ, ты скажешь: что̀ объявлять!..

— Батюшка! — говоритъ мужикъ удивленный: — развѣ сынъ и пѣтухъ все одно и то же?

— Одно и то же! Прочтите, — говоритъ онъ это писарю ужъ своему: — статью, гдѣ сказано, что совершившій преступленіе и покрывшій его подвергатюся равному наказанію!

Прочитали мужику; стоитъ онъ, разиня ротъ. Сотскіе между тѣмъ шепчутъ ему:

— Видишь, говорятъ, сердитъ пріѣхалъ; поклонись ему червонцемъ!

Поклонился мужикъ — освободили.

— Ну, теперь, говоритъ, убійцу давайте.

Приводятъ мужика; бойкій такой былъ, и прямо къ рукѣ г. станового.

— Прочь! — крикнулъ тотъ на него: — отъ тебя, говоритъ, кровью пахнетъ!

Отошелъ мужикъ.

— Какъ, говоритъ, ты смѣешь производить дневной грабежъ съ разбоемъ?

— Я, говоритъ, сударь, никого не грабилъ!

— Какъ никого? А пѣтухъ Николая Михайлова гдѣ?

— Николая Михайлова пѣтуху,—говоритъ мужикъ:—я завсегда голову сверну — онъ у меня всѣ подсолнечники перепортилъ!

— Ну, такъ,—говоритъ ему Карпенко, возвысивъ уже голосъ: — я тебѣ прежде сверну. Эй! Колодки!

Струсилъ и тотъ парень; сотскіе и ему шепчутъ:

— Видишь, говорятъ, сердитъ, — поклонись красненькой!

Сталъ мужикъ кланяться, такъ еще не беретъ г. становой. Онъ въ ноги ему повалился: — возьми, батюшка, только!.. Принялъ.

Я послѣ услыхалъ это; пріѣзжаю, спрашиваю мужиковъ:

— За что, говорю, дураки, вы деньги ему давали?

— Да что, батюшка, говорятъ, сами видимъ, что одно только его надругательство надъ нами было, только то, что горячиться онъ очень изволилъ, какъ бы и настоящее дѣло шло... Думаешь: прахъ его возьми, лучше отступиться!

Слушая Шамаева, я предавался довольно страннымъ мыслямъ: мнѣ казалось, что и онъ все это лжетъ и выдумываетъ для моей потѣхи. «Да, старичокъ, — думалось мнѣ: — и ты сумѣешь разыграть сцену, какую только захочешь...» Наконецъ самъ-то я... авторъ? Правду ли я все говорю, описывая даже этихъ самыхъ лгуновъ?

VIII.

Красавецъ.

Народы дикіе болѣе всего цѣнятъ въ человѣкѣ силу, ловкость и красоту физическую, народы образованные... нѣтъ, впрочемъ... и народы образованные очень цѣнятъ это: кто не помнитъ того времени у насъ, когда высокій ростъ, тонкая талія и твердый носокъ дѣлали человѣку карьеру? Даже въ высоко-просвѣщенной Европѣ Леотаръ любимъ и почитаемъ женщинами. Весьма многія дамы, старыя и молодыя, до сихъ поръ твердо убѣждены, что у красиваго и статнаго мужчины непремѣнно и душа прекрасная, нисколько не подозрѣвая въ своемъ дѣтскомъ простосердечіи, что человѣкъ своимъ тѣломъ

такъ же можетъ лгать, какъ и словомъ, и что весьма часто подъ пріятною наружностью скрываются самыя грубыя чувственныя наклонности и самыя низкія душевныя свойства.

На эту тему намъ придется разсказать очень печальный случай.

Наступили уже сумерки... Въ воздухѣ раздавался великопостный звонъ къ вечернѣ; но была еще масленица, и вокругъ Спасовходскаго монастыря, въ губернскомъ городѣ П., происходило катанье. Въ насмѣшкѣ надъ уродливостью провинціальныхъ экипажей столько моихъ собратьевъ притупило свои остроумныя перья, что я считаю себя въ правѣ пройти молчаніемъ этотъ слишкомъ ужъ опозоренный предметъ и скажу только, что во всемъ катаньи самыя лучшія лошади и сани были предсѣдателя казенной палаты (питейная часть, какъ извѣстно, переносящая всегда на своихъ жрецовъ самые благодѣтельные дары, была тогда еще въ прямомъ и непосредственномъ завѣдываніи предсѣдателей казенныхъ палатъ). Въ саняхъ этихъ сидѣли двѣ молодыя дамы: одна въ прекрасной шляпкѣ и куньемъ салопѣ, съ лицомъ, напоминающимъ мурильевскихъ мадоннъ, въ которомъ выражалось много ума и чувства; другая была гораздо хуже одѣта, съ физіономіей нѣсколько загнанной, по которой сейчасъ можно было заключить, что она гораздо болѣе привыкла слушать, чѣмъ сама говорить. Первая была молоденькая жена предсѣдателя, а вторая — ея компаньонка. Хорошенькіе глаза хорошенькой предсѣдательши безпрестанно направлялись въ одну изъ боковыхъ улицъ.

— Александръ Иванычъ выѣхалъ не оттуда-съ!—проговорила наконецъ ея компаньонка.

Предсѣдательша сейчасъ же перекинула взглядъ на ея сторону. Къ нимъ подъѣзжалъ, верхомъ на карабахскомъ жеребцѣ, высокій, статный мужчина, и хоть былъ въ шляпѣ и статской бекешѣ, но благородствомъ своей фигуры, ей-Богу, напоминалъ рыцаря. Конь не уступалъ сѣдоку: около красиваго рта его, какъ бы отъ злости, была цѣлая масса бѣлой пѣны; онъ безпрестанно вздрагивалъ своимъ нѣжнымъ тѣломъ... Ему, казалось, хотѣлось бы и взвиться на дыбы и полетѣть, и только опытная, смѣлая рука, его сдерживавшая, заставляла его итти мелкой и игривой рысью.

Господинъ этотъ назывался Александръ Ивановичъ Имшинъ. Онъ подъѣхалъ къ нашимъ дамамъ.

— Хорошо, хорошо—такъ поздно!.. — говорила предсѣдательша, въ одно и то же время ласковымъ и укоряющимъ голосомъ.

— Я объѣзжалъ въ полѣ Абрека; онъ ужасно у меня сегодня шалилъ, — отвѣчалъ Имшинъ и ударилъ коня по шеѣ; тотъ еще замѣтнѣе вздрогнулъ тѣломъ своимъ и еще ниже понурилъ голову.—Что̀ вашъ мужъ?—спросилъ Имшинъ.

— Спитъ!—отвѣчала предсѣдательша.

Она уже съ красиваго наѣздника не спускала глазъ.

— Стало-быть, покоенъ?—продолжалъ тотъ.

— Онъ еще ничего не знаетъ! Я буду кататься до самыхъ позднихъ сумерекъ и заѣду къ вамъ!

Имшинъ, въ знакъ согласія, мотнулъ головой; затѣмъ, сдѣлавъ лансаду, повернулъ лошадь такъ, что поѣхалъ не по направленію катанья, а навстрѣчу ему, и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ самомъ заднемъ ряду. Тамъ, между прочимъ, ѣхала отличнѣйшая пара лошадей въ простыхъ пошевняхъ, въ которыхъ сидѣла толстая женщина, въ ковровомъ платкѣ, съ красно-багровымъ лицомъ, и дѣвочка лѣтъ тринадцати-четырнадцати, прехорошенькая собой.

— Выѣхали?—спросилъ ихъ Имшинъ ласково.

— Да-съ!—отвѣчала толстая женщина.

— А тебѣ, Маша, весело?—спросилъ онъ дѣвочку.

— Весело-съ!—отвѣчала та съ вспыхнувшимъ лицомъ.

Имшинъ далъ шпоры лошади и опять сталъ нагонять предсѣдательскія сани.

— Ужъ темнѣетъ!—сказалъ онъ.

— Да, теперь можно!—отвѣчала предсѣдательша и не совсѣмъ твердымъ голосомъ сказала кучеру:—выѣзжай!

Кучеръ выѣхалъ и, зная, вѣроятно, куда ѣхать, не ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній и поѣхалъ въ ту сторону, въ которую при началѣ катанья госпожа его безпрестанно смотрѣла. Лошади побѣжали самой полной рысью; Имшинъ поскакалъ за ними. Молодой человѣкъ этотъ, будь онъ немножко не то, далеко бы ушелъ: еще въ корпусѣ, при весьма ограниченныхъ способностяхъ, онъ единственно за свою красоту предназначенъ былъ къ выпуску въ гвардію; но въ самомъ послѣднемъ классѣ, въ самое послѣднее время, у него вышла, тоже по случаю его счастливой наружности, исторія съ однимъ мужемъ, который хотѣлъ его вышвырнуть въ окно, а Имшинъ его вышвырнулъ, и какъ молодымъ юнкеромъ ни дорожили на службѣ, однако послали на Кавказъ; здѣсь онъ тоже, говорятъ, опять, по рѣшительному вліянію жены полкового командира на мужа, получилъ солдатскаго Георгія, офицерскій чинъ, шпагу за храбрость, и вышелъ въ отставку. Какъ бо̀льшая часть красивыхъ людей, Имшинъ говорилъ мало, а больше своею наружностью и позами, къ нему идущими, старался

себя запечатлѣть въ душѣ каждаго. Губернскія дамы принялись въ него влюбляться, какъ мухи мрутъ осенью, одна за другой, безпрерывно. Молоденькая жена предсѣдателя, Марья Николаевна Корбіева, прелестнѣйшее существо, въ первое же отсутствіе мужа въ Петербургъ впала съ нимъ въ преступную связь. Исканія со стороны Имшина въ этомъ случаѣ были довольно непродолжительны: онъ нѣсколько баловъ потанцовалъ съ этой милой женщиной исключительно, а потомъ, въ одинъ изъ безумно-шумныхъ вольныхъ маскарадовъ, они какъ-то очутились вдвоемъ въ довольно отдаленномъ углу. У Имшина случайно поднялся рукавъ фрака, и оказалось, что на рукѣ у него былъ надѣтъ браслетъ.

— Это у васъ браслетъ? — спросила предсѣдательша, сгораемая какимъ-то внутреннимъ огнемъ.

— Браслетъ.

— Женщины?

— Да.

— И дорогъ вамъ по воспоминанію?

— Очень!

Предсѣдательша надулась.

— Хотите, я его сниму для васъ?..—нѣсколько протянулъ Имшинъ.

— Для меня?

— Да! Если только вы полюбите меня за это.

Имшинъ былъ очень смѣлъ съ женщинами.

— Ну, снимите!—отвѣтили ему.

Имшинъ снялъ браслетъ и подалъ его предсѣдательшѣ.

— Я не имѣю на него права, — сказала она, отстраняя отъ себя браслетъ рукою.

— Въ такомъ случаѣ я его выброшу въ окно...

И Имшинъ всталъ, отворилъ форточку у окна и выбросилъ въ нее браслетъ.

Внутренній огонь предсѣдательши выступилъ у ней на личико, освѣтилъ ея глазки, которые горѣли, какъ два черные агата.

— Когда жъ доказательства вашей любви? — спросилъ Имшинъ.

— Когда хотите.

— Сегодня я могу къ вамъ заѣхать?

— Нѣтъ, это слишкомъ будетъ замѣтно для людей.

— Ну, такъ завтра?

— Хорошо.

Имшинъ всталъ и отошелъ отъ предсѣдательши. Черезъ полчаса она уѣхала изъ маскарада. Отъ переживаемыхъ ощущеній

съ ней сдѣлалась такая лихорадка, что она едва имѣла силы сѣсть въ карету.

Послѣднее время страсть ея къ своему избранному возросла до размѣровъ громадныхъ: она, кажется, только и желала одного, чтобы какъ-нибудь сѣсть около него рядомъ, быть съ нимъ въ одной комнатѣ; на вечерахъ у нихъ, когда его не было, она то и дѣло взглядывала на входную дверь; когда же онъ являлся, она обыкновенно сейчасъ же забывала всѣхъ остальныхъ своихъ гостей.

— Entrez!—говорилъ Имшинъ, ловко соскакивая съ лошади и обращаясь къ дамамъ, когда онѣ подъѣхали къ крыльцу его.

Тѣ вышли изъ саней и стали взбираться по лѣстницѣ.

— Лѣстница моя крута, какъ Давалагири,—говорилъ онъ, слѣдуя за ними.

Внутренность квартиры молодого человѣка была убрана чисто на военную ногу. Въ залѣ стояла цѣль для стрѣльбы, въ срединѣ которой вставлена даже бритва остреемъ впередъ. Въ гостиной, по одной изъ самыхъ большихъ стѣнъ, на дорогомъ персидскомъ коврѣ, развѣшаны шашки, винтовки, пистолеты, кинжалы, оправленные въ золото и въ серебро съ черныю.

Имшинъ, какъ вошелъ, сейчасъ же оставилъ своихъ гостей, прошелъ въ кабинетъ, переодѣлся тамъ и возвратился въ черкескѣ съ патронами и галунами. Въ нарядѣ этомъ онъ еще сталъ красивѣе. Между тѣмъ компаньонка осталась ходить по залѣ, а предсѣдательша вошла и сѣла въ гостиной. Когда она сняла салопъ, то очень стало видно, что прелестное лицо ея истощено, а станъ, напротивъ, полонъ. Имшинъ осмотрѣлъ ее, и во взглядѣ его отразилось безпокойство.

— Онъ ничего не замѣчаетъ еще?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала предсѣдательша.—Я нарочно заѣхала къ тебѣ: научи меня, что̀ мнѣ дѣлать.

Имшинъ пожалъ плечами. Складъ красиваго рта его принялъ какое-то кислое выраженіе.

— Что̀ дѣлать? — повторилъ онъ; но въ это время въ лакейской раздалось чье-то кашлянье.

Имшинъ проворно вышелъ туда. Тамъ стояла катавшаяся пожилая женщина съ той же молоденькой дѣвочкой.

— Ступайте туда, на нижнюю половину, — проговорилъ Имшинъ торопливо.

Старуха на это повернулась, отворила боковую дверь и, вмѣстѣ съ дѣвочкой, стала спускаться по темной лѣстницѣ внизъ.

Имшинъ снова возвратился къ предсѣдательшѣ.

— Дѣлать одно самое лучшее. — заговорилъ онъ: — ѣхать

тебѣ къ отцу твоему или матери, остановиться, вмѣсто того, въ Москвѣ; тамъ есть женщины, у которыхъ ты получишь пріютъ.

— Прекрасно!—возразила предсѣдательша: — но мужъ можетъ спросить отца и мать—у нихъ ли я.

— Неужели же они не сдѣлаютъ для тебя этого?

— Ни за что, особенно отецъ. Онъ скорѣе убьетъ меня, чѣмъ покроетъ подобную вещь. Я рѣшилась на одно: скрываться—это только тянуть время; въ первый разъ, какъ онъ обнаружитъ подозрѣніе, я ему скажу все откровенно. Онъ меня, конечно, прогонитъ, и я тогда приду къ тебѣ.

— Разумѣется, приходи!—проговорилъ Имшинъ какимъ-то страннымъ голосомъ и хотѣлъ, кажется, еще что-то прибавить; но въ это время въ лакейской опять послышался шумъ. Имшинъ вышелъ; тамъ стоялъ гайдукъ въ ливреѣ.

— Баринъ прислали за барыней; узнали, что онѣ здѣсь,— проговорилъ онъ нахальнымъ лакейскимъ тономъ.

Имшинъ немного измѣнился въ лицѣ.

— Мужъ за вами прислалъ! — сказалъ онъ, входя въ гостиную.

Предсѣдательшѣ въ это время человѣкъ подавалъ чай, и взятая ею чашка сильно задрожала у ней въ рукѣ.

— Что̀ жъ? Ничего; я скажу, что озябла и заѣзжала къ тебѣ. Я ему говорила, что была у тебя безъ него въ гостяхъ,— проговорила она притворно-смѣлымъ голосомъ.

— Да, пожалуйста, какъ-нибудь безъ рѣшительныхъ объясненій.

— Не знаю, какъ ужъ выйдетъ.

Изъ залы вошла компаньонка.

— Николай говоритъ, что Петръ Антипычъ очень сердится и приказалъ, чтобы вы сейчасъ же ѣхали домой.

— Подождетъ, ничего! — отвѣчала предсѣдательша, однако сама встала и начала надѣвать шляпку.

— Ну, прощай! — проговорила она Имшину и, перегнувъ головку, поцѣловала его:—до скораго, можетъ-быть, свиданья,— прибавила она.

— Прощай!.. — отвѣчалъ Имшинъ и самъ страстно поцѣловалъ ее.

Свидѣтельница этой сцены, компаньонка, немного тупилась и краснѣла. Наконецъ дамы уѣхали.

Имшинъ остался въ замѣтномъ волненіи. Въ поданный ему чай онъ подлилъ, по крайней мѣрѣ, полстакана рому, скоро выпилъ и спросилъ себѣ еще чаю, подлилъ въ него опять столько же рому и это выпилъ. Красивое лицо его вдругъ

стало принимать какое-то звѣрское выраженіе: глаза налились кровью, усы какъ-то ощетинились. Онъ кликнулъ человѣка

— Ѳедоровна тамъ?—спросилъ онъ лакея.

— Тамъ.

— И съ Машей?

— Съ Машей.

— Ступай на свое мѣсто!

Лакей ушелъ.

Имшинъ подошелъ къ одному изъ шкаповъ, вынулъ сначала изъ него пачку денегъ, потомъ изъ нижняго ящика нѣсколько горстей конфетъ и положилъ ихъ въ карманъ. Подойдя къ стѣнѣ, онъ снялъ одинъ изъ пистолетовъ и его тоже положилъ въ карманъ, и началъ спускаться по знакомой ужъ намъ темной лѣстницѣ. Въ комнатахъ не осталось никого.

Въ тускломъ свѣтѣ поставленныхъ на столѣ двухъ свѣчей было что-то зловѣщее. Черезъ часъ, по крайней мѣрѣ, двери изъ низу съ шумомъ отворились, и въ комнату вбѣжалъ Имшинъ, блѣдный, растрепанный: глаза у него были налиты, какъ у тигра, кровью; ротъ искривился. Онъ подбѣжалъ опять къ тому же шкапу, вынулъ изъ него еще пачку денегъ, оглядѣлся какимъ-то боязливымъ и суетливымъ взглядомъ и снова спустился внизъ по лѣстницѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ сараѣ и въ конюшнѣ, въ совершенной темнотѣ, послышалось тихое, но торопливое закладываніе лошади; вскорѣ послѣ того со двора выѣхали сани и понеслись въ сторону, гдѣ городъ ужъ кончался, на такъ называемое Прибрежное поле.

На другой день по городу разнесся довольно странный и любопытный слухъ, что молоденькая предсѣдательша бросила мужа и убѣжала отъ него къ Имшину на квартиру, мимо которой нѣкоторые изъ любопытствующихъ нарочно даже проѣзжали и дѣйствительно видѣли въ одномъ изъ оконъ хорошенькую головку предсѣдательши.

Въ мірѣ такъ устроено, что, когда одинъ сановникъ заболѣваетъ, другой сановникъ пріѣзжаетъ навѣщать его: къ нашему предсѣдателю пріѣхалъ самъ губернаторъ. Добродушный старикъ этотъ былъ въ нѣкоторой зависимости отъ предсѣдателя по тѣмъ любезностямъ, которыя, по вліянію предсѣдателя, дѣлалъ ему откупъ. Говоримъ мы это не въ обличеніе начальника губерніи, а единственно затѣмъ, чтобъ объяснить тѣ отношенія, въ которыхъ находились между собой эти два почтенныя лица.

Предсѣдатель, по наружности, былъ мужчина ужасно похожій на осиновый кряжъ. Въ жизни своей онъ все самъ себѣ пріобрѣлъ: учился на мѣдныя деньги, перенесъ потомъ страшные служебные труды, страшное подличанье передъ начальствомъ, и наконецъ всѣмъ этимъ достигъ достоянія, почета и женился на самой хорошенькой дѣвушкѣ въ губерніи. Двухъ вещей только онъ никакъ не могъ побороть, это—своей хорошенькой жены, которая выѣзжала, танцовала, наряжалась, веселилась, плакала, сердилась совершенно безъ всякаго съ его стороны разрѣшенія. Другое обстоятельство, затруднявшее предсѣдателя, было то, что когда онъ сталъ занимать довольно видныя мѣста, то ему ужасно хотѣлось представить изъ себя, что онъ во всѣхъ случаяхъ жизни своей поступаетъ и говоритъ, какъ человѣкъ образованный.

Передъ послѣднимъ несчастьемъ, онъ, проснувшись послѣ обѣда, спросилъ горничную, подававшую ему воду:

— Гдѣ барыня?

— Онѣ на катаньи сначала были, а потомъ я ихъ видѣла; онѣ къ Имшину проѣхали,—доложила та.

Въ горничной этой предсѣдатель еще и прежде находилъ для себя всегда нѣкоторое утѣшеніе и развлеченіе во всемъ претерпѣнномъ отъ жены, и она еще съ самаго пріѣзда объяснила ему, что у нихъ часто-часто бывалъ безъ него Имшинъ.

— Ну, поди же, пошли человѣка и скажи, чтобы она сейчасъ же, сію минуту ѣхала домой, — сказалъ онъ.

Горничная пошла и сказала лакею:

— Поди сейчасъ за барыней къ Имшину, чтобы она ѣхала домой: баринъ очень сердится.

Когда предсѣдательша возвратилась, мужъ спросилъ ее:

— Съ какой стати вы поѣхали къ Имшину?

— А съ такой, что я люблю его, — отвѣчала безумная женщина.

Дорогой она еще больше разсердилась за то, что ее требуютъ отъ ея ангела-Имшина къ чурбану-мужу.

Предсѣдатель, какъ человѣкъ высокой практической мудрости, почти признавалъ необходимость, чтобы жена его измѣнила ему, и онъ только желалъ одного, чтобы это вышло, какъ выходитъ между образованными людьми.

— Вы любите? — повторилъ онъ болѣе насмѣшливымъ, чѣмъ угрожающимъ голосомъ.

— Даже больше того: я беременна отъ него! — объяснила Марья Николаевна.

Первымъ движеніемъ предсѣдателя было поколотить жену; но онъ удержался.

— Въ такомъ случаѣ я засажу васъ въ вашей комнатѣ и запру тамъ!—проговорилъ онъ, и взялъ въ самомъ дѣлѣ жену за руку, привелъ ее въ комнату, заперъ за ней дверь и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ; но, придя въ кабинетъ свой, разсудилъ, что ужъ, конечно, онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ, какъ самый необразованный человѣкъ: женъ запирали только въ старину!

Онъ пошелъ и опять отперъ двери.

— Я васъ выпускаю, но только изъ дому вы шагу не смѣете дѣлать, а Имшину велю отказывать—слышите!

— Я готова повиноваться во всемъ вашей волѣ, — проговорила притворно-покорнымъ голосомъ жена; но когда, на другой день, предсѣдатель уѣхалъ въ свою палату, она сама надѣла на себя салопъ, сапоги, сама отворила себѣ дверь, вышла, съ полверсты, по крайней мѣрѣ, своими хорошенькими ножками шла по глубокому сумету, наконецъ подкликнула извозчика и велѣла везти себя къ Имшину.

Узнавъ о побѣгѣ жены, предсѣдатель, до пріѣзда губернатора, рѣшительно недоумѣвалъ, что̀ ему дѣлать.

— Что̀ такое, скажите мнѣ на милость? — говорилъ тотъ, еще входя.

Предсѣдатель придалъ мрачную мину своему лицу.

— Что̀, я теперь вызывать его на дуэль, что ли, долженъ?— больше спросилъ онъ, чѣмъ обнаружилъ собственное свое мнѣніе.

— Ни-ни-ни! Ни-ни-ни! — воскликнулъ губернаторъ: — во-первыхъ, онъ—мальчишка, вы—человѣкъ пожилой; онъ—военный, вы — штатскій. Это значитъ смѣшить собой общество!

Губернаторъ, родомъ изъ польскихъ жидовъ, чувствовалъ какое-то органическое отвращеніе къ дуэлямъ и вообще въ этомъ случаѣ хлопоталъ, чтобы все-таки во ввѣренномъ ему краѣ не произошло комеражу. Предсѣдатель, съ своей стороны, хоть и считалъ губернатора за очень недальняго человѣка, но въ понятія его, какъ понятія свѣтскаго господина, вѣрилъ.

— Въ этомъ случаѣ самое лучшее — презрѣніе! — продолжалъ губернаторъ: — всѣ мы — я, вы, Кузьма, Сидоръ — всѣ мы рогоносцы.

Предсѣдатель, пожалуй, готовъ бы былъ на презрѣніе; но дѣло въ томъ, что въ душѣ у него противъ Имшина и жены бушевала страшная злоба, которую ему какъ-нибудь да хотѣлось же на нихъ выместить.

— И этотъ господинъ очень странный, — говорилъ губернаторъ, вѣтрено постукивая своей саблей: — сегодня... одна

женщина... какая-то, должно-быть, нищая... подала мнѣ на него прошеніе... что онъ убилъ ея дочь... дѣвочку... четырнадцати лѣтъ... изъ пистолета, что ли, какъ-то застрѣлилъ.

— Дѣвочку убилъ? — спросилъ предсѣдатель, и лицо его мгновенно просіяло, какъ бы смазали его масломъ.

— Убилъ... Я велѣлъ тамъ слѣдствіе полицеймейстеру произвести.

— Этакія дѣла, я полагаю, нельзя такъ пропускать... тутъ кровь вопіетъ къ небу, — проговорилъ предсѣдатель чувствительнымъ и въ то же время внушающимъ голосомъ. Тотъ, кажется, нѣсколько это понялъ.

— Я велѣлъ произвести самое строгое изслѣдованіе, безпощадное!..

— Что онъ дворянинъ, такъ, пожалуй, откупится и отвертится! — продолжалъ подзадоривать губернатора предсѣдатель.

— Нѣтъ, у меня не отвертится, не бываетъ у меня этого! — пѣтушился губернаторъ, и такъ какъ всегда чувствовалъ не совсѣмъ пріятныя ощущенія, когда предсѣдатель, человѣкъ характера строгаго, укорялъ его за слабость по службѣ, потому поспѣшилъ сократить свой визитъ.

— Ну, а вы пока до свиданья, поуспокойтесь немного, — говорилъ онъ, вставая и надѣвая перчатки.

— Я поуспокоюсь! — сказалъ предсѣдатель въ самомъ дѣлѣ совершенно покойнымъ голосомъ.

Зимнее солнце свѣтило въ окна гостиной Имшина; его кавказское оружіе ярко блестѣло своимъ серебромъ и золотомъ. На турецкомъ диванѣ, стоящемъ подъ этимъ оружіемъ, сидѣлъ самъ Имшинъ въ шелковомъ, стеганомъ и выложенномъ позументомъ архалукѣ. Марья Николаевна лежала у него на плечѣ своей хорошенькой головкой; худоба ея въ лицѣ и полнота въ станѣ стала еще замѣтнѣе.

Вошелъ лакей.

— Солдаты изъ полиціи къ вамъ пришли! — сказалъ онъ барину.

Имшинъ замѣтно встревожился; онъ сейчасъ же всталъ и вышелъ. Предсѣдательша послѣдовала за нимъ безпокойнымъ взглядомъ.

Въ дверяхъ изъ передней въ залу стояли полицейскій солдатъ и жандармъ.

— Что вамъ надо? — спросилъ ихъ строго Имшинъ.

— Въ часть васъ, ваше благородіе, взять велѣно! — отвѣчалъ полицейскій солдатъ глупымъ голосомъ.

— Какъ въ часть? — переспросилъ Имшинъ, болѣе уже обращаясь къ жандарму.

— Приказано-съ! — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, ступайте, я сейчасъ пріѣду,—сказалъ Имшинъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

— Я, ваше благородіе, на запятки, теперь выходитъ, стану къ вамъ, — началъ полицейскій солдатъ тѣмъ же своимъ голосомъ:—пристаьъ такъ и говорилъ: «не отпускай, говоритъ, его отъ себя!..»

— Убирайся ты къ чорту съ своимъ приставомъ! Пошелъ вонъ!.. — крикнулъ Имшинъ, наступая на солдата, и хотѣлъ его вытолкнуть за двери.

Тотъ сталъ упираться своимъ неуклюжимъ тѣломъ.

— Пошелъ и ты! — прибавилъ онъ жандарму. — На̀ тебѣ рубль серебромъ, убирайтесь оба! Вотъ вамъ по рублю!

И онъ далъ обоимъ солдатамъ по рублю.

Тѣ ушли.

Имшинъ возвратился въ гостиную; лицо его изъ блѣднаго сдѣлалось багровымъ.

— Что̀ такое? — спрашивала предсѣдательша: — тебя въ часть? Зачѣмъ?

— Не знаю, чортъ ихъ знаетъ!—отвѣчалъ Имшинъ съ невниманіемъ и торопливо сталъ перемѣнять архалукъ на сюртукъ.

— Лошадь живѣе запрягать! — крикнулъ онъ.

Предсѣдательша подавала ему шляпу, палку, бумажникъ, но онъ какъ будто бы и не видѣлъ ея и, не простясь даже съ ней, пошелъ и сѣлъ въ сани.

Солдаты, получившіе по рублю, сошли только внизъ, отъ подъѣзда не отходили, и когда Имшинъ понесся на своемъ рысакѣ, жандармъ поскакалъ на лошади за нимъ, а бѣдный полицейскій солдатъ побѣжалъ-было пѣшкомъ, но своими кривыми ногами зацѣпился за столбикъ, полетѣлъ головою внизъ, потомъ перевернулся рожею вверхъ и лежитъ.

Марья Николаевна, видѣвшая всю эту сцену, несмотря на то, что̀ была сильно встревожена, не утерпѣла и улыбнулась. Она ждала Имшина часъ, два; наконецъ и лошадь его возвратилась. Марья Николаевна сошла заднимъ крыльцомъ, въ одномъ платьѣ, къ кучеру и спросила:

— Гдѣ баринъ, — а?

— Въ части остался.

— Когда же онъ пріѣдетъ?

— Неизвѣстно-съ, ничего не сказалъ.

Марья Николаевна постояла немного, потерла себѣ лобъ, потомъ велѣла подать салопъ.

— Вези меня туда, въ часть! — сказала она, садясь въ сани, когда кучеръ только-что было-хотѣлъ откладывать лошадь.

Кучеръ неохотно сталъ опять на облучокъ и сталъ неторопливо поворачивать.

— Скорѣй, пожалуйста! — воскликнула она.

Въ части, въ первой же комнатѣ, Марья Николаевна увидала знакомаго ей полицейскаго солдата, приходившаго къ нимъ поутру. На этотъ разъ онъ былъ уже не въ своей военной бронѣ, а просто сидѣлъ въ рубахѣ и ѣлъ щи, которыя распространяли около себя вкуснѣйшій запахъ.

— Гдѣ Имшинъ, баринъ, за которымъ ты приходилъ? — спросила она его.

— Въ казематъ, ваше благородіе, посаженъ.

— За что?

— Не знаю, ваше благородіе. Онъ тоже говорилъ: «поѣсть, говоритъ, мнѣ надо... ступай въ трактиръ, принеси!». Я говорю: «Ваше благородіе, мнѣ тоже далеко итти нельзя. Вонъ вахмистръ, говорю, у насъ щи тоже варитъ и студень теперь продаетъ... Развѣ тутъ, говорю, взять... У насъ тоже содержался баринъ, все его пищу ѣлъ». — «Ну, говоритъ, давай мнѣ студеня одного».

— Пусти меня, проводи къ нему!

— Нельзя, ваше благородіе.

— Я тебѣ десять рублей дамъ!

— Помилуйте! Теперь квартальный господинъ скоро придетъ, невозможно-съ!

— Ну хоть записочку передай!

— Записочку давайте, ваше благородіе. Онъ тоже просилъ-было, чтобы водки... «Ваше благородіе, хлещутъ, говорю, за это! Вотъ, Богъ дастъ, пообживетесь... господинъ квартальный и самъ, можетъ, то позволитъ».

Выслушавъ солдата, Марья Николаевна и сама, кажется, не знала, что̀ ей дѣлать; въ головѣ ея все перемѣшалось... Имшина отняли у нея... посадили въ казаматъ... на студень... Что̀ же это такое? Она сѣла въ сани и велѣла везти себя къ мужу.

Предсѣдатель только-что всталъ изъ-за стола и проходилъ въ свой кабинетъ. Горничная едва успѣла вбѣжать къ нему и сказать:

— Барыня наша пріѣхала-съ!

Предсѣдатель проворно сѣлъ въ свои вольтеровскія кресла и принялъ нѣсколько судейскую позу. Марья Николаевна вошла къ мужу совершенно смѣло.

— Имшинъ посаженъ въ часть, — начала она: — это ваши штучки, и если вы хоть сколько-нибудь благородный человѣкъ, вы должны сказать, за что?

Предсѣдатель улыбнулся.

— Я вашего Имшина ни собственнаго желанія и никакого права по закону не имѣлъ сажать, — проговорилъ онъ.

— Кто жъ его посадилъ?

— Это ужъ вы постарайтесь сами узнать: я этимъ предметомъ нисколько не интересуюсь.

— Его могъ посадить одинъ только губернаторъ. Я поѣду къ губернатору.

Предсѣдатель молчалъ, какъ молчатъ обыкновенно люди, когда желаютъ показать, что рѣшительно не принимаютъ никакого участія въ томъ, что̀ имъ говорятъ.

— О, какіе вы всѣ гадкіе! —воскликнула бѣдная женщина, всплеснувъ своими хорошенькими ручками, и, закрывъ ими лицо свое, пошла.

— Вашъ гардеробъ, вы сами за нимъ пришлете, или мнѣ прикажете прислать его вамъ? — сказалъ ей вслѣдъ мужъ.

Марья Николаевна ничего ему на это не отвѣтила.

Предсѣдатель остался совершенно доволенъ собой. Онъ самъ очень хорошо понималъ, и съ этимъ, вѣроятно, согласится и читатель, что во всей этой сценѣ велъ себя какъ самый образованный человѣкъ; онъ ни на одну ноту не возвысилъ голоса, а между тѣмъ — каждое слово его дышало ядомъ.

Марья Николаевна между тѣмъ сѣла въ сани и велѣла себя везти къ губернатору. Кучеръ было-обернулся къ ней:

— Лошадь, сударыня, очень устала! Баринъ послѣ гнѣваться будетъ.

— Вези! — вскрикнула она, и въ ея нѣжномъ голосѣ послышалось столько повелительности, что даже съ полулошадиной натурой кучеръ немножко струсилъ и поѣхалъ.

Губернаторъ еще не кушалъ, когда она къ нему пріѣхала. Дежурный чиновникъ, увидѣвъ предсѣдательшу, бросился со всѣхъ ногъ докладывать объ ней губернатору. Тотъ, въ свою очередь, тоже бросился къ зеркалу причесываться: старый повѣса въ этомъ посѣщеніи ожидалъ кой-чего романическаго для себя.

— Pardon, madame... позвольте вамъ предложить кресла.

Марья Николаевна сѣла.

— Говорятъ, вы посадили Имшина,—вы знаете мои отношенія къ этому человѣку; скажите, за что онъ посаженъ?

— Не могу, madame!

— Почему жъ не можете?

Губернаторъ былъ въ странномъ положеніи—сказать дамѣ о такой вещи, которая, по его понятію, должна была убить ее; онъ рѣшился лучше успокоить ее:

— Сказать вамъ этого я не могу, тѣмъ болѣе, что все это, можетъ-быть, пустяки, которые пустяками и кончатся, а между тѣмъ намъ всѣмъ очень дорого ваше спокойствіе; мы вполнѣ симпатизируемъ вашему положенію, какъ женщины и какъ прелестнѣйшей дамы.

— Не знаю, что̀ вы со мной всѣ дѣлаете? Ахъ, несчастная, несчастная я! — воскликнула предсѣдательша и пошла, шатаясь, изъ кабинета.

Губернаторъ послѣдовалъ за ней до самыхъ саней съ какимъ-то священнымъ благоговѣніемъ.

Дома она написала записку къ Имшину:

«Я вездѣ была и ни у кого ничего не узнала; напиши хоть ты, за что ты страдаешь, мучатъ тебя... Твоя».

На это она получила отвѣтъ:

«Все вздоръ, моя милая Машенька, продѣлки однихъ мерзавцевъ; посылаю тебѣ сто рублей на расходъ. Прикажи, чтобы хорошенько смотрѣли за лошадьми... Твой».

Никакое страстное письмо не могло бы такъ утѣшить бѣдную голубку, какъ эта холодная записка.

«Онъ спокоенъ; значитъ, въ самомъ дѣлѣ все вздоръ»,— подумала она, покушала потомъ немножко и заснула.

Къ подъѣзду между тѣмъ подъѣхала ея компаньонка Эмилія, съ огромнымъ возомъ гардероба Марьи Николаевны. Съ свойственнымъ ея чухонскому темпераменту равнодушіемъ, она принялась вещи выносить и разставлять ихъ. Шумъ этотъ разбудилъ Марью Николаевну.

— Кто тамъ?—окликнула она.

Эмилія вошла къ ней.

— Платья ваши Петръ Александрычъ прислалъ и мнѣ не приказалъ больше жить у нихъ.

— Ну, и прекрасно; оставайся здѣсь у меня.

Эмилія въ церемонной позѣ усѣлась на одномъ изъ стульевъ.

— Ты слышала, Александра Иваныча въ часть посадили?

— Да-съ!

— Скажи, что̀ про это мужъ говоритъ, или кто-нибудь у него говорилъ; ты, вѣроятно, слышала.

— Дѣвочку, что ли, онъ убилъ какъ-то!

— Какую дѣвочку, за что?

— Мѣщанка тамъ одна, нищенки дочь.

Марья Николаевна поблѣднѣла.

— Да за что же, и какимъ образомъ?

— Игралъ съ ней и убилъ.

— Что̀ такое, игралъ съ ней?.. Ты дура какая-то... врешь что-то такое...

Эмилія обидѣлась.

— Ничего я не вру-съ... всѣ говорятъ.

— Какъ не вру!.. Убилъ дѣвочку—за что?

Эмилія нѣкоторое время колебалась.

— На любовь его, говорятъ, не склонилась, — проговорила она какъ бы больше въ шутку и отворотила лицо свое въ сторону.

Марья Николаевна взялась за голову и сдѣлалась совсѣмъ какъ мертвая.

— Въ этотъ самый вечеръ это и случилось, какъ мы были у него съ катанья,—продолжала Эмилія:—мужики на другой день ѣхали въ городъ съ дровами и нашли дѣвочку на подгородномъ полѣ зарытою въ снѣгъ и привезли въ часть, а матка дѣвочки и приходитъ искать ее. Она два дня ужъ отъ нея пропала, и видитъ, что она застрѣлена.

— Почему же дѣвочку эту застрѣлилъ Александръ Иванычъ?..—спросила Марья Николаевна.

— Солдаты полицейскіе тутъ тоже разсказали: она, говорятъ, каталась на Имшиныхъ лошадяхъ со старухой, и прямо къ нему онѣ и проѣхали съ катанья.

Молоденькое лицо Марьи Николаевны какъ бы въ одну минуту возмужало лѣтъ на пять; по лбу прошли двѣ складки; милая улыбка превратилась въ серьезную мину. Она встала и начала ходить по комнатѣ.

— Мужчина можетъ это сдѣлать совершенно не любя, и любя другую женщину!—проговорила она насмѣшливымъ голосомъ и останавливаясь передъ Эмиліею.

— Онъ, говорятъ, совершенно пьяный былъ,—подтвердила та.—Человѣка его также захватили, тотъ показываетъ: три бутылки одного рому онъ въ тотъ вечеръ выпилъ.

— Какимъ же образомъ онъ ее убилъ?

Личико Марьи Николаевны при этомъ сдѣлалось еще серьезнѣе.

— Сегодня полицеймейстеръ разсказывалъ Петру Александрычу, что Александръ Иванычъ говоритъ, что она сама шалила пистолетомъ и выстрѣлила въ себя; а человѣкъ этотъ опять показываетъ, — ихъ врознь держатъ, не сводятъ, — что онъ ее сталъ пугать пистолетомъ, а когда она вырвалась и побѣжала отъ него, онъ и выстрѣлилъ ей вслѣдъ.

Дальнѣйшія ощущенія моей героини я предоставляю читательницамъ самимъ судить.

У входа въ домовую церковь тюремнаго замка стояли священникъ въ теплой шапкѣ и муфтѣ и дьячокъ въ калмыцкомъ тулупѣ. Они дожидались, пока дежурный солдатъ отпи-

ралъ дверь. Войдя въ церковь, дьячокъ шаркнулъ спичкой и сталъ зажигать свѣчи. Вслѣдъ же за ними вошла дама вся въ черномъ. Это была наша предсѣдательша. Священникъ, какъ кажется, хорошо ее зналъ. Она подошла къ нему подъ благословеніе.

— Холодно?—сказалъ онъ.

— Ужасно! Я вся дрожу,—отвѣчала она.

— Не на лошади?

— Нѣтъ, пѣшкомъ... У меня нѣтъ лошади.

— А Александра Иваныча кони гдѣ? Всѣ, видно, проданы и въ одну яму пошли.

— Всѣ въ одну! — отвѣчала Марья Николаевна грустно-насмѣшливымъ голосомъ:—но досаднѣе всего обманъ: каждый почти изъ нихъ образъ передо мной снималъ и клялся: «не знаемъ, говорятъ, что̀ будетъ выше, а что въ палатѣ мы его оправдаемъ».

— Ну, да̀ губернатора тоже поиспугались.

— Да что̀ же губернатору-то?

— А губернаторъ супруга вашего побоялся: еще больше, говорятъ, за послѣднее время ему въ лапки попалъ.

— Ну да, вотъ это такъ... Но это вздоръ — это я разоблачу...—проговорила Марья Николаевна, и глаза ея разгорѣлись.

— На каторгу приговорили?

— На каторгу, на десять лѣтъ, и смотрите, сколько тутъ несправедливости: человѣкъ обвиняется или при собственномъ сознаніи, или при показаніи двухъ свидѣтелей; Александръ Иванычъ самъ не сознаётся; говоритъ, что она шалила и застрѣлила себя,—а свидѣтели какіе же? Лакей и Ѳедоровна! Они сами прикосновенны къ дѣлу. А если мать ея доноситъ, такъ она ничего не видала, и говоритъ все это она, разумѣется, какъ женщина огорченная...

— Въ поле онъ мертвую-то свезъ... Зачѣмъ? для чего?

— Прекрасно-съ!.. Но вѣдь онъ человѣкъ: могъ перепугаться; подозрѣніе прямо могло пасть на него, тѣмъ болѣе, что отъ другой матери было ужъ на него прошеніе въ этомъ родѣ, и онъ тамъ помирился только какъ-то съ нею — значитъ, просто растерялся, и наконецъ пьянъ былъ совершенно... Они вывезли въ поле трупъ и не спрятали его хорошенько, а бросили около дороги — ну, за это и суди его какъ за нечаянный проступокъ, за неосторожность; но за это не каторга же!.. Судить надобно по законамъ, а не такъ, какъ намъ хочется.

Любовь сдѣлала бѣдную женщину даже юристкою.

— Это все я раскрою,—продолжала она, все болѣе и болѣе съ возрастающимъ жаромъ:—у меня дядя членъ государственнаго совѣта; я поѣду по всѣмъ сенаторамъ, прямо имъ скажу, что я жена такого-то г. предсѣдателя, полюбила этого человѣка, убѣжала къ нему, вотъ они и мстятъ ему—весь этотъ чиновничій соборъ ихній!

— Дай Богъ, дай Богъ!..—произнесъ священникъ со вздохомъ:—васъ-то очень жаль...

— О себѣ, отецъ Василій, я ужъ думать забыла; я тутъ все положила: и молодость и здоровье... У меня вонъ ребенокъ есть; и къ тому, кажется, ничего не чувствую, по милости этого дѣла...

Священникъ грустно и про себя улыбнулся, а потомъ, поклонившись Имшихѣ (такъ звали Марью Николаевну въ острогѣ), ушелъ въ алтарь.

Она отошла и стала на женскую половину. Богомольцевъ почти никого не было; двѣ-три старушонки, какой-то оборванный чиновникъ, двое парней изъ сосѣдней артели.

Дежурный солдатъ сталъ отпирать и съ шумомъ отодвигать ставни, закрывающія рѣшетку, которая отдѣляла церковь отъ тюремныхъ каморъ. Вскорѣ послѣ того по дальнимъ коридорамъ раздались шаги. Это шли арестанты къ рѣшеткѣ. Къ лѣвой сторонѣ подошли женщины, а къ правой мужчины. Молодцоватая фигура Имшина, въ красной рубашкѣ и бархатной поддевкѣ, вырисовалась первая. Марья Николаевна, какъ уставила на него глаза, такъ ужъ больше и не спускала ихъ во всю службу. Онъ также безпрестанно взглядывалъ къ ней и улыбался: въ острогѣ онъ даже потолстѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, красивое лицо его какъ-то отекло.

Когда заутреня кончилась, Имшинъ первый повернулся и пошелъ. За нимъ послѣдовали и другіе арестанты. Марья Николаевна долго еще глядѣла имъ вслѣдъ и прислушивалась къ шуму ихъ шаговъ. Выйдя изъ церкви, она не пошла къ выходу, а повернула въ одинъ изъ коридоровъ. Здѣсь она встрѣтила мужчину съ толстымъ брюхомъ, съ краснымъ носомъ и въ вицмундирѣ съ краснымъ воротникомъ—это былъ смотритель зàмка. Марья Николаевна раскланялась съ нимъ самымъ раболѣпнымъ образомъ.

— Я прошу васъ сказать Александру Иванычу, — начала она заискивающимъ голосомъ: — что я сегодня выѣзжаю въ Петербургъ; мнѣ пишутъ оттуда, что черезъ мѣсяцъ будетъ докладъ по его дѣлу въ сенатѣ; ну, я недѣли двѣ тоже проѣду, а недѣли двѣ надобно обходить всѣхъ, разсказать всѣмъ все...

Смотритель на все это только кивалъ съ важностью головой

— Тутъ вотъ я ему въ узелочкѣ икры принесла и груздей соленыхъ—онъ любитъ соленое, — продолжала она прежнимъ раболѣпнымъ тономъ, подавая смотрителю узелокъ.

— Пьянствуетъ онъ только, сударыня, очень и буянитъ,— проговорилъ тотъ, принимая узелокъ.—Этта на прошлой недѣлѣ вышелъ въ общую арестантскую, такъ двухъ арестантовъ избилъ; я ужъ хотѣлъ-было доносить, ей-Богу!

— Вы ему, главное дѣло, водки много не давайте, — совсѣмъ нельзя ему не пить—онъ привыкъ, а скажите, что много нельзя; я не приказала: вредно ему это.

— Нѣтъ-съ, какое вредно—здоровъ очень!—возразилъ простодушно смотритель, такъ что Марья Николаевна немножко даже покраснѣла.

— Такъ, пожалуйста, не давайте ему много пить,—прибавила она еще разъ и пошла.

На углу, на первомъ же поворотѣ, на нее подулъ такой вѣтеръ, что она едва устояла; хорошенькіе глазки ея отъ холода наполнились слезами, красивая ножка нетвердо ступала по замерзшему тротуару; но она все-таки шла, и ужъ, конечно, не физическія силы ей помогали въ этомъ случаѣ, а нравственныя.

19-го мая 184... было довольно памятно для города П. Въ этотъ день красавца Имшина лишали правъ состоянія. Сама губернаторша и нѣсколько дамъ выпросили въ домѣ у головы позволеніе занять балконъ, мимо котораго должна была пройти процессія. Въ окнахъ всѣхъ прочихъ домовъ вездѣ видны были головы женщинъ, дѣтей и мужчинъ; на тротуарахъ валила цѣлая масса народу, а съ нижней части города, изъ-подъ горы, бѣжала еще цѣлая толпа зѣвакъ.

На квартирѣ прокурора, тоже находящейся на этой улицѣ, сидѣли самъ онъ — мужчина, какъ слѣдуетъ жрецу Ѳемиды, очень худощавый, и какой-то очень ужь толстый помѣщикъ.

— Она при мнѣ была у министра,—говорилъ тотъ:—такъ отчеканиваетъ все дѣло...

Прокуроръ усмѣхнулся.

— У сенаторовъ, говорятъ, по нѣскольку часовъ у подъѣзда дожидалась, чтобы только попросить.

— Любовь!—произнесъ прокуроръ, еще болѣе усмѣхаясь.

— Но какъ хотите,—продолжалъ помѣщикъ:—просить женщинѣ за отца, брата, мужа, но за любовника...

— Да... — произнесъ протяжно и многозначительно прокуроръ.

— Тѣмъ болѣе, говорятъ, я не знаю этого хорошенько, но что онъ не застрѣлилъ дѣвочку, а пристрѣлилъ ее потомъ.

— Да, въ дѣлѣ было этакое показаніе...—началъ-было прокуроръ, но въ это время раздался барабанный стукъ.—Ѣдутъ,—сказалъ онъ съ какимъ-то удовольствіемъ.

Изъ воротъ тюремнаго зáмка дѣйствительно показалась черная колесница. Имшинъ сидѣлъ на лавочкѣ въ той же красной рубахѣ, плисовой поддевкѣ и плисовыхъ штанахъ. Лицо его, вслѣдствіе, вѣроятно, все-таки перенесенныхъ душевныхъ страданій, отъ окончательно рѣшенной участи, опять значительно похудѣло и какъ бы осмыслилось и одухотворилось; на груди его рисовалась черная дощечка съ бѣлою надписью: «убійца».

Изъ одного очень высокаго дома, изъ окна упалъ къ нему вѣнокъ. Это была дама, которую онъ первую любилъ въ П. Съ ней послѣ того сейчасъ же сдѣлалось дурно, и ее положили на диванъ. На краю колесницы, спустивши ноги, сидѣлъ палачъ, тоже въ красной рубахѣ, синей суконной поддевкѣ и больше съ глупымъ, чѣмъ съ звѣрскимъ лицомъ.

Въ толпѣ народа, вмѣстѣ съ прочими, безпокойной походкой шла и Марья Николаевна; тѣло ея стало совершенно воздушное, и только одни глаза горѣли и не утратили, кажется, нисколько своей силы. Ей встрѣтился одинъ ея знакомый.

— Марья Николаевна, вы-то зачѣмъ здѣсь?.. Какъ вамъ не грѣхъ? Вы только растревожитесь.

— Нѣтъ, ничего! Съ нимъ, можетъ-быть, дурно тамъ сдѣлается!

— Да тамъ есть и врачи и все... И отъ чего жъ дурно съ нимъ будетъ?

Дурно съ преступникомъ въ самомъ дѣлѣ не было. Приговоръ онъ выслушалъ съ опущенными въ землю глазами, и только когда палачъ переломилъ надъ его головой шпагу и сталъ потомъ не совсѣмъ деликатно срывать съ него платье и надѣвать арестантскій кафтанъ, онъ только поморщивался и дѣлалъ насмѣшливую гримасу, а затѣмъ, не обращая уже больше никакого вниманія, преспокойно усѣлся снова на лавочку. На обратномъ пути, отъ колесницы все больше и больше стало отставать зрителей, и когда она стала приближаться къ тюремному зáмку, то на тротуарѣ оставалась одна только Марья Николаевна.

— Я ужъ лошадь наняла, и какъ тамъ тебя завтра или послѣзавтра вышлютъ, я и буду ѣхать за тобой!—проговорила она скороговоркой, подбѣгая къ колесницѣ, когда та въѣзжала въ ворота.

— Хорошо!—отвѣчалъ ей довольно равнодушнымъ голосомъ Имшинъ.

Оставшись одна, Марья Николаевна стыдливо обдернула

свое платье, изъ-подъ котораго выставлялся совершенно худой ея башмакъ; ей некогда было, да, пожалуй, и не на что купить новыхъ башмаковъ.

Въ теплый іюльскій вечеръ, по большой дорогѣ, между березокъ, шла партія арестантовъ. Впереди, какъ водится, шли два солдата съ ружьями, за ними два арестанта, скованные другъ съ другомъ руками, женщина, должно-быть, ссыльная, только съ котомкой черезъ плечо, и Имшинъ. По самой же дорогѣ ѣхала небольшая кибиточка, и въ ней сидѣла Марья Николаевна съ своимъ груднымъ ребенкомъ. Дорога шла въ гору. Марья Николаевна съ чувствомъ взглянула на Имшина, потомъ бережно положила съ рукъ спящаго ребенка на подушку и соскочила съ телѣги.

— Ты посмотри, чтобы онъ не упалъ, — сказала она ѣхавшему съ ней кучеромъ мужику.

— Посмотрю, не вывалится, — отвѣчалъ тотъ грубо.

Марья Николаевна подошла къ арестантамъ.

— Ты позволь Александру Иванычу поѣхать: онъ усталъ, — сказала она старшему солдату.

— А если кто изъ баръ наѣдетъ да донесутъ, засудятъ!.. — отвѣчалъ тотъ.

— Если баринъ встрѣтится, тотъ никогда не донесетъ — всякій пойметъ, что дворянину итти трудно.

— И они вонъ тоже вѣдь часто ябедничаютъ! — прибавилъ солдатъ, мотнувъ головой на другихъ арестантовъ.

— И они не скажутъ. Вѣдь вы не скажете? — сказала Марья Николаевна, обращаясь ласковымъ голосомъ къ арестантамъ.

— Что̀ намъ говорить, пускай ѣдетъ! — отвѣчали мужчины въ одинъ голосъ, а ссыльная баба только улыбнулась при этомъ.

Имшинъ ловко перескочилъ небольшую канавку, отдѣляющую березки отъ дороги, подошелъ къ повозкѣ и сѣлъ въ нее; цѣпи его при этомъ сильно зазвенѣли.

Марья Николаевна проворно и несовсѣмъ осторожно взяла ребенка себѣ на руки, чтобы освободить подушку Имшину; онъ тотчасъ же улегся на нее, отвернулся головой къ стѣнѣ кибитки и заснулъ. Малютка между тѣмъ расплакался. Марья Николаевна принялась его укачивать и стращать, чтобы онъ замолчалъ и не разбудилъ отца.

Когда совсѣмъ начало темнѣть, Имшинъ проснулся и зѣвнулъ.

— Маша, милая, спроси у солдата, есть ли на этапѣ водка?

— Сейчасъ; нà, подержи ребенка, — прибавила она и, подавъ Имшину дитя, подошла къ солдату.

— На этапѣ мы найдемъ Александру Иванычу водки? — спросила она.

— Нѣтъ, барыня, не найдемъ; коли такъ, такъ здѣсь надо взять; вонъ кабакъ-то, — сказалъ солдатъ.

Партія въ это время проходила довольно большимъ селомъ.

— Ну, такъ нà вотъ, сходи!

— Намъ, барыня, нельзя; сама сходи!

— Ну, я сама схожу, — сказала Марья Николаевна весело и въ самомъ дѣлѣ вошла въ кабакъ. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла. Цѣловальникъ несъ за ней полштофа.

— Чтò за глупости — такъ мало... каждый разъ останавливаться и брать... дай полведра! — крикнулъ Имшинъ цѣловальнику.

Марья Николаевна немножко измѣнилась въ лицѣ.

Цѣловальникъ вынесъ полведра, и вмѣстѣ съ Имшинымъ они бережно уставили его въ передокъ повозки.

— Зачѣмъ ты сама ходила въ кабакъ? развѣ не могла послать этого скота? — сказалъ довольно грубо Имшинъ Марьѣ Николаевнѣ, показывая головой на кучера.

— А я и забыла объ немъ совершенно, не сообразила!.. — отвѣчала она кротко.

Печаль слишкомъ видна была на ея лицѣ.

Этапъ находился въ сараѣ, нанятомъ у одного богатаго мужика.

— Въ этапѣ вамъ, барыня, нельзя ночевать; мы запираемся тоже... — сказалъ Марьѣ Николаевнѣ солдатъ, когда они подошли къ этапному дому. — Тутъ, у мужичка, изба почесть подлѣ самаго сарая: попроситесь у него.

Марья Николаевна попросилась у мужика, тотъ ее пустилъ.

— Тамъ баринъ одинъ идетъ, дворянинъ, такъ чтò бы поѣсть ему! — сказала она хозяину.

— Отнесутъ; солдаты ужъ знаютъ, говорили моей хозяйкѣ.

Марья Николаевна, сама уставшая до-нельзя, уложила ребенка на подушку, легла около него и начала дремать, какъ вдругъ ей послышалось, что въ сараѣ все болѣе и болѣе усиливается говоръ, наконецъ раздается пѣніе, потомъ опять говоръ, какъ бы въ родѣ брани; черезъ нѣсколько времени двери избы растворились, и вошелъ одинъ изъ солдатъ.

— Барыня, сдѣлайте милость, уймите вашего барина!

— Чтò такое? — спросила Марья Николаевна, съ безпокойствомъ вставая.

— Помилуйте, съ Танькой все балуетъ... Она, проклятая, понесетъ теперь и покажетъ, что на здѣшнемъ этапѣ, — что̀ тогда будетъ?

Марья Николаевна, кажется, не разслышала или не поняла послѣднихъ словъ солдата и пошла за нимъ. Тамъ ей представилась странная сцена: сарай былъ освѣщенъ весьма слабо ночникомъ; на соломѣ, облокотившись на деревянный обрубокъ, полулежалъ Имшинъ, совсѣмъ пьяный, а около него лежала, обнявши его, арестантка-баба.

Марья Николаевна прямо подошла къ ней.

— Какъ ты смѣешь, мерзавка, быть тутъ? Солдаты, оттащите ее! — прибавила она повелительнымъ голосомъ.

Солдаты повиновались ей и оттащили бабу въ сторону.

— А ты такая же, какъ и я — да! — бормотала та.

— И вы извольте спать сію же минуту, — прибавила она тѣмъ же повелительнымъ голосомъ Имшину; лицо ея горѣло при этомъ, ноздри раздувались, большая артерія на шейкѣ замѣтно билась. — Сію же секунду! — прибавила она и начала своею слабою ручкою теребить его за плечо, какъ бы затѣмъ, чтобы сдѣлать ему больно.

— Поди, отвяжись! навязалась! — проговорилъ онъ пьянымъ голосомъ.

— Я вамъ навязалась, я? — говорила Марья Николаевна — терпѣнія ея ужъ больше не хватало. — Низкій вы, подлый человѣкъ послѣ этого!

— Я бью по рожѣ, кто мнѣ такъ говоритъ, — воскликнулъ Имшинъ и толкнулъ бѣдную женщину въ грудь.

Марья Николаевна хоть бы бровью въ эту минуту пошевелила.

— Ничего; теперь все ужъ кончено. Я васъ больше не люблю, а презираю, — проговорила она, вышла изъ этапа и въ своей повозочкѣ уѣхала обратно въ городъ.

Исторія моя кончена. Имшина, какъ разсказывали впослѣдствіи, тамъ ужъ въ Сибири сами товарищи-арестанты, за его буйный характеръ, бросили живымъ въ саловаренный котелъ. Марья же Николаевна... Но я былъ бы сочинителемъ самыхъ лживыхъ повѣстей, если бъ сказалъ, что она умерла отъ своей несчастной любви; напротивъ, натура ея была гораздо лучшаго закалу: она даже полюбила впослѣдствіи другого человѣка, гораздо болѣе достойнаго, и полюбила съ тѣмъ же пыломъ страсти.

— Господи, что̀ мнѣ нравилось въ этомъ Имшинѣ — рѣшительно не знаю!.. — часто восклицала она.

— Стало-быть, и героиня ваша лгунья? — замѣтятъ мнѣ, можетъ-быть, читательницы.

Когда она любила, она не лгала, и ей честь дѣлаетъ, что не скрывала потомъ и того презрѣнія, которое питала къ тому же человѣку. За будущее никто не можетъ поручиться: смѣемъ васъ завѣрить, что самъ пламенный Ромео покраснѣлъ бы до конца ушей своихъ, или взбѣсился бы до нельзя, если бъ ему напомнили, буква въ букву, тѣ слова, которыя онъ расточалъ своей божественной Юліи, стоя передъ ея балкономъ, особенно если бы жестокіе родители не разлучили ихъ, а женили!

1865.

Оглавленіе

IV ТОМА.

стр.

Старческій грѣхъ. Совершенно романическое приключеніе. 3
Батька. Разсказъ. 88
Взбаламученное море. Романъ въ шести частяхъ 116
Русскіе лгуны. Очерки 550
I. Конкурентъ. . . . . —
II. Богатые лгуны и бѣдный 555
III. Кавалеръ ордена пуръ-ле-меритъ. 559
IV. Фантазерка. 563
V. Блестящій лгунъ 569
VI. Сентименталы 577
VII. Исторія о пѣтухѣ 587
VIII. Красавецъ. 589